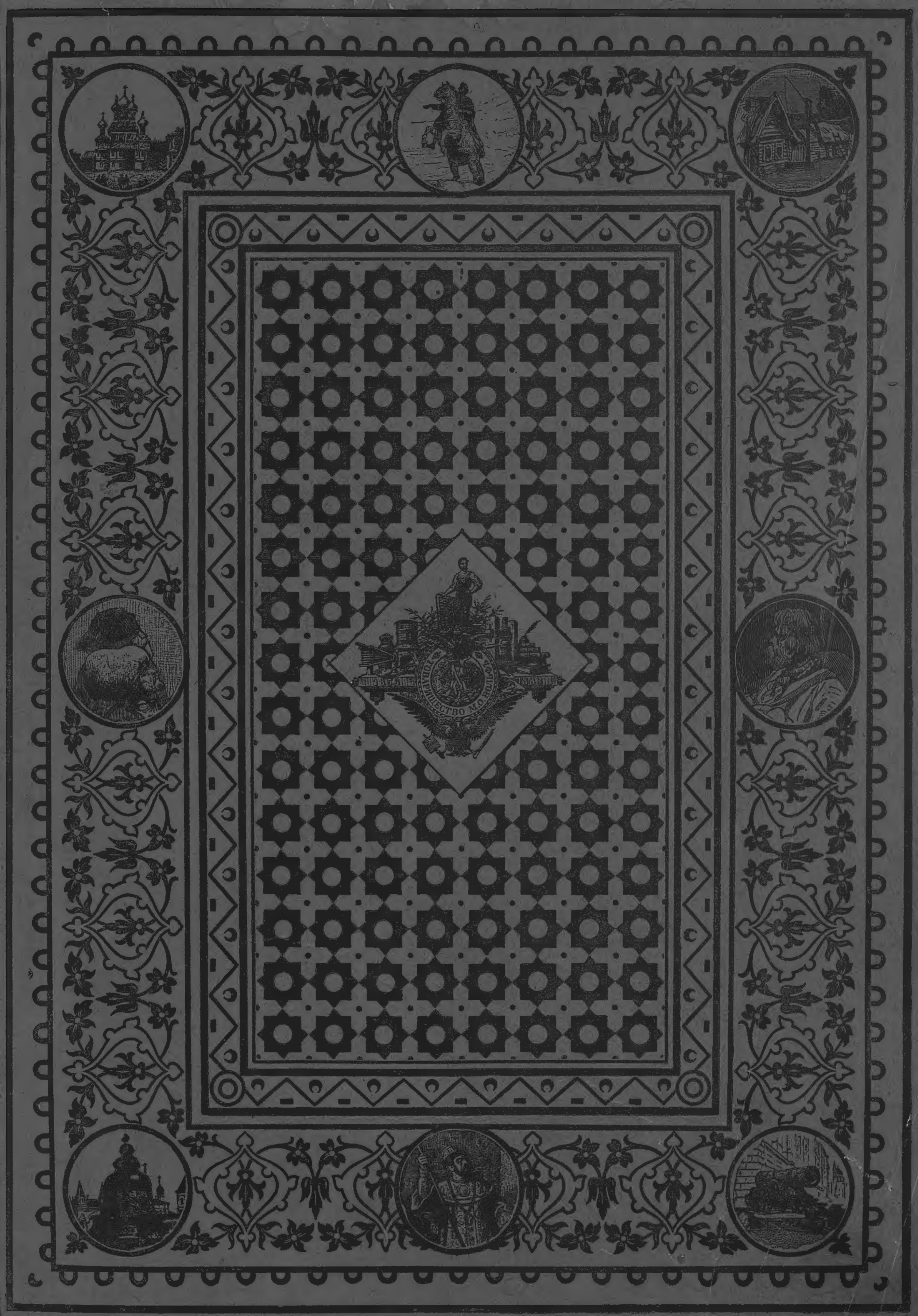

Живописная Россія

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

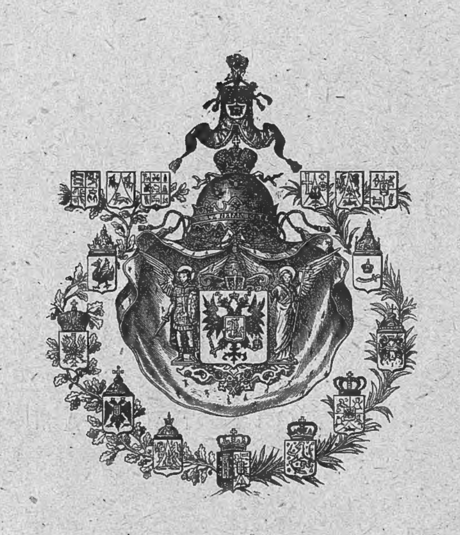

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

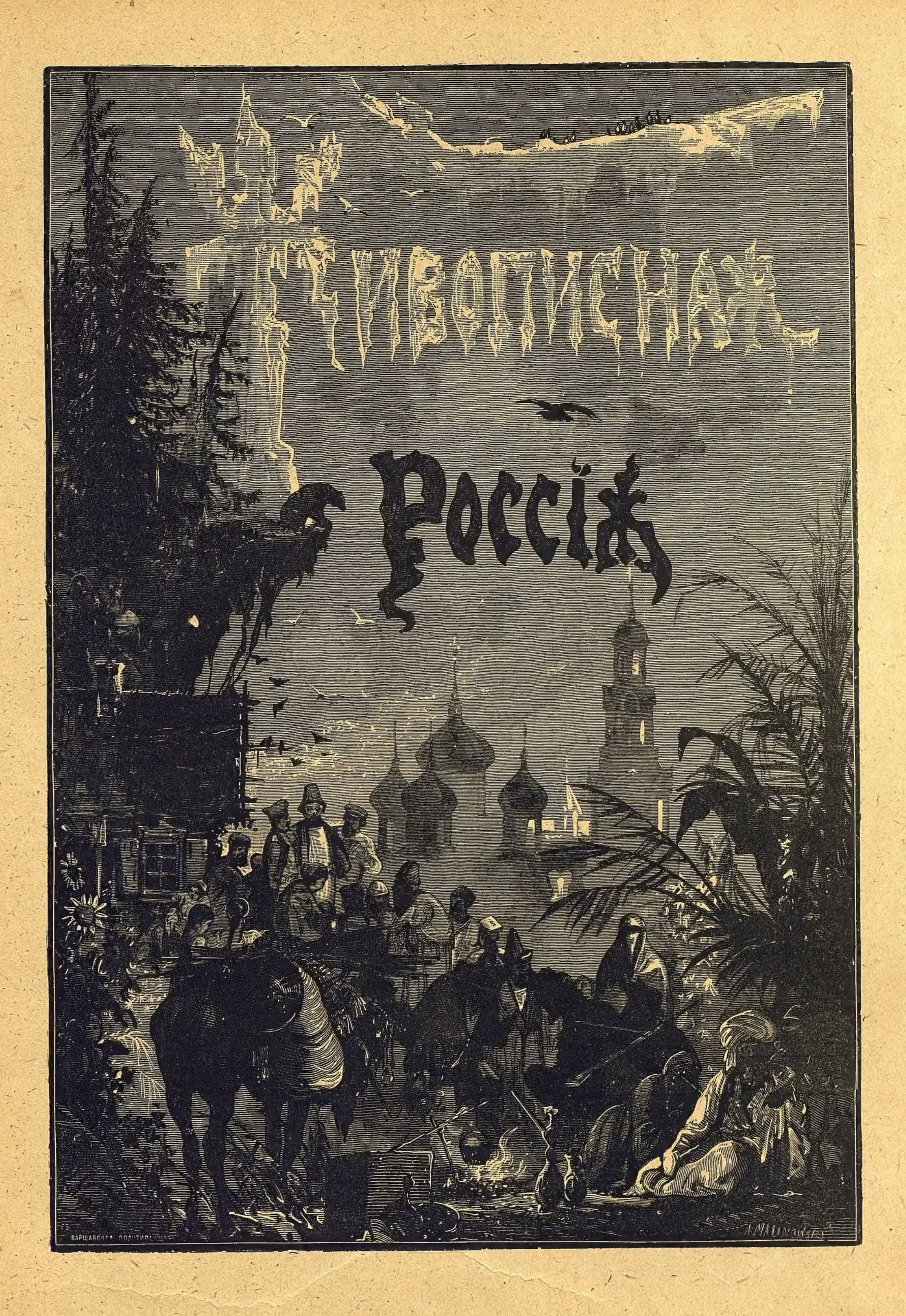

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ VIII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Живописная
Россія

ЖИВОПИСНАЯ
РОССІЯ

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬСКІЙ КРАЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

съ 161 рисункомъ

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дв., 18. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12.
1901

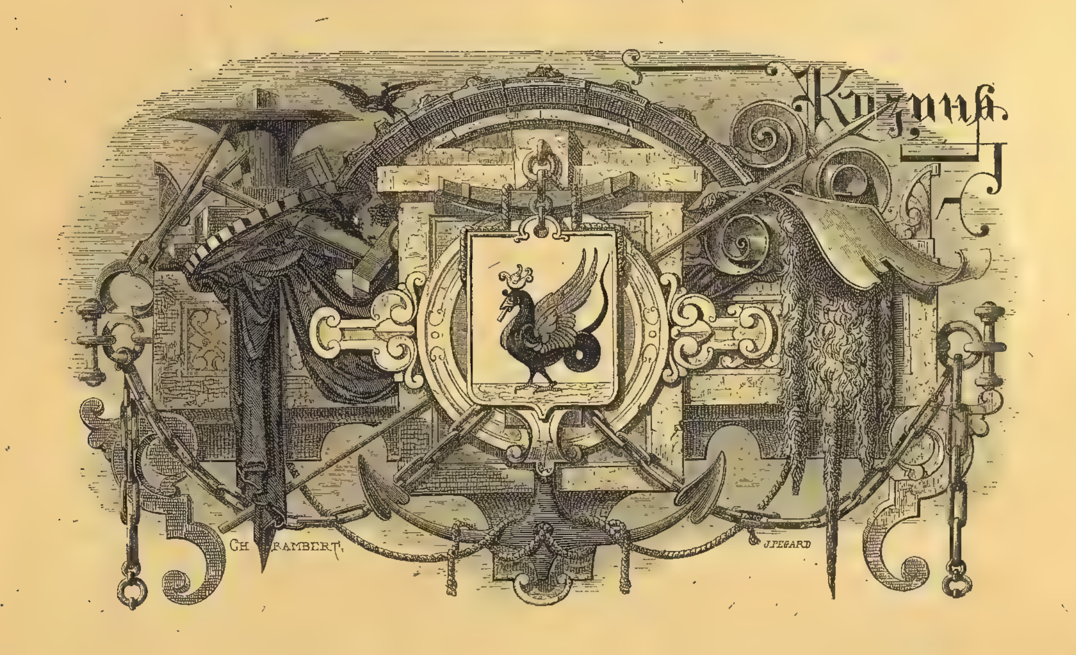

Дозволено цензурою. Спб., 1-го октября 1900 года.

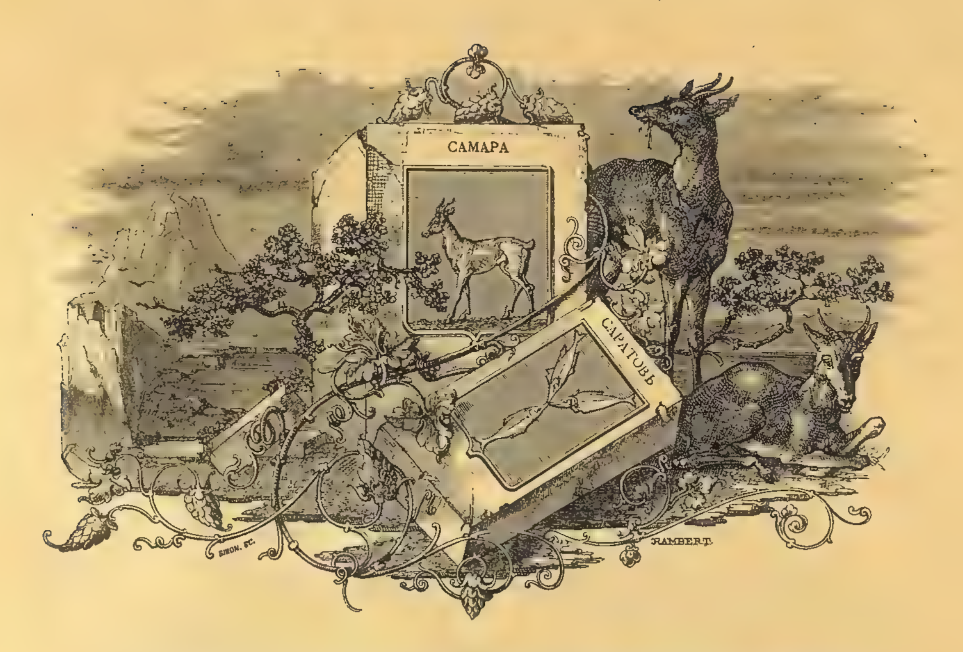
Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 лин., д. № 5—7.

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

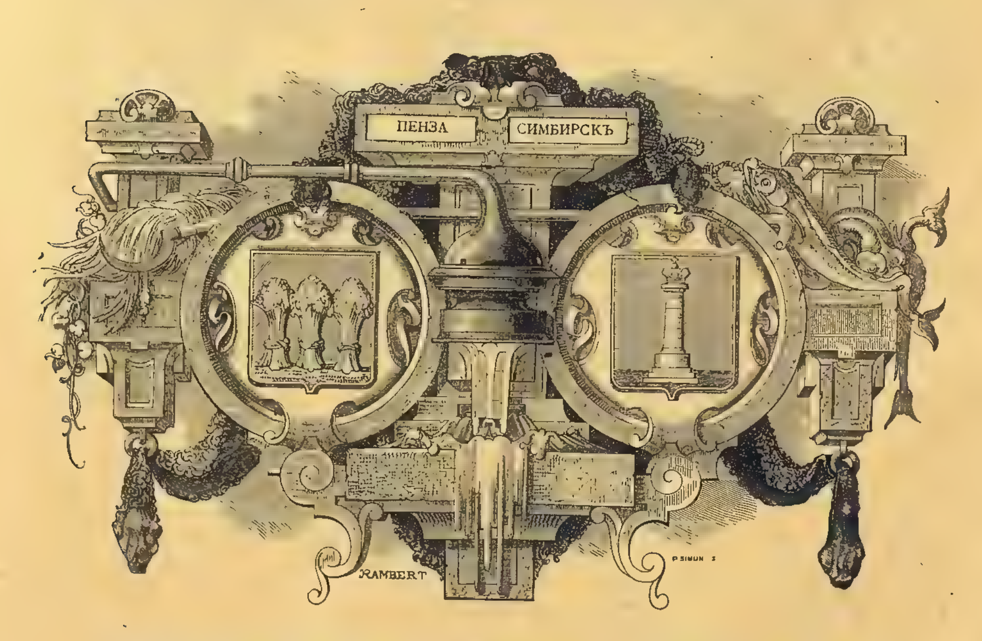
Казанская, Самарская, Саратовская, Пензенская и Симбирская губерніи.

ГЕРБЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ГЕРБЫ САМАРСКОИ И САРАТОВСКОИ ГУБЕРНІИ.

ГЕРБЫ ПЕНЗЕНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

ОЧЕРКЪ I.

ОБЩІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ОБЛАСТИ.

Теченіе Волги отъ границъ Казанской губерніи до Царицына. — Ея русло и берега. — Судоходное движеніе по нижней Волгѣ между Нижнимъ и Царицынымъ. — Низовье Камы.

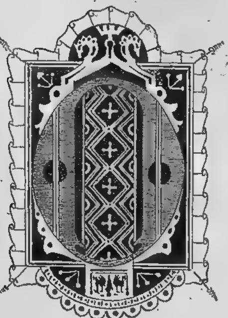
. . . .
. . . .
Иныхъ временъ, иныхъ картинъ
Провижу я начало

Въ случайной жизни береговъ
Моей рѣки любимой:
Освобожденный отъ оковъ,
Народъ неутомимый

Созрѣетъ, густо заселитъ
Прибрежныя пустыни;
Наука воды углубитъ:
По гладкой ихъ равнинѣ

Суда-гиганты побѣгутъ,
Несчетною толпою,
И будетъ вѣченъ добрый трудъ
Надъ вѣчною рѣкою....

НЕКРАСОВЪ. (Горе стараго Наума).

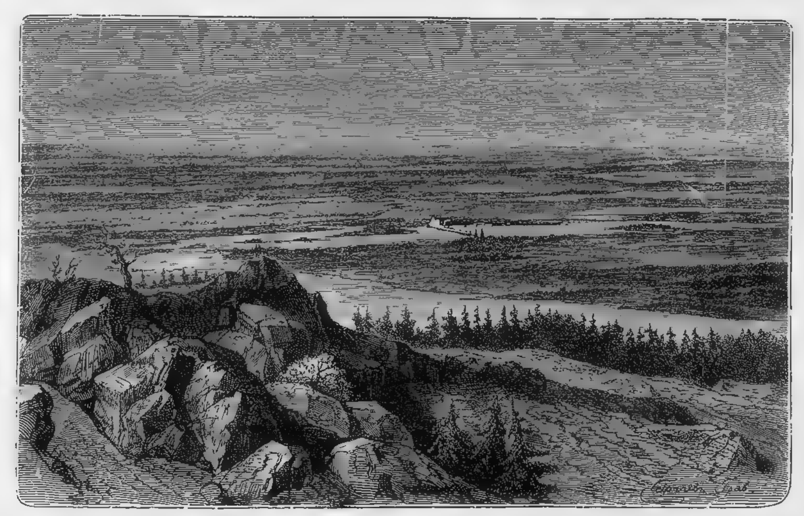

ТЪ устья Оки до Царицына Волга вмѣстѣ со своими притоками занимаетъ громадную площадь, простирающуюся на сѣверъ до 56-го, а на югъ до 48-го градуса сѣверной широты, и на востокъ и западъ доходящую отъ 12-го до 24-го—восточной долготы. Въ ней содержится болѣе 7,038 кв. миль суши (35 милл. десятинъ), не считая внутреннихъ водъ. Въ районъ ея входятъ губерніи: Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская и Саратовская.

Общій видъ этой области имѣетъ характеръ равнины, пересѣкаемой въ различныхъ мѣстахъ и въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ невысокими горными кряжами, усѣянной множествомъ одиночно стоящихъ холмовъ и весьма покатыхъ гребней. Всѣ эти возвышенности то тянутся вдоль береговъ протекающихъ тутъ рѣкъ и стремительно бѣгущихъ потоковъ, то удаляются вглубь равнинъ, то разсыпаются въ разныя стороны, уходя въ степи, теряясь въ ихъ безпредѣльной глади.

Достаточно лишь одного взгляда на теченіе рѣкъ Волги и Камы, чтобы опредѣлить, куда направленъ преобладающій склонъ этой равнины. Онъ направленъ, именно, къ югу и идетъ съ двухъ сторонъ: съ сѣверо-западной, — вдоль теченія Волги и съ сѣверо-восточной, — вдоль теченія рѣкъ Вятки и Камы. Болѣе возвышенная часть этой области, весьма естественно, оказывается и болѣе гористой; въ нее врѣзываются съ востока на западъ отроги Уральскаго

хребта; одни изъ нихъ тянутся къ Сызрани, достигаютъ своего наибольшаго возвышенія на границѣ Симбирской и Пензенской губерній и многочисленными развѣтвленіями своихъ кряжей на сѣверъ и сѣверо-востокъ опредѣляютъ теченія рѣкъ Свіяги и Суры. Это—единственныя изъ горныхъ вѣтвей, измѣняющія общій характеръ покатости волжской равнины и заставляющія невольно обратить вниманіе на двѣ близкія, родственныя, такъ сказать, рѣки—Волгу и Свіягу, которыя на весьма близкомъ разстояніи одна отъ другой катятъ свои волны въ діаметрально-противоположныхъ направленіяхъ, оставаясь въ то же время взаимно параллельными. Другія изъ вѣтвей уральскаго хребта направляются къ Самарской Лукѣ, пересѣкаютъ Волгу и тянутся или вдаль волжскихъ береговъ или идутъ къ Окѣ, образуя водораздѣлъ рѣкъ волжской и донской системы. Наконецъ, нельзя не указать и еще на одну возвышенность, входящую въ Самарскую губернію и также съ востока; это — отрогъ Общаго Сырта. Здѣсь онъ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна изъ нихъ, подъ названіемъ Уральскихъ горъ, направляется на западъ къ Волгѣ, а другая, подъ именемъ Мѣловыхъ и Синихъ, идетъ къ югу, параллельно теченію рѣки Урала.

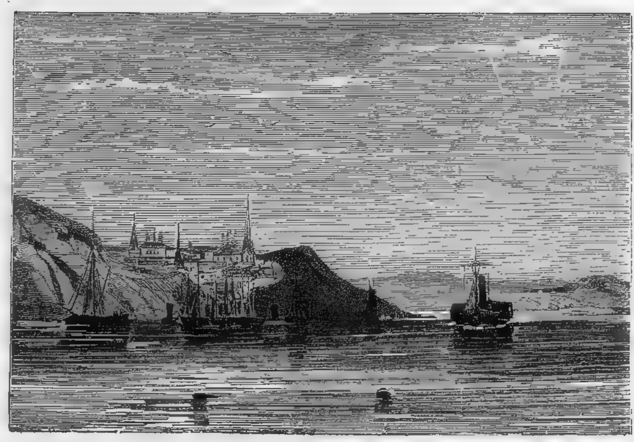
Видъ съ горы Сугомакъ.—Рисунокъ В. Подбѣльскаго.

Южная часть описываемой нами равнины отличается положительно степнымъ характеромъ и на западѣ служитъ преддвѣріемъ необозримыхъ степей южной Россіи, а на югѣ—той именно впадины, которая носитъ названіе Каспійской низменности. Тутъ вы уже не встрѣтите ни одного горнаго кряжа, ни одного выдающагося гребня и только отдѣльные, разбросанные тамъ и сямъ, холмы еще нѣсколько нарушаютъ безпредѣльную гладь равнины. Къ востоку все чаще и чаще начинаютъ появляться сыпучіе пески, рѣкъ становится все меньше, безводная однообразная степь съ ея солончаками начинаетъ открываться взору и вы чувствуете себя скованнымъ среди этихъ необозримыхъ пространствъ, подавленнымъ ихъ безпредѣльной ширью, безсильнымъ при видѣ этихъ солончаковыхъ равнинъ, этого лазурнаго, какъ бы уходящаго отъ васъ неба, этихъ блѣдно-желтыхъ песковъ, то вихремъ вздымающихся подъ вашими ногами, то отливающихъ мелкой рябью вдали... А на западѣ степной части равнины разстилаются зеленѣющіе ковры луговъ, роскошныя нивы пестрѣютъ и переливаются множествомъ золотистыхъ оттѣнковъ, жизнь кипитъ здѣсь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Вамъ слышится жужжанье миріадъ насѣкомыхъ, крикъ и щебетанье массы пернатыхъ... Вотъ табунъ лошадей пронесся гдѣ-то вдали, чуть только не на горизонтѣ и исчезъ за небольшимъ скатомъ, вотъ

стада овецъ бродятъ на полянѣ и лѣниво работаютъ челюстями, копчикъ вьется надъ зазѣвавшимся перепеломъ... а гдѣ-то вдали слышится пѣсня—заунывная, скучная, безконечная, какъ сама степь. И какъ-то жутко становится вамъ среди этой зеленѣющей безпредѣльной равнины... Хоть бы какая-нибудь роща, хоть бы небольшая рѣчка, хоть бы на чемъ-нибудь остановиться взору!.. Нѣтъ ничего, кромѣ луговъ, нивъ, да жалкихъ кустарниковъ, кромѣ маленькихъ ручейковъ, которые крадутся межъ высокой степной травы, какъ бы боясь показаться на свѣтъ Божій, боясь и этого жгучаго солнца, и этихъ песчаныхъ холмовъ, гдѣ почва такъ жадно поглощаетъ влагу...

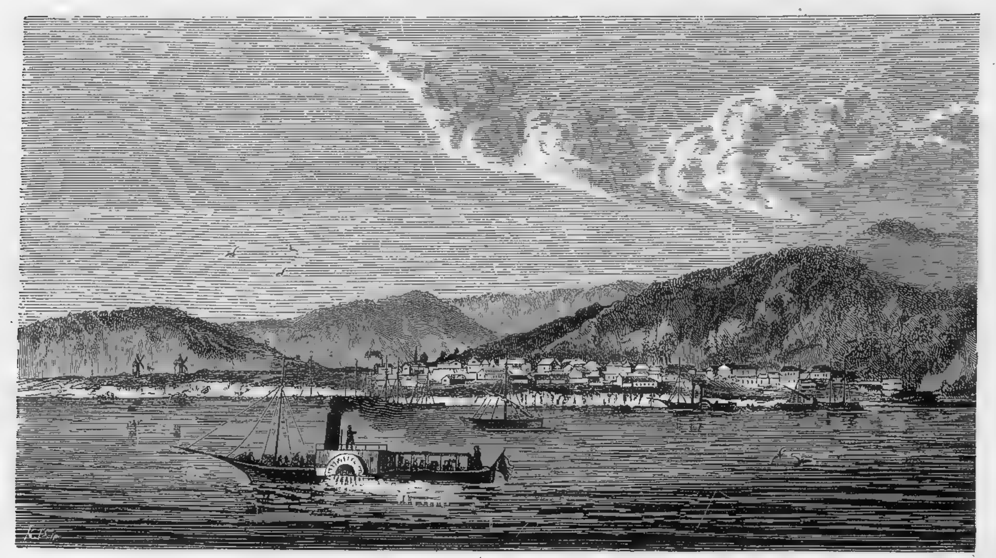
И снова потянетъ васъ къ Волгѣ, къ ея серебристымъ струямъ, мѣрно текущимъ мимо отвѣсныхъ кручъ,—подъ тѣнь вѣковыхъ сосенъ и дубовъ, угрюмо склоняющихся надъ спокойными волнами широкой рѣки, этой безмолвной свидѣтельницы отдаленнаго прошлаго, скрытаго отъ насъ во мракѣ времени.

Безчисленные ручьи и рѣки несутъ къ ней свои мутныя воды; они то извиваются и шумятъ, пробираясь вдоль крутыхъ скатовъ, то тихо, тихо вливаются въ нее, оставляя у своихъ устьевъ захваченный ими по пути илъ и песокъ, образующій на Волгѣ отмели и острова. Послѣ Оки здѣсь съ правой стороны уже не встрѣчается ни одного притока, который могъ бы хотя временно соперничать съ Волгой обиліемъ своихъ водъ или длиною своего пути. Правда, *Сура* заслуживаетъ быть упомянутой въ числѣ судоходныхъ рѣкъ, но плаваніе по ней удобно лишь на протяженіи 180 верстъ, т.-е. отъ Пензы до устья, да и то преимущественно во время разлива. Она беретъ начало въ горахъ Симбирской губерніи, протекаетъ въ сѣверномъ направленіи около 860 верстъ и впадаетъ въ Волгу близъ города Василь-Сурска, Нижегородской губерніи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ своего теченія—это довольно глубокая и даже широкая рѣка, особенно во время весеннаго половодья, когда она достигаетъ мѣстами отъ 5 до 8 верстъ въ ширину, но вообще ея русло до такой степени капризно и перемѣнчиво, а ея уровень до того находится въ зависимости отъ лѣтнихъ засухъ и обилія атмосферныхъ осадковъ, что при настоящихъ условіяхъ врядъ-ли можно разсчитывать на нее болѣе, чѣмъ на сплавную рѣку. Прочія же рѣки, въ родѣ Цивиля, Сундырки, Свіяги и другихъ, замѣчательны, можетъ быть, лишь въ томъ отношеніи, что онѣ такъ же шумны, бурливы и безпокойны весной, какъ тихи, безводны и безжизненны лѣтомъ. Первыя двѣ изъ нихъ, протекая не болѣе 70 верстъ въ сѣверномъ направленіи, впадаютъ въ Волгу неподалеку отъ Маріинскаго посада, Свіяга же, получивъ свое начало въ горахъ Сенгилеевскаго и Корсунскаго уѣздовъ, проходитъ въ сѣверномъ направленіи болѣе 300 верстъ и вливается въ Волгу ниже города Свіяжска. Всѣ эти рѣки, если и имѣютъ какое-нибудь торговое значеніе, то лишь весною, когда спускающіеся къ ихъ берегамъ овраги наполнятся вешними водами, повышающими въ значительной степени уровень своихъ маленькихъ шаловливыхъ питомицъ. Ниже, мы не встрѣчаемъ у Волги даже и такихъ притоковъ. Тамъ струятся только небольшіе ручьи, шумя и пѣнясь въ ущельяхъ ея прибрежныхъ горъ, да незначительныя рѣчки, теченіе которыхъ сдерживается плотинами и запрудами водяныхъ мельницъ.

Г. Чебоксары.

Тогда мы невольно обращаемъ взоры на лѣвый берегъ нашей многоводной рѣки и ищемъ тамъ питающихъ ее источниковъ, какъ бы желая уяснить себѣ причину ея мощи. Сначала передъ нами блестятъ и извиваются по илистымъ русламъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ: вотъ спокойная, задумчивая Ветлуга сонно пробирается межъ невысокихъ холмовъ и то скроется въ въ лѣсной чащѣ, то тихо разольется по луговой равнинѣ, сверкая зеркаломъ своихъ тинистыхъ водъ. Вотъ ближайшая изъ ея сосѣдокъ Рудка тянется въ свою очередь къ той же „кормилицѣ", къ той же „матушкѣ" русскаго народа, а за ними Большая и Малая Кокшаги, Илеть, Казанка... Онѣ то медленно и спокойно, то шумно и торопливо несутъ свои воды, образуя при устьяхъ множество мелей и островов.

Вы не успѣли еще вдоволь налюбоваться этой картиной луговой стороны Волги, этими живописно разбросанными по холмамъ сѣрыми и согбенными, какъ старушки, деревеньками, гдѣ коротаютъ свою тихую жизнь тысячи безвѣстныхъ обитателей лѣсныхъ пространствъ,—какъ на васъ

Деревня Моркваши на Волгѣ.

пахнула свѣжая струя влажнаго воздуха и вы почувствовали, что находитесь вблизи богатаго вмѣстилища сѣверныхъ водъ. Вы обращаете къ востоку вашъ взглядъ и видите громадную, гордо спускающуюся въ долину Волги рѣку. Это — Кама. Много земель встрѣтила она на своемъ пути, прежде чѣмъ слиться съ Волгой: текла и по безлюднымъ вятскимъ лѣсамъ и болотистымъ долинамъ, огибала и подножіе суроваго Урала, украшала собою множество городовъ и селеній, а сколько видѣла, сколько слышала выраженія людскихъ скорбей и радостей, сколько рукъ простиралось къ ея волнамъ въ надеждѣ встрѣтить въ ней прибѣжище отъ бѣдъ!... Но она все затаила въ нѣдрахъ своихъ глубокихъ водъ, она никому не повѣдала тайны человѣческаго существованія и только хмурится и негодуетъ, когда каменныя громады окружатъ ее, какъ бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ. Быстро бѣжитъ она къ югу, гордая сознаніемъ своихъ силъ; но, вотъ, налетаетъ на свою соперницу, тихую и безмятежную Волгу. Мощнымъ потокомъ врѣзывается Кама въ ея голубоватыя волны, долго оспариваетъ свое первенство надъ нею, даже, слившись съ ней, нѣкоторое время не смѣшиваетъ своихъ бѣловатыхъ водъ съ ея водами и только послѣ упорной борьбы исчезаетъ въ волнахъ своей счастливой соперницы.

Кама одна изъ важнѣйшихъ рѣкъ Россіи въ экономическомъ отношеніи; она соединяетъ приволжскія равнины съ вершинами Урала, отличающагося своеобразными особенностями

Городъ Чистополь. (Съ акварели проф. Боголюбова).

скрытыхъ въ немъ горныхъ богатствъ. И сколько бы вѣковъ протекло, прежде чѣмъ образованный міръ Европы познакомился бы съ этимъ отдаленнымъ краемъ, не будь столь удобнаго воднаго пути, и какъ дикъ и пустыненъ былъ бы Уралъ, если бы онъ не соединялся при по-

мощи Камы съ Волгой, этой посредницей между богатымъ горнозаводскимъ краемъ и южными морями. Недаромъ Кама еще издавна пріобрѣла значеніе наравнѣ съ Волгой и называлась у монголо-татарскихъ народовъ *Челмакъ-Итиль*, т.-е. Бѣлой Волгой, а у вотяковъ—*Буджимъ-Камъ*, что значитъ—большая рѣка.

Изъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Камы, имѣетъ ближайшее соотношеніе къ волжской равнинѣ одна лишь Вятка. Она беретъ начало неподалеку отъ своей главной рѣки и нѣкоторое время течетъ съ ней параллельно, но, будучи отдѣлена отъ нея однимъ изъ уваловъ Уральскаго хребта, вдругъ поворачиваетъ на юго-западъ, тихо приближается по глинистому руслу къ границамъ Казанской и Вятской губерній и встрѣчается здѣсь снова съ Камой, успѣвшей, въ это время, описать уже громадную дугу по Пермскому краю и догнать свою младшую сестру съ тѣмъ, чтобы гостепріимно предложить ей свое русло. Изъ другихъ притоковъ можно

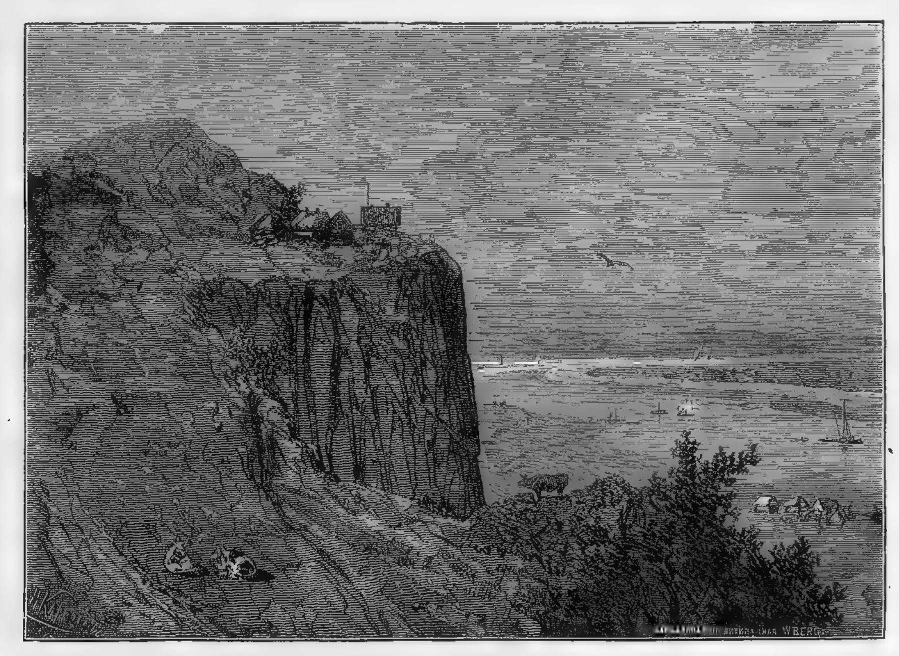
Тетюши.

упомянуть, пожалуй, о Мешѣ, весьма незначительной впрочемъ рѣкѣ, не имѣющей особаго практическаго значенія.

Далѣе, ниже устья Камы, у Волги нѣтъ больше ни одного сколько-нибудь значительнаго притока. Однѣ изъ впадающихъ въ нее незначительныхъ рѣчекъ, какъ Бездна, Утка, Майна, представляютъ только при своихъ устьяхъ удобныя пристани для судовъ, другія же, какъ Черемшанъ, Сокъ, Самарка, Иргизъ и Еруcланъ, судоходны лишь на незначительномъ разстояніи.

О прочихъ внутреннихъ водахъ, каковы озера съ ихъ питательными источниками, намъ придется сказать слишкомъ мало, такъ какъ область теченія Волги не можетъ дать въ этомъ отношеніи обильнаго матеріала. Правда, въ сѣверной части этой равнины, между рѣками Ветлугой, Камой и Волгой, насчитываютъ до 400 озеръ, но всѣ они не достигаютъ особенно большихъ размѣровъ. Узкія, сильно вытянутыя въ длину и соединенныя, нерѣдко, протоками, эти озера болѣе похожи на илистые рукава и заливы рѣкъ, съ которыми сходны также грунтомъ своего дна и болотистымъ строеніемъ своихъ береговъ. Немногія изъ нихъ превышаютъ

5 верстъ въ длину и 100 саженъ въ ширину; это именно озеро *Мингушъ*, съ заволжской стороны Чебоксарскаго уѣзда, достигающее 6 верстъ въ одномъ направленіи и 150 саженъ въ другомъ,—лежащія около самой Казани озера *Верхній* и *Нижній Кабаны*, соединенныя между собой узкимъ протокомъ и доходящія до 9 верстъ въ длину и около 200 саженъ въ ширину; впрочемъ, еще въ Чистопольскомъ уѣздѣ есть озеро *Билярь*, находящееся въ связи съ рѣкою Большимъ Черемшаномъ при помощи весьма узкаго протока и достигающее въ длину 8 верстъ, а въ ширину отъ 40 до 70 саженъ; оно находится уже въ закамской части поволжья. Вотъ и всѣ сколько-нибудь значительныя озера. Далѣе, къ востоку мѣстность становится болѣе покатой и стоячія воды встрѣчаются все рѣже и рѣже. Только въ Самарской губерніи есть нѣсколько озеръ, обладающихъ сѣрными и солеными свойствами, а также небольшое число горько-соленыхъ болотъ и грязей, извѣстныхъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „хаковъ“.

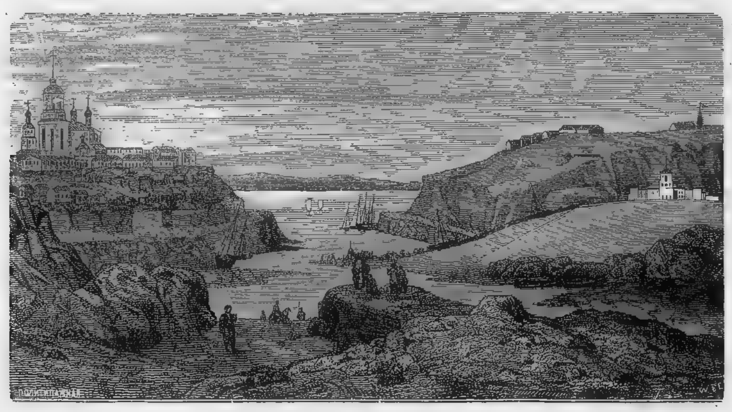

Соколова гора.—Рисунокъ Н. Н. Каразина.

Климатъ равнины средняго теченія Волги принадлежитъ къ континентальнымъ, характеризующимся рѣзкими переходами отъ лѣтнихъ жаровъ къ зимнимъ холодамъ. Эти контрасты встрѣчаются повсюду, какъ на сѣверѣ обширной равнины, вполнѣ доступной свирѣпымъ сѣвернымъ вѣтрамъ и изобилующей множествомъ мелкихъ болотъ и озеръ, такъ и въ южномъ и юго-восточномъ предѣлахъ ея, сливающихся съ полосою южно-русскихъ и прикаспійскихъ степей. Разница состоитъ лишь въ томъ, что сѣверъ отличается болѣе суровой и продолжительной зимой и сравнительно короткимъ лѣтомъ, обусловливающими его незначительную, не превышающую 2° средн. годичную температуру, а югъ, наоборотъ,—большимъ количествомъ теплыхъ дней сравнительно съ холодными, что зависитъ отъ вліянія имѣющихъ сюда свободный доступъ теплыхъ вѣтровъ, которые повышаютъ среднюю годичную температуру этихъ мѣстъ до 6°. Крайній сѣверъ средняго поволжья изобилуетъ водяными осадками: лѣтомъ здѣсь нерѣдки дожди, осенью густые туманы поднимаются отъ болотъ и озеръ заволжья, а придетъ зима,—начнутся

вьюги, мятели и цѣлыя горы снѣга выростаютъ повсюду, точно волны громаднаго океана, готовыя поглотить и густые лѣса, и бѣдныя, покосившіяся избушки. Но нигдѣ не свирѣпствуютъ, нигдѣ не злобствуютъ такъ разъяренныя стихіи, какъ въ восточномъ углу равнины, въ закамскихъ мѣстахъ волжскаго побережья, гдѣ и до сихъ поръ еще ходятъ легендарные разсказы о тѣхъ раскопкахъ, которыя приходилось дѣлать иногда послѣ прекращенія мятели, и отрывать при этомъ не какія-нибудь маленькія избушки, а цѣлые дома, даже улицы, засыпанныя въ одну ночь разыгравшейся степной бурей.

Спускаясь къ югу вдоль описываемой нами равнины, вы не замѣтите особенно рѣзкой перемѣны въ климатѣ: та же продолжительная, морозная зима, то же короткое, жаркое лѣто встрѣчается повсюду до вѣтвей Уральскаго хребта, пересѣкающаго Самарскую Луку и тянущагося къ истокамъ рѣкъ Самары и Суры. Но дальше, климатъ уже значительно смягчается. Здѣсь южная часть поволжья защищена съ сѣвера болѣе или менѣе высокими горами, а съ юга въ нее проникаютъ свободно вѣтры отъ Каспійскаго побережья и черноморскихъ степей. Правда, и тутъ существуютъ нѣкоторыя климатическія неровности, въ родѣ сильныхъ лѣтнихъ засухъ, смѣняющихся осенними дождями и зимними вьюгами, какъ это встрѣчается въ юго-

Посадъ Дубовка.

восточной окраинѣ равнины (Новоузенскій и Николаевскій уѣзды Самарской губерніи); но въ общемъ климатическія условія здѣсь уже значительно мягче, на что указываютъ даже преобладающія породы деревьевъ и земледѣльческая культура. Въ то время, какъ на сѣверѣ сосна и ель заполонили собою почти все пространство лѣваго берега Волги, югъ равнины роскошествуетъ корабельными дубовыми рощами и разнообразіемъ лиственныхъ породъ, между которыми на крайнемъ югѣ встрѣчается даже пирамидальный тополь. Изъ плодовыхъ деревьевъ на сѣверѣ могутъ расти только обыкновенныя породы яблокъ, между тѣмъ какъ на югѣ зрѣютъ груши, абрикосы, сливы; изъ огородныхъ растеній поспѣваютъ арбузы и дыни, изъ ягодныхъ кустарниковъ воздѣлывается виноградъ. Преобладающій изъ сѣверныхъ злаковъ, рожь, смѣняется на югѣ пшеницей, просомъ, сорго, маслянистыми растеніями и т. д. Словомъ, все указываетъ на значительную мягкость климатическихъ условій.

Въ началѣ этого обзора средневолжской равнины мы сказали, что она захватываетъ собою болѣе 35 милліоновъ суши, не считая внутреннихъ водъ. Теперь намъ слѣдуетъ подробно разсмотрѣть характеръ этихъ пространствъ, познакомиться ближе съ ними въ культурномъ, земледѣльческомъ и промышленномъ отношеніи. Если бы мы были въ состояніи поднять завѣсу сѣдой старины и взглянуть на ту картину, которую представляло собою приволье волжскихъ равнинъ, то увидали бы, можетъ быть, только одно необъятное море, покрывавшее

нѣкогда большую часть этого пространства, за исключеніемъ лишь вершинъ высокихъ горъ. По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ геологическихъ переворотовъ водяная масса отступала къ

Рыбная ватага (на Волгѣ).

низменности Каспійскаго и Аральскаго морей, обнаженный берегъ покрывался роскошной растительностью, возникали громадные лѣса лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ и заполняли

собою почти все пространство равнинъ. Даже и до сихъ поръ сохранились, въ видѣ массивныхъ пней, слѣды нѣкогда существовавшихъ здѣсь дѣвственныхъ лѣсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя теперь лишены всякихъ признаковъ лѣсного характера и напоминаютъ собою скорѣе степи. Такъ, въ южной части Саратовской и юго-восточной Самарской губерній нерѣдко попадаются скрытые въ землѣ корни деревьевъ, росшія въ болѣе близкія къ намъ времена и весьма замѣтные слѣды каменнаго угля, указывающіе на существованіе здѣсь лѣсовъ въ отдаленныя эпохи; въ пластахъ же, находящихся глубже, встрѣчаются остатки морскихъ животныхъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что эти пространства нѣкогда были заняты моремъ.

Въ настоящее время количество лѣсныхъ земель не можетъ выдержать ни малѣйшаго сравненія даже съ тѣмъ, что было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, хотя все-таки эта область можетъ считаться одной изъ наиболѣе богатыхъ лѣсами, особенно въ сѣверной ея половинѣ. Подъ лѣсами во всемъ поволжьѣ находится около 4 милліоновъ десятинъ, остальное же пространство занято частью пахатными землями, раскинувшимися на 13 съ лишкомъ милліоновъ десятинъ, частью лугами, частью болотистыми поймами, неудобными ни для какой культуры.

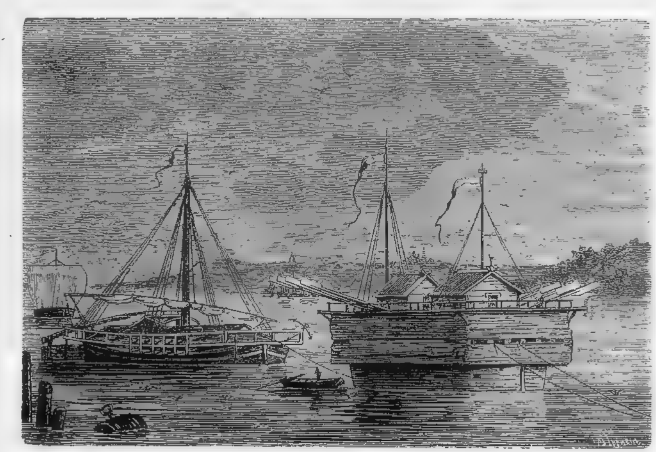
Болѣе половины общаго количества земель, а именно около 18 милліоновъ десятинъ, что составляетъ почти 55%, принадлежитъ сельскимъ обществамъ, и до 10 милліоновъ десятинъ, т.-е. не менѣе 30%, находится въ личномъ владѣніи частныхъ собственниковъ. Казна владѣетъ здѣсь сра-

Судна на Волгѣ.

внительно немногимъ: ей принадлежитъ только 12% общаго количества земель, а удѣламъ и того меньше—3%. Но все-таки лѣсами владѣетъ преимущественно казна, которой принадлежитъ болѣе 2 милліоновъ десятинъ; за нею, по богатству лѣсами, слѣдуютъ частные собственники, владѣющіе болѣе нежели милліономъ десятинъ лѣсныхъ дачъ. У сельскихъ обществъ въ распоряженіи не многимъ болѣе полумилліона десятинъ лѣсовъ, еще менѣе у городскихъ сословій; во владѣніи удѣловъ, монастырей, церквей и разныхъ обществъ, гдѣ, въ общемъ, количество ихъ едва достигаетъ 80 тысячъ десятинъ. Что же касается удобныхъ для культуры земель, то онѣ, по сравненію съ неудобными, распредѣляются еще менѣе равномѣрно, и земледѣльцы уже начинаютъ страдать отъ недостатка надѣловъ, доказательствомъ чего служатъ крестьянскія переселенія не только изъ Казанской, но даже и изъ Самарской губерніи, уменьшившія за послѣднее время въ нихъ цифру населенія приблизительно на 18 тысячъ душъ. Такъ, въ Казанской губерніи около $2\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ удобной пахатной земли составляетъ менѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ земель; въ Пензенской хотя 2 съ небольшимъ милліономъ, но они равняются почти $\frac{2}{3}$ общей площади, въ Симбирской тоже 2 милліона десятинъ достигаютъ $\frac{1}{2}$ ея пространства, въ Самарской столько же пахатной земли, но онѣ не превышаютъ и $\frac{1}{7}$ доли количества всѣхъ ея земель. Изъ южныхъ только одна Саратовская губернія имѣетъ въ своемъ районѣ болѣе четырехъ милліоновъ десятинъ удобной земли, т.-е. число, значительно превосходящее $\frac{1}{2}$ занимаемаго ею пространства. Это, столь неравномѣрное, рас-

предѣленіе удобныхъ для культуры земель окажется еще разительнѣе, если принять во вниманіе плотность населенія различныхъ частей описываемой равнины. Въ самомъ дѣлѣ,—двѣ изъ наиболѣе населенныхъ губерній—Казанская и Самарская—заключаютъ въ себѣ—первая до двухъ, а вторая болѣе двухъ милліоновъ жителей, между тѣмъ какъ относительное количество находящихся въ нихъ пахатныхъ земель несравненно менѣе, нежели въ остальныхъ. Здѣсь опять-таки Саратовская губернія выигрываетъ тѣмъ, что, при населеніи въ два милліона, она владѣетъ 4-мя милліонами пахатной земли. Что же касается губерній Пензенской и Симбирской, число жителей въ каждой изъ которыхъ достигаетъ до $1^1/_2$ милліона, то онѣ оказываются поставленными все-таки въ болѣе выгодныя условія сравнительно съ двумя первыми губерніями. Впрочемъ, мы можемъ сказать въ утѣшеніе себѣ, что бываютъ условія и значительно худшія только-что приведенныхъ. Напримѣръ, Ярославская губернія при милліонномъ населеніи содержитъ только 800 тысячъ десятинъ пахатной земли, а между тѣмъ она далеко не принадлежитъ къ числу бѣдныхъ, заброшенныхъ уголковъ нашего отечества. Недостатокъ въ одномъ отношеніи пополняется благопріятными условіями въ другомъ, скудость почвы или ограниченный размѣръ надѣловъ вознаграждается болѣе интенсивной культурой, кустарной или фабричной промышленностью, а за неимѣніемъ ея—отхожими промыслами, да, наконецъ, мѣстами, самое плодородіе почвы можетъ отчасти вознаградить хлѣбопашца за недостаточность надѣла. Поэтому, чтобы сдѣлать болѣе правильную оцѣнку экономическаго значенія тѣхъ даровъ, которыми надѣлила природа поволжскій край, мы должны обратиться къ вопросу о составѣ почвы и тѣхъ богатствахъ, какія служатъ подспорьемъ земледѣлію, составляющему все-таки главную отрасль труда въ такихъ обширныхъ государствахъ, какъ Россія.

Г. Городецъ и лодки на Волгѣ.

Уже въ сѣверо-восточной части волжской равнины мы встрѣчаемъ признаки чернозема, хотя онъ и не выдѣляется здѣсь особенно рѣзко, такъ какъ въ него проникаютъ, мѣстами, глинистые и песчаные слои; но все-таки, начиная съ сѣверныхъ окраинъ Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, черноземная полоса выступаетъ уже вполнѣ отчетливо, растетъ вширь по мѣрѣ приближенія къ Чистопольскому уѣзду, гдѣ и достигаетъ наибольшей своей мощности, захватывая Лаишевскій, Спасскій и Ядринскій уѣзды. Далѣе, черноземный пластъ уже глубоко залегаетъ въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской и Самарской. Въ первой изъ нихъ онъ минуетъ единственно лишь сѣверную часть Краснослободскаго уѣзда, изрѣдка смѣняясь песчанымъ наносомъ, во второй—встрѣчаетъ препятствіе своему распространенію во множествѣ горъ, бороздящихъ ея поверхность, за то въ третьей, направляясь къ югу, онъ широко распространяется до тѣхъ поръ, пока не столкнется съ песчаными и солончаковыми пространствами, идущими на встрѣчу ему изъ Астраханской губерніи. Слой пензенскаго чернозема тянется за предѣлы губерніи и частью покрываетъ равнины донского бассейна, частью входитъ въ Саратовскую губернію, достигая наибольшей своей плотности въ ея сѣверныхъ частяхъ. Но только сѣверная половина Саратовской губерніи и богата черноземомъ. Чѣмъ болѣе станемъ

мы приближаться къ югу, тѣмъ чаще намъ будутъ встрѣчаться суглинистые и супесчаные пласты, переходящіе близъ Вольска и Саратова въ летучіе пески и, наконецъ, достигнувъ южной оконечности Царицынскаго уѣзда, мы увидимъ, что обширныя солончаковыя степи здѣсь уже совершенно завладѣли равниной, а черноземныя поля остались у насъ позади.

Тяжелъ трудъ земледѣльца на поляхъ суроваго сѣверо-востока. Земля здѣсь не даетъ ничего безъ удобренія, а неблагопріятныя климатическія условія заставляютъ ограничиваться воздѣлываньемъ лишь немногихъ сортовъ хлѣбныхъ злаковъ и только самыми выносливыми породами огородныхъ растеній и плодовыхъ деревьевъ. Въ Казанской, Пензенской и Симбирской губерніяхъ растетъ рожь, овесъ, и только мѣстами воздѣлывается пшеница, а ячмень, просо, ленъ, конопля требуютъ большого ухода; огородничество же практикуется преимущественно въ мѣстностяхъ, близкихъ къ населеннымъ центрамъ; садоводство рѣдко гдѣ достигаетъ до степени промысла, несмотря на то, что для развитія его здѣсь давно уже существуютъ спеціальныя училища, какъ, напримѣръ, пензенское, основанное въ 4-хъ верстахъ отъ Пензы въ 1820 году по повелѣнію императора Александра I, и сельскохозяйственныя школы, образецъ которой намъ даетъ казанская ферма. Только самыя выносливыя изъ овощей—въ родѣ свекловицы, капусты, лука, которымъ особенно славится Пензенская губернія, можно встрѣтить на здѣшнихъ огородахъ, да неприхотливыя породы яблокъ и терпкихъ ягодныхъ кустарниковъ—въ садахъ. Несравненно разнообразнѣе нивы сѣверной части Самарской губерніи; тутъ вы можете увидѣть рядомъ съ рожью и овсомъ пшеницу, полбу, ячмень, просо и т. д., хотя къ югу поля снова становятся однообразнѣе и поражаютъ васъ массой пшеницы, дающей почти всегда весьма хорошіе урожаи. Здѣсь также много бахчей, огородовъ, на которыхъ, по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся на югъ, чаще и чаще начинаютъ появляться арбузы и дыни, требующіе за собой, впрочемъ, чрезвычайно тщательнаго ухода. Есть также нѣсколько табачныхъ плантацій, но онѣ не доставляютъ особенно хорошаго продукта. Саратовская губернія еще болѣе разнообразна по своей культурѣ, въ чемъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнить—на сколько отличается она отъ сосѣднихъ губерній мягкостью климатическихъ условій, не говоря уже о плодородіи почвы большей части занимаемаго ею пространства. Кромѣ пшеницы, овса, ячменя, проса и т. под. злаковъ, вы встрѣчаете здѣсь цѣлыя поля маслянистыхъ растеній, въ родѣ подсолнечника, горчицы, сурѣпицы и т. д.; есть много садовъ, гдѣ поспѣваютъ нѣжные сорта яблокъ, груши, бергамоты, сливы, абрикосы и т. п.; на югѣ встрѣчаются даже виноградники, а что касается громадныхъ, по своимъ размѣрамъ, „бахчей“, засаженныхъ, кромѣ акклиматизировавшихся по всему поволжью тыквъ, огурцовъ, зонтичныхъ и крестоцвѣтныхъ растеній, еще дынями и арбузами, то онѣ становятся положительно необходимой принадлежностью всякаго хутора, поселка, каждой пригородной слободы. Табачныя плантаціи точно также не составляютъ здѣсь рѣдкости и встрѣчаются невдалекѣ отъ волжскихъ береговъ, при чемъ на нихъ воздѣлывается табакъ несравненно лучшаго качества, чѣмъ самарскій, и идетъ во внутреннія русскія губерніи, а также на мѣстныя сигарныя фабрики, тогда какъ тотъ вывозится преимущественно вглубь оренбургскихъ степей.

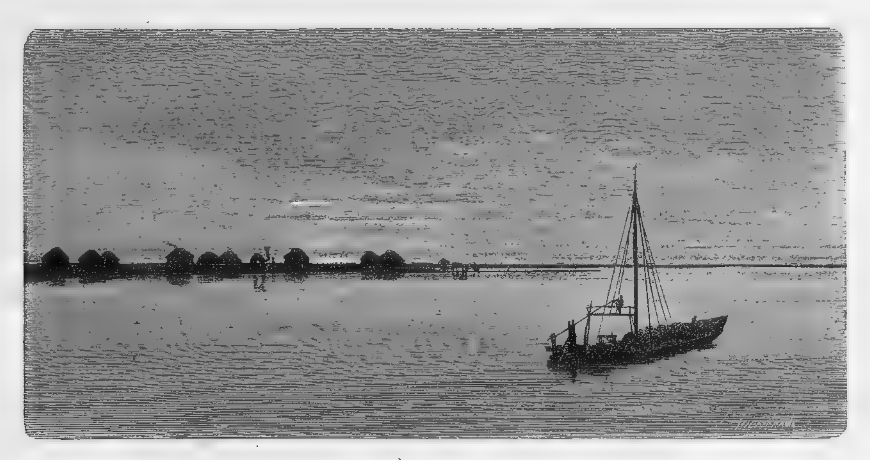
Въ связи съ земледѣліемъ находится еще одна отрасль сельскаго труда, именно — скотоводство. Большія удобства представляетъ въ этомъ отношеніи югъ средняго поволжья, гдѣ скотоводство дѣйствительно и процвѣтаетъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ его частяхъ. Такъ, мы встрѣчаемъ множество луговыхъ степей въ Балашовскомъ уѣздѣ, занимающемъ по разведенію скота первое мѣсто во всей Саратовской губерніи. Тутъ издавна существуетъ нѣсколько конскихъ заводовъ, съ успѣхомъ разводится рогатый скотъ и пасутся громадныя стада овецъ. Затѣмъ, можно упомянуть о скотоводствѣ въ Петровскомъ и Саратовскомъ уѣздахъ и т. д. Но всѣхъ богаче пастбищами Самарская губернія, гдѣ разведеніемъ скота занимаются чуть только не въ каждомъ уѣздѣ, а въ нѣкоторыхъ этотъ промыселъ составляетъ главную статью дохода, какъ, напримѣръ, въ уѣздѣ Бузулукскомъ, гдѣ онъ достигъ своего наиболь-

шаго развитія. Сѣвернѣе этихъ губерній скотоводство является скорѣе подспорьемъ земледѣлію, чѣмъ самостоятельнымъ промысломъ. Въ Симбирской губерніи оно существуетъ чуть ли не въ одномъ только Алатырскомъ уѣздѣ, въ Пензенской болѣе или менѣе замѣтно развито въ Инсарскомъ, а въ Казанской развѣ лишь въ Лаишевскомъ, гдѣ размѣры его, впрочемъ, весьма скромны.

Пчеловодствомъ занимаются вездѣ, гдѣ есть нивы, луга и лиственныя породы деревьевъ, но оно не составляетъ главнаго промысла жителей и только въ Пензенской губерніи достигаетъ значительныхъ размѣровъ.

Рыболовство спеціализировалось до степени самостоятельнаго промысла лишь поблизости населенныхъ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ.

Что же касается горной промышленности, то можно положительно сказать, что ея въ области средняго поволжья не существуетъ, такъ какъ нѣсколькихъ чугунно-плавильныхъ заводовъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ, Пензенской губ. и одного мѣдно-плавильнаго въ Бугульминскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, слишкомъ мало для какихъ-либо обобщеній, хотя на первыхъ и обработывается болѣе 100 тысячъ пудовъ руды, которая даетъ до 34 тысячъ пудовъ чугуна.

Видъ нижней Волги.

Такимъ образомъ, нуждающемуся мѣстному населенію приходится искать заработковъ на фабрикахъ и заводахъ или, за неимѣніемъ ихъ, обратиться къ кустарнымъ и отхожимъ промысламъ.

Фабрикъ и заводовъ въ средней полосѣ волжской равнины, по свѣдѣніямъ 1898 г., было не многимъ болѣе, чѣмъ въ одной только Пермской губерніи, обороты же ихъ значительно уступали въ этомъ случаѣ промышленно-фабричнымъ оборотамъ Московской губерніи, которая, однако, далеко не имѣетъ того числа фабрикъ, какое мы находимъ по равнинѣ средняго теченія Волги. По размѣрамъ своихъ оборотовъ, между ними первое мѣсто должны занимать пензенскіе заводы, гдѣ процвѣтаетъ винокуреніе; затѣмъ, казанскія фабрики суконныхъ, китаечныхъ и кумачныхъ издѣлій, стеариновый, мыловаренный и кожевенные заводы, славившіеся нѣкогда своими продуктами на всю Россію (казанское яичное мыло и казанскій козелъ). Въ Симбирской, Самарской и Саратовской губерніяхъ есть много фабрикъ, изготовляющихъ грубые сорта обыкновеннаго и верблюжьяго сукна. Саратовскія и самарскія фабрики, впрочемъ, сравнительно весьма много уступаютъ казанскимъ по своимъ оборотнымъ капиталамъ. Что же касается симбирскихъ, то обороты ихъ, хотя и значительные, все-таки не достигаютъ одного уровня съ казанскими.

Кустарные промыслы встрѣчаются по всему поволжью, но лишь въ немногихъ мѣстахъ

обезпечиваютъ населенію средства къ жизни. Такъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Тетюшскаго уѣзда ткутъ холсты, не уступающіе по доброкачественности ярославскимъ полотнамъ, хотя здѣсь этотъ родъ промышленности далеко не получилъ такого развитія, какъ въ селеніяхъ Ярославской и даже Костромской губерніи. Въ прибрежныхъ селеніяхъ Пензенской губерніи жители занимаются постройкою судовъ, особенно въ селѣ Усть-Инзѣ, но здѣсь этотъ родъ занятій уже теряетъ кустарно-промысловый характеръ и переходитъ въ руки болѣе или менѣе крупныхъ предпринимателей, занимающихся имъ при участіи плотничьихъ артелей. Наибольшаго развитія достигаетъ кустарный промыселъ въ Симбирской губерніи, гдѣ можно встрѣтить, какъ, напримѣръ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ, цѣлыя селенія, занимающіяся шитьемъ сапогъ, рукавицъ, выдѣлкою кожъ, или — въ Сенгилеевскомъ — валяньемъ войлоковъ, приготовленіемъ теплыхъ сапогъ, калошъ, изготовленіемъ саней, телѣгъ и т. д. и, наконецъ—въ Сызрани—кузнечнымъ и сапожнымъ промыслами и кожевеннымъ производствомъ, доставившимъ ей извѣстность на всемъ поволжьѣ. Въ Саратовской губерніи есть цѣлыя села, гдѣ шьютъ полушубки, плотничаютъ и т. д. Что же касается Самарской губерніи, то въ ней кустарные промыслы развиты весьма слабо.

Отхожіе промыслы существуютъ повсюду, не исключая и наиболѣе богатыхъ землею губерній. Мужчины преимущественно занимаются бурлачествомъ — ходятъ въ лоцманы, нанимаются въ матросы, плотничаютъ, женщины ищутъ заработковъ въ сосѣднихъ губерніяхъ, идутъ на полевыя работы, на бахчи, что особенно развито въ южныхъ частяхъ Пензенской губерніи.

Звѣриный промыселъ существуетъ преимущественно между луговыми черемисами, обитателями сѣверной части равнины и лѣсистыхъ мѣстностей лѣваго побережья.

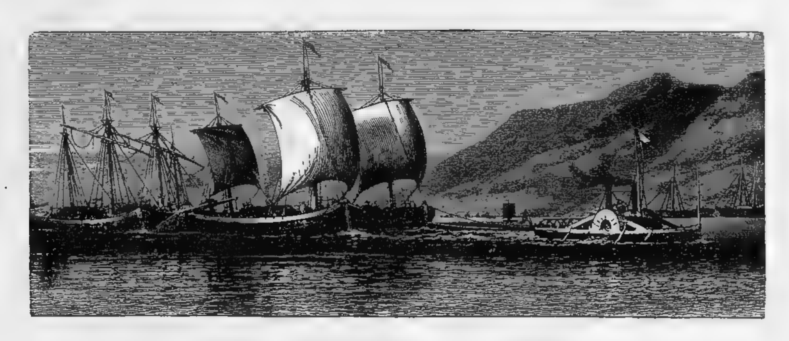
Вотъ и все, чѣмъ можетъ располагать въ настоящее время почти девятимилліонное населеніе поволжья.

Послѣ бѣглаго обзора волжской равнины, мы перейдемъ къ описанію той изъ ея рѣкъ, которая издавна сосредоточивала на себѣ вниманіе народовъ, оспаривавшихъ другъ у друга права владѣть ея берегами, смотрѣвшихъ на нее, какъ на источникъ своего благосостоянія и опоэтизировавшихъ ее въ своихъ незатѣйливыхъ по содержанію, но полныхъ душевной теплоты пѣсняхъ. Въ самомъ дѣлѣ,—кому не извѣстно имя этой красавицы русской земли и величайшей даже изъ европейскихъ рѣкъ, кто не знаетъ широкаго, размашистаго мотива той народной пѣсни, въ которой выливаются восторги передъ прелестями раздолья многоводной рѣки, то блестящей зеркаломъ своихъ лазурныхъ водъ, то сердито вздымающей хмурыя волны при встрѣчѣ съ непогодой? Не даромъ обращаетъ она на себя общее вниманіе; не одно лишь чувство любви къ изящному влечетъ человѣка къ ея берегамъ; нѣтъ, народъ дѣйствительно видитъ въ ней свою „матушку", „кормилицу", не только обезпечивающую ему кусокъ насущнаго хлѣба, но также и вносящую, можетъ быть, не одинъ яркій лучъ свѣта въ его тусклую жизнь. Понятно, почему человѣкъ тянется къ ея берегамъ и пользуется каждымъ удобнымъ на нихъ уголкомъ, чтобы завести поселки, построить деревеньку, основать колонію. Волга—это артерія русской экономической жизни, хотя и далеко не достигшая еще всей силы своего темпа. Не будь ея,—и всѣ земли русскаго сѣверо-востока превратились бы въ глухія лѣсныя пространства или въ безплодныя степи, оторванныя надолго отъ всего цивилизованнаго міра, подобно центральнымъ пространствамъ африканскаго материка. Безъ Волги и ея притоковъ мы долго бы не узнали ни о Сибири, ни о тѣхъ неисчерпаемыхъ богатствахъ Урала, безчисленное множество которыхъ она ежегодно переноситъ теперь на своихъ волнахъ къ центру Россіи и къ русскимъ портамъ.

Медленно, спокойно катится эта величественная рѣка по едва замѣтному склону равнины, встрѣчая на своемъ пути одни лишь мягкіе известковые пласты. Много оборотовъ и изгибовъ дѣлаетъ она во время своего долгаго странствованія, прежде чѣмъ достигнетъ со-

леныхъ водъ Каспійскаго моря. Въ ней соединились всѣ отличительныя черты рѣкъ восточной равнины—и медленность теченія, и мягкость обмываемаго ею грунта и рыхлое строеніе обрамляющихъ ее горныхъ возвышенностей, вслѣдствіе чего она не дѣлаетъ почти нигдѣ особенно крутыхъ поворотовъ и, наконецъ, гористый характеръ—праваго и низменный лѣваго ея береговъ, всего болѣе замѣтный съ тѣхъ поръ, какъ Волга вступаетъ въ предѣлы Казанской губерніи. Много было попытокъ объяснить причину этого характернаго признака рѣкъ нашей обширной равнины, но между ними только одна заслуживаетъ вниманія по своей научной правдоподобности, это — именно теорія академика Бера, которую мы и позволимъ себѣ привести здѣсь въ подлинникѣ.

,,Очевидно,—говоритъ Беръ,— каждое мѣсто земной поверхности тѣмъ скорѣе должно обращаться, чѣмъ оно ближе къ экватору, потому что каждое мѣсто подъ экваторомъ должно описывать въ сутки наибольшій кругъ. Поэтому, если тѣло имѣетъ движеніе въ направленіи къ югу или къ сѣверу, то оно, кромѣ этого движенія, удерживаетъ еще и первоначальное стремленіе къ востоку, полученное имъ отъ кругообращенія земли. Стремленіе это сохраняетъ оно до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ значительной опоры. И такъ, если вода течетъ отъ экватора по направленію къ полюсу, то она уноситъ съ собою болѣе значительное стремленіе

На Волгѣ.

къ востоку, нежели текущая въ мѣстахъ меньшей широты, — слѣдовательно, вода въ своемъ руслѣ стремится къ восточному берегу. Напротивъ, вода, двигающаяся по направленію отъ полюса къ экватору, несетъ съ собою гораздо меньшую скорость, чѣмъ то мѣсто, къ которому она подходитъ, вслѣдствіе чего она будетъ напирать на западный берегъ. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи у рѣкъ, текущихъ по направленію къ полюсу, восточный, а у текущихъ по направленію къ экватору западный берегъ приходится по правую сторону. Слѣдовательно, въ сѣверномъ полушаріи въ рѣкахъ, текущихъ болѣе или менѣе по направленію меридіана, вода должна напирать болѣе на правый берегъ. Поэтому для всѣхъ, текущихъ по направленію меридіана, рѣкъ въ сѣверномъ полушаріи должно вывести законъ, что правый берегъ подмывается у нихъ болѣе, чѣмъ лѣвый, вслѣдствіе чего и становится болѣе обрывистымъ и крутымъ. При усиливающемся теченіи увеличивается въ томъ же отношеніи и боковой напоръ, и какъ скоро берегъ не въ состояніи будетъ болѣе сопротивляться этой силѣ, то онъ обрушится. На Волгѣ сопротивляется верхній, твердый, глинистый слой берега и размывается нижній песчаный. Вотъ почему часть глинистыхъ слоевъ, потерявшихъ свою опору, отъ времени до времени обрушивается".

Въ общемъ разсужденіе нашего знаменитаго академика нисколько не противорѣчитъ дѣйствительности, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ оно требовало-бы небольшихъ оговорокъ. Тамъ, гдѣ рѣка не дѣлаетъ значительныхъ изгибовъ, теорія Бера вполнѣ подтверждается, но точность

ея становится сейчасъ же сомнительной, какъ только мы встрѣчаемъ обратный случай. При сильномъ изгибѣ, вода больше напираетъ на выдающійся край поворота, все равно — придется ли онъ на правомъ или на лѣвомъ берегу рѣки, вслѣдствіе чего этотъ берегъ, хотя бы и лѣвый, становится несравненно обрывистѣе и круче противоположнаго, который въ то же время дѣлается болѣе отлогимъ, по причинѣ наносимаго на него ила и песка, такъ какъ быстрота рѣки и ея глубина сосредоточиваются въ сторонѣ изгиба. Закономъ, въ силу котораго происходитъ обмываніе праваго берега рѣки, объясняется и постепенное отступленіе ея русла въ правую сторону, а также постепенное углубленіе ея правыхъ рукавовъ на счетъ уменьшенія глубины лѣвыхъ и тому подобныхъ явленій, съ которыми мы встрѣтимся при ближайшемъ знакомствѣ съ русломъ Волги и ея берегами.

Отъ границъ Казанской губерніи съ Нижегородской, съ того мѣста, гдѣ Волга сливается съ извилистой и мутной Ветлугой, характеръ волжскаго русла и береговъ пріобрѣтаетъ вполнѣ тѣ типическія черты, которыя сопровождаютъ далѣе повсюду эту многоводную рѣку вплоть до раздѣленія ея на рукава. На правомъ берегу ея начинаютъ возвышаться покрытыя то густымъ лиственнымъ лѣсомъ, то мелкимъ кустарникомъ горы. Сначала онѣ достигаютъ высоты не болѣе 7 саженъ, а потомъ, по мѣрѣ приближенія къ Козьмодемьянску, быстро увеличиваются, такъ что у этого города достигаютъ 27 саженъ, подъ Чебоксарами доходятъ до 35 и болѣе, а затѣмъ къ Тетюшамъ поднимаются на высоту 70 саженъ. Лѣвая сторона, напротивъ, тамъ и сямъ пестрѣетъ то зеленѣющими островами, то песчаными отмелями, образовавшимися изъ наносовъ впадающихъ въ Волгу рѣкъ. Прежде всѣхъ Ветлуга, небольшая, сравнительно, извилистая лѣсная рѣчка, ознаменовываетъ свой союзъ съ Волгой громадной мелью, затрудняющей проходъ въ ея устье даже для небольшихъ судовъ и барокъ, хотя неприхотливый русскій судопромышленникъ ухитряется воспользоваться и этой, не могущей похвалиться глубиной рѣки. Каждую весну въ устьяхъ ея вы встрѣтите массу плотовъ, множество барокъ съ мочалой, рогожами, углемъ, смолой, дегтемъ и тому подобными продуктами лѣсного промысла; тутъ вамъ попадется также сотня—другая бѣлянъ, барокъ, дощаниковъ, только-что вышедшихъ изъ незатѣйливыхъ верфей ветлужскаго судостроителя.

Подъ Козьмодемьянскомъ Волга дѣлаетъ изгибъ. Здѣсь въ нее впадаетъ рѣчка Сундырка, образующая своимъ наносомъ цѣлую группу острововъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Туричьихъ, чрезвычайно затрудняющихъ судоходство. Впрочемъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе перемѣны русла Волги, эти острова начинаютъ уже примыкать къ берегамъ и отдѣляющіе ихъ одинъ отъ другого протоки превращаются въ озера. Слѣва мы встрѣчаемъ еще нѣсколько незначительныхъ рѣчекъ, меньшихъ Ветлуги, какъ, напримѣръ, Рудку, Большую и Малую Кокшаги, а съ правой Цивиль. Первыя изъ нихъ почти совершенно играютъ ту же роль относительно волжской торговли, что и Ветлуга, но значительно разнятся въ пріемахъ сплава. По нимъ гонятъ лѣсъ не плотами, какъ мы привыкли видѣть обыкновенно, а такъ-называемымъ „малемъ", т.-е. отдѣльными бревнами. Трудно вообразить, какую картину представляетъ тогда рѣка, усѣянная сотнями несущихся по ней бревенъ и сколько хлопотъ приходится на долю лѣсопромышленниковъ и рабочихъ, чтобы собрать или, лучше сказать, разобраться въ этой массѣ разбитаго на отдѣльныя части лѣсного товара; когда онъ достигаетъ устья рѣки, его все-таки приходится вязать въ плоты. Послѣдняя изъ названныхъ рѣкъ не судоходна и оживляется только въ теченіе десяти дней, когда на ея берегахъ положительно кипитъ работа, благодаря чему мѣстное населеніе успѣваетъ однако въ такое короткое время сбыть до 400 т. пудовъ груза.

Упомянувъ объ этихъ рѣкахъ, необходимо также сказать и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя онѣ произвели въ руслѣ Волги. Въ этомъ случаѣ мы убѣждаемся, что луговыя рѣки не всегда оказываютъ своей старшей сестрѣ медвѣжью услугу, занося ея русло иломъ и пескомъ. Тутъ, напротивъ, мы видимъ ихъ благодѣтельное вліяніе на луговое прибрежье. Нѣсколько ниже

впаденія въ Волгу Большой и Малой Кокшагъ песчано-глинистые наносы этихъ рѣкъ образовали заливы или, какъ ихъ называютъ волжскіе жители, „затоны“. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ бѣличьяго, а другой Чекурскаго или Звенирскаго. Послѣдній принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ и лучшихъ затоновъ на Волгѣ и находится во владѣніи пароходнаго общества „Дружина“, у котораго тутъ же устроены и механическія заведенія для починки зимующихъ пароходовъ. Если отсюда вы спуститесь внизъ по теченію Волги, то навѣрное буде те изумлены неожиданностью: противъ самой деревни Кріушъ передъ вами ни съ того, ни

На Волгѣ, близъ Казани.

съ сего вдругъ является громадный островъ, какой только могъ образоваться при существующей здѣсь ширинѣ Волги. Онъ тянется почти на четыре версты въ длину и столько же, если не больше, въ ширину. Вы невольно оглядываетесь по сторонамъ съ намѣреніемъ найти рѣку, загромоздившую русло Волги такой массой осадковъ,—нигдѣ нѣтъ и слѣдовъ даже ни малѣйшаго источника. А между тѣмъ загадка разрѣшается весьма просто: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ мѣстѣ было устье двухъ небольшихъ, но обильныхъ осадками рѣкъ — Илети, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны, и Анниша—съ правой. Нагромоздивъ такую массу песку и глины, онѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, измѣнили свои устья и теперь сливаются съ Вол-

гой версты на три—на четыре ниже созданнаго ими острова. Подобные случаи перемѣны притоками своихъ устьевъ далеко не рѣдкость въ бассейнѣ рѣки Волги, и намъ еще придется съ ними встрѣтиться впослѣдствіи; можно даже сказать, что они составляютъ скорѣе общее правило, чѣмъ исключительныя явленія относительно рѣкъ равнины, текущихъ по мягкому, легко смываемому грунту.

Ни сама Илеть, ни ея маленькій vis-a-vis Анишъ не могутъ похвалиться своимъ судоходствомъ. Первая черезчуръ быстра, шумна и бурлива, такъ что весьма рѣдко замерзаетъ даже среди суровой зимы, а второй и могъ бы пожалуй сослужить службу человѣку во время весенняго половодья,—помочь сплаву лѣса, да, къ сожалѣнію, течетъ въ мѣстности, которая сама нуждается въ немъ.

Отъ впаденія Кокшагъ и до сихъ поръ Волга уклонялась отъ восточнаго направленія къ югу, теперь же, вплоть до устья рѣки Казанки, она течетъ прямо на востокъ. На этомъ пространствѣ въ нее впадаетъ съ правой стороны рѣка Свіяга, совершенно не судоходная и сплавная лишь на протяженіи 14 верстъ, но все-таки очень полезная устроенными на ней фабриками, мельницами и заводами. Въ четырехъ верстахъ отъ устья Свіяги, находится городъ Свіяжскъ, построенный на островѣ, совершенно оригинальномъ для всего поволжья. Онъ принадлежитъ не къ наноснымъ, какъ вообще всѣ волжскіе острова, а къ горнымъ, что доказывается его известковымъ сложеніемъ, и образовался, какъ полагаютъ, отъ дѣйствія водъ *Свіяги* и притока ея *Щуки*, размывшихъ горный кряжъ и отдѣлившихъ отъ него свіяжскую гору. Кому приходилось бывать въ Свіяжскѣ во время разлива, тотъ, по всей вѣроятности, любовался прелестной картиной, открывающейся взорамъ мирныхъ обитателей этого маленькаго, тихаго городка. Волны широкаго разлива со всѣхъ сторонъ омываютъ подножіе той горы, на которой онъ цѣлый годъ терпѣливо дожидался этого радостнаго праздника весны. На сѣверѣ передъ нимъ Волга раскинулась во всю свою ширь и кажется чуть только не моремъ, по которому то и дѣло снуютъ пароходы, оставляя за собой темныя облака дыма, и бѣлѣютъ паруса украшенныхъ по праздничному судовъ. Чайки рѣютъ въ воздухѣ, блестя своими бѣлыми крыльями и тоже по своему радуются наступленію весны, предвкушая заранѣе обильный ловъ рыбы во время лѣтняго сезона; и онѣ также какъ будто соскучились по волжскому раздолью и спѣшатъ осмотрѣть и раскинувшіеся вокругъ острова, и образовавшіеся отъ разлива озера и заливы, и зеленѣющій неподалеку лѣсъ, и все, что такъ мило и дорого имъ въ этомъ спокойномъ уголкѣ земли. На горизонтѣ поднимается легкая дымка тумана, сквозь которую едва можно различить очертаніе покрытыхъ лѣсомъ горъ. Набережная въ обыкновенное время соннаго Свіяжска оживилась; теперь тутъ грузятся суда, толпы „крючниковъ“ ходятъ взадъ и впередъ, таская безъ устали громадные кули съ овсомъ; ловкій краснощекій приказчикъ суетливо бѣгаетъ вдоль палубы расшивы, готовой отправиться въ путь... А тамъ, неподалеку отъ лѣса, любующагося въ зеркалѣ водъ на свое роскошное одѣяніе, скользятъ нѣсколько лодокъ, съ которыхъ раздается смѣхъ веселыхъ, свѣжихъ голосовъ. Это беззаботная молодежь наслаждается теплымъ весеннимъ днемъ, стараясь въ свою очередь воспользоваться разливомъ водъ...

Въ 25-ти верстахъ отъ Свіяжска находится городъ Казань. Но онъ удаленъ отъ Волги на 7 верстъ и болѣе или менѣе удобно соединяется съ ней опять таки въ весеннее время. Противъ самаго устья Казанки возвышаются двѣ горы — Верхній и Нижній Услоны, а ниже ихъ русло Волги пересѣкается двумя мелями или, какъ ихъ называютъ, „перекатами“ — сначала Красновидовскимъ, а потомъ Антоновскимъ, ежегодно мѣняющими свои мѣста.

Наконецъ, за Антоновскимъ перекатомъ, нѣсколько ниже села Богородскаго, начинается устье Камы, тотчасъ заявляющей о себѣ большой песчаной косой и отбрасывающей Волгу на юго-западъ, къ городу Тетюшамъ. Устье Камы представляетъ собою самое оживленное мѣсто въ сѣверной части средняго поволжья; черезъ него проходятъ множество грузовыхъ и пасса-

жирскихъ пароходовъ, не говоря уже о плотахъ, баркахъ и пр. Одни изъ нихъ доставляютъ въ центральную Россію пермскую соль, другіе желѣзо, мѣдь, свинецъ и прочіе металлы; нерѣдко попадаются тутъ баржи съ рыбой, которая, кстати упомянемъ, по увѣренію знатоковъ, гораздо вкуснѣе волжской; по Камѣ же везутъ на нижегородскую ярмарку чай, мѣха, хлѣбъ,— однимъ словомъ, все, чѣмъ только богаты пермскій край и громадныя пространства Сибири.

Послѣ впаденія Камы, фарватеръ Волги становится значительно глубже и постояннѣе, хотя и тутъ все-таки встрѣчаются иногда песчаныя отмели, затоны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка дѣлится на рукава или „воложки". Что же касается характера огибающихъ ее горъ, то онѣ представляетъ собою одну весьма интересную особенность: начиная отъ села Богородскаго по направленію къ Тетюшамъ, въ нѣдрахъ этихъ горъ все чаще и чаще начинаютъ попадаться гипсовые слои, въ которыхъ, при дѣйствіи почвенныхъ водъ, легко образуются провалы, трещины и пещеры. Наиболѣе обширныя и замѣчательныя изъ пещеръ встрѣчаются здѣсь неподалеку отъ села Сюкеева, и потому извѣстны подъ именомъ „Сюкеевскихъ", затѣмъ можно указать еще на Монастырскія, Долгополянскія и друг. На обрывистомъ берегу Волги, которымъ оканчиваются дачи села Мордовскіе Каратаи или, какъ его теперь называютъ, Рождественскаго, саженяхъ въ четырехъ надъ уровнемъ рѣки, въ обыкновенную, „меженную"

Монастырь на Волгѣ.

воду видна разсѣлина между слоями залегающихъ здѣсь пластовъ. По наружному виду она ничѣмъ не обращаетъ на себя вниманія, такъ что можно пройти мимо нея нѣсколько разъ, не подозрѣвая, что за этимъ довольно узкимъ отверстіемъ скрывается обширное подземное вмѣстилище, куда не безынтересно заглянуть любителю оригинальныхъ картинъ природы.

Это именно и есть одна изъ указанныхъ нами пещеръ.

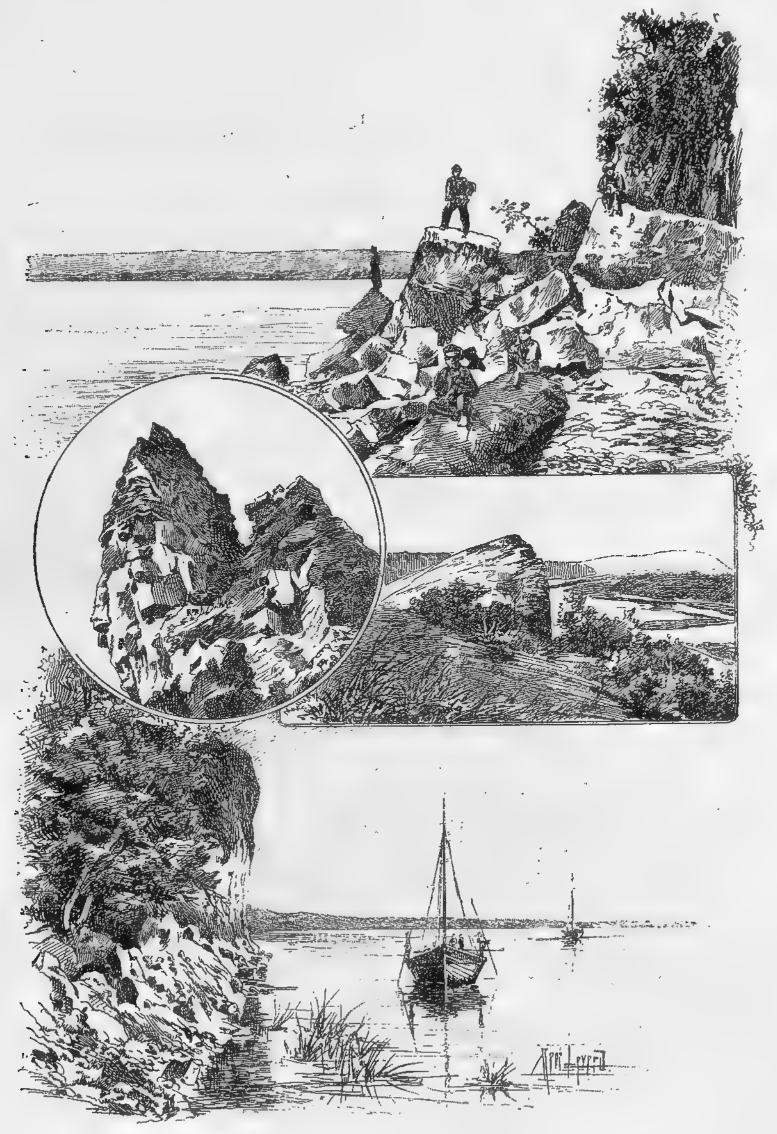
Согнувшись, влѣзаемъ мы въ небольшое отверстіе въ горѣ и, проползя нѣсколько шаговъ, вступаетъ въ довольно обширное темное подземелье. Еще не успѣли мы освоиться съ окружающимъ насъ мракомъ и легкимъ сѣрнистымъ запахомъ, свойственнымъ этому помѣщенію, какъ наши проводники, привычные къ дѣлу мордвины, уже освѣтили его факелами. Оказывается, что мы находимся вовсе не въ такой огромной пещерѣ, какая рисовалась нашему воображенію, когда мы, впотьмахъ, прислушивались къ гудѣвшимъ какъ-то особенно громко голосамъ нашихъ спутниковъ и къ мѣрному шлепанью крупныхъ капель воды, падавшихъ откуда-то сверху. Діаметръ этой пещеры не болѣе 5 саженъ и посрединѣ ея находится сѣрное озеро съ воронкообразнымъ дномъ, но не особенно глубокое. Можно обойти даже кругомъ его, хотя и не безъ риска поскользнуться. При свѣтѣ факеловъ милліоны искръ заблестѣли по стѣнамъ и своду пещеры, покрытымъ волнистой накипью сталактитовъ блѣдно-сине-розоватаго цвѣта. Изъ расказовъ проводниковъ мы узнаемъ, что уровень воды въ озерѣ, повышаясь и понижаясь вмѣстѣ съ уровнемъ воды въ Волгѣ, находится также въ зависимости отъ Сюкеевскаго озера, лежащаго верстахъ въ 10-ти отъ пещеры и выше ея. . . . .

Есть тутъ поблизости еще и другая пещера, но не на самомъ берегу Волги. Она гораздо больше первой, саженъ 10 въ ширину и почти квадратной формы; высота же ея едва достигаетъ 2-хъ саженъ. Въ глубинѣ этого подземелья виднѣется, при факельномъ освѣщеніи, ходъ въ другую пещеру, лежащую ниже первой, но такой же величины, хотя и нѣсколько другого вида. Внутренность ея необыкновенно оригинальна: у задней стѣны — небольшое озеро, поверхность котораго почти круглый годъ покрыта ледяной корой, чрезвычайно шероховатой, вслѣдствіе того, что замерзаніе происходило здѣсь не вдругъ, а по мѣрѣ просачиванія воды съ потолка. Въ глубинѣ пещеры, у самой стѣны, — водяныя капли, смерзаясь, образовали коническій ледяной столбъ, возвышающійся до ея свода и отливающій всѣми цвѣтами радуги при свѣтѣ факеловъ. Что-то фантастическое представляетъ собою эта пещера при яркомъ освѣщеніи!.. и всѣмъ кажется, что вы проникли глубоко, глубоко въ нѣдра земли и созерцаете одинъ изъ тѣхъ памятниковъ міровой созидающей силы, жалкими осколками которыхъ, въ видѣ болѣе или менѣе драгоцѣнныхъ камней, такъ любитъ украшать себя тщеславный человѣкъ.

Мы не будемъ говорить о другихъ, находящихся здѣсь пещерахъ, такъ какъ, въ общемъ, онѣ мало отличаются отъ только-что описанныхъ. Слѣдуетъ развѣ прибавить, для полноты картины, лишь то, что въ одни изъ этихъ подземныхъ вмѣстилищъ просачивается по стѣнамъ нефть, въ другія—чистая вода, а третьи обладаютъ признаками, доказывающими присутствіе въ ихъ грунтѣ сѣры.

Гористый берегъ по направленію къ Тетюшамъ все болѣе и болѣе повышается и, наконецъ, достигаетъ 70 саженъ надъ уровнемъ рѣки. На склонѣ одной изъ этихъ горъ расположены Тетюши, а противъ нихъ на лѣвой стороны, въ Спасскомъ уѣздѣ, видны развалины болгарскихъ укрѣпленій, которыя разсѣяны вдоль всего берега вплоть до Спасскаго затона. Послѣдній заняло общество „Кавказъ и Меркурій", устроивъ здѣсь механическій заводъ. Но природа менѣе доброжелательно отнеслась къ этому старѣйшему обществу, чѣмъ къ „Дружинѣ": русло затона заносится пескомъ отъ впадающей тутъ рѣчки и теперь до того обмелѣло, что суда уже не могутъ подходить къ заводу. Отсюда, одинъ за другимъ, тянутся по правой сторонѣ поросшіе лѣсомъ острова: Малый, Реунъ, Орховскій, Сергіевскій и другіе, а верстахъ въ 20-ти ниже впадаетъ въ Волгу рѣка Майна, судоходная лишь отъ находящагося при ея устьѣ села, Старая Майна. Затѣмъ, на правомъ берегу стоитъ Симбирскъ, ниже котораго берега дѣлаются пустыннѣе и разница въ ихъ характерѣ выступаетъ рѣзче: правый берегъ здѣсь окаймленъ высокими, почти сплошными горами, поросшими густымъ лѣсомъ, гдѣ обитаютъ только хищныя птицы; изрѣдка въ лощинахъ попадаются деревни, за которыми снова тянется дикое, неприступное по крутизнѣ побережье. Лѣвый же берегъ остается все время низменнымъ и принимаетъ степной характеръ. Тутъ Волга дѣлается значительно шире и на ней не встрѣчается уже такихъ мелей, которыя могли бы служить препятствіемъ для судоходства, хотя образованіе острововъ путемъ рѣчныхъ наносовъ происходитъ также и въ этомъ мѣстѣ. Такъ, двѣ впадающія близъ города Сенгилея рѣчки — Сенгилеевка и Тушинка награждаютъ русло Волги громаднымъ островомъ Костомышемъ (онъ тянется близъ лѣваго берега на 9 верстъ въ длину), въ чемъ, по всей вѣроятности, не малая доля участія принадлежитъ и сливающемуся съ Волгой, неподалеку отъ двухъ только-что указанныхъ рѣчекъ, Большому Черемшану. Отсюда начинается самая живописная и въ то же время самая поразительная, по своей суровости, картина волжскихъ береговъ: на правомъ изъ нихъ сначала тянутся Усольскія, а за ними величественныя Жегулевскія горы, поднимающіяся у самаго берега на высоту отъ 80 до 100 саженъ и обрамляющія эту рѣку почти сплошной стѣной на протяженіи 70—80 верстъ. Дикія, отвѣсныя скалы нависли надъ поверхностью зеркала водъ. Шумъ верхушекъ деревьевъ и шелестъ листвы непроходимыхъ, густыхъ кустарниковъ, покрывающихъ эти горы, сливаются съ плескомъ прибоя рѣчныхъ волнъ въ какую-то очаровательную гармонію, не поддающуюся оркестровкѣ. Ни деревни, ни даже хижины не видно на этихъ неприступныхъ высотахъ, то зе-

ленѣющихъ роскошной растительностью, то совершенно обнаженныхъ. Здѣсь нашли себѣ пріютъ лишь лѣсные хищники, въ родѣ чернаго медвѣдя, волка, лисицы, да сохранилась еще особая порода бѣлокъ, отличающаяся эффектной бѣлизной своего покрова.

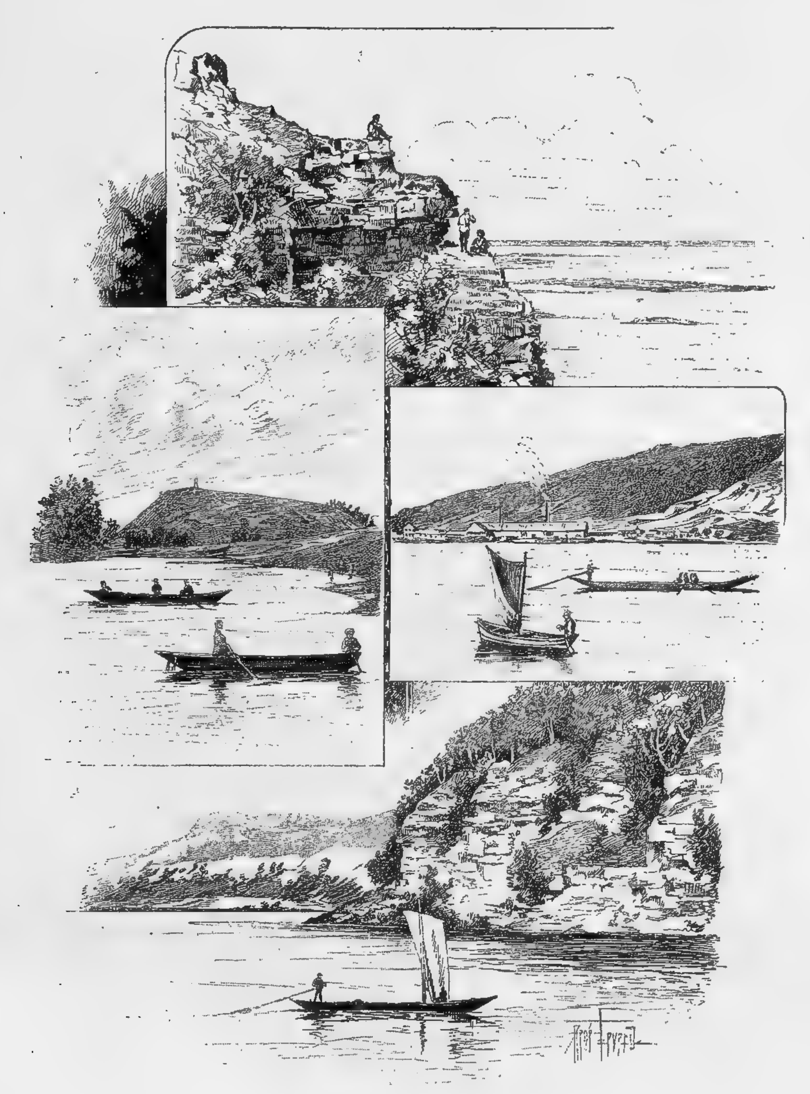
Разные виды Волги около Жегулевскихъ горъ.

Дикая величавость Жегулевскихъ горъ на всемъ ихъ протяженіи нарушается лишь тремя—четырьмя лощинами, гдѣ живописно раскинуты окруженныя лѣсомъ и пашнями деревни; между тѣмъ какъ Усольскія горы, напротивъ, еще съ давнихъ поръ привлекали къ себѣ жителей своими соляными источниками, отъ которыхъ, вѣроятно, и получилъ свое названіе прежній

городъ, а теперь село Усолье. Это послѣднее находится въ настоящее время на горѣ, тогда какъ о первомъ говорится въ лѣтописяхъ, что онъ стоялъ на самомъ берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь образовалась воложка. На горѣ же была только сторожевая башня для наблюденія за кочевавшими вблизи ордами ногайскихъ татаръ.

Послѣ впаденія рѣчки Усы, Волга образуетъ на лѣвомъ берегу, около Ставки поля, большой протокъ, такъ-называемую „*Кунью воложку*", къ которой городъ и примыкаетъ одной своей стороной. Вслѣдствіе этого суда подходятъ къ нему только въ разливъ, а по спадѣ водъ, когда проходъ заслоняется мелью, они останавливаются ниже, и города съ Волги даже не видно. Въ полуверстѣ отъ него лежитъ поросшій лѣсомъ островъ, гдѣ нѣкогда укрывались шайки низовой вольницы. У Ставрополя Волга вдругъ дѣлаетъ крутой поворотъ на востокъ и, пройдя въ этомъ направленіи около 60 верстъ, течетъ сначала къ югу, а потомъ къ западу, образуя, такимъ образомъ, громадную дугу въ 150 верстъ, по обоимъ концамъ которой находятся двѣ деревни—Жегули и Переваловка, а въ срединѣ ея лежитъ городъ Самара. Весь этотъ заворотъ Волги отъ Жегулей до Сызрани носитъ названіе *Самарской Луки*. Правый берегъ здѣсь сохраняетъ еще отличительные признаки Жегулевскихъ горъ и возвышенностей надъ уровнемъ рѣки на 70—80 саженъ, а отдѣльныя вершины, по измѣренію Палласа, даже на 100 саженъ. Здѣсь лѣсовъ сохранилось уже немного, и обнаженные утесы представляютъ множество ущелій и пещеръ, гдѣ водятся соколы, особая порода красныхъ утокъ, извѣстныхъ подъ именемъ караготокъ, и множество породъ хищныхъ птицъ. Вершины этихъ известковыхъ горъ почти всегда покрыты туманомъ, что даетъ поводъ предполагать, что ихъ овраги и разсѣлины громадныхъ скалъ довольно богаты влагой. Въ настоящее время, кстати упомянемъ, Самарская Лука почти вся принадлежитъ графамъ Орловымъ, которые получили ее въ подарокъ отъ императрицы Екатерины II за свои заслуги. Въ этихъ мѣстахъ даже и лѣвый берегъ Волги измѣняетъ свой низменный, луговой характеръ. При впаденіи рѣки *Сока*, близъ деревни *Царевщины*, между другими возвышенностями тутъ есть курганъ, называемый „царевымъ". Строеніе этой горы, состоящей изъ громадныхъ известковыхъ глыбъ, указываетъ достаточно ясно на ея образованіе путемъ геологическихъ переворотовъ, но народная фантазія, развившаяся подъ вліяніемъ воспоминаній о старыхъ временахъ татарщины, связываетъ его происхожденіе съ появленіемъ татарскихъ полчищъ, одинъ изъ предводителей которыхъ будто-бы приказалъ своимъ воинамъ насыпать въ этомъ мѣстѣ по шапкѣ земли въ то время, когда отправлялся въ походъ противъ русскихъ. Можно представить себѣ, какъ велико было войско, по мнѣнію народа, сложившаго эту легенду, если оно, безъ всякихъ усилій, воздвигло такой курганъ!.. Но за то какъ мало его возвращалось назадъ!.. Далѣе, легенда говоритъ, что когда, на обратномъ пути, татарскій военачальникъ снова приказалъ воинамъ взять по шапкѣ земли съ этого кургана, то они могли снять съ него только одну верхушку. Однако, это поэтическое сказаніе вовсе не согласуется съ дѣйствительностью, такъ какъ курганъ состоитъ изъ такихъ громадныхъ камней, что сдвинуть ихъ было бы не подъ силу даже и сказочнымъ богатырямъ. Строеніе его то же, что и Жегулевскихъ горъ, а форма вѣроятно обусловливается дѣйствіемъ вешнихъ водъ. Невысокія горы тянутся теперь также по всему лѣвому побережью Самарской Луки и амфитеатромъ окружаютъ городъ Самару, живописно расположенный по ихъ склонамъ при устьѣ рѣки Самарки, образующей на противоположномъ берегу нѣсколько мелей. Верстахъ въ 20 ниже Самары оканчивается цѣпь *Жегулевскихъ горъ* послѣднимъ изъ ея звѣньевъ *Сѣрною горою*, названною такъ благодаря присутствію въ ней самородной сѣры, хотя въ настоящее время добываніе этого минерала здѣсь совершенно оставлено и на горѣ сохранились только развалины прежняго казеннаго завода, да слѣды производимыхъ нѣкогда пороховыхъ взрывовъ. Начиная отъ этого мѣста, правый берегъ становится болѣе безлѣснымъ и понижается надъ уровнемъ Волги до 25 и даже до 20 саженъ, сохраняя характеръ обрывовъ изъ плитняка, въ которомъ, мѣстами, попадаются пещеры. Наконецъ,

миновавъ село Екатериновку, деревни Новыя и старыя Костычи, мы поровняемся съ знаменитой деревней *Батраками*, а спустившись еще ниже на три версты — съ городомъ Сызранью. Городъ этотъ, по словамъ старожиловъ, находился прежде на берегу „коренной" Волги, имѣлъ

Разные виды Волги около Жегулевскихъ горъ.

свои пристани, но потомъ русло рѣки близъ него обмелѣло, образовался мало-по-малу наносный полуостровъ и... городъ очутился на „*Сызранской воложкѣ*", такъ что грузы подвозятся къ нему отъ деревни *Батраки*. Нѣсколько ниже его находится такъ-называемый *Черный затонъ*, при впаденіи въ Волгу рѣчки Чернавки, отъ котораго тянутся Чернозатонскія горы, вплоть до самаго Хвалынска. Здѣсь снова берега Волги оживляются множествомъ раскинувшихся по

нимъ селъ и деревень, производящихъ довольно большую торговлю пшеницей. Но Волга не ко всякому изъ этихъ селеній относится привѣтливо и дружелюбно: иногда случается, что она заставляетъ ихъ обитателей переносить свои постройки подальше отъ берега, угрожая иначе— смыть, стереть ихъ съ лица земли, какъ это именно и случилось съ деревней Федоровкой.

Мирно жили себѣ обитатели этой деревушки, и не подозрѣвая о коварныхъ замыслахъ своей „кормилицы", какъ вдругъ, въ одну изъ несчастныхъ весеннихъ ночей 1834 года, почувствовали, что почва, на которой стояли ихъ избы, начинаетъ скатываться внизъ. Шумъ, трескъ, грохотъ предвѣщали что-то ужасное, небывалое!... Въ страшномъ испугѣ бросились они изъ своихъ лачужекъ на улицу и... чтоже представилось ихъ глазамъ?... Часть долины, гдѣ была построена ихъ деревня, отдѣлилась отъ горы и стала медленно осѣдать по направленію къ рѣкѣ. Множество строеній погибло въ этой катастрофѣ и не одного десятка жизней стоило федоровскимъ крестьянамъ близкое сосѣдство съ Волгой. Темные люди и не подозрѣвали, что она предательски размывала рыхлые слои, служившіе основаніемъ ихъ полей, а снѣговая и дождевая вода, просачиваясь сверху, довершила то, надъ чѣмъ работала много лѣтъ рѣка, сдавленная съ обѣихъ сторонъ берегами. Впрочемъ, подобные случаи, какъ мы уже сказали, не рѣдки по всему протяженію волжскаго горнаго кряжа: такъ, напримѣръ, „волею Божіею и грѣхъ ради человѣческихъ", выражаясь языкомъ лѣтописи, сползали нѣсколько разъ склоны лежащей близъ Саратова Соколовой горы, также обрушиваются и берега нѣкоторыхъ селъ и деревень, лежащихъ выше Самарской Луки.

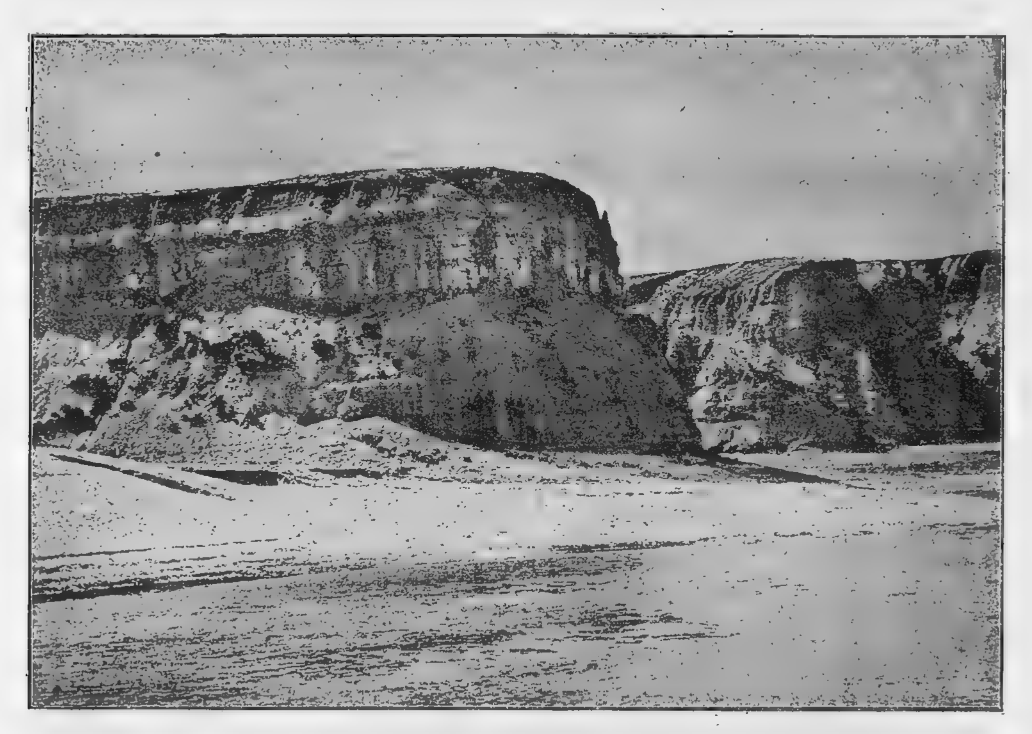
Приближаясь къ Хвалынску, мы наталкиваемся опять на нѣсколько отмелей и, наконецъ, у самаго города встрѣчаемъ Сосновскій островъ, образовавшійся изъ наносовъ, впадающихъ по близости его въ Волгу, маленькихъ рѣкъ. Отсюда, вплоть до Вольска, по правому берегу тянутся мѣловыя и известковыя *Дѣвичьи горы*, а на лѣвомъ—начинаютъ попадаться красиво построенныя нѣмецкія колоніи. Верстахъ въ 15 далѣе Хвалынска, въ Волгу впадаетъ рѣка Ирицъ-Елань или Гачра, которая верстъ за 30 до своего устья течетъ такъ близко къ Волгѣ, что сливается съ нею во время весеннихъ разливовъ. Верстахъ въ десяти ниже песчаныхъ устьевъ этой рѣчки образовался частью выступомъ берегового кряжа, частью наносомъ—превосходный затонъ, гдѣ зимуютъ пароходы „Камско-Волжскаго Общества". Вообще въ этихъ мѣстахъ берега Волги становятся чрезвычайно оживленными: повсюду тутъ глазъ встрѣчаетъ то богатыя торговыя села, то города, славящіеся своими бойкими пристанями, а между тѣмъ въ руслѣ Волги замѣтно уже значительное обмелѣніе, вслѣдствіе недостатка обильныхъ водою притоковъ и отсутствія влаги, объясняемаго отчасти истребленіемъ лѣсовъ. Изъ выдающихся селеній обращаетъ на себя вниманіе Алексѣевка, довольно правильно построенное на горномъ кряжѣ, одинъ изъ вѣтвей котораго упирается въ Волгу, образуя уже указанный затонъ пароходнаго общества. При устьѣ Малаго Иргиза раскинулось торговое село *Широковъ*, а за нимъ, въ одной верстѣ отъ Волги, на рѣчкѣ Линевкѣ, судоходной во время разлива, лежитъ торговое же село Баланово, значеніе котораго въ среднемъ поволжьѣ растетъ съ каждымъ годомъ. Наконецъ, противъ устья Большого Иргиза, на правомъ берегу Волги, въ чрезвычайно живописной мѣстности, расположенъ городъ *Вольскъ*. Онъ построенъ на довольно крутомъ берегу и окруженъ горами, идущими около него въ видѣ полукружія и примыкающими съ сѣверной стороны къ самой Волгѣ. Ручьи и рѣчки текутъ съ этихъ горъ и тутъ же вливаются въ Волгу; фруктовыхъ садовъ до того много въ городѣ, что съ берега онъ кажется какъ бы утонувшимъ въ зелени и это придаетъ ему необыкновенную прелесть. Ниже Вольска, по обоимъ берегамъ рѣки уже часто встрѣчаются нѣмецкія колоніи. Однѣ изъ нихъ раскинуты по скатамъ Змѣевыхъ горъ, тянущихся внизъ отъ Вольска верстъ на 35, другія пріютились вблизи заливовъ, на луговой сторонѣ рѣки. Еще ниже въ Волгу впадаетъ Терешка, обладающая уже всѣми отличительными признаками степной рѣки: длинная, длинная сравнительно съ своей шириной, но мелкая, совершенно не судоходная и полезная только, какъ источ-

АВТОТИПІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ.

ЖЕГУЛИ. (Фотографія съ натуры).

никъ силы, приводящей въ движеніе множество построенныхъ на ней мельницъ. Затѣмъ, слѣдуетъ рѣка Саратовка съ лежащей при устьѣ ея *Покровской слободой*, извѣстной въ торговомъ отношеніи, какъ лучшая пристань во всей Самарской губерніи. Здѣсь фарватеръ Волги съ нѣкотораго времени началъ измѣнять коммерческо-промышленному и самому населенному изъ всѣхъ поволжскихъ городовъ, Саратову, расположенному противъ Покровской слободы. Въ то время какъ у перваго русло Волги постоянно все больше и больше заносится пескомъ, становясь годъ отъ году менѣе удобнымъ для прохода грузовыхъ судовъ, Покровская слобода начинаетъ расти и развиваться на глазахъ приходящаго въ отчаяніе отъ зависти ея старшаго брата. Много лѣтъ уже шла переписка и посылались въ Петербургъ ходатайства объ углуб-

Утесъ Стеньки Разина. (Фотографія съ натуры).

леніи фарватера рѣки Волги подъ Саратовомъ, а мель все росла себѣ, да росла и Волга все дальше уходила отъ города. Здѣсь кстати упомянуть, что Саратовъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ былъ основанъ именно при устьѣ рѣки Саратовки. Но ему захотѣлось быть поближе къ центру и вотъ, въ XVII столѣтіи, онъ переселился на правый берегъ, не предвидѣвъ, вѣроятно, какихъ хлопотъ будетъ стоить ему—удержать Волгу вблизи своего новаго жилища. Впрочемъ, на правой сторонѣ онъ выглядитъ много наряднѣе, чѣмъ на лѣвой. Начиная отъ берега Волги, покрытаго глубокимъ сыпучимъ пескомъ, онъ тянется въ видѣ амфитеатра по склону крутой возвышенности въ 15, мѣстами въ 30 саженъ надъ уровнемъ рѣки. Къ сѣверной части его примыкаетъ *Соколова* гора, славившаяся въ старину своимъ густымъ лѣсомъ, въ которомъ водились соколы, вслѣдствіе чего и произошло ея названіе. Къ Волгѣ она спускается крутымъ обрывомъ, достигающимъ высоты 100 саженъ по ея отвѣсу. Весенніе потоки и дождевые ручьи избороздили оврагами скаты этой горы, идущіе къ городу и его

предмѣстьямъ, при чемъ самый глубокій изъ нихъ *Глѣбовскій* дѣлитъ его на двѣ части. За нимъ возвышается сначала *Лысая гора*, а потомъ *Лопатина*, которая и служитъ началомъ горнаго кряжа, идущаго по берегу Волги.

Ширина этой рѣки подъ Саратовомъ доходитъ въ обыкновенное время до 4-хъ, а въ разливъ до 20-ти верстъ. Правый берегъ ея еще и ниже этого города остается гористымъ и отдѣльныя возвышенности носятъ названія, которыми ихъ окрестилъ народъ въ память того или другого изъ наводившихъ здѣсь ужасъ атамановъ понизовой вольницы. Такъ, верстахъ въ 7 отъ Волги есть большая гора въ 80 саженъ вышины, называемая Будановой, по-имени какого-то атамана разбойниковъ *Будана*, жившаго здѣсь съ своею шайкой, а немного дальше—

Уракова гора. (Фотографія съ натуры).

Гаврилина, съ которой тоже, вѣроятно, связаны подобныя воспоминанія. Кромѣ того, въ 12 верстахъ отъ Саратова находится деревня *Бережной Уленъ* съ развалинами знаменитой ханской столицы, относящейся ко времени господства здѣсь татаръ. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ Волги, снова видны живописныя нѣмецкія колоніи и между ними на правомъ берегу *Сосновка*, откуда начинается сухопутный волокъ между рѣками Волгой и Медвѣдицей. Всѣ нѣмецкія колоніи ведутъ торговлю хлѣбомъ точно также, какъ и замѣшавшееся среди нихъ русское село *Золотое* на правомъ и деревня *Банная* на лѣвомъ берегу. Вблизи этой послѣдней можно видѣть большой обрывъ, отдѣленный глубокими промоинами отъ береговъ Волги. Это именно и есть *Бугоръ Стеньки Разина*, на вершинѣ котораго, по преданію, жилъ онъ самъ, а на одномъ изъ склоновъ горы была сдѣлана яма, куда, будто бы, сажали плѣнниковъ и гдѣ даже до сихъ поръ сохранились кости человѣческихъ скелетовъ.

Далѣе уже снова берега довольно пустынны и только послѣ впаденія въ Волгу степной,

мелководной рѣки, Большого Еруслана, они понемногу начинаютъ оживляться. На правой сторонѣ вскорѣ показывается колонія *Добринка*, верстахъ въ 8 отъ которой берегъ разнообразится чрезвычайно живописной горой, называемой Ураковскимъ бугромъ, возвышающемся до 70 саженъ надъ уровнемъ Волги. Гора эта опирается своимъ основаніемъ на утесъ въ 20 саженъ вышины, внутри котораго много прорытыхъ водою пещеръ. Вообще берега Волги пестрѣютъ здѣсь садами, бахчами, нивами и табачными плантаціями; русло-же здѣсь отличается множествомъ сильно затрудняющихъ судоходство песчаныхъ отмелей, что, однако, не мѣшаетъ жителямъ прибрежныхъ селеній заниматься судовымъ промысломъ. Такъ, верстахъ въ полутораста, ниже Саратова, на лѣвомъ берегу Волги находится Николаевская слобода, населенная малороссами, издавна посвятившими себя почти исключительно одной только отрасли труда—перевозкѣ и нагрузкѣ элтонской соли. Отъ этой слободы предполагается провести къ Элтонскому озеру желѣзную дорогу, что, разумѣется, значительно уменьшитъ заработокъ мѣстныхъ возчиковъ, но за то повліяетъ на пониженіе продажной цѣны соли. Почти противъ Николаевской слободы раскинулся городъ *Камышинъ*, при устьѣ рѣки *Камышинки*, воспѣтой въ казацкихъ пѣсняхъ, изъ содержанія которыхъ мы отчасти можемъ познакомиться съ прошлымъ этой рѣки. Оказывается, что прежде она была гораздо многоводнѣе и текла въ крутыхъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ, берегахъ. Вмѣстѣ съ *Иловлей*, Камышинка служила удобнымъ путемъ для донскихъ удальцовъ, пробиравшихся изъ своихъ станицъ „въ Волгѣ-матушкѣ, въ разливѣ погулять, счастья-радости въ чужбинѣ поискать“, проще и прозаичнѣе—пограбить, если удастся, волжскіе караваны. Свободно разгуливали здѣсь эти „разудалые ребята“ до 1668 года, когда, наконецъ, рѣшено было принять противъ нихъ энергичныя мѣры, выразившіяся, прежде всего, въ построеніи укрѣпленнаго города Дмитріевска, который впослѣдствіи и получилъ названіе Камышина. Еще въ царствованіе Петра I предполагалось соединить Камышинку посредствомъ канала съ Дономъ, но предпріятіе это въ свое время не имѣло возможности осуществиться, а потомъ, послѣ обмелѣнія рѣки, о немъ нельзя было уже и думать. Въ настоящее время Камышинъ находится въ совершенно безлѣсной мѣстности и представляетъ крайне унылый видъ. Его скрашиваютъ немного только выдающіяся вдали горы, которыя потомъ подходятъ къ берегу подъ названіемъ *Дмитріевскихъ*. Въ настоящее время отъ Камышина еще существуетъ гужевой перевозъ на Донъ, вслѣдствіе чего волжская пристань его довольно значительна.

Между Камышиномъ и посадомъ Дубовкой встрѣчается по берегамъ Волги нѣсколько большихъ селъ,—и изъ нихъ *Каравашка* замѣчательна тѣмъ, что по всему ея берегу и верстъ на 25 ниже разбросаны въ разныхъ мѣстахъ гладкіе, точно обточенные, валуны, напоминающіе своей формой караваи. По твердости они не уступаютъ булыжному камню и употребляются на мощеніе съѣздовъ къ Волгѣ. Чтобы судить о величинѣ и твердости ихъ,—достаточно сказать, что разбивка одного валуна обходится приблизительно въ 15 рублей.

За Камышиномъ мы встрѣчаемъ казачье поселеніе, Александровскую станицу, на обязанности жителей котораго лежитъ нести службу по внутренней астраханской кордонной линіи. За нимъ идутъ еще нѣсколько селъ и деревень то расположенныхъ на самомъ берегу рѣки, то виднѣющихся вдали на откосахъ холмовъ и, наконецъ, мы видимъ посадъ Дубовку, раскинувшійся на крутомъ скатѣ береговой возвышенности. Голыя скалы и глубокіе овраги виднѣются кругомъ его, напоминая о близости безводныхъ степныхъ пространствъ. Природа, повидимому, отказала Дубовкѣ въ роскошной растительности, характеризующей большинство поволжскихъ городовъ, но за то съ избыткомъ вознаградила ее въ другомъ отношеніи, сдѣлавъ однимъ изъ центровъ перевозной торговли, на которую и направлены почти всѣ ея капиталы. Отъ нея идетъ сухопутный волокъ къ Дону, по которому лѣтъ 20 тому назадъ пролегала конно-желѣзная дорога, не имѣвшая, впрочемъ, успѣха, вслѣдствіе чего и должна была уступить свое мѣсто обыкновеннымъ способамъ перевозки. За Дубовкой берега Волги

начинаютъ сильно понижаться и, наконецъ, подъ Царицынымъ, послѣ того какъ отъ нея отдѣлился рукавъ *Ахтуба*, принимаютъ пустынный, крайне однообразный видъ: повсюду выступаютъ пески, служащіе началомъ безотрадныхъ степей, и Волга тихо катится межъ ними, какъ бы утомившись своимъ долгимъ странствованіемъ по обширной равнинѣ. Сама природа точно будто погружена здѣсь въ дремоту и лишь по временамъ вдругъ встрепенется, заявивъ объ этомъ неожиданнымъ шкваломъ или песчанымъ вихремъ. По берегамъ иногда попадаются десятка полтора избушекъ—мазанокъ, которыя выстроились въ рядъ и такъ же—не то сонно, не то уныло—посматриваютъ парой своихъ окошекъ на пробѣгающіе мимо нихъ пароходы и лѣниво движущіяся расшивы. Лѣтомъ тутъ стоитъ такая жара и духота, что отъ нея не страдаетъ развѣ только одинъ привычный къ зною верблюдъ, да и тотъ все-таки тянется къ водѣ, чтобы отдохнуть отъ лѣтней истомы.

Вотъ и послѣдній изъ городовъ средняго Поволжья, Царицынъ. Онъ построенъ на пра-

Волга около Саратова. (Фотографія съ натуры).

вомъ берегу Волги вскорѣ послѣ завоеванія Россіей царства Астраханскаго и служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ, благодаря идущей отъ него грязе-царицынской дорогѣ, а также небольшой желѣзно-дорожной вѣтвью къ станицѣ Калачѣ, на Дону. По наружности, несмотря на множество красивыхъ зданій, этотъ городъ представляетъ чрезвычайно непривлекательный видъ, вслѣдствіе окружающихъ его песчаныхъ пространствъ. Только оврагъ, по которому течетъ рѣчка Царица, нѣсколько скрашиваетъ однообразіе скученныхъ домовъ. Но за то въ самомъ городѣ и на берегу мы видимъ такое оживленіе, какого еще не встрѣчали, начиная отъ Саратова. То и дѣло по улицамъ снуютъ озабоченные мѣстные и заѣзжіе коммерсанты: кто грузитъ хлѣбомъ вагоны, кто принимаетъ полученный изъ столицы товаръ, кто торопится на поѣздъ желѣзной дороги, предпочитая болѣе дорогое, но за то болѣе быстрое сухопутное сообщеніе водному, болѣе медленному, хотя и дешевому. Множество купеческихъ и маклерскихъ конторъ, масса складовъ, амбаровъ и тому подобныхъ построекъ напоминаютъ повсюду, что мы находимся въ одномъ изъ центровъ волжской торговли. А дальше, въ сторону отъ Царицына начинаются уже степныя кочевья калмыковъ и даже неподалеку отъ

города видны ихъ войлочныя кибитки, съ необходимой принадлежностью степной жизни—верблюдами, замѣняющими калмыкамъ и коровъ, и лошадей...

Говоря вообще о характерѣ русла Волги, слѣдуетъ упомянуть, что, несмотря на обиліе своихъ водъ, эта рѣка все-таки не представляетъ собою вполнѣ удобнаго естественнаго пути, по которому можно бы было ходить свободно и безопасно, изучивъ разъ навсегда фарватеръ, какъ, напримѣръ, по Рейну и другимъ рѣкамъ, отличающимся каменистымъ грунтомъ дна. Страшное обмелѣніе ея за послѣднее время привело къ тому обстоятельству, что въ меженную воду все пространство отъ Нижняго до устья Камы представляется теперь чѣмъ-то въ родѣ сплошной мели, словомъ, ко всѣмъ тѣмъ неудобствамъ, устраненіе которыхъ составляетъ вопросъ времени и капитала, прибавляется еще и то неудобство, что песчаные наносы на этой рѣкѣ мѣняютъ свое мѣсто послѣ каждаго половодья, что одни изъ ея островов смываются безслѣдно, тогда какъ другіе вдругъ вырастаютъ тамъ, гдѣ ихъ и не ожидали, что они движутся по рѣкѣ или вслѣдствіе того, что смываются водою спереди и заносятся сзади, или потому, что берега ихъ обрушиваются съ одной стороны и нарастаютъ съ другой; наконецъ, нерѣдко бываетъ и то, что „*коренная*" Волга дѣлается *воложной*, которая въ свою очередь становится „*коренной*". Нужно слишкомъ большой навыкъ, слишкомъ вѣрный глазъ, чтобы пользоваться услугами этой главной артеріи русской земли.

Тѣмъ не менѣе, однако, сравнительно съ другими рѣками, Волга оказывается едва-ли не наиболѣе дѣятельной и уступаетъ развѣ только судоходнымъ путямъ Балтійскаго бассейна. Изъ общаго количества грузовъ (около 478 милл. пудовъ), перевозимыхъ по рѣкамъ всѣхъ нашихъ бассейновъ, на бассейнъ Каспійскаго моря приходится 42,2% (т.-е. около 200 мил. пуд.), а изъ этого количества на рѣку *Волгу* надо отнести 40% всѣхъ грузовъ Каспійскаго бассейна (т.-е. около 80 мил. пудовъ).

Главнымъ предметомъ нагрузки служитъ, разумѣется, хлѣбъ, идущій, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, со всѣхъ волжскихъ пристаней. Но преимуществомъ въ этомъ отношеніи пользуется Самара, отправляющая ежегодно около 13 милліоновъ пудовъ. Затѣмъ можно указать на Балаково, Майну, Саратовъ, Хвалынскъ, Камышинъ, а изъ городовъ выше Самары—на Казань, Симбирскъ, Сызрань и нѣсколько другихъ, значительно уступающихъ, впрочемъ, Самарѣ по количеству хлѣбныхъ грузовъ. Между дровяными пристанями первое мѣсто принадлежитъ Козьмодемьянску, гдѣ собирается ежегодно изъ Ветлуги и Рутки несмѣтное количество плотовъ, идущихъ въ низовыя губерніи. Сало грузится въ Самарѣ (около 1 милл. пуд.), Балаковѣ, Вольскѣ, соль—въ Николаевской слободѣ, противъ Камышина, гдѣ и скопляется до 8 милл. пудовъ. Кромѣ того, есть еще и такіе грузы, какъ плоды и овощи, отправляемые изъ Саратова и Камышина, табакъ изъ Екатериненштадта и другихъ нѣмецкихъ колоній, камень и известь изъ Свіяжска и пр., кожи изъ Вольска и Самары, полушубки и овчины изъ одной только Самары и, наконецъ, рыба изъ Саратова и пристаней, лежащихъ ниже ея.

Всѣ эти грузы перевозятся пятью различными способами: пароходно-буксирнымъ, кабестаннымъ, конно-машиннымъ, ходовымъ и тягою. Послѣдній—наиболѣе древній и представляетъ одну изъ самыхъ возмутительныхъ по своей жестокости эксплуатацій мускульной человѣческой силы.

Вотъ какимъ образомъ суда перевозятся тягою:

Нѣсколько человѣкъ рабочихъ сходятъ на берегъ и, навалившись грудью на ременныя петли *лямокъ*, тянутъ нагруженное не одной сотней пудовъ судно за бичеву или прикрѣпленный къ мачтѣ канатъ. Невозможно описать того нравственнаго и физическаго состоянія, въ которомъ находятся эти загорѣлые, превратившіеся какъ будто въ вьючныхъ животныхъ люди. Наступитъ ли полуденный жаръ, заставляющій горожанъ прятаться въ своихъ домахъ, польетъ-ли весенній ливень, пронесется-ли осенняя туча съ вѣтромъ и холоднымъ дождемъ, — а эта артель несчастныхъ каторжниковъ „по своей доброй волѣ" шагаетъ вдоль песчаной отмели, не чувствуя подъ собою ногъ отъ усталости, и только все ниже и ниже пригибается къ землѣ,

чтобы держать судно, готовое сорваться при налетѣвшемъ внезапно вѣтрѣ... Но какъ счастливы бываютъ эти одеревенѣвшіе отъ работы мрачные богатыри, когда судно можетъ идти на парусахъ и для нихъ явится возможность полежать безъ движенія на палубѣ, погрѣться на солнцѣ или забиться въ грязный, вонючій трюмъ!.. Тутъ уже не слышно ихъ пѣсенъ, или, скорѣе, раздирающихъ душу воплей, которыми они старались придать себѣ бодрости и заглушить чувство утомленія въ то время, какъ шли бичевой...

Но что же это за люди, добровольно обрекшіе себя на этотъ каторжный трудъ?.. Это не люди, милые читатели. Это тѣ жалкія созданія, о которыхъ говоритъ нашъ поэтъ:

«Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
«Бродя по этимъ берегамъ,
«И передъ смертію не зналъ,
«Что заповѣдать сыновьямъ».

Волга около Саратова. (Фотографія съ натуры).

Это тѣ мрачныя, невѣжественныя существа, полудикія черты которыхъ запечатлѣлись на полотнѣ картины нашего художника Рѣпина, стяжавшаго себѣ славу своей исторически-вѣрной картиной.

Это та грязная, оборванная толпа, которая получаетъ за свой трудъ не болѣе того, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду, а въ видѣ награды—репутацію какихъ-то парій.

Это — бурлаки.

Это бурлаки, одно лишь названіе которыхъ служитъ браннымъ эпитетомъ во всемъ Поволжьѣ: пьянъ—какъ бурлакъ, грубъ—какъ бурлакъ, грязенъ — какъ бурлакъ, оборванъ — какъ бурлакъ! Въ такихъ сравненіяхъ выражается брань судопромышленниковъ.

Въ прежніе годы бурлаки обыкновенно нанимались артелями въ 10—15, а на большія суда во 100 и даже во 150 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе опытный въ судоходномъ дѣлѣ, хорошо ознакомившійся съ фарватеромъ рѣки, принималъ на себя обязанности лоцмана. Это былъ глава всей артели, относившейся къ нему съ безграничнымъ довѣріемъ. Онъ строго соблюдалъ бурлацкіе интересы, распредѣлялъ время стоянокъ, заступался за членовъ артели пе-

редъ судопромышленникомъ и пр. Интересы хозяина поручались на суднѣ водоливу, который въ то-же время служилъ и приходо-расходчикомъ артельныхъ денегъ. Между бурлаками и рабочими точно также существовало нѣсколько ранговъ. На заводяхъ, когда тяга производилась не съ берега, а на палубѣ судна, помощію вытягиванія брошеннаго на якорѣ каната, у лоцмана былъ особый помощникъ изъ бурлаковъ, называвшійся *корщикомъ*. На обязанности двухъ другихъ лежало—сбрасывать бичеву съ деревьевъ или отцѣплять ее отъ камней. Это такъ-называемые косные. Одинъ изъ нихъ оставался на суднѣ, а другой шелъ вмѣстѣ съ бурлаками, но становился послѣднимъ въ бичевѣ. Впереди же всѣхъ шелъ всегда самый рослый, самый сильный изъ артели, называвшійся шишкой. Онъ первый прокладывалъ путь вдоль бичевника, а за нимъ уже тянулась и вся артель. Наконецъ, младшій членъ этой семьи назывался *кашеваромъ*. На эту должность обыкновенно брали подростка, иногда даже лѣтъ одиннадцати, который готовилъ бурлакамъ обѣдъ, мелъ палубу судна, убиралъ въ трюмѣ.

Бурлаки проходили по Волгѣ двоякаго рода путины: одну — между Рыбинскомъ и Царицынымъ, которая называлась у нихъ дальней, другія—между Рыбинскомъ или, все равно, Царицинымъ и Нижнимъ, называвшіяся короткими. Первая совершалась, обыкновенно, одна во все лѣто, вторыхъ же могло быть сдѣлано и двѣ. Путины, въ свою очередь, раздѣлились на перемѣны, крайнія путины, между которыми были назначены, по ихъ мнѣнію, самой императрицей Екатериной II. По Волгѣ суда рѣдко ходятъ теперь тягою,—этотъ способъ перевозки сохранился только на нѣкоторыхъ изъ ея притоковъ, между тѣмъ какъ прежде онъ былъ весьма распространенъ, несмотря на медленность такой доставки, не превышающей одной версты въ часъ.

Ходовая перевозка несравненно быстрѣе и достигаетъ десяти верстъ въ часъ, но она возможна лишь при попутномъ вѣтрѣ, такъ какъ совершается на парусахъ.

Большія суда тоже рѣдко буксируются теперь и посредствомъ коноводныхъ машинъ, устраиваемыхъ такъ же просто, какъ дѣлаются водокачки, молотилки и т. под. машины, приводимыя въ движеніе лошадьми. Якорь, съ прикрѣпленнымъ къ нему однимъ изъ своихъ концовъ канатомъ, завозится въ лодкѣ на болѣе или менѣе значительное разстояніе и бросается въ воду, послѣ чего рабочіе возвращаются къ судну, разматывая и сбрасывая свободную часть каната, который затѣмъ снова вытягивается при вращеніи вала, движущагося помощью машины. Этотъ способъ перевозки значительно успѣшнѣе тяги; пользуясь имъ, можно пройти отъ 20 до 30 верстъ въ сутки.

Съ открытіемъ силы пара судоходство сдѣлало нѣкоторый шагъ впередъ. Появились тяжелые кабестанные пароходы, вытѣснившіе собою почти совершенно конныя машины. По принципу своего устройства онѣ совершенно сходны съ послѣдними, а преимущество ихъ состоитъ въ томъ, что они могутъ тянуть громадные грузы (около 7,000 пудовъ на каждую паровую силу) и проходить въ сутки отъ 30 до 35 верстъ.

Но и эта машина не можетъ соперничать съ пароходомъ, пробѣгающимъ до 70 верстъ въ сутки съ грузомъ въ 800 — 1,000 пудовъ на каждую паровую силу. Правда, пароходъ тянетъ меньше груза, но за то движеніе его вдвое быстрѣе, слѣдовательно, онъ сдѣлаетъ въ навигацію и двойное число рейсовъ.

Первый пароходъ на Волгѣ появился въ 1821 году и положительно произвелъ переполохъ на всемъ Поволжьѣ. Народъ сбѣгался толпами смотрѣть на это чудо изъ чудесъ, но все-таки приблизиться къ нему не смѣлъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій. О немъ разсказывали массу различныхъ сказокъ, одна другой страшнѣе и нелѣпѣе: то описывали его въ видѣ крылатаго, огненнаго змѣя, то говорили, что это невиданное еще до сихъ поръ морское чудовище, нѣкоторые хотя и признавали его за судно, однако не могли себѣ и представить, чтобы оно двигалось безъ участія „нечистой силы“, вслѣдствіе чего пользоваться его услугами считали ужаснымъ, смертнымъ грѣхомъ. Болѣе двадцати лѣтъ прошло въ этой борьбѣ новаго изобрѣ-

тенія съ царившими на берегахъ Волги предразсудками и, наконецъ, оно все-таки восторжествовало надъ всѣми препятствіями, особенно со стороны рыбопромышленниковъ, утверждавшихъ, что пароходы разогнали всю рыбу. Въ 1843 г. образовалось „Пароходное общество по Волгѣ", примѣнившее въ большихъ размѣрахъ силу пара къ перевозкѣ товаровъ; черезъ нѣсколько времени обществомъ „Самолетъ" устроено правильное пассажирское и даже почтовое движеніе; вслѣдъ затѣмъ возникли общества—„Лебедь", „Кавказъ и Меркурій", „Дружина", „Камско-Волжское пароходство", „Зевеке" и др. Въ настоящее время существуетъ до 16 пароходныхъ компаній; пароходовъ 7 изъ нихъ совершаютъ рейсы между Нижнимъ-Новгородомъ, Астраханью и Пермью; другіе же работаютъ преимущественно во время нижегородской ярмарки и ходятъ лишь отъ Нижняго-Новгорода до Василь-Сурска и Казани. Всѣхъ пароходовъ въ водахъ средняго Поволжья насчитывается до 500. Лучшими изъ нихъ слывутъ пароходы компаніи „Зевеке" и новѣйшіе американскіе пароходы — принадлежащіе обществу „Кавказъ и Меркурій".

Такимъ образомъ оказывается, что нужно было не менѣе полувѣка для пріобрѣтенія права гражданства на водахъ бассейна р. Волги паровому движенію. Въ настоящее время пароходъ проникъ повсюду, гдѣ только представляются сколько-нибудь удобныя русла рѣкъ и оказываетъ даже громадную услугу своему ближайшему родственнику, тяжелому, неуклюжему, кабестонному пароходу, завозя его якоря.

Бурлаки на Волгѣ.—Картина И. Е. Рѣпина.

Изъ другихъ судовъ, частью парусныхъ, частью буксируемыхъ пароходомъ, мы должны указать на Ладви или Межедлеки — большія плоскодонныя суда, отъ 22 до 30 саженъ длиною и въ 8 саженъ шириною. Строятся они на Камѣ, съ береговъ которой въ нихъ свозятъ къ Нижнему-Новгороду соль, а потомъ разбираютъ на дрова. Иногда, впрочемъ, они и возвращаются обратно домой, но тогда на нихъ устраиваются коноводныя машины и онѣ тянутъ за собою значительный грузъ.

Вполнѣ оправдывающія свое названіе неосмоленныя *бѣляны* строятся на рѣкахъ Ветлугѣ и Камѣ, служатъ исключительно для сплава грузовъ къ низовымъ пристанямъ, гдѣ ихъ, потомъ, разбираютъ и распиливаютъ на дрова. Постройкой мокшановъ, отличающихся плоскимъ дномъ и вертикальными боками, занимаются на Окѣ, близъ Нижняго-Новгорода, а также на рѣкѣ Мокшѣ, чѣмъ и объясняется ихъ названіе. Онѣ снабжены мачтой съ громаднымъ прямымъ парусомъ и перевозятъ хлѣбные грузы вверхъ по Волгѣ, откуда возвращаются порожнякомъ. Расшивы—эти парусныя суда по преимуществу принаровлены для быстраго плаванія, вслѣдствіе чего дно ихъ закруглено, корма сужена, носъ нѣсколько приподнятъ кверху, а палуба, къ носу и кормѣ, расширяется свѣсами за борта. Онѣ принадлежатъ къ самымъ красивымъ волжскимъ судамъ. Мачта ихъ достигаетъ до 15 саженъ вышины и составляется изъ пяти деревъ; на носу у нихъ нерѣдко можно встрѣтить изображеніе сирены или какого-нибудь невозможнаго чудовища, борта украшены рѣзьбой, хотя и довольно грубой, огромный парусъ ихъ до 15 саженъ величины даетъ имъ возможность при умѣренномъ вѣтрѣ дѣлать весьма быстрые переходы. Баржи преимущественно назначаются для буксированія пароходами, при чемъ ихъ ставятъ иногда по двѣ въ рядъ, поэтому имъ придаютъ соотвѣтству-

ющую для этой цѣли узкую и длинную форму. Ходятъ по Волгѣ еще и другія суда, какъ, напримѣръ, унженки, коренныя, бархоты, шитики, барки, полубарки, коломенки, тихвинки, кладнушки и т. под., но они представляютъ собою лишь видоизмѣненія перечисленныхъ нами типовъ.

Фрахтовыя цѣны по Волгѣ за провозъ 1 пуда клади на разстояніе 1,000 верстъ понижаются съ каждымъ годомъ и не превышаютъ въ среднемъ выводѣ 10 коп. въ 1-й весенній рейсъ, 8-ми—во второй и 7-ми—въ остальные. Плата за проѣздъ съ пассажировъ также очень низка. На нѣкоторыхъ пароходахъ можно проѣхать отъ Нижняго-Новгорода до Казани за 80 копѣекъ, разумѣется не въ каютѣ, а на палубѣ. Зафрахтовка груза производится обыкновенно на нижегородской ярмаркѣ, въ концѣ навигаціи и только въ исключительныхъ случаяхъ въ началѣ весны.

Говоря о судоходномъ движеніи по Волгѣ, нельзя также не упомянуть и о томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое оказываютъ на развитіе этого движенія два главныхъ притока ея—Сура съ правой стороны и Кама—съ лѣвой. По берегамъ первой изъ нихъ, орошающей наиболѣе плодородныя мѣстности Поволжья, расположено до 95 населенныхъ пунктовъ, жители которыхъ занимаются земледѣліемъ, вслѣдствіе чего по ней сплавляется и частью идетъ къ волжскимъ пристанямъ весьма значительное количество хлѣба. Важнѣйшими изъ Сурскихъ пристаней считаются: Пенза, гдѣ грузится около $3^1/_2$ милл. пуд., Промзино, изъ котораго вывозится до 3 милл. пуд. и Курмышъ, отправляющій до 100 тыс. пуд. Весь этотъ грузъ состоитъ по большей части изъ ржи; пшеницы, крупы и гороха идетъ отсюда весьма немного. Что же касается спирта, то его вывозится до $^1/_2$ мил. пудовъ и притомъ изъ одной Пензенской губ. Кромѣ того, изъ Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ. черезъ Пензу идетъ лѣсъ, котораго гонится ежегодно до 200 т. бревенъ. Всѣ эти грузы направляются къ Василь-Сурску, гдѣ каждую весну можно встрѣтить до 200 сурскихъ расшивъ и множество плотовъ, загромождающихъ устье Суры. Но все-таки судоходство по Сурѣ не можетъ считаться особенно успѣшнымъ, такъ какъ она бываетъ удобна для плаванія не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Несравненно важнѣе въ этомъ отношеніи второй притокъ Волги—Кама, занимающая вмѣстѣ съ своими притоками громадныя пространства губерній Уфимской, Вятской, Пермской, частью Оренбургской и Казанской. Волжской равнинѣ принадлежитъ лишь ея устье и весьма незначительная часть нижняго теченія, а именно—отъ впаденія въ нее р. Вятки. Въ этихъ предѣлахъ Кама является положительно одною изъ самыхъ величественныхъ рѣкъ, достигая до 500 саженъ въ ширину и отъ 4 до 10 саженъ въ глубину, не считая ширины ея протока, „Старой Камы“, идущаго влѣво отъ главной рѣки. И это въ лѣтніе мѣсяцы, когда даже Волга не вездѣ сохраняетъ достаточно глубокій фарватеръ. А что дѣлается на устьѣ Камы весной—трудно себѣ и представить! Все пространство отъ рыбной слободы, стоящей на правомъ берегу и до села Алексѣевскаго, находящагося на лѣвомъ, верстахъ въ 12 отъ рѣки, заливается водой и при этомъ уровень ея такъ высокъ, что въ разливѣ повсюду свободно могутъ ходить суда. Но этого мало. У деревни Епанчиной Кама разливается на 25 верстъ, такъ что тогда возможно водяное сообщеніе изъ деревни Мурзихи, расположенной выше Лаишева, на лѣвомъ берегу Камы, до устья Бездны, т.-е. почти до самаго Спасска. Быстрота теченія Камы также значительно превышаетъ волжскую, что впрочемъ составляетъ и нѣкоторое неудобство, особенно для большихъ судовъ.

Изъ камскихъ пристаней заслуживаетъ вниманія только чистопольская, имѣющая такое же важное значеніе для сѣверной части Поволжья, какъ Самара—для восточной. Къ ней стекаются грузы изъ Мамадышскаго, Мензелинскаго и Бугульминскаго уѣздовъ и—въ количествѣ, превышающемъ $2^1/_2$ милл. пуд.—отправляются къ Царицыну и къ Рыбинску. Понятно поэтому, что при такой отпускной торговлѣ Чистополю должно принадлежать первое мѣсто въ ряду уѣздныхъ городовъ Казанской губерніи. Впрочемъ, съ берега рѣки онъ, пожалуй, и не про-

извелъ бы на васъ особенно пріятнаго впечатлѣнія. Вы увидѣли бы только бѣлую церковь, съ похожею на каланчу колокольней и незатѣйливой папертью, выглядывающей изъ-за сѣренькихъ домиковъ, крытыхъ драницами. Нѣсколько полѣнницъ дровъ на берегу, загроможденномъ разбитыми уже плотами, словомъ тоже, что и вездѣ въ маленькихъ приволжскихъ городкахъ. Вѣроятно, васъ поразило бы только громадное количество амбаровъ, тѣснящихся вдали на берегу, а между тѣмъ они-то именно и указываетъ на торговое значеніе Чистополя, предмѣстье котораго вы приняли за городъ. Нѣтъ, его отсюда невидно, онъ стоитъ за холмомъ и, надо сказать правду, принадлежитъ къ числу самыхъ опрятныхъ городовъ въ Казанской губерніи. Особенно весело бываетъ въ немъ во время разлива Камы, когда мимо него проходятъ караваны судовъ, увозящихъ до 35 милліоновъ пудовъ груза, отправляемаго со всего камскаго бассейна.

Лаишевская пристань уже значительно уступаетъ чистопольской, хотя въ послѣднее время и она становится довольно оживленной.

Прощаясь съ устьемъ Камы, нельзя не упомянуть о томъ, что именно въ ея водахъ были произведены первыя попытки пароходнаго движенія, развившагося впослѣдствіи на всѣхъ сколько-нибудь судоходныхъ русскихъ рѣкахъ. Иниціатива этого полезнаго нововведенія принадлежитъ бывшему владѣльцу Пожевскаго завода г. Всеволожскому и дѣлаетъ честь его предпріимчивости. Вначалѣ, впрочемъ, онъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско, такъ какъ устроенные имъ пароходы оказались ниже всякой критики. Но это не заставило Всеволожскаго отказаться отъ его попытки, а только нѣсколько отдалило ея осуществленіе. Черезъ два года онъ снова приступилъ къ постройкѣ парохода и въ 1821 году прибрежные жители Камы и Волги уже имѣли возможность дивиться на „огненнаго змѣя", работавшаго двумя машинами, каждая въ 16 силъ.

Въ настоящее время черезъ устье Камы проходятъ болѣе двухсотъ пароходовъ, изъ которыхъ одни сворачиваютъ въ рѣку Вятку, другіе въ Бѣлую, третьи же—и ихъ большинство—идутъ вверхъ по Камѣ, откуда снова возвращаются въ Волгу, доставляя грузъ и пассажировъ къ ея торговымъ городамъ.

Такимъ образомъ эти двѣ великія рѣки какъ бы дополняютъ одна другую, хотя, конечно, роль Волги несравненно важнѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

В. И. Обреимовъ.

ОЧЕРКЪ II.

ФИЗИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ ОБЛАСТИ.

Геологія средняго Поволжья.—Фауна.—Рыболовство.—Растительность (Лѣса и степи). Лѣсное и степное хозяйство страны.

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ на вѣкъ.
Чти законъ временъ спокойный,
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ.

Шиллеръ.

ПЕРВЫЯ попытки изслѣдованія Поволжья въ геологическомъ отношеніи были сдѣланы еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія и хотя онѣ ограничивались только изученіемъ поверхностныхъ слоевъ, однако все-таки дали матеріалъ для позднѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Благодаря такимъ изслѣдованіямъ, выяснилось геологическое значеніе Общаго Сырта, раздѣляющаго равнину средняго теченія Волги на двѣ части, довольно рѣзко отличающіяся одна отъ другой, какъ по составу почвы, такъ и по характеру растительности. Одна изъ нихъ простирается на сѣверъ и сѣверо-востокъ, имѣетъ холмистое очертаніе и чрезвычайно богата черноземомъ и лѣсами, другая идетъ къ югу и юго-востоку, но, въ противоположность первой, представляетъ почти на всемъ своемъ протяженіи сплошную равнину, покрытую морскимъ пескомъ и солончаками, безъ всякихъ признаковъ дерна. Южные склоны самого Сырта изобилуютъ различными раковинами, а подошва его, совершенно лишенная растительности, какъ-бы размыта морскими волнами. Все это наводило на мысль, что возвышенность Общаго Сырта служила нѣкогда берегомъ обширнаго моря. Такое предположеніе не только подтвердилось впослѣдствіи, но, съ улучшеніемъ научныхъ пріемовъ изслѣдованій, признаки морскихъ отложеній были находимы и гораздо сѣвернѣе Общаго Сырта, даже до городовъ Спасска и Тетюшъ; это дало геологамъ поводъ къ заключенію, что въ отдаленныя, доисторическія времена море простиралось до устьевъ Камы или даже еще сѣвернѣе, и что суша обнажалась не вдругъ, а постепенно, въ два геологическихъ періода—сначала сѣверная часть равнины, до Общаго Сырта, а потомъ и южная—отъ него до нынѣшнихъ придѣловъ Каспійскаго моря.

Большая часть поверхности Казанской губерніи и сѣверная половина Самарской освободились отъ воды въ довольно ранній періодъ, на что указываютъ пласты радужныхъ рухляковъ праваго берега Волги, относимыхъ къ эпохѣ тріаса, а также пласты юрской и оолитовой формаціи—въ южной половинѣ Тетюшскаго уѣзда и слѣды мѣдистаго песчаника, принадлежащаго къ формаціи юрской — въ Мамадышскомъ уѣздѣ. Въ Пензенской губерніи мы встрѣчаемъ большею частью осадочныя породы двухъ позднѣйшихъ образованій, а именно мѣловой и третичной системы, а въ незначительной части Краснослободскаго уѣзда еще и третьей — юрской. Все пространство губерніи на западъ отъ р. Суры занято мѣловой формаціей, состоящей изъ позднѣйшихъ наносовъ песчаника и песку, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проглядываетъ древнѣйшій ярусъ мѣловой формаціи—изъ такъ-называемаго рухляка, встрѣчающагося повсюду въ Европейской Россіи. Такъ, у подошвы той возвышенности, на которой расположенъ г. Пенза, подобныя отложенія вовсе не рѣдкость. Они содержатъ много окаменѣлостей и отличаются землисто-темно-сѣрымъ цвѣтомъ, а подъ ними лежитъ слой темно-сѣрой же, чрезвычайно жирной глины, обладающей способностью легко размачиваться въ водѣ и при высыханіи распадаться на довольно тонкія пластинки. По мнѣнію геолога Пахта, изслѣдовавшаго нѣкоторыя мѣстности въ Поволжьѣ и между прочимъ Пензенскую губернію, эти пласты относятся къ ярусу плотнаго известняка и заключаютъ въ себѣ окаменѣлыя раковины Belemnites mucronatus, Ostrea hippopadium, Terebratula gracilis и др. Кромѣ того, присутствіе въ пластахъ третичной системы, напр., въ Городищенскомъ уѣздѣ, обломковъ окаменѣлыхъ деревьевъ заставляетъ думать, что большая часть напластованій въ горахъ Пензенской губерніи соотвѣтствуетъ нижнимъ третичнымъ пластамъ. Всѣ они, въ большинствѣ случаевъ, покрыты толстыми слоями диллювіальнаго образованія, о чемъ свидѣтельствуютъ попадающіеся во многихъ мѣстахъ, какъ напр., по лѣвому берегу Суры, на рѣчкѣ Ломовкѣ и пр. — зубы мамонтовъ и кости другихъ допотопныхъ животныхъ, хотя эрратическихъ камней, характеризующихъ древніе наносы, тутъ вовсе не встрѣчается. Что касается правильности населенія геологическихъ пластовъ, то въ этомъ отношеніи, по всей долинѣ средняго Поволжья, Казанская и Пензенская губерніи представляютъ своеобразныя особенности: всѣ напластованія, за весьма рѣдкими исключеніями, идутъ здѣсь горизонтально — явное доказательство, что почва этихъ губерній никогда не подвергалась дѣйствію вулканическихъ силъ.

Совершенно иную картину видимъ мы въ Симбирской губерніи. Строеніе горъ Самарской Луки несомнѣнно указываетъ на ихъ вулканическое происхожденіе. Глубоко залегающіе пласты юрскаго известняка и каменноугольнаго песчаника мѣстами не только приподняты, но и выворочены наружу. Геологи полагаютъ, что въ образованіи этихъ горъ участвовала та же сила подземнаго огня, которой обязанъ своимъ происхожденіемъ и Кавказскій хребетъ, ставшій непреодолимою преградою между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Но въ Самарской Лукѣ насъ поражаетъ полное отсутствіе опрокинутыхъ пластовъ и разрывовъ, черезъ которые могли бы выйти на поверхность каменныя породы чисто плутоническаго происхожденія. Мѣловая формація достигаетъ здѣсь наибольшаго развитія, тогда какъ представителями юрской могутъ считаться лишь осадки, принадлежащіе къ верхнему лейясу и къ оксфордской группѣ. Изъ осадковъ тріаса замѣчателенъ богатый окаменѣлостями известнякъ сѣраго и желтовато-сѣраго цвѣта, въ мѣстахъ соприкосновенія котораго съ ліасомъ нерѣдко попадаются желваки желѣзнаго колчедана. Нижніе пласты мѣлового наслоенія состоятъ изъ огромныхъ толщей глины съ малымъ числомъ окаменѣлостей, верхніе же—изъ глинистыхъ рухляковъ, сѣраго мѣла, извѣстнаго здѣсь подъ названіемъ опоки, и бѣлаго мѣла, въ которомъ очень часто попадаются окаменѣлыя раковины Belemnitella mucronata, Terebrat. carnea, Crania parisiensis, Pecten versicostatus, Plagiostama umisulcata и друг. Надмѣловые третичные осадки, относящіеся къ эоценовой формаціи, занимаютъ большія пространства въ Сызранскомъ, Сенгилеевскомъ, Симбирскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ, такъ что, раскидываясь непрерывной полосой, они переходятъ отъ

сѣвера къ юго-западу въ Саратовскую и Пензенскую губерніи. Состоятъ эти осадки преимущественно изъ песчаниковъ и кварцевыхъ песковъ и нерѣдко заключаютъ въ себѣ небольшія количества желѣзной руды. Пласты пліоценовой формаціи, которые также нужно отнести къ новѣйшимъ третичнымъ образованіямъ, прорѣзываютъ болѣе древнія наслоенія по склонамъ возвышенностей, обрамляющихъ берега Свіяги, Суры, Барыша и Усы, гдѣ они служатъ въ то же время и русломъ самыхъ рѣкъ. Въ составъ ихъ входятъ главнымъ образомъ желтовато-бурыя глины и синевато-сѣрые пески.

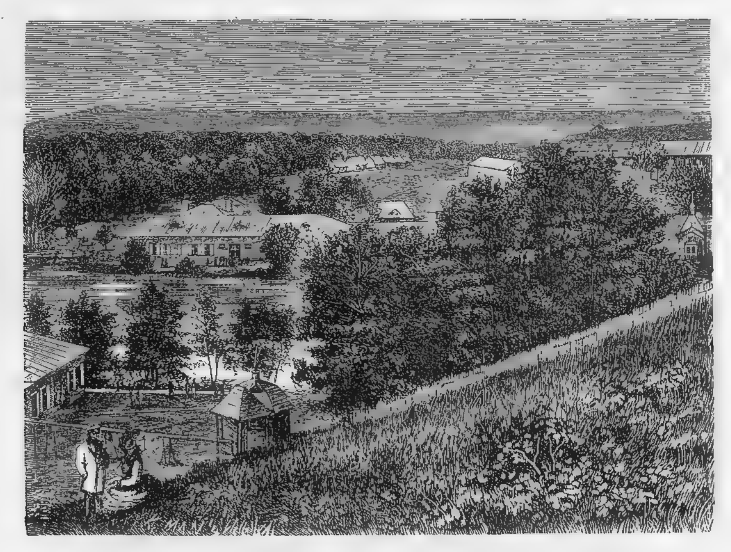
Жегулевскія горы состоятъ изъ горнаго известняка, изрѣдка переслоеннаго землистыми глинами и не особенно богаты окаменѣлостями, хотя все-таки въ нихъ попадаются. Fusilina cilindrica, Enomphalus pentagulatus и др. Въ верхней части одной изъ этихъ горъ, а именно Сѣрной горы залегаютъ массы гипса, образующаго штоки въ плотномъ желтоватомъ доломитѣ, въ которомъ, близъ рѣчки Усы, найдены характеристическія окаменѣлости пермской формаціи: Productus Cancrini, Avicula Antiqua, Alurchissonia subangulata и пр. Кромѣ того, въ гипсѣ и доломитахъ разсѣяны во множествѣ гнѣзда самородной сѣры; такъ, мы находимъ ее въ изобиліи по берегамъ рѣки Сока, противъ села Ширяева, гдѣ она добывалась еще въ прошломъ столѣтіи и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ горахъ Самарской Луки встрѣчаются также соляные источники близъ Усолья, въ настоящее время, впрочемъ, сильно оскудѣвшіе; попадается иногда горная смола, самородная селитра и даже, какъ увѣряютъ мѣстные жители, драгоцѣнные металлы, хотя это и не подтверждается изслѣдованіями ученыхъ.

Гораздо большимъ изобиліемъ самородной сѣры и сѣрныхъ источниковъ отличаются геологическіе пласты сѣверной части Самарской губерніи, куда входятъ невысокіе отроги Уральскаго хребта. Они тянутся живописными группами преимущественно по берегамъ рѣкъ, отъ которыхъ и получили свое названіе—Самарскія, Кинельскія горы, связывающія ихъ Соколки, гряда Соковскихъ горъ и пр. Двѣ первыя вѣтви состоятъ главнымъ образомъ изъ сѣроватаго песчаника съ примѣсью известняка, котораго особенно много въ Сокольихъ горахъ, гдѣ онъ то выходитъ наружу, то скрывается подъ слоемъ мергеля и гдѣ въ пластахъ его нерѣдко попадаются гипсовыя толщи, богатыя чистой кристаллической сѣрой. Тоже самое можно сказать и относительно известковыхъ слоевъ тѣхъ горъ, которыя возвышаются вдоль рѣчки Сургута. Но здѣсь кромѣ того есть много сѣрныхъ ключей, озеръ и болотъ, въ особенности въ долинѣ рѣчки Сока и его притоковъ. Между ними Сергіевскіе сѣрные ключи или воды пользуются такой извѣстностью по своимъ цѣлебнымъ свойствомъ, что мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ уголкѣ Самарской губерніи.

Заведеніе Сергіевскихъ минеральныхъ водъ находится въ 124 верстахъ отъ Самары и въ 8 отъ пригорода Сергіевска или Сѣрноводска. Оно расположено въ долинѣ рѣчки Сока, по склону горъ, идущихъ вдоль рѣчки Сургута. Цѣлебныя свойства протекающихъ здѣсь ключей сѣрной воды хотя и сдѣлались извѣстны еще въ прошломъ столѣтіи, при Петрѣ Великомъ, но не обратили на себя вниманія преобразователя Россіи. Онъ воспользовался сѣрными ключами для иной цѣли, для добыванія сѣры и приказалъ устроить здѣсь заводъ, который впослѣдствіи былъ перенесенъ на Самарскую Луку. Съ тѣхъ поръ эти источники оставались заброшеными и только въ 1808 году ихъ снова изслѣдовали и начали, въ видѣ опыта, лѣчить ими солдатъ изъ окрестныхъ губерній. Лѣченье оказалось, по всей вѣроятности, успѣшнымъ, потому что мало-по-малу сюда стали съѣзжаться и частныя лица. Тогда вблизи сѣрнаго озера развели паркъ, построили гостиницы, такъ что черезъ нѣсколько времени здѣсь организовалось настоящее лѣчебное заведеніе, посѣщаемое ежегодно множествомъ больныхъ. Въ настоящее время въ составъ Сергіевскихъ минеральныхъ водъ входятъ пять источниковъ: *Солдатскій*, *Большой*, *Верхній*, *Средній* и *Нижній*. Всѣ они вливаются въ одинъ общій кругъ или озеро, имѣющее 160 саженъ въ окружности; на немъ устроены купальни, а по склону горы—крытая галлерея для прогулокъ. Вода въ озерѣ не отличается прозрачностью, на видъ кажется

желтовато-зеленой и осаждаетъ много сѣрнаго ила, въ источникахъ-же, напротивъ, она прозрачна какъ кристаллъ и если остается долго въ открытомъ сосудѣ, то теряетъ свой сѣроводородъ. Температура ея лѣтомъ въ источникахъ отъ 6,3 до 6,5°, а въ озерѣ отъ 7,8 до 8,13°. По своимъ свойствамъ Сергіевскія воды принадлежатъ къ сильнымъ сѣрно-щелочнымъ и представляютъ типъ холодныхъ сѣрныхъ ключей, изобилующихъ сѣрнистымъ водородомъ, сѣрно-кислыми солями и въ особенности сѣрно-кислой известью. Пользуются ими при ревматизмахъ, золотухѣ, при накожныхъ и нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ. Сезонъ продолжается съ 1 іюня по 15 августа. По близости есть еще нѣсколько сѣрныхъ ключей и озеръ, какъ. напр., Молочное или Сѣрное, Голубое или Шункутское, Безымянное и др.

Кромѣ того, въ Николаевскомъ уѣздѣ, въ 200 верстахъ отъ Самары и въ 50 отъ Балаковской пристани есть также сѣрныя воды, извѣстныя подъ именемъ Столыпинскихъ. Лѣчебные сезоны на этихъ водахъ нѣсколько продолжительнѣе, чѣмъ на Сергіевскихъ, а дѣйствіе и свойства ихъ тѣ же самыя.

Ванники и Сѣрное озеро.

Горы Саратовской губерніи также принадлежатъ къ осадочнымъ по своему геологическому строенію. Признаки вулканическаго дѣйствія замѣтны здѣсь развѣ только въ странныхъ по своей формѣ утесахъ, называемыхъ „Ушами“. Они, очевидно, выдвинуты изъ нѣдръ земли силою подземнаго огня, хотя и въ нихъ встрѣчаются раковины, окаменѣлости деревьевъ, беллемиты, амманиты и тому подобные остатки допотопнаго міра, свидѣтельствующіе о болѣе или менѣе сильномъ участіи воды въ образованіи этихъ каменныхъ глыбъ. Въ Саратовской губерніи нѣтъ сплошныхъ горъ, тянущихся на значительномъ пространствѣ, какія мы видѣли сѣвернѣе, въ Симбирской и Самарской губерніяхъ, но и въ ней встрѣчаются отдѣльныя возвышенности и цѣлыя громадныя площади, занятыя мѣломъ и опокою, какъ, напр., вблизи Саратова, около Вольска, а также въ Камышинскомъ и Вольскомъ уѣздахъ. Чрезвычайно оригинальны по своему строенію покрывающіе берегъ Волги недалеко отъ Камышина камни или „караваи“. Они состоятъ изъ зеленовато-бураго песку и безчисленнаго множества окрашенныхъ раковинъ, преимущественно двустворчатыхъ породъ; темный цвѣтъ этихъ валуновъ обусловливается примѣсью желѣзной окиси, которая въ то же время служитъ и центромъ для ихъ сыпучихъ частей.

Здѣсь также есть нѣсколько минеральныхъ источниковъ и между ними особенно извѣстенъ Сарептскій или Екатерининскій, въ Царицынскомъ уѣздѣ, въ 9 верстахъ отъ Сарепты и въ 3-хъ отъ Волги. Наконецъ, нельзя не упомянуть и еще объ одномъ минераллѣ, о графитѣ, встрѣчающемся въ предѣлахъ средняго Поволжья только въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. По качеству этотъ графитъ нисколько не уступаетъ уральскому и въ послѣднее время мѣстные крестьяне начали приготовлять изъ него карандаши, которые продаются по баснословно дешевой цѣнѣ: 12 дюжинъ ихъ можно, будто-бы, купить на мѣстѣ за 30 копѣекъ. Несмотря на такую дешевизну, новый промыселъ поддерживаетъ благосостояніе многихъ крестьянскихъ семействъ, которыя занимаются имъ кустарно, отъ мала до велика.

Геологическимъ прошлымъ обширной равнины, раскинувшейся по обоимъ берегамъ Волги и ея притоковъ отъ границъ Казанской губерніи до Царицына, объясняется и то богатство почвы, то обиліе чернозема, на которое мы указывали въ предыдущемъ очеркѣ, какъ на характерную особенность всей этой области, за немногими лишь исключеніями. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть равнины, начиная отъ сѣверныхъ границъ Казанской губерніи и вплоть до возвышенностей Общаго Сырта, рано освободилась отъ одѣвавшаго ее своею пеленою моря и покрылась такой роскошной растительностью, которая черезъ сотни лѣтъ въ состояніи была оставить по себѣ почти неистощимые запасы чернозема, простирающіеся на милліоны десятинъ, тогда какъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ за Общимъ Сыртомъ, вода скатывалась медленнѣе, отступленіе моря произошло въ менѣе отдаленную отъ насъ эпоху и вообще условія были настолько неблагопріятныя, что суша и до сихъ поръ сохранила почти вездѣ слѣды своего пребыванія подъ морскими волнами—пески да солончаковыя пространства, не говоря уже о соленыхъ озерахъ.

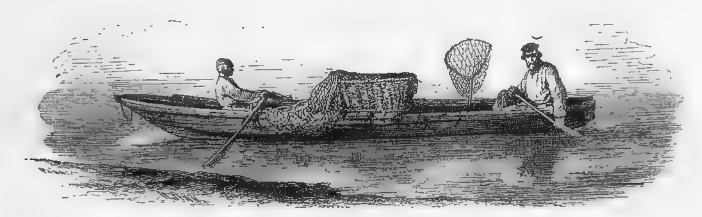
Сообразно этимъ почвеннымъ условіямъ идетъ и развитіе флоры и фауны средняго Поволжья, къ которому мы и перейдемъ теперь. Впрочемъ, мы предполагаемъ, что животное и растительное царства Волжской равнины, хотя въ общихъ чертахъ, но все же извѣстны каждому, кто знакомъ съ біологіей Европейской Россіи, а потому коснемся этого предмета лишь слегка, тѣмъ болѣе, что подробное описаніе флоры и фауны такой громадной области потребовало-бы не одного, а нѣсколькихъ очерковъ; мы остановимся подольше только на рыбахъ, составляющихъ не послѣдній источникъ богатства для прибрежныхъ жителей описываемой нами великой рѣки—Волги.

Вслѣдствіе истребленія лѣсовъ среднее Поволжье становится все бѣднѣе пушными и цѣнными звѣрями, тогда какъ число хищныхъ и особенно вредныхъ животныхъ, какъ, напр., волковъ и медвѣдей все еще довольно значительно. Изъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь представителей животнаго царства мы укажемъ на лисицу, зайца, барсука, куницу, хорька, ласку, векшу, крота, ежа и землеройку, которые, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, населяютъ лѣса и поля всей области. Число птицъ здѣсь гораздо значительнѣе: изъ хищныхъ водятся орлы, коршуны, ястребы, копчики, соколы, филины и, вообще, совы разныхъ породъ; изъ лазящихъ — дятлы, кукушки, зимородки, пототуйки и пр. Пѣвчихъ птицъ столько, что ихъ трудно и перечесть, поэтому мы упомянемъ лишь о жаворонкѣ, придающемъ весною такую прелесть степямъ и полямъ Поволжья своими звонкими трелями, да о малиновкахъ, пѣночкахъ и соловьяхъ, оживляющихъ гармоническимъ пѣніемъ не только роскошныя дубовыя рощи, напр., по берегамъ Волги, но и мрачные сосновые боры въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ Казанской губерніи. Представителями породы голубиныхъ являются лѣсной голубь и горлица, а изъ куриныхъ особенно много тетеревовъ, куропатокъ, глухарей, рябчиковъ и на югѣ—дрофъ и перепелокъ. Но при обиліи Волжской равнины водою, въ ней особенно многочисленны породы голенастыхъ и плавающихъ птицъ, которыя въ несмѣтномъ количествѣ покрываютъ каждую весну какъ берега и отмели рѣкъ, такъ и лѣсныя болота и стоячія воды остающихся послѣ разлива озеръ. Между голенастыми охотниковъ привлекаютъ больше всего вальдшнепы,

дупеля, кулики, вслѣдствіе чего ихъ съ каждымъ годомъ становится меньше, чѣмъ ржанокъ, зуекъ, пиголицъ, песочниковъ и прочей мелюзги. На югъ залетаютъ даже чепуры и аисты. Изъ числа плавающихъ, кромѣ нѣсколькихъ породъ утокъ, охотно поселяющихся вездѣ, гдѣ только есть вода, нельзя не указать на лебедя, гуся, чаекъ и розоваго пеликана, который встрѣчается въ южной части Саратовской губерніи, гдѣ его называютъ краснымъ гусемъ. Чтобы судить о томъ, какое громадное количество птицъ живетъ болѣе или менѣе продолжительное время въ разсматриваемой нами области, достаточно припомнить, что ихъ насчитываютъ болѣе 250 видовъ, тогда какъ млекопитающихъ врядъ-ли наберется и 50 видовъ.

Звѣроловство и охота на птицъ имѣютъ, по большей части, совершенно случайный характеръ и нигдѣ не развились до степени организованнаго промысла. Правда, мѣстами въ деревняхъ чуть не всѣ поголовно занимаются ружейной охотой и звѣроловствомъ, какъ, напр., нѣкоторыя селенія луговыхъ черемисъ, мордвы и чувашъ, но все-таки это не болѣе какъ подспорье къ главному заработку—земледѣльческому.

Несравненно важнѣе для края экономическое значеніе ихтіологической фауны, хотя и не особенно богатой видами, если принять въ расчетъ громадность волжскаго бассейна, однако все-же имѣющей здѣсь весьма цѣнныхъ представителей нѣсколькихъ, довольно рѣдкихъ породъ. Поэтому, на всемъ протяженіи, отъ устья Оки вплоть до волжской дельты, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, мы встрѣчаемъ селенія, почти исключительно промышляющія рыболовствомъ.

Тоня на р. Сурѣ, Симбирской губ.

Сначала попадаются, впрочемъ, лишь весьма незначительныя тони, гдѣ работаетъ безъ устали какая-нибудь одна крестьянская семья или маленькая артель пригородныхъ мѣщанъ, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Саратову, рыбный промыселъ все больше развивается и, наконецъ, подъ Царицыномъ, встрѣчаются уже вполнѣ организованныя, типичныя рыбацкія ватаги. Ловятъ рыбу, смотря по времени года и удобству мѣстности, то вершами, то неводомъ, то бреднемъ, то подпускомъ, то снастью, то, наконецъ, бьютъ острогой и т. под.

Всего труднѣе рыбная ловля посредствомъ невода, требующая притомъ же значительнаго числа рабочихъ. Громадный, въ нѣсколько саженъ длиною, неводъ, укрѣпленный однимъ концомъ, при помощи веревки, у берега, завозится въ лодкѣ на средину рѣки и постепенно спускается въ воду. Описавъ полукругъ, большей или меньшей величины, смотря по ширинѣ рѣки и длинѣ невода, лодка возвращается съ другимъ концомъ его къ берегу, послѣ чего неводъ начинаютъ вытаскивать или „тянуть" общими усиліями всѣхъ рабочихъ.

Рыба ловится также и въ притокахъ Волги, напр. въ Сурѣ, не говоря уже о Камѣ, которая можетъ поспорить съ своей старшей сестрой въ изобиліи, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ породъ. Только на Сурѣ нѣтъ такого раздолья, какое представляетъ Волга, и опасностей больше, потому что дно рѣки покрыто каршами, о которыя можно изорвать сѣти или проломить лодку. Рано утромъ, едва лишь забрежжетъ свѣтъ, выѣзжаютъ рыбаки на свой промыселъ Быстро скользитъ ихъ лодка по гладкой поверхности водъ, посрединѣ ея—тальниковая корзина, гдѣ сложенъ бредень, на кормѣ рыболовный сачекъ—вотъ и всѣ ихъ снаряды. По берегамъ встаетъ туманъ, птицы звонко перекликаются въ кустахъ, прохладный воздухъ какъ бы удваиваетъ

силы молодого рыбака-гребца и его товарища, опытною рукою направляющаго лодку къ тонѣ, то-есть къ тому мѣсту, гдѣ преимущественно собирается рыба и гдѣ ждутъ ихъ другіе рыбаки, заночевавшіе на тонѣ въ устроенномъ на скорую руку шалашѣ. Бодро и весело идетъ работа: одни снимаютъ верши въ заплотахъ, другіе идутъ съ бреднемъ по поясъ въ водѣ, третьи осматриваютъ „жерлицы", а въ полдень опять всѣ собираются вокругъ шалаша—поѣсть ухи, приготовленной для нихъ „очереднымъ". Въ полдень рыба не играетъ на поверхности рѣки, но уходитъ въ самыя глубокія мѣста, котловины и омуты, какъ-бы желая дать покой уставшимъ рыбакамъ, которые подъ-вечеръ снова принимаются за свои снаряды.

Весело смотрѣть, особенно въ темныя лѣтнія ночи, на живописныя группы рыбаковъ, расположившихся вокругъ пылающаго костра, надъ которымъ въ большомъ котлѣ варится уха изъ свѣжихъ ершей и окуней. Чѣмъ-то первобытнымъ вѣетъ отъ этой картины, вамъ кажется, что вы перенеслись въ далекія-далекія отъ васъ времена, когда человѣку жилось легко и привольно среди полей и дремучихъ лѣсовъ, когда эти воды были его водами, этотъ лѣсъ—его лѣсомъ, когда человѣкъ больше вѣрилъ въ свои силы, больше надѣялся на свой трудъ... Уже ночью возвращаются рыбаки домой, медленно движется ихъ лодка, нагруженная трепещущей добычей, чтобы пристать къ берегу родного селенія, гдѣ давно уже семьи ждутъ своихъ запоздавшихъ кормильцевъ.

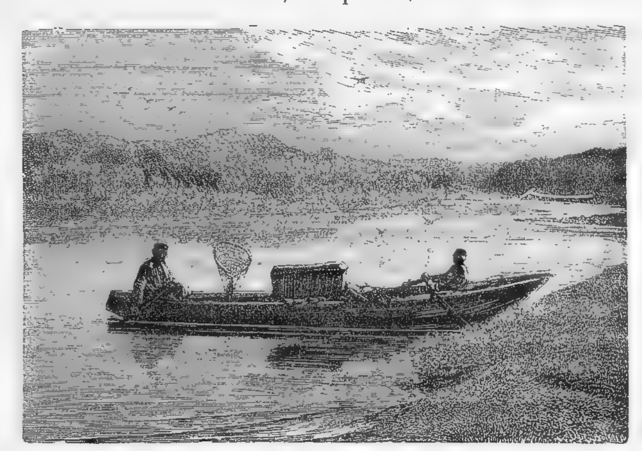
Такъ проходятъ длинные лѣтніе дни и короткія ночи, сегодня—какъ вчера, завтра—какъ сегодня. Но простой русскій человѣкъ не тяготится этимъ однообразіемъ, онъ сроднился съ своей кормилицей-рѣкой, знаетъ на ней каждый заливчикъ, каждый островокъ; онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ нравы и образъ жизни окружающихъ его животныхъ, онъ понимаетъ всѣ хитрости и уловки обитателей родныхъ водъ. Поговорите съ нимъ и онъ поразитъ васъ богатствомъ своихъ наблюденій, массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній относительно всего окружающаго міра, онъ раскроетъ передъ вами такую книгу, полную глубокой поэзіи и красоты, какая, увы! еще никогда не выходила изъ-подъ печатнаго станка.

Ихтіологи дѣлятъ всѣхъ рыбъ волжскаго бассейна на: *заходныхъ*, которыя, какъ показываетъ самое названіе, появляются въ рѣкахъ лишь временно, да и то при устьяхъ, а большую часть жизни проводятъ въ морѣ, *проходныхъ*, которыя ежегодно совершаютъ путешествіе къ верховьямъ рѣки для метанія икры, послѣ чего отправляются обратно въ море, и *туводныхъ*, которыя постоянно живутъ въ рѣкѣ. Первое мѣсто въ ихтіологической фаунѣ Поволжья безспорно принадлежитъ такъ-называемой *красной* породѣ рыбъ, то-есть бѣлугѣ, осетру, севрюгѣ и стерляди, составляющимъ одно большое семейство осетровыхъ. Первыя три относятся къ проходнымъ рыбамъ, а послѣдняя къ туводнымъ. По величинѣ пальму первенства слѣдуетъ отдать бѣлугѣ, которая достигаетъ иногда 4 саженъ длины и до 70 пудовъ вѣса, и это не „преданье старины глубокой", но фактъ, занесенный ихтіологомъ Кесслеромъ на страницы своей книги, гдѣ онъ прямо говоритъ, что въ 1864 году, подъ Саратовомъ, была поймана бѣлуга, вѣсившая 69 пудовъ. Между осетрами попадаются также экземпляры, достигающіе весьма почтенныхъ размѣровъ, напр., до 5 аршинъ длины и до 7 пудовъ вѣса, хотя они уже сравнительно рѣдки. Что же касается севрюги, то вѣсъ ея не превышаетъ $1^1/_2$ пуда при длинѣ въ одну саженъ, а стерлядь бываетъ и того меньше—одинъ, въ рѣдкихъ случаяхъ полтора аршина длины.

Осетръ можетъ считаться типическимъ представителемъ проходныхъ рыбъ: каждую весну онъ является въ устье Волги и совершаетъ болѣе или менѣе отдаленное путешествіе вверхъ по ея теченію, затѣмъ, послѣ нереста, возвращается или, какъ говорятъ рыбаки, „скатывается" обратно къ устью, чтобы на зиму уйти въ теплыя морскія воды. Чѣмъ дальше какое-нибудь мѣсто отстоитъ отъ устья, тѣмъ рѣже попадаются въ немъ осетры, хотя нѣкоторые изъ нихъ проходятъ до двухъ, даже до трехъ тысячъ верстъ—и это въ 30—40 дней. Можно судить поэтому съ какой быстротой движутся эти странные пилигримы! За то послѣ метанія

икры, они позволяютъ себѣ нѣкоторый отдыхъ и обратно плывутъ медленно, заходя въ затоны и воложки. Въ настоящее время количество осетровъ въ Волгѣ значительно уменьшилось, вслѣдствіе неразсчетливаго истребленія ихъ въ періодъ, предшествующій метанію икры, а въ прежніе годы они ловились въ большомъ изобиліи. Такъ, напримѣръ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, каждые 50 рыбацкихъ дворовъ должны были, вмѣсто всякихъ другихъ податей, доставлять ко двору по 30 штукъ этихъ рыбъ и это считалось тогда вовсе не обременительнымъ.

Стерлядь распространена по всей Волгѣ, въ Сурѣ же водится только на пространствѣ отъ устья до Пензы, въ Окѣ не поднимается выше Калуги, а въ Камѣ доходитъ до Перми. Стерлядь хотя и прѣсноводная рыба, но не любитъ осѣдлаго образа жизни и, подобно другимъ осетровымъ породамъ, идетъ во время половодья вверхъ для метанія икры, а потомъ, въ меженную пору, скатывается къ низовьямъ. Крупныя особи ея попадаются теперь въ бассейнѣ средняго теченія Волги чрезвычайно рѣдко и вообще порода эта мельчаетъ, потому что молодымъ рыбкамъ не даютъ подрастать. Ловятъ ихъ и сѣтями, и вершами, и наживными и шашковыми снастями; послѣдній способъ наиболѣе употребителенъ; онъ состоитъ въ томъ, что въ глубину рѣки опускается незначительной толщины бичевка съ прикрѣпленными къ ней на равномъ разстояніи одинъ отъ другого нѣсколькими крючками на короткихъ, около полуаршина длиной волосяныхъ лѣсахъ. Иногда крючки чередуются съ шашками изъ пробки и тогда рыба, играя послѣдними, задѣваетъ за сосѣдніе крючки и попадаетъ на нихъ спиной, брюхомъ и жаберной щелью. Сѣти считаются неудобными для ловли стерляди потому, что рыба запутывается въ нихъ и нерѣдко прорываетъ ячеи. Бѣлуга входитъ въ Волгу раньше другихъ осетровыхъ рыбъ—въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля—и, поднявшись вверхъ, причемъ добирается даже до рѣки Мологи, остается въ рѣкѣ дольше другихъ рыбъ, случается даже—зимуетъ въ ней, выбирая для этого омуты и глубокія ямы.

Тони на р. Сурѣ.

Между костистыми рыбами одно изъ видныхъ мѣстъ, по цѣнности и величинѣ, принадлежитъ лещу, который встрѣчается во всѣхъ, сколько-нибудь значительныхъ рѣкахъ и озерахъ волжскаго бассейна Это рыба „вялая“ и неповоротливая; она любитъ теплую, илистую и тихую воду и потому заходитъ въ заводи и мелкіе заливы, гдѣ много гніющихъ растеній, личинокъ и червей, употребляемыхъ ею въ пищу. Обыкновенно лещъ держится стаями и въ громадномъ количествѣ попадаетъ въ невода, хотя, по увѣренію рыбаковъ, и старается избѣжать опасности тѣмъ, что, при видѣ опускающейся сѣти, плашмя ложится на дно. Лещъ „благородный“, какъ его прозвали ученые гастрономы, считающіе вкусное мясо признакомъ благородства, принадлежитъ къ самымъ крупнымъ рыбамъ своего семейства и достигаетъ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ футовъ длины и отъ 8 до 15 фунтовъ вѣса.

Ближайшій родственникъ его—лещъ „синецъ“ не столько благороденъ, но попадается въ невода такими огромными стаями, что заставляетъ забывать о своемъ плебейскомъ происхожденіи. Кесслеръ былъ очевидцемъ, какъ подъ Саратовомъ въ одну ночь наловили болѣе 100

6*

пудовъ этой рыбы, которую тутъ же и продали за такое же количество рублей. Не менѣе изобиленъ бываетъ уловъ и близкаго къ синцу леща, называемаго глазачомъ, котораго случается ловить тысячами въ теченіе одной ночи.

Изъ прочихъ породъ костистыхъ рыбъ можно указать на густеру или тарань, отличающуюся, по мнѣнію знатоковъ, такимъ же вкуснымъ мясомъ, какъ лещъ,—на судака, сома, сазана, щуку, окуня и пр. Все это рыбы болѣе или менѣе извѣстныя и если не особенно дорого цѣнятся по качеству, то играютъ большую роль въ питаніи русскаго человѣка по своему количеству. Наконецъ, есть еще три породы рыбъ, исключительно принадлежащихъ Волгѣ: это бѣлорыбица и желѣзница изъ костистыхъ и минога изъ хрящевыхъ. Первая наиболѣе цѣнится послѣ осетровыхъ и достигаетъ иногда до $1^1/_2$ аршина длины и до пуда вѣса. Прежде бѣлорыбица водилась даже въ верховьяхъ Волги, такъ что при Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ только Рыбинскъ доставлялъ ее ко двору до 20 тысячъ штукъ, но въ настоящее время она ловится лишь въ самомъ концѣ средняго теченія Волги и ниже, близъ Астрахани.

Желѣзницу рыбаки часто смѣшиваютъ съ родственной ей бѣшенкой, принадлежащей къ породѣ сельдей, но она всегда идетъ позже этой послѣдней и не такими большими стаями. Бѣшенка или каспійская сельдь начинаетъ двигаться изъ моря какъ только вскроется ледъ въ устьѣ. Нужно видѣть самому, что представляетъ собою Волга во время хода по ней этой рыбы, чтобы понять, до какой степени характерно, мѣтко назвалъ ее волжскій рыбакъ. Стаи сельдей бываютъ иногда такъ громадны, что буквально запружаютъ рѣку, оставляя небольшое пространство лишь на самой серединѣ ея. Онѣ тѣснятся къ берегу и то выскакиваютъ на него, какъ бы въ предсмертной агоніи, то мечутся въ разныя стороны, подпрыгиваютъ на воздухѣ, блестя своей серебристой чешуей, толкаютъ, давятъ одна другую и точно будто спѣшатъ броситься въ разставленныя для нихъ повсюду сѣти. Нужно еще удивляться, какимъ образомъ довольно значительная масса бѣшенки достигаетъ Саратова, принявъ въ соображеніе, сколько вылавливается ее въ низовьяхъ Волги. Однако, неестественное, бѣшеное возбужденіе этой громадной стаи рыбъ, быстро несущихся вверхъ по Волгѣ, продолжается всего лишь нѣсколько дней; послѣ нереста бѣшенка дѣлается какой то вялой, даже какъ бы уставшей, и медленно возвращается къ своему родному морю.

Прежде каспійская сельдь, вмѣстѣ съ таранью, чехонью и другой мелкой рыбой, употреблялась только для вытапливанія изъ нея жира, но въ послѣднее время ее стали солить и приготовлять „на манеръ голландскихъ сельдей“, отъ которыхъ она отличается большей величиной и твердымъ мясомъ. Теперь каспійская селедка развозится въ соленомъ видѣ по всей Россіи и составляетъ настоящее лакомство въ деревняхъ, гдѣ ей дали оригинальное прозвище „ратникъ“, который стоитъ тамъ, впрочемъ, не менѣе 2-хъ—3-хъ копѣекъ. Но гораздо болѣе распространена среди крестьянскаго населенія, какъ въ Поволжьѣ, такъ и въ отдаленныхъ отъ него мѣстностяхъ, другая изъ волжскихъ рыбъ—плотва, или, какъ ее обыкновенно называютъ, „вобла“. Это уже положительно необходимая принадлежность каждой городской и деревенской лавочки, каждаго сельскаго базара, благо она копченая и сухая, вслѣдствіе чего ее удобнѣе перевозить, чѣмъ селедку.

Мы перечислили далеко не всѣхъ еще рыбъ волжскаго бассейна (это заняло-бы слишкомъ много мѣста), но уже изъ того, что мы сказали, можно видѣть, что Волга, даже и въ среднемъ теченіи своемъ, принадлежитъ къ числу обильныхъ рыбою рѣкъ, хотя уловъ ея здѣсь ничтоженъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ, которое отправляется ежегодно съ низовьевъ Волги ко всѣмъ пристанямъ.

Намъ остается еще познакомиться съ тѣми заведеніями, куда рыба свозится и гдѣ заготовляется въ прокъ en masse, т.-е. съ рыбацкими ватагами. Мелкихъ ватагъ на Волгѣ не много и почти всѣ онѣ расположены выше Саратова, такъ какъ на этомъ пространствѣ рѣдко попадаются въ большомъ количествѣ цѣнныя породы рыбъ. Случается, впрочемъ, что и круп-

ный рыбопромышленникъ не устраиваетъ ватагъ, но, снявши рыбныя ловли, отдаетъ ихъ по частямъ мелкимъ рыболовамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вся цѣнная рыба продавалась ему, предпринимателю, чуть только не втрое дешевле существующей рыночной цѣны. Такимъ образомъ выходитъ, что рыбакъ ловитъ рыбу и въ то же время самъ улавливается тѣмъ, кто не сѣетъ, не жнетъ, а только собираетъ въ житницы. За Хвалынскомъ начинаютъ уже появляться болѣе или менѣе хорошо устроенныя ватаги, находящіяся въ рукахъ крупныхъ рыбопромышленниковъ. Тутъ можно встрѣтить, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ главныя приспособленія для чистки, соленія, вяленья, копченія, а также и для храненія рыбы. Тутъ уже хозяйство не ограничивается какими-нибудь двумя—тремя лодками да шалашомъ, тутъ возведено множество построекъ, какъ по берегу, такъ и прямо въ рѣкѣ, на сваяхъ. Для каждой благоустроенной ватаги необходимы: плотъ, выходъ, лабазъ, приспособленія, гдѣ вялится рыба и жиротопня.

Ватаги на Волгѣ.

Послѣднія почти не встрѣчаются, впрочемъ, выше Царицына и этому нельзя не порадоваться, потому что жиротопенное производство сопровождается всегда такимъ ужаснымъ развитіемъ міазмовъ, заражающихъ воздухъ далеко кругомъ всей ватаги.

Плотомъ, куда принимаютъ рыбу, называется обширный, построенный на сваяхъ у самаго берега сарай, съ большой комнатой посрединѣ и двумя коридорами по бокамъ. Дощатый полъ въ немъ сколоченъ не плотно, чтобы сквозь щели могла стекать рыбья кровь и слизь. Двѣ широкія двери открываются прямо на рѣку, тутъ пристаютъ лодки съ рыбой, которая или втаскивается довольно бережно по отлогимъ сходнямъ, какъ, напр., осетры, бѣлорыбица, или, безъ всякой церемоніи, выбрасывается черезъ отворенныя двери въ сарай, гдѣ рабочіе подбираютъ эту рыбу и раскидываютъ по сортамъ.

Красную рыбу распластываютъ нѣсколько рѣзальщиковъ: одинъ отсѣкаетъ ей голову топоромъ, оглушивъ сначала ловкимъ ударомъ обуха и передаетъ товарищу, который потрошитъ ее, выбрасывая ястыкъ въ стоящій подлѣ него чанъ, а внутренности—прямо на полъ. Затѣмъ,

осторожно отдѣливъ кутырь (идущій на приготовленіе клея), онъ выдергиваетъ спинную струну (извѣстную въ торговлѣ подъ названіемъ вязиги) и, наконецъ, приступаетъ къ разрѣзыванію рыбы на части и сортированію этихъ частей—смотря потому назначается-ли рыба для приготовленія балыка, тешки или просто для соленія. Затѣмъ, все это увозится на арбахъ въ выходъ, для окончательной обработки. Чистяковая рыба раздѣлывается обыкновенно женщинами, которыя одѣты въ кожаные штаны и куртки. Рѣзальщица сидитъ верхомъ на короткой доскѣ, подпертой съ обоихъ концовъ двумя ведрами, и держитъ въ правой рукѣ маленькій багоръ, а въ лѣвой ножъ. Ловко подхватываетъ она багромъ еще трепещущаго леща или судака изъ наваленной передъ нею кучи ихъ, кладетъ передъ собой на доску, вырѣзываетъ внутренности, сталкивая ихъ въ ведро, и перебрасываетъ въ другое отдѣленіе. Быстрота и ловкость работы этихъ женщинъ просто изумительны: самыя проворныя изъ нихъ успѣваютъ раздѣлать въ день до 2-хъ тысячъ рыбъ, то-есть употребляютъ на каждую около 30 секундъ, если считать рабочій день даже въ 15 часовъ. Выпотрошенную чистяковую рыбу отвозятъ на телѣжкахъ въ лабазъ для соленія. Смотря по величинѣ самой ватаги, въ лабазахъ бываетъ отъ 10 до 20 деревянныхъ ларей или чановъ, вмѣщающихъ 20—40 тысячъ штукъ судака. Укладываютъ рыбу мальчики-подростки, которые для этого спускаются въ ларь, и каждый рядъ пересыпаютъ солью. На просолъ чистяковой рыбы полагается отъ 4 до 12 дней, послѣ чего ее вынимаютъ изъ ларей, промываютъ въ чистой водѣ, провяливаютъ и укладываютъ въ *бунты* прямо на берегу.

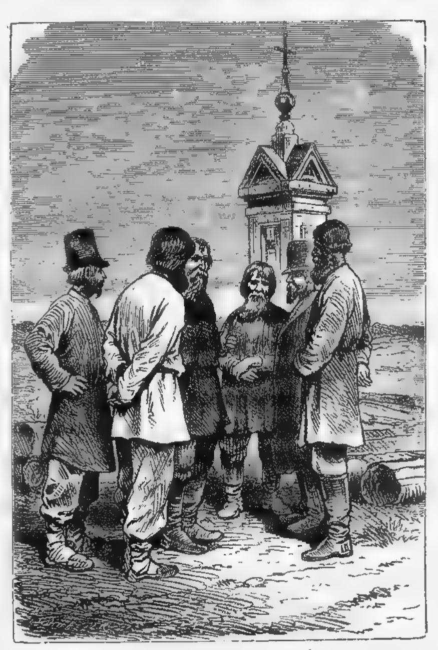
Выходъ устраивается гораздо тщательнѣе лабаза и представляетъ собою ледникъ и погребъ въ одно и то же время. Величина его обусловливается количествомъ подвозимой съ тоней красной рыбы и способами ея приготовленія. Обыкновенно это низкое четырехугольное зданіе съ покрытой дерномъ крышей, въ которой оставлено нѣсколько отверстій или оконъ, задѣлываемыхъ лѣтомъ рѣшетками, а зимой стеклянными рамами Во всю длину этого зданія тянется коридоръ съ расположенными по обѣимъ сторонамъ его длинными, узкими ящиками или колодами, вокругъ которыхъ идутъ широкіе и глубокіе, открытые сверху лари. Въ глубинѣ находится ледникъ, защищенный деревянными рѣшетками, такъ какъ ледяныя глыбы наложены не только въ углубленіяхъ, но и взгромождены до самаго потолка. Рыба спускается въ выходъ черезъ отверстіе въ крышѣ посредствомъ жолоба и распредѣляется по различнымъ ларямъ и колодамъ сообразно своему качеству и способу соленія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о громадности такой постройки, мы напомнимъ читателю, что каждый ларь, а ихъ бываетъ по нѣскольку съ каждой стороны, вмѣщаетъ до 7 тысячъ пудовъ бѣлуги или до 40 тысячъ штукъ судаковъ. Красная рыба весенняго улова остается въ ларяхъ около полугода, осенняго-же—до трехъ мѣсяцевъ, то-есть пока не затвердѣетъ и въ этомъ случаѣ она называется *коренной* рыбой, затѣмъ ее полощутъ и укладываютъ въ *тары* или громадныя бочки, снова пересыпая солью. Бѣлугу обыкновенно грузятъ прямо въ трюмъ судна, назначеннаго для перевозки, то-же самое дѣлаютъ и съ осетриной и севрюжиной, если онѣ получили дурной запахъ.

Въ этихъ-то грязныхъ и вонючихъ помѣщеніяхъ проводятъ промысловые рабочіе почти всю свою жизнь, въ тяжеломъ трудѣ, не имѣя для своего отдыха и сна ничего, кромѣ полуразрушенной казармы или жалкихъ мазанокъ, похожихъ не то на собачью конуру, не то на медвѣжью берлогу, мрачныхъ, сырыхъ, темныхъ, безъ малѣйшихъ признаковъ вентиляціи и часто даже безъ печей. Желающихъ поближе познакомиться съ устройствомъ ватагъ, насквозь пропитанныхъ отвратительнымъ запахомъ испортившагося тузлука и гніющихъ на землѣ рыбьихъ внутренностей, мы отсылаемъ къ тѣмъ изслѣдованіямъ рыбныхъ промысловъ, которыя были вызваны появленіемъ Ветлянской чумы. Тамъ они найдутъ описанія страшныхъ, надрывающихъ душу картинъ: они узнаютъ, что при такомъ каторжномъ трудѣ работающіе на ватагахъ женщины, мужчины и дѣти принуждены спать на голомъ земляномъ полу нетопленной

казармы даже зимой; больные лежатъ въ грязномъ сараѣ, безъ всякой помощи, или „отлеживаются“ въ камышахъ, хотя, правда, и на свѣжемъ воздухѣ, но окруженные миріадами комаровъ, не дающими ни минуты покоя и умираютъ тутъ-же отъ полнаго истощенія силъ!...

Но, довольно этихъ мрачныхъ, наводящихъ ужасъ картинъ!—Обратимъ лучше наши взоры на безконечные луга и пашни, что разстилаются по обоимъ берегамъ красавицы-Волги, на тѣ, и до сихъ поръ еще сохранившіе свою величавость, остатки лѣсовъ, которыми нѣкогда славилось Поволжье.

Въ научномъ отношеніи флора этой громадной области изслѣдована, впрочемъ, слишкомъ мало, чтобы дѣлать какіе-либо выводы. Можно только сказать, что на сѣверѣ она немногимъ отличается отъ флоры центральной Россіи, а на югѣ—отъ флоры южной ея полосы. Вообще флора Поволжья несравненно богаче его фауны и представляетъ болѣе 650 видовъ, не считая культурныхъ и споровыхъ растеній, каковы папоротники, хвощи, мхи, лишаи, водоросли и грибы, весьма распространенные повсюду въ лѣсахъ, такъ что почти всѣ ботаническія семейства, свойственныя средней полосѣ Россіи, имѣютъ здѣсь своихъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ представителей. Зонтичныхъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ тутъ до 20 видовъ слишкомъ, губоцвѣтныхъ можно насчитать столько-же; крестоцвѣтныхъ и лютиковыхъ болѣе 30 видовъ, сложноцвѣтныхъ до 60, а злаковъ, образующихъ мураву поемныхъ луговъ—болѣе 50 различныхъ породъ. Однимъ изъ могущественнѣйшихъ распространителей по равнинѣ всевозможныхъ растеній является сама Волга: внизъ она разноситъ сѣмена ихъ собственнымъ теченіемъ, а вверхъ этому распространенію помогаютъ млекопитающія и въ особенности птицы, живущія по ея берегамъ.

Сходка въ Симбирской губ.

Прелестны бываютъ поемные луга, орошаемые разливомъ Волги и ея притоковъ, когда лѣто благопріятствуетъ росту травъ. Какъ чудно переливаются они безчисленнымъ множествомъ свѣжихъ душистыхъ цвѣтовъ, то будто искорки разбросанныхъ по роскошному ковру прибрежной каймы, то совершенно скрывающихъ зелень ея подъ своими бѣлыми, желтыми, красными, голубыми, привѣтливо манящими къ себѣ, вѣнчиками. Вблизи такого луга, у какой-нибудь ветхой деревянной часовенки, можно встрѣтить иногда подъ-вечеръ кучку крестьянъ, собравшихся посудить-порядить о своихъ мірскихъ дѣлахъ; а дѣлъ этихъ у нихъ лѣтомъ накопляется столько, что дай Богъ лишь управиться съ ними: работа въ самомъ разгарѣ, прошла ужь и Казанская—скоро конецъ сѣнокосу, а тамъ не увидишь, какъ подойдетъ жнитво и осенняя запашка—есть о чемъ подумать, потому что приходится убрать не одни свои луга, но и пособить сосѣду, арендующему одно изъ помѣщичьихъ имѣній, сосѣду, у котораго вся деревня въ неоплатномъ долгу, такъ что волей-неволей приходится идти на „помочь“.

Арендаторъ — это ловкій человѣкъ, чрезвычайно искусно эксплуатирующій крестьянскую нужду. Чаще всего онъ и самъ вышелъ изъ той-же среды вѣчно бѣдствующихъ мужиковъ; онъ отлично знаетъ, какъ донимаетъ ихъ каждую весну и осень уплата государственныхъ и земскихъ повинностей, какъ нуждаются они тогда въ деньгахъ и потому съ величайшей го-

товностью открываетъ имъ кредитъ, въ полной увѣренности, что Господь Богъ сторицею вознаградитъ его за такія благодѣянія. И дѣйствительно, приходитъ лѣто — у арендатора кипитъ работа и ему нѣтъ надобности заботиться о наймѣ батраковъ,—должники замѣнятъ ихъ безъ всякихъ хлопотъ: одинъ отработываетъ у него задатки, другой коситъ и убираетъ хлѣбъ за проценты на занятыя деньги, третьяго просто загнала нужда, такъ какъ онъ или потерялъ послѣднюю лошаденку, или продалъ единственную корову для покупки хлѣба весной, или погорѣлъ, словомъ—попалъ въ какое-нибудь безвыходное положеніе... А равнодушная природа, точно для большаго контраста съ бѣдствіями и горемъ людей, не вѣдая ни тревогъ ихъ, ни волненій, весело раскидываетъ свою роскошную мураву, обдающую васъ ароматомъ тысячи цвѣтовъ! Вы прилегли на лужайку, точно зеленый коверъ стелещуюся вокругъ стараго, развѣсистаго осокоря, и любуетесь на окружающія васъ картины. Вотъ съ сосѣдняго холма змѣйкой извивается дорожка, по которой бѣгутъ нѣсколько отставшихъ отъ артели косцовъ, торопясь попасть на паромъ, уже готовый отплыть отъ берега протекающей невдалекѣ рѣчки. Паромъ загромождаютъ телѣги съ торчащими на нихъ вилами, граблями, косами, которыя служатъ несомнѣннымъ признакомъ, что вся эта озабоченная толпа пассажировъ отправляется на сѣнокосъ за рѣку. Тутъ уже вы не услышите беззаботнаго смѣха или веселыхъ пѣсенъ, какъ осенью, когда бабы и дѣвки, окончивъ уборку хлѣба, переѣзжаютъ „на ту сторону", въ лѣсъ за грибами, или какъ весной, когда компанія охотниковъ, съ шутками да прибаутками, переправляется на паромѣ къ зарѣчному березнику пострѣлять дупелей и бекасовъ. Сѣнокосъ, правда, еще не самая тяжелая работа, но вслѣдъ за нимъ наступаетъ „страда" и мысль о ней уже кладетъ отпечатокъ серьезности на всѣ лица. А вотъ вдали, на дорогѣ, мѣстный ветошникъ остановился передъ дряхлой старушкой и, повидимому, торгуетъ у ней какое-то тряпье, которое онъ уже держитъ на рукѣ, чтобы узнать много-ли въ немъ вѣсу. Жаворонокъ взвился надъ этой группой и, поднявшись высоко на воздухъ, точно будто подсмѣивается оттуда своимъ звонкимъ голоскомъ, при видѣ этихъ старичковъ, такъ долго разсуждающихъ о какой-то тряпкѣ.

Начинаетъ темнѣть, лугъ подернулся серебристой росой. Вдали гдѣ-то слышатся громкія пѣсни; это косцы возвращаются съ помочи къ чуть виднѣющемуся вдали арендаторскому хутору, гдѣ ждетъ ихъ обильное угощеніе. На столѣ навалены цѣлыя груды хлѣба, сушеной рыбы, луку и огурцовъ, огромные жбаны съ квасомъ переходятъ изъ рукъ въ руки, заботливая хозяйка разноситъ гостямъ горячую похлебку, а радушный хозяинъ только издали посматриваетъ на нихъ, смекая про себя, какъ дешево обошлась ему „косьба", благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ...

Хороши луга и нивы поволжской равнины въ урожайный годъ, но едва-ли не болѣе привлекательнѣе еще ея величественные лѣса, ласкающіе вашъ слухъ то глухимъ шумомъ поднимающихся почти до облаковъ своими вершинами хвойныхъ деревьевъ, то гармоническимъ шелестомъ листвы вѣковыхъ дубовъ и липъ. Что-то таинственно-могучее представляетъ эта безконечная колоннада красноватыхъ стволовъ въ чистой сосновой рощѣ, какъ бы поддерживающихъ темнозеленый сводъ какого то фантастическаго зданія, или эти безчисленные ряды кудрявыхъ шатровъ зелени, сквозь которую мелькаетъ бѣлая кора сучьевъ—въ березовой молодой поросли. Недаромъ же финскіе инородцы считали лѣсъ жилищемъ боговъ, громаднымъ дворцомъ, откуда эти невидимыя существа управляютъ судьбами вселенной, и священнымъ храмомъ, гдѣ людская молитва непосредственно возносится къ божеству. Недаромъ же и фантазія русскаго человѣка населила лѣса оборотнями, лѣшими, лѣсовиками, такъ что рѣдкій крестьянинъ не струситъ, оставшись одинъ въ дремучемъ сосновомъ бору. Но и помимо всякой поэзіи, возбуждаемой въ душѣ каждаго изъ насъ красотою лѣса, онъ милъ и дорогъ жителю приволжскаго края еще и тѣмъ, что удовлетворяетъ самымъ насущнымъ его потребностямъ. Не говоря уже объ избахъ и вообще постройкахъ, о топливѣ, чего-чего только не доставляетъ

Перевозъ черезъ Суру.

крестьянину хвойный лѣсъ! Цѣлые плоты его онъ гонитъ ежегодно по всѣмъ, даже маленькимъ рѣчкамъ, изъ него онъ дѣлаетъ свою незатѣйливую мебель и большую часть посуды; оставшіеся послѣ рубки пни и корни служатъ для гонки смолы и пр. и пр. Стоитъ только заглянуть въ Нижнемъ, во время ярмарки, на Сибирскую пристань, буквально загроможденную лѣсными матеріалами, чтобы составить себѣ понятіе о лѣсныхъ богатствахъ Поволжья и теперь еще, при всемъ ихъ оскудѣніи за послѣднія двадцать—тридцать лѣтъ. Но если боръ поражаетъ своимъ суровымъ величіемъ, то лиственные лѣса положительно блещутъ разнообразіемъ красокъ и въ свою очередь даютъ мирному обитателю края множество различныхъ продуктовъ, напр., лубъ, матеріалъ для всевозможныхъ подѣлокъ, мочалу, лыко и пр., какъ бы дополняя такимъ образомъ услуги, оказываемыя хвойными лѣсами.

Къ сожалѣнію, человѣкъ слишкомъ неразсчетливо пользуется тѣми сокровищами, которыми надѣлила его природа. Вотъ что писалъ нашъ писатель-художникъ Аксаковъ о такъ-называемомъ „лѣсномъ хозяйствѣ", а въ сущности безразсудномъ хозяйничаньи лѣсами:

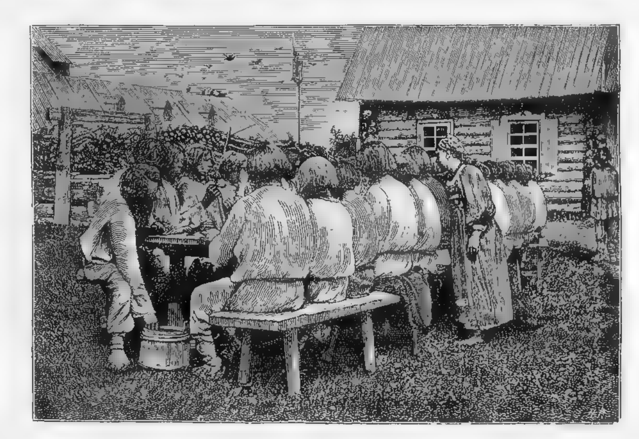

На дорогѣ въ Симбирской губ.

„Мы богаты лѣсами, но богатство вводитъ насъ въ мотовство, а съ нимъ недалеко и до бѣдности". Еще рѣзче высказываетъ тотъ же взглядъ извѣстный знатокъ Поволжья, г. Мельниковъ:

„Въ старые годы,—говоритъ онъ,—росли на *Горахъ* (гористые берега Волги) лѣса *кандовые* (т.-е. дѣвственные, первобытные). Мѣстами досель уцѣлѣли они, больше по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ чуваши, черемисы да мордва живутъ. Любятъ тѣ племена лѣса дремучіе да рощи темныя, ни одинъ изъ нихъ безъ нужды деревца не тронетъ; ронить лѣсъ безъ пути, по ихнему, грѣхъ великій: по старинному закону ихъ, лѣсъ—жилище боговъ. Лѣса истреблять — божество оскорблять, его домъ разорять, кару на себя накликать. Такъ думаетъ мордвинъ, такъ думаютъ черемисъ и чувашинъ. Русскій не то — онъ прирожденный врагъ лѣса: свалить вѣковое дерево, чтобы вырубить изъ сука ось, либо оглоблю, сломить ни на что не годное дерево, ободрать липку, изсушить березку, выпуская изъ нея сокъ, либо снимая бересту на подтопку — ему ни почемъ. Столѣтніе дубы даже ронитъ, обобрать бы только разъ желуди свиньямъ на кормъ. Въ старые годы, когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у древнихъ насельниковъ землю, нещадно губили лѣса, какъ вражескія твердыни. Привычка осталась, и теперь на *Горахъ*, гдѣ коренные русскіе люди живутъ, не помѣсь съ чужеземцами, а чистой славянской породы, лѣсовъ больше нѣтъ,—остались кой-гдѣ рощицы, кустарникъ да ерникъ. По инымъ мѣстамъ таково стало безлѣсно, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь, что кнутовища вырѣзать негдѣ, парнишку нечѣмъ посѣчь". Но не думайте, что помѣщикъ-землевладѣлецъ лучше смотритъ на лѣсъ, что онъ бережетъ его; нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ тоже „заклятый врагъ лѣса", какъ и простой крестьянинъ. Онъ считаетъ лѣсныя угодья самой бездоходной статьей въ своемъ хозяйствѣ и совершенно счастливъ, если можетъ продать ихъ на срубъ, обративъ потомъ землю въ пашню или въ лугъ, который легче сдать въ аренду. Какое ему дѣло, что отъ такого хищническаго истребленія лѣса уменьшается количество влаги

на нѣсколько сотенъ верстъ кругомъ, что отъ этого мелѣютъ рѣки, появляются засухи, что вредныя насѣкомыя, которыхъ не уничтожаютъ болѣе птицы, лишенныя своего убѣжища, истребляютъ посѣвы... Его собственные урожаи при этомъ нисколько не страдаютъ, такъ какъ онъ сдаетъ землю въ аренду, а тамъ, у другихъ — ему хоть трава не расти! Казенныя лѣсныя дачи эксплуатируются тоже не особенно раціонально, хотя у казны еще сохранились кое-гдѣ заповѣдныя дубовыя рощи и корабельные мачтовые лѣса.

А между тѣмъ какое разнообразіе древесныхъ породъ встрѣчаемъ мы въ лѣсахъ средняго Поволжья, и сколько разнообразныхъ промысловъ поддерживаются ими! Возьмемъ сначала березу: изъ нея выдѣлываются телѣги, сани, земледѣльческія орудія, посуда, мебель и проч. Она-же доставляетъ лучшіе дрова, лучшій уголь, лучину, которой и до сихъ поръ еще мѣстами освѣщаются крестьянскія избы. Изъ коры ея, или *бересты*, гонится отличный деготь, выдѣлываютъ разные кузовки и даже лапти, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ липоваго лыка. Всѣмъ извѣстный по красивымъ издѣліямъ „капъ" есть не что иное какъ продуктъ той-же „кудрявой березаньки", ея наплывъ или наростъ, а такъ-называемая карельская береза — близкая ей родственница или можетъ-быть только ея видоизмѣненіе. О березовыхъ вѣникахъ, идущихъ также на кормъ для овецъ зимою и употребляемыхъ иногда въ видѣ „березовой каши", мы не станемъ распространяться—они извѣстны каждому, хоть по наслышѣ. Такимъ образомъ береза не только грѣетъ, освѣщаетъ и подчасъ обуваетъ крестьянина, но даже и кормитъ его скотъ въ долгіе зимніе мѣсяцы.

Угощеніе на хуторѣ.

Второе мѣсто по распространенности въ долинѣ средняго теченія Волги занимаетъ, изъ лиственныхъ породъ, дубъ, которымъ славятся Казанская и Симбирская губерніи. Онъ употребляется для кораблестроенія, хотя его отчасти замѣняютъ у насъ лиственница и сосна, и цѣнился въ прежнее время такъ дорого, что при Петрѣ Великомъ существовалъ законъ, угрожавшій смертною казнью всякому, кто срубитъ дубовое дерево на пространствѣ 50-ти верстъ отъ главныхъ судоходныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Не менѣе важно примѣненіе дуба въ бондарномъ промыслѣ, которымъ занимаются десятки тысячъ рабочихъ. Изъ дуба приготовляются лучшія „клепки", т.-е. дощечки, идущія на выдѣлку бочекъ, а изъ коры его—превосходное дубильное вещество. Для мебели дубъ употребляютъ не только въ его натуральномъ видѣ, но и въ измѣненномъ посредствомъ долгаго вымачиванія въ рѣчной водѣ, послѣ чего получается такъ-называемый „черный дубъ", имѣющій большую цѣнность. Черный цвѣтъ древесина пріобрѣтаетъ оттого, что содержащаяся въ ней дубильная кислота, соединяясь съ находящимся въ водѣ желѣзомъ, превращается въ дубильно-кислую соль, т.-е. въ обыкновенныя чернила, которыя и придаютъ дереву черную окраску.

Мелколистная липа наиболѣе распространена въ Казанской, Пензенской и Симбирской губерніяхъ, и растетъ всегда вмѣстѣ съ другими лиственными и даже хвойными породами деревьевъ. Польза, приносимая человѣку липой, чрезвычайно своеобразна: ее доставляетъ преимущественно кора этихъ деревьевъ, тогда какъ всѣ другія полезны ему главнымъ образомъ своей древеси-

пой. Положимъ, изъ липы также дѣлаются ящики, сапожныя колодки и проч., но какъ ничтожно все это въ сравненіи съ громаднымъ развитіемъ мочальнаго и лапотнаго производства, которымъ заняты десятки тысячъ рукъ и которое кормитъ и буквально обуваетъ милліоны русскихъ крестьянъ! Лапоть—это не только историческая народная обувь, это въ нѣкоторыхъ случаяхъ эмблема самого народа, сложившаго про себя поговорку, что „безъ лапотника не было-бы и бархатника". Посмотримъ-же, во что обходится народу эта самодѣльная обувь. Если допустить, что изъ всего девятимилліоннаго населенія Поволжья носятъ лапти только три милліона, то, принимая среднюю продолжительность носки лаптей въ полторы недѣли, мы увидимъ, что въ годъ крестьяне должны истреблять на эту историческую обувь до 180 милліоновъ молодыхъ липъ, такъ какъ для одной пары лаптей необходимо содрать лыко съ трехъ молодыхъ липокъ. Переводя это на деньги, получимъ такую громадную цифру, что и выговорить страшно, а между тѣмъ сколько еще истребляется липоваго лѣса на мочальныя издѣлія, на рѣшета, лычныя веревки, не говоря уже о куляхъ и рогожахъ, приготовленіе которыхъ составляетъ у насъ громадную отрасль кустарной промышленности. Понятно, что при такихъ условіяхъ липовые лѣса таютъ какъ воскъ, и что недалеко уже то время, когда они исчезнутъ совершенно, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ прекратиться и мочальный промыселъ.

Осина встрѣчается повсюду, на всемъ пространствѣ средняго теченія Волги, но особенно распространена въ Саратовской губерніи, гдѣ, по мѣрѣ приближенія къ югу, она смѣняетъ березу. Примѣненіе ея хотя и не такъ обширно въ Поволжьѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, не обладающихъ болѣе цѣнными породами деревьевъ, однако, все-же довольно значительно, потому что мягкая осиновая древесина легко рѣжется ножомъ и можетъ быть употреблена на выдѣлку самыхъ разнообразныхъ вещей. Весь такъ-называемый щепной товаръ, то-есть деревянные блюда, миски, чашки, ковши, лопаты, корыта и т. под., приготовляется преимущественно изъ осины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ нея-же гнутъ ободья и дуги, частью для собственнаго употребленія, частью для отправки на Нижегородскую ярмарку. За неимѣніемъ сосноваго лѣса, осина идетъ даже на постройку домовъ и на топливо, какъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи. Наконецъ, изъ толстыхъ стволовъ выдалбливаютъ челноки, а кору употребляютъ для гонки дегтя и дубленія кожъ. Словомъ, несмотря на связанныя съ этимъ деревомъ народныя повѣрья, оно приноситъ не малую пользу предубѣжденному противъ него населенію, и своей трепещущей листвой придаетъ своеобразную красоту лѣснымъ опушкамъ, гдѣ встрѣчается особенно часто.

Изъ множества другихъ лиственныхъ породъ деревьевъ, растущихъ въ лѣсахъ Поволжья, мы упомянемъ еще объ ольхѣ, употребляемой иногда въ Пензенской губерніи для постройки домовъ и въ особенности имѣющей большое примѣненіе на пороховыхъ заводахъ, такъ какъ ольховый уголь считается лучшимъ при выдѣлкѣ пороха, и о ясени, изъ котораго приготовляется отличная мебель, остовы экипажей, оглобли, дышла, полозья, обручи, весла и всевозможныя земледѣльческія орудія. Изъ двухъ неизбѣжныхъ спутниковъ Волги—осокоря и ветлы или ивы—особенно много истребляется послѣдней—для плетенія различныхъ корзинъ, употребляемыхъ даже въ рыболовствѣ. Что-же касается клена, вяза, ильмы, тополя и т. под., то они встрѣчаются не въ такомъ значительномъ числѣ, чтобы оказывать замѣтное вліяніе на заработки населенія. Гораздо большее значеніе имѣютъ для него дикія фруктовыя деревья и кустарники, какъ, напр., яблоня, черемуха, рябина, калина, смородина и преимущественно орѣшникъ, почему о нихъ и слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

По всему среднему теченію Волги не найдемъ, кажется, ни одного большого лѣса, ни одной дубовой рощи, не говоря уже объ оврагахъ и перелѣскахъ, гдѣ не росла бы лещина, или орѣшникъ, служащій какъ бы необходимой принадлежностью лиственныхъ лѣсовъ. Этотъ въ сущности весьма невзрачный кустарникъ, если сравнивать его съ другими представителями лѣсной флоры, пользуется, однако, самой широкой извѣстностью, благодаря своимъ плодамъ—

лѣснымъ орѣхамъ,—составляющимъ незамѣнимое лакомство простого русскаго человѣка и дающимъ иногда довольно большой доходъ обитателямъ поволжскихъ губерній. „Ходить по орѣхи"—любимое занятіе деревенской и пригородной молодежи, которая видитъ въ немъ скорѣе развлеченіе, чѣмъ настоящую работу, хотя и трудно согласиться съ этимъ, если вспомнить, что такая забава всегда сопровождается тасканіемъ на собственныхъ плечахъ болѣе или менѣе тяжелаго мѣшка съ орѣхами. Гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи бѣлки, которыя, хотя тоже собираютъ орѣхи, но чаще всего тутъ-же и грызутъ ихъ, при чемъ до того увлекаются этимъ лакомствомъ, что теряютъ обычную дикость и совершенно спокойно выносятъ близость своего врага—человѣка. Заберется иной разъ бойкая, вертлявая грызунья на вершину болѣе толстаго ствола лещины и пощелкиваетъ себѣ тамъ орѣшки, не обращая никакого вниманія на собравшихся внизу ребятишекъ, со смѣхомъ и шутками бросающихъ въ нее кто орѣхомъ, а кто и просто скорлупой. Она, повидимому, и не замѣчаетъ присутствія маленькихъ шалуновъ, и покидаетъ свою позицію только тогда, когда они начнутъ трясти кустъ и положеніе ея сдѣлается не вполнѣ удобнымъ...

Рябина, конечно, далеко уступаетъ лещинѣ вкусомъ своихъ кисловато-горькихъ плодовъ, но мѣстные жители не пренебрегаютъ и ими и приготовляютъ изъ нихъ желе, наливки, а то и просто кушаютъ au naturel, особенно послѣ того, какъ ягоды хватитъ прямо на деревѣ легкій морозъ. Разумѣется, сколько-нибудь изысканный вкусъ не могъ бы удовлетвориться этимъ лакомствомъ, но крестьянинъ средняго Поволжья не избалованъ плодами земными, а потому не брезгуетъ ни рябиной, ни кислыми лѣсными яблоками, ни черемухой, ни даже довольно непріятной по вкусу и запаху калиной. Изъ послѣдней пекутъ, однако, пироги, варятъ кисель, парятъ ее въ печи и приготовляютъ лѣкарственную настойку, употребляемую отъ накожныхъ болѣзней Впрочемъ, для врачебныхъ цѣлей служитъ также и крушина, кустарникъ, не имѣющій никакого другого примѣненія, такъ какъ ягоды его считаются ядовитыми, что не мѣшаетъ, однако, дѣлать изъ нихъ съ примѣсью крушиновой коры цѣлебное снадобье, слывущее у крестьянъ отличнымъ слабительнымъ и „вѣрнымъ" средствомъ противъ лихорадки, чесотки и водянки.

Перечень описанныхъ нами лѣсныхъ произведеній оказался бы неполнымъ, если бы мы ничего не сказали еще о растущихъ въ лѣсахъ приволжскаго края ягодахъ—малинѣ, смородинѣ, земляникѣ, клубникѣ, клюквѣ, черникѣ, брусникѣ и пр., а также о грибахъ, самыхъ разнообразныхъ сортовъ и наименованій—бѣлые грибы, грузди, опенки, рыжики и пр. Тѣ и другіе служатъ такимъ важнымъ подспорьемъ въ питаніи крестьянина и такой обширной отраслью торговли, что не помянуть ихъ добрымъ словомъ было бы непростительно.

Но теперь, даже послѣ этого бѣглаго обзора лѣсной флоры, мы смѣло можемъ сказать, что лѣсъ является истиннымъ благодѣтелемъ жителей средняго Поволжья, доставляя имъ, и притомъ почти безъ всякихъ затратъ съ ихъ стороны, кромѣ собственнаго труда, положительно все необходимое, за исключеніемъ только одежды да хлѣба, и то лишь непосредственно, такъ какъ, благодаря обработкѣ и продажѣ разныхъ лѣсныхъ продуктовъ, одѣваются и кормятся цѣлыя деревни, не говоря уже объ отдѣльныхъ семьяхъ. При такихъ условіяхъ, какъ-бы, кажется, не дорожить лѣсомъ, не беречь его какъ самое драгоцѣнное сокровище? А между тѣмъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ знатоковъ приволжскаго края, лѣса истребляются тамъ самымъ варварскимъ, самымъ безпощаднымъ образомъ!...

Въ заключеніе намъ остается только бросить хотя бѣглый взглядъ на состояніе сельскаго хозяйства въ среднемъ Поволжьѣ.

Ознакомившись прежде всего съ распредѣленіемъ земли, мы найдемъ, что оно здѣсь въ высшей степени неравномѣрно: лучше всѣхъ надѣлены землею государственные крестьяне, за ними—удѣльные и наиболѣе скудно—бывшіе помѣщичьи. Такъ, у первыхъ приходится на душу: въ Пензенской губерніи 4,4 десятины, въ Симбирско ровно 4, въ Казанской—4,8, въ Самар-

ской — 10,3 и въ Саратовской — 6,5 десятины, надѣлы же послѣднихъ чуть только не вдвое меньше, а именно: въ Пензенской—2,87, въ Симбирской—3, въ Казанской — 3,4 и въ Саратовской—3,7 десятины. Лугами богата лишь Самарская и Саратовская губерніи: въ первой на 100 десятинъ пахатной земли приходится 110, а во второй даже 165 десятинъ луга. Въ остальныхъ губерніяхъ это отношеніе измѣняется въ обратную сторону: на такое же количество пахатной земли въ Пензенской губерніи луговъ уже только 33,5, въ Симбирской — 24,4, а въ Казанской и того меньше, т.-е. всего 18,2 десятины.

Такимъ непропорціональнымъ распредѣленіемъ луговыхъ и пахатныхъ земель обусловливаются и способы эксплуатаціи этихъ послѣднихъ. Въ большинствѣ мѣстностей средняго Поволжья практикуется трехпольная система сельскаго хозяйства, т.-е. каждый изъ трехъ участковъ или полей непремѣнно засѣвается первый годъ озимымъ хлѣбомъ, второй — яровымъ, а третій—остается подъ паромъ, другими словами, отдыхаетъ до осени, удобряется и тогда уже снова распахивается подъ озимый хлѣбъ. Эта система оказывается неудобной въ томъ отношеніи, что требуетъ хорошаго удобренія и, слѣдовательно, такого количества скота, какимъ невозможно и обзавестись при крайнемъ недостаткѣ въ лугахъ и пастбищахъ. Такъ-называемая плодоперемѣнная система не пользуется еще здѣсь правами гражданства, хотя, по мнѣнію опытныхъ хозяевъ, она гораздо выгоднѣе. Въ богатыхъ землями уѣздахъ Самарской и Саратовской губерній употребляется иногда чисто первобытная система обработки полей, такъ-называемая подсѣчная. Она состоитъ въ томъ, что землю, при самой неглубокой запашкѣ, засѣваютъ разнымъ хлѣбомъ, но случается даже и одной только пшеницей—нѣсколько лѣтъ сряду, а затѣмъ, по истощеніи почвы, запускаютъ землю въ залежь, которою, впрочемъ, все-таки пользуются или какъ пастбищемъ, или для сѣнокоса. Когда истощенный участокъ отлежится, „отдохнетъ", его снова начинаютъ засѣвать тѣмъ же способомъ и продолжаютъ эту періодическую смѣну сѣнокоса на пашню и обратно до тѣхъ поръ, пока земля окончательно перестанетъ производить что-нибудь, послѣ чего ее уже не обработываютъ.

При такихъ условіяхъ нечего удивляться частымъ неурожаямъ, хотя среднее Поволжье и до сихъ поръ еще продолжаетъ считаться житницей всей Россіи. Дѣйствительно, отсюда вывозятся массы всякаго хлѣба, но, во-1-хъ, сомнительно, чтобы крестьянинъ везъ на базаръ только *излишекъ* своего хлѣба, а, во-2-хъ, самое *количество* засѣваемыхъ земель скрадываетъ скудость урожаевъ вообще и дѣлаетъ ее менѣе замѣтною въ большихъ „экономіяхъ". Маленькія же крестьянскія хозяйства зачастую положительно ведутся въ убытокъ земледѣльцу. Такъ, напримѣръ, чистый доходъ съ десятины земли въ Казанской губерніи не превышаетъ иногда 1 р. 5 к., а выкупные платежи при высшемъ надѣлѣ равняются 2 р. 80 к. Въ Симбирской губерніи нормальный доходъ съ земли составляетъ около 1 р. 75 к., а налогъ на нее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти въ пять разъ превышаетъ доходность. Въ Саратовской губерніи средняя цифра доходности опредѣлена въ 1 р. 36 к. съ десятины, тогда какъ платежи достигаютъ—у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—1 р. 24 к., удѣльныхъ—1 р. 26½ к. и помѣщичьихъ—1 р. 90 к. Точно также въ большинствѣ уѣздовъ Пензенской губерніи доходность равняется 1 р. 88 к., а цифра налоговъ—у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—2 р. 20 к., у помѣщичьихъ крестьянъ, выкупившихъ землю—4 р. 1 к. и у оставшихся еще на оброкѣ—4 р. 22 к.

Какъ недостатокъ луговъ дурно вліяетъ на развитіе скотоводства у крестьянъ, такъ, въ свою очередь, и неудовлетворительное состояніе земледѣлія гибельно отражается на содержаніи скота, а уменьшеніе его опять-таки влечетъ за собою сокращеніе посѣвовъ. Изъ доклада комиссіи, изслѣдовавшей положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, мы видимъ, что количество скота въ Казанской губерніи уменьшилось вообще, но всего замѣтнѣе—у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; причинами этого печальнаго явленія считаются неурожай, продажа скота за недоимки и недостатокъ въ пастбищахъ. Тоже самое наблюдается въ Симбирской, Саратов-

ской, Пензенской и даже въ Самарской губерніи, гдѣ, казалось-бы, такъ много земельныхъ угодій. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что крестьянинъ смотритъ иногда на слишкомъ дорого оплачиваемый имъ надѣлъ, какъ на лишнюю ,,тяготу" и старается уйти отъ этихъ ,,роскошныхъ полей и луговъ", не дающихъ ему ничего, кромѣ скуднаго заработка. Прежде, въ сѣверной части средняго Поволжья однихъ только татаръ считали по природѣ неспособными къ земледѣльческому труду, чѣмъ и объясняли неудовлетворительное состояніе у нихъ сельскаго хозяйства, а теперь оно такъ упало и у русскихъ, что разница между ними далеко не свидѣтельствуетъ и о благосостояніи послѣднихъ. У татарина все какъ-то осталось по-прежнему: домишка хоть и ветхій, хоть и съ заплатами на крышѣ, но стоитъ такъ-же прямо, какъ и въ прежніе годы, на дворѣ у него—и корова, и домашняя птица, и запасъ дровъ и сѣновалъ, а въ конюшнѣ, можетъ быть, есть и лошадка, тогда какъ домашнее хозяйство

Татарская деревня.

русскаго крестьянина, если только у него нѣтъ заработка на сторонѣ, положительно рушится съ каждымъ годомъ.

Въ широкихъ размѣрахъ скотоводство ведется только въ большихъ помѣщичьихъ экономіяхъ, имѣющихъ хорошія пастбища и луга. Въ Саратовской губерніи, напримѣръ, довольно развито тонкорунное овцеводство; крупные землевладѣльцы занимаются имъ также въ Самарской и Пензенской губерніяхъ, но значительно меньше. Содержаніе овецъ, впрочемъ, настолько неудовлетворительно повсюду, что шерсть получается не особенно хорошаго качества, притомъ-же ее плохо промываютъ и не умѣютъ сортировать какъ слѣдуетъ. Гораздо больше выгоды доставляетъ разводимая преимущественно въ Самарской губерніи курдючная порода овецъ, которая не требуетъ такого тщательнаго ухода, какъ мериносы, и предназначается главнымъ образомъ для полученія сала и мяса, такъ что шерсть составляетъ уже какъ-бы побочный продуктъ.

Вотъ въ какомъ состояніи находится лѣсное и степное хозяйство средняго Поволжья. И

земли тутъ много, но эксплуатируется она нераціонально, есть и лѣса, но ихъ безпощадно вырубаютъ, нѣтъ, или, лучше сказать, не было недостатка въ пушныхъ звѣряхъ и всякаго рода птицахъ, но всѣ наиболѣе цѣнныя породы ихъ почти истреблены... А между тѣмъ приволжскому жителю нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ сообразительности, ни въ способности къ труду, ни въ энергіи и предпріимчивости,—ему недостаетъ только знанія, которое научило бы его разумно пользоваться дарами природы, и возможности вступить въ дѣйствительный союзъ „съ древней матерью-землею"...

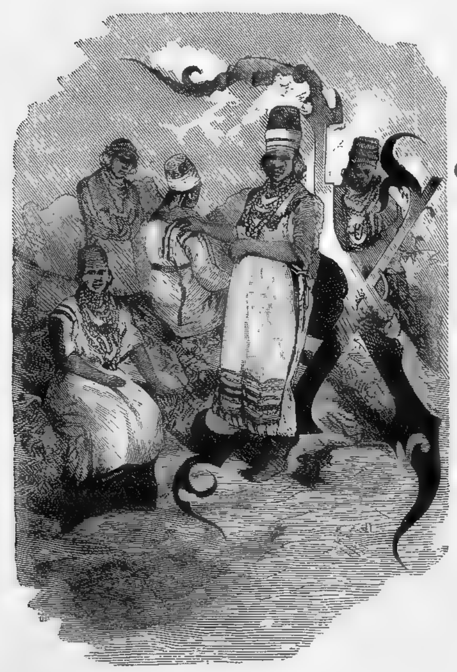
В. И. Обреимовъ.

ОЧЕРКЪ III.

ИНОРОДЦЫ СРЕДНЯГО ПОВОЛЖЬЯ.

Почему издавна народы селились по Волгѣ? — Особое значенiе средняго ея теченiя. — Древнее средне-волжское населенiе. — Основанiе Болгарскаго царства.—Его жизнь.—Распаденiе Болгарскаго царства.—Развалины Болгаръ.—Движенiе русскихъ на среднюю Волгу.—Средне-волжскiе инородцы: Мордва, ея религiя, языкъ, внѣшнiй видъ, жилища, пища и обычаи.—Черемиса.—Чуваши.

У мордвы двѣ морды, а ткура одна.
Перваго черемиса лѣшiй родилъ, оттого они всѣ въ лѣсу сидятъ.
Чуваши хоть сто человѣкъ,—всѣ вмѣстѣ говорятъ.

ПОГОВОРКИ.

ОТЪ и всегда, искони вѣковъ была Волга причудлива и измѣнчива, хоть и любила она всегда мѣнять свои русла и понадѣлала на всемъ своемъ теченiи цѣлую уйму протоковъ — воложекъ, а все-же издавна облюбили ее народы и охотно селились по ея берегамъ, благо повадливо имъ было на ней жить изъ-за вкуснаго рыбнаго корма, а прибрежные лѣса ея полны были дичиною на потребу человѣческую. Была, однако, и еще одна причина, по которой охочи были на Волгу народы: потекла она изъ самаго сердца Россiи, изъ того же почти мѣста, откуда вышли и иныя рѣки, потекшiя въ Балтiйское море, и выдалась она дорогою ровною, привольною и удобною вплоть до самаго Каспiйскаго моря, чуть-ли не до самаго сердца Азiи. Рѣки въ тѣ поры вообще были многоводны, а потому и пользовались промышленные народы и Сыромъ, и Аму для своихъ торговыхъ цѣлей. Но если вся Волга представлялась имѣющею громадное значенiе для тѣхъ, кто избралъ ее мѣстомъ поселенiя, то среднее ея теченiе въ особенности было важно, такъ какъ съ нимъ, конечно, прежде всего приходилось встрѣчаться тѣмъ народамъ, которые по-очереди выходили изъ-за Камня, т.-е. изъ-за Уральскаго хребта, чтобы наводнить большую или меньшую часть Европы, и въ особенности потому, что въ этой именно части своей Волга

принимаетъ наибольшіе свои притоки, считавшіеся зачастую даже главными рѣками, т.-е. Оку и Каму, изъ которыхъ первая входитъ въ самыя центральныя части Окско-донской равнины, а вторая почти соединяетъ Волгу съ Печорою и Сѣверною Двиною, издавна славившимися пушнымъ своимъ товаромъ. Какъ ни первобытны были первые насельники средняго Поволжья, все-же понимали они очень хорошо, что мѣновая торговля выгодна и что, въ обмѣнъ на свои продукты, благодаря широкимъ и глубокимъ рѣкамъ своего мѣстожительства, могутъ они, съѣздивъ къ сосѣдямъ, получить отъ нихъ то, чего у нихъ самихъ не хватаетъ и чѣмъ, напротивъ того, богаты эти сосѣди.

Исторія, — если только признавать таковою замѣтки отца исторіи — Геродота о разныхъ народахъ, населявшихъ сѣверо-восточную Европу, да и замѣтки-то не личныя, а собранныя любознательнымъ грекомъ черезъ вторыя, а иногда даже и черезъ третьи руки, — застаетъ среднюю Волгу и въ особенности сѣверную часть ея во власти гиппомолговъ и исседоновъ. Какъ ни загадочны эти названія, тѣмъ не менѣе мы можемъ отчасти разъяснить этническую принадлежность этихъ народовъ, благодаря послѣднимъ изслѣдованіямъ, которыя доказали, что все помѣщенное у Геродота отнюдь не составляетъ вымысла, а, напротивъ того, основано на разсказахъ дѣйствительно бывалыхъ людей, знавшихъ то, что они разсказывали. Геродотъ разспрашивалъ скиѳовъ, которые были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ громаднымъ племенемъ тунди, какъ называетъ Іорнандъ, а по нашему лѣтописцу—съ чудью. Чудь эта въ тѣ времена занимала громадную территорію сѣверной Россіи и зачастую выступала на историческую арену въ лицѣ одного или нѣсколькихъ своихъ народцевъ. Къ этому-то племени, повидимому, принадлежали и тѣ народы, которыхъ Геродотъ записалъ въ свои таблетки подъ именами массагетовъ, гиппомолговъ и исседоновъ. Ровно черезъ 400 лѣтъ послѣ Геродота, Страбонъ знаетъ на средневолжскомъ теченіи сыраковъ и аорзовъ и помѣщаетъ ихъ именно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по Геродоту, жили исседоны и массагеты; эти два народа для насъ уже не представляютъ ничего загадочнаго, такъ какъ мы легко узнаемъ въ нихъ зырянъ и эрзю, которые, потѣсненные кѣмъ-то, по всѣмъ вѣроятіямъ гиппомолгами (башкирами?) или же буртасами (чувашами?), принуждены были отодвинуться далеко на югъ и на западъ. Для Эйхвальда причиною переселенія на югъ зырянъ и эрзи является движеніе вогуловъ, которыхъ онъ видимо считаетъ гиппомолгами; но дѣло въ томъ, что вогулы никогда не представляли изъ себя народа достаточно многочисленнаго и сильнаго настолько, чтобы заставить своимъ натискомъ кого-нибудь двинуться съ насиженнаго мѣста. Урало-алтайцы постоянно высылали въ Европу народъ за народомъ, а потому и слѣдуетъ полагать, что, во всякомъ случаѣ, побудительною причиною для переселенія зырянъ и мордвы послужило появленіе по сю сторону Урала какого-нибудь новаго народа, или, какъ намъ кажется, цѣлаго союза народовъ, въ которомъ участвовали между прочими и команы, угры и башкиры, антропологически еще недавно признанные урало-алтайцами. Такимъ образомъ въ моментъ образованія Болгарскаго царства средневолжское теченіе было населено цѣлою массою народовъ урало-алтайскаго корня, которые сидѣли почти въ тѣхъ-же мѣстахъ, въ которыхъ живутъ и понынѣ, за нѣкоторыми лишь исключеніями тѣхъ именно народовъ, которые настолько слились съ русскими, что утратили окончательно свои этническія особенности.

Начиная отъ устья Оки, по всему ея теченію далеко на югъ, вдаваясь въ Рязанскую, Тульскую и отчасти даже Московскую губернію, занимая значительную часть Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской губерній, сидѣла мордва, которая, видимо, уже въ то время успѣла раздѣлиться на эрзю и мокшу, причемъ въ Казанской, Симбирской, Нижегородской и въ иныхъ восточныхъ губерніяхъ жила эрзя (извѣстная издавна подъ именемъ аорзовъ), а южнѣе эрзи, въ центрѣ Россіи, по направленію къ Калужской и Орловской губерніи, вплоть до Саратовской губерніи и Волги — обитала мокша. Быть можетъ, мурома представляла собою лишь одно изъ подраздѣленій мордовскаго народа, который и прежде не

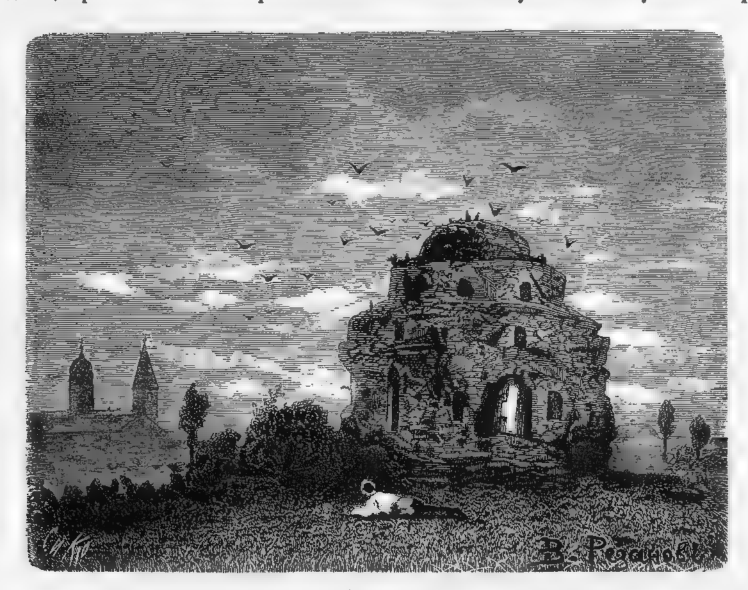
сознавалъ, повидимому, да и теперь не сознаетъ, своего единства, а называетъ себя то эрзёю, то мокшею. Восточнѣе эрзи по обоимъ берегамъ Волги, почти вплоть до Казани, жила черемиса, опять же извѣстная уже Іорнанду подъ именемъ сремнискансъ, но никогда не называвшая себя этимъ или подобнымъ именемъ. Черемиса всегда называла себя—мари, что невольно наводитъ насъ на мысль о существованіи приволжскаго союза урало-алтайскихъ народовъ мари, мери, мури, эрзи и мокши. Наконецъ южнѣе черемисы жили чуваши, извѣстные тогда подъ именемъ буртасъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что буртасы были когда-нибудь отдѣльнымъ народомъ; они представляли собою опять-таки цѣлый союзъ народовъ, вѣроятнѣе всего—мордвы, чувашей и черемисъ. Уже Масуди говоритъ о рѣкѣ Буртасъ, которая, по мнѣнію Хвольсона, есть ничто иное какъ Ока. Ибнъ-Достъ полагаетъ, что земля Буртасъ, какъ въ длину, такъ и въ ширину, идетъ на 17 дней пути, что вполнѣ подтвердитъ наше предположеніе о союзѣ народовъ средняго Поволжья. Если мы, основываясь на свидѣтельствѣ Ибнъ-Доста, попробуемъ возстановить предѣлы Буртасской земли, то окажется, что на сѣверѣ граница ея совпадала съ Чебоксарами, на востокъ тянулась до Самары, на западъ же и на югъ—до Цны, Аткарска и берега Волги между Саратовомъ и волжско-донскимъ волокомъ, т.-е., другими словами, получимъ весьма опредѣленныя границы распространенія мордовской народности. Такимъ образомъ болгары или тотъ союзъ народовъ, который извѣстенъ былъ подъ этимъ наименованіемъ, появившись на берегахъ Волги у устьевъ Камы, неминуемо встрѣтились съ другимъ союзомъ, образовавшимся гораздо раньше ихъ прихода въ эти мѣста и извѣстнымъ подъ именемъ буртасовъ; понятно, что если между новыми пришельцами и старыми и произошелъ сначала конфликтъ, то онъ самъ собой долженъ былъ скоро прекратиться въ виду того, что буртасы должны были невольно сознавать общность своего происхожденія съ болгарами и конечно охотнѣе покориться имъ, нежели хозарамъ, т.-е. иноплеменникамъ; особенно тяжкаго подчиненія тутъ, конечно, быть не могло, такъ какъ вся повинность буртасовъ по отношенію къ болгарамъ состояла въ томъ, что они обязаны были выставлять въ поле 10,000 всадниковъ.

Не одинъ лишь городъ стоялъ въ землѣ Болгарской, такъ какъ и наши лѣтописи, и арабскіе писатели упоминаютъ о цѣломъ рядѣ болгарскихъ городовъ, отчасти уже пріуроченныхъ новѣйшими изслѣдователями къ нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ населенныхъ мѣстъ, а отчасти еще неугаданныхъ и неразысканныхъ среди цѣлой массы приволжскихъ и прикамскихъ городищъ. Изъ такихъ городовъ мы знаемъ о существованіи Жукотина, Керменчука, Басова, Брахимова и другихъ, которыми овладѣвали русскіе и заносили названія ихъ въ свои лѣтописи. Уже въ X вѣкѣ, въ началѣ его, Болгарское царство было посѣщено посломъ халифа Мукшедира Ибнъ-Фодланомъ, который и оставилъ намъ первое и притомъ достаточно подробное описаніе того, что онъ видѣлъ и слышалъ во время своего путешествія; даже изъ этихъ все-таки отрывочныхъ свѣдѣній мы узнаемъ, что въ это время болгары составляли уже сильный народъ или, вѣрнѣе, союзъ народовъ, имѣли города, вели весьма обширную торговлю, исповѣдывали частью мусульманскую, а частью христіанскую вѣру и повиновались одному самодержавному владыкѣ, у котораго подъ рукою было нѣсколько подручныхъ, вассальныхъ царей; жили они и тогда по Волгѣ и по берегамъ впадающихъ въ нее рѣкъ. Если вѣрить Моисею Хоренскому, еще во второмъ вѣкѣ до Р. X. болгары жили уже въ тѣхъ же мѣстахъ, такъ какъ они не разъ переходили Кавказскія горы и дѣлали вторженія въ богатую Арменію. Населяя такую именно мѣстность, которая находилась на пути изъ сѣверныхъ странъ Европы въ цвѣтущія страны Азіи, болгары не могли не достигнуть, раньше другихъ народовъ нынѣшней Россіи, довольно значительной степени культурности, и уже воевода Добрыня прекрасно охарактеризовалъ разницу между ними и другими сосѣдними народами, не совѣтуя Владиміру ходить на нихъ войной, такъ какъ болгары „суть вси въ сапозѣхъ“, и приглашая его лучше воевать „лапотниковъ“. По всѣмъ вѣроятіямъ, царь болгарскій уже въ началѣ

X вѣка былъ настолько силенъ, что успѣлъ завоевать нѣсколько славянскихъ народцевъ и принять титулъ „повелителя Славянъ" (Малекъ-эль-Саклабъ). Умный арабъ подмѣчалъ все, что поражало его новизною. Столица Болгарскаго царства отстояла отъ Волги на 4 версты и состояла изъ довольно значительнаго числа деревянныхъ домовъ и цѣлой массы кибитокъ, окруженныхъ валомъ и, вѣроятно, дубовою изгородью; такимъ образомъ, если въ Болгарахъ было осѣдлое населеніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ главную массу населенія этого города все-же составляли кочевники, которые разбивали свои кибитки въ городской чертѣ и нимало не заботились о постройкѣ постоянныхъ домовъ. Царь болгарскій Альмосъ или Ульмосъ (ульмо по-мордовски значитъ „крюкъ" и до сихъ поръ встрѣчается въ собственныхъ именахъ мордвы съ тавровымъ знакомъ крючка) въ разговорѣ своемъ съ Ибнъ-Фодланомъ разъ даетъ намъ понять, къ какой именно отрасли народовъ принадлежали болгары, такъ какъ, на вопросъ посла о видѣнномъ имъ сѣверномъ сіяніи, разсказалъ вполнѣ точно чувашское объясненіе этого явленія, сохранившееся у этого народа и донынѣ. Какъ и до сихъ поръ дѣлаютъ чуваши, болгары зимою жили въ деревянныхъ домахъ, по городамъ и селеніямъ, а лѣтомъ переходили въ лѣтники или юрты. Сообразно съ извѣстіями арабскихъ географовъ, мы должны предполагать, что границы Болгарской державы простирались въ моментъ ихъ наибольшаго могущества отъ Уральскихъ горъ до Суры и Оки и отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самарки. Болгары платили подати своему царю кожами, т.-е. вѣрнѣе юфтью, которая и до сихъ поръ въ Азіи называется „булгари"; вѣрнѣе всего, что эта отрасль промышленности была въ цвѣтущемъ состояніи въ Болгаріи, что, впрочемъ, осталось и до сихъ поръ въ исконной Болгарской землѣ, т.-е. въ нынѣшней Казанской губерніи; но зато не далеки они были въ другихъ искусствахъ, такъ что для постройки мечети и городскихъ укрѣпленій царь Ульмосъ принужденъ былъ выписывать зодчихъ изъ Багдада. Держа въ рукахъ своихъ торговлю съ сѣверными урало-алтайскими народами, болгары въ сношеніяхъ своихъ съ иностранцами, въ родѣ арабовъ, старались обрисовать сѣверныя страны самыми мрачными красками, а жителей ихъ и людоѣдами, и свирѣпыми; слушая ихъ разсказы, никто не рѣшался рискнуть войти въ прямыя сношенія съ варварами, а такой страхъ и былъ имъ на руку. Главнѣйшими предметами болгарской торговли были мѣха соболей и лисицъ, шерсть, медъ, орѣхи, юфть и мамонтовые клыки, продававшіеся въ Хорасанѣ по огромной цѣнѣ и, подобно слоновой кости, служившіе матеріаломъ для выдѣлки разныхъ предметовъ роскоши; по свидѣтельству Ибнъ-Фодлана, въ Болгарахъ было до 10,000 жителей, т.-е. городъ былъ достаточно великъ; часть жителей всегда занималась торговлей, и, по словамъ Казвини, главный доходъ эти торговцы получали отъ продажи дикарямъ дамасскихъ и другихъ клинковъ, которые раскупались у нихъ нарасхватъ, за десять соболиныхъ шкуръ каждый. Посольство Ибнъ-Фодлана было осыпано серебряными деньгами, что заставляетъ предполагать о существованіи значительнаго запаса монеты въ Болгаріи; монеты эти, по всѣмъ вѣроятіямъ, были арабскія, бухарскія и западно-европейскія. При всей культурности болгаръ, нравы ихъ не были однако особенно мягки и человѣчны, такъ какъ за прелюбодѣяніе и даже за воровство они разсѣкали человѣка пополамъ. Коммерческія занятія вовсе не уничтожили въ болгарахъ воинственнаго духа, и столкновенія ихъ съ русскими наполняютъ собой наши лѣтописи; иногда, однако, они вступали съ русскими князьями въ тѣсныя сношенія и разъ даже снабдили во время голода всю Суздальскую область хлѣбомъ, что доказываетъ, что уже въ 1024 году земледѣліе стояло въ Болгарской землѣ довольно высоко Уже въ 1389 году князь Юрій Дмитріевичъ завоевалъ почти всю Болгарскую землю, но болгары скоро отдохнули отъ этого погрома и потребовалось еще почти два вѣка на то, чтобы окончательно подчинить болгаръ Московскому царству. Опредѣлить положительно то время, когда земля Болгарская перешла окончательно во власть русскихъ царей, рѣшительно невозможно по недостатку о томъ историческихъ данныхъ; весьма вѣроятно, однако, что такое полное присоединеніе произошло при Иванѣ Грозномъ, въ одно время съ

паденіемъ Казанскаго царства, хотя титуломъ „Государя Болгарскаго“ и писался еще дѣдъ Грознаго, Іоаннъ III. Воспоминаніе о быломъ величіи Болгарской земли осталось въ томъ, что въ нынѣшнемъ Императорскомъ титулѣ Государь Императоръ носитъ названіе „князя Болгарскаго“.

Въ настоящее время этотъ цвѣтущій когда-то городъ, служившій посредникомъ между Европой и Азіей, представляетъ собою однѣ лишь развалины, которыя съ году на годъ приходятъ все въ большее и большее разрушеніе; черезъ нѣсколько лѣтъ мы не найдемъ уже на мѣстѣ Болгаръ ничего, кромѣ кучъ кирпича и остатковъ когда-то грозныхъ валовъ. По мѣстному преданію и разсказу стариковъ, село Болгаръ или Успенское, выстроенное на этихъ богатыхъ воспоминаніями развалинахъ, существуетъ болѣе ста лѣтъ; вся земля, бывшая когда-то подъ городомъ, принадлежала въ прошломъ столѣтіи домовому Успенскому монастырю казан-

Развалины ханскаго дворца древнихъ Болгаръ въ селѣ Успенскомъ.

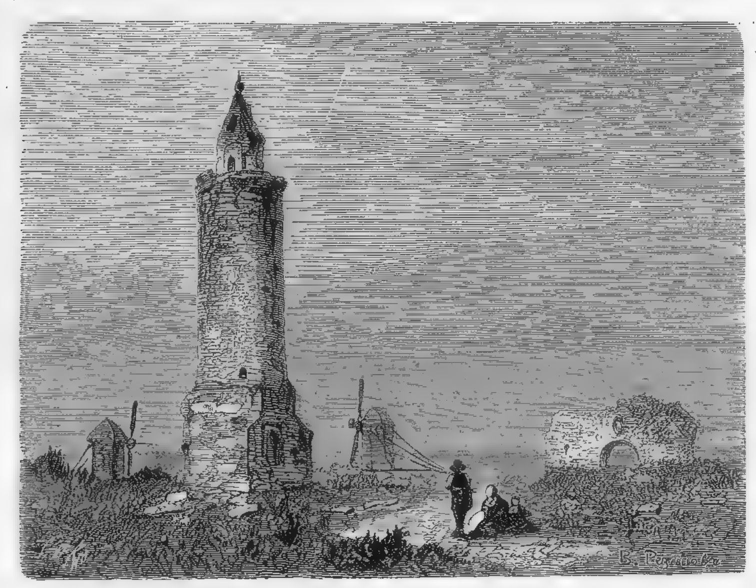
скихъ митрополитовъ, но когда и кѣмъ былъ основанъ этотъ монастырь—неизвѣстно, и единственнымъ его памятникомъ осталась теперь каменная палата близъ церкви, одинаковой кладки и постройки, какъ и остальные памятники Болгаръ. Въ особенности сильно потерпѣли Болгары въ теченіе XIV вѣка, но съ той поры они не терпѣли отъ чужеземныхъ нашествій и если разрушались, то лишь вслѣдствіе вліянія времени.

Кругомъ всего бывшаго города обходилъ валъ, который въ горизонтальномъ своемъ очертаніи сохранился вполнѣ нетронутымъ, представляя собою, какъ утверждаютъ знатоки фортификаціоннаго дѣла, фигуру огромнаго реданта съ флангами, примыкающаго своею горжею къ высокому берегу Волги, которая, какъ увѣряютъ, протекала какъ-разъ у стѣнъ города. Валъ обнималъ собою площадь въ $3^1/_2$ кв. версты, гдѣ не только могъ помѣщаться самый городъ Болгары, имѣвшій всего 520 домовъ, но и сотни и тысячи кочевыхъ кибитокъ и юртъ тѣхъ народовъ, которые платили ясакъ болгарскому хану и приходили въ городъ вымѣнять свои шкуры и другіе товары на то, что имъ было необходимо; слѣдуетъ замѣтить, что планъ этого большого реданта съ флангами замѣчателенъ тѣмъ, что уголъ его срѣзанъ для фронтальной обороны. Впереди этого срѣзаннаго угла до сихъ поръ еще уцѣлѣло передовое укрѣпленіе,

носящее въ народѣ названіе городища; назначеніе его опять же было чисто-фортификаціонное, такъ какъ оно фланкировало валъ съ этой стороны. Внутри этого городища находилось, вѣроятно, другое укрѣпленіе въ видѣ цитадели съ валомъ, рвомъ и нѣсколькими каменными развалинами. Добрые люди вообще охотно растаскиваютъ кирпичи и другіе строительные матеріалы изъ развалинъ, и никому не придетъ до сихъ поръ въ голову позаботиться о томъ, чтобы спасти старину отъ полнаго расхищенія; такъ, напримѣръ, въ самомъ городищѣ, въ посѣщеніе Озерецковскаго, видны были слѣды развалинъ въ четырехъ мѣстахъ; Риттихъ видѣлъ уже лишь двѣ кучи, а мы сами нашли всего лишь одну, да и та была сильно перерыта. Слѣдуетъ предполагать, что развалины эти въ стародавнія времена представляли собой двѣ или нѣсколько башенъ, связанныхъ арками поверхъ деревянныхъ воротъ, передъ которыми черезъ ровъ перекинутъ былъ мостъ для въѣзда въ городъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, за валомъ шла еще городская стѣна, срубленная изъ могучихъ дубовъ, какъ утверждаетъ и Абу-Абдалахъ, видѣвшій Болгары въ 1136 году; безъ такой стѣны трудно было бы оборонять такую длинную линію вала и притомъ въ особенности въ ночное время. Главными памятниками былого величія Болгаръ остаются въ настоящее время такъ-называемыя черная и бѣлая палаты и малый минаретъ. Черная палата или судная по изящности своей архитектуры несомнѣнно можетъ быть отнесена къ однимъ изъ самыхъ лучшихъ памятниковъ древности въ Россіи; если предположить, что прочность ея постройки не отличается ничѣмъ отъ другихъ зданій, находящихся въ настоящее время въ развалинахъ, то время ея построенія придется отнести къ концу эпохи процвѣтанія города, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всего Болгарскаго царства. Для чего служило это зданіе—неизвѣстно, хотя преданіе и утверждаетъ, что здѣсь производились судъ и расправа надъ злочинцами, почему въ народѣ зданіе это и слыветъ за судную палату; мрачный видъ зданія заставилъ нѣкоторыхъ называть эти развалины черною палатою, что, конечно, не далеко отъ перваго названія, такъ какъ очень можетъ быть, что приговоры исполнялись тутъ же, гдѣ производился и судъ. Арабскіе писатели разсказываютъ дѣйствительно о какомъ-то зданіи въ Болгарахъ, гдѣ судили три судьи; судьи эти выходили къ народу каждый на отдѣльное крыльцо, справлялись о настроеніи общественнаго мнѣнія по отношенію къ подсудимому, затѣмъ снова входили въ палату, совершали омовеніе и, наконецъ, изрекали приговоръ. Все зданіе состоитъ изъ четырехъ этажей, накрытыхъ сверху куполомъ, съ отверстіемъ посрединѣ; нижній этажъ, представляющій собою какъ-бы квадратное основаніе постройки, имѣетъ въ каждой стѣнѣ по 17 аршинъ, при высотѣ въ одну сажень, и притомъ углубленъ нѣсколько въ землю, что, вѣроятно, случилось вслѣдствіе вліянія времени, такъ какъ нигдѣ въ развалинахъ болгарскихъ никакого намека на цоколь найдено не было; входъ продѣланъ былъ съ сѣверной стороны, при чемъ тутъ-же у входа находились какія-то два небольшія отверстія, продѣланныя наискось и притомъ снизу вверхъ. Тутъ, говорятъ, содержались преступники, крики и стоны которыхъ не могли, конечно, не вліять на правосудіе судей, которые поневолѣ должны были разсматривать дѣла тщательно, дабы даромъ не обвинить человѣка. Что касается до второго этажа, то онъ рѣзко отличался отъ остальныхъ своими тремя крыльцами и лѣстницами; дневной свѣтъ проникалъ въ горницу черезъ два окна, помѣщавшіяся по бокамъ дверей съ южной стороны, а по бокамъ въ стѣнахъ продѣланы были ниши, служившія, вѣроятно, для омовеній. Третій этажъ возведенъ съ маленькимъ уступомъ, былъ сравнительно очень низокъ ($^3/_4$ сажени) и освѣщался четырьмя окнами, размѣщенными по стѣнамъ зданія; четвертый этажъ, наконецъ, былъ одинаковой высоты съ третьимъ, выведенъ осьмиугольникомъ на уступѣ предыдущаго этажа и держался по угламъ на сводахъ; никто не знаетъ, для чего предназначались эти два послѣдніе этажа, хотя въ четвертомъ этажѣ освѣщеніе было весьма значительное, такъ какъ онъ былъ снабженъ 8 окнами. Ходятъ въ народѣ толки, что будто послѣдній этажъ служилъ какъ-бы сторожевой башней, гдѣ постоянно сидѣли особые сторожа, наблюдавшіе за окрестностями, но насколько это вѣрно и не повліяло ли здѣсь нѣ-

сколько весьма недавнее распоряженіе о постройкѣ въ селахъ вышекъ для пожаровъ — неизвѣстно.

Не менѣе замѣчательна въ архитектурномъ и археологическомъ отношеніяхъ и такъ-называемая бѣлая палата; къ сожалѣнію, постройка эта такъ плохо сохранилась, что теперь уже представляетъ собою скорѣе кучу сора, нежели развалины. Названіе „бѣлой палаты“ дано ей вслѣдствіе того, что съ виду она совершенно бѣлая, такъ какъ выстроена изъ мѣстной известково-мѣловой породы; зданіе имѣетъ форму квадрата, покрытаго куполомъ; по угламъ помѣщаются такія же небольшія квадратныя постройки, въ свою очередь покрытыя небольшими куполами; всѣ четыре угловыя горницы сообщались со средней посредствомъ сводчатыхъ дверей. Когда стали тщательно изучать „бѣлую палату“, то оказалось, что съ 4-хъ сторонъ проведены въ нее подземныя трубы, идущія на довольно далекое разстояніе подъ землей; ширина

Развалины башни Мизгирь (остатокъ древней столицы Болгаръ) въ селѣ Успенскомъ, Казанской губерніи.

этихъ трубъ $1^1/_2$ ф., при вышинѣ въ $2^1/_2$ фута. Какъ расположеніе трубъ, такъ и очень глубокая яма, когда-то облицованная камнемъ, и трубы, проведенныя въ стѣнахъ зданія, наводятъ на мысль, что бѣлая палата несла службу бани, врядъ-ли общественной, а скорѣе всего предназначенной лишь для особъ наиболѣе высокопоставленныхъ въ городѣ. Думали сначала, что бѣлая палата была мечетью, и нѣкоторые досужіе люди воображали даже, что видятъ предъ собой остатки индійской пагоды; но достаточно бросить хотя бѣглый взглядъ на эту постройку, чтобы убѣдиться, что она не имѣетъ ничего общаго ни съ магометанскими, ни съ браминскими домами молитвы.

По всему пространству, бывшему нѣкогда подъ городомъ, встрѣчаются постоянно огромныя ямы, бывшія, вѣроятно, водоемами, и группы развалинъ, отъ которыхъ остались лишь кучи мусора да фундаменты. Нѣкоторые изъ этихъ фундаментовъ раздѣлены на-двое продольною стѣною, тогда какъ другіе имѣютъ видъ основанія башенъ, которое всегда четыреугольно. Эти башни или минареты могли служить, конечно, двумъ цѣлямъ, а именно: съ высоты ихъ муэдзины могли созывать правовѣрныхъ на молитву, а также на нихъ могли помѣщаться ка-

раулы, обязанные наблюдать за безопасностью города со стороны хищниковъ южныхъ, сѣверныхъ и въ особенности западныхъ — русскихъ. Во всякомъ случаѣ, группировка такихъ построекъ у въѣзда въ городъ и въ другомъ пунктѣ, гдѣ, какъ увидимъ ниже, долженъ былъ находиться ханскій дворецъ, имѣетъ, конечно, особое значеніе. Если судить по существующей еще и по настоящее время башнѣ и по тѣмъ развалинамъ, которыя расположены близъ нея, то можно съ большой достовѣрностью предполагать, что при въѣздѣ въ Болгары находились три мечети и три минарета, остальныя же постройки могли быть отдѣльными каменными зданіями для муллъ. Одна группа развалинъ, помѣщающаяся почти въ центрѣ древнихъ Болгаръ, съ нѣкоторымъ лишь отклоненіемъ къ востоку, принимается обыкновенно за остатки ханскаго дворца. Невдалекѣ отъ нихъ находится еще одна постройка, носящая на себѣ отпечатокъ военной архитектуры, но выдаваемая и преданіемъ, и изслѣдованіями за останки главной мечети. Въ подтвержденіе того, что развалины эти были нѣкогда мечетью, приводятъ то обстоятельство, что посрединѣ нихъ стоялъ нѣкогда очень высокій минаретъ, который развалился лишь въ 1841 году. Этотъ минаретъ возвышался на 83 фута, но уже при Петрѣ Великомъ грозилъ паденіемъ, почему царь и приказалъ оковать верхнюю часть его желѣзными обручами; двери въ эту башню продѣланы были съ южной стороны, а внутри зданія была винтообразная лѣстница съ 74 ступенями, освѣщавшаяся нѣсколькими узкими окнами. Главное строеніе, посреди котораго помѣщался этотъ минаретъ, занимало собой площадь въ 640 кв. футовъ, и еще въ 1839 году сохранялось нѣсколько ступеней, обложенныхъ тесанымъ камнемъ, указывавшихъ мѣсто широкихъ лѣстницъ, служившихъ входомъ въ башни, расположенныя по четыремъ угламъ постройки. Слѣдуетъ думать, что здѣсь всего скорѣе могъ быть ханскій дворецъ, что вовсе не мѣшаетъ, однако, существованію большого минарета, какъ принадлежности дворцовой, главной мечети.

Послѣднею, наконецъ, замѣчательною архитектурною древностью слѣдуетъ признать такъ называемый малый минаретъ, или башню Мизгирь, съ расположенными вокругъ нея развалинами. Башня эта, къ счастью, сохранилась прекрасно и представляетъ собой образцовое произведеніе тогдашняго зодчества. Нижняя ея часть или основаніе—квадратное, при чемъ каждая сторона имѣетъ около 6 аршинъ въ длину, при высотѣ въ 4 аршина; на этомъ основаніи воздвигнута круглая башня, діаметръ которой уменьшается постепенно по мѣрѣ возвышенія ея надъ поверхностью земли; высота этой башни равняется 28 футамъ; главная башня оканчивается вверху площадкой, на которой помѣщается другая башенка гораздо меньшаго діаметра и всего лишь въ одну сажень высоты. Внутри башни идетъ винтообразная лѣстница, начинающаяся у дверей, продѣланныхъ съ сѣверной стороны; съ западной стороны, при самомъ основаніи башни продѣлана ниша, гдѣ въ прежнее время на каменной доскѣ высѣчена была надпись изъ алкорана; конечно, доску эту мѣстные практики выломали и пустили ее въ какую-нибудь домашнюю подѣлку. Верхняя надстройка покрыта была прежде желѣзной крышей въ видѣ конуса, а на самомъ верху красовалась луна.

Вотъ что осталось отъ когда-то славнаго города Болгаръ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ— и эти почтенные остатки сѣдой старины обсыпятся, развалятся и будутъ растасканы мѣстными жителями на свои потребы. Еще въ то время, когда Болгары посѣщали Палласъ и Озерецковскій, развалинъ насчитывали 44, а теперь, какъ оказывается, ихъ всего-навсего три, да и тѣ со дня на день угрожаютъ паденіемъ. Подробныхъ и послѣдовательныхъ, на всемъ пространствѣ города, раскопокъ не было, хотя въ разное время и производились въ разныхъ мѣстахъ раскопки съ цѣлью добиться антропологическаго и археологическаго матеріала; еще недавно подобныя раскопки произведены были Г. Пельцамомъ, которому удалось раздобыть 15 череповъ изъ окрестностей Черной палаты и 34 черепа изъ Бабьяго бугра; оказалось при этомъ, что въ могилахъ всѣ костяки имѣли положеніе отъ востока на западъ, т.-е. были направлены головою на востокъ; руки всегда лежали по бокамъ вытянутыми. Иногда черепа

находимы были на нѣкоторомъ разстояніи отъ самаго костяка, а иной разъ черепъ лежалъ на самомъ тазу. Случалось находить два черепа сразу, а разъ даже и три черепа въ кучѣ, тогда какъ остальныя кости разбросаны были кругомъ, при чемъ тутъ же рядомъ лежалъ скелетъ въ совершенно правильномъ положеніи. Какихъ-либо наружныхъ признаковъ могилъ и нахожденія покойниковъ не было вовсе, такъ что всѣ находки дѣлались случайно. Къ сожалѣнію, черепа коллекціи г. Пельцама еще никѣмъ не описаны, а потому и нельзя опредѣлить ихъ принадлежность тому или другому народу. Замѣчено вообще, что человѣкъ охотно селится на изстари облюбленныхъ его предками мѣстахъ, и Болгары служатъ лишь наиболѣе рѣзкимъ подтвержденіемъ этого положенія. На мѣстѣ болгарской столицы раскидывается нынѣ село Успенское; лѣтъ 300—350 тому назадъ тутъ было весьма значительное еще поселеніе Казанскаго царства; еще раньше стояли здѣсь Болгары, видавшіе у своихъ воротъ и индійскихъ, и бухарскихъ, и кіевскихъ, и печорскихъ купцовъ, принимавшіе и зырянина, самоѣда, привезшихъ на продажу свои шкуры и пріѣхавшихъ на оленяхъ, и бухарца, и араба, прибывшихъ съ верблюжьимъ караваномъ къ торговому городу, и хитраго купца грека, привезшаго съ русскими возчиками сюда на продажу узорочья и произведенія европейской культуры, — стояли Болгары, не совсѣмъ еще перешедшіе къ чисто-желѣзному вѣку, такъ какъ среди вещей древне-болгарскихъ то-и-дѣло попадаются бронзовыя вещи; наконецъ, до основанія еще Болгарскаго царства въ той же мѣстности все-же жилъ человѣкъ, не знавшій еще употребленія металловъ и пользовавшійся каменными орудіями, какъ видно изъ цѣлой массы находокъ каменнаго вѣка, сдѣланныхъ въ Болгарахъ. Во всякомъ случаѣ, Болгары — широкое поле для изслѣдователя старины и ждутъ еще одновременной и полной раскопки.

Такъ создалось, жило и распалось Болгарское царство, представляющее собой нынѣ всего лишь нѣсколько полуразвалившихся построекъ; но если пало оно и сгибло, то не сгибли вмѣстѣ съ нимъ составлявшіе его народы и продолжаютъ жить все на тѣхъ же, давно излюбленныхъ и насиженныхъ мѣстахъ и понынѣ. Русскій человѣкъ, когда приведется ему забрести на чужую землю, не завистливъ и легко уживается со старосѣлами, развѣ только пораздвинетъ ихъ, въ виду того, что земли на всѣхъ хватитъ; да къ тому-же, когда въ колонизаторскомъ движеніи своемъ впередъ напиралъ онъ на инородцевъ, то послѣднимъ не представлялось неминуемымъ вымирать предъ вносимою имъ цивилизаціей, какъ это дѣлаютъ американскіе индѣйцы предъ англо-саксонскою расою, а, въ виду небольшой, почти незамѣтной разницы въ культурности, имъ становилось возможнымъ ужиться вмѣстѣ, исподволь перенять у пришельца то, до чего онъ успѣлъ уже додуматься, и идти съ нимъ рука объ руку въ прогрессивномъ развитіи культурности. Такъ случилось и здѣсь, на развалинахъ древняго Болгарскаго царства, гдѣ привелось русскому человѣку столкнуться съ мордвою, черемисами и чувашами, и не только не сжить ихъ со свѣту, а, напротивъ того, уберечь отъ погибели и соблюсти эти народы до настоящаго времени.

Изъ всѣхъ средневолжскихъ народовъ, мордва, конечно, наиболѣе многочисленный, такъ какъ въ настоящее время можно насчитать ея до милліона душъ; живетъ она въ Нижегородской, Симбирской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Казанской, Самарской, Астраханской, Оренбургской, Уфимской и даже Томской губерніяхъ. Съ давнихъ поръ уже среди мордвы различали два особыхъ нарѣчія, которыя иногда принимались даже какъ-бы за два отдѣльныхъ народа; такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Страбонъ уже различалъ аорзовъ или эрзю, тогда какъ Іорнандъ уже не различаетъ отдѣльныхъ нарѣчій и знаетъ лишь народъ мерденсъ. Константинъ Порфирородный (943 г.) упоминаетъ о странѣ Мордія, находившейся на десять дней пути отъ печенѣговъ. Напротивъ того, Рубруквисъ разсказываетъ, что по ту сторону Дона, къ сѣверу, въ чащѣ лѣсовъ живутъ два народа, изъ которыхъ одинъ — моксель или мокша — долженъ былъ примкнуть къ монгольскимъ ордамъ, во время ихъ нашествія на Венгрію, Польшу и Силезію, и тамъ погибъ большею частью, со своими князьями; быть-можетъ, въ этомъ-то

именно фактѣ и кроется объясненіе того, что мокши осталось такъ мало въ настоящее время; другой народъ Рубруквисъ называетъ мердасъ, видимо узнавши это прозвище отъ русскихъ, такъ какъ никогда эрзя не называла себя такимъ образомъ. Въ настоящее время мордва все-же дѣлится на эрзю и мокшу, хотя нѣкоторые и желали отыскать среди этого племени еще каратаевъ и терюханъ; по ближайшемъ изученіи оказалось однако, что каратаи представляютъ собой отатарившуюся мокшу, поселившуюся въ Казанской губерніи, а терюхане—та-же эрзя, называвшаяся такъ по имени той волости, гдѣ она обитаетъ.

Иного мордвина вовсе и не отличишь отъ сосѣда его великорусса, который хотя теперь и рѣдко лишь скрещивается съ мордовскою кровью, но самъ по себѣ уже является метисомъ, образовавшимся изъ славянскаго корня, когда-то, и притомъ очень давно, скрестившагося съ какими-то двумя народами, изъ которыхъ одинъ былъ среднеголовымъ, а другой—крайне малоголовымъ; по послѣднимъ изслѣдованіямъ проф. Богданова, оказывается, что эти два народа и были, вѣроятно, меря и мордва. Только нѣкоторая раскосость въ глазахъ, курносый, широкій носъ да выдающіяся скулы выдаютъ мордвина и невольно напоминаютъ о его доисторической родинѣ и объ урало-алтайскомъ его происхожденіи. Мордва короткоголова, при довольно значительной высотѣ черепа и нѣкоторомъ куполообразномъ его устройствѣ. Маленькія пясти рукъ и такія-же ступни отличаютъ и мордвина, и въ особенности мордовку, которая однако не только не гордится изяществомъ формъ своихъ конечностей, но даже еще обертываетъ свои ноги безчисленнымъ количествомъ тряпокъ, ради того, чтобы онѣ были похожи „на дубы", какъ поется въ народной мордовской пѣснѣ. Мордвинъ коренастъ и кряковистъ и на всякую работу способенъ; онъ себѣ на умѣ, а потому и пошла про него слава, что гдѣ „наземъ да лѣсокъ — мордвѣ уголокъ"; всегда мордвинъ сумѣетъ выбрать хорошее мѣсто, а русскимъ поневолѣ остаются мѣста менѣе пригодныя. Русскій человѣкъ, какъ насѣлъ на землю, то помимо ея и свѣта Божія не видитъ, а мордвинъ и землею не брезгаетъ, а, напротивъ того, норовитъ какъ-бы ее получше обработать, чтобы она была уродливѣе на хлѣбъ, да кстати тутъ же и пчеловодствомъ займется, и ободья гнетъ, и смолу куритъ и сидитъ деготь; на все у него хватаетъ и времени и охоты, а потому и живетъ онъ побогаче своего русскаго сосѣда.

Глаза у мордвы свѣтлые, то зеленые, то голубые, то каріе, съ довольно узкими прорѣзами, и часто болѣютъ и слезятся—по увѣреніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, вслѣдствіе курной топки избъ, хотя намъ тысячи разъ случалось наблюдать воспаленные глаза и у тѣхъ мордвиновъ, которые успѣли додуматься до трубы и вывода въ нее дыма; это, повидимому, просто національная болѣзнь, причины которой еще не разгаданы Волосы у мордвы вдаются чаще всего въ темные оттѣнки, и черноволосые попадаются чаще, нежели свѣтловолосые; волосы лежатъ гладко и мочалообразны, развѣ лишь изрѣдка, да и то лишь вблизи русскихъ поселеній, гдѣ не безъ грѣха, призавьются они немного; растительность на губахъ и на подбородкѣ нероскошная, а на тѣлѣ обыкновенно совершенно отсутствуетъ. Часто встрѣчаете среди женщинъ, и притомъ въ особенности мокшанокъ, миловидное лицо, но тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ женщины некрасивы и обладаютъ особенно замѣтною скуластостью. Мордвинъ охотно женился бы на русской, но дѣло въ томъ, что родители ея неохотно отдадутъ ее въ мордовскій домъ, такъ какъ „живетъ мордва по дикому"; наоборотъ, дѣвушку мордовку и родители неохотно выдадутъ за русскаго, да и свои парни не допустятъ такого посрамленія цѣлому селенію; дѣвушки охотно гуляютъ и съ русскими парнями и имѣютъ даже отъ нихъ дѣтей, но намъ не могли привести ни одного случая выдачи замужъ мордовки въ русскую семью. Такимъ образомъ скрещиванія въ настоящее время случаются крайне рѣдко, и если случаются, то лишь внѣ брака; въ силу этого сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что на границахъ, гдѣ встрѣчается мордовскій элементъ съ русскимъ, урало-алтайскій типъ значительно измѣнился; намъ могли назвать всѣ смѣшанные браки наперечетъ—и никакого рѣз-

каго уклоненія въ пограничной мордвѣ отъ чисто-мордовскаго типа мы не наблюдали. Насъ не разъ удивляло, однако, и въ Тамбовской, и въ Нижегородской губерніяхъ, что села, носящія чисто-мордовскія названія, оказывались сплошь населенными русскими; на повѣрку всегда оказывалось, что всѣ эти русскіе являлись лишь мнимо-русскими, а на самомъ дѣлѣ были лишь обрусѣвшею окончательно мордвою; такое обрусѣніе происходитъ прежде всего перемѣною костюма, насмѣшками надъ стародавними обычаями и постепеннымъ забываніемъ родного языка; но и въ эти села неохотно выдаютъ своихъ дочерей окрестные русскіе, все еще помня инородческое происхожденіе ихъ обитателей.

Мордовка.—Рисунокъ Ф. Шамота.

О встрѣчѣ своей съ русскими и объ исторіи первоначальныхъ своихъ отношеній къ пришельцамъ разсказываетъ мордва хотя и разно, но вездѣ замѣчается однако, что о кровавыхъ особенно стычкахъ и о дѣятельномъ отпорѣ въ этихъ воспоминаніяхъ нѣтъ и рѣчи. Интересно, что, по всѣмъ народнымъ мордовскимъ преданіямъ, русскіе завладѣваютъ страною или съ помощью хитрости и обмана, или же какъ насильники, за которыхъ стоитъ судьба и рокъ. Было, конечно, такое время, когда мордва жила вполнѣ самостоятельно и управлялась своими собственными царями или князьями, изъ которыхъ извѣстны Тенишъ, Тюштянь, Пургасъ, Кильдей и другіе; но явился русскій инязарь или царь, который сталъ просить у мордовскаго царя уступить ему по сосѣдской дружбѣ столько земли, сколько можно охватить пеньковой ниткой, обмотанной вокругъ человѣческой головы; мордовскій инязарь согласился на просьбу своего сосѣда, вовсе не подозрѣвая подвоха, а тотъ выбралъ изъ своего племени что ни на есть дюжаго парня съ огромной головой, обмоталъ вокругъ его головы безконечно длинную нить, которую всѣ русскія женщины пряли цѣлыхъ 10 лѣтъ, и стала голова парня цѣлой горой, а когда нить размотали, то охватила она всю мордовскую землю и долженъ былъ мордовскій царь уйти за море. Въ Нижнемъ разсказываютъ о столкновеніи русскихъ съ мордвою еще иначе и пріурочиваютъ легенду къ именамъ двухъ братьевъ — Дятла и Сокола. Стали эти два

брата, управляющіе мордовскимъ народомъ, между собой ссориться, и Соколъ привелъ себѣ на помощь русскихъ, которые, однако, скоро справившись съ Дятломъ, и своего доброхота не пожалѣли и прогнали изъ его родного города; гнали они его по Волгѣ внизъ до самаго моря; садился и укрѣплялся онъ кое-гдѣ по берегу на горахъ, но приходили русскіе и скоро изгоняли изъ его новаго мѣстожительства; вотъ почему по всей Волгѣ то-и-дѣло встрѣчаются Соколиные утесы, гдѣ спасался на время Соколъ отъ русскихъ. Толкуютъ старики, однако, еще иначе. Ѣхалъ по Волгѣ грозенъ царь Иванъ Васильевичъ и вдругъ увидалъ, будто березки на берегу качаются; то не бѣлыя березы качаются, — говорятъ ему его приближенные, — то мордва своему богу молится. Захотѣлъ царь посмотрѣть поближе чудо чудное и приказалъ остановиться флотиліи. А между тѣмъ на молянѣ старики уже давно его замѣтили и послали ему на поклонъ моленой яичницы и священнаго пуре (пиво съ медомъ); послали они эти дары съ парнями, а парни дорогой яичницу съѣли и пуре выпили, да и принесли царю земли вмѣсто яичницы и воды вмѣсто пуре. Такъ и отдала сама мордва и землю свою, и воды грозному царю Ивану Васильевичу. Въ Пензенской губерніи говорятъ, что былъ у мордвы свой богъ и молили ему кошкою или котомъ чернымъ (Мастыръ-пазъ), а начнутъ ласкать кота—такъ изъ него огонь выходитъ. Какъ стали напирать русскіе, то призвала мордва своего бога, чтобы спасъ онъ людей своихъ отъ врага и супостата; но русскіе знали, чѣмъ доконать мордву, и на божьяго звѣря напустили своего невѣдомаго звѣря, который и растерзалъ кота; тогда привѣсили русскіе къ сѣдламъ своимъ шкуры этого звѣря, и мордва бѣжала отъ одного вида этихъ шкуръ.

Какъ говоритъ мордвинъ на двухъ довольно значительно различающихся другъ отъ друга нарѣчіяхъ, такъ и вѣритъ онъ двояко, да и живетъ, пожалуй, различно, смотря по тому, кто онъ — эрзянинъ или мокшанинъ. У эрзянина какъ-то боговъ побольше и на всякое дѣло случился у него особый божокъ, которому приличествуетъ то дѣло вѣдать и объ немъ заботиться; напротивъ, мокшанинъ, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе частыхъ сношеній съ магометанскими сосѣдями, а быть можетъ и въ силу личной своей большей культурности, успѣлъ, видимо, стать на ту точку развитія религіозныхъ вѣрованій, когда многобожіе замѣтно начинаетъ пропадать, благодаря усиленію значенія отца боговъ или главнаго бога. Трудолюбіе и особенная склонность мордвы къ пчеловодству сказались весьма рѣзко въ воззрѣніяхъ эрзи на міръ. Міръ божій—три громадныхъ пчельника, находящіеся между собой въ постоянной связи, благодаря родственнымъ связямъ, существующимъ между ихъ владыками. Невидимый, небесный пчельникъ находится въ распоряженіи Вель-паза, который кстати заправляетъ и животными на землѣ, такъ какъ никто лучше его не можетъ справиться съ небесными животными, которыхъ чудаки-русскіе называютъ звѣздами; Вель-пазъ не родился, какъ добрые люди обыкновенно родятся, а случилось разъ Чимъ-пазу задуматься о томъ, что одному ему не управиться; ну, конечно, задумался и напружился, а напружился — и будто разломился на-трое, такъ-то и породилъ онъ братьевъ своихъ Вель-паза и Мастыръ-паза. И сказалъ тогда Чимъ-пазъ братьямъ своимъ: „насъ теперь трое—всякій свой пчельникъ пусть знаетъ". Съ той поры и сталъ небеснымъ пчельникомъ заправлять Вель-пазъ, а темнымъ пчельникомъ, подземнымъ, который помѣщается далеко на западѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, куда уходитъ спать на ночь самъ Чимъ-пазъ и гдѣ проживаютъ умершіе люди и звѣри, сталъ завѣдывать Мастыръ-пазъ. Остался одинъ только пчельникъ безъ главы, но тогда еще пчельникъ тотъ былъ не устроенъ, и Чимъ-пазъ, поднимаясь утромъ со сна, освѣщалъ одну только воду. Но, когда населился средній пчельникъ людьми и животными, то пришлось и къ нему приставить особаго покровителя; самъ Чимъ-пазъ слишкомъ былъ занятъ день-то-деньской, а потому и порѣшилъ онъ лучше послать туда своего сына Нишке-паза, молодого, сильнаго, добраго, да кстати и находившагося не у дѣлъ. Такимъ-то побытомъ и стали всѣ три пчельника управляться каждый своимъ особымъ богомъ и ведется все это и до сихъ поръ. А между тѣмъ Анге-патэй, т.-е. тетка боговъ,

чуть-ли не сестра самого Чимъ-паза, увидавши, что все-же есть на землѣ такіе закоулки, куда не заглядываетъ ни одинъ богъ-покровитель, стала съ сердцовъ ударять огнивомъ о кремень, и изъ искръ, сыпавшихся отъ этихъ ударовъ, нарождались все новые и новые боги, которымъ тотчасъ-же назначалась и извѣстная дѣятельность. Подошелъ къ ней Чимъ-пазъ и захотѣлось ему самому тоже попробовать огня высѣчь; ударилъ онъ огнивомъ, да попалъ себѣ же по колѣну, и вышелъ изъ искры Пургине-пазъ, что заправляетъ и громомъ-молніей. Анге-патэй все высѣкала да высѣкала огонь, и родились тутъ: Ведыньазырава, которая владычествуетъ надъ водами, Вирьязырава, которой подчинены лѣса, Кудиназырава, наблюдающая за дворомъ, Юртазырава, наблюдающая за домомъ, и многіе мелкіе божки и богини, которыхъ у эрзи безсчетное количество, такъ какъ на желающаго найдется даже и березовый богъ Келозксъ, и липовый, и свинной. Какъ покончила свое дѣло Анге-патэй, то бросила свой кремень на земь, но и онъ сдѣлался богомъ и даетъ всякій приплодъ, такъ какъ не отняла отъ него рождающей силы Анге-патэй, и во всякомъ мордовскомъ домѣ всегда посрединѣ двора или же подъ порогомъ найдется ямочка, прикрытая небольшимъ камнемъ-божкомъ — кардазь-

Типы Мордвы Симбирск. губ. Обѣдъ въ полѣ. Жатва.

сярко. Вотъ какъ эрзя населила міръ своими богами и вотъ въ кого она вѣрила, да отчасти вѣритъ и до сихъ поръ, несмотря на всевозможныя старанія духовенства изгладить старыхъ боговъ изъ народной памяти; больше того, случается очень часто, что даже русскіе, помолившись, напримѣръ, на сельскомъ молебнѣ о дождѣ, въ случаѣ продолжающейся засухи, преспокойно идутъ къ какому-нибудь старику-мордвину и просятъ его „помолить по-мордовски", что тотъ, конечно, и исполняетъ весьма охотно, такъ какъ самъ онъ, разумѣется, больше вѣритъ Мастыръ-пазу и его силѣ, нежели мощи священника.

Нѣсколько иначе разсказываетъ о происхожденіи боговъ и міра мокша. Прежде земли не было, а было лишь море, и плавалъ Шкай (богъ солнца, отецъ всего живого) по морю и тужилъ, что нѣтъ у него товарища; такъ озлобился Шкай, что даже плюнулъ въ море. Далеко уже уплылъ Шкай и только тогда замѣтилъ, что изъ плевка его вышла гора, плывущая за нимъ; Шкай ударилъ ее посохомъ, и тогда изъ горы вышелъ Шайтанъ, тотчасъ-же предложившій Шкаю взять его въ товарищи. Послалъ его Шкай въ море достать песку, и спряталъ Шайтанъ за щеку щепоточку, чтобы дѣлать потомъ то-же, что будетъ дѣлать Шкай; понятно, что у Шайтана за щекою сталъ песокъ расти и онъ чуть не лопнулъ, но Шкай увидалъ, что не быть Шайтану у него въ товарищахъ, и прогналъ его въ преисподнюю. Какъ произошли боги—дѣло темное, хотя всѣ почти эрзянскіе боги встрѣчаются и въ мокшанской

миѳологіи, причемъ, однако, не называются „пазами", т.-е. богами, а „озксами", т.-е. свѣтлыми, владыками или хозяевами. Есть и сынъ у Шкая, да только какой-то странный; никто его никогда не видалъ, а всё лишь чувствуютъ его прикосновеніе въ огнѣ и дыханіе его въ свѣтѣ; то онъ Солтанъ просто, а то вдругъ сдѣлается Солтанынь-штатамзъ, т.-е. лишь свѣчею въ рукахъ Господа. И во всякомъ домѣ мордовскомъ найдется всегда толстая священная восковая свѣча, зажигающаяся въ торжественныхъ случаяхъ и посвященная сыну Шкаеву; коли пришибаетъ напасть, такъ и цѣлымъ обществомъ, а иногда и цѣлою волостью, складываются воскомъ на „великую Солтанову свѣчу", которая состоитъ просто изъ огромной кадки, доверху наполненной мірскимъ воскомъ, посреди котораго помѣщается фитиль въ кулакъ толщиной.

Никогда мордва не имѣла ни идоловъ, ни храмовъ, да и жрецовъ въ качествѣ особаго сословія тоже не было, а служили богамъ избранные на этотъ конецъ люди, знающіе хорошо обычаи и весь ритуалъ моляновъ. Прежде всего избирались два „париндяйта", которые ходили за нѣсколько дней до моляна по домамъ своихъ односельцевъ и собирали все потребное для моляна; повелся обычай, чтобы женщины подавали имъ жертвуемые продукты изъ-за плеча на веревочкѣ, которую париндяйты и отрѣзали жертвеннымъ ножомъ. Тутъ же, обходя село, париндяйты подговаривали нѣсколько дѣвушекъ, которыя согласились бы помочь имъ въ варкѣ пуре—священнаго напитка изъ сусла съ медомъ—и мяса и яичницъ; дѣло въ томъ, что дѣвушки не должны были особенно охотно идти на эту божью службу, такъ какъ во все время работы имъ запрещалось разговаривать съ мужчинами и стараться не расплескать какъ-нибудь пуре на землю или, чего Боже упаси, поставить на нее ведра съ жертвеннымъ напиткомъ; лопнетъ ведро—опять онѣ же виноваты. Печь священный хлѣбъ и пироги могла лишь жена безсмѣннаго распорядителя моляна, человѣка уважаемаго въ цѣлой волости, который носилъ званіе „прявта". У прявта хранились всегда священные ковши, выдолбленные изъ яблоноваго дерева, и кадушки; у него же находился жертвенный каменный ножъ, священные штатолцы или подсвѣчники и всѣ принадлежности моляна, причемъ, въ случаѣ его смерти, всѣ обязанности его переходили къ его старшему сыну. Какъ бы то ни было, однако, прявтъ не былъ вовсе жрецомъ, а скорѣе всего общественнымъ казначеемъ и никогда не справлялъ моляновъ. Самъ онъ долженъ былъ отличаться всякими нравственными качествами, и даже женѣ его предписывалось никогда ни на кого не сердиться.

За три дня до моляна избирали трехъ „позанбунаведовъ" или, вѣрнѣе, „пазынбунаведовъ", т.-е. божьихъ слугъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность непремѣнно отыскать жертвеннаго быка, цвѣтъ котораго опредѣлялся смотря по тому, какому божеству предполагался молянъ: рыжаго быка приносили въ жертву Шкаю и Чимъ-пазу, а чернаго — Мастыръ-пазу. Пазынбунаведы приводили найденнаго ими безотмѣтнаго быка въ лѣсъ, къ священному дубу или иному дереву, гдѣ и передавали его „ямбедамъ", которые принимали его подъ свое попеченіе, осматривали его, кормили и ухаживали за нимъ. Въ день жертвоприношенія являлся, наконецъ, „возятя"—главный жрецъ, считавшійся боговдохновеннымъ, чѣмъ-то въ родѣ святого и пророка, такъ какъ каждое слово его было закономъ и зналъ онъ всѣ затаенныя думы людскія; онъ снова осматривалъ быка и, если послѣдній, по его мнѣнію, былъ угоденъ божеству, то клалъ ему между роговъ руку. Послѣ этого и возятя, и ямбеды падали предъ жертвеннымъ быкомъ на колѣна и просили его умереть за нихъ; одинъ изъ ямбедовъ наносилъ быку ударъ въ голову, а другой въ то-же время перерѣзалъ ему жертвеннымъ ножомъ горло. Жертвенными частями быка признавались только языкъ и филейныя части, которыя и сожигались тутъ же въ честь бога предъ священнымъ деревомъ; остальное мясо брали пазынбунаведы и варили въ опорожненныхъ отъ варки пуре котлахъ; жертвенное мясо называлось „вологa". Еще наканунѣ моляна избирались „кошангороды", или хранители священныхъ ковшей, и „туросторы", обязанные наблюдать за тишиною и благочиніемъ во время моляна.

Пазынбунаведы не имѣли права касаться священныхъ вещей; ямбеды рѣзали мясо на куски и раскладывали передъ участниками моляна, а кошангороды разливали пуре въ ковши и ставили передъ молянствующими отъ 50 до 100 яблоновыхъ священныхъ ковшей; въ этомъ дѣлѣ распоряженіе ими лежало на прявтѣ, такъ какъ возятя въ это время всегда отсутствовалъ и гдѣ-нибудь въ отдаленіи молился богамъ, готовясь къ моляну. Между тѣмъ народъ уже весь собрался на „керямяти", т.-е. священномъ мѣстѣ моляна. Обыкновенно передъ священнымъ дубомъ или вязомъ дѣлалась небольшая насыпь, обложенная дерномъ и накрытая сверху новою избною дверью; дверь эта покрывалась холстами и вышитыми полотенцами, и здѣсь обыкновенно стоялъ во время моляна возятя; по сторонамъ насыпи ставились два пня, на которыхъ помѣщались туросторы; во время моляна, однако, не все время стояли они на своихъ пняхъ, а ходили по народу и слѣдили за порядкомъ. Какъ-разъ возлѣ пней ставились „нарки" съ

Типы Мордвы Симбирской губерніи.

пуре, священные ковши и съѣстные припасы; при пуре находились кошангороды, а при мясѣ и съѣстномъ—ямбеды. Предъ возвышеніемъ для возяти всегда горѣлъ жертвенный костеръ, при которомъ состояли пириндяйты; старшій среди этихъ послѣднихъ держалъ въ рукахъ длинный еловый шестъ. Едва лишь показывалось на горизонтѣ солнце, какъ прявтъ приклеивалъ къ „наркамъ" или ушатамъ свѣчи, а къ самой большой наркѣ прикрѣплялъ „святой штатолцъ", который, по преданію, упалъ когда-то съ неба, а до той поры горѣлъ предъ лицомъ Чимъ-паза; затѣмъ возятя всходилъ на свое возвышеніе, и туросторы кричали народу: „сакмеде!" т.-е. замолчите. Тогда-то начиналось моленіе, состоявшее изъ молитвъ, обращенныхъ къ богамъ о Бѣломъ Царѣ, начальникахъ и о всемъ народѣ; частицы мяса, яичницъ и пуре набирались въ яблоновый ковшъ возятею и въ качествѣ священнаго куска, „озондамъ-пала", поднимались сначала къ небу, а затѣмъ содержимое ковша выливалось подъ священный вязъ.

Конечно, всѣ эти порядки, замѣченные у мордвы еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ той поры значительно измѣнились въ томъ, конечно, отношеніи, что моляны утратили боль-

шую часть своей торжественности; но тѣмъ не менѣе сущность осталась все та-же; тѣ-же сборы съ цѣлаго села припасовъ, та-же варка пуре и яичницъ, и хотя возяти и нѣтъ, но все-же имѣется всегда въ волости почтенный старикъ, который и исполняетъ его роль. Волостные моляны дѣлаются теперь рѣже, такъ какъ такое сборище не могло бы остаться незамѣченнымъ начальствомъ и оно поспѣшило бы арестовать ,,христіанъ, совратившихся въ язычество". Гораздо чаще моляны совершаются цѣлымъ селомъ или деревней; частныя же лица совершаютъ и до сихъ поръ семейные моляны и, конечно, не воображаютъ, что тѣмъ самымъ совершаютъ тягчайшія уголовныя преступленія. Есть моляны бабьи, есть въ то-же время и такіе, куда женщины не допускаются; конечно, рѣдко кому удастся подсмотрѣть такой бабій молянъ, такъ какъ, еслибы молящіяся узнали о присутствіи посторонняго человѣка, то не задумались бы ни на минуту отправить его въ рѣку, какъ поступаютъ бабы русскія и понынѣ во время опахиванія по поводу эпидемій. Никакого дѣла не начнетъ мордвинъ, не помолившись, не возьметъ онъ и куска въ ротъ безъ того, чтобы не проговорить освященной вѣками молитвенной формулы; при всякой ѣдѣ непремѣнно вырѣжетъ, или отломитъ, или отольетъ онъ ,,озондамъ-палъ" и положитъ его въ ямку подъ порогъ. Конечно, тутъ уже молянъ потерялъ свой чисто-языческій характеръ, такъ какъ, основываясь на случайномъ сходствѣ, мордвинъ полагаетъ, что его стародавняя ,,Баба-оэксъ" или ,,Анге-патэй"—никто иная, какъ Божія Матерь, а Нишке-пазъ играетъ роль Спасителя, Сына Божія. Съ теченіемъ времени и вслѣдствіе порчи культа, появились самые разнообразные новые боги, изъ которыхъ наибольшимъ могуществомъ, а также и наибольшимъ почтеніемъ у народа пользуется ,,Никола-пазъ"; то и дѣло стали упоминаться имена какихъ-то посредствующихъ между главными богами и человѣкомъ существъ, въ родѣ ,,Кардазь-озаисъ" — бога двороваго скота, ,,Тастъ-озаисъ", спасающаго отъ нашествія саранчи, ,,Михтнень-озаисъ", покровительствующаго полямъ и паствѣ, ,,Тумозаисъ" или дубоваго бога, ,,Пиктозаисъ", "Келуозаисъ", ,,Пичеозаисъ", т.-е. боговъ липы, березы и сосны; чуть-ли не каждое животное получило своего особаго покровителя, а вслѣдствіе этого и явились: Ревъ-озаисъ, Анчаръ-озаисъ, Лишмань-озаисъ, Туонь-озаисъ, т.-е. овечій, жеребячій, конскій и свинной боги.

Самымъ интереснымъ мордовскимъ моляномъ представляется тотъ, который справляется въ честь Ведынь-азыравы въ первое воскресенье послѣ 29 іюня. Справляется онъ всенепремѣнно лишь однѣми женщинами, и мужчины отнюдь не допускаются къ участію въ этомъ молянѣ. За нѣсколько дней еще до моляна двѣ наиболѣе уважаемыя женщины пріискиваютъ подходящее мѣсто; обыкновенно такое мѣсто избирается въ тѣни деревьевъ и притомъ всенепремѣнно на берегу рѣки; еще съ вечера старухи ходятъ по селу и набираютъ разныхъ припасовъ, необходимыхъ для моляна и послѣдующаго угощенія. Утромъ, чуть забрезжитъ дневной свѣтъ, участницы должны уже собраться на мѣстѣ моляна; одна изъ женщинъ ложится на землю, а старуха-устроительница дѣлаетъ видъ, что нѣсколько разъ колетъ ее ножомъ; затѣмъ снимаютъ съ жертвы шушпанъ и развѣшиваютъ его на оглобли телѣги; этотъ странный обычай, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть ни что иное, какъ остатокъ болѣе древняго приношенія въ жертву богинѣ самой женщины, что доказывается между прочимъ еще и тѣмъ, что, убивая въ честь Ведынь-азыравы двухъ овецъ, старухи приговариваютъ, чтобы богиня, хозяйка воды, не сердилась, что мордва нынче обѣднѣла, а потому и приноситъ ей въ жертву ,,кафта-реватъ", хотя по настоящему ей подобаетъ ,,кафта-аватъ" (двѣ овцы вмѣсто двухъ бабъ). Когда шушпанъ растянутъ, то рѣжутъ куръ въ честь разныхъ мелкихъ боговъ и начинается стряпня. Когда сварится яичница и ,,бабань-кашъ", т.-е. старухина (богинина) каша, то всѣ оборачиваются къ западу, гдѣ, по понятіямъ мордвы, живутъ боги, становятся на колѣна и читаютъ слѣдующую молитву: ,,Дай, боже, чтобы выросли наши ребята, поженились, народили парней и всѣ жили богато". Старухи берутъ чистые бѣлые платки въ руки и отправляются къ чугунамъ, гдѣ варится ѣда; подойдя къ чугунамъ, онѣ вынимаютъ двѣ курицы, кладутъ

ихъ въ чистую яблоновую чашку, накрытую бѣлымъ платкомъ, и направляются, предшествуемыя женщиной съ восковой свѣчой въ рукахъ, къ рѣкѣ; тутъ на берегу ставятъ онѣ чашку, прилѣпляютъ къ ней свѣчу, становятся на колѣна и молятся: „Дай, водяная матушка, дѣвкамъ нашимъ счастья замужъ выйти, дай имъ дѣтей, да все парней, полну избу народить и жить богато; такъ молимся мы тебѣ, водяная матушка, за дѣвокъ нашихъ". Послѣ этого онѣ бросаютъ чашку въ воду и выпиваютъ по три ковша пуре. Затѣмъ восемь старухъ снова направляются къ рѣкѣ и, обернувшись противъ теченія, молятся такъ: „Дѣдушка Илія великій, не пугай насъ громомъ! Водяная матушка! дай всѣмъ больнымъ нашимъ здоровья, спаси дома наши отъ молніи, спаси хлѣбъ отъ града, а народъ—отъ повѣтрія! Чимъ-пазъ и Нишке-пазъ! спасите насъ отъ пожара и всякой бѣды! Ты, Чимъ-пазъ, спаси головы наши, чтобы намъ не удавиться, не опиться и не умереть отъ насильственной смерти! Спасите, всѣ вы, скотину отъ волковъ, людей отъ болѣзней, куръ отъ коршуновъ, сохраните и умножьте гусей нашихъ!" Послѣ этого всѣ кланяются въ землю, не дѣлая крестнаго знаменія, а три старухи съ курицей, свѣчой и горбушкой хлѣба идутъ на пашню, припадаютъ лицомъ къ землѣ и говорятъ: „Прости насъ, сырая земля-матушка! услышь нашу молитву за дубъ, за березу, за липу и за весь лѣсъ. Прости, матушка, всѣхъ насъ!" Здѣсь на этомъ заканчивается молянъ дневной, и всѣ пируютъ до вечера. Ночью тайно являются къ мѣсту моляна дѣвушки, желающія выйти скорѣе замужъ, отрываютъ у живыхъ куръ головы и бросаютъ ихъ въ рѣку, прося Ведынь-азыраву дать имъ жениховъ; сюда же направляются и безплодныя женщины, которыя разстилаютъ по берегу холсты, ползаютъ по нимъ и молятся: „Ведынь-азырава! ванымысть! шачифтыда жабатъ теннекъ!" т.-е. помилуй, Ведынь-азырава! дай намъ дѣтей!

Конечно, въ настоящее время отъ древняго миѳологическаго мордовскаго канона уцѣлѣли лишь обрывки, по которымъ и приходится изслѣдователю возстановлять полную картину религіозныхъ вѣрованій этого народа. Тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ въ мордовскихъ селахъ то и дѣло справляются моляны разнымъ божествамъ, изъ рода въ родъ передаются молитвенныя формулы и соблюдаются разные обычаи, ясно указывающіе на ритуальную старину.

Какъ ни легко мордвинъ русѣетъ, какъ ни мало, съ перваго взгляда, разницы между нимъ и русскимъ крестьяниномъ, однако, присмотрѣвшійся нѣсколько глазъ тотчасъ же сумѣетъ отличить мордовское село отъ русскаго, а тѣмъ болѣе уже отъ татарскаго. Даже въ Саранскомъ уѣздѣ, гдѣ мордва живетъ смѣшанно и съ русскими, и съ татарами, все-же бросится въ глаза особое устройство мордовскаго дома, которое мордвину полюбилось и не пришлось по нраву остальнымъ народамъ. Слажена изба мордовская изъ добраго, толстаго и хозяйственнаго лѣса, благо мордвинъ не любитъ скупиться на то, чтобы обладить свое жилье на долгое время; тотчасъ замѣтно, что хозяинъ не пришелъ сюда на время, для того, чтобы урвать и снова искать новыхъ мѣстъ, а выстроился сыздавна и надолго, разсчитывая такъ, чтобы и внуки его все на томъ-же, разъ излюбленномъ мѣстѣ сидѣли и отъ него кормились. Полюбилъ мордвинъ жить свѣтло и не застится отъ свѣта Божія, а, напротивъ того, прорубилъ въ средней стѣнѣ чаще всего три окна; хотя окна и небольшія, но все-же непохожи на тѣ дыры, въ которыя смотритъ на міръ Божій русскій человѣкъ; а отъ холоду уберегся мордвинъ тѣмъ, что всегда запасетъ дровъ на зиму, да и рамы зимнія вставитъ со стеклами, а не станетъ затыкать ихъ старыми зипунами и онучами, такъ какъ онъ охотливъ до чистоты и не потерпитъ, чтобы у него изъ окна торчалъ всякій негодный хламъ, который слѣдуетъ прятать отъ прохожаго человѣка, а не на самое видное мѣсто совать. Крышу вывелъ мордвинъ высоко и богато укрѣпилъ ее слегами, чтобы не садилась крыша на низъ; подлѣ крыши взбодрилъ онъ незатѣйливенькую скворечницу, такъ какъ въ характерѣ его любовь къ животинкѣ-скотинкѣ и любитъ онъ, чтобы всякому дыханію вокругъ его логова жилось хорошо и главное, чтобы все живое вокругъ него плодилось и множилось; подъ самую стрѣху засадилъ онъ самодѣльный изъ луба улей на Божье счастье, на прилетный рой; повелось это дѣло изстари и вошло

уже въ неизмѣнный и неспорный обычай, что тотъ рою и хозяинъ, къ кому онъ прильнетъ, чей улей облюбуетъ; всѣ на селѣ знаютъ, что у Пичена Пала пчела роится и что отъ него изъ пчельника вылетѣлъ рой и пригорнулся къ Іолшѣ Васѣ, да ничего уже тутъ Павелъ Пиченовъ не подѣлаетъ, такъ какъ Нишке-пазъ послалъ счастье Василію Іолшину — знать, не угодилъ ему Пичена Палъ, а Іолша Васа вымолилъ у него, у пчелинца небеснаго. Съ того боку избы, куда выходитъ мордовскій уголъ, помѣщается еще и четвертое окно, выходящее на проулочекъ—благо изъ него все видно, что обокъ избы дѣется и по хозяйству, и по ребячьимъ шалостямъ. Дворъ по отношенію къ хатѣ приходится влѣво; тутъ въ неказистомъ — благо не отъ кого городиться: не вороваты сосѣди—заборѣ продѣланы ворота тесовыя, какъ слѣдуетъ быть, крытыя, на добрыхъ вереяхъ, такъ какъ воротамъ большой почетъ отъ мордвы, и въ великіе моменты семейной жизни она въ дѣйствительности вереѣ молится. Чаще всего ворота вдѣланы въ небольшіе срубики, изъ которыхъ одинъ представляетъ собой продолженіе передней стѣны, а другой занятъ амбарушкой со всякимъ домашнимъ скарбомъ, куда хозяйка и холсты кладетъ, да и домашнюю рухлядь валитъ—не совалась бы она на глаза въ жиломъ домѣ. Въ этой амбарушкѣ на хозяйскую потребу и дверь даже на улицу прорублена, а со двора въ нее входа нѣтъ, развѣ иной чудакъ не побережетъ сплошной, доброй стѣны, не поскупится мѣстомъ, да и продѣлаетъ дверь во дворъ, желая выгадать время для бѣготни семейской изъ избы въ амбарушку. Коли войти въ ворота, то направо придется жилая хата, а амбарушка останется влѣво; за амбарушкой налажено мѣсто для скотины на зиму да на стужу, да кстати тутъ-же иной запасливый хозяинъ и лишній амшаничекъ для пчелы отгородитъ, благо на дворѣ простора много и есть гдѣ разгуляться, да и на пчелу мордвинъ повадливъ изстари и славится какъ бортникъ еще съ того времени, когда Грозный царь ходилъ въ этихъ мѣстахъ со своими дружинами. Этотъ амшаничекъ найдется у всякаго добраго хозяина и называется обыкновенно „карденэ", т.-е. дворикъ, а изба, т.-е. жилой домъ, носитъ названіе „юрхта"; понятное дѣло, что и дворикъ, и изба обнесены или тыномъ, или заборомъ, и все это вмѣстѣ взятое образуетъ сельбище—„кудъ". Какъ для двора, такъ и для сельбища нашлось у мордвина въ его языкѣ подходящее слово, которое вполнѣ выражало собой то, что онъ хотѣлъ имъ обозначить; а такъ какъ жилъ онъ, полагать надо, не въ домѣ, а въ простомъ шалашѣ, который замѣнилъ потомъ татарскимъ изобрѣтеніемъ, то и слова у него подходящаго для человѣческаго логова не нашлось, и пришлось его заимствовать у тѣхъ, кто давнымъ-давно уже дошелъ умомъ до устройства юрты. Между „карденэ" и сѣнницей („кавъ")ос тавлено мѣстечко небольшое, прикрытое сверху навѣсомъ, но открытое со стороны двора; этотъ закоулочекъ предназначается какъ прятка для телѣгъ, сохи и другихъ земледѣльческихъ орудій; впрочемъ, иной хозяинъ тутъ и старые ульи складываетъ, и новые бондитъ гибкими липовыми вѣтвями и обручами. Не послѣднюю роль это мѣстечко играетъ въ мордовскомъ хозяйствѣ, и нужда въ немъ всегда сказывалась, такъ какъ для него и слово подходящее въ языкѣ имѣется, и называется оно остаткомъ, угломъ, закуткомъ — „илатскъ". Прямо изъ этого закутка продѣланы двери и въ карденэ, и въ кавъ, а за сѣнницею пристроенъ „кардо", или скотный дворъ, поскотница, открытая со стороны двора и предназначаемая для лѣтней ночевки скота. Кардо тянется всегда по задней стѣнѣ всей хозяйственной постройки мордвина, а въ противоположной его сторонѣ помѣщается еще одинъ амшаникъ, и притомъ главный—„нишке-перэ"; какъ разъ къ этому послѣднему прилаживается и задняя стѣна самаго жилья. Входъ въ домъ продѣлывается обыкновенно не сбоку, какъ привыкъ глазъ видѣть въ русскихъ и нѣкоторыхъ сѣверно-финскихъ постройкахъ, а съ задней стороны, словно находясь подъ охраной того бога, что хлопочетъ въ нишке-перэ, такъ какъ богъ-пчелинецъ, присматривая за настоящими пчелами, не долженъ забывать, что и родъ людской составляетъ также пчельникъ, порученный его руководительству. Какъ входныя двери въ амшаникъ, такъ и главныя входныя двери помѣщаются обыкновенно подъ навѣсомъ, а нашего и сѣверно-финскаго крылечка, до такой сте-

пени украшающаго жилье, нѣтъ и въ помннѣ—видно, не полюбилось оно мордвину, какъ ненужная ни на что прицѣпка, которую при извѣстномъ достаткѣ онъ съ успѣхомъ замѣняетъ длинною крытою галлереей, тянущеюся по дворовой стѣнѣ дома вплоть до входного навѣсика. Кое-гдѣ, однако, гдѣ мордва успѣла значительно обрусѣть, какъ, напр., въ Нижегородской губерніи, въ Терюшевской волости, а также въ Шацкомъ и Спасскомъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, кладутъ два — три бревнышка замѣсто крылечка; а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ мордва — „дикая", какъ увѣряетъ народъ, кладутъ просто камень или же жерновъ, который, собственно говоря, долженъ бы лежать посреди двора и прикрывать ямку, въ которой обитаетъ охранитель семейнаго благосостоянія „Кардазь-сярко", славный божокъ, по натурѣ добрый малый, съ которымъ не прочь подружиться и русскіе, да не хочетъ онъ знать ихъ; иной хозяинъ, ради того, видно, чтобы божокъ поближе къ нему былъ, устроитъ эту священную ямочку какъ разъ подлѣ порога, а то и подъ самымъ порогомъ, и прикроетъ ее камнемъ: оно и божку хорошо тамъ, въ теплѣ, подъ камнемъ сидѣть, да и камень-то опять въ домашнемъ обиходѣ вещь полезная—ножъ поточить, косу отбить, ноги вытереть... Прямо изъ входныхъ дверей входишь въ сѣни, всегда просторныя, такъ-какъ, видимо, мордва просторъ любитъ, да не любитъ въ сѣняхъ свѣта, а потому и дѣлаетъ ихъ безъ окошекъ, безъ пола — авось изъ дверей свѣтъ проникнетъ, да къ тому-же въ нихъ вошедшій не запачкается въ темнотѣ, такъ какъ содержатся онѣ опрятно. Въ этихъ сѣняхъ направо снова дверь продѣлана въ чуланъ, который перенятъ мордвою у татаръ, такъ какъ до знакомства съ этими послѣдними врядъ-ли было что мордвѣ прятать да блюсти; вѣрнѣе всего, что прежде сѣни просто были лишь огороженнымъ мѣстомъ, такъ какъ называются онѣ „кудонь-келькcъ", что напоминаетъ собой глаголъ „келькcякъ", т.-е. городить, огораживать. Нѣсколько вправо противъ входныхъ дверей, чтобы со двора не очень дуло, прорублена дверь въ избу, куда и вступаешь черезъ порогъ—„таргксъ"; прямо противъ двери приходятся три (рѣдко два) окна на улицу, или „валматъ", что значитъ просто-напросто—свѣтники и не намекаетъ на первобытную форму мордовскихъ оконъ, тогда какъ изъ русскаго названія мы прямо заключаемъ о круглой формѣ нашихъ первыхъ оконъ. Начиная отъ входныхъ дверей, по задней стѣнѣ, затѣмъ по боковой, выходящей на дворъ, по всей передней стѣнѣ и, наконецъ, по боковой, выходящей на переулокъ, помѣщается сплошная скамья—„эзима" (отъ „озаданъ"—садиться), на которой и сидятъ и спятъ семейскіе; скамья эта, вѣроятно, прежде не имѣла ножекъ и представляетъ собой, вѣроятно, самое древне-мордовское сидѣнье, такъ какъ точно такая-же скамья, снабженная ножками, называется уже — „лауцятъ", что несомнѣнно указываетъ на то, что подобной формы скамья заимствована у русскихъ. Во всю длину горницы, посрединѣ, подъ матицею подвѣшенъ обыкновенно брусъ съ оставленными по бокамъ его отрубками вѣтвей, предназначенными для вѣшанья платья, шапокъ, рукавицъ, а по нуждѣ и люльки съ молодымъ мордвиненкомъ. Въ томъ углу, который образуется уличною и дворовою стѣнами, висятъ образа и стоитъ столъ („шра"); на столѣ мы не увидимъ, какъ у русскаго крестьянина, ни хлѣба, ни солоницы; и то, и другое здѣсь припрятано, какъ потому, что хлѣбъ не игрушки, такъ еще и по боязни расположенія таракановъ. Направо отъ входной двери выдается бокомъ печь, съ пользою которой мордва познакомилась несомнѣнно уже гораздо позднѣе отъ русскихъ, что видно изъ самаго слова „пецка", которое, хотя и выходитъ подъ-стать мордовской эвфоніи, но перенято тѣмъ не менѣе отъ сосѣдей. Понятное дѣло, что низъ у печи каменный или, вѣрнѣе, кирпичный и поднимается четверти на двѣ отъ пола; въ этомъ кирпичномъ низу продѣлана дыра въ $1^1/_2$ четверти вышины и въ аршинъ длины; въ дырѣ этой у доброй хозяйки курица ранняя несется, прячутся котелокъ, чебъ и другія стряпныя орудія. Четверти на двѣ выше низа кирпичнаго проложено толстое бревно, а разстояніе между нимъ и кирпичнымъ низомъ забрано толстыми досками наглухо; бревно это идетъ дальше самой печи и вмѣстѣ съ кирпичнымъ низомъ значительно выступаетъ изъ нея въ горницу, при чемъ пространство отъ выступающей части

вверхъ до потолка забрано опять-таки досками. Въ томъ боку печки, который выходитъ въ горницу, продѣланы нѣсколько (чаще всего 3—5—7) прятокъ — „прэткатъ" — для мыла, рукавицъ, сапогъ и другой хозяйственной мелочи, такъ что и спичекъ-сѣрниковъ тутъ-же искать приходится; прятки эти дѣлаются снизу въ одинъ кирпичъ, а въ верхней своей части — въ полкирпича. Отъ края печи, какъ уже было сказано выше, идетъ досчатая переборка, называемая „пэлксъ" вслѣдствіе того вѣроятно, что прежде она замѣнялась частоколомъ („пэлъ"— колъ), и продолжающаяся черезъ всю избу до средины промежутка между вторымъ и третьимъ отъ воротъ окномъ; въ переборкѣ сдѣлана дверь, ведущая въ бабье царство и въ мѣсто успокоенія дѣтворы, на которую мордва достаточно-таки плодлива; иногда здѣсь за пэлксомъ спитъ ночью и вся семья, но случается это только въ сильные холода, когда всю горницу не натопишь. Здѣсь стоитъ посуда, здѣсь во время свадебъ сидитъ скрывающаяся отъ посторонних невѣста, здѣсь она переодѣвается, здѣсь, однимъ словомъ, дѣйствительная жилая комната, тогда какъ горница играетъ роль лишь столовой и гостиной. Если стать спиною къ окну, то прямо противъ наблюдателя будетъ печь, устроенная опять-таки не по-русски, а какъ-то по своему, такъ что разница тотчасъ-же въ глаза бросается и просится въ записную книжку; внизу на аршинъ, а то и на шесть четвертей отъ пола идетъ деревянный, досчатый исподъ, въ которомъ продѣланы двѣ—три дыры и притомъ съ такими выкрутасами, на измышленіе какихъ хватило у хозяина фантазіи и вкуса. Какъ разъ подъ средній ростъ человѣка (85—90 сантим.), въ уровень съ животомъ, приходится начало кирпичной кладки печи, посрединѣ которой приходится чело или по-мордовски—„пецканъ-курго", достаточно помѣстительное для того, чтобы можно было установить на него горшковъ и сковородъ не про одну лишь свою семью, а въ праздничный день и про добрыхъ людей; влѣво отъ чела снова есть прятка. Спереди печь не вездѣ равной величины съ боковою ея частью, выходящею въ горницу, такъ какъ, отступя нѣсколько отъ переулочной стѣны, печь снова поднимается, и притомъ кверху все на одинъ кирпичъ суживаясь, такъ что подъ потолкомъ обращается уже въ простую трубу, четверти въ двѣ шириною; какъ разъ подъ этимъ мѣстомъ продѣлана дыра четверти въ двѣ квадратныхъ, запирающаяся дверкою—это сообщеніе съ трубой или первобытный вентиляторъ. Домъ кроется обыкновенно тесомъ, хотя, за хозяйскими недостатками, нерѣдко и солома несетъ кровельную службу, прижимаемая частыми и длинными слегами. Такимъ-то побытомъ устроилъ мордвинъ свое жилье, и слѣдуетъ признаться, что поселился онъ и чисто, и опрятно, и хозяйственно.

Коли уже въ жильѣ замѣчается у мордвы разница съ русскимъ человѣкомъ, то еще рѣзче разница эта бросается въ глаза, когда мы обратимъ вниманіе на составныя части мордовскаго народнаго костюма, который съ году на годъ все болѣе и болѣе вытѣсняется ситцевымъ сарафаномъ, кумачною рубахою и плисовыми шароварами. Рубаха тотчасъ выдастъ мордвина, такъ какъ она вышита совершенно своеобразнымъ рисункомъ, доказывающимъ, что надъ нимъ потрудились не русскія, а мордовскія ловкія руки. Мужская рубаха шьется всегда изъ бѣлаго посконнаго холста и облагается по вороту, на плечахъ и на рукавахъ вышивкою, рисунокъ которой крайне мелокъ и состоитъ изъ сочетанія треугольниковъ и мелкихъ ломаныхъ линій и геометрическихъ фигуръ съ явнымъ преобладаніемъ угловъ и елочекъ предъ кругами и прямоугольниками. Понятное дѣло, что въ праздникъ всякій, даже и несостоятельный мордвинъ замѣняетъ посконную рубаху свою болѣе тонкою и притомъ льняною, такъ какъ по части приглядности и мордвинъ и мордовка будутъ куда поугонистѣе русскихъ; воротъ на праздничной рубахѣ, какъ и слѣдуетъ быть, выведенъ повыше и весь обшитъ красною съ чернымъ тесьмою, а то, если жена—мастерица, такъ вышитъ воротъ мелкимъ-премелкимъ рисункомъ, такъ что съ непривычки даже и разобрать трудно—сдѣланъ-ли воротъ изъ матеріи, или же вышитъ шерстью. Иная разыскивается и такая мастерица, что, когда еще ткетъ холсты, то перетыкаетъ красныя, черныя, желтыя и синія шерстинки въ тѣхъ мѣстахъ, ко-

торыя должны потомъ придтись на вороту, подолѣ и рукавахъ. Мордвинъ называетъ рубаху „панаръ", а встарину вѣроятно называлась она „понаръ", что и понятно, такъ какъ „пона"— шерсть, и слѣдовательно невольно вспоминается намъ то время, когда не въ льняныя и посконныя ткани одѣвалась мордва, а облекалась запросто въ звѣриныя шкуры; впрочемъ, повидимому, шкуры не за одну лишь рубаху сходили, а употреблялись и на другія нуждишки, такъ какъ и посконные портцы свои, узкіе до-нельзя, почти въ обтяжку, назвалъ мордвинъ „понксъ". Не станетъ мордвинъ ходить распоясавшись, такъ какъ считаетъ это для себя, да и для другихъ зазорнымъ, а потому и выучились мордовки дѣлать шерстяные пояса, опять-таки красно-синіе же съ чернымъ, тесьмообразные и длинные до того, что два раза имъ обвернешься легко, а подобравшись и третій разъ обмотаешь, да еще и кисти спустишь для красы; высоко подвязываться не годится, а слѣдуетъ опоясываться низко, подъ брюхо, и завязь дѣлать всенепремѣнно на лѣвомъ боку, такъ чтобы кисти приходились какъ разъ на бедрѣ: такой поясъ называется „карксъ", что значитъ попросту лыко и лычный ремень и указываетъ на то время, когда еще мордва не щеголяла своими шерстяными поясами, а при нуждѣ подтягивалась и придерживала свои шкуры берестянымъ или липовымъ лыкомъ. И зимою, и осенью, въ холодную погоду, надѣваетъ мордвинъ недлинный полушубокъ изъ бѣлыхъ овчинъ, чтобы не болтался онъ по ногамъ ниже колѣнъ и не мѣшалъ на трудной лѣсной работѣ; сшитъ онъ въ силу тѣхъ же побужденій узко и пущено въ немъ воли именно настолько, чтобы можно было удобно топоромъ работать. Конечно, если бы оставилъ мордвинъ свой полушубокъ ничѣмъ не украшеннымъ, то не было бы въ немъ никакого вида, но охотникъ онъ великій до щеголеватости, и потому наладилъ онъ по всему полушубку цвѣтную оторочку, которая иной разъ даже на спинѣ, на швахъ попадается; такіе полушубки „на мордовскую руку" изготовляются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно: въ Арзамасѣ, въ Симбирскѣ, да еще въ присамарскихъ мѣстахъ, напр., въ Семейкинской волости, у знаменитаго Царева кургана, гдѣ нѣсколько сотъ душъ занимаются шитьемъ этихъ полушубковъ. Сумѣетъ мордвинъ отличить свой полушубокъ отъ настоящей шубы, въ которую закутывается онъ не на работѣ, такъ какъ такую шубу назвалъ онъ просто мѣхомъ — „оръ", а полушубокъ—„орнэ", т.-е. шубкою. Для такого времени, когда въ полушубкѣ ходить еще жарко, а въ одной рубахѣ—слишкомъ подчасъ холодно, приспособилъ себѣ мордвинъ „чапанъ", котораго онъ въ древности, конечно, не зналъ, а перенялъ благую выдумку у умнаго сосѣда— татарина, почему позаимствовалъ у него и готовое слово для обозначенія этого платья Чапаны бываютъ разные: бываетъ чапанъ и будничный, и праздничный, а тотъ, кто не осилитъ обзавестись двумя чапанами, и въ одномъ по всякъ день ходитъ; будничный чапанъ обыкновенно бываетъ или сѣрый, или бѣлый и рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ нашего русскаго чапана, развѣ только что покороче его скроенъ, опять же ради удобства при работѣ. Праздничный чапанъ, или „сумань", и по величинѣ, и по покрою, совершенно сходенъ съ будничнымъ и дѣлается лишь изъ чернаго русскаго сукна и обшивается двумя плисовыми тесьмами, шириною въ палецъ и болѣе, на правой полѣ отъ шеи до пояса, а на лѣвой—отъ шеи до подола; воротъ тоже въ два ряда обшитъ плисовою тесьмою. Надѣваетъ мордвинъ въ праздникъ суконные штаны, холщевые кушаки, сдѣланные изъ сложеннаго вдвое холста, аршина въ $2^1/_2$ длиною, а то поверхъ сумани подпоясываетъ и шерстяной разноцвѣтный поясъ. Рукавицы носятъ или кожаныя, или же изъ овчинъ, на тотъ случай, когда въ сильные морозы приходится работать въ лѣсу; рукавицъ опять-таки мордва раньше встрѣчи своей съ русскими не знала, а потому и названіе ихъ переняла у русскихъ—„гольцы", такъ какъ прежде кожу голятъ отъ покрывающей ее шерсти, а затѣмъ уже выкраиваютъ изъ нея рукавицы. Вѣрнѣе всего, что прежде, въ стародавнія времена, голову свою мордвинъ накрывалъ отъ холода телковою шкурою, на что безповоротно намекаетъ самое названіе шапки—„вазъ", а теленокъ и до сихъ поръ и у эрзи, и у мокши слыветъ „ваза", что соотвѣтствуетъ фин-

скому „васа“; шапка обыкновенно бываетъ черная суконная, всенепремѣнно съ заломами съ обѣихъ сторонъ, и дѣлается теперь уже не на телячьемъ, а на овчинномъ мѣху и съ овчинною оторочкою. Понятно, что, если слишкомъ тепло, то мордва надѣваетъ шляпы извѣстной замосковской формы, въ видѣ „гречневика“ и перевиваетъ тулью сверху донизу лентами и разноцвѣтными шерстями. На ногахъ и эрзя, и мокша носятъ прежде всего онучи, дѣлаемыя изъ посконнаго холста, тканаго въ два цѣпка, а не изъ рѣднины, такъ какъ, надѣвая онучи, имѣется въ виду не только прикрыться, но и согрѣться; на онучи рѣжутъ по $2^1/_2$ арш. холста и обертываютъ ими мастерски свои ноги; такія онучи называются „пакстра“, т.-е. вещь, употребляемая не для дома, а для поля, отъ „пакся“ — полевая обувь. Лапти („карь“) плетутъ лыковые, но не съ кривыми головками, а съ прямыми и со скрученными изъ льна же ушниками и запятниками; оборы на нихъ бываютъ то ременныя, а то, по недохвату деньжонокъ, и изъ мочалъ. Вся мордва сплошь щеголяетъ умѣньемъ плести лапти и достигаетъ такой нѣжности работы, что хорошій мордовскій лапоть не грѣхъ надѣть и на самую стройную и маленькую ножку польки или француженки; мордовской работы лапти тотчасъ отличишь на базарѣ по частой и сплошной подтыкѣ, которую немыслимо найти въ работѣ русскихъ мастеровъ.

Если мужской костюмъ одинаковъ какъ для эрзи, такъ и для мокши, то одежда женщинъ у двухъ вѣтвей мордовскаго народа не совсѣмъ схожа, а потому и приходится описывать ихъ отдѣльно другъ отъ друга. У мокши женская рубаха кроится длинною и узкою, почти въ обтяжку по тѣлу, и называется то понаромъ, а то и „шушпуномъ“; на воротѣ и на плечахъ всякая мокшанка позаботится вышить рубаху узорами, и тѣмъ гуще, чѣмъ болѣе у нея свободнаго времени, чѣмъ она щеголеватѣе и искуснѣе въ этомъ дѣлѣ; на переднемъ концѣ подола сдѣлана прорѣха въ $^1/_4$—$^1/_2$ арш. длины, опять-таки по краямъ вышитая разными шерстями, а вверху пришита къ ней шерстяная красно-синяя или иная кисть. Само собою разумѣется, что на праздничной рубахѣ и вышивокъ много больше, да и сама-то она дѣлается изъ холста потоньше и побѣлѣе; эту рубаху иная мастерица умудрится такъ расшить, что куда ни ткнешь пальцемъ—вездѣ полгода работы. Добрый, полный узоръ, принятый и мокшанками, да отъ котораго и русскія бы щеголихи не отказались; но такой понаръ вышивается годъ, а иногда и два и, если вздумаешь купить его, то заплатишь 25—30 рублей. Мы видѣли понаръ, который стоилъ 150 рублей и вышивался четырьмя женщинами въ продолженіе $3^1/_2$ лѣтъ. Будничный понаръ, конечно, похуже; прежде всего онъ посконный, а праздничный—льняной; оба называются иногда холодникомъ, а по-мокшански—„палъ“, отъ „палонь“—мерзнуть, холодить. Главная отличительная черта, по которой тотчасъ можно признать мокшанку, заключается въ томъ, что она, и ради тепла, и ради приличія, не отказалась отъ мужской, собственно говоря, принадлежности туалета, которая дѣлаетъ ее чистоплотнѣе нашей русской бабы, да и сберегаетъ нѣсколько ея здоровье; всякая мокшанка носитъ порты съ двумя завязками спереди и сзади, узкіе и недлинные, хотя ихъ и видно изъ-подъ подола при движеніяхъ; на видъ ихъ, однако, нарочно не выставляютъ, а, напротивъ того, стараются скрыть; порты кроятся къ щиколоткамъ уже и вышиваются по низу опять-таки мелкимъ узоромъ или же запускаются въ онучи и способствуютъ тогда утолщенію ногъ—верху моды и женской красоты у мокшанскихъ женщинъ, обладающихъ вообще стройными, красивыми и небольшими ногами. Будничные женскіе пояса обшиваются кистями, ужовками (ракушками изъ рода Ostrea), бѣлыми камушками (называются „змѣиные зубы“) и мѣдными деньгами; но, конечно, всѣхъ этихъ украшеній нашиваютъ меньше, нежели на пояса праздничные. Кисти эти должны висѣть по бедрамъ, и притомъ чѣмъ больше ихъ, тѣмъ, конечно, лучше, тѣмъ привлекательнѣе становится женщина на мордовскій глазъ и вкусъ. Поясъ подпоясывается очень низко, проходя черезъ genitalia, и на него же по бедрамъ нанизываются на шнуркахъ перстни, кольца, деньги, ужовки, пуговицы, жетоны и куньи и бѣличьи хвосты; иная щеголиха не за-

думается даже и бубенчиковъ маленькихъ нанизать на бедра, а потому и звенитъ при движеніи напропалую. Поясъ поддерживаетъ собранную напередъ рубаху такъ, чтобы задъ и талія обрисовывались совершенно, и притомъ, чѣмъ болѣе послѣдніе обрисованы, тѣмъ костюмъ почитается удачнѣе и про женщину всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что она умѣетъ одѣваться. Въ праздники пояса эти замѣняются камлотовыми и стаметовыми кушаками, опять же украшенными всевозможными подвѣсками и даже цѣлыми платками съ золотомъ, серебромъ и мѣдными блестками; платки эти, какъ шейные, такъ и головные, называются „руця", что, конечно, заимствовано отъ нашего старорусскаго ручника. Рубаха никогда не дѣлается съ пуговицами у ворота, а просто закалывается сустугомъ или тѣмъ, что римляне называли „фибулами", а мы—„запонами"; сустугъ—всегда мѣдный, и притомъ чаще всего сдѣланъ изъ красной мѣди и самъ по себѣ простъ, тогда какъ красота его достигается сторонними, добавочными къ нему украшеніями. Сустугъ, а по-мокшански „тула" (отъ „туланъ"—соединять, запирать), весь сплошь обвѣшанъ висящими на цѣпочкахъ орѣхами-двойчатками, денежками, ужовками, крестами, рыбьими позвонками и даже старинными бостонными марками; въ особенности красивъ праздничный сустугъ и дѣлается такъ, что висячки его покрываютъ рѣшительно всю грудь; въ этомъ случаѣ украшенія эти носятъ названіе „кемежъ", т.-е. крѣпость, твердыня (отъ „кемэ" — крѣпкій, твердый); сквозь цѣпочки пропущены нитки ожерельевъ, которыхъ бываетъ до 20 на одной шеѣ и красота и роскошь которыхъ зависятъ, конечно, отъ состоянія ихъ обладательницы. Что касается до будничныхъ ожерельевъ („ашкинэ"), то они нижутся изъ разноцвѣтныхъ, въ двѣ—три нитки, крупныхъ пронизокъ и бусъ и охватываютъ одну лишь шею; праздничныя ожерелья дѣлаются изъ мелкаго разноцвѣтнаго бисера въ клѣточку, подходятъ подъ украшеніе сустуга и закрываютъ опять же таки сплошь всю грудь. Нѣтъ, кажется, въ мірѣ такой бренчащей вещи, которую слѣдящая за модою мокшанка не повѣсила бы себѣ на кемэжъ и на ашкинэ. По краямъ кемэжа, на мѣдныхъ же мелкихъ цѣпочкахъ, привѣшиваются еще желтыя мѣдныя денежки — „кивксъ" (въ переводѣ: камушки). Какъ ни обвѣшана, повидимому, бываетъ шея мокшанки, благодаря описаннымъ уже украшеніямъ, однако, настоящая модница не удовольствуется и этимъ арсеналомъ, а вмѣсто шейнаго платка непремѣнно надѣнетъ еще двѣ узкія кумачныя тесьмы, соединенныя поверхъ шеи третьею узкою тесьмою и притомъ унизанныя старинными серебряными денежками Іоанна IV, Бориса Годунова, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича; денежки эти или прицѣпляются прямо къ тесьмамъ, или подвѣшены прямо на цѣпочкахъ и висятъ по бокамъ до самаго кушака; эти послѣднія украшенія называются „сюлге". Наволосники дѣлаются обыкновенно изъ бѣлой посконины и притомъ такимъ образомъ, что въ срединѣ наволосника дѣлается полукругъ, вершка въ три въ діаметрѣ; въ будни на наволосникъ надѣвается бѣлый платокъ съ кумачною или вышивною тесьмою вокругъ; къ угламъ этого платка прикрѣпляются кисточки изъ бѣлокрасной бумаги; такой платокъ называется „прякель", что собственно значитъ—охватывающій голову (отъ „келсанъ"—охватывать, закрывать). По праздникамъ на наволосники надѣвается „сэряка" или „паньга", т.-е. по-русски навершникъ или выступъ. Задняя часть паньги дѣлается изъ льнянины, а передняя, сильно приподнятая вверхъ и стойкомъ стоящая надо лбомъ, вышивается сплошь шерстями и блестками; вышина передней части колеблется между 3—4 вершками, а въ ширину этотъ уборъ имѣетъ 5—6 вершковъ. Понятное дѣло, что на изуроченіе паньги закона и моды нѣтъ, а шьютъ ее, сообразуясь съ величиною наволосника, и притомъ такъ, чтобы она охватывала его цѣликомъ. Случается зачастую, что иная модница спуститъ съ паньги, и притомъ въ особенности спереди, цѣлую массу разныхъ подвѣсокъ на цѣпочкахъ, ради пущаго звона, а сзади пришьетъ 2—3 бѣличьихъ или иныхъ хвоста. Нижняя часть паньги обходитъ вкругъ всей головы и перевязывается бѣлымъ матерчатымъ платкомъ вчетверо; платокъ этотъ очень великъ, завязывается спереди и образуетъ на головѣ нѣчто въ родѣ тюрбана. Нѣсколько пониже этого тюрбана подвязывается иногда

черная бархатка, которую для красы перевязываютъ голубыми и красными ленточками и убираютъ бисеромъ. Въ уши втыкаются мокшанками кисточки изъ пуха—,,сргэ", что поневолѣ дѣлаетъ ихъ нѣсколько глухими, но не лишено красоты. Волосы подвиты у дѣвушекъ въ безчисленное количество мелкихъ косичекъ (,,сранки"), а у бабъ заплетены въ двѣ косы, которыми обвивается голова преимущественно въ два раза; у дѣвушекъ спереди волосы подстрижены, а также и подлѣ ушей пущены бываютъ косички, подстриженныя впрямь. У всякой почти женщины найдутся въ ушахъ серьги, то бусяныя, то мѣдныя, а то такъ и иныя какія, сдѣланныя изъ разныхъ висюлекъ; употребляютъ иногда даже заячьи, бѣличьи и куньи хвосты, сообразно своему достатку; иная баба пощеголеватѣе возьметъ свои заячьи хвосты да и выкраситъ ихъ подъ праздникъ въ зеленую, а больше все въ красную краску. Не прочь и руки свои украсить мокшанка разными украшеніями: то браслетовъ понадѣваетъ на нихъ штукъ по пяти на каждую, то перстнями мѣдными, кузнечнаго, мѣстнаго производства, всѣ пальцы закроетъ. Тутъ уже сила не въ красотѣ отдѣльныхъ вещей, а въ ихъ количествѣ. Надѣвается перстень на палецъ, а потому и называется ,,сурвксъ", т.-е. палечникъ. Мѣдные браслеты называются—,,кэдьксъ", т.-е. наручники. И браслеты, и перстни украшаются обыкновенно рисункомъ, основныя черты котораго мы встрѣчаемъ и въ мордовскомъ народномъ орнаментѣ, и въ рисункахъ, попадающихся на вещахъ бронзоваго вѣка, и на подѣлкахъ тѣхъ народовъ, что и понынѣ не знаютъ еще желѣза; основаніе этого рисунка — елка, что видно изъ названія по-мокшански всякаго узора вообще—,,пичксъ", что въ подстрочномъ переводѣ значитъ—,,изъ елки". Лѣтній женскій балахонъ шьется изъ тонкаго бѣлаго холста и притомъ пригоняется такъ, чтобы онъ былъ короче рубахи; воротъ, спина, рукава и плечи его вышиты пичксомъ. Шубка женская дѣлается коротенькою, только по колѣна, и обшита мерлушкою, а въ холодное время, когда рано еще надѣвать шубы, носятъ бабы кафтаны изъ русскаго сукна, которые тоже не опускаются ниже колѣнъ, если только они не сшиты въ качествѣ выѣздныхъ праздничныхъ кафтановъ. Будничныя онучи, какъ и у мужчинъ, дѣлаются изъ чего попало, а праздничныя кроятся въ $1^1/_2$ аршина длины изъ холстины, къ которой пришиваютъ еще и бѣлыя шерстяныя онучи, тоже въ $1^1/_2$ арш. длины. Эта шерстяная часть онучъ дѣлается зачастую изъ разноцвѣтныхъ шерстяныхъ матерій, которыя располагаются полосами; холщевыми онучами нога обувается до половины, а шерстяными—до колѣна; кромѣ всего этого, ноги обвиваются еще разноцвѣтными шерстяными и бумажными поясами съ красными кистями и ужовками, которыя висятъ на правой ногѣ справа, а на лѣвой—слѣва. Понятное дѣло, что лапти плетутся для бабьяго обихода поменьше, и къ запятникамъ приплетаются льняные хвостики; забувается лапоть сзади подъ оборы. Дѣвушки почти никогда не довольствуются своими собственными волосами и вплетаютъ въ каждую косу или ремень, или подкладываютъ паклю; къ этой искусственной подкладкѣ привѣшиваютъ солдатскія пуговицы и другія побрякушки въ такомъ порядкѣ, чтобы къ концу привѣски были уже и заканчивались или пуговицею, или бисерною кисточкою. Будничные платки обыкновенно льняные и носятся, конечно, безъ волосника; подвязываются они концами назадъ, при чемъ на вискахъ оставляются два кончика въ видѣ рожковъ; праздничные платки чаще всего бываютъ алые или иныхъ наиболѣе броскихъ цвѣтовъ, бумажные или шелковые, смотря по достаткамъ семьи; въ праздникъ завязывается платокъ спереди и притомъ уже безъ рожковъ, а на лбу, пониже платка, кладутъ бархатку, перевитую разноцвѣтными лентами, и съ заткнутыми за нее иногда павлиньими перьями.

Эрзянскій женскій костюмъ нѣсколько проще мокшанскаго и, кромѣ того, частыя сношенія эрзи съ русскими не могли не повліять на еще большее его упрощеніе. Слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что и украшеній, и вышивокъ у эрзянокъ бываетъ вообще гораздо меньше. Въ особенности легко отличить эрзянку по отсутствію у нея штановъ и по головному убору. ,,Платка", или небольшая гренадерская конца прошлаго столѣтія шапочка, вышиною въ

$1^1/_2$ — 2 вершка, заканчивается сзади широкою лопастью; спереди она вышивается разными шерстями, такъ же точно какъ и края задника, съ видимымъ преобладаніемъ красно-желтаго цвѣта. Задникъ изъ шерсти у эрзи тоже служитъ отличительнымъ ея признакомъ; дѣлается онъ обыкновенно изъ толстой холстины, сплошь вышитой мельчайшимъ елковиднымъ рисункомъ и обшитой по краямъ весьма часто прицѣпленными красными, черными и зелеными кистями; весь задникъ украшенъ пуговицами, ужовками и т. п., кисти заканчиваются пуговицами и бусинами и, кромѣ того, къ угламъ прикрѣпляются два—три бѣличьихъ или куньихъ хвоста.

Было время, когда, какъ видно изъ весьма многихъ историческихъ и народно-поэтическихъ указаній, мордва не брезгала кониною, отъ которой отказалась сравнительно весьма недавно, да и то не вслѣдствіе принятія христіанства, а тѣмъ болѣе отвращенія, но просто лишь вслѣдствіе уменьшенія количества лошадей и повсемѣстнаго обѣднѣнія. Въ настоящее время главнымъ подспорьемъ для мордовскаго желудка, все-же болѣе требовательнаго, нежели желудокъ русскій, служитъ по всякъ день, конечно, все тотъ-же неизмѣнный черный хлѣбъ, но только съ сильною кислиною и испеченый на капустномъ листѣ. Подаютъ также въ будни кислыя щи, густой непротертый горохъ, а то сдѣлаютъ его и пожиже, а также чечевицу, вареную въ видѣ похлебки, иной разъ и въ видѣ кашицы, кашу пшенную, гречневую, ячневую и изъ иной крупы, кислое молоко—,,шапамя лофця", пирожки съ зайчиною или съ кровью заячьей (,,нумылонь-пряця"), ботвинью изъ свекловичной и огуречной ботвы, кулагу, гороховую и гречневую саламату, овсяный кисель, яичницу-болтушку, нарѣзанную кусками, разное прѣсное печенье, выведенное разными выкрутасами, насколько хватитъ умѣнья и фантазіи у стряпухи, и наконецъ, всякія овощи, въ родѣ сырой моркови и рѣпы. Хотя все это и составляетъ отчасти предметы обычнаго питанія и русскаго человѣка, тѣмъ не менѣе мордва ухитрилась все это приготовлять на свой манеръ, такъ что сосѣдній русскій насельникъ, пожалуй, и ѣсть эту непривычную для него стряпню не станетъ, такъ какъ увѣряетъ что, ,,мордовка зря готовитъ—по поганому". Ѣстъ она и говядину, да съ перцемъ или съ лукомъ, и баранину, да опять запеченную, а не то такъ заколетъ барана, да цѣльнымъ его и пихнетъ въ печь, а тамъ надрѣжетъ его до костей, наложитъ въ прорѣзы соли и высушитъ, чтобы могъ онъ сохраняться въ прокъ; ѣстъ мордва свинину да запекаетъ ее въ капусту, не брезгаетъ и куренкомъ, и гусенкомъ, да норовитъ крови не излить, а или выпить ее свѣжею, или сварить. Мордва и хлѣбы-то печетъ по своему, совсѣмъ особеннымъ манеромъ. Изготовитъ хозяйка тѣсто, да и поставитъ его на цѣлую ночь кваситься въ небольшихъ квашняхъ; утромъ она его замѣситъ хорошенько и заквасить въ большихъ корытахъ, которыя въ богатыхъ домахъ на эту только потребу и заведены, а въ домахъ побѣднѣе служатъ и иную подходящую имъ службу, какъ, напримѣръ: бѣлье постирать, ребенка выкупать и т. п. Хлѣбы не раскладываются по чашкамъ и не пекутся въ плошкахъ, а смазываются, кладутся на лопаты, при чемъ подъ нихъ подкладываются капустные листы, и затѣмъ садятся въ печь. Русскій народный напитокъ — кислый квасокъ также облюбленъ и мордвою, но и его она придумала дѣлать по своему, хотя видимо позаимствовала его отъ русскихъ сосѣдей, такъ какъ и слова своего для обозначенія этого пойла не придумала; распуститъ хозяйка муки въ горячей водѣ, поставитъ покваситься, да и тащитъ на столъ пить, а того обычая, чтобы парить его, не знаютъ вовсе. Не брезгая почти ничѣмъ изъ того, что дано на потребу человѣка природою, мордва умѣетъ за недостаткомъ говядины и баранины обойтись и безъ нихъ, накрошивъ въ щи зайчины, которую русскій человѣкъ считаетъ поганою и оставляетъ про мордовскую нужду, благо охотлива на этого звѣрька мордва и ни на какое мясо зайчину не промѣняетъ; не случится дома зайчины, мордва не побрезгаетъ совою, филиномъ, молоденькимъ ястребенкомъ, а то при нуждѣ и старому куриному управителю спуску не даетъ. Объ этой неразборчивости въ ѣдѣ свидѣтельствовалъ уже архимандритъ Макарій, мы же прибавимъ, что въ пребываніе наше среди мордвы намъ самимъ приходилось ѣсть пре-

красныя наварныя щи, которыя оказались сваренными изъ сорочины. Въ силу этого мордвинъ гораздо чаще русскаго своего сосѣда ѣстъ мясо, а слѣдовательно и питается лучше нашего крестьянина. Совершенно не по-русски, а по своему дѣлаетъ мордовка и масло; она начинаетъ съ того, что квасить топленое молоко и перетапливаетъ уже сметану; пахтанье производится не въ горшкахъ и не мутовкою, а въ высоконькихъ кадочкахъ кружками; самое масло никогда не топятъ. Прѣснаго молока мордва не долюбливаетъ, а мокша и вовсе ѣсть не станетъ, тогда какъ кислое молоко обѣ вѣтви ѣдятъ охотно, увѣряя, что въ такомъ видѣ оно крайне полезно здоровью; вѣрнѣе всего, что такой обычай повелся просто лишь вслѣдствіе невозможности сохранять молоко. Едва настанетъ половодье, едва разольются рѣки, какъ мордва — и старъ и младъ—отправляются къ берегамъ разлившихся рѣкъ искать незатопленныхъ водою островковъ, гдѣ навѣрняка найдется хоть пара зайцевъ; островки эти такъ и называются на Сурѣ и на ея притокахъ—,,нумылонь-коскау", т.-е. заячьи мѣшки. Наловятъ вкусныхъ звѣрьковъ и во всякомъ-то домѣ долго будетъ путникъ находить любимое народное кушанье мордовское — ,,нумылонь-пряца", т.-е. заячьи пирожки; дѣлаются они изъ полбяного или гороховаго прѣснаго тѣста, сгибаются въ видѣ маленькихъ пельменей и начиняются намелко изрубленною зайчиною. Передъ самою уже ѣдою ихъ варятъ въ кипяткѣ и подаютъ на столъ съ бульономъ, полученнымъ при варкѣ. Другое любимое кушанье мордовское — салама тоже дѣлается изъ полбы и варится въ горшкѣ; въ саламу бросаютъ скатанное шариками тѣсто, въ которое предварительно завертываютъ кусочки соленаго мяса. Варится салама также и изъ гороховой муки, и изъ пшенной кашицы, какъ болтушка, а также и гречневая, просто на водѣ. Тоже и ,,баланду" нигдѣ, кромѣ мордовской земли, не встрѣтишь; баланда—дѣло чисто мокшанское и, слѣдуетъ признаться, на голодный желудокъ представляетъ несказанную прелесть, тогда какъ въ другое время сильно претитъ непривычному человѣку; главная составная часть баланды, быть можетъ, и хороша, напримѣръ, для лошади, но уже, конечно, никогда не предназначалась на ѣду царю творенія. Дѣлается баланда изъ свѣжей, молодой лебеды, которая варится въ молокѣ; чтобы баланда была погуще, натолкутъ въ нее сваренныхъ или испеченныхъ вкрутую яицъ. Всего ложекъ десять съѣли мы разъ этой стравы и ничего — она намъ будто и полюбилась, но за то что было потомъ—желудокъ какъ ножами рѣзало!... Добрая хозяйка и въ простой, будній день угоститъ прохожаго человѣка кулагою, которая дѣлается изъ солода, заквашивается и парится въ печи часовъ 6 или 10; иногда для вкуса и квасочка кладутъ въ кулагу калину, которую въ особенности мокша любитъ совать всюду, благо народилъ ее Шкай много. Къ числу такихъ же будничныхъ блюдъ слѣдуетъ отнести также пирожки изъ ржаного прѣснаго тѣста съ вареньмъ горохомъ (,,снау-пряця") и, наконецъ, превкусныя лепешки изъ того-же тѣста, замѣшаннаго на конопляномъ сѣмени. Уже изъ одного вышеприведеннаго перечисленія блюдъ видно, что мордва питается и разнообразно, и въ значительной степени лучше русскаго крестьянина; но праздничный столъ мордовскій представляется значительно роскошнымъ; прежде всего къ числу праздничныхъ блюдъ слѣдуетъ отнести безчисленное количество всевозможныхъ пироговъ ситныхъ, ячменныхъ, ржаныхъ, гречневыхъ и иныхъ, гречневые и гороховые блины съ разными подливками, овсяныя, полбенныя, ячменныя и гречневыя аладьи. Сюда же относятся и такъ-называемые ,,цюкоры", щи мясныя, гусиная, курячья и заячья кашица, каша молочная и пшенная, сыръ изъ кислаго молока, яичница съ воблою или съ ветчиною на сковородѣ и иныя блюда. Мордовка додумалась даже и до дессерта или до заѣдковъ, какъ выражается въ этомъ случаѣ русскій человѣкъ; припасетъ она разнаго ситнаго печенья, въ которомъ мастерство хозяйки выказывается яснѣе всего; иная навертитъ печенье бублями, другая кренделей понадѣлаетъ, а третья такіе вавилоны выведетъ, что рѣшительно приходится изумляться ея изобрѣтательности. Когда вздумаетъ мордовка печь ситное печенье свое или пирогъ, то просѣетъ муку черезъ сито и, все время пока мѣситъ тѣсто, солитъ его, не жалѣя ,,сахара народа"; затѣмъ тѣсто рас-

кладываютъ по неглубокимъ корытамъ — и „копша“ готова; собственно говоря, слово это означаетъ и яровой хлѣбъ, но слѣдуетъ предполагать, что составители словарей не поняли дѣла и назвали такъ яровой хлѣбъ вмѣсто ярового посѣва, при которомъ пирогъ-копша играетъ первенствующую обрядовую роль; намъ кажется, что копша значитъ просто — горбушка (отъ „копыръ“, горбъ, спина; „копалъ“—дѣлать горбъ, про кошку). Ячменные пироги дѣлаются на дрожжахъ и называются „тюжень-копшатъ“, т.-е. желтые пироги. Блины прозвала мордва— „пача“, а аладьи—„куймакъ“, при чемъ первое намекаетъ на тонину блина, о второе—на то, что дѣлаются аладьи не круглыми, а въ видѣ змѣи („куи“). Цюкоры дѣлаются изъ полбы въ формѣ обыкновеннаго пирога; тѣсто дѣлается на дрожжахъ и начиняется пшенною молочною кашею. Что касается до гусиной и курячьей кашицы, то онѣ, вмѣстѣ съ яичницею, играютъ весьма важную роль на всѣхъ молянахъ и имѣютъ несомнѣнно символическое значеніе. Пшенная каша варится чаще всего крутою и поливается топленымъ масломъ до того, что она совершенно разжижается; чѣмъ болѣе масла положено, тѣмъ каша вкуснѣе, и хозяйкѣ больше почета, что не жалѣетъ она для гостей добраго. Сыры мордовскіе всѣ очень вкусны и напоминаютъ отчасти молодые французскіе сыры, а отчасти польскіе; когда молоко затворожится, то его втискиваютъ въ холщевые мѣшки, которые вѣшаются затѣмъ надъ какою-нибудь посудиною для стока сыворотки. Несомнѣнно, самымъ обычнымъ блюдомъ мордовскимъ—народнымъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ священнымъ блюдомъ — слѣдуетъ признать яичницу, которая также дѣлается не такъ, какъ привыкли ее ѣсть наши русскіе крестьяне: яичница всегда дѣлается до-нельзя крутою, ее рѣжутъ на куски и, едва гость входитъ въ домъ, какъ ему въ видѣ почета подаетъ хозяйка лоскутъ яичницы. Есть, наконецъ, и еще одно, встрѣчающееся преимущественно у мокши, блюдо, отъ котораго, пожалуй, съ омерзеніемъ отвернется неиспробовавшій его русскій. Въ Инсарскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи, желая оказать намъ возможно большее вниманіе, намъ подали въ плошкѣ какую-то не то кашицу, не то кисель, обладавшую сильнымъ запахомъ... это была запеченная свиная кровь, отъ которой мы и впредь не отказывались на великое утѣшеніе нашимъ хозяевамъ, которымъ очень по вкусу пришлась издавна „верша“ или кровянка (отъ „веръ“—кровь). Интересно, что верша иногда даже и не запекается, а подается сырьемъ въ качествѣ подливки къ мучнымъ блюдамъ и на поминкахъ пьется сырьемъ, а также вливается и въ ротъ новорожденнаго.

Если хорошо питается мордвинъ, то не прочь онъ и отъ хмѣльного, а такъ какъ до водки онъ не особенный охотникъ, да и дорога она, да и не здорова, то онъ и придумалъ свой особый напитокъ для моментовъ радости и горя. Въ каждомъ почти домѣ мордовскомъ можно найти знаменитый священный напитокъ мордвы — „пурэ“. Не всякій, однако, равно хорошо дѣлаетъ этотъ напитокъ; по вкусу онъ напоминаетъ нѣсколько сѣвернорусское крестьянское сусло, но гораздо вкуснѣе и даже пьянѣе послѣдняго, если только постоитъ въ глиняномъ кувшинѣ нѣсколько дней зарытымъ въ землю Варится прежде всего простое, крестьянское, но отнюдь не черное пиво, темноватое цвѣтомъ и съ доброю примѣсью хмѣля; во время варки на всякій полуштофъ пива вливается $^2/_3$ полуштофа меда-самотека, который и варится вмѣстѣ съ пивомъ. Когда пурэ готово, его вливаютъ въ глиняныя махоточки и закапываютъ въ землю; крѣпость его зависитъ только отъ того, сколько времени оно простоитъ въ землѣ, да отчасти и отъ количества положеннаго въ него хмѣля.

Кромѣ цѣлой массы моляновъ, происходящихъ въ разное время, и эрзя и мокша отѣснили жизнь свою цѣлою массою обрядовъ и обычаевъ, которые, конечно, не всякому даже изъ нихъ и извѣстны, но все-же исполняются весьма точно, благодаря стараніямъ знающихъ старыхъ людей. Прежде всего встрѣчается мордвинъ съ изстари заведенными обычаями при самомъ рожденіи своемъ. Всѣмъ при родахъ заправляетъ особая бабка, которая, какъ только приспѣетъ время, и уводитъ родильницу въ баню, гдѣ она должна родить; не успѣетъ новорожденный крикнуть, какъ ему вливаютъ въ ротъ теплой крови и затѣмъ кладутъ на печной

столбъ, при чемъ все тѣло его посыпаютъ глиною или щебнемъ, приговаривая пожеланія, чтобы „былъ высокъ, какъ столбъ, и крѣпокъ, какъ камень“. Затѣмъ бабка снова беретъ его на руки, становится посрединѣ горницы и, кланяясь во всѣ углы, проситъ Великаго паза и Нишке-паза о томъ, чтобы новорожденный былъ въ жизни такъ-же счастливъ, какъ хлѣбъ. Наконецъ, призываютъ отца новорожденнаго, который приходитъ съ хлѣбомъ въ рукахъ, ставитъ его на столъ, облѣпляетъ его свѣчами и вырѣзаетъ изъ средины его первый „озондамъ-палъ“ или божій кусокъ, въ честь новорожденнаго. Тутъ же обыкновенно дается и имя младенцу, но отнюдь не христіанское, а то, которое впослѣдствіи служитъ ему прозвищемъ на всю жизнь; къ числу такихъ именъ относятся: Тренэ, Казаи, Баскулъ, Сидясъ—для мужчинъ, а для женщинъ: Лопаи, Преска, Шиндю, Лумзу и т. п.

Свадебные обряды нѣсколько отличаются у эрзи и у мокши. У эрзи обыкновенно засватываютъ невѣсту за годъ и даже за два; во все это время она не участвуетъ въ домашнихъ работахъ, а занята лишь приготовленіемъ себѣ приданаго. Дня за три до брака невѣста принимаетъ отъ нареченнаго свекра стаканъ молодого пива и тутъ же начинаетъ плакать о своей дѣвической долѣ и о томъ, что ее уведутъ въ чужую сторону. Съ плачемъ и воплями ходитъ она и день и ночь, прощаясь со всѣми закоулками и пристроями отцовского дома. Наканунѣ свадьбы созываются обыкновенно родственники къ жениху на вечеринку, при чемъ они обязываются принести съ собою небольшіе подарки; этотъ мальчишникъ тянется всю ночь, и вино и пурэ не сходятъ со стола. Послѣ стола изъ дома жениха, впрочемъ непремѣнно безъ сего послѣдняго, отправляется поѣздъ за невѣстою; въ это время жениховъ отецъ беретъ съ собою три большихъ пирога, начиненныхъ творогомъ, кашею и яичницею, три боченка съ пивомъ и виномъ и отправляется тоже въ путь; все это предназначается для угощенія невѣстиной родни. Сама невѣста на этомъ пиру не участвуетъ: она уходитъ на это время къ сосѣдямъ или къ родственникамъ, откуда ее и берутъ къ вѣнцу. Въ другихъ мѣстахъ передъ выѣздомъ къ вѣнцу родители жениха и невѣсты выходятъ на улицу съ поѣзжанами. Держа въ рукахъ каравай хлѣба, они кланяются до земли воротной вереѣ, совершаютъ молянъ о счастьѣ молодыхъ и затѣмъ уже отправляются въ церковь. Конечно, мы не упоминаемъ здѣсь о цѣлой массѣ подробностей, которыя всѣ имѣютъ символическое значеніе, такъ какъ всѣ эти частные обычаи могли бы войти лишь въ спеціальное изслѣдованіе. Къ вѣнцу невѣста ѣдетъ въ телѣгѣ или въ саняхъ, но непремѣнно стоя на ногахъ и повернувшись лицомъ назадъ; въ такомъ положеніи, поддерживаемая подругами, она кланяется назадъ съ приговорами и прощается съ людьми, съ домами, съ разными мѣстами и даже съ самою дорогою. По пріѣздѣ къ церкви, мужчины изъ родни жениха снимаютъ невѣсту съ повозки и несутъ на рукахъ до самыхъ церковныхъ дверей; послѣ совершенія таинства брака точно такимъ-же образомъ вносятъ они ее въ домъ, при чемъ она отбивается, царапается и дерется. На третій день послѣ брака пожилая женщина изъ жениховой родни нарекаетъ молодой новое имя, которое всенепремѣнно должно выражать собою хотя-бы и фиктивное качество молодой и которое останется за нею на всю жизнь. Самой молодой послѣ вѣнца строго воспрещается произносить имена дружки и свахи.

Мы нарочно пропускали тѣ именно частности эрзянскихъ свадебныхъ обычаевъ, которыя встрѣчаются и у мокши, такъ какъ всѣ эти частности мы найдемъ ниже. И у эрзи, и у мокши сохранился до сихъ поръ обычай брать невѣстъ силою, выходить замужъ, такъ-называемою самокруткою, а по-мордовски—„лисезь“. Какъ ни старались уничтожить лисезь, тѣмъ не менѣе онъ не покинутъ народомъ и послѣдній до такой степени облюбилъ этотъ способъ сочетаться бракомъ, что платитъ огромныя, сравнительно, деньги за то, чтобы священникъ согласился повѣнчать самокрутку. Прежде, во времена оны, конечно, женихъ ночью подбирался къ дому своей возлюбленной, заставалъ ее врасплохъ, схватывалъ и увозилъ къ себѣ въ домъ; дѣвушка вѣроятно не давалась, отбивалась, кричала, звала на помощь; на выручку къ ней

являлись ея родственники, и только съ бою удавалось влюбленному взять предметъ своей страсти. Въ настоящее время любится, положимъ, парень съ дѣвкою и сговариваются они повѣнчаться; вопросъ о томъ, говорить ли о ихъ рѣшеніи родителямъ, рѣшается тутъ же между ними и въ большей части случаевъ въ томъ смыслѣ, чтобы предупредить стариковъ, что указываетъ уже на порчу стародавняго обычая. Парень или же отецъ его отправляются къ священнику для переговоровъ; обыкновенно мордвинъ является и топчется на мѣстѣ, не рѣшаясь прямо высказать цѣль своего прихода. Въ большинствѣ случаевъ дѣло слаживается очень скоро; обыкновенная цѣна за повѣнчаніе самокрутки—покрыть червонцами попову руку, при чемъ долго уговариваются о томъ, чтобы священникъ пальцевъ не раздвигалъ, такъ какъ такая уловка увеличила бы число червонцевъ и соблюденіе стариннаго обычая обошлось бы слишкомъ дорого; въ настоящее безметалльное время счетъ пошелъ на бумажки и червонцами расплачивается лишь неспохватистый женихъ, который, не договорившись о цѣнѣ, поторопился и привезъ уже невѣсту къ церкви. Иногда случается, что дѣвушка не согласна на бракъ-лисезь, но такіе случаи очень рѣдки. Тѣмъ не менѣе, въ доказательство того, что прежде самокрутка совершалась безъ согласія дѣвушки, можно привести то, что послѣдняя во время увоза ея употребляетъ и до сихъ поръ всѣ средства, чтобы отбиться отъ парня. Ввечеру въ хатѣ у жениха все прибрано и готово къ принятію поздней, но желанной гостьи; со священникомъ переговорили и въ цѣнѣ сошлись. Часамъ къ 12 ночи на дворѣ у жениха собрались его друзья, въ числѣ 10—15 человѣкъ, на трехъ или четырехъ тройкахъ, и ждутъ первыхъ пѣтуховъ, съ крикомъ которыхъ компанія ударяетъ по лошадямъ и скачетъ, сломя голову, къ дому невѣсты; пѣтушій крикъ—добрый знакъ, такъ какъ это Мастыръ-пазъ проснулся и пошелъ въ опочивальню Ведынь-азыравы. Похитители ѣдутъ въ невѣстину деревню, женихъ отправляется за своею зазнобой, хватаетъ ее поперекъ тѣла и бѣжитъ къ товарищамъ, а невѣста въ это время щиплется, плюется, кусается, царапается, и чѣмъ болѣе она старается, тѣмъ желаннѣе она для своего будущаго обладателя. Наконецъ, женихъ у коней; при помощи пріятелей, онъ набрасываетъ невѣстѣ на голову наметки, сажаетъ въ одну изъ телѣгъ и начинается сумасшедшая скачка. Дома, между тѣмъ, быть можетъ, хватились дѣвушки, поискали, не нашли и стали собирать погоню; на-скоро созываютъ сосѣдей, и чѣмъ лучше дѣвушка, тѣмъ больше является защитниковъ; съ своей стороны, и женихъ, если дѣвушка особенно хороша, набираетъ съ собою больше пріятелей. Погоня или не успѣетъ нагнать похитителей и тогда возвращается домой ни съ чѣмъ, или же, напротивъ того, настигаетъ жениховъ поѣздъ, и тогда случается рѣшительное побоище, которое оканчивается обыкновенно фонарями, ломкою зубовъ, а иногда переломомъ реберъ и черепа. Наконецъ, запасливый женихъ, вѣрно разсчитавши, сколько взять съ собою народа, чтобы отбиться отъ погони, и дѣйствительно отъ нея отбившійся, является къ церкви; товарищи берегутъ невѣсту гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, а женихъ идетъ за священникомъ и бракъ совершается. Самокрутка вовсе не влечетъ за собою какихъ-либо особенныхъ послѣдствій и все дѣло ограничивается колоссальною попойкой, которая устраивается въ домѣ молодого для родителей и родственниковъ молодой; сначала отецъ дѣлаетъ видъ, что не хочетъ входить въ избу своего свата, ломается, шумитъ и требуетъ обратной выдачи своей дочери; съ поклонами, съ уговорами выходитъ къ нему навстрѣчу отецъ молодого, упрашиваетъ его не сердиться, хвалитъ свою невѣстку и говоритъ, что тѣмъ она, значитъ, лучше, если сама, безъ чьей-либо помощи, нашла себѣ мужа. Тутъ же у двери выпиваютъ; мало-по-малу отецъ похищенной смягчается и его подъ руки уводятъ въ избу. То-же самое повторяется и съ матерью молодой, которую, впрочемъ, уговорить окончательно, по обычаю, нельзя и ее силою вносятъ въ избу или братья, или пріятели молодого. Жалобъ на самокрутку никто не запомнитъ, да некому и жаловаться, такъ какъ первая инстанція—старики и слушать не станутъ жалобщиковъ, находя лисезь вполнѣ естественнымъ и даже желательнымъ для своихъ дочерей.

У мокши желающій просватать за сына своего какую-нибудь дѣвушку посылаетъ къ отцу невѣсты прежде хожалаго свата и проситъ черезъ него позволенія придти къ нему для сватовства. Получивши позволеніе, жениховъ отецъ приходитъ къ отцу невѣсты вмѣстѣ съ хожалымъ сватомъ. Усѣвшись на переднюю лавку подъ матицею, начинаютъ они разговоръ о сватовствѣ, торгуются въ томъ, что именно жениховъ отецъ долженъ заплатить отцу невѣсты за ея прокормленіе до совершеннолѣтія, сколько долженъ дать ему меда и вина на свадьбу. А съ отца невѣсты въ это время требуется, какая именно одежда лѣтняя и зимняя будетъ за его дочерью. Уговорившись и назначивъ время для свадьбы, они засвѣчаютъ свѣчу, молятся Богу и приносятъ, по старинному обычаю, жертву Юртазыравѣ, Кудыньазыравѣ и умершимъ предкамъ, кладя подъ дверную пяту хлѣба и соли. Послѣ того, назначивъ день для рукобитья, они разстаются. За невѣстъ платятъ мокшане по 60, 70 и даже по 100 рублей ассигнаціями, а на свадьбу даютъ по пуду меду и по два или по три ведра вина. Отецъ невѣсты шьетъ ей новую овчинную шубу, новый черный кафтанъ и покупаетъ не очень большіе крестьянскіе сапоги. Въ день запоя или рукобитья, жениховъ отецъ созываетъ своихъ родственниковъ, молится съ ними Богу и приноситъ жертву низшимъ богамъ. Потомъ съ хлѣбомъ и солью, съ виномъ и пивомъ отправляются въ домъ къ отцу невѣсты. Здѣсь, по совершеніи моляна, сватъ со сватомъ бьютъ по рукамъ и отецъ жениха отдаетъ отцу невѣсты часть условленнаго количества денегъ. Послѣ этого пьютъ вино и пурэ, ѣдятъ, веселятся, поютъ пѣсни, пляшутъ, а затѣмъ расходятся по домамъ. По совершеніи запоя, если женихъ живетъ съ невѣстою въ одномъ селѣ, то онъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ почти каждую ночь. Наканунѣ назначеннаго дня для свадьбы, отецъ жениха дѣлаетъ попойку для своихъ родственниковъ, а отецъ невѣсты— для своихъ и для подругъ своей дочери. Съ ними невѣста ходитъ по своимъ родственникамъ и плачетъ о житьѣ-бытьѣ дѣвичьемъ, а родственники угощаютъ въ это время дѣвушекъ яичницею и виномъ. Въ самый день свадьбы жениховъ отецъ собираетъ поѣздъ изъ ближайшихъ родственниковъ, а изъ зятьевъ своихъ выбираетъ одного дружкомъ, а также и сваху. Попировавъ немного въ домѣ жениха, молятся Богу и приносятъ жертву низшимъ божествамъ; затѣмъ отецъ и мать жениха, благословивъ его, отправляются со всѣмъ поѣздомъ въ домъ къ отцу невѣсты, но непремѣнно безъ жениха. Отъѣхавши немного отъ двора, дружко обходитъ три раза вокругъ всего поѣзда съ иконою противу солнца; затѣмъ кладетъ икону въ свое мѣсто и передъ поѣздомъ на дорогѣ чертитъ ножомъ взадъ и впередъ, произнося заклинанія; все это дѣлаетъ онъ съ тою цѣлью, чтобы видимымъ дѣйствіемъ ножа пресѣчь всѣ лукавства чародѣевъ, могущихъ причинить жениху и невѣстѣ какой-либо вредъ. Когда подъѣзжаетъ поѣздъ ко двору невѣсты, то отецъ ея запираетъ на замокъ ворота своего двора и черезъ родственниковъ требуетъ денегъ за отпоръ воротъ. По этому требованію, отецъ жениха или дружко платитъ копѣекъ пятьдесятъ, а то и болѣе, и тогда отпираются ворота и поѣзжане въѣзжаютъ во дворъ. Въѣхавъ на дворъ, весь поѣздъ слѣзаетъ съ коней и подходитъ къ сѣнямъ, но въ сѣни безъ денегъ ихъ опять-таки не впускаютъ. Заплативши за отпоръ сѣней копѣекъ 30 или болѣе, поѣзжане подходятъ къ дверямъ избы, но и за ея отпоръ платятъ отъ 15 до 20 копѣекъ. Всѣ эти деньги идутъ невѣстину отцу на заливъ горя потери дочери. Вошедши въ избу и помолившись Богу, отецъ и мать жениха или ближайшіе его родственники кладутъ на столъ привезенные съ собою: большой, около пуда, хлѣбъ, условленное количество вина, одинъ или два окорока ветчины, корчагу каши и большую стопу блиновъ. Весь этотъ даръ невѣстина мать складываетъ въ приготовленное на тотъ случай корыто. Послѣ этого начинается молянъ съ жертвоприношеніемъ въ честь разныхъ „озаисовъ". По окончаніи моляна отдается выговоренное за невѣсту количество денегъ и всѣ садятся за столъ, прежде жениховъ отецъ и мать, а за ними и всѣ прочіе. Потомъ приносятъ въ избу шестъ, кладутъ его на брусьяхъ и вѣшаютъ на немъ бѣлье, которымъ невѣста должна потомъ дарить родственниковъ. Послѣ этого выходитъ изъ-за занавѣски или же изъ задней амбарушки и сама

невѣста съ отчаянными воплями и причитаніями; она беретъ съ шеста повѣшенные дары и даритъ прежде отца съ матерью, а потомъ будущаго свекра съ свекровью рубахами, далѣе отцовскихъ и жениховыхъ родственниковъ портами, платками и ширинками. Невѣста бываетъ въ это время не во всемъ своемъ нарядѣ, а только въ одной бѣлой праздничной рубахѣ и въ бумажномъ платкѣ, повязанномъ концами назадъ. На отдарокъ при этомъ случаѣ невѣстѣ ничего не кладутъ, откладывая послѣдній до послѣдующаго времени. По окончаніи подарковъ невѣста уходитъ туда же, откуда вышла. На мѣсто ея, во всемъ невѣстиномъ нарядѣ, въ вывороченной на изнанку шубѣ и въ теплыхъ рукавицахъ, входитъ въ избу старуха—родственница невѣсты—и начинаетъ плясать; надъ старухою обыкновенно всѣ смѣются, а она, раскланиваясь и пожелавъ, чтобы невѣста во всю жизнь была весела и смѣялась, какъ смѣялись сейчасъ надъ нею, уходитъ къ невѣстѣ и переодѣвается. Въ эту снятую одежду наряжаютъ невѣсту, надѣвая на нее три шушпана, при чемъ верхняго изъ нихъ не подпоясываютъ. Въ то время, какъ наряжается невѣста, а поѣзжане и родственники ея пируютъ, дѣвушки продаютъ поѣзжанамъ для свадьбы шелковыя разноцвѣтныя кисточки по 15—20 коп. за штуку и пришиваютъ ихъ тутъ же къ шапкамъ. Нарядивши невѣсту, выводятъ ее изъ-за занавѣски покрытою краснымъ шелковымъ платкомъ и сажаютъ на лавку со свахою-провожатою и со свахою со стороны жениха. Вставши съ мѣстъ, снова всѣ совершаютъ обычный семейный молянъ. Послѣ сего невѣста получаетъ отъ отца и матери благословеніе, а вмѣстѣ съ благословеніемъ и свѣчу, сдѣланную наподобіе ,,солтанъ-штатолцъ" Изъ избы невѣсту выносятъ на плечахъ и сажаютъ въ кибитку, нарочно для этого случая устроенную изъ бѣлаго полотна съ разными узорами. Отправляя невѣсту въ церковь, посылаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстового за жениховъ, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ въ церковь. Везутъ его туда на парѣ лежащимъ подъ кожею въ повозкѣ, тогда какъ шляпа его поддерживается имъ же самимъ надъ головою. Вокругъ жениха сидятъ дѣвушки и провожаютъ его съ пѣніемъ до самой церкви; всѣ униженія, которымъ подвергается женихъ въ день свадьбы, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны наказать его за отступленіе отъ обычая предковъ — лисезя. Въ пѣніи дѣвушекъ вокругъ жениха высказывается укоризна отцу невѣсты и похвала отцу жениха, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ на чемъ свѣтъ стоитъ ругаютъ и жениха. По окончаніи обряда вѣнчанія мать жениха или ближайшая его родственница, принимая въ домъ новобрачныхъ, ставитъ невѣстѣ на правую ногу сковороду съ зажженнымъ сухимъ хмѣлемъ, заставляя ее скинуть эту сковороду съ ноги. Сталкиваніе продѣлывается три раза, и каждый разъ просыпанный хмѣль собирается снова въ сковороду; при этомъ случаѣ мордва замѣчаетъ, что если сковорода съ ноги сталкивается тихо, то новобрачная будетъ смирная и послушная, а если сталкивается она неосторожно, то бѣда—будетъ молодуха непокорна и злонравна. Кромѣ того, наблюдаютъ также, что если сталкиваемая сковорода упадетъ дномъ книзу, то сіе считается счастливымъ предзнаменованіемъ для новобрачныхъ; если же сковорода упадетъ вверхъ дномъ, то это признакъ ожидающаго ихъ несчастія. Въ то-же время мать жениха или ближайшая его пожилая родственница даетъ новобрачной новое имя; новобрачную подводятъ къ печкѣ, и та, которая должна нарекать имя, съ благоговѣніемъ кладетъ ей на голову хлѣбъ, поддерживаемый еще одною старухою. Потомъ свекровь беретъ другой хлѣбъ и, ударяя однимъ объ другой, даетъ имя. Послѣ нареченія имени новобрачную подводятъ къ печному шестку, и свекровь ея складываетъ на шесткѣ свои ладони, на которыхъ набросано разное крошеное кушанье; невѣста должна отвѣдать этихъ кушаньевъ прямо изъ свекровьиныхъ ладоней; при этомъ свекровь приговариваетъ; ,,какъ печь никуда изъ дома не выходитъ, такъ и молодая никуда бы изъ него не выходила". На другой день послѣ свадьбы, утромъ, являются въ домъ къ молодымъ отецъ молодой съ ея матерью и родственниками въ ,,горные". Когда они усядутся въ избѣ, то отецъ молодого угощаетъ ихъ виномъ, а молодая разноситъ въ деревянномъ или жестяномъ стаканѣ пиво — пурэ. Поднесши стаканъ пурэ, она падаетъ передъ каждымъ на колѣна и лежитъ до тѣхъ поръ, пока

гость выпьетъ весь стаканъ до дна. Послѣ этого всякій „горный“ за прежній даръ ея даетъ ей въ отдарокъ деньги или сустугъ, платокъ или праздничныя онучи, поздравляя ее съ новою жизнью и съ новымъ замужнимъ именемъ. На этомъ пиру каждый мокшанинъ поетъ, что ему вздумается, и каждая мокшанка пляшетъ, припѣвая, что придетъ ей въ голову. По окончаніи этого пира, на третій день послѣ свадьбы отецъ и мать молодыхъ ходятъ на пиры къ родственникамъ, а молодая, послѣ свадьбы, считаетъ своимъ долгомъ принести жертву Бань-азыравѣ и Бедынь-азыравѣ, чтобы онѣ сохранили ее отъ болѣзней и нечистоты Послѣ свадьбы до шести недѣль молодая ходитъ по-дѣвичьи, безъ волосника, а по прошествіи шести недѣль свекровь или заступающая ея мѣсто старшая въ домѣ женщина обряжаетъ молодую въ волосникъ. Именно, по совершеніи въ домѣ моляна, она выходитъ съ волосникомъ на дворъ и взлѣзаетъ на крышу къ хайлу; въ него-то и подаетъ она молодой волосникъ со словами: „женщины—предки наши накрывались, надѣнь и ты по ихъ приказу“.

При погребеніи у мордвы соблюдаются также нѣкоторые особые обряды. По смерти тотчасъ приходятъ въ домъ покойнаго родственники и сосѣди, приносятъ ему на поклонъ мѣдные гроши, начиненные пирожки и разныя овощи; все принесенное отдается на руки особому старику, приставленному къ тѣлу. Полученныя вещи старикъ кладетъ на столъ съ колѣнопреклоненіемъ предъ умершимъ и въ то-же время призываетъ къ молитвѣ своей умершихъ предковъ, скоблитъ ножомъ деньги и отдѣляетъ по кусочку отъ всего принесеннаго. Вслѣдъ за этою молитвою посылаютъ и за священникомъ для погребенія. Въ гробѣ провертываютъ въ верхней доскѣ дырочку и кладутъ въ него любимыя покойникомъ при жизни вещи. На могилѣ поминаютъ его яствами и питьемъ. Когда уносятъ покойника на кладбище, то въ домѣ на его мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, кладутъ золы съ углями и втыкаютъ топоръ или ножикъ, чтобы кто-нибудь еще не умеръ изъ того же семейства, а оставшуюся отъ подѣлки гроба щепу и соръ изъ избы вмѣстѣ съ вѣникомъ вывозятъ за околицу и сваливаютъ при дорогѣ, близъ кладбища. На это самое мѣсто, во время поминовенія, имѣютъ обыкновеніе заходить и, подходя къ выброшеннымъ щепамъ, кланяются въ землю и кладутъ деньги и съѣстные припасы. Въ день поминовенія (3, 9, 20, 40 дни и годъ) на всѣхъ окнахъ, а также и вправо отъ порога входной въ избу двери ставятъ чашки съ водою, было бы гдѣ умершему омыться, когда онъ придетъ въ свое прежнее жилище; говорятъ, цѣлыхъ 40 дней ходитъ душа по свѣту и мучается за свои дѣла. Дыра, находящаяся надъ челомъ печки, отворяется настежь, дабы покойникъ, если ему не заблагоразсудится войти въ избу черезъ двери со всѣми домашними, нашелъ другой входъ, гдѣ бы его никто не замѣтилъ. Избу выметаютъ начисто и даже лавки всѣ и мебель выметаютъ и выскабливаютъ стекломъ. У окна передъ столомъ, на лавкѣ разстилаютъ чистое полотенце, а на столъ кладутъ чистую скатерть; когда кто-либо изъ семьи проходитъ мимо стола, и именно у той его части, которая приходится ближе къ окну, всякій кланяется въ поясъ, такъ какъ предполагается, что покойникъ стоитъ у окошка и ждетъ лишь наступленія минуты, когда ему можно будетъ войти въ избу; если кто-нибудь найдетъ въ это время соринку, то унесетъ ее всенепремѣнно на дворъ, да притомъ еще такъ, чтобы она какъ-нибудь не попалась на глаза покойнику, который долженъ въ этотъ день посѣтить свое былое жилище. Хозяйка между тѣмъ успѣла уже наварить и настряпать всякой ѣды и нарѣзать длинными кусками священной яичницы; хозяинъ и мужчины устраиваютъ тогда изъ разнаго тряпья чучело, которое и одѣваютъ въ платье, употреблявшееся при жизни покойникомъ; руки куклы складываютъ на груди и притомъ какъ разъ такимъ образомъ, чтобы онѣ приходились у пазухи; за пазуху и въ руки втискиваютъ восковую свѣчу, но не зажигаютъ ея. Затѣмъ всѣ сооружавшіе куклу кланяются ей и выходятъ изъ избы. Вся семья направляется къ кладбищу; придя туда, хозяинъ подходитъ къ знакомой могилѣ и кланяется ей до земли; затѣмъ онъ подводитъ къ могилѣ своего сына или другого изъ семьи, который похожъ на умершаго; въ рукахъ у подводимаго горитъ восковая свѣча, зажженная еще дома. Тогда хо-

зяинъ обращается къ могилѣ, проситъ покойника еще разъ посѣтить домъ свой и затѣмъ уже успокоиться. Затѣмъ, послѣ этого приглашенія, всѣ стремглавъ бросаются домой, за исключеніемъ лишь того, который похожъ на покойника лицомъ и который въ этотъ день долженъ изображать покойника, одѣтый цѣликомъ въ любимое платье послѣдняго; его покойникъ тронуть не только не можетъ, но долженъ въ особенности любить и вселиться въ него, тогда какъ всѣхъ остальныхъ онъ всенепремѣнно постарается какъ-нибудь попортить, напустивши на нихъ ту самую болѣзнь, отъ которой самъ сошелъ въ могилу. Черезъ четверть часа вся семья собирается передъ домомъ на улицѣ и встрѣчаетъ идущаго тихими, мѣрными шагами покойника; еще издали всѣ ему кланяются, всячески проявляютъ свою радость, разспрашиваютъ про давно умершихъ родственниковъ и ведутъ въ язбу. Хозяинъ выноситъ къ входной двери огромный каравай хлѣба, проситъ прежнихъ покойниковъ принять въ свою среду новаго, а его проситъ думать и промышлять о покинутой имъ семьѣ; три раза повторяетъ онъ освященную вѣками формулу, вырѣзаетъ „священный кусокъ" изъ хлѣба, прикрываетъ его кускомъ яичницы и предлагаютъ гостю кусать его, а не людей. Замѣститель покойника беретъ „озондамъ-палъ", съѣдаетъ его и тогда уже входитъ въ избу. Тутъ мертвецу подносятъ свѣже-выточенной бараньей крови, пьютъ ее сами и усаживаются за столъ. Замѣститель садится на то именно мѣсто, гдѣ утромъ сидѣла кукла, и свѣчу ставятъ напротивъ него; обѣдъ идетъ своимъ порядкомъ, при чемъ живой покойникъ даетъ совѣты, какъ жить, ходитъ затѣмъ по роднѣ своей, а часу въ 9 вечера всѣ идутъ провожать его снова въ могилу. На пути подносятъ ему курицу и ярку, и онъ желаетъ семьѣ удвоенія приплода. Съ горящими свѣчами въ рукахъ направляются всѣ къ кладбищу; здѣсь замѣститель ложится ничкомъ на могилу, его прикрываютъ холстомъ, а затѣмъ онъ встаетъ снова на ноги, преобразившись опять въ живого человѣка. Въ могилѣ продѣлываютъ дырочку; каждый изъ провожавшихъ кладетъ туда кусочки блиновъ, яичницы и наливаетъ пурэ. Тѣмъ заканчиваются мордовскія поминки.

Живетъ мордвинъ гораздо лучше русскаго; онъ отличный работникъ, такъ что всякій охотно нанимаетъ его и, когда приходится выбирать между мордвиномъ и русскимъ, то всякій отдаетъ предпочтеніе первому передъ вторымъ. Мордвинъ — человѣкъ земли, и никто лучше его, старательнѣе его не обработаетъ землю. Когда времени въ его распоряженіи достаточно, онъ посвящаетъ его пчеловодству и является лучшимъ въ краѣ пчелинцемъ; никто бережнѣе его съ пчелами не обойдется, никто умнѣе его не отроитъ, не вынетъ. Онъ вѣдь сынъ Мастырь-паза, такъ какъ же ему не быть хорошимъ и трудолюбивымъ земледѣльцемъ? Самъ богъ его Нишке-пазъ — пчелинецъ, такъ какъ же ему-то не быть пчелинцемъ? Мордвинъ и щепеннымъ дѣломъ занимается, и сидитъ смолу, и гонитъ деготь, и гнетъ ободья—онъ всегда найдетъ себѣ заработокъ и, когда русскій крестьянинъ сидитъ вслѣдствіе плохого урожая безъ хлѣба, мордвинъ сытъ и не бѣдствуетъ. Пьетъ онъ хоть и довольно, а все-же скорѣе возьмутъ его на баржу, на расшиву и на накатникъ, такъ какъ въ дѣлѣ онъ не напьется, а лишь въ стоялое время, когда судно не на ходу.

Довольно рѣзко отличаются отъ мордвы, какъ въ отношеніи наружности, костюма, такъ и въ особенности въ отношеніи нрава, обычаевъ, вѣрованій и домашняго быта—черемисы, которые, въ числѣ 350,000 душъ, живутъ въ Цивильскомъ, Васильсурскомъ, Чебоксарскомъ, Козьмодемьянскомъ и Царевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи и въ Яранскомъ, Уржумскомъ, Ветлужскомъ, Котельническомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ Вятской губерніи.

Говорить о наружности черемисовъ крайне трудно, такъ какъ подробныхъ антропологическихъ изслѣдованій среди нихъ не было еще сдѣлано, и всѣ свѣдѣнія наши ограничиваются лишь крайне спутанными и противорѣчащими другъ другу данными, которыя, собственно говоря, не имѣютъ ровно никакого научнаго значенія. Кромѣ того, слѣдуетъ предполагать, что черемисскій типъ дошелъ до насъ не во всей его чистотѣ, а подвергся значительнымъ измѣненіямъ, подъ вліяніемъ скрещиваній съ чувашами, татарами и даже русскими. Нагорные

черемисы, окруженные съ одной стороны чувашами, а съ другой—русскими, подходятъ своею наружностью то къ тѣмъ, то къ другимъ; такъ, напримѣръ, черемисы Козьмодемьянскаго уѣзда, приходовъ Владимірскаго и Пайгуновскаго – совершенно обрусѣли и потому отличить ихъ отъ русскихъ является почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что, въ свою очередь, и русскіе по части типа не мало позаимствовали искони-финнскихъ чертъ и приблизились къ финнамъ почти настолько-же, насколько обрусѣли финны. Въ томъ-же, однако, уѣздѣ, въ приходахъ Кузнецовскомъ и Кожважскомъ, черемисы, напротивъ того, сохранили во всей чистотѣ своей исконный этническій типъ; слѣдуетъ, вообще, замѣтить, что черемисы чрезвычайно податливы на скрещиваніе и, слѣдовательно, на измѣненіе типа и, напримѣръ, на правомъ берегу Волги быстро теряютъ свои характеристическія черты. Типъ нагорныхъ черемисовъ сравнительно является гораздо болѣе красивымъ; они по большей части обладаютъ ростомъ выше средняго, лицомъ, лишь немного уклоняющимся отъ того, которое признано индо-европейскимъ, карими глазами, черными волосами, которые зачастую кудреваты. Носы у нихъ тонкіе, нѣсколько вздернутые вверхъ, а скулы хотя и выдаются, но весьма незначительно. Зубы бѣлые и здоровые, цвѣтъ лица нѣсколько темнѣе, нежели у русскихъ. Совершенно къ противоположнымъ результатамъ приводитъ насъ наблюденіе надъ такъ-называемыми луговыми черемисами; они никогда не выходятъ ростомъ выше средняго, сухопары, тощи и блѣдны; цвѣтъ ихъ кожи желтоватый; глаза небольшіе и полурастворенные; носы приплюснуты и широки; уши длинныя, скулы сильно выдаются впередъ, въ особенности у женщинъ. Съ виду они какъ-то апатичны, неповоротливы и будто придурковаты, хотя въ самомъ дѣлѣ въ послѣднемъ укорять ихъ вовсе нельзя.

Черемисы до сихъ поръ еще вѣрятъ въ боговъ своихъ. На весьма слабое развитіе христіанства оказываютъ немалое вліяніе домашній бытъ и взаимныя отношенія членовъ семьи; въ каждомъ семействѣ главою является отецъ, либо, за смертью его, старшій сынъ или мать; всѣ они имѣютъ огромное вліяніе на остальныхъ членовъ семьи и ихъ мнѣніе, желаніе или приговоръ считаются закономъ. Само собою разумѣется, какъ трудно убѣдить этихъ лицъ въ пользѣ христіанства; боясь всего русскаго, они говорятъ, что „нашу вѣру кончать — насъ кончать", и потому всячески отбиваются отъ принятія христіанства, да отговариваютъ отъ него и семейскихъ. Даже и считаясь христіанами, они не постятся, подсмѣиваются надъ тѣми, кто строго придерживается обрядовъ православной церкви; въ свою очередь, дѣти, бывшія въ училищахъ, подпадаютъ ихъ вліянію и скоро снова обращаются въ язычество, да къ тому-же, какъ грамотныя, прямо попадаютъ въ карты (жрецы).—Но прежде, нежели приступить къ описанію черемисскаго миѳологическаго канона и ихъ религіозныхъ обрядовъ, слѣдуетъ замѣтить, что у этого народа никогда не было жреческаго сословія, и обязанности жреческія исполнялись лучшими людьми по выбору народа, которые сохранились и до сей поры подъ именемъ картовъ и мужановъ; помощниками ихъ въ дѣлѣ поддержанія старинныхъ народныхъ суевѣрій являются знахари и знахарки, которые гадаютъ на стертой полушкѣ, на иголкахъ и т. п. и пользуются также значительною долею уваженія со стороны народа. Карты принимаютъ участіе въ совершеніи всѣхъ религіозныхъ обрядовъ и только они могутъ передавать людямъ велѣнія боговъ; но въ томъ-то и дѣло, что картомъ можетъ сдѣлаться всякій, кто хорошо изучитъ массу обрядовъ, требуемыхъ черемисскимъ богопочтеніемъ, и настолько уменъ, что сумѣетъ захватить въ свои руки умы менѣе его развитыхъ сородичей. Вообще, они избираются обществами изъ числа наиболѣе умныхъ, опытныхъ и поворотливыхъ стариковъ, знающихъ всѣ молитвы и обряды, и притомъ такихъ, которые не испугались бы пріѣзда становаго, а сумѣли бы выгородить изъ отвѣта и себя, и своихъ сомолельщиковъ. Задача ихъ состоитъ не въ одномъ лишь выполненіи религіозныхъ обрядовъ, но они обязаны толковать сны, гадать, предсказывать будущее и, вообще, быть съ богами въ настолько хорошихъ отношеніяхъ, чтобы узнавать ихъ волю и передавать ее людямъ, а съ другой стороны и боговъ

уговаривать къ исполненію просьбы того или другого изъ вѣрующихъ. Картамъ или мужанамъ, какъ ихъ называютъ нагорные черемисы, нельзя уже открыто справлять кереметн или мольбища, а потому они довольствуются совершеніемъ тайныхъ, домашнихъ кереметей и нравственнымъ вліяніемъ на народъ при помощи предсказыванія, гаданія и толкованія сновъ; они уже покинули свою отличительную одежду для того, чтобы не смутить священнымъ костюмомъ своимъ администрацію, и, напротивъ того, напускаютъ на себя обыкновенно маску какого-то топоумія, дабы въ нихъ не признали мужана. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ черемисы завѣдомо исповѣдуютъ еще язычество, священная одежда карта состоитъ изъ длиннаго, прямого, безъ сборокъ балахона, съ красною четыреугольною нашивкою изъ кумача на груди и съ черною такою-же нашивкою сзади; нашивки эти, изображающія собою свѣтъ и тьму, Юму и Шайтана, дѣлаются обыкновенно вершка въ три ширины и четверти въ полторы длины. Голову свою они покрываютъ высокою, конусообразною, сдѣланною изъ бересты, молитвенною шапкою. Теперь лишь изрѣдка можно найти этотъ священный костюмъ карта, такъ какъ

Черемисское село.

и картовъ стало меньше, да и слишкомъ недовѣрчиво относится черемисъ къ русскому, хотя-бы и просто изслѣдователю, чтобы показать ему такую святыню.

Такъ какъ горе и нужда могутъ постигнуть и одного человѣка, и вдругъ, за одинъ разъ цѣлую тысячу людей, то и моленья могутъ справляться то однимъ лицомъ, то семействомъ, то деревнею, то цѣлымъ околоткомъ, когда сходится для общей молитвы нѣсколько тысячъ человѣкъ; еще недавно такое общее моленье было совершено въ 1878 году „Суртъ-Кого-Юмѣ", т.-е. хранителю земельной собственности, котораго 2,500 человѣкъ просили, чтобы англійская „Мюланда-авэ", т.-е. богиня англійской земли, не оттягала черемисскую землю. Обыкновенное моленье происходитъ безъ особенныхъ приготовленій и довольно просто. Положимъ, что въ домѣ кто-нибудь заболѣваетъ; тотчасъ-же является къ мѣстному карту уполномоченный, который проситъ у него совѣта и помощи, и картъ рѣшаетъ, чего именно требуетъ богъ: курицу, гуся, барана или корову. Тутъ уже, конечно, разговаривать долго нечего, а бери скорѣе моленую скотину, да и волоки ее въ лѣсъ въ указанное мѣсто. Тутъ ее заколютъ, снимутъ съ нея шкуру, разрѣжутъ на части и положатъ въ котелъ вариться; пока варится мясо, къ пивнымъ ведрамъ прикрѣпляютъ зажженныя восковыя свѣчи, кланяются въ землю и взываютъ къ тому богу, въ честь котораго картъ рѣшилъ устроить моленье. Бога не балуютъ особенно и на его долю сжигаютъ голову, ноги да внутренности, а шкуру отдаютъ

карту. Видимое дѣло, что если бѣда постигла цѣлую деревню, то тутъ уже бараномъ не отдѣлаешься; въ этомъ случаѣ дѣлается складчина и покупается одна или нѣсколько штукъ рогатаго скота, которыя и пригоняются въ лѣсъ къ карту; тутъ изслѣдуютъ животныхъ, угодны ли они божеству, поливая ихъ водою и ожидая, чтобы они вздрогнули, такъ какъ иначе ихъ приходится замѣнить другими. Тутъ уже животному приходится вдосталь настрадаться, такъ какъ чѣмъ дольше оно мучится, тѣмъ угоднѣе становится божеству жертва; обыкновенно его привязываютъ къ столбу, и смертельный ударъ наносится лишь тогда, когда картъ ударитъ ножомъ о топоръ. При всякой ѣдѣ приносится простая жертва, состоящая въ томъ, что куски хлѣба, мяса и разныхъ яствъ вмѣстѣ съ пивомъ выливаются съ молитвою за окно на долю боговъ. Жертвоприношенія совершаются всегда въ праздничномъ костюмѣ, при чемъ необходимо имѣть на головѣ высокую берестяную шапку. Женщины могутъ лишь прислуживать при молянахъ, но сами принимать участіе въ жертвоприношеніи не имѣютъ права и приносятъ свои молитвы богамъ отдѣльно отъ мужчинъ.

Живетъ черемисъ и строится по своему, а не такъ, какъ привыкъ глазъ видѣть въ русскихъ селахъ. Черемисскія деревни строятся по оврагамъ и всегда состоятъ изъ нѣсколькихъ околотковъ, носящихъ названіе того урочища, въ которомъ они расположены, съ прибавленіемъ или имени перваго поселенца, или какой-нибудь примѣты, въ родѣ сосны, березы и т. п. Едва лишь семья настолько разрастется, что негдѣ ставить новую избу во дворѣ главы семьи или вѣрнѣе, рода, какъ младшія по времени сформированія семьи поселяются на новомъ оврагѣ и кладутъ начало новому околотку; въ силу такого обычая, дробленіе семей у черемисовъ и зависитъ главнымъ образомъ отъ причинъ чисто-экономическихъ, а не отъ личныхъ неудовольствій между членами семьи.

Дома черемисскіе строятся обыкновенно какъ попало, какъ вздумается хозяину; любитъ черемисъ, чтобы вокругъ его дома находящіяся хозяйственныя постройки были у него тутъ-же подъ рукою, а потому вокругъ избы и наставлена у него разныхъ амбарушекъ до клѣтушекъ такая масса, что только бывалый человѣкъ въ нихъ не заблудится; любитъ черемисъ огородъ приспособить тутъ-же поблизости, а нагорный черемисъ всенепремѣнно разведетъ садъ и понасажаетъ въ немъ березокъ, словно въ память прежнихъ своихъ родныхъ лѣсовъ, которыхъ онъ лишился. Избы нагорныхъ черемисовъ лишь изрѣдка топятся по-черному, а въ большинствѣ случаевъ не представляютъ почти никакой разницы въ сравненіи съ русскими; напротивъ того, луговые черемисы, видно, не отстали еще отъ копоти, и всѣ топятъ избы по-черному; встрѣтится здѣсь, пожалуй, иногда и большая, въ родѣ русской, изба, да черемисъ такъ сумѣетъ ее загадить, что и не вошелъ бы въ нее, да холодъ поневолѣ вгонитъ и забудешь про чистоту и опрятность, которыхъ у луговыхъ черемисовъ и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Окна въ избѣ маленькія, потолки сколочены изъ накатника, при чемъ штука къ штукѣ не пригнана, а вмѣсто стеколъ то и дѣло встрѣтишь коровій пузырь, благо черемисъ свѣта не любитъ. Да къ тому-же и изба-то черемису служитъ половинную службу: погрѣется онъ въ ней зиму лютую, а на лѣто какъ-никакъ, а выселится съ семьею въ лѣтникъ изъ липовой коры, что приспособилъ онъ у себя же во дворѣ, видно, въ память того, что прежде онъ жилъ и всегда въ такихъ шалашахъ.

Питается черемисъ почти такъ-же, какъ и русскій человѣкъ, живущій въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, и лишь въ нѣкоторыхъ яствахъ проявляетъ свой народный вкусъ; ѣстъ онъ мяса немного, хотя и не брезгаетъ иногда и сорокою, и галкою, а по бѣдности и хлѣбца видитъ далеко не вволю, да и тотъ печетъ въ золѣ. Чаще всего ѣстъ онъ свою народную „салму" изъ овсяной муки, овсяную кашу и кислое молоко. Только въ праздники пекутъ ватрушки и ѣдятъ мясо, при чемъ не задумываются надъ олениной, зайчиной, кониной и медвѣжатиной. „Салма" дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ муки, всыпаютъ ее въ воду и мѣсятъ долго тупымъ ножемъ; когда тѣсто смѣсится, то его разрѣзаютъ на куски, которые потомъ и раска-

тываютъ въ длинныя ,,скалки", нарѣзывая мелко-намелко въ чашку; въ ту-же чашку крошатъ двѣ—три луковицы и высыпаютъ затѣмъ все въ горшокъ съ кипяткомъ, который и ставятъ въ печь. Но если несложна ѣда черемиса, то пойло свое онъ готовитъ на славу и, имѣя въ виду скорѣе забыться, чѣмъ просто утолить жажду, дѣлаетъ свое пойло такимъ хмѣльнымъ, что свѣжій человѣкъ даже диву дается. На усладу свою придумалъ черемисъ и пиво—,,пура", и медъ особаго свойства, и, наконецъ, свою любезную ,,кумышку". Пиво варятъ больше дѣвушки, такъ какъ тутъ трудовъ требуется не мало, а имъ—только и дѣла. Берутъ тутъ самое большое пивное корыто, собираютъ побольше корчагъ и кадокъ, настилаютъ на полъ соломы и приступаютъ къ затиранію. Затираніе производится очень просто: вершка на два выше дна корчаги кладутъ лучинки или же нарочно на этотъ случай изготовленныя перекладины, образующія рѣшетчатое дно; на это дно стелется слой соломы, нарубленной мелко топоромъ. Длина соломинъ должна непремѣнно равняться діаметру корчаги въ этомъ мѣстѣ. Поверхъ соломы кладутся слоями пшеничная мякина, солодъ и мука, при чемъ каждый слой обильно поливается водою, а верхній слой муки густо покрывается соломой. Такимъ образомъ изготовляются всѣ наличныя корчаги, а три—четыре изъ нихъ, обладающія гвоздемъ (отверстіе, заткнутое затычкою), предназначаются для сусла—напитка весьма пріятнаго, когда онъ еще тепелъ. Когда истопятъ затѣмъ печь, то ее ,,чередятъ", закутываютъ ее, загребая жаръ и засыпая его золою; ,,подъ" печи выметается начисто, и въ нее ставятъ корчаги, послѣ чего чело печи плотно закрывается заслонкою. На утро корчаги вынимаютъ изъ печи. Ихъ ставятъ на лавку, а подъ нее подставляютъ пустую корчагу, куда и спускаютъ горячее сусло; между тѣмъ корыто всполаскиваютъ теплою водою, застилаютъ дно его щепками, прикрытыми соломою, и сливаютъ въ него сусло изъ всѣхъ корчагъ; затѣмъ его снова сливаютъ въ корчаги, а тамъ въ кадку, прибавляютъ хмѣлю и ставятъ бродить. ,,Кумышку" дѣлаютъ мужчины, такъ какъ и пить ее по преимуществу приходится мужчинамъ же; водка эта не особенно вкусна, такъ какъ всегда отдаетъ пригорѣлымъ, дурно очищается и хмѣльна до-нельзя. Медъ черемисскій чрезвычайно вкусенъ; его долго ,,морятъ", т.-е. заставляютъ дольше бродить внѣ вліянія воздуха, а потому достаточно стакана, чтобы осоловѣть непривычному человѣку.

Черемисская изба.

Одежда черемисская не особенно сложна, да къ тому-же и русское вліяніе дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи съ особенною интенсивностью, такъ что настоящій, народный черемисскій костюмъ можно встрѣтить теперь только развѣ въ дальнихъ лѣсахъ луговой стороны. У нагорныхъ черемисовъ найдется красная кумачная рубаха, верблюжьяго сукна сызранскій чапанъ, а то и просто суконный кафтанъ, подпоясанный поясомъ; а коли прибавить гречневикъ да шаровары въ сапоги, такъ, пожалуй, и не различишь черемиса отъ русскаго. Бабы, правда, еще удержали особенности своего костюма, да и то по праздникамъ начинаютъ появляться въ ситцевыхъ платьяхъ. Луговые черемисы почти сплошь еще держатся старины по отношенію къ одеждѣ. Мужчины носятъ бѣлые кафтаны, безъ шнурка кругомъ ворота, но съ отложнымъ воротникомъ; лѣтомъ эти кафтаны дѣлаются изъ простого толстаго холста, съ кумачною оторочкою по подолу, на полахъ и на рукавахъ; сапоги не представляютъ собою необходимой

принадлежности туалета, такъ какъ черемисскіе лапти отличаются чистотою и красотою работы; ноги они обертываютъ въ черныя или бѣлыя суконныя онучи, накрѣпко и вычурно увитыя веревками. Рубаха около шеи, по прорѣзу на груди, по подолу, на плечахъ и рукавахъ вышивается шерстями такими рисунками, которые напоминаютъ рисунки мордовскіе. Рубаха подпоясывается шерстянымъ шнуркомъ съ кистями, а кафтанъ — или ремнемъ, или широкимъ поясомъ. Шапки носятъ черемисы или круглыя и низкія, обшитыя мѣхомъ, или же гречневики; только въ праздники и на моленья надѣваютъ они особенныя высокія берестяныя шапки, четверти въ три вышиною и напоминающія монашескіе клобуки. Отправляясь въ лѣсъ, черемисъ навѣшиваетъ на свой ременный поясъ ножны для ножа, прятку для огнива, кремня и трута, кисетъ съ табакомъ и неразлучнымъ другомъ черемиса, который покидается имъ только во время сна,—трубкою; тутъ-же привѣшивается желѣзный крюкъ, а къ нему приспособляется топоръ. Женскій нарядъ проще мордовскаго. Онучи дѣлаются обыкновенно изъ чернаго сукна и притомъ надѣваются въ родѣ крайне узкихъ панталонъ, плотно прилегающихъ къ ногѣ; на этихъ онучахъ („штырь") сбоку дѣлается какъ-бы фальшивый разрѣзъ, отороченный синимъ шнуркомъ и серебрянымъ узенькимъ галуномъ, идущимъ вверхъ въ видѣ лампаса; иногда, напротивъ того, ноги обертываются нѣсколько разъ и становятся весьма похожими на бревна. Лапти всегда крайне тонкой и добротной работы, и надѣть ихъ могла бы любая щеголиха. Рубаха всегда длинна и вышита совершенно такъ-же, какъ и мужская; труда и за такою рубахою не мало, но все-же она не чета мордовской женской рубахѣ. Поверхъ рубахи надѣвается „мижеръ" или бѣлый суконный кафтанъ, очень низко подпоясываемый поясомъ; поясъ этотъ украшенъ безчисленнымъ количествомъ кистей, бахромами и подвѣсками. На груди, на особомъ кольцѣ, прикрѣпленномъ къ рубахѣ, виситъ такъ-называемый „мельшеръ" или кожаный параллелограмъ въ квадратные полъ-аршина величиною; весь мельшеръ усыпанъ пришитою къ нему старою серебряною монетою, а нижній край его украшенъ раковинами, ужовками и разнымъ бренчащимъ снадобьемъ. На шею надѣваютъ обыкновенно „аршешъ" или ожерелье, состоящее изъ шерстяной тесьмы, обшитой перламутровыми пуговками и крупнымъ разноцвѣтнымъ бисеромъ; по краямъ тесьмы во множествѣ нашиты раковины, а на грудь съ нея спускается мѣдный, оловянный, а то и серебряный крестъ, который долженъ приходиться нѣсколько повыше мельшера. Вплотную къ шеѣ надѣвается еще „шуякшъ", украшеніе, представляющее собою нѣчто въ родѣ дѣтскаго передничка, при чемъ весь шуякшъ сплошь усѣянъ старыми и новыми монетами, ужовками, раковинами и чѣмъ попало. Головной уборъ называется „сорокою" и представляетъ собою спереди трапецію, поставленную малымъ ребромъ внизъ; вся сорока покрыта темно-алымъ сукномъ, украшеннымъ спереди бѣлыми шнурками; иногда сороку покрываютъ еще бѣлымъ платкомъ съ коймами, вышитыми красною шерстью. Многія носятъ передники, дѣлаемые изъ платковъ или изъ кусковъ холста, вышитыхъ по краямъ красивыми, вычурными узорами; другія ухитряются навѣсить себѣ и сзади еще мельшеръ. Серьги у черемисокъ составлены по преимуществу изъ мелкой монеты, подвѣшенной на мѣдныхъ проволочкахъ, одна ниже другой; нѣкоторыя носятъ также ниже ушей, по бокамъ шеи, проволочные усы, загнутые къ затылку и украшенные опять-таки монетами; наконецъ, не мудрено встрѣтить и такую черемиску, что носитъ на головѣ полотенце—„сарпанъ", вышитый мелкимъ узоромъ; имъ покрываютъ голову наполовину и концы свѣшиваютъ назадъ, при чемъ волосы распускаются на обѣ стороны; поверхъ сарпана подвѣшивается у замужнихъ „масмакъ", т.-е. повязка въ вершокъ шириною, вышитая сплошь вычурнымъ узоромъ.

Понятное дѣло, что, живя въ извѣстной мѣстности, черемисъ, какъ человѣкъ некультурный, долженъ былъ жить и заниматься именно тѣмъ, что даетъ ему обитаемая имъ мѣстность; выйти изъ-подъ опеки этой природы у него не хватаетъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, а потому онъ и находится въ прямой отъ нея зависимости. Коли выдалась ему рѣка много-

водная и многорыбная, то черемисъ рыбачитъ и притомъ отнюдь не хуже кого другого; сумѣетъ онъ наладить весь снарядъ рыболовный, сниметъ въ аренду берегъ и торгуетъ потомъ по базарамъ или же сбываетъ свой товаръ гуртомъ въ однѣ руки. Часто случается, что у прибрежныхъ черемисовъ прямо изъ-подъ носу выхватитъ ловли русскій пронырливый человѣкъ, но часто такого дѣла не сдѣлаешь, а лишь съ помощью подпоя и подвоха. Идутъ прибрежные жители и въ бурлаки, и сплавляютъ плоты лѣса къ Казани изъ отдаленныхъ мѣстъ своихъ сельбищъ; это дѣло имъ знакомое, да не такъ-то выгодное, ибо больше 30 р. за сплавъ, сколько ни старайся, не выработаешь, а возни тоже тутъ не мало, да иной разъ и жизнь свою ни за понюхъ табаку положишь. Иные нанимаются въ матросы на пароходы и суда и

Луговые черемисы. (Фотографія съ натуры).

исполняютъ свое дѣло мастерски, только все никакъ своей черемисской привычки оставить не могутъ, и когда до вина дорвутся, то тутъ-же и ложатся костьми. Напротивъ того, главное занятіе нагорныхъ черемисовъ—земледѣліе; въ этомъ дѣлѣ они мастера далеко не послѣдніе, если бы не мѣшала имъ черезполосица, отъ которой, по самому обычаю своему селиться околотками, они никакъ не могутъ отдѣлаться; иное дѣло огородъ или садъ, который помѣщается тутъ-же, подлѣ дома; черемисы охотно занимаются разведеніемъ овощей и яблокъ и достигли уже въ этомъ отношеніи превосходныхъ результатовъ. Мастерствами занимаются мало, хотя и тутъ нагорные черемисы не ударили лицомъ въ грязь и въ послѣднія 30 лѣтъ выставили прекрасныхъ овчинниковъ, плотниковъ, печниковъ и т. п. Очень многіе занимаются пчеловодствомъ, при чемъ, за неимѣніемъ большихъ лѣсовъ и пользуясь лишь насаженными садами, нагорные черемисы полюбили пчеловодство пасѣчное, а луговые—бортное. Для пчелъ особыхъ отдаленныхъ пасѣкъ не дѣлаютъ, а разводятъ ихъ при домахъ, искусно устраивая имъ заго-

роду отъ сѣвернаго вѣтра; какъ ни бейся, а раньше 1 апрѣля улья изъ омшаника не выставишь и позже 1 октября наружу не выдержишь; на луговой сторонѣ устраиваютъ борти въ лѣсахъ или же подвѣшиваютъ къ высокимъ деревьямъ колоды. Къ сожалѣнію, черемисское пчеловодство обрѣтается еще на степени самаго первобытнаго развитія, а потому и медъ плохъ, и воскъ не чистъ, да и рои не увѣсисты. Луговые черемисы занимаются еще и щепеннымъ производствомъ; дерутъ они мочалу и ткутъ изъ нея цыновки, дерутъ кору для кожевенныхъ заводовъ, изготовляютъ лубье, драни, тесъ, ободья и дуги, плетутъ сотни тысячъ паръ лаптей и все это сдаютъ особымъ скупщикамъ, которые нагружаютъ цѣлыя барки этимъ товаромъ и сплавляютъ ихъ въ безлѣсныя мѣстности Приволжья. Этотъ послѣдній промыселъ, конечно, не можетъ не отзываться на количествѣ лѣсовъ, но въ виду того, что и лѣса еще много, да и нужна же народу удобная для пахоты земля, особенно горевать о загубляемыхъ лѣсахъ—еще не настало время, а между тѣмъ луговые черемисы начинаютъ уже заниматься и другими, болѣе культурными дѣлами, такъ что малолѣсье ни въ какомъ случаѣ не застанетъ ихъ врасплохъ. Охота даетъ плохой заработокъ, а времени отнимаетъ много, а потому черемисъ начинаетъ уже склоняться на то, чтобы заняться въ лѣсу своемъ скорѣе рубкой и вывозкою дровъ и бревенъ, что, несомнѣнно, дастъ ему хлѣбъ; радъ бы онъ завести и скотинку, да нѣтъ у него подходящихъ пастбищъ, а мошкара въ лѣто и плохую-то коровенку его замучаетъ до полусмерти. Нагорные черемисы на этотъ счетъ счастливѣе и водятъ скотинку исправную, да и числомъ головъ управляются. Бабы прядутъ да ткутъ, да хмѣль разводятъ, безъ котораго черемису жизнь не въ жизнь.

Въ домашнемъ быту своемъ черемисъ живетъ себѣ безпечально, если только ладитъ съ своими богами да не забываетъ и Миколѣ свѣчку поставить. Ясное дѣло, если изъ дому не выгнать вадышей, такъ, пожалуй, и доброму человѣку житья въ своемъ домѣ не будетъ; но на это отъ стариковъ дано средство, и ни одному вадышу не устоять противъ этого испытаннаго издревле способа отъ нихъ отдѣлаться. У нагорныхъ черемисовъ вадышей изгоняютъ въ вечеръ Лазарева Воскресенья, тогда какъ у луговыхъ дѣлаютъ то же въ началѣ луннаго марта; здѣсь обыкновенно молодежь собирается верхомъ въ одно какое-нибудь мѣсто и затѣмъ всѣ начинаютъ колотить рябиновыми палками по стѣнамъ дома; послѣ переходятъ къ амбарамъ, входятъ въ домъ, колотятъ по разнымъ предметамъ домашняго хозяйства и обихода, стучатъ по двору, получаютъ въ видѣ благодарности лепешки, яйца, а иногда и деньги, и, наконецъ, переходятъ въ слѣдующій дворъ; съ каждымъ домомъ толпа все густѣетъ и, когда обойдутъ всю деревню, то скачутъ, сломя голову, въ лѣсъ, забрасываютъ свои рябиновыя дубинки и, принеся жертву яйцами, ѣдятъ остальные припасы.

Въ семьѣ своей черемисъ владыка и господинъ; не только мужья къ женамъ, но и сыновья къ матерямъ относятся съ крайнимъ пренебреженіемъ Никто не смотритъ на то, что жена гуляетъ съ первымъ встрѣчнымъ, только бы не очень въ глаза совалась, а если заѣзжій человѣкъ приволокнется, такъ этому и богъ велѣлъ, такъ какъ онъ передаетъ благодать отъ своихъ боговъ въ домъ черемиса. Конечно, если у вдовы останутся дѣти, то она сохраняетъ свои права домохозяйки ради дѣтей, но въ случаѣ бездѣтности ей предстоитъ возвратиться въ родную свою семью, чтобы цѣлый вѣкъ затѣмъ быть чужою батрачкою и никогда не имѣть ничего своего. Но если плохо у черемисовъ положеніе женщины, то и младшіе мужчины далеко не могутъ похвастаться особенными правами и льготами; глава семьи бьетъ старшихъ, а эти послѣдніе вымещаютъ свою злобу на малолѣтнихъ, благо не посмѣютъ они отвѣтить, такъ какъ за отвѣты досталось бы имъ же отъ хозяина, а не обидчикамъ.

Некогда черемискѣ прохлаждаться, и едва лишь родитъ она, какъ, глядишь, уже вскочила и что-нибудь мастеритъ по хозяйству; прежде всего тотчасъ послѣ родовъ сходитъ она въ баню и сама вымоется, да и новорожденнаго простирнетъ для порядка. Черезъ два или три дня отецъ новорожденнаго, охая, словно самъ только-что всталъ съ родильнаго эшафота,

отправляется къ карту и приглашаетъ послѣдняго дать юному черемису благословеніе. Картъ входитъ въ избу, беретъ на руки новорожденнаго, произноситъ молитву „Вуй-Юмѣ“ или богу

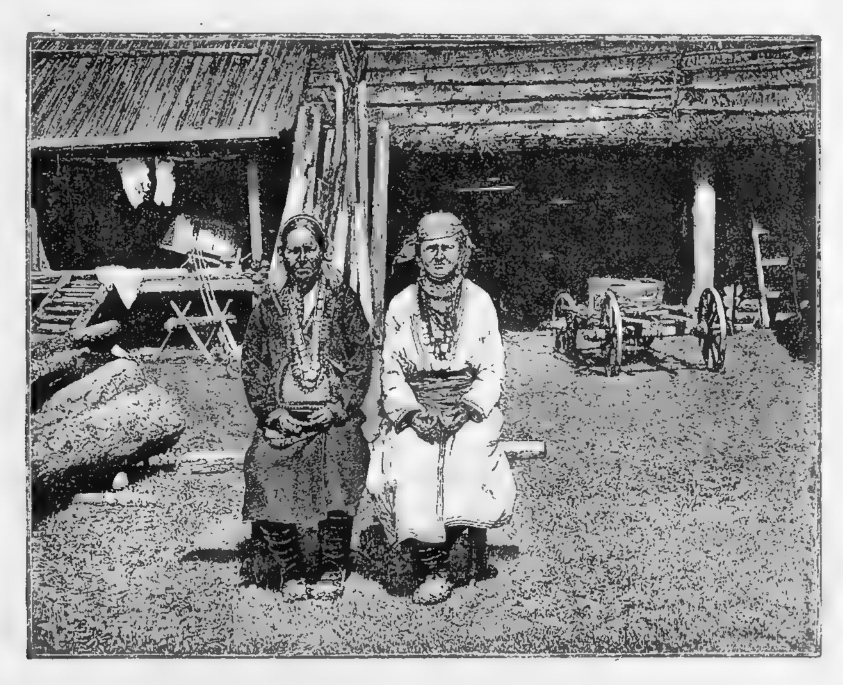
Черемиска изъ Нижегородской губерніи. (Съ фотографіи А. Карелина).

судьбы, котораго проситъ о счастьѣ младенца, и затѣмъ начинаетъ покачивать ребенка, приговаривая одно за другимъ имена; едва ребенокъ заплачетъ на какомъ-нибудь имени, то имя

ему и нарекаютъ; но когда юный черемисъ, вовсе, повидимому, не желая вступать въ свѣтъ подъ тѣмъ или другимъ придуманнымъ картомъ именемъ, топорщится и не подаетъ голоса, тогда картъ беретъ кресало (огниво) и кремень и начинаетъ высѣкать огонь; на какомъ имени брызнутъ искры, то имя и останется навсегда за нарицаемымъ. Мы слышали слѣдующія мужскія имена: Энчалъ, Пектуганъ, Озамбай, Азмехи, Эльвакъ, Шундай, Пактубай, Морданъ, Ямбарды, а изъ женскихъ чаще всего слышатся: Сэмена, Еселби, Кенчеби, Ченчеби, Эчби, Кураха и др.

Едва минетъ дѣвушкѣ 16 лѣтъ, какъ уже ея черная коса, ея станъ и мастерское пѣніе пѣсенъ, а въ особенности лошадь, корова или теленокъ, нѣсколько овецъ, утки, гуси и куры, которыхъ отецъ ея готовъ дать за нею въ приданое, соблазняютъ жениховъ; начинается самое оригинальное, чисто-первобытное ухаживанье; тутъ, конечно, случается, что сближеніе дѣвушки съ парнемъ переходитъ законные предѣлы, и дѣвушка чувствуетъ, что она должна быть матерью; тогда любовникъ ея признается своему отцу, и любовница съ той поры переходитъ въ его домъ уже въ качествѣ жены, хотя о вѣнчаніи нѣтъ и помину, и такое сожительство продолжается два и три года, такъ что ко времени брака у брачующихся оказывается двое — трое дѣтей. Большинство черемисовъ до сихъ поръ, однако, не отказалось отъ стариннаго своего обычая умыкать невѣсту; дѣвушку просто похищаютъ изъ хоровода или въ лѣсу, когда она выйдетъ собирать грибы или ягоды, или съ рѣки, когда она полощетъ бѣлье; такой бракъ называется „кучашъ-нангаяшъ", т.-е. поимка-умычка. Очень часто случается, что дѣвушку воруютъ безъ ея на то согласія и тогда ее бьютъ и силкомъ увозятъ въ домъ жениха. Тамъ послѣдствія насилія на слѣдующее утро поневолѣ заставляютъ ее признать себя побѣжденною и отправиться къ своему отцу просить согласія на бракъ. Обыкновенно всѣ такія похищенія оканчиваются мировою, такъ какъ родня жениха успѣваетъ обыкновенно уговорить молодую, да ей и не остается ничего иного дѣлать, такъ какъ прошлаго не вернешь. Тотчасъ послѣ согласія начинается пиръ, угощенье „лашкою", „пурою" и „аракою", а тамъ къ ночи невѣсту, сильно хмѣльную, ведутъ въ клѣть. На утро приходится опохмѣляться, и тутъ-же совершается и мировая, если только отецъ невѣсты не имѣетъ особеннаго сердца на похитителя; въ противномъ случаѣ онъ ломается, дѣло затягивается, но рано или поздно все кончается все-таки миромъ, тѣмъ болѣе, что молодая, свыкшись съ своимъ положеніемъ, сама уговариваетъ своего родителя на уступчивость. Тогда молодые пріѣзжаютъ въ праздничномъ платьѣ къ отцу молодой и кланяются ему въ ноги; отецъ похитителя проситъ извинить его сына и его самого и начинаетъ толковать о калымѣ или выкупѣ за невѣсту, который простирается отъ 50 до 75 руб., изъ которыхъ сватъ, однако, всячески старается выторговать хотя полтину. Въ случаѣ полюбовнаго соглашенія, отецъ невѣсты назначаетъ дочери приданое и подробно перечисляетъ отдаваемые ей вещи и скотъ; даже и бѣдные даютъ приданое, чего среди русскихъ не встрѣтишь. Съ той поры самыя дружескія отношенія завязываются между новыми родными, и если свадьбы еще не было, то не замедлятъ справить ее поскорѣе. Часто случается, что внѣ-брачное сожительство длится очень долго, и намъ извѣстны случаи, когда женихъ и невѣста жили другъ съ другомъ внѣ брака цѣлыхъ 8 и 10 лѣтъ. Въ день свадьбы собирается большой поѣздъ, поѣзжане разодѣты въ праздничное платье, лошади украшены лентами, а хвосты у нихъ подвязаны. Музыканты усаживаются въ повозку, кумышка и пиво налиты въ боченки, „пестеры" наполнены пирогами, и поѣзжане спѣшатъ въ церковь, въ ближайшее село. Тогда родители жениха спрашиваютъ невѣсту, согласна-ли она выйти замужъ за ихъ сына; если отвѣтъ получится отрицательный, то снова принимаются за увѣренья и уговоры; затѣмъ и жениху предлагаютъ такой-же вопросъ и, конечно, отвѣтъ получаютъ утвердительный. Послѣ этого то жениха, то невѣсту ставятъ до трехъ разъ поочередно на мѣдный пятакъ, чтобы они въ будущей жизни своей топтали ногами деньги, т.-е. жили богато, и тогда уже всѣмъ поѣздомъ отправляются въ церковь, при чемъ жениха и не-

вѣсту сажаютъ въ однѣ сани и закрываютъ рогожею, отъ сглаза; музыканты всю дорогу играютъ на своихъ инструментахъ, а жениховa родня всю дорогу потчуетъ поѣзжанъ ѣдою и питьемъ. Наконецъ, поѣздъ у церкви; женихъ и невѣста, „чабышъ" (дружко) и сваха входятъ въ храмъ, тогда какъ остальные остаются охотнѣе на дворѣ и заходятъ въ церковь только въ томъ случаѣ, когда съѣдутся нѣсколько свадебъ и приходится ждать очереди, а на дворѣ-то холодно. Обрядъ совершенъ; молодые выходятъ изъ церкви, садятся въ сани, и веселье возобновляется съ новою силою. Входятъ молодые въ избу, а впереди ихъ идетъ чабышъ и разметаетъ имъ путь вѣникомъ, отгоняя несчастія; накрытый синею скатертью столъ уже ожидаетъ новобрачныхъ или, вѣрнѣе, поѣзжанъ, такъ какъ для молодыхъ накрывается обыкновенно особый столъ и скамейка передъ нимъ ставится такъ, чтобы молодые сидѣли лицомъ

Типы черемисскихъ женщинъ.

къ печи и спиною къ пирующимъ. Молодая сидитъ въ новой, ни разу не надѣванной, бѣлой, расшитой шелками и шерстью рубахѣ, въ черныхъ онучахъ и новыхъ лаптяхъ; на головѣ у нея новая шапка; въ случаѣ, если бы по бѣдности невѣсты у нея не было новой одежды, она беретъ ее напрокатъ; женихъ одѣтъ также незатѣйливо, только кичится новыми смазными сапогами, на которые онъ не пожалѣлъ медвѣжьяго сала Передъ ними на столѣ стоитъ миса съ какимъ-нибудь горячимъ кушаньемъ, преимущественно съ лапшой, въ которую пущены еще мелко нарѣзанные кусочки говядины; тутъ-же большая деревянная тарелка съ говядиной, а въ плошкѣ — жареный гусь, утка или курица; въ жбанѣ налита пура, а въ другомъ какомъ-нибудь сосудѣ—самодѣльная водка, кумышка На концѣ стола лежитъ непочатый каравай хлѣба, стоитъ солонка и лежитъ ножъ. Принимаясь за ѣду, молодой встаетъ, беретъ ножъ, дѣлаетъ на хлѣбѣ три надрѣза, отрѣзаетъ богамъ горбушку, а затѣмъ первый кусокъ уступаетъ женѣ. Гости ѣдятъ и пьютъ, словно по подряду, а между прочимъ сестра новобрачнаго или же сваха снимаетъ съ молодой шапку и надѣваетъ ей на голову „шида-шобочо", т.-е.

сороку. Тутъ уже новобрачная офиціально вступаетъ въ права хозяйки и жены; дѣвушки носятъ обыкновенно круглую шапочку съ покрываломъ, спускающимся на шею, при чемъ какъ шапочка, такъ и покрывало сплошь унизываются мѣдными, оловянными и серебряными монетами. Шида-шобочо дѣлается изъ чернаго, рѣдко бѣлаго, домашней работы, сукна, на холщевой подкладкѣ, вышивается шелками и шерстью, увѣшивается серебряными монетами и часто передается изъ рода въ родъ. Пиръ, между тѣмъ, длится около двухъ часовъ; затѣмъ молодыхъ уводятъ въ клѣть, примыкающую обыкновенно къ избѣ и отдѣленную отъ нея лишь сѣнями. Тамъ, на полу или же на широкой скамьѣ, прислоненной къ стѣнѣ, устроено брачное ложе: положена цѣпь, клокъ собачьей шерсти, постланъ войлокъ, а поверхъ него одна или двѣ овечьихъ шубы и затѣмъ перина; одѣяла не полагается и оно съ успѣхомъ замѣняется опять-таки овечьими шубами; въ головахъ подушка. Молодыхъ оставляютъ однихъ и тщательно запираютъ дверь. На утро сваха идетъ послушать у молодыхъ и, если слышно что-нибудь, то прямо отворяетъ дверь, а если тихо, то сначала постучитъ, подождетъ, пока заговорятъ, и тогда уже выпускаетъ заключенныхъ. Печь въ это время уже затоплена; опять готовится та-же излюбленная лашка, ставится самоваръ и подаютъ яйца въ смятку; на сцену снова появляются пура, медъ и кумышка. Выходятъ, наконецъ, и молодые. Ихъ встрѣчаютъ отецъ съ матерью, чабышъ и сваха. Начинаются спросы о томъ, какъ молодые почивали. Получивъ отвѣтъ, вѣроятно вслѣдствіе русскаго вліянія, приступаютъ къ провѣркѣ, дѣйствительно-ли была чиста молодая; у необрусѣвшихъ еще черемисовъ этого не полагается, тѣмъ болѣе, что поиски были бы безуспѣшны и виною тому былъ бы самъ молодой. У некрещеныхъ черемисовъ весь свадебный ритуалъ тотъ-же, лишь съ нѣкоторыми небольшими и малозначащими измѣненіями; тутъ, напримѣръ, невѣста во время помолвки даритъ жениха перстнемъ, а къ жениху приводятъ ее еще наканунѣ, провожая ее со двора отцовскаго со свѣчами въ рукахъ. Пріѣхавъ въ новый домъ свой, она спитъ вмѣстѣ съ остальными семейскими женщинами, а на другой день ранымъ-рано устраиваютъ на дворѣ огороженное досками мѣсто, покрытое сверху полотномъ, а внутри его ставятъ столъ со всѣми возможными угощеніями. Картъ, приглашенный заранѣе совершить обрядъ вѣнчанія, становится у одного конца стола, а молодые—у другого, за ними же—всѣ домашніе и гости. Тутъ картъ читаетъ молитву, въ которой проситъ Юму и всѣхъ его помощниковъ и помощницъ о поданіи молодымъ супружескаго счастья, дѣтей, богатства, скота и т. п. По окончаніи молитвы молодые цѣлуются, а на молодую надѣваютъ сарпанъ и масмакъ и снимаютъ дѣвичье покрывало; затѣмъ женихъ обноситъ всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, а невѣста—всѣхъ мужчинъ ковшомъ пива, предлагая, стоя на колѣнахъ, каждому выпить; пьющіе надѣляютъ при этомъ молодыхъ деньгами.

Нѣтъ у черемиса особенной любви къ своимъ покойникамъ, и вмѣсто этого чувства онъ питаетъ къ нимъ скорѣе какое-то отвращеніе и страхъ, стараясь всячески поскорѣе убрать ихъ изъ дому, а не то вдругъ покойникъ-то окажется вадышемъ, что не разъ случалось по примѣтамъ старыхъ и умныхъ людей. Покойникъ, умирая, становится нечистымъ, такъ какъ теряетъ духъ Юмы и поступаетъ въ полное обладаніе Кереметн; понятно, слѣдовательно, что если обмываніе, за неимѣніемъ подъ рукою русскихъ или татаръ, должно быть произведено самими черемисами, то они не только дѣлаютъ это съ особеннымъ отвращеніемъ, но даже моются послѣ этого сами, вымываютъ свое платье, а ежедневное носильное платье покойника или дарятъ, или выбрасываютъ, или сожигаютъ; даже крещеные черемисы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ дня похоронъ, выставляя покойника куда-нибудь подальше, въ амбарушку, а то просто подъ навѣсъ. Понятно, что все это дѣлается изъ боязни, что покойникъ непремѣнно долженъ попасть въ руки вадышей и Кереметн и затѣмъ уже дѣйствовать съ ними заодно. Черемисы твердо убѣждены въ томъ, что каждый покойникъ долженъ пройти по канату, чтобы достичь царства лучшей жизни, и что дурной человѣкъ всенепремѣнно свалится съ каната въ кипящую смолу, тогда какъ хорошій достигнетъ цѣли и будетъ жить въ довольствѣ

и счастьи. У крещеныхъ черемисовъ погребеніе совершается слѣдующимъ образомъ: послѣ смерти, покойника кладутъ на лубокъ и выносятъ на дворъ, гдѣ и обмываютъ; затѣмъ его

Черемисскія женщины на молотьбѣ.

снова вносятъ въ избу, надѣваютъ чистое бѣлье, рукавицы, кафтанъ, шапку; за пазуху кладутъ ему его неразлучнаго спутника—трубку „чилимку", лепешки, въ карманъ—деньги и по-

томъ кладутъ его въ выдолбленное въ видѣ лодки дерево, къ которому придѣлываютъ нѣсколько свѣчей. Вѣря, что въ будущей жизни человѣка посѣтятъ тѣ-же нужды, что и на землѣ, они кладутъ въ гробъ къ покойнику все то, что онъ употреблялъ при жизни: рубаху чистую, холста, кнутъ, пива, вина и даже рябиновую палку для прогнанія Шайтана; чѣмъ больше такихъ обиходныхъ предметовъ въ гробу, тѣмъ, конечно, менѣе представляется вѣроятія, чтобы покойникъ могъ когда-нибудь вернуться за необходимымъ на землю, а этого только и желаютъ черемисы. Смотря такимъ образомъ на покойниковъ, черемисъ, понятно, не можетъ слишкомъ горевать о смерти своихъ близкихъ; не видно тутъ слезъ, а стараются обходить мертваго подальше. Исполнивши все то, о чемъ мы говорили выше, отправляются варить курицу, приготовивъ которую и ставятъ передъ покойникомъ; курица эта стоитъ передъ нимъ до самаго выноса на кладбище. Тамъ, на кладбищѣ, картъ читаетъ надгробныя молитвы Юмѣ, прося его дать умершему покой и лучшую жизнь и не пускать его шататься по свѣту. Затѣмъ гробъ зарывается. Возвратившись домой, приносятъ часть курицы въ жертву богамъ, а остальное съѣдаютъ. Во времена Миллера и Палласа, по возвращеніи домой, вколачивали на дворѣ у покойнаго два кола и сквозь кольцо соединяли эти колья бичевками; всѣ молодые парни должны были стрѣлять въ это кольцо изъ лука, и тотъ, кому удавалось выполнить эту трудную задачу, получалъ въ награду лошадь покойнаго, на которой онъ обязанъ былъ 4 раза съѣздить на кладбище и кланяться на новой могилѣ въ землю Кладбище черемисское устраивается либо прямо въ лѣсу, либо гдѣ-нибудь на полянѣ, вдали отъ деревни; во всякомъ случаѣ, на могилѣ обязательно посадить дерево (липу или дубъ), такъ что все кладбище представляетъ видъ рощицы. Этотъ старинный обычай замѣченъ и у мордвы, а потому и наводитъ на нѣкоторыя размышленія по поводу растительности, находимой всегда на нашихъ сѣверныхъ курганахъ. Поминки по усопшимъ справляются обыкновенно въ 3-й, 7-й и 40-й день, въ четвергъ на страстной недѣлѣ и въ семикъ. Прежде всего выбираютъ жертвенныхъ животныхъ, по большей части изъ мелкаго скота; едва прибудутъ на мѣсто карты, какъ имъ вручаютъ моленый скотъ. Карты раскладываютъ на дворѣ огонь, подвѣшиваютъ котлы, убиваютъ животныхъ и начинаютъ варить мясо сами, не пользуясь ничьими посторонними услугами; тутъ-же варятъ они и медъ. Тѣмъ временемъ начинаютъ сходиться родня и знакомые, приготавливаютъ въ избѣ столъ съ пивомъ, медомъ и виномъ, зажигаютъ свѣчи, которыя прилѣпляются къ дверямъ, къ окнамъ, къ воткнутой подъ матицею палкѣ, или же, наконецъ, къ нарочно для этого случая протянутой изъ конца въ конецъ избы веревкѣ; при свѣчахъ этихъ приставленъ мальчикъ, обязанный смотрѣть за нагорѣвшею свѣтильнею. Раздаются свѣчи и на руки; самыя большія свѣчи предназначаются отцу и матери; женѣ, мужу, брату и сестрѣ—поменьше, а дѣтямъ и дальнимъ родственникамъ—самыя маленькія. Когда карты окончатъ стряпню, то приносятъ все въ избу; тутъ и карты и всѣ присутствующіе отщипываютъ по кусочку мяса, съ молитвою за упокоеніе покойника и складываютъ эти кусочки въ особую чашку, стоящую у самыхъ дверей; то-же продѣлываютъ и съ медомъ. По окончаніи этого обряда начинается угощеніе, при чемъ въ особенности налегаютъ на хмѣльное. Спустя нѣкоторое время, картъ снимаетъ съ вѣшалки платье покойнаго и, надѣвъ кафтанъ, а женское платье перекинувъ на руку, начинаетъ плясать съ зажженною свѣчою въ рукѣ; родные подражаютъ карту, кто какъ можетъ, и гамъ идетъ невообразимый. Потомъ картъ беретъ чашу съ „Юманъ-лашка“ или божьими кусочками, выходитъ на дворъ и выбрасываетъ все собакамъ, которыя посвящены „Клемъ-ханъ-Юмѣ“ или богу земли и смерти; если собаки при этомъ перегрызутся, то плохо придется на томъ свѣтѣ покойнику, а если мирно и тихо съѣдятъ жертву, то покойнику будетъ хорошо. Такъ родится, женится и умираетъ бѣдняга-черемисъ, который, несмотря ни на какія невзгоды, соблюлъ до сихъ поръ свои особенности и, несомнѣнно, могъ бы, при нѣкоторыхъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, выработаться въ полезнаго для Россіи гражданина.

Послѣднее можно сказать и о чувашахъ. По-мордовски „чувашъ" значитъ благородный, чистый, гордый, но сами себя чуваши, конечно, никогда гордецами и особенно благородными не считали и называли себя „вирьямъ-адымъ", когда жили вверхъ по теченію Волги, и напротивъ того—„анатры-адымъ", когда говорили о нижнихъ своихъ собратьяхъ. Черемисы называютъ чувашей „курукъ-мари", какъ-бы указывая тѣмъ, что признаютъ ихъ лишь за горныхъ черемисъ, успѣвшихъ отатариться; послѣднее названіе крайне важно для филологовъ, но до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, они еще не слышали о немъ.

Живутъ чуваши на среднемъ Поволжьѣ. По послѣднимъ изслѣдованіямъ нашихъ лучшихъ финнологовъ, оказывается, что чуваши, обитающіе теперь въ количествѣ 720,000 душъ въ уѣздахъ Спасскомъ, Курмышскомъ, Чистопольскомъ, Ядринскомъ и Цивильскомъ Казанской губерніи, въ Буинскомъ, Сенгилейскомъ и Сызранскомъ уѣздахъ Симбирской губерніи, въ Ставропольскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, а отчасти и небольшими группами въ губерніяхъ Уфимской и Оренбургской — коренные, истинные финны, почти навѣрное древніе буртасы, не только союзники, но и часть финско-волжскихъ болгаръ, принявшіе, вслѣдствіе долгаго сожительства съ татарами, ихъ языкъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ихъ обычаи. Все это доказано съ полною безспорностью знатоками дѣла въ родѣ Альквиста, Гунфальви Павла и другихъ, въ противность тому довольно распространенному до сихъ поръ въ наукѣ мнѣнію, что чуваши—чисто-татарскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что и языкъ ихъ есть лишь одинъ изъ многихъ діалектовъ татарскаго языка. Мы не станемъ приводить здѣсь доказательствъ Гунфальви и Альквиста, такъ какъ это не составляетъ вовсе нашей задачи, и ограничимся лишь тѣми данными, которыя представятъ читателю чувашей такими, каковы они живутъ и понынѣ, нисколько не заботясь—сродни-ли они финнамъ или же татарамъ.

Всѣ отличительные признаки урало-алтайца, лишь слабо обозначенные въ физіономіи мордвина и черемисина, замѣчаются у чувашей въ крайне рѣзкой степени, и выдающіяся скулы, узкіе, приподнятые глаза и покатый назадъ лобъ сразу заставляютъ отличить чувашей въ ряду ихъ сородичей. Лицомъ чуваши смуглы, глаза у нихъ или каріе, или сѣрые, лобъ узкій, носъ тонкій, хотя въ концѣ и приплюснутый; ростъ средній, а походка тяжелая, вперевалку. Волосы у нихъ темнорусые и растительность на усахъ и бородѣ гораздо значительнѣе, нежели у мордвы и черемисовъ. У женщинъ въ особенности глаза очень узкіе и выдавшіяся скулы. Какая-то блѣдность и выцвѣтлость замѣчается вообще на чувашскихъ лицахъ, а кожа чувашенина бѣлѣе татарской и имѣетъ соломенно-желтоватую окраску.

Вообще чуваши—народъ зажиточный, представляя нѣкоторыя черты сходства съ татарами; интересно, что никому не удавалось видѣть среди чувашей нищихъ. Рѣдкій чувашенинъ не приберегъ у себя въ амбарѣ годового запаса хлѣба про черный день, да и такой еще вовсе не считается исправнымъ хозяиномъ; намъ самимъ случилось видѣть однажды въ 1877 году запасъ урожая 1859 г. Но, несмотря на это, никогда богатый не кичится надъ бѣднымъ, одѣвается совершенно въ одинаковое съ нимъ платье и только и отличается отъ менѣе состоятельнаго односельца обширностью своего двора, числомъ ульевъ да количествомъ хозяйственныхъ вокругъ дома построекъ. Когда мы справлялись у чувашей, почему они не обращаютъ въ деньги свои хлѣбные запасы, безнаказанно поѣдаемые теперь мышами, они съ улыбкою отвѣчали намъ: „мишка одинъ фунтъ съѣла—сити була, человѣкъ амбаръ ни съѣла, всѣ денга взяла, а сита ни була". Оттуда, видно, и пошла исконная приволжская поговорка, гласящая, что „когда татаринъ богатѣетъ—купитъ жену, русскій богатѣетъ—купитъ кобылу, а чувашенинъ богатѣетъ—купитъ бѣду" Чувашенинъ не прочь пойти въ гости и засидѣться до поздней ночи, выкуривая трубку за трубкой и передавая другъ другу самыя послѣднія базарныя новости. Бывалые чуваши, бойкіе, ловкіе, владѣющіе русскимъ языкомъ, справляютъ и донынѣ обязанности довѣренныхъ лицъ и извѣстны въ краѣ подъ именемъ „коштановъ". Въ

прежнее многотрудное для чувашей время они бѣжали навстрѣчу подобнымъ ходатаямъ, лишь бы избавиться отъ явки въ судъ и отъ ненавистныхъ хлопотъ и возни съ начальствомъ; кощтаны, конечно, пользовались этимъ, наживались отъ своихъ единоплеменниковъ и нерѣдко усложняли и запутывали порученныя имъ дѣла. Теперь и кощтановъ, и прежнихъ ,,досовъ", т.-е. друзей, стало меньше; за то съ тѣмъ-же прежнимъ успѣхомъ продолжаютъ свою дѣятельность, даже и среди крещеныхъ, ,,іомси" — прежніе жрецы, обратившіеся нынѣ въ деревенскихъ колдуновъ и знахарей. Они занимаются ворожбою, лѣченіемъ болѣзней разными настоями; но у некрещеныхъ іомся играетъ гораздо болѣе видную роль; исполняя всѣ духовныя требы въ своихъ почти повырубленныхъ священныхъ рощахъ, въ одинаковыхъ съ остальными крестьянами одеждахъ, онъ опредѣляетъ время, качество и количество жертвоприношеній, которыя восходятъ иногда до 20 головъ мелкаго скота на человѣка, какъ это дѣлается, напримѣръ, при выходѣ замужъ дѣвушки, для избавленія отъ всякой порчи и несчастія. Чувашенинъ по природѣ добродушенъ и всегда готовъ простить и помочь ближнему; будучи отъ природы трудолюбивъ и не избалованъ, онъ вполнѣ довольствуется тѣмъ, что у него есть, переходя иногда въ такого рода разсчетливость, которая походитъ скорѣе на скупость. Говорятъ, что чувашенинъ замѣняетъ иногда деготь для смазки своей телѣги коровьимъ масломъ уже, конечно, не потому, что коровье масло дешевле дегтя, а лишь для того, чтобы не покупать дегтя, когда есть матеріалъ въ три раза болѣе дорогой, да непокупной Онъ отказываетъ себѣ во многомъ и отказывается охотно отъ масла, молока, овощей, лишняго скота, домашней птицы и настрѣленной имъ дичи, благо все это можно продать на базарѣ и деньги спрятать отъ грѣха въ кубышку.

Досужіе люди нерѣдко увѣряли, что чуваши соблюдали въ чистотѣ Заратустрову религію, но когда пришлось провѣрять эти увѣренія, то оказалось, что, сколько ни фантазируй, все-же религія чувашей вовсе не то-же, что религія Заратустры, хотя и имѣетъ дуалистическую подкладку. Чуваши увѣряютъ, что первые люди родились безъ души, ходили на четверенькахъ и рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ животныхъ. Но вотъ, по волѣ высшаго бога ,,Сюльди Тора", помощникъ его, приставленный къ тому, чтобы давать младенцамъ души, ,,Унъ-Серадынъ-Тора", сотворилъ множество духовныхъ существъ, которыя онъ вдохнулъ въ людей; кромѣ того, много у него душъ осталось въ запасѣ, и каждый разъ, какъ народится ребенокъ, онъ беретъ изъ своего запаса готовую для него душу. Стали тогда люди жить въ полномъ довольствѣ, пользуясь на даровщину всѣми благами природы; не долго, однако, дѣла шли такимъ образомъ, такъ какъ человѣкъ, пресыщенный благами міра и упоенный медомъ и пивомъ, сталъ мало-по-малу портиться нравственно, возгордился, пожелалъ власти надъ себѣ подобными и однажды, выпивши не въ мѣру хлѣбнаго, подчинился совершенно Шайтану, умертвивъ въ своемъ ослѣпленіи старшаго сына Сюльди-Тора—,,Кереметь", который сначала былъ очень добръ и готовъ былъ творить для людей одно лишь хорошее, но послѣ смерти обратился въ злого и мстительнаго бога, который только и думаетъ, какъ бы устроить человѣку какую-нибудь мерзость самолично или черезъ своихъ подчиненныхъ. Понятно, что Сюльди-Тора не могъ остаться безучастнымъ къ смерти сына, а потому онъ и разсѣялъ людей по всей землѣ, смѣшалъ ихъ языкъ и назначилъ каждому свой жребій, раздаваемый богомъ Кебе и помощниками. Много боговъ на землѣ, и на небѣ, и подъ землею, и всякому-то угождать приходится чувашенину да кланяться, а не то вломится въ обиду и не дастъ того, что раздавать ему предназначено отъ высшаго бога. Скучно было бы богамъ, если бы жили они одни, безъ женъ и дѣтей, и не знали семейной жизни, а потому высшій богъ и показалъ примѣръ прочимъ и, чтобы долго не ждать, выплюнулъ себѣ готовую жену, которая, какъ только Тора взглянулъ на нее, такъ и понесла и послѣ 666 лѣтъ беременности родила сына. Жену Сюльди-Тора зовутъ попросту—,,Сюльди-Торъ-амышъ", а дѣтей — ,,Сюльди-Торъ-Ывылъземъ"; старикъ властвуетъ и распоряжается всѣмъ надзвѣзднымъ міромъ, а съ нашею грѣшною землею онъ не-

посредственно не сносится за недостаткомъ времени, и поручаетъ здѣсь распоряжаться другимъ, уже земнымъ богамъ. Высшій Тора не сумѣлъ даже и свѣта дать землѣ, а поручилъ устроить это „Сюдъ-Тунзы-Торѣ", подателю теплоты и свѣта. Есть еще въ чувашскомъ пантеонѣ „Асладій-Тора"—богъ грома и молніи, „Ира-Тора" — богъ благодѣянія и покровитель супружеской и семейной жизни, „Пирегеть-Тора" съ женою и дѣтьми, дающій людямъ изобиліе въ плодахъ и другихъ припасахъ, поддерживающій супружество и оберегающій клады. Цѣлая семья „Хвель-Торы" завѣдуетъ солнцемъ и такая же семья „Оихъ-Торы" завѣдуетъ луною. Коли баба безплодна, стоитъ ей лишь помолить „Сюлень-Торѣ", богу змѣй, летающему по воздуху, и добрый богъ ночью прилетитъ къ своей поклонницѣ и сдѣлаетъ такъ, что съ той поры она перестанетъ страдать безплодіемъ. Землю создалъ „Сирь-амше", а вѣтеръ поднялъ, да и до сихъ поръ имъ завѣдуетъ „Силь-Тора"; плодородіе землѣ ниспосылаетъ „Хирле-Сирь-Тора"; но ни одинъ богъ прямо отъ человѣка жертвы не приметъ, и только черезъ посредство особаго бога „Хурбанъ-Торы" можетъ и жертва и молитва дойти до подходящаго бога. Кромѣ этихъ, такъ сказать, главныхъ боговъ, есть еще у чувашей какія-то полубожественныя существа, которыя играютъ весьма значительную роль въ ихъ куда некрасивомъ житьѣ-бытьѣ; здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ „Сирди-Падшей", т.-е. съ земнымъ владыкою, имя котораго всенепремѣнно поминается на всѣхъ жертвоприношеніяхъ тотчасъ послѣ главныхъ боговъ; „Селъ-Тора" спеціально занимается покровительствомъ путешествующимъ; „Кильранъ-Тора" есть не что иное, какъ нашъ всероссійскій домовой, съ тѣми же ухватками и побытомъ; „Кардранъ-Тора" завѣдуетъ и покровительствуетъ скотнымъ дворамъ; „Вурманъ-Тора" соотвѣтствуетъ нашему лѣшему, только обладаетъ большею серьезностью, не шалитъ и вообще поважнѣе нашего одноноздряго божка; и, наконецъ, „Хирранъ-Тора" есть покровитель пашней и полей. Умные люди толкуютъ, что разъ сынъ Сюльди-Торы разъѣзжалъ по землѣ въ колесницѣ, влекомой бѣлыми конями, распространяя повсюду довольство; люди, подстрекаемые злымъ Шайтаномъ, убили его и, чтобы лучше скрыть слѣды своего преступленія, сожгли его тѣло и развѣяли прахъ по вѣтру; тутъ совершилось великое чудо: едва-только упала на землю порошинка сына божія, какъ на томъ мѣстѣ выростало дерево, а съ тѣмъ вмѣстѣ нарождался и новый Кереметь, злой и мстительный; число этихъ Кереметей, вышедшихъ изъ порошинокъ сына божія, еще болѣе увеличилось, когда нелегкая дернула ихъ на людскую бѣду пережениться между собою. Среди этихъ Кереметей главную роль игралъ „Асла-Кереметь"; ему приносили жертвы цѣлые околотки, когда какое-нибудь общее несчастіе посѣщало ихъ; чуть только явится повальная болѣзнь, захватитъ засуха, дождь, градъ, неурожай или случится пожаръ — тотчасъ „іомся" приглашаетъ всѣхъ собраться въ извѣстное мѣсто и умилостивить разгнѣваннаго бога нѣсколькими лошадьми, коровами и овцами, всенепремѣнно покрытыми бѣлою шерстью; „Кюмылъ-Кереметь" или серебряный Кереметь, которому приносили въ жертву деньги или же, за неимѣніемъ оныхъ,—благо онъ мало смыслитъ въ монетѣ,—оловянные кружочки и тухлянки при началѣ всякаго предпріятія и въ предотвращеніе убытковъ; „Пиликъ-Тюбе" обитаетъ на 5 холмахъ, и если не принести ему въ жертву бѣлаго барана, то, лишь только изъ дому выйдешь, споткнешься и, пожалуй, еще, чего добраго, ногу вывихнешь. Не говоря о „Чиршилаварѣ"—Кереметн еловаго лѣса, „Хирле-Сирь", отнимающемъ плодородіе у земли, „Йивашъ", которую можно успокоить самымъ незначительнымъ приношеніемъ, „Эсрели" или ангелѣ смерти,—отмѣтимъ въ особенности трехъ Кереметей, отъ которыхъ лихо приходится чувашамъ. „Аръ-Сюри" или лѣшій вѣчно старается вогнать въ человѣка какую-нибудь внутреннюю болѣзнь; живетъ онъ обыкновенно въ лѣсу, кричитъ по большей части филиномъ, хотя мастеръ передразнивать и другихъ птицъ; съ виду онъ куда неуклюжъ и смахиваетъ на стогъ сѣна; глаза у него какъ лукошки, и если бы не собаки, которыхъ онъ страшно боится, такъ и на деревнѣ отъ него не было бы покоя. Любитъ онъ блины, ичеги, хлѣбъ, пиво, и добропорядочный чувашенинъ никогда не забудетъ снести ему всего этого въ лѣсъ, въ то мѣсто, гдѣ, по

словамъ іомси, Аръ-Сюри пребываетъ. Тоже и „Йирихъ" бѣдовый: онъ напускаетъ на человѣка наружныя болѣзни, и не дай ему только гороховаго киселя, до котораго онъ особенный охотникъ, да ягненка, такъ напляшешься отъ оспы. Шутникъ „Ыя", живущій за печкою, собственно говоря, зла не желаетъ, а творитъ его просто изъ шутовства; онъ вѣчно блудитъ, заигрываетъ съ бабами, щекочетъ и душитъ людей въ баняхъ, сталкиваетъ ихъ съ полковъ и перекоситъ имъ иной разъ глаза и лицо. Въ то-же время, если за нимъ хозяева ухаживаютъ, онъ заботится о пріумноженіи хозяйскаго скота, охраняетъ отъ огня все добро хозяйское, покровительствуетъ уважающимъ его и въ торговлѣ, и въ пчеловодствѣ, и зачастую даже изъ-за этого споритъ и сталкивается до драки съ другими Кереметями. Населивши такъ густо свой пантеонъ, чувашенинъ всю жизнь свою проводитъ въ безпрестанномъ страхѣ, какъ бы не позабыть какого-нибудь бога; спасибо еще, что тутъ ему на помощь является іомся, который хорошо знаетъ всѣхъ боговъ, а подчасъ въ тяжелую минуту не прочь придумать и новаго божка, которому слѣдуетъ помолить, т.-е. заколоть что-нибудь изъ живности на его, іомсино, счастье.

Слѣдуетъ думать, что у чувашей никогда не было храмовъ или другихъ какихъ-либо построекъ ради религіозныхъ цѣлей, и неприхотливая „кереметь", оставшаяся и до сихъ поръ, представляетъ собою простое, огороженное бревенчатымъ заборомъ пространство, длиною около 60, а шириною около 50 саженъ; въ этой оградѣ всегда было трое воротъ—на востокъ, западъ и сѣверъ; восточныя ворота предназначались для ввода въ ограду жертвенныхъ животныхъ, тогда какъ воду приносили всегда въ сѣверныя ворота; западныя ворота служили обыкновенно для пропуска молящихся; вдоль западной стѣны устраивался навѣсъ, подъ которымъ собирались ѣсть жертвенное мясо, а нѣсколько впереди этого навѣса ставился громадный дощатый жертвенникъ, на которомъ удобно можно было заколоть самое большое животное; надъ жертвенникомъ устраивалась крыша, и чуваши были увѣрены, что во время моленья на жертвенникѣ невидимо пребываетъ самъ Кереметь, а семейство его болѣе или менѣе удобно размѣщается по стропиламъ и переводинамъ крыши. По обѣимъ сторонамъ жертвенника врывали въ землю по два столба съ перекладинами, на которыя и вѣшались котлы, служившіе для варки жертвеннаго мяса. Чинить кереметь не разрѣшалось, и когда все это незамысловатое устройство приходило въ ветхость, то старое строеніе сожигали, а на мѣстѣ его воздвигали новое и притомъ всенепремѣнно изъ совершенно новаго матеріала.

Тотчасъ-же по уборкѣ хлѣба и первой варкѣ новаго пива каждый чувашенинъ-домохозяинъ поставляетъ себѣ въ обязанность отблагодарить боговъ, завѣдующихъ плодами земными, за выказанную ими милость; дѣло происходитъ здѣсь безъ всякой особенно торжественной обстановки и ограничивается лишь изготовленіемъ особаго стола посреди избы для помѣщенія яствъ, сдѣланныхъ изъ плодовъ послѣдняго урожая; найдется здѣсь и пиво, и хлѣбъ, и ичеги или сырники, такъ облюбленные чувашами, и, наконецъ, каша, составляющая также непремѣнную часть этого чисто-земледѣльческаго праздника. Старшой беретъ въ правую руку коровай хлѣба, а въ лѣвую — свою шапку, становится лицомъ къ востоку и приказываетъ отворить въ избѣ всѣ окна и двери, чтобы слышалъ богъ изъявляемую ими признательность. Затѣмъ вслухъ читаетъ онъ молитву благодарности Торѣ за новый хлѣбъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ дать его побольше и въ слѣдующемъ году, ниспослать свою благодать на скотъ и преподать семьѣ дождь, свѣтъ и миръ; кстати тутъ-же проситъ онъ отпустить ето семьѣ всѣ грѣхи и помиловать ее на будущее время. Окончивъ молитву, старшой благословляетъ хлѣбомъ семью, разрѣзаетъ хлѣбъ на кусочки и раздаетъ каждому изъ членовъ семьи по одному куску; получившій долженъ съѣсть лишь половину, а другую половину бросить на печь богамъ; точно такимъ же образомъ поступаютъ и со всѣми яствами и питьями, поставленными на браномъ столѣ, за исключеніемъ, однако, каши. Приступаютъ затѣмъ къ пиву; каждый зачерпываетъ ковшъ и, отливъ нѣкоторую часть въ особый сосудъ, остальное выпиваетъ непремѣнно до

дна. Такимъ образомъ заканчивается несложная религіозно-обрядовая часть праздника, а затѣмъ чуваши приступаютъ къ музыкѣ, пляскѣ, угощенію и пированью до поздней ночи. Жертвоприношенія предъ началомъ ярового и озимаго посѣвовъ („Ой-чукъ" и „Синзя") совершаются совершенно такъ-же и всегда сопровождаются пляскою и весельемъ, тогда какъ жертвоприношеніе Кереметн справляется всегда въ особенно устроенномъ для него мѣстѣ; всѣ три моленья о хлѣбѣ составляютъ дѣйствительные чувашскіе народные праздники, изъ которыхъ главный, исправляемый по окончаніи полевыхъ работъ, „Тора-тырафинъ-чуклесъ", въ ноябрѣ мѣсяцѣ совпадалъ съ началомъ чувашскаго года. Торжественное жертвоприношеніе въ кереметяхъ происходило обыкновенно такимъ образомъ: іомся, прочитавъ очистительную молитву животнымъ, собраннымъ у восточныхъ воротъ, вводилъ ихъ внутрь ограды за морды. За нимъ вно-

Мѣсто для жертвоприношеній у чувашей.

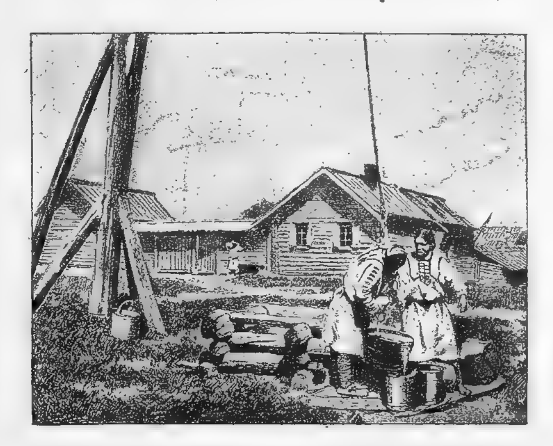
сили воду и поливали ею животныхъ, пока они не вздрагивали, тогда ихъ закалывали, разрѣзали на части, очищали отъ внутренностей и затѣмъ клали куски мяса въ котлы, гдѣ и варили ихъ съ крупою и саломъ. Полагали, что въ парѣ, поднимавшемся изъ котловъ, пребываетъ Кереметь и наслаждается жертвою; тутъ всѣ, держа шапки въ лѣвой рукѣ, просили Кереметь избавить ихъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей и ниспослать имъ все, чего они просятъ. Когда мясо сваривалось, то имъ одѣляли присутствующихъ, а кости и внутренности сожигали, тогда какъ головы, ноги и кожу развѣшивали по деревьямъ до первой ночи, когда іомси во во славу божію стаскивали ихъ съ деревьевъ. Каждый изъ присутствующихъ клалъ затѣмъ или въ дупло, или въ особый ящикъ нѣсколько денегъ, а женщины и въ особенности невѣсты вѣшали на сучья полотно, полотенца, кушаки своей работы и т. п

Сельбища чувашскія и до сихъ поръ сохранили еще свой особенный видъ, вслѣдствіе чисто-этнологическихъ особенностей, отличающихъ чувашей отъ ихъ русскихъ сосѣдей. Чуваши всегда удалялись съ равнинъ и открытыхъ мѣстъ и селились въ лѣсахъ, гдѣ натолкнутся

на оврагъ съ проточною водою (сирма). Вблизи деревни всегда найдется хотя небольшая роща, а все селенiе представляетъ собою форму неправильнаго овала. Въ виду того, что почтенiе къ старшимъ крайне развито у чувашей, живутъ они больше многотягольно и дѣлятся только въ случаѣ крайней на то нужды. Какъ у мордвы, только младшiе члены семьи называются у чувашей по именамъ, тогда какъ при обращенiи къ старшимъ ихъ называютъ не иначе, какъ: дядюшка, братецъ, тетушка и т. п. Для того, чтобы точно узнать настоящее названiе мѣстожительства чувашенина, необходимо справиться прежде, какъ зовутъ его семью, поколѣнiе и родоначальника Какъ и черемисы, чуваши всегда селятся околотками, представляющими собою поселенiе цѣлаго размножившагося и разросшагося рода Издавна пошелъ у чувашей обычай строить избы окнами и переднимъ фасадомъ на востокъ, и до сихъ поръ еще не оставили они своего стародавняго побыта жить въ курныхъ избахъ, хотя съ 1839 года и старалось начальство всячески прiохотить ихъ къ устройству бѣлыхъ, некурныхъ жилищъ. И смрадно, и черно, и какъ-то тяжко войти въ чувашское жилище; стѣны всѣ блестятъ отъ приставшей къ нимъ копоти, дышится какимъ-то угаромъ. Полъ не настилается здѣсь, а творится изъ битой глины, но чуваши не дошли до малорусской чистоплотности, а потому и приходится у нихъ по полу ходить, что по болотинѣ, норовя не попасть бы въ грязную лужу. Кругомъ всей горницы пристроены широкiя нары, такъ, чтобы человѣку безъ труда можно было увлечься да выспаться, а подъ нарами устроено подполье, куда запихиваютъ всякiя болѣе или менѣе цѣнныя вещи и по части одежды, и по части домашняго хозяйства При самомъ входѣ въ избу, съ правой стороны, устраивается чуланъ, съ лѣвой-же стороны прорублено волоковое окно съ деревянною закрышкою, куда ставятся во время поминокъ свѣчи. Печь опять таки смастерилъ чувашенинъ изъ битой глины, такъ какъ до дѣланiя обожженныхъ кирпичей, видно, еще умомъ не дошелъ, а надъ печью устраивается отверстiе для дыма, хотя иногда невзыскательный хозяинъ обходится и безъ него: нужды нѣтъ, глаза дымъ поѣстъ для здоровья. Зачастую стекла съ успѣхомъ замѣняетъ коровiй пузырь, почему въ избѣ какъ-то особенно темно и неприглядно. Вблизи отъ дома помѣщается нѣсколько амбаровъ, которые зачастую куда пригляднѣе на видъ, нежели самое жилье, и выводятся даже въ два этажа. И живетъ-то чувашенинъ плохо, и потребности его куда ужь не широки, а рѣдкiй дворъ обойдется безъ пивоварни; даже и бѣднякъ сворочаетъ хоть плохонькую, гдѣ-нибудь въ уголку, а богатый такъ и такую справитъ, что подумаешь — заводъ цѣлый. И идетъ у чувашей война съ доглядливыми акцизными чиновниками, которые также не хотятъ понять, что чувашенинъ немыслимъ безъ своего, некупленнаго пива, а онъ, въ свою очередь, никакъ понять не можетъ, изъ-за чего „ярмакынъ-чиновникъ“, т.-е. чиновникъ-деньги, не хочетъ оставить его въ покоѣ съ его пивоварней. У болѣе зажиточныхъ найдется и навѣсъ надъ пивоварнею, а вблизи и погребъ найдется ради должнаго удобства при варенiи, а все это именуется въ „Положенiи“ пивоваренньмъ заводомъ. Лѣтомъ живутъ чуваши въ лѣтникахъ или избахъ безъ конопатки, при чемъ, какъ ни толкуютъ про нихъ, что они народъ осѣдлый, тѣмъ не менѣе, сильно смахиваютъ на кочевниковъ; тутъ пекутъ они хлѣбъ и готовятъ пищу на очагѣ, устроенномъ посреди лачуги, съ треногой, на которой подвѣшенъ котелъ. Кругомъ стѣнъ установлены лавки; около двери стоитъ столъ, а кругомъ стола примощены чурбаки, служащiе вмѣсто лавокъ и стульевъ; тутъ-же, напротивъ входной двери въ лачугу, находится и другая дверь, идущая въ чуланъ, гдѣ хранится немудрое богатство семьи чувашской.

Одежда чувашская, если оглядывать ее на мужикѣ, то лишь подробностями отличается отъ русской; шьетъ себѣ чувашенинъ кафтанъ изъ сѣраго мужицкаго сукна и притомъ откладного воротника не любитъ, а обшивается лишь кафтанъ черною тесьмою для красы-басы, для женскаго глаза. Лапотки носитъ самодѣльные и мастеръ ихъ налаживать въ семерную даже подковырку, т.-е. 7 разъ по одному и тому-же мѣсту лыко подведетъ, а все лапоть замѣсто рукавицы на руку просится, такъ онъ тонокъ и красивъ съ виду; онучи носятъ „вирьялы“

черныя, тщательно перевитыя бичевками, а „атры“—бѣлыя. Рубахи дѣлаются на общій черемисско-мордовскій маперъ съ шитьемъ и прикрасами; на ноги во время страдныхъ работъ надѣваютъ, какъ мужчины, такъ и женщины, особаго рода кожаные чулки, поверхъ которыхъ уже подвязываютъ лапти. Понятное дѣло, что въ праздникъ или, напримѣръ, на свадьбу чувашенинъ надѣваетъ рубаху такую, что подумаешь — на ней не рисунокъ вышитъ, а вплоть ее паукъ паутиной оплелъ, да еще на него накинетъ ожерелье изъ монетъ, чего русскій человѣкъ никакъ безъ смѣха вынести не можетъ. Шапка на головѣ обыкновенно русская, а по праздникамъ, и зимою, и лѣтомъ, прѣетъ чувашенинъ въ теплой зимней шапкѣ своей для ради моды и баскости. Хотя бабій нарядъ и разнится по мѣстностямъ, все-же, однако, можно чувашенку сейчасъ отличить отъ другихъ инородокъ только по особенностямъ ея костюма. Крещеныя чувашенки носятъ прежде всего лапти — „сибада“, а подъ ними онучи — „тала“ изъ чернаго сукна, на-туго перевязанныя оборкою; толсто накрутитъ она ихъ себѣ на ноги и ходитъ какъ на бревнахъ и радуется, что по чувашскому вкусу ноги свои справила. Великій стыдъ и грѣхъ ходить, какъ русскія бабы ходятъ, босоногими, да и вообще мужчина не долженъ смотрѣть бабьи ноги; даже спать онѣ ложатся въ онучахъ, почему и страдаютъ зачастую очень скверною болѣзнью на ногахъ, являющеюся вслѣдствіе вѣчнаго тепла. Юбка—„хысъ“, преимущественно дѣлаемая изъ холстинки, спускается ниже колѣнъ и обшивается тесемками—сѣрою, бѣлою, синею и золотою. На юбкѣ вшитъ передникъ — „сапанъ“ съ нагрудникомъ и съ особою подвязью изъ темнаго коленкора, висящею сзади и состоящею изъ 4 отдѣльныхъ продолговатыхъ кусковъ, длиною приблизительно въ четверть, съ концами, обшитыми бахромкою. На станъ надѣвается лифъ — „шобръ“ съ длинными рукавами въ сборкахъ, обшитыми галуномъ и скрывающими совершенно руки; сзади лифъ вышитъ тесьмою, галуномъ и шнурками и кончается мысомъ; лифъ подвязанъ поясомъ — „писихи“ или „писи“, который дѣлается обыкновенно изъ шерсти и два раза обвиваетъ талію, опускаясь съ правой стороны по ногѣ внизъ; съ лѣвой стороны подъ поясъ поддергивается и виситъ бѣлый платокъ. Обыкновенно дѣлаютъ лифъ изъ темнаго коленкора, а рукава и передникъ изъ ситца, при чемъ цвѣтъ выбирается покраснѣе, съ желтыми цвѣтами, да и вообще побросче, что торговцы знаютъ и приберегаютъ на чувашскую руку, какъ разъ имъ по вкусу. Невѣсту поверхъ платья покрываютъ прямою накидкою изъ бѣлаго холста, съ оборкою изъ краснаго-прекраснаго ситца. Эту оборку обводятъ кругомъ всей накидки, а сзади, повыше первой пришивается еще и другая обшивка, по бокамъ которой пришиты такіе-же точно квадратики изъ ситца. Иная затѣйница украситъ еще свое покрывало—„хозасытъ“ у горла разными украшеніями изъ краснаго шнурка. Дѣвушки на головѣ не носятъ ничего, а женщины надѣваютъ все тотъ-же „масмакъ“, покрывающій макушку и привязанный или приколотый у косы; на самый лобъ и притомъ поверхъ масмака надѣвается „хошпа“, нѣчто въ родѣ плоскаго кокошника, унизаннаго въ три или четыре ряда мелкими монетами, при чемъ вверху идетъ рядъ пятачковъ, затѣмъ гривенниковъ и т. д. Въ уши или вдѣваютъ, или прицѣпляютъ серьги—„хульгасыкъ“, состоящія изъ ряда монетъ, пришитыхъ одна подъ другою къ ремню; верхнія монеты обыкновенно меньше

Чувашскія женщины у колодца.

нижнихъ, а къ нижнему концу ремня придѣланы три мѣдныя проволоки съ прицѣпленными къ нимъ четвертаками. Работа серегъ, крайне грубая, угождаетъ лишь чувашскому вкусу, такъ что ни одна мордовка такихъ серегъ не надѣнетъ. Иногда серьги эти разнообразятся еще тѣмъ, что къ ремню, надѣваемому на ухо, придѣлывается 6—7 проволокъ изъ серебра, которыя загибаются на затылокъ — „алга" и торчатъ стоймя подъ ухомъ, мѣшая поворачивать голову и упираясь въ шею несчастной модницѣ. Вкругъ шеи также надѣвается ремень—„ама", унизанный сплошь мелкою монетою; заходя на затылокъ, монеты постепенно становятся еще мельче, а на груди по размѣрамъ доходятъ до цѣлковаго. Кромѣ ама, на грудь надѣвается еще украшеніе, состоящее изъ двухъ кожаныхъ квадратовъ, пришитыхъ къ полотну и надѣваемыхъ на шею; квадраты эти опять таки усѣяны самыми мелкими серебряными копѣйками, пятачками, гривенниками и т. п. По краямъ эти квадраты или „шульгемэ" обшиты бѣлымъ и краснымъ бисеромъ, а снизу раковинами и ужовками; въ довершеніе парадности костюма, на шею надѣвается нѣсколько бусъ, на концѣ которыхъ виситъ большой мѣдный старинный крестъ. Некрещеныя чувашенки одѣваются почти также, но какъ-то чаще встрѣчаются между ними кожаные башмаки и чулки; на головѣ у нихъ обыкновенно надѣто покрывало изъ бѣлаго холста, закрывающее отчасти плечи и ниспадающее на грудь, заканчиваясь кожанымъ клиномъ; къ этому клину пришиты кораллы и разныя побрякушки; на шеѣ помѣщается масса бусъ, которыя заканчиваются на груди не крестомъ, а цѣлковымъ или полтретьемъ старинной чеканки. Поверхъ покрывала надѣвается шапка — „хошпа" въ родѣ шлема; сдѣлана эта шапка изъ кожи и на макушкѣ заканчивается чѣмъ-то въ родѣ усѣченнаго конуса; спереди хошпа опускается совершенно на лобъ, а съ боковъ у нея придѣланы особыя подвязки для пристегиванія подъ подбородкомъ; позади шапки виситъ довольно длинный ремень. Верхъ шапки вышитъ краснымъ, синимъ и бѣлымъ крупнымъ бисеромъ, который книзу становится все крупнѣе, переходитъ въ бусины и, наконецъ, въ старинную серебряную монету; подвязки унизаны пятачками, такъ-же точно, какъ и налобникъ Что касается до задняго ремня, то онъ весь унизывается въ нѣсколько рядовъ мѣдными старинными монетами; тутъ для нумизматика представляется весьма обширное поле, такъ какъ нерѣдко на этомъ своеобразномъ чувашскомъ украшеніи можно найти крайне рѣдкія монеты, медали и жетоны Дѣвушки некрещеныхъ чувашей носятъ на головѣ очень красивую шапочку въ родѣ тюбетейки, съ чешуею, бисеромъ и монетами—„тохья". Полный костюмъ чувашской женщины, не особенно притомъ роскошный, стоитъ отъ 50 до 75 рублей, тогда какъ намъ самимъ случалось видѣть, правда, у очень богатыхъ некрещеныхъ чувашенокъ, однѣ хошпы, которыя стоятъ 80—100 рублей, и шульгемэ—цѣною отъ 100 до 150 рублей. Понятно, что теперь, въ нашъ практичный вѣкъ, и къ чувашенкамъ проникаетъ идея о безполезности „мертваго" капитала, а потому чаще и чаще попадаются въ обращеніи продыравленныя деньги, и стародавнія украшенія становятся годъ отъ году скромнѣе, пока нужда и стремленіе къ наживѣ не заставятъ чувашенку истратить послѣдній подвѣшенный къ шульгемэ гривенникъ, а кстати распродать и свой переносный нумизматическій кабинетъ.

Ѣстъ чувашенинъ хоть и не роскошно, а все-же лучше русскаго, вслѣдствіе своей большей зажиточности. Ѣстъ онъ и облюбовалъ издавна — „шурбе", которую всякая чувашенка готовитъ въ видѣ похлебки изъ говядины или рыбы; рыбу тутъ чистить не любятъ, потому съѣдятъ-де и такъ, да и вообще лучше не смотрѣть на чувашскую кухню, такъ какъ зачастую варка идетъ въ томъ же котлѣ, изъ котораго только что налокалась собака или въ которомъ только что помыли юнаго, обмусленнаго чувашенина. „Яшка" также не мало извѣстна по всей чувашской землѣ и варится въ видѣ супа изъ крупъ и говядины; понятное дѣло, что если въ мясѣ недохватъ, то приходится обойтись и безъ него, и тогда въ яшку накладываютъ свекольной или огуречной ботвы, да забѣлятъ ее молокомъ, смотря по вкусу; иногда въ яшку кладутъ и капусту, и муки, а въ праздничные дни не пожалѣютъ и курицу съ чеснокомъ. Не

прочь чувашенинъ поѣсть и свой, хотя и не совсѣмъ народный, а все-же не менѣе того полюбившійся ему—„хоплу" или пирогъ съ курицею, а, за неимѣніемъ ея, и съ другою какою-

Чуваши въ окрестностяхъ Цивильска.

либо живностью. „Коккыль" не то, что хопла, и соотвѣтствуетъ скорѣе нашему пирогу съ говядиной, горохомъ или морковью. Любитъ чувашенинъ и пюре картофельное, приготовляе-

мое въ родѣ драчены и называемое „нымырь“, а также и „хыймаллу“ или тонкія сдобныя лепешки, поджариваемыя на сковородкѣ въ маслѣ. Коли захочетъ чувашенинъ угостить гостя, то всенепремѣнно сваритъ ему „сюмахъ“ или небольшія ячневыя круглыя лепешки, которыя варятся въ яшкѣ вмѣстѣ съ салмою; ихъ вынимаютъ изъ жижи деревянными спицами и со спицъ уже отправляютъ въ ротъ. Наша всероссійская каша также не забыта и чувашами, которые знаютъ ее подъ названіемъ „путу“. Чисто-народнымъ блюдомъ чувашскимъ слѣдуетъ по всей справедливости признать „йигечь“ — нѣчто въ родѣ сыра изъ творогу и волжскую бѣшенку („сяврянъ-поль“), отъ которой, впрочемъ, въ минуту жизни трудную не отвернется и русскій нашъ крестьянинъ. На закуску при парадныхъ ѣдахъ подаетъ хозяйка „ширтанъ“— очень вкусную колбасу изъ баранины, поджаренную въ маслѣ на сковородкѣ. Хлѣбъ чуваши пекутъ не по нашему, а любятъ, чтобы онъ былъ покислѣе, а потому и затираютъ муку ячневую и ржаную на сывороткѣ. Кваса у чувашей нѣтъ, но они съ успѣхомъ замѣняютъ его „ойраномъ“ — квашенымъ молочнымъ питьемъ, не настолько противнымъ на вкусъ, чтобы пить его было невозможно; но за то поневолѣ подивишься выносливости чувашскаго желудка, когда невзначай поѣшь съ ними „болдрана“, который приготовляется изъ искерды, борщовника съ прибавленіемъ молока и масла, — подобной бурды не переваритъ ни одинъ сколько-нибудь цивилизованный желудокъ. Въ праздничные дни угощаются чуваши пивомъ, сыромъ и виномъ — „эрекомъ“, которое гонятъ даже и изъ картофеля. Некрещеные чуваши и до сихъ поръ не чураются конины, да и свинину стали теперь съ каждымъ годомъ чаще употреблять въ пищу. Ѣстъ чувашенинъ три раза въ день, хотя пищу готовятъ всего лишь два раза; завтракъ называется по-чувашски—„ирьги-абатъ“, обѣдъ—„кундурги-абатъ“, а ужинъ—„кась-хи-абатъ“.

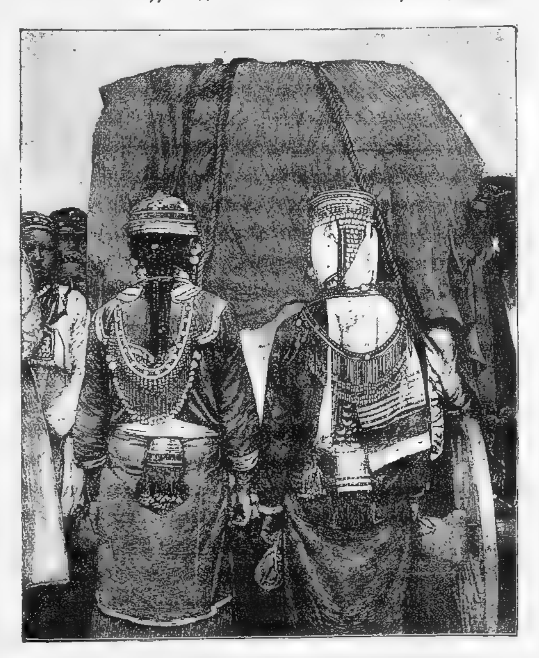
Годъ свой чувашенинъ начинаетъ съ 15 ноября, и новогоднее торжество совпадаетъ у нихъ съ праздникомъ „кюръ-сыры“, справляемымъ по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ; всѣхъ мѣсяцевъ 13, по двадцати восьми дней въ каждомъ; излишній день считается отдѣльно и есть именно 15 ноября. Названія этихъ мѣсяцевъ крайне характеристичны. Первый мѣсяцъ есть мѣсяцъ поминовенія умершихъ—„йоба-ойхъ“; второй—мѣсяцъ жертвы, или „чукъ-ойхъ“; третій—„мунъ-кырлачь-ойхъ“, или большой леденящій мѣсяцъ; четвертый—„кызинь-кырлачъ-ойхъ“, или малый леденящій мѣсяцъ; пятый — „норысь-ойхъ“, или мѣсяцъ обновленія; шестой—„пожа-ойхъ“, или порожній (отъ работъ) мѣсяцъ; седьмой—„агча-ойхъ“, или мѣсяцъ пахоты; осьмой—„сю-ойхъ“, или мѣсяцъ лѣта; девятый—„хирь-ойхъ“, или мѣсяцъ невѣсты; десятый—„уда-ойхъ“, или мѣсяцъ сѣнокоса; одиннадцатый—„серла-ойхъ“, или мѣсяцъ серпа; двѣнадцатый—„йидынь-ойхъ“, или мѣсяцъ льна, и, наконецъ, тринадцатый—„авынь-ойхъ“, или мѣсяцъ овиновъ.

Какъ наработается чувашенинъ вволю, такъ и спится ему хорошо, а все онъ норовитъ устроить свое ложе какъ-нибудь попокойнѣе; лѣтомъ спятъ они, конечно, гдѣ попало, и только дѣвушки избираютъ себѣ подъ боковушу амбаръ, гдѣ и раскладываютъ „тюжекъ“ или перину съ длинными, мѣшкообразными подушками — „сидаръ“; дѣло въ томъ, что это ихъ приданое и берегутъ онѣ его пуще зеницы ока. Женатые также спятъ на перинахъ, ложатся врозь головами, а остальные не отказываются отъ войлока, кошмы и даже зачастую отъ рванаго кафтанишки. Ребятишки валяются вповалку, и надо быть „хора“, т.-е. молодцомъ, для того, чтобы имѣть опредѣленный для спанья разъ навсегда уголъ. Интересно, что „хора“, собственно говоря, значитъ черный, и вмѣсто нашего „добрый молодецъ“ и „красная дѣвушка“ чуваши говорятъ: „хора Петоръ“ и „хоря хирь“; даже обращаясь къ народу, чувашенинъ иначе не называетъ его, какъ чернымъ народомъ. Русскіе въ шутку всѣхъ чувашей называютъ Васильями Ивановичами.

Въ отношеніяхъ своихъ къ семейству чувашенинъ представляетъ нѣсколько весьма характерныхъ и интересныхъ чертъ; такъ, напримѣръ, на жену свою онъ смотритъ, какъ на чело-

вѣка, котораго онъ долженъ любить, такъ какъ она работаетъ за одно съ нимъ, а подчасъ даже и больше его; всегда радъ онъ потѣшить жену покупкою обновы или какого-нибудь украшенія.

Жена въ домашнемъ дѣлѣ всегда имѣетъ право голоса и высказываетъ безбоязненно свое мнѣніе, хотя-бы оно и шло въ разрѣзъ съ мнѣніемъ мужа и хозяина; а съ рожденіемъ первенца она пріобрѣтаетъ еще больше значенія, и ее иначе не называютъ, какъ „мать такого-то". Договоры исполняются чувашами весьма добросовѣстно, а при заключеніи договора они пожимаютъ другъ другу руку; такой стимулъ заключенія договора считается гораздо дѣйствительнѣе всякаго нотаріальнаго акта. Въ подтвержденіе истины своихъ словъ чувашенинъ не задумается дать весьма страшную присягу, а именно перешагнуть черезъ горящій колъ изъ керемеки и сказать: „пусть я высохну, какъ этотъ колъ", и даже лечь на землю, поцѣловать ее и выпить стаканъ вина или съѣсть кусокъ посоленнаго хлѣба; иногда чувашенинъ для доказательства истины своихъ словъ беретъ ртомъ кусочекъ хлѣба, подаваемаго ему іомсею на самомъ остріѣ ножа, а вѣдь, если бы онъ говорилъ неправду, то священный ножъ моментально заколол бы! Видимое дѣло, что чувашенинъ не можетъ не быть полонъ предразсудковъ и суевѣрій.

Чувашки.

Бѣда, напримѣръ, если навстрѣчу въ пути попадется баба съ пустыми руками, а еще хуже того, если она идетъ, съ грязнымъ бѣльемъ, на рѣку; лучше переждать, чтобы она свое бѣлье вымыла, и тогда уже попасться ей навстрѣчу, такъ какъ такая встрѣча, какъ и встрѣча съ возомъ, предвѣщаетъ удачу. Хорошо также передъ началомъ всякаго дѣла обойти вокругъ священнаго дуба. Зачешется свинья объ уголъ — хорошая будетъ погода, а такъ и жди ненастья, если вздумается кошкѣ потереться объ столъ; скотину считать не годится, да и соль тоже высыпать не ладно.

Живутъ чуваши ни скучно, ни весело, а только отъ праздничныхъ удовольствій не отказываются; справляютъ они и христіанскіе праздники, и свои языческіе; веселятся, пожалуй, больше нашихъ русскихъ крестьянъ, такъ какъ въ одиночку веселиться чувашенинъ не любитъ, а норовитъ всякій праздникъ отбыть на міру и притомъ всенепремѣнно въ складчину: оно и веселѣе, да и карману много способнѣе. Въ виду того, что женщины у чувашей не только не чуждаются мужчинъ, а даже, вообще, по характеру своему, крайне общительны, и на пирушкахъ чувашскихъ какъ-то веселѣе себя чувствуешь. Одною изъ самыхъ любимыхъ игръ у нихъ слѣдуетъ признать такъ-называемую „лычки", состоящую въ раздачѣ на руки играющимъ концовъ отъ пука лыка, при чемъ та пара, у которой оказались концы отъ одного лыка, должна поцѣловаться; жмурки со жгутомъ также облюблены чувашами, и лѣтомъ постоянно можно увидѣть молодежь, играющую въ эту игру.

На Рождествѣ чуваши наряжаются въ самые замысловатые костюмы, пробуютъ силу, кто

кого перетянетъ, и сказываютъ другъ другу сказки о какомъ-нибудь богатырѣ или „черной дѣвицѣ“. Изъ инструментовъ чуваши употребляютъ всего охотнѣе пузырь или волынку („шыбырь“), гусли, гудокъ, дудку и позднѣйшіе: гармонію, балалайку и скрипку. Наиболѣе древній — и вѣроятно народный инструментъ — есть пузырь, достигающій весьма разнообразныхъ размѣровъ. Пузырьщикъ всегда отожествляется съ колдуномъ и является, слѣдовательно, по народному представленію, вѣщимъ; на свадьбахъ онъ играетъ главную роль, а на праздникахъ всякій старается услужить ему всячески, только-бы не вздумалось ему приворожить къ себѣ какую-нибудь дѣвушку. Бываетъ, что сойдутся нѣсколько пузырьщиковъ, и тогда между ними возникаетъ состязаніе: тутъ отвѣчаютъ уже легкія и искусно сдѣланный инструментъ, который иногда дѣлается на 8 тоновъ; играть на такомъ шыбырѣ сможетъ не всякій, а потому хорошій шыбырникъ и цѣнится всѣми и извѣстенъ бываетъ по цѣлому уѣзду.

Чуваши представляютъ собою типъ заботливаго домохозяина и трудолюбиваго хлѣбопашца; кромѣ того уже, что у нихъ существуетъ какая-то врожденная наклонность къ земледѣлію, оно идетъ у нихъ успѣшнѣе уже и потому, что поля ихъ всегда расположены поближе къ дому, а потому и удобрять ихъ они могутъ такъ, какъ никогда не удобритъ своего дальняго поля русскій; навозитъ землю чувашенинъ, вполнѣ сознавая всю пользу удобренія, а чрезвычайная наблюдательность дѣлаетъ его въ глазахъ его сосѣдей какимъ-то колдуномъ, знающимъ „все по небесному“, т.-е.—когда надо посѣять и когда начать пожинъ. Пашутъ они больше косулями и негодную великорусскую сошенку давнымъ-давно бросили. Къ ноябрю со всѣмъ хлѣбомъ уже окончательно убрались, и онъ сложенъ въ зернѣ въ амбарахъ, а для „птички Божьей“ оставлено по снопу изъ скирда, чтобы и на будущій годъ уродилъ Богъ на ея и на людскую долю. Зачастую, когда своими силами, видимо, нельзя управиться, — созываютъ чуваши „помочь“, которая не дешево становится хозяину. Нарѣзка полей производится у чувашей не ежегодно, а лишь непосредственно вслѣдъ за переписью, такъ что всякій чувашенинъ и каменья успѣетъ выбрать со своего поля, и всячески улучшить землю; сѣютъ они хлѣбъ по трехпольной системѣ, никогда не тратятъ зерна косьбою и только яровое молотятъ телѣгами, а остальное—цѣпами. Чаще всего они обдѣлываютъ зерно въ муку и тогда уже вывозятъ его на базаръ въ своихъ кожаныхъ мѣшкахъ — „пютре“. Въ послѣднее время среди чувашей стали появляться мелкіе торговцы, на большое же дѣло они не рискуютъ, идя лучше на малый, да за то вѣрный барышъ, и только кое-гдѣ завели свои баржи, на которыхъ по подряду сплавляютъ хлѣбъ.

Огородами чуваши занимаются лишь по нуждѣ и садятъ картофель, капусту, огурцы, рѣдьку, рѣпу, свеклу, морковь, лукъ, чеснокъ, бобы, горохъ и хмѣль (послѣдній въ очень большомъ количествѣ); чувашенинъ ямщичитъ на большой дорогѣ, рыбачитъ на рѣкѣ и озерѣ и охотится всячески въ лѣсу на звѣря и птицу и только на ремесла онъ плохъ, кромѣ лаптей да щепеннаго дѣла. Не менѣе мужчинъ любятъ трудъ и женщины, которыя, пожалуй, еще лучше мужика справляютъ всякую работу и подлѣ дома, и въ полѣ. Прежнее обиліе скота теперь стало уже въ диковину, и съ каждымъ годомъ чувашенинъ все болѣе и болѣе перестаетъ быть скотоводомъ ради того, чтобы сдѣлаться примѣрнымъ земледѣльцемъ.

Все заставляетъ предполагать, что у чувашей многоженство было укоренившимся обычаемъ, который только еще болѣе усилился подъ давленіемъ болгарскаго вліянія; до сихъ поръ еще чуваши-язычники, если жена оказывается непригодною къ работѣ, преспокойно изгоняютъ ее изъ дому и женятся на другой, нисколько не заботясь объ изгнанной женѣ и оставляя лишь дѣтей ея у себя. Роскошно въ физіологическомъ отношеніи сложенная, здоровая и дѣятельная чувашенка рожаетъ дѣтей съ крайнею легкостью, которой могутъ позавидовать всѣ ихъ сосѣдки, не исключая и легкородыхъ мордовокъ. Тотчасъ послѣ рожденія юнаго чувашенина посылаютъ родители за іомсею, который тщательно умываетъ ребенка въ корытѣ, разбиваетъ надъ головою его два сырыхъ куриныхъ яйца, отрываетъ точно также голову живому пѣтуху

и все выбрасываетъ за ворота въ жертву Кереметн. Послѣ этого крайне интереснаго обряда іомся шепчетъ надъ водою, предсказываетъ на водѣ судьбу ребенка, нарекаетъ ему имя и передаетъ бабкѣ; тутъ непремѣнно должна находиться другая женщина, которая тотчасъ же надѣваетъ на ребенка рубаху и передаетъ матери для перваго кормленія. У почтенной изслѣдовательницы чувашъ, Фуксъ, приведены слѣдующія имена чувашскія: мужскія: Охтіоръ, Отриванъ, Добрисъ, Дедюкъ, Илюкъ, Охливанъ, Имюкъ, Ярухъ, Салесыкъ, Ишмень, Плытъ, Кормы, Урасъ, Масыкъ, а женскія: Салыдыдь, Сарба, Уллейкъ, Сандябэ, Шехеркъ, Сэшма, Сачабы, Ильгэбы, Тывэрбы, Иллейкъ, Кулбыкэ, Оккэ, Эльнимэ, Ходабъ, Алыбэчъ и др.; къ сожалѣнію, всѣ эти имена у г-жи Фуксъ невѣрно записаны, и мы позволили себѣ поправить ея ошибки со словъ народа. Обыкновенно ребенка заворачиваютъ въ тряпки, а подсыпаютъ древесною толченою гнилушкою; затѣмъ юный чувашенинъ укладывается вплотную въ лубки, чтобы, по

Чуваши.

мнѣнію родителей, выпрямить ему руки и ноги, и накрѣпко увязываютъ эти лубки бичевою. Люльки дѣлаютъ обыкновенно круглыя изъ такихъ-же лубковъ, при чемъ снизу дно сплетено изъ веревокъ, а только бока лубочные; люльку прикрѣпляютъ къ смыку—,,тмыкъ", т.-е. къ пригнутой нѣсколько палкѣ, которой мать сообщаетъ колебательное движеніе вверхъ и внизъ; слѣдуетъ сознаться, что такое движеніе гораздо здоровѣе боковой качки у русскихъ матерей, и кромѣ того, гибкость и упругость палки даетъ послѣдней возможность по инерціи долго продолжать движеніе, что въ свою очередь даетъ матери возможность заняться чѣмъ-нибудь постороннимъ, лишь время отъ времени покачивая ,,тмыкъ". Никогда не употребляютъ чувашенки соска или рожковъ, полагая, что оба эти способа вредятъ здоровью ребенка; пеленанье въ лубки прекращается уже на пятомъ мѣсяцѣ, и на ребенка надѣваютъ рубаху съ краснымъ воротникомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его начинаютъ и прикармливать, т.-е. даютъ пережеванный хлѣбъ съ яйцами и молокомъ, которымъ онъ и питается до тѣхъ поръ, пока не начнетъ ходить. Чтобы ребенокъ не мѣшалъ ей во время какой-нибудь спѣшной работы, мать опоясываетъ его веревкою, конецъ которой привязываетъ къ столу или къ печкѣ такъ, чтобы ребенокъ могъ

возиться на извѣстномъ пространствѣ, но былъ бы обезпеченъ отъ паденія или опасныхъ для него предметовъ. Едва лишь прорѣжутся у него зубы, какъ мать требуетъ, чтобы онъ сидѣлъ за общимъ столомъ, и кормитъ его преимущественно разными кашицами, а также и творожнымъ сыромъ. Не минетъ ребенку и 9 лѣтъ, какъ онъ помогаетъ уже матери прясть и возиться по домашнему хозяйству; лѣтъ въ 10 мальчикъ уже боронитъ, плететъ лапти и пасетъ стада и табуны, а въ 14—15 лѣтъ выѣзжаетъ на пахоту, ѣздитъ въ лѣсъ за дровами и мастеритъ всякую домашнюю работу. Въ 18 лѣтъ малый уже совершенно взрослый и начинаетъ задумываться о женитьбѣ; дѣвочки въ 12 лѣтъ помогаютъ матери вышивать, а къ 15 годамъ уже ткутъ, моютъ бѣлье и готовятъ пищу, но замужъ ихъ выдавать подумаютъ лишь гораздо позже, такъ какъ всякій чувашенинъ желаетъ имѣть жену здоровую, вполнѣ развившуюся, работящую и вполнѣ готовую къ дѣторожденію; случается, и притомъ очень часто, что малый лѣтъ 20 женится на дѣвушкѣ тридцати лѣтъ все съ тою-же цѣлью.

Еще на посидѣлкахъ, да и такъ на игрищахъ спознаются парень съ дѣвкою; иногда родители ничего еще и не знаютъ, какъ у молодежи все уже рѣшено и подписано. Понятное дѣло, что мало еще увидать дѣвушку и плѣниться ею за счастливую внѣшность, а слѣдуетъ еще присмотрѣться къ тому, какая изъ нея жена выйдетъ; въ силу этого парни ухаживаютъ за бабами изъ родни своей, просятъ ихъ совѣта и поддержки, а эти послѣднія приглашаютъ дѣвушекъ къ себѣ, и тутъ-то на дѣлѣ знакомится парень съ талантами своей зазнобы. Дѣвушка отлично знаетъ, зачѣмъ зовутъ ее въ гости, а тутъ еще ее угощаютъ разными сластями и подводятъ такой разговоръ, чтобы она высказала свой образъ мыслей, такъ какъ женихъ сидитъ тутъ-же и наматываетъ себѣ на усъ всякое слово дѣвушки; наглядѣвшись вдоволь, парень угощаетъ и доброхотокъ своихъ и тутъ-же рѣшаетъ, пойдетъ онъ сватать или нѣтъ. Иногда, недовольный этою пробою, онъ подъ видомъ торговца отправляется въ ея деревню, является къ ея родителямъ въ домъ и снова приглядывается къ манерамъ и побыту своей избранницы. Наконецъ, высмотрѣвъ все доподлинно и убѣдившись въ томъ, что дѣвушка вполнѣ соотвѣтствуетъ его требованіямъ, парень начинаетъ сватанье, а скоро послѣ того назначается и свадьба, которую преимущественно подгоняютъ ко времени хлѣбнаго цвѣта, между Петровымъ и Ильинымъ днями, дабы цвѣло и счастье молодыхъ.

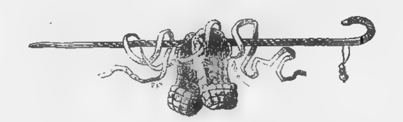
Не успѣетъ угомониться чувашенинъ и отойти въ ту страну, гдѣ „нѣсть болѣзнь, ни печаль", какъ одна изъ его родственницъ разбиваетъ надъ его головою два яйца и отрываетъ голову пѣтуху, въ качествѣ умилостивительной жертвы злымъ духамъ, которые могутъ помѣшать несчастному добраться безъ помѣхи до этой блаженной страны. Покойника выносятъ на дворъ и моютъ; затѣмъ его одѣваютъ въ лучшее платье и кладутъ въ гробъ въ шапкѣ и рукавицахъ; за щеки ему закладываютъ табаку и денегъ, а уши, носъ и ротъ затыкаютъ накрѣпко шелкомъ, чтобы поневолѣ пришлось ему отвѣчать на томъ свѣтѣ, что онъ ничего не слыхалъ и не знаетъ. Хоронятъ обыкновенно на первый же день, какъ вслѣдствіе издавна укоренившагося обычая, такъ и вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія; подъ покойника еще до прихода священника успѣютъ потихоньку подложить и тавлинку, и табакъ, и вина, и пива, и топоръ, и пузырь, если покойникъ былъ мастеръ играть на этомъ инструментѣ, и даже деньги, а бабамъ: иглы, нитки, ленъ, холстъ и проч. Коли покойникъ отличался при жизни какимъ-нибудь особеннымъ уродствомъ, то гробъ заколачиваютъ покрѣпче, да припустятъ еще на него и желѣзный обручъ; иногда даже и самихъ покойниковъ, для вѣрности, приколотятъ ко гробу гвоздиками. Когда покойника выносятъ изъ избы, то вслѣдъ ему бросаютъ зажженное тряпье и обливаютъ водою раскаленный камень, провидя въ дымѣ и парѣ улетучивающуюся душу покойника. Изъ дому на кладбище покойника всегда везутъ на саняхъ съ колокольчиками; на кладбищѣ вырываютъ яму, втыкаютъ въ головахъ и въ ногахъ могилы два кола и прикрѣпляютъ къ послѣднимъ свѣчи. Покойникъ кладется лицомъ на востокъ и теменемъ на западъ. Затѣмъ родственники прощаются съ покойнымъ, просятъ кланяться всѣмъ

прежде умершимъ на томъ свѣтѣ, ѣдятъ, пьютъ и всего отливаютъ и отламываютъ на могилу покойнику. Похоронивши человѣка, всѣ домашніе должны начисто вымыться и перемѣнить платье, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, покойникъ есть нечисть, неугодная богамъ.

Любитъ чувашенинъ почтить своихъ покойниковъ памятью; такія поминки бываютъ: семейныя, случайныя и, наконецъ, общія. Семейныя поминки справляются на третій, седьмой и сороковой день, а для случайныхъ — времени особеннаго не обозначено и устройство ихъ зависитъ хотя-бы, напримѣръ, отъ того, что кто-нибудь почувствуетъ боль въ желудкѣ и рѣзь въ поясницѣ или наоборотъ; обѣ болѣзни приписываются тому, что покойники просятъ поминовенія; если случится увидать во снѣ покойника вмѣстѣ съ какимъ-нибудь изъ имѣющихся у хозяина дома животныхъ, то животное это тотчасъ же приносится въ жертву покойному, такъ какъ иначе оно зачахнетъ и рано или поздно, а все-же попадетъ въ руки усопшаго. Общія поминки всегда справляются въ Семикъ, въ мѣсяцъ поминовенія усопшихъ и въ 3-й день нашей Пасхи. До сорокового дня вся семья, такъ сказать, носитъ трауръ, т.-е. не носитъ цвѣтного, не поетъ пѣсенъ и мужья не спятъ съ женами. У богатыхъ поминки справляются каждый четвергъ вплоть до сорокового дня; за ѣдою, состоящею изъ разныхъ блюдъ, кромѣ мясныхъ, всѣ отдѣляютъ куски и отливаютъ пива въ особую чашку, которую потомъ отдаютъ собакамъ, принявшимъ, по убѣжденію чувашей, на время духъ умершаго родственника; во время столованья, у волокового окна и у чашекъ горятъ восковыя свѣчи, а угощеніе продолжается до самаго утра. Въ сороковой день приглашается іомся, и кто-либо изъ старшихъ въ семьѣ закалываетъ моленую скотину въ честь покойника; мясо варятъ, отпускаютъ іомсѣ и половину всего изготовленнаго берутъ съ собою на кладбище. Прибывши на родную могилку, каждый изъ участниковъ привѣтствуетъ покойнаго и угощаетъ его разными яствами и питьями, кладя ихъ и поливая на насыпь; не всегда, однако, покойный охотно принимаетъ угощеніе, а потому живые отходятъ нѣсколько въ сторону и, обратившись лицомъ къ сѣверу, просятъ усопшаго благосклонно отнестись къ ихъ приношенію и покушать съ ними вмѣстѣ; просятъ они съ воплями и визгомъ, а деревенскія собаки очень хорошо знаютъ, что означаетъ этотъ необычный шумъ, и тотчасъ же являются на кладбище и пожираютъ жертву; псы рады, что досталось имъ приличное угощеніе, а чуваши тоже радуются, что покойники соблаговолили принять ихъ жертву и самолично, подъ видомъ собакъ, угостились ихъ варевомъ. Затѣмъ, угостившись и сами принесенными съ собою яствами и питьями, поминальщики отправляются въ тѣ помѣщенія, гдѣ они складываютъ вещи покойниковъ; на врытомъ въ землю столѣ ставятъ пиво, кашу и кладутъ чистое полотенце, чтобы было чѣмъ покойнику, поѣвши и выпивши, и ротъ утереть. Тутъ опять угощаютъ они своего усопшаго родственника, а затѣмъ поютъ хвалебную пѣснь ему и пляшутъ. По возвращеніи въ избу, снова садятся за ѣду и снова отдѣляютъ куски и отливаютъ напитки въ особыя чашки, которыхъ собаки ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Пированіе продолжается весьма долго, до глубокой ночи, прерываемое пѣніемъ и пляскою въ честь родного покойника. Еще страннѣе общія поминки и еще болѣе отдаютъ сѣдою стариною и дикостью, которую врядъ-ли скоро удастся разсѣять безъ образованія и обученія въ школахъ. Эти общія поминки справляются непремѣнно на кладбищѣ; туда собираются всѣ, захвативши съ собою разныхъ припасовъ, чтобы было чѣмъ и покойничковъ угостить, да и самимъ попировать вволю. Тутъ уже моленье совершается іомсею, который и читаетъ вслухъ длинную молитву объ упокоеніи усопшихъ; онъ перечисляетъ при этомъ ихъ душевныя качества и добрыя дѣла и проситъ Тору принять ихъ къ себѣ и не дозволять имъ превратиться въ новыхъ кереметей, мучащихъ родъ людской испоконъ вѣка; всѣ присутствующіе стоятъ при этомъ на колѣнахъ и повторяютъ слово за словомъ молитву іомси. Затѣмъ приносятъ къ могилѣ привезенные съ собою припасы, вколачиваютъ въ изголовьѣ каждой могилы колъ и вѣшаютъ на него полотенце или платокъ; для этой цѣли чуваши часто при самыхъ похоронахъ ставятъ на могилѣ въ головахъ каменный столбъ, который въ такомъ

случаѣ и замѣняетъ поминальные колья. Подлѣ могилы разстилаютъ дорожку холста или кошму и раскладываютъ здѣсь кушанье, короваи, ватрушки, кашу и сосуды съ пивомъ и медомъ. Затѣмъ всѣ разсаживаются по семьямъ, отдѣляютъ частныя жертвы и закапываютъ ихъ въ спеціально для этого вырытыя въ насыпяхъ ямки; принося эти жертвы, они просятъ покойниковъ придти и угоститься, но за это не шляться по своимъ прежнимъ жилищамъ и не пугать своихъ почтительныхъ родственниковъ; наконецъ, въ головы могилъ закапываютъ по чистой рубахѣ и тогда уже приступаютъ къ неистовой попойкѣ; тутъ происходитъ полное столпотвореніе вавилонское: плачъ, пѣсни, вопли, плясъ, визгъ, крики взрослыхъ и пискъ дѣтей; мужчины, желая выразить свою скорбь, колотятъ себя въ грудь кулаками, а женщины рвутъ на себѣ волосы... А между тѣмъ добрые сосѣди—русскіе крестьяне—стоятъ уже гдѣ-нибудь вблизи и только поджидаютъ, чтобы покончились поминки и чуваши разошлись по домамъ... на утро всѣ рубахи попадаютъ во власть усопшихъ... Чуваши рады принятію ихъ послѣдней жертвы, а русскіе показываютъ своимъ бабамъ новыя рубахи и жалѣютъ, что въ пылу родственной любви чуваши не жертвуютъ своимъ покойникамъ новыхъ тулуповъ.—Такъ родится, живетъ и умираетъ финскій инородецъ средняго теченія Волги, мордвинъ, черемисинъ и чувашенинъ, представляющій собою остатокъ нѣкогда великаго Болгарскаго царства, а нынѣ смирный, трудолюбивый и вполнѣ пригодный для культуры гражданинъ великаго русскаго государства.

В. Н. Майновъ.

ОЧЕРКЪ IV.

КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ.

Область ихъ распространенія, нравы, обычаи и вѣрованія.—Казанское царство на Волгѣ и борьба Московскихъ государей съ татарами за обладаніе Волгою въ XV и XVI вѣкѣ, кончившаяся взятіемъ Казани и Астрахани.

Татаринъ либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ.

ПОГОВОРКА.

Ъ эпоху нашествія монголо-татаръ булгарское владычество въ Волжско-Камскомъ краѣ смѣнилось владычествомъ татарскимъ. Въ концѣ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ XIII столѣтія татары завладѣли всею булгарскою землею и сдѣлались здѣсь господствующимъ народомъ, но въ то же время, какъ это всегда бываетъ при покореніи народа болѣе цивилизованнаго народомъ менѣе цивилизованнымъ, должны были сами покориться цивилизаціи побѣжденнаго ими древняго, богатаго и хорошо организованнаго царства, заимствовали у него городской бытъ, торговую предпріимчивость, магометанство и разныя черты народнаго характера, что не мало способствовало смягченію ихъ прежнихъ степныхъ нравовъ. Постепенное сліяніе побѣдителей съ побѣжденными путемъ взаимныхъ браковъ съ теченіемъ времени повело здѣсь къ образованію даже особой татарской расы, значительно отличающейся отъ татарскихъ группъ другихъ мѣстностей Россіи.

Казанскій татаринъ строенъ, хорошо и крѣпко сложенъ, силенъ и здоровъ. Черты монгольскаго происхожденія у него большею частью едва замѣтны въ нѣкоторомъ расширеніи личного овала, въ слегка выдавшихся скулахъ, въ небольшомъ суженіи разрѣза глазъ, въ длинныхъ, нѣсколько отстающихъ отъ головы ушахъ, въ толщинѣ и короткости шеи; сюда же можно отчасти отнести и то, что у него рѣдко растетъ большая и густая борода. Такое видоизмѣненіе монгольскаго типа у казанскихъ татаръ можно объяснить не иначе, какъ именно сліяніемъ татарской народности съ раннею народностью булгарскою, которая ею была поглощена, потому что примѣсь къ татарской крови другой народной крови, русской, всегда была совершенно устранена взаимнымъ религіознымъ отчужденіемъ русскихъ и татаръ. Сами татары называютъ себя иногда булгарами (булгарлыкъ), ставя себя такимъ образомъ въ самую непосредственную связь съ этой исчезнувшей народностью. Изрѣдка встрѣчающіеся между ними типы башкирскіе и черкесскіе очевидно случайнаго происхожденія и въ массѣ не замѣтны.

Въ Казанской губерніи татары составляютъ самую многолюдную инородческую группу,

простирающуюся до 485,000 душъ обоего пола, что составляетъ почти 30% всего населенія губерніи (русскіе составляютъ 41%), и распространены по всему ея пространству, за исключеніемъ уѣздовъ Ядринскаго и Козьмодемьянскаго, заселенныхъ чувашами и черемисами. Самое густое татарское населеніе находится на сѣверо-востокѣ и на югѣ губерніи, преимущественно по лѣвую сторону Волги. При первомъ своемъ разселеніи въ этой мѣстности татары очевидно не забирались глубоко въ лѣса, по правую сторону Волги и на сѣверѣ по лѣвую, гдѣ жили инородцы финскаго племени, и по привычкѣ жить на открытыхъ луговыхъ мѣстахъ главной своей массой разселились на востокъ отъ Волги, имѣя ее впереди себя оградою отъ нападеній съ запада, а затѣмъ, когда началась русская колонизація казанскаго края, занимавшая вездѣ берега рѣкъ и главныя дороги мѣстности, должны были уступить всѣ эти мѣста русскимъ и потѣсниться на сѣверо-востокъ, а также направо и налѣво отъ волжскихъ береговъ на югѣ. Юго-восточныя поселенія казанскихъ татаръ неразрывно сливаются съ поселеніями симбирскихъ татаръ, составляющихъ одно племя съ казанскими.

Татары вездѣ, и въ самой Казани, живутъ отдѣльно отъ русскихъ. Русскіе сами оттолкнули ихъ отъ себя съ самаго же начала по завоеваніи Казанскаго царства изъ религіозныхъ видовъ. Вслѣдствіе этого въ татарскихъ селеніяхъ доселѣ сохраняется своеобразный полувосточный бытъ. Татарская деревня имѣетъ въ себѣ что-то дикое. Дома, построенные большею частью безъ порядка, прячутся внутри двора, а на улицу выходятъ заборы да сараи; такой характеръ расположенія жилищъ встрѣчается даже въ селеніяхъ, расположенныхъ уже по плану. Изъ-подъ запертыхъ воротъ и по улицѣ множество злыхъ собакъ, поднимающихъ неистовый лай при появленіи въ деревнѣ новаго лица, а по ночамъ оглашающихъ окрестность дикимъ воемъ. Среди селенія на небольшой площади стоитъ деревянная мечеть, минаретъ которой возвышается надъ всѣми обывательскими постройками. Гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ селенія раскинуто унылое кладбище (мазарки), уставленное вмѣсто крестовъ деревянными небольшими срубцами и каменными плитами, подъ которыми и лежатъ правовѣрные покойники въ ожиданіи будущей жизни, гдѣ русскіе будутъ ихъ рабами. Татарскія слободы въ самой Казани, по характеру построекъ и расположенію улицъ, въ настоящее время уже совсѣмъ похожи на остальныя части города. Отличіе ихъ составляютъ развѣ мечети вмѣсто церквей, нѣкоторая восточная своеобразность въ покраскѣ домовъ, множество собакъ, постоянно запертыя ворота и закрытыя занавѣсками окна съ банками бальзамина, любимаго татарскаго цвѣтка.

По расположенію своему татарскіе дома въ общихъ частяхъ сходны съ русскими. Каждый порядочный, не бѣдный деревенскій домъ раздѣляется на двѣ части, переднюю жилую и заднюю рабочую или черную, между которыми расположены обширныя сѣни. Жилая изба, кромѣ того, въ свою очередь раздѣляется перегородкой на два отдѣленія, мужское и женское, съ особыми для каждаго дверями. Двери отворяются не въ сѣни, какъ у русскихъ домовъ, а внутрь избы. Женское отдѣленіе составляетъ необходимую принадлежность татарскаго жилища; даже въ маленькой лачугѣ, которую никакъ нельзя разгородить на-двое, для жены хозяина непремѣнно отдѣляется по крайней мѣрѣ небольшой уголъ за печью, закрытый занавѣской, гдѣ она и скрывается отъ глазъ постороннихъ мужчинъ. Печь, какъ и у русскихъ, помѣщается при входѣ въ избу; въ нее вмазанъ котелъ для приготовленія пищи, а у многихъ онъ же служитъ и для стирки бѣлья. На печи или за нею стоятъ жестяные или мѣдные кумганы — кувшины съ узкими горлышками и длинными носами, употребляемые для религіозныхъ омовеній, одинъ для мужа, другой для жены, потому что изъ одной посудины омываться имъ запрещено закономъ. За печью можно всегда найти большой мѣдный тазъ, тоже для омовеній, и два полотенца, одно для рукъ, другое для ногъ. Передняя стѣна избы занята широкими нарами для спанья, такъ что чего-нибудь въ родѣ русскаго передняго угла въ татарскомъ домѣ найти нельзя. Столъ, занимающій у насъ этотъ почетный уголъ, у татаръ ставится сбоку, у бокового окна избы. На нарахъ разбросаны мягкіе пуховики, перины, только у бѣдняковъ замѣ-

няемые войлоками, и подушки — видно, что татаринъ любитъ поспать мягко и удобно, а не на свернутомъ въ жесткій комъ полушубкѣ, какъ русскій. Въ большей части избъ есть самовары и ярко расписанная чайная посуда, помѣщающаяся обыкновенно на самомъ видномъ мѣстѣ. Къ числу особенностей татарской утвари относятся еще красные или зеленые сундуки, — у зажиточныхъ ихъ бываетъ по нѣсколько штукъ, обитыхъ цвѣтно-раскрашенной жестью, — и ковры или по крайней мѣрѣ цыновки, которыми устланы полы.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что татары живутъ опрятнѣе и даже зажиточнѣе русскихъ, какъ это и принято было у насъ утверждать въ описаніяхъ ихъ быта. На самомъ дѣлѣ вся обстановка ихъ жизни показываетъ только, что они больше русскихъ любятъ почайничать, мягко полежать и пощеголять. Зажиточные люди дѣйствительно наблюдаютъ чистоту въ своемъ переднемъ отдѣленіи дома, моютъ полы и нѣсколько разъ въ годъ бѣлятъ печь, но задняя часть дома и у нихъ служитъ представительницей всевозможной грязи и сумбура. Масса простонародья живетъ очень неряшливо. Войдя въ татарскую избу, когда хозяева не ждутъ гостей, можно всегда застать тамъ страшный безпорядокъ: вся утварь и одежда разбросаны кое-какъ по всѣмъ угламъ, полъ не мытъ, посуда покрыта цѣлымъ слоемъ грязи. Обрядовыя омовенія вовсе не предохраняютъ татаръ отъ паршей и др. накожныхъ болѣзней, которыми страдаетъ едва-ли не большинство татарскаго сельскаго народонаселенія. Праздничное щегольство напоказъ и тщеславіе у татаръ развиты дѣйствительно больше, чѣмъ у русскихъ. Какъ только удастся татарину пріобрѣсти какія-нибудь средства, онъ сейчасъ же спѣшитъ обзавестись самоваромъ, нарядной посудой, большимъ сундукомъ, зеркальцемъ — и все онъ выставитъ въ избѣ на первый планъ; заведетъ себѣ и женѣ нарядную одежду; при болѣе значительномъ достаткѣ выстроитъ нарядный и большой домъ, лишь бы показать свое превосходство передъ другими. Тщеславіе, рисовка выражаются во всей его манерѣ держаться; онъ ходитъ развалистой походкой, съ важностью поднявъ голову и загнувъ руки за спину. Ничѣмъ нельзя лучше расположить его къ себѣ, какъ что-нибудь у него похваливши.

Мечеть въ деревнѣ Симб. губ.

Одежда татаръ состоитъ изъ длинной рубахи, миткалевой, ситцевой, у простонародья бѣлой холстинной или чаще всего синей крашенинной, штановъ изъ тѣхъ же матерій, запущенныхъ за сапоги или онучи, зиляна (безрукавнаго камзола до колѣнъ), надѣваемаго на рубашку, сшитаго изъ нанки, а у богатыхъ изъ полушелковой бухарской матеріи съ красными и желтыми разводами, цвѣтного халата или кафтана (бешмета) сверхъ зиляна, а зимой шубы; пояса употребляются рѣдко. Всѣ казанскіе татары брѣютъ головы и подбриваютъ посуннитски усы надъ верхней губой. Бритая голова защищается тюбетейкой (ермолкой), которая у богатыхъ прихотливо расшивается золотомъ и жемчугомъ и составляетъ предметъ особеннаго щегольства. Сверхъ тюбетейки надѣвается у простонародья бѣлая войлочная шляпа конической формы, зимой малахай (довольно высокая, нѣсколько суживающаяся кверху мѣховая шапка, съ наушниками, покрытая сверху обыкновенно крашениной); купцы и другіе горожане и лѣтомъ и зимой носятъ на головѣ шапки, опушенныя болѣе или менѣе цѣннымъ

мѣхомъ, и бѣлыхъ шляпъ гнушаются. Муллы и учители (мюдарисы) украшаютъ свои головы чалмами. Спеціально-татарскую обувь составляютъ ичеги, сафьянные расшитые подъ узоръ цвѣтные сапоги; но большинство татаръ носитъ обыкновенную обувь, или лапти или, смотря по достатку, сапоги съ калошами; калоши составляютъ также необходимое прибавленіе и къ ичегамъ. Богатые татары любятъ украшать себя дорогими металлическими вещами, кольцами, перстнями и массивными часовыми цѣпочками во всю грудь съ множествомъ привѣсокъ.

Одежда женщинъ состоитъ тоже изъ длинной до земли рубашки или блузы безъ таліи и изъ шароваровъ. Рубашка шьется по достатку изъ полушелковой или ситцевой матеріи, рѣдко изъ крашенины, и непремѣнно украшается около ворота и по подолу нашивками изъ лентъ различнаго съ ней цвѣта и разныхъ оборочекъ. Сверхъ рубашки татарки носятъ зилянъ или чаще халатъ съ длиннѣйшими рукавами, надѣвая его на голову и употребляя его для закрыванія лица вмѣсто чадры. Обувь составляютъ цвѣтные ичеги или обыкновенныя ботинки и лапти. Головной уборъ бѣдныхъ состоитъ изъ узорчатыхъ по концамъ полотенцевъ, которыми обвиваютъ голову, оставляя концы свободными сзади. Богатыя татарки надѣваютъ на голову шелковые или бархатные колпачки, обшитые позументомъ, бахромою или мѣхомъ, покрытые сверху тюлевымъ вуалемъ. Этотъ граціозный уборъ татарка рѣдко оставляетъ даже и тогда, когда замѣняетъ свою неуклюжую рубаху обыкновеннымъ европейскимъ платьемъ. Пожилыя татарки и зимой и лѣтомъ носятъ на головѣ подъ зиляномъ мѣховыя шапки. Нарядъ завершается множествомъ украшеній, къ которымъ относятся кольца, серьги, браслеты, сплошь унизанный монетами нагрудникъ и такая же перевязь черезъ лѣвое плечо, оканчивающаяся карманомъ для ношенія корана или амулетовъ. По наружности своей татарки недурны, но неразвязны и неуклюжи. Всего болѣе портитъ ихъ несчастный обычай густо красить лицо бѣлилами и румянами, сюрьмить брови и рѣсницы и чернить зубы. Раскрашенная такимъ образомъ татарка даже очень красивой наружности производитъ весьма непріятное впечатлѣніе дурно сдѣланной маски или восковой куклы. Смолоду испортивъ себѣ кожу, подъ старость онѣ становятся крайне отвратительными.

Положеніе женщины и вся вообще семейная жизнь у татаръ устроены по общему магометанскому типу. Браки заключаются въ очень раннихъ лѣтахъ. Жизнь дѣвственная считается противоестественною и позорною какъ для мужчины, такъ и для женщины; тѣмъ не менѣе бракъ не имѣетъ никакого болѣе возвышеннаго и благороднаго значенія, кромѣ обыкновеннаго животнаго сожитія, при чемъ женщина, какъ и на всемъ магометанскомъ востокѣ, трактуется только, какъ матеріалъ для чувственныхъ наслажденій мужа, его собственность, которую онъ пріобрѣтаетъ за деньги. Единственною формою брака, которая господствуетъ во всѣхъ слояхъ татарскаго населенія, служитъ форма покупки невѣсты за извѣстный мехръ или калымъ. Половина этого калыма отдается родителямъ невѣсты, а другая половина употребляется на ея приданое. Отсутствіе нравственнаго элемента въ магометанскомъ бракѣ выражается во всей обстановкѣ его совершенія. Личное участіе въ немъ самихъ брачущихся устранено съ начала до конца.

Вслѣдствіе затворничества татарской женщины женихъ не видитъ своей невѣсты до брака или по крайней мѣрѣ предполагается, что не видитъ. Поэтому помолвка устраивается ихъ родителями или при посредствѣ свахъ; эти же представители сторонъ условливаются и о количествѣ калыма. Послѣ помолвки женихъ не ходитъ къ невѣстѣ, а посылаетъ ей только подарки изъ предметовъ женскаго наряда; при этомъ стоимость даримыхъ вещей берется имъ не на свой счетъ, а вычитается изъ слѣдующаго невѣстѣ калыма. Дней за семь до свадьбы начинаются свадебные пиры, на которые гости поочередно собираются то въ домѣ жениха, то въ домѣ невѣсты, и порознь—въ одинъ день мужчины, въ другой женщины, всѣ съ разными подарками. Послѣдній пиръ, послѣ котораго совершается и брачный обрядъ, бываетъ при участіи мужчинъ въ домѣ невѣсты. Ни женихъ, ни невѣста на немъ не присутствуютъ,

первый ожидаетъ его окончанія за дверью, а невѣста скрывается въ спальнѣ, приготовленной для брачной ночи. Послѣ пира, поѣвши съ хлѣбомъ меду и топленаго масла—обрядоваго кушанья, гости кладутъ на скатерть деньги въ подарокъ невѣстѣ, которыя и относится къ ней въ спальню. Послѣ этого мулла, непремѣнный гость этого пира, приступаетъ къ совершенію брачнаго обряда.

Брачный обрядъ вовсе не похожъ на религіозное священнодѣйствіе. Религіознаго здѣсь только и есть, что чтеніе I гл. Корана, брачная молитва, имѣющая значеніе обыкновенной молитвы при начатіи и совершеніи всякаго вообще дѣла, и произнесеніе брачной хутьбы,—славословія Богу, установившему бракъ и сказавшему: „берите столько женъ, сколько вамъ угодно,—двѣ, три, четыре". Существенную же сторону обряда составляетъ засвидѣтельствованіе чисто гражданскаго договора сторонъ о количествѣ калыма, при чемъ мулла играетъ роль не священнослужителя, а простого нотаріуса. Брачные вопросы предлагаются не брачующимся, а ихъ родителямъ или другимъ представителямъ ихъ семействъ; отца невѣсты мулла спрашиваетъ, согласенъ ли онъ выдать дочь за NN и за такой-то калымъ, а отца жениха—согласенъ ли взять ее за этотъ калымъ въ жены сыну. Засвидѣтельствованный такимъ образомъ контрактъ вручается сторонѣ невѣсты. Уже по совершеніи всего обряда зовутъ жениха. Сваха отводитъ его въ спальню, гдѣ молодыхъ и запираютъ дня на 3 или на 4, чтобы привыкли другъ къ другу.

Послѣ брака молодая не вдругъ переселяется въ домъ мужа, а остается на годъ и больше въ своей семьѣ. Мужъ ходитъ къ ней, какъ гость, а между тѣмъ устраиваетъ у себя къ ея пріему все, что нужно для семейной жизни.

Магометанское многоженство къ татарамъ не привилось по всей вѣроятности вслѣдствіе экономическаго затрудненія содержать нѣсколько женъ вмѣстѣ и вслѣдствіе неизбѣжныхъ при полигаміи семейныхъ раздоровъ. „Лучше двѣ собаки на дворѣ,—резонируютъ татары,—чѣмъ двѣ жены въ избѣ". Въ подтвержденіе этого передается, напримѣръ, такой разсказъ. У одного благочестиваго татарина было три жены, которыя постоянно ссорились. Однажды онѣ подняли между собой такую бурю, что бѣдный мужъ выбѣжалъ изъ избы вонъ, всталъ середи улицы и стоитъ, несмотря на страшный морозъ и буранъ.

— Что ты это въ такой буранъ тутъ стоишь?—спросилъ сосѣдъ.

— Здѣсь все еще можно стоять, — сказалъ онъ въ отвѣтъ.—Посмотри-ка, какой буранъ въ моей избѣ, и увидишь, что здѣсь еще ничего.

Только очень не многіе имѣютъ по двѣ жены, и то другая жена берется, когда первая устарѣла; при молодой женѣ она дѣлается обыкновенно главной хозяйкой дома.

Но, отказавшись отъ многоженства, татары вполнѣ вознаграждаютъ себя за это лишеніе свободой развода, развитой въ мусульманствѣ до послѣдней степени и къ явному униженію женщины. Для мужа разводъ не окруженъ никакими формальностями; достаточно одного объявленія женѣ: „я съ тобой развожусь",—и разводъ считается совершеннымъ. Послѣ этого онъ долженъ только кормить разведенную жену въ теченіе $4^1/_2$ мѣсяцевъ и отступиться отъ даннаго за нее калыма, но жениться на другой женщинѣ можетъ хоть сейчасъ же. Что касается до жены, то она можетъ добиться развода только по суду въ случаѣ безсилія или тяжкой болѣзни мужа, кромѣ того, обязана возвратить ему удержанную при бракѣ половину калыма и до новаго замужества выдержать извѣстный срокъ—$4^1/_2$ мѣсяца (гыддатъ), въ продолженіе котораго должна воздерживаться отъ всѣхъ удовольствій. Разводы между татарами весьма часты; нерѣдко они разводятся и снова сходятся съ тѣми же женами по нѣсколько разъ; въ случаѣ женитьбы на той же женѣ въ третій разъ, законъ только требуетъ, чтобы она до этого хоть на одну ночь принадлежала другому мужу.

По смерти мужа жена тоже не можетъ выйти снова замужъ, не выдержавши законнаго срока своего гыддата. Изъ наслѣдства послѣ мужа она получаетъ $^1/_4$; но если у нея есть дѣти,

то доля ея въ ихъ пользу уменьшается до $^{1}/_{8}$. Между дѣтьми наслѣдство дѣлится такъ, что сынъ получаетъ вдвое больше противъ дочери; если ихъ всего двое, то сыну идетъ $^{2}/_{3}$, дочери $^{1}/_{3}$. Дѣти незаконныя совершенно уравниваются съ законными, и незаконный сынъ получаетъ обычную двойную долю противъ законной дочери. Понятно, что при господствующемъ воззрѣніи на бракъ, какъ на простое сожительство мужчины и женщины, при допущеніи религіею полигаміи и безграничной свободѣ развода различіе между законнымъ и незаконнымъ сожительствомъ не можетъ быть особенно строго. Несмотря на то, что наши татары очень мало похожи на страстныхъ мусульманъ юга, магометанство и среди нихъ отозвалось своимъ обычнымъ вреднымъ вліяніемъ на семейные нравы. Стоитъ заговорить съ татариномъ пооткровеннѣе, какъ рѣчь его послѣ нѣсколькихъ обычныхъ фразъ не замедлитъ принять, что называется, метафизическое направленіе и склонится къ усладительнымъ разсказамъ о разныхъ любовныхъ похожденіяхъ, своихъ и чужихъ, нерѣдко весьма грязнаго свойства и очень плохо рекомендующихъ цѣломудріе прекрасныхъ магометанокъ.

Женщина, какъ извѣстно, унижена даже въ религіозномъ воззрѣніи ислама, какъ существо низшей породы. Она совсѣмъ почти освобождена отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ, въ мечеть не ходитъ, развѣ только изрѣдка подъ старость, не знаетъ даже, что будетъ съ ней на томъ свѣтѣ, потому что пророкъ не открылъ этого, занявшись описаніемъ блаженства правовѣрныхъ въ раю съ какими-то другими женщинами или дѣвами, гуріями, при которыхъ земныя жены очевидно уже лишнія. Въ семейной жизни она полная собственность мужа, существо совершенно передъ нимъ безправное, которое онъ можетъ прогнать отъ себя по первому капризу. Всѣ ея помышленія сосредоточиваются поэтому на томъ, чтобы удержать за собой его любовь, на украшеніи себя бѣлилами, румянами, нарядами, на удовлетвореніи его чувственнымъ инстинктамъ и т. п. Обращеніе съ женою принято гордое, презрительное и суровое; оказать ей ласку при людяхъ считается крайне предосудительнымъ.

Какъ во всемъ магометанскомъ мірѣ, у татаръ существуетъ въ извѣстной мѣрѣ затворничество женщинъ. Чѣмъ татаринъ богаче, тѣмъ болѣе укрываетъ свою жену. Въ быту бѣднаго, рабочаго люда, какъ городского, такъ и сельскаго, такое укрывательство женщины, разумѣется, не возможно; но и бѣдная женщина этого класса при встрѣчѣ съ мужчиною обязана закрыть свое лицо или по крайней мѣрѣ отвернуться отъ него при разговорѣ,—исключеніе допускается только при встрѣчѣ съ русскими, предъ которыми, какъ передъ кяфирами, пожалуй не стоитъ укрываться. Болѣе либеральные городскіе татары въ настоящее время дозволяютъ своимъ женамъ открыто являться къ русскимъ въ гости, на публичныя собранія, прогулки и въ театръ. Но еще не очень давно въ театрѣ для татаръ нарочно были устроены особыя ложи, закрытыя занавѣсками, за которыми и скрывались богатыя татарки. Слѣды этого укрывательства теперь обнаруживаются иногда въ томъ, что татарки помѣщаются въ глубинѣ ложи, а переднюю часть ея занимаютъ ихъ мужья; въ этомъ, впрочемъ, можетъ выражаться также и высокое главенство мужской половины семьи; когда татарское семейство куда-нибудь идетъ или гуляетъ, мужчина тоже идетъ всегда впереди, а сзади его семенитъ его жена, окруженная своими татарчатами, не смѣя съ нимъ поравняться, а тѣмъ болѣе обогнать его.

Осужденная на затворническую жизнь, татарка неподвижна, недѣятельна и лѣнива. Въ сельскомъ быту она не занимается никакими полевыми работами, кромѣ жнитва и сгребанія сѣна, и то лишь въ болѣе бѣдномъ семействѣ, что между прочимъ много способствуетъ упадку между татарами сельскаго хозяйства, лишая его цѣлой половины рабочихъ силъ. Живя бездѣльной, паразитной жизнью, татарка, особенно въ богатомъ домѣ, исключительно занята сномъ, желудкомъ и нарядами, любитъ ходить въ гости, на общественные праздники и гулянья. Въ Казани на всѣхъ народныхъ сборищахъ,—при встрѣчѣ ли чудотворной иконы, или подъ балкономъ паяца, на ученьяхъ солдатъ, на гуляньяхъ въ общественныхъ садахъ, подъ

качелями въ Троицу и т. д.,—вездѣ можно видѣть эти странныя фигуры татарскаго бабья, накрытыя съ головъ длинными халатами, стоящія всегда нѣсколько въ сторонѣ съ удивительнымъ любопытствомъ и терпѣніемъ съ начала до конца интересующаго ихъ зрѣлища. Чисто восточной лѣнью женщины вполнѣ объясняется общая неопрятность татарскихъ жилищъ и запущенность домашняго хозяйства. Къ тому же ведетъ и ея непрочное положеніе въ домѣ мужа, гдѣ она не полная хозяйка, а скорѣе временная гостья, и который она никакъ не можетъ считать въ полномъ смыслѣ своимъ домомъ. Домашними рукодѣльями татарки также мало занимаются, какъ и всякими другими работами. Весь кругъ ихъ такъ-называемыхъ изящныхъ рукодѣлій ограничивается вышиваніемъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ сафьяна ичеговъ и золотошвейнымъ искусствомъ для украшенія тюбетеекъ, въ чемъ нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ замѣчательной степени мастерства. По деревнямъ женщины занимаются пряжей, тканьемъ

Въ татарскомъ домѣ въ Казанской губерніи.—Оригинальный рисунокъ Ф. Де-Гаавена.

холста, шитьемъ бѣлья для своихъ семействъ, но верхней мужской одежды шить не умѣютъ, хотя татарскіе зиляны, казакины и бешметы своимъ фасономъ развѣ немного только похитрѣе русскихъ кафтановъ и чапановъ нашего обыкновеннаго бабьяго шитва. Поэтому татары вынуждены содержать у себя по деревнямъ значительную массу особыхъ мужскихъ портныхъ. Замѣчательно, что ремесломъ этимъ занимаются преимущественно татары крещеные, оказывающіеся болѣе способными къ усидчивому труду, чѣмъ ихъ магеметанствующіе соплеменники. Въ другихъ домашнихъ занятіяхъ татарка вовсе не похожа на нашу домовитую русскую хозяйку, на которой обыкновенно лежитъ весь домъ и которой уйму нѣтъ въ безпрерывныхъ хлопотахъ о разныхъ домашнихъ мелочахъ. При первой возможности, татарская хозяйка готова бросить все въ домѣ и погрузиться въ чаепитіе, жеваніе чего-нибудь или тупое ничегонедѣланіе.

Господствующая пища татаръ—все мучнистое и масляное, особенно въ достаточныхъ семействахъ, гдѣ въ большомъ количествѣ потребляются разнаго рода сдобныя и слоеныя пе-

ченья, пельмени, жирныя лапши, густыя сливки (кайманъ) и т. п. У простолюдиновъ обычнымъ блюдомъ служатъ: толканъ или болтушка, сваренная изъ муки и воды съ солью, салма изъ шариковъ тѣста въ водѣ, гречневыя лепешки на скоромномъ маслѣ; для вкуса салма и толканъ иногда подбѣливаются молокомъ. Въ праздники на столѣ является похлебка съ мясомъ и жаркое изъ баранины или конины. Мяса татары употребляютъ вообще не много, потому что оно для нихъ дорого. Животное, назначающееся въ пищу, должно быть заколото непремѣнно татариномъ и съ извѣстной молитвой; отъ того татары не могутъ пользоваться припасами обыкновеннаго мясного рынка и по обыкновенной цѣнѣ. Важнымъ подспорьемъ могло бы для нихъ служить дозволенное у нихъ въ пищу мясо лошадей, но оно мало ими употребляется, потому что, будучи добываемо обыкновенно отъ старыхъ, уже никуда негодныхъ лошадей, очень жестко и невкусно, а колоть для него здоровыхъ жеребятъ и молодыхъ лошадей—дорого. Самымъ употребительнымъ и, можно сказать, національнымъ мясомъ служитъ у татаръ баранина. Мясо свиней, такъ употребительное въ русскихъ деревняхъ, положительно запрещено Кораномъ и составляетъ для татаръ предметъ такого же отвращенія, какъ для русскихъ кобылятина.

Другое запрещеніе Корана относительно вина соблюдается далеко не такъ строго, особенно среди рабочаго класса въ городахъ и между поселянами, живущими смежно съ русскими деревнями, въ которыхъ кабакъ составляетъ, какъ извѣстно, необходимую принадлежность. Болѣе совѣстливые татары маскируютъ свое противленіе заповѣди пророка употребленіемъ, вмѣсто водки, какихъ-нибудь настоекъ, бальзама и сладкой водки. Кабаки составляютъ теперь несовсѣмъ необыкновенное явленіе и въ коренныхъ татарскихъ селеніяхъ. Совершенно безгрѣшными напитками считаются чай и пиво и потребляются татарами въ неимовѣрныхъ количествахъ. Городскіе татары любятъ пить пиво, а также и чай особенно въ трактирахъ и харчевняхъ, въ чемъ, можетъ быть, выражается извѣстная страсть восточныхъ жителей къ кофейнямъ. Въ Казани есть нѣсколько спеціально татарскихъ трактировъ и харчевенъ, гдѣ всегда можно встрѣтить и чайничающихъ и подвыпившихъ пріятелей-татаръ. Какой-нибудь татарскій виртуозъ или нѣсколько такихъ играютъ въ углу на скрипкахъ, изображая со слуха и совершенно на татарскій ладъ какую-нибудь польку или казачка, а у столиковъ надъ опорожненной посудой сидятъ подвыпившія пары друзей и, близко уставившись другъ къ другу физіономіями, вытаращивъ другъ на друга красные глаза, стараясь одинъ другого перекричать, чувствительно распѣваютъ какую-то плаксивую и блажную пѣсню, не имѣющую по характеру ни малѣйшаго отношенія къ тутъ же рѣжущей ухо скрипичной полькѣ. Скрипка почему то успѣла сдѣлаться любимымъ инструментомъ татаръ и даже другихъ инородцевъ Казанской губерніи.

Національный характеръ татаръ живѣе и воспріимчивѣе русскаго. Татаринъ боекъ, смышленъ и предпріимчивъ, общителенъ, словоохотливъ, гостя задушитъ чаемъ и ѣдой, но въ то же время плутоватъ, хвастливъ и лживъ, любитъ надуть, особенно русскихъ, обидчивъ и горячъ, любитъ судиться, при всей предпріимчивости и ловкости лѣнивъ и неустойчивъ въ дѣлѣ труда систематическаго. Чернорабочій татаринъ берется за дѣло сначала очень горячо и проворно и кажется гораздо лучше и выгоднѣе работника русскаго, который вначалѣ обыкновенно долгое время только еще раскачивается и прилаживается къ работѣ, а дѣла дѣлаетъ мало; но потомъ татаринъ начинаетъ быстро слабѣть и въ силахъ и въ ретивости, когда русскій только лишь войдетъ въ полную силу своей работы, и общіе результаты всего количества сдѣланнаго дѣла всегда оказываются въ пользу послѣдняго, а не перваго. Въ земледѣльческомъ трудѣ, который именно требуетъ не столько проворства, сколько терпѣнія и настойчивости, татары стоятъ ниже не только русскихъ, но и другихъ инородцевъ Казанскаго края, такъ что даже возбуждаютъ противъ себя общія насмѣшки. Татарское поле всегда хуже другихъ; точно также запущены и всѣ другія статьи ихъ сельскаго хозяйства. Во многихъ селеніяхъ татары даже вовсе бросили земледѣліе и сдаютъ землю русскимъ, чувашамъ и вотякамъ.

По своему характеру, татаринъ любитъ нажить копѣйку какимъ-нибудь болѣе легкимъ способомъ: мелкою торговлею, барышничествомъ, даже просто мошенничествомъ. Торговля составляетъ какъ будто его природное призваніе — это истый потомокъ древнихъ булгаръ. Еще

Типы Казанскихъ татаръ.—Съ фотографіи А Каролина,

мальчишкой онъ ходитъ по улицамъ Казани, роясь въ кучахъ мусора по дворамъ, отыскивая мослы и тряпье для продажи на заводахъ, или продавая куски мыла, спички, апельсины и лимоны. Для казанскаго края, по торговлѣ и маклачеству, татары почти то же, что для западнаго края евреи. Они занимаются всякаго рода продажей и перепродажей, отъ продажи халатовъ и стараго платья до крупной торговли чаемъ, отъ бродячаго торга бѣлилами, румянами,

бусами и всякой дребеденью по татарскимъ деревнямъ до весьма солидныхъ торговыхъ дѣлъ съ Бухарою, Персіей и Китаемъ. Крупные торговцы ведутъ свои дѣла довольно раціонально и честно, но большинство крѣпко держится рутинныхъ пріемовъ надувательства, обморочиванья покупателей честнымъ видомъ, фальшивой амбиціозностью, клятвами и запрашиваньями вчетверо и впятеро противъ настоящей цѣны товара. Кромѣ торговли, татары занимаются еще кожевеннымъ промысломъ, который тоже унаслѣдовали послѣ булгаръ, мыловареніемъ, приготовленіемъ войлочныхъ издѣлій, выдѣлкой мочалы, промыслами телѣжнымъ и бондарнымъ. Въ Казанской губерніи имъ принадлежитъ болѣе $^1/_3$ всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Множество рукъ занято извозомъ; въ числѣ извозчиковъ (преимущественно ломовыхъ) и ямщиковъ всей губерніи татары составляютъ цѣлую половину. Вслѣдствіе дурного состоянія земледѣлія по татарскимъ деревнямъ тысячи поселянъ отправляются ежегодно на разные отхожіе промыслы по окрестнымъ приволжскимъ городамъ и на Волгу. Въ Казани бѣдные татары берутъ на себя труды дворниковъ, носильщиковъ на пристаняхъ, караульщиковъ, поденщиковъ и водовозовъ; другіе просто пускаются въ нищенство, чрезвычайно развитое особенно между женскою половиною татарского населенія, или же въ воровство.

Камеры мировыхъ судей и залъ окружного суда постоянно наполняются татарами, попадающимися въ воровствѣ и другихъ преступленіямъ, преимущественно ссорахъ, дракахъ и увѣчьяхъ. Дѣла послѣдняго рода часто возникаютъ изъ-за одной горячности татаръ и ихъ страсти къ кляузамъ. Въ началѣ разбирательства такого дѣла всегда кажется, что раскрывается какое-нибудь ужасное преступленіе съ ножами и цѣлыми потоками человѣческой крови, но потомъ вся исторія сводится къ пустой потасовкѣ двухъ поругавшихся пріятелей, а все остальное оказывается украшеніемъ татарской риторики истца и ораторскимъ пріемомъ отвѣтчика, являющагося непремѣнно съ характеромъ встрѣчнаго истца, стороны тоже крайне обиженной и потерпѣвшей.

По вѣроисповѣданію татары всѣ магометане за исключеніемъ небольшого числа, — до 40,000 человѣкъ, крещеныхъ въ православіе, и отличаются горячею и крѣпкою приверженностью къ исламу. Послѣдній лежитъ въ основѣ всего ихъ міросозерцанія и всего нравственнаго склада и составляетъ главное отличіе самой ихъ народности, которая какъ ими самими, такъ и русскими мыслится не иначе, какъ именно въ религіозной формѣ. Магометанство, исповѣдуемое ими, суннитскаго толка и не представляетъ собою никакихъ особенностей противъ общей системы этого толка ни въ вѣроученіи, ни въ обрядахъ: у татаръ тѣ же догматы, тѣ же пятикратные намазы, посты (ураза), праздники (байрамъ) и проч., какъ и у всѣхъ другихъ мусульманъ—суннитовъ востока. Татары большею частію весьма набожны и крѣпко держатся исполненія обрядовъ своей вѣры. Каждое дѣло начинается и оканчивается у нихъ краткою молитвою: „Бисмилляги ррахмани ррахимъ", во имя Бога милостиваго, милосердаго. Намазы аккуратно совершаются почти всѣми татарами, за исключеніемъ развѣ чернорабочаго люда, даже во время путешествія, напримѣръ, на пароходѣ на Волгѣ. Для опредѣленія кеблы (стороны, гдѣ лежитъ Мекка и куда нужно обращаться въ молитвѣ лицомъ) богатые татары нарочно носятъ при себѣ маленькіе компасы. Во время самаго главнаго и долгаго поста Рамазана, продолжающагося цѣлый мѣсяцъ, даже чернорабочіе ежедневно ничего не ѣдятъ и не пьютъ въ теченіе всего дня до самой ночи, несмотря на то, что страшно страдаютъ отъ этого воздержанія при работѣ, особенно отъ жажды, когда этотъ переходящій постъ случается въ лѣтніе жары. Поймавъ какого-нибудь грѣшника въ нарушеніи Рамазана, татары мажутъ ему лицо сажей и подчасъ жестоко его колотятъ. Между благочестивыми людьми въ большомъ уваженіи хаджъ, путешествія въ Мекку, откуда паломники или хаджи возвращаются съ разными святынями, священными четками, амулетами, талисманами, чудесными росказнями о каабѣ, висящемъ на воздухѣ камнѣ или гробѣ пророка и т. п. и затѣмъ всю жизнь пользуются особеннымъ уваженіемъ между своими единовѣрцами.

Важнѣйшіе праздники татаръ общіе для всѣхъ исповѣдниковъ ислама, — это Байрамъ въ честь дарованія Корана, предваряемый постомъ Рамазаномъ, и Курбанъ-Байрамъ черезъ 2 мѣсяца послѣ перваго въ честь жертвоприношенія Авраама,—оба переходящіе. По мѣстамъ между татарами сохранились разные курманы—жертвоприношенія языческаго еще происхожденія, но весьма мало. Остатки стараго язычества въ большомъ количествѣ и чистотѣ уцѣлѣли главнымъ образомъ между татарами старокрещеными; у некрещеныхъ старая народная вѣра почти вездѣ уже цѣликомъ вытѣснена магометанствомъ. Изъ древнихъ народныхъ праздниковъ между ними сохранились только два праздника, сабанъ и джіинъ.

Сабанъ (плугъ, соха) празднуется весной на лугахъ послѣ того, какъ съ луговъ сойдетъ снѣгъ, и соотвѣтствуетъ русской красной горкѣ; празднованіе состоитъ изъ бѣганья взапуски, скачекъ, борьбы и другихъ игръ, сопровождается пирами во всѣхъ домахъ и продолжается недѣлю, отъ пятницы до пятницы. Въ Казани сабанъ празднуется на берегу оз. Кабана и отличается особеннымъ оживленіемъ и многолюдствомъ, потому что, кромѣ татаръ, на него является изъ любопытства и множество русскихъ. Знатные татары въ немъ мало участвуютъ, а потому онъ носитъ совершенно простонародный характеръ.

Джіинъ празднуется по деревнямъ лѣтомъ, соотвѣтствуя русскому семику, и переходитъ съ мѣста на мѣсто. Начавшись въ одну изъ пятницъ въ концѣ мая или началѣ іюня въ одной деревнѣ, онъ въ слѣдующую пятницу переходитъ въ другую, затѣмъ въ третью и т. д., вездѣ продолжаясь по 3 дня. Для празднованія деревни соединяются округами, по 8 или 9 вмѣстѣ. Торжество отличается особеннымъ многолюдствомъ, потому что на него съѣзжается множество гостей изъ деревень и Казани, биткомъ набивая дома своихъ знакомыхъ въ такой деревнѣ, гдѣ назначено праздновать. Гостей прежде всего угощаютъ баней, при чемъ мужчины, какъ и всегда, моются раньше женщинъ. Послѣ обѣда вся толпа въ самыхъ лучшихъ нарядахъ отправляется въ поле, гдѣ уже заранѣе разставлены палатки со сластями и др. предметами праздничной торговли народныхъ гуляній. Увеселенія состоятъ изъ игръ, борьбы, бѣговъ, пѣсенъ и музыки курачеевъ, которая во всѣ скрипки наяриваетъ какую-нибудь польку или камаринскаго и заставляетъ молодежь пускаться въ плясъ, вопреки запрещенію Корана. Женщины, раскрашенныя и разряженныя до послѣдней возможности, располагаются кругомъ въ кибиткахъ и на лугу и взапуски поѣдаютъ сласти. Молодежь выглядываетъ между ними невѣстъ, такъ какъ онѣ въ это время бываютъ открытѣе обыкновеннаго. Джіинъ спеціально праздникъ молодежи — муллы и люди солидные рѣдко являются на поле; составилось даже сказаніе, передаваемое въ описаніи татаръ Фукса, будто этотъ праздникъ получилъ начало отъ одного богатаго татарина, который первый рѣшился собрать молодыхъ людей на праздникъ и вывелъ къ нимъ своихъ очень многочисленныхъ дочерей, не зная, какъ иначе ихъ сбыть съ своихъ плечъ;—пріемъ этотъ ему удался, праздникъ понравился и съ тѣхъ поръ пошелъ въ ходъ. На другой и на третій день по всѣмъ домамъ идутъ пиры и пѣсни, а молодежь расхаживаетъ съ пѣснями и скрипками по улицѣ или ѣздитъ во весь опоръ съ крикомъ и гиканьемъ въ кибиткахъ на бойкихъ татарскихъ лошадяхъ.

Въ частной жизни татаръ религіозныхъ обрядовъ не много. Сюда относятся извѣстные уже обряды свадебные. Послѣ рожденія ребенка, дня черезъ 3 — 4 мулла съ молитвою нарекаетъ ему имя, при чемъ родныя и знакомыя родильницѣ женщины дѣлаютъ ей визиты съ подарками на зубокъ—изъ денегъ, сахару, чаю, рубашекъ, тюбетеекъ и т. п. На третьемъ или пятомъ году надъ ребенкомъ совершается обрядъ обрѣзанія (въ четный годъ совершать его нельзя, иначе ребенокъ скоро помретъ). Передъ смертью мулла читаетъ надъ больнымъ изъ Корана суру о воскресеніи мертвыхъ. Покойника обряживаютъ въ три савана, послѣднимъ обертываютъ все тѣло и завязываютъ его у головы и ногъ. Хоронятъ, спустя не болѣе 12 часовъ послѣ смерти. Трупъ выносятъ обыкновенно на лубкѣ (гробы не употребляются) и несутъ очень скоро, останавливаясь только передъ мечетями для прочтенія короткой молитвы.

Религіозная сторона погребальнаго обряда только и состоитъ въ прочтеніи муллою надъ покойникомъ 67 суры о воскресеніи и будущей жизни. Въ могилѣ выкапывается сбоку ниша, куда и кладутъ покойника на правомъ боку головою къ Меккѣ. Сюда послѣ того, какъ его зароютъ, приходятъ къ нему два ангела для посмертнаго суда, будятъ его и спрашиваютъ: „кто твой Богъ? кто твой пророкъ? какая твоя вѣра и гдѣ твоя кебла?" затѣмъ показываютъ ему рай и муки и опредѣляютъ его участь до дня воскресенія. Блаженъ онъ, если сумѣетъ отвѣтить на вопросы ангеловъ-судей или если у него во рту положена бумажка со словами: Бисмилляги ррахмани ррахимъ; въ послѣднемъ случаѣ его и спрашивать не станутъ ангелы, ибо онъ зналъ своего Господа. Многіе татары сами слыхали при могилахъ голоса этихъ грозныхъ ангеловъ и страшный крикъ умершаго. Поминовеніе покойниковъ состоитъ въ краткой молитвѣ съ прочтеніемъ 1 или 67 суры Корана, совершается въ 3, 7 и 40 дни послѣ погребенія и въ годовщину и сопровождается поминальными обѣдами и раздачею милостыны бѣднымъ.

Татарская мечеть въ Казани.

Мѣстами общественнаго богослуженія татаръ служатъ мечети. Онѣ раздѣляются обыкновенно на соборныя и пятивременныя; первыя отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что въ нихъ принято совершать торжественное богослуженіе съ хутьбою или проповѣдью, на которое въ праздники и въ пятницу, — недѣльный день мусульманъ,—собираются богомольцы отъ другихъ мечетей; по внѣшности главное отличие ихъ отъ многихъ (но не отъ всѣхъ) пятивременныхъ мечетей составляютъ минареты, съ которыхъ изанчеи или муэззины кричатъ свой азанъ—призывъ на молитву. Раздѣленіе это, впрочемъ, нисколько не отвѣчаетъ существу дѣла; въ магометанствѣ нѣтъ такихъ священнодѣйствій, для которыхъ нужны были бы какія-нибудь особенно священныя мѣста, какъ для христіанской литургіи; но, что совершается въ соборной мечети, можетъ быть совершаемо и въ пятивременной и даже въ простомъ частномъ домѣ. Наше законодательство впадаетъ поэтому въ большую ошибку, ставя мечети безъ минаретовъ въ одну категорію съ часовнями и другими, такъ-называемыми, молитвенными домами, а храмами въ собственномъ смыслѣ считая однѣ мечети съ минаретами и соборныя. Вслѣдствіе этого недоразумѣнія указы о строеніи мечетей только въ округахъ, имѣющихъ законное для того число душъ (200—300), относятся администраціей тоже только къ мечетямъ соборнымъ и теряютъ на практикѣ всякое значеніе къ немалому,

нужно сказать, подрыву мѣстной противумусульманской миссіи. Число мечетей чрезвычайно велико и кромѣ того постоянно возрастаетъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II во всей тогдашней огромной Казанской губерніи ихъ считалось до 250; въ настоящее время въ предѣлахъ нынѣшней губерніи числится уже до 750, изъ коихъ до 244 построено незаконно, въ приходахъ съ числомъ душъ менѣе нормальнаго, да кромѣ того сколько еще ихъ не сосчитано вслѣдствіе того, что администрація ихъ не замѣтила, считая простыми избами.

Устройство мечетей вездѣ одинаково,—разница только въ величинѣ, матеріалѣ зданія (дерево или камень) и архитектурныхъ принадлежностяхъ. Существенныя части мечети двѣ: передняя или притворъ, гдѣ татары оставляютъ верхнюю обувь и гдѣ стоятъ иногда считающіе себя почему-нибудь нечистыми, и самый храмъ, гдѣ совершается богослуженіе. Украшеній въ храмѣ нѣтъ никакихъ, только на передней стѣнѣ, обращенной въ сторону кеблы, ставится иногда картина, изображающая Мекку, или пишутся разные стихи Корана; къ правой сторонѣ той же стѣны, пристраивается возвышеніе (минбаръ, каѳедра), на которомъ стоитъ мулла; въ особой нишѣ или на полкѣ тутъ же лежитъ Коранъ. По полу разстилаются ковры или цыновки, на которыхъ помѣщаются молящіеся съ четками, дѣлая одни и тѣ же обрядовыя движенія вслѣдъ за муллою и произнося принятыя формулы прославленія Аллаха. И молитвы, и Коранъ читаются при богослуженіи на арабскомъ языкѣ, совершенно непонятномъ для богомольцевъ, кромѣ муллъ, и то далеко не всѣхъ. Вслѣдствіе этого религіозность татаръ, какъ и всякаго вообще народа, у котораго богослужебный, священный языкъ не свой національный, носитъ исключительный—обрядовый характеръ и держится на одномъ магическомъ, кудесническомъ значеніи своихъ внѣшнихъ принадлежностей безъ внутренняго оживляющаго ихъ смысла и духа, на строгомъ соблюденіи постовъ, омовеній, поклоновъ, частомъ произношеніи арабскихъ молитвенныхъ прославленій Аллаха и его пророка, чтеніи и слушаніи Корана. Человѣкъ спасается за одно то, что онъ постоянно бормочетъ испорченное арабское „Бисмилля“. Благочестивый татаринъ ни слова не понимаетъ при чтеніи Корана, но онъ съ благоговѣніемъ слушаетъ непонятные звуки этого пѣвучаго речитатива, какимъ сопровождается чтеніе священной книги: „Богъ знаетъ, что человѣкъ читаетъ“, говоритъ онъ. „Ему пріятно самое чтеніе“. Скромный татарскій пономарь — муэззинъ — вполнѣ увѣренъ, что, если онъ три года прокричитъ съ минарета азанъ, то не сгніетъ и по смерти. Кятибъ (каллиграфъ) непремѣнно спасется за одно то, что писалъ на своемъ вѣку священныя книги и тетрадки. У татаръ вращается въ употребленіи множество бумажекъ съ молитвами и изреченіями Корана и другихъ религіозныхъ амулетовъ и талисмановъ, которымъ приписывается необыкновенная сила какъ въ отношеніи къ здѣшней, такъ и въ отношеніи къ будущей жизни.

Во главѣ общественнаго богослуженія стоятъ муллы съ ихъ помощниками, азанчеями или муэззинами, подчиненные мѣстнымъ ахунамъ (благочиннымъ изъ среды ихъ же самихъ) и находящемуся въ Уфѣ управленію муфтія. Муллъ чрезвычайно много, какъ и мечетей; хотя по закону одинъ мулла полагается не менѣе, какъ на 200 душъ (православный священникъ на 1,400 душъ), но на дѣлѣ ихъ гораздо больше. Добыть указъ на званіе довольно легко, — нужно только съѣздить для этого въ Уфу, выдержать тамъ пустой экзаменъ въ арабскомъ чтеніи да истратить деньгами рублей 25 — 30, а между тѣмъ званіе это спасаетъ человѣка отъ солдатчины и дѣлаетъ его особой привиллегированной. Съ муллами у насъ повторилась та же ошибка, что и съ мечетями; ихъ считаютъ чѣмъ-то въ родѣ нашихъ священниковъ, имѣющихъ іерархическій санъ, тогда какъ они такіе же простецы, какъ и всякій татаринъ, потому что въ магометанствѣ идея іерархіи совершенно не выработана, — все, что совершаетъ мулла, можетъ совершать безъ него азанчей, а безъ азанчея и всякій другой правовѣрный, кто бы онъ ни былъ, лишь бы умѣлъ читать или зналъ, что слѣдуетъ для богослуженія, наизусть. Мулла даже не можетъ назваться спеціалистомъ своей профессіи, потому что она нисколько не исключаетъ для него другихъ занятій, какъ у насъ должность священника. Большая часть

муллъ занимается по деревнямъ молочною торговлею, держитъ при домахъ лавочки и кормится другими промыслами. Образованіе ихъ стоитъ очень низко. Исключеніе составляютъ нѣкоторые казанскіе муллы, учившіеся не въ однихъ только казанскихъ школахъ, но ѣздившіе для образованія въ Бухару, Константинополь и Египетъ. Большенство деревенскихъ муллъ едва только умѣетъ читать; умѣющій получше писать пріобрѣтаетъ уже особое уваженіе, какъ кятибъ. Арабскаго языка почти совсѣмъ не понимаютъ, довольствуясь только заученными переводами болѣе употребительныхъ богослужебныхъ фразъ и нѣкоторыхъ суръ изъ Корана.

Низшее образованіе (грамотность) впрочемъ значительно распространено между всѣми татарами, не исключая женщинъ. Оно получается въ домашнихъ школахъ муллъ и въ школахъ при мечетяхъ — медресе. Каждый мулла занимается у себя на дому обученіемъ мальчиковъ своего прихода, а его жена учитъ обыкновенно дѣвочекъ (за что величается устабикой—сударыней мастерицей). Кромѣ того, многія дѣти обучаются у своихъ отцовъ и матерей. За обученіе полагается очень небольшая плата (хаиръ) или деньгами,— копѣйки по 2, 3, 5, много 10 въ недѣлю,—или же мясомъ, молокомъ, мукой, овсомъ и др. продуктами. Мулла учитъ бѣдныхъ дѣтей и безъ всякого хаира, даромъ, потому что это считается чрезвычайно душеспасительнымъ трудомъ. Ученье совершается во всѣхъ школахъ только зимой, съ начала ноября по 1 число мая каждый день, кромѣ недѣльнаго—пятницы, по утрамъ, часовъ съ 6 или съ разсвѣтомъ. Начальный курсъ грамотности состоитъ въ изученіи букваря съ необходимыми молитвами (ніаты) и сорока обязанностями мусульманина, кялиматы, которое продолжается года 2 и болѣе вслѣдствіе крайне несовершенныхъ, самыхъ первобытныхъ пріемовъ преподаванія, затѣмъ въ чтеніи избранныхъ мѣстъ Корана или седьмой части Корана, Гавтіанъ, какъ называется эта книга, и самого Корана, что продолжается отъ 3 до 7 лѣтъ, безъ всякаго пониманія читаемаго, потому что Коранъ читается на арабскомъ языкѣ. Въ то же время читаются или, точнѣе, заучиваются наизусть нѣкоторыя татарскія книжки нравственно-религіознаго содержанія. Бядуамъ (объ обязанностяхъ закона), Бакыр-ганъ (нравственная поэма), книга объ Юсуфѣ (Іосифѣ прекрасномъ) и др. Этимъ и оканчивается обученіе всѣхъ дѣвочекъ и большей части мальчиковъ. Для дальнѣйшаго образованія мальчики отдаются въ медресе.

Медресе строится обыкновенно при мечети на пожертвованія болѣе достаточныхъ татаръ и содержится на сборныя суммы. Пожертвованіе на медресе считается однимъ изъ самыхъ богоугодныхъ дѣлъ. По внѣшнему устройству, медресе представляетъ болѣе или менѣе обширную избу съ нѣсколько возвышеннымъ поломъ; между поломъ и порогомъ оставляется яма, незастланная досками, въ которой снимаются калоши, совершаются омовенія, ссыпается съ полу весь соръ, сосредоточиваются вообще весь школьный хламъ и грязь. По стѣнамъ на полу стоятъ перегородки или ширмы, образуя кругомъ нѣчто въ родѣ шкаповъ, въ которыхъ помѣщаются ученики со всѣмъ своимъ имуществомъ; на стѣнѣ каждаго такого отдѣленія виситъ одежда и полки съ книгами, а на полу располагаются постели, сундуки, посуда, съѣстные припасы и проч. Ученики (шакирды) постоянно должны находиться въ медресе; домой ихъ отпускаютъ только на пятницу отъ вечера четверга до утра субботы. Поэтому они здѣсь и учатся и ведутъ все свое хозяйство. Такъ какъ женщины въ медресе не допускаются, то мальчики сами по очереди должны для себя и стряпать, и мыть бѣлье, и зашивать разныя дыры, что отнимаетъ у нихъ не мало времени отъ ученья. Всѣ шакирды должны служить образцомъ аккуратнаго соблюденія всѣхъ намазовъ, омовеній и постовъ и вообще все воспитаніе ихъ основано на строго религіозныхъ началахъ. Ученье происходитъ утромъ, часовъ съ 6 до 10 и 11; все юношество при этомъ разсаживается съ поджатыми подъ себя ногами по полу и начинаетъ жалобнымъ обрядовымъ речитативомъ распѣвать свои уроки по Корану и др. книгамъ или писать, держа бумагу на лѣвой ладони надъ приподнятымъ колѣномъ. Въ четвергъ происходитъ повѣрка всѣхъ успѣховъ за недѣлю и расправа съ неуспѣшными учениками, какъ это дѣлалось въ нашихъ старыхъ школахъ по субботамъ; неуспѣшныхъ наказываютъ сажа-

ніемъ подъ полъ или розгами. Лѣтомъ ученики не распускаются по домамъ; многіе изъ нихъ пускаются въ это время въ мелочную торговлю, продаютъ лимоны и апельсины, для чего уѣзжаютъ даже въ Нижній, а нѣкоторые расходятся по киргизскимъ ауламъ читать Коранъ, чѣмъ тоже добываютъ себѣ деньги.

Главные учителя въ медресе старшіе ученики—хальфы, которымъ родители и ввѣряютъ своихъ дѣтей за условленный хаиръ. Хальфы постоянно живутъ въ школѣ, учатъ ввѣренныхъ имъ шакирдовъ и смотрятъ за ихъ поведеніемъ, а сами учатся часа по два въ день у ученаго муллы, который величается мулла-хазрятъ и маленькихъ уже не обучаетъ. Ученики не раздѣляются въ медресе на группы въ родѣ классовъ; каждый учитъ свой урокъ, до чего дошелъ; рѣдко человѣкъ 5—6 имѣютъ одинъ урокъ. Манера преподаванія практическая, самая первобытная, безъ всякой методы и теоретическихъ правилъ. Отъ того ученіе въ медресе продолжается очень долго, неопредѣленное число лѣтъ. Хальфы могутъ учиться лѣтъ по 15, сколько имъ самимъ захочется, пока не соберутся въ Уфу искать званія муллы. Новыхъ шакирдовъ они учатъ сначала тому же, что преподается въ домѣ муллы. Если они уже были этому обучены прежде, то прямо приступаютъ къ арабской грамматикѣ, считающейся очень труднымъ предметомъ, и сидятъ за разными ея частями по нѣсколько лѣтъ; въ то же время учатъ разныя татарскія и турецкія книжки, затѣмъ, при большемъ знакомствѣ съ арабской грамматикой — книжки арабскія обрядоваго, вѣроучительнаго, нравственнаго и юридическаго содержанія. Изъ языковъ учатъ еще персидскій языкъ, но татарскій и русскій въ школахъ не преподаются. Послѣдній только въ недавнее время сталъ обязательно вводиться въ татарскія школы самимъ правительствомъ, но еще и теперь не привился въ нихъ вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія этому нововведенію всего татарскаго народонаселенія. Обученіе татарскому языку, какъ природному, татары считаютъ совершенно излишнимъ. Въ продолженіе всего средняго курса шакирды, кромѣ того, по нѣсколько разъ успѣваютъ прочитывать Коранъ, считающійся главнымъ предметомъ изученія. — Хальфамъ хазрятъ-мулла читаетъ арабскій синтаксисъ, логику (Мантыкъ) по началамъ Аристотеля, четыре дѣйствія ариѳметики (Шамсіе), математику (Фарназъ), заключающую въ себѣ, кромѣ первоначальныхъ математическихъ свѣдѣній, правила о раздѣлѣ наслѣдства, книгу Мухтасаръ — объ омовеніяхъ, намазахъ, уразѣ, о бракѣ, о продажѣ и барышѣ, о закладѣ вещей. Затѣмъ все вниманіе каждаго хальфа исключительно обращено на изученіе разныхъ тонкостей магометанскаго вѣроученія и комментаріевъ Корана и Сунны. Ни исторія, ни географія въ медресе не преподаются, такъ что и высшее образованіе, подобно низшему, все цѣликомъ держится на религіозныхъ началахъ, лишь облеченныхъ въ логическо-схоластическія и риторическія формы. Верхомъ образованности считается умѣнье выражаться высокимъ слогомъ, т.-е. примѣшивать къ татарскому языку множество турецкихъ, персидскихъ и особенно арабскихъ словъ. Вслѣдствіе подобной примѣси, съ теченіемъ времени входившей въ самый составъ татарскаго языка, казанское нарѣчіе послѣдняго замѣтно усту-

Казанскіе татары.

паетъ въ своей чистотѣ другимъ нарѣчіямъ. Болѣе чистыя и древнія формы языка можно изучить главнымъ образомъ въ нарѣчіи татаръ старокрещеныхъ, не участвовавшихъ въ движеніи позднѣйшей татарской цивилизаціи. Для довершенія образованія, у хальфовъ, имѣющихъ желаніе сдѣлаться учеными муллами, есть обыкновеніе ѣздить въ Бухару, даже въ Константинополь и Египетъ, хотя Казань тоже считается однимъ изъ самыхъ образовательныхъ центровъ мусульманскаго міра.

Замѣчательно, что вся теперешняя мусульманская образованность Казани обязана своимъ процвѣтаніемъ русскому правительству и поднялась не ранѣе начала текущаго столѣтія. До этого времени татарское населеніе края находилось въ самомъ темномъ невѣжествѣ относительно своей вѣры. Учителя были рѣдки, потому что образовывать ихъ можно было только черезъ посылку молодыхъ людей въ отдаленные края Востока, въ Бухару или Стамбулъ; оттуда же добывались и всѣ нужныя книги. Въ 1802 г. по волѣ императора Александра I вслѣдствіе просьбы татаръ заведена была, наконецъ, первая татарская типографія въ Казани при гимназіи, и въ теченіе всего трехъ лѣтъ успѣла напечатать 11,000 татарскихъ азбукъ, 7,000 экз. Гавтіака, 3,000 Корана и до 10,200 другихъ книгъ религіознаго содержанія. Послѣ этого грамотность начала живо распространяться между татарами, и печатныя книги стали расходиться въ громадномъ количествѣ. Съ 1813 года, когда въ Казани открылась дѣятельность Библейскаго Общества, татарская типографія еще болѣе усилила свою издательскую работу прямо въ противодѣйствіе Обществу. Въ концѣ 1828 года она примкнула къ богатой университетской типографіи, и университетъ, помимо собственнаго своего вѣдома, сдѣлался какимъ-то центромъ религіозной мусульманской цивилизаціи чуть не для всего татарскаго населенія Имперіи, потому что магометанскія книги изъ его типографіи чрезъ татарскихъ книгопродавцевъ, нижегородскую и ирбитскую ярмарки расходятся по всѣмъ концамъ Россіи, гдѣ только есть магометане,—въ Сибирь, Крымъ, на Кавказъ, въ Хиву и Бухару. Количество этихъ изданій достигаетъ изумительныхъ размѣровъ и далеко превышаетъ количество русскихъ изданій той же типографіи. По свѣдѣніямъ за 1855—1864 г.г., она издала за эти 10 лѣтъ до 1,084,320 экземпляровъ магометанскихъ книгъ, въ томъ числѣ 147,600 Гавтіака, 19,000 Корана и т. д. Къ этому нужно еще присовокупить то же громадное количество Корановъ, разныхъ мелкихъ книгъ и брошюръ, вышедшихъ изъ частныхъ татарскихъ и др. типографій. Несмотря на то, что голоса противъ такой странной роли университета въ отношеніи къ магометанской печати раздаются уже давно, указанная издательская дѣятельность его типографіи, доставляющая послѣдней большія выгоды, не только не ослабѣваетъ, но даже доселѣ годъ отъ году возрастаетъ.

Не мудрено, что, благодаря своимъ многочисленнымъ школамъ и печати, татарское населеніе въ настоящее время почти сплошь все грамотное и съ презрѣніемъ смотритъ на русскихъ крестьянъ, страдающихъ поголовною безграмотностью, да кстати уже и на всю русскую образованность вообще. Между татарами существуетъ крѣпкое убѣжденіе, что мусульманскимъ книгамъ нѣтъ конца, а русскимъ книгамъ есть конецъ, и что когда русскіе дочитаются до этого конца, то обратятся уже къ мусульманскимъ книгамъ и сами сдѣлаются мусульманами. По своей привычкѣ къ книгѣ, татаринъ довольно легко выучивается и русской грамотѣ, какъ это замѣчено въ полкахъ: солдаты изъ татаръ скорѣе дѣлаются грамотными, чѣмъ русскіе. Любопытно, что въ университетской типографіи татары считаются одними изъ лучшихъ наборщиковъ для мѣстныхъ ученыхъ журналовъ университета и духовной академіи.

Несмотря, впрочемъ, на обширное распространеніе грамотности въ средѣ татарскаго населенія и множество ходящихъ у него въ обращеніи книгъ и брошюръ, его міросозерцаніе, выражающееся въ понятіяхъ о разныхъ явленіяхъ и предметахъ, въ народной поэзіи и легендахъ, не выходитъ изъ узкаго круга ходячихъ мусульманскихъ представленій, общихъ всему Востоку и не имѣющихъ никакого особенно близкаго отношенія собственно къ татарской народности. Оригинальной литературы у татаръ почти не существуетъ. Прежде всего народная

пытливость питается множествомъ религіозныхъ сказаній кораническаго происхожденія: о судьбѣ первыхъ людей, о прекрасномъ Юсуфѣ (Іосифѣ), о Нухѣ (Ноѣ), Авраамѣ, Моисеѣ и др. пророкахъ, о пророкѣ Гайсѣ (Іисусѣ), о Магометѣ, о загробномъ судѣ, кончинѣ міра и будущей жизни. Къ этому религіозному циклу легендъ присоединяется значительная масса сказаній, возникшихъ еще на древней языческой почвѣ, большею частью общихъ съ сказаніями всѣхъ мѣстныхъ инородцевъ и наиболѣе сохранившихся у старокрещеныхъ татаръ,—о домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ, пиреяхъ и т. п. существахъ. Затѣмъ слѣдуютъ легенды чисто поэтическаго, сказочнаго характера, возникшія на основѣ общаго восточнаго эпоса, о разныхъ герояхъ и чудовищахъ, происхожденіи цвѣтовъ, птицъ, животныхъ, вслѣдствіе превращенія въ нихъ людей; самостоятельнаго, національнаго не представляютъ ничего и этого рода легенды. Такимъ образомъ, единственнымъ оригинальнымъ проявленіемъ національной поэзіи татаръ остаются ихъ народныя пѣсни, довольно многочисленныя, но крайне бѣдныя и по содержанію и по формѣ.

Господствующее содержаніе этихъ пѣсенъ составляютъ любовь къ милой, восхваленіе ея тѣлесныхъ качествъ, выраженіе желанія сблизиться и поиграть съ ней, рѣже—любовь къ родинѣ и къ роднымъ, выраженіе тоски въ разлукѣ съ ними и т. п. Каждая пѣсня постраивается обыкновенно въ формѣ сравненія и состоитъ изъ немногихъ, большею частью изъ четырехъ стиховъ; каждый стихъ имѣетъ въ рединѣ цезуру и риѳмуетъ съ другимъ двойною риѳмою, въ цезурѣ и въ концѣ. Размѣръ—такъ-называемый риторическій, состоящій въ риторическомъ соотвѣтствіи одного стиха другому, какъ вообще это принято въ восточной поэзіи. Пѣсня растягивается припѣвами, которые прикладываются къ ней по желанію поющаго. Напѣвы пѣсенъ тоже не связаны съ ними постоянно. Каждую пѣсню можно пѣть какимъ угодно напѣвомъ, и веселымъ и грустнымъ; татары большею частью любятъ грустные, тягучіе напѣвы, отличающіеся постоянными руладами и невольно переносящіе слушателя въ широкія, но однообразныя степныя кочевья древнихъ татарскихъ ордъ. Татарскій пѣвецъ поетъ обыкновенно весьма назойливымъ и блажнымъ теноромъ, который онъ усиливаетъ по мѣстамъ до чувствительнаго fortissimo какимъ-то особымъ способомъ, не столько съ помощью легкихъ, сколько съ помощью, если можно это представить, кишекъ. Господствующее сочетаніе нотъ состоитъ въ переходѣ голоса на три ноты вверхъ скачками черезъ полный тонъ, потомъ, по растяженіи послѣдней верхней ноты, въ тройномъ же руладномъ паденіи его опять внизъ и растяженіи послѣдней нижней ноты. Въ самомъ складѣ пѣсни слушателя больше всего поражаютъ неожиданныя сравненія и странные переходы отъ образа къ образу, въ которыхъ нерѣдко съ трудомъ можно уловить внутреннюю связь, потому что между предыдущимъ и послѣдующимъ образомъ опущена иногда длинная вереница посредствующихъ звеньевъ. Это рядъ какихъ-то еще необработанныхъ, какъ бы только промелькивающихъ, зарождающихся и еще не стязавшихся между собою мыслей въ ихъ первичной формѣ и первобытной наивности. Вотъ нѣсколько образчиковъ любовныхъ и родственныхъ пѣсней въ полномъ ихъ видѣ.

1. „Душенька! твои волосы очень черны, — не мазала ли ты ихъ гвоздичнымъ масломъ? Душенька! твой ростъ очень статенъ, — когда ты росла, не питалась ли только яблоками садовыми?"

2. „Надѣнь-ка свой бѣлый колпакъ и, сбекренивъ его, прохаживайся-ка. Какая ты чрезвычайная красотка! Скажи, прошу: я тебя люблю".

3. „Съ блескомъ восходитъ солнце, когда дѣвицы заплетаютъ свои косы. Радуется все существо мое, увидѣвъ лицо твое, подобное лунѣ".

4. „На холмѣ идутъ двѣ дѣвицы, обѣ въ ситцевыхъ платьяхъ; походки ихъ ловки, а уста сахарны и какъ сиропъ".

5. „На вершинѣ высокой горы ястребъ оббилъ свои перья. Если ты будешь икать, то держи въ памяти, что я есмь соскучившійся по тебѣ".

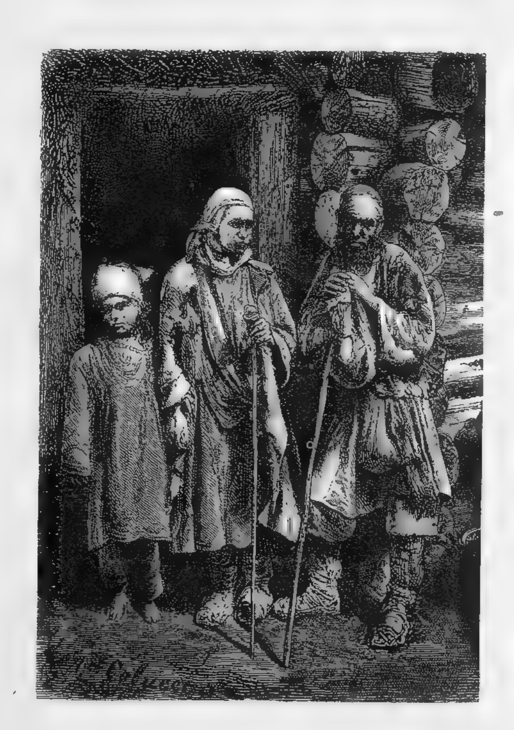
Число подобныхъ любовныхъ пѣсней очень велико и постоянно возрастаетъ; влюбленные татары нерѣдко ихъ даже импровизируютъ, что, по причинѣ нехитраго склада пѣсни, очень легко. Напримѣръ, сидитъ подвыпившій татаринъ въ харчевнѣ, посмотритъ вокругъ себя и запоетъ: „Вотъ эти господа пьютъ вмѣстѣ чай съ сахаромъ; а гдѣ же теперь и что дѣлаетъ моя милая?" и т. п. Къ этому же вѣроятно разряду импровизацій относится пѣсня, которую описывавшій татаръ профессоръ Фуксъ слышалъ отъ молодого татарина, съ восторгомъ возвращавшагося съ джіина, гдѣ предъ нимъ было выставлено столько татарскихъ красотъ: „Я смотрѣлъ на милыхъ, какъ коршунъ на добычу; милыя смотрѣли на меня, какъ кошка, съѣвшая масло".

Болѣе поэтическихъ достоинствъ имѣютъ пѣсни, выражающія чувствованія къ родинѣ, роднымъ и друзьямъ, большею частью думчиваго, серьезнаго характера, иногда съ проблесками довольно сильной и глубокой мысли. „Сизый голубь воркуетъ, треплетъ свой пухъ,—кто будетъ собирать его пухъ? Точно также, если умрешь на чужой сторонѣ, кто тебя похоронитъ?"— „Рядомъ грядки и на нихъ зеленый лукъ,—какъ можно его рвать, пока онъ не выросъ? Точно также можно ли вытерпѣть, не видавъ мѣста, гдѣ родился и выросъ?"—„Рядомъ двѣ березы и онѣ шумятъ, когда распустятся на нихъ листья. Также два родныхъ, когда встрѣтятся (послѣ долгой разлуки), говорятъ лучше, чѣмъ поютъ соловьи". Такимъ же характеромъ отличаются многіе припѣвы, прилагаемые къ пѣснямъ. Вотъ нѣсколько такихъ припѣвовъ: „Раздѣлимъ яблоко на пять частей; умремъ другъ за друга". „Это согнувшійся, кривой тальникъ; это ходившая много по чужой сторонѣ голова". „На горѣ тальники, на листьяхъ которыхъ медъ; не любишь, такъ полюбишь,—въ жизни бываютъ такія обстоятельства". Нерѣдко въ припѣвахъ выражается любовь къ Бухарѣ и бѣлой Уфѣ.

Въ послѣднее время правительство обратило серьезное вниманіе на образованіе татаръ, подчинило ихъ школы своему инспектору и старается восполнить скудные курсы этихъ школъ введеніемъ въ нихъ обязательнаго изученія русскаго языка и основныхъ историческихъ и естественныхъ знаній. Масса татаръ теперь пока вся противъ этихъ нововведеній, не исключая и самихъ муллъ, хотя они и притворяются содѣйствующими видамъ правительства. Съ теченіемъ времени дѣло это вѣроятно уладится; рано или поздно татары, народъ далеко не глупый, поймутъ, что имъ собираются оказать благодѣяніе нисколько ни меньшее того, какое въ началѣ нынѣшняго столѣтія оказано было заведеніемъ татарской типографіи. Но будетъ ли это образованіе полезно съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, — вопросъ другой; рѣшеніе его трудно предвидѣть заранѣе, потому что татарская народность доселѣ составляетъ самую крѣпкую изъ народностей восточнаго инородческаго края, неподдающуюся никакимъ вліяніямъ со стороны народности господствующей. Триста лѣтъ живутъ они вмѣстѣ съ русскими и подъ русскою властью и не только не русѣютъ, какъ другіе инородцы, но еще сами развиваютъ съ своей стороны огромное вліяніе на сосѣднихъ инородцевъ, обращая ихъ въ магометанство и постепенно отатаривая. Отъ русскихъ они живутъ особнякомъ; многіе, особенно женщины, даже вовсе не знаютъ русскаго языка, несмотря на то, что не могутъ не нуждаться въ его изученіи на каждомъ шагу. Конечно, въ этомъ много виноваты сами русскіе вслѣдствіе своего крайне отталкивающаго отношенія къ нимъ, отъ котораго татарина не спасаетъ даже обращеніе къ христіанству. „Татарская лопатка, собака"—самыя частыя клички татаръ изъ устъ русскаго человѣка, которыя можно слышать постоянно. Простонародье считаетъ ихъ какими-то погаными существами и скорѣе дастъ въ своей посудѣ пищу собакѣ, чѣмъ татарину. Отъ этого татары являются къ русскимъ на работу непремѣнно съ своей посудой, зная напередъ, что иначе имъ не изъ чего будетъ даже напиться воды. Разумѣется, и сами они то же не остаются у русскихъ въ долгу, напримѣръ, не считаютъ грѣхомъ надуть, обокрасть или исколотить ихъ при случаѣ, то же въ свою очередь зовутъ ихъ собаками, кяпирами (невѣрными), чукынганами (свиньями) и т. п. Нельзя, впрочемъ, при этомъ упускать изъ вниманія и того,

что такія отношенія сформировались у русскихъ только къ татарамъ; къ другимъ инородцамъ русскій относится довольно снисходительно, допуская насчетъ ихъ только добродушныя шуточки и прибауточки. Очевидно, татаринъ ему прямо антипатиченъ. Причинъ этой антипатіи можно найти достаточно въ исторіи всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеній; много ихъ и теперь, и едва-ли не главная причина заключается въ самой крѣпости татарской народности. Татаринъ искренно гордится и своимъ происхожденіемъ, и образованіемъ, и моральными качествами, и религіей, и всѣмъ вообще своимъ, презирая русскаго не менѣе, чѣмъ тотъ его.

Христіанское просвѣщеніе привилось къ татарамъ тоже менѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ инородцамъ, и это не въ одномъ казанскомъ краѣ, но и повсюду въ Россіи. Татарская вѣра, какъ зовутъ у насъ магометанство, твердо выдержала неоднократные напоры на нее христіанской миссіи, поступившись русской вѣрѣ, какъ зовутъ татары православіе, только самымъ малымъ числомъ своихъ исповѣдниковъ, и тѣхъ не переставая доселѣ снова перетягивать на свою сторону. Самыми важными эпохами христіанской миссіи въ средѣ казанскихъ инородцевъ были: время перваго утвержденія между ними русскаго владычества во второй половинѣ XVI в. и затѣмъ въ XVIII в. время царствованія императрицы Елизаветы. Первые святые дѣятели христіанской миссіи, знаменитые казанскіе чудотворцы XVI в., Гурій, Варсонофій и Германъ, оставили послѣ себя цѣлыя селенія такъ-называемыхъ старокрещеныхъ инородцевъ, въ томъ числѣ не мало и татарскихъ селеній. Къ сожалѣнію, дѣло миссіи остановилось тогда только на первоначальномъ обращеніи этихъ старокрещеныхъ къ христіанству; чудотворцы при всѣхъ усиліяхъ своихъ не успѣли сообщить этой массѣ обращенныхъ ими христіанскаго просвѣщенія, а преемники ихъ не поддержали ихъ благого начала. Уже въ началѣ XVIII в. духовное и гражданское правительства снова обратили вниманіе на инородцевъ, заговорили объ ихъ крещеніи и, главное, о заведеніи между ними школъ съ миссіонерскимъ характеромъ въ разныхъ пунктахъ казанской епархіи. Въ 1740-хъ годахъ школы эти дѣйствительно были заведены въ Свіяжскѣ, Елабугѣ и Царевококшайскѣ, потомъ въ 1753 г. изъ нихъ возникла большая центральная школа въ самой Казани. Но и теперь не школѣ привелось стоять на первомъ планѣ въ рѣшеніи инородческаго вопроса, а опять-таки только миссіи. Въ 1740 г. въ Свіяжскѣ, при Богородицкомъ монастырѣ, учреждена была новокрещенская контора, обратившая все свое вниманіе на одно крещеніе инородцевъ въ какъ можно большемъ числѣ. О томъ же болѣе всего хлопоталъ энергично содѣйствовавшій ей казанскій архіерей, считающійся просвѣтителемъ казанскаго края, Лука Конашевичъ. Благочестивое царствованіе императрицы Елизаветы, какъ нельзя болѣе, способствовало начавшемуся тогда, можно сказать, поголовному крещенію инородцевъ. Съ 1741 по 1756 годъ крещено было до 368,430 душъ разныхъ инородцевъ, полу-

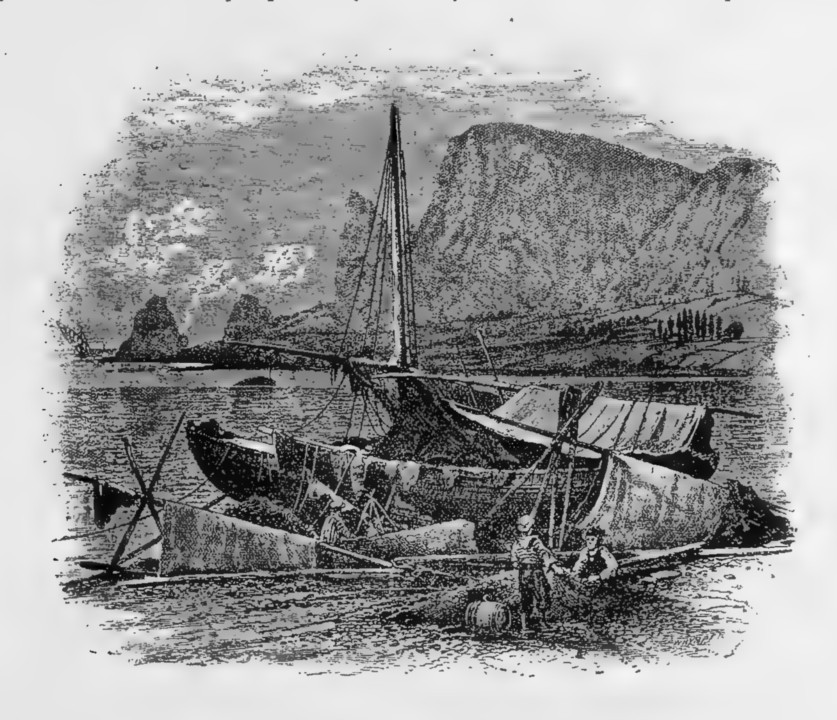
Нищіе татары Казанской губ.

чившихъ съ тѣхъ поръ названіе новокрещеныхъ. Татары крестились рѣже всѣхъ и своимъ упорствомъ противъ всѣхъ усилій миссіонеровъ и властей навлекли на себя настоящее гоненіе, о бѣдствіяхъ котораго хранятъ озлобленныя преданія даже доселѣ. Епископъ Лука насильно бралъ ихъ дѣтей въ свои школы, ломалъ ихъ мечети, построилъ двѣ церкви въ ихъ слободѣ въ Казани и учредилъ въ эти церкви крестные ходы, въ селѣ Успенскомъ разобралъ остатки уважавшихся татарами булгарскихъ сооруженій и изъ развалинъ ихъ устроилъ церковь, монастырскіе погреба и проч. Правительство съ своей стороны отягчало упорныхъ магометанъ увеличеніемъ сборовъ и повинностей и переселеніями на другія мѣста. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было крещеніе всего только 3,670 душъ татаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное озлобленіе всей остальной массы татарскаго населенія, которое доходило до того, что въ 1756 г. само правительство сочло необходимымъ умѣрить свою ревность о вѣрѣ и немедленно перевести епископа Луку въ другую епархію. Волненія, возбужденныя въ инородческомъ мірѣ, долго не улегались послѣ этого и еще въ 1770-хъ годахъ горько отозвались для русскихъ въ Пугачевщинѣ.

При императрицѣ Екатеринѣ II новокрещенская контора была совершенно закрыта (въ 1764 г.). Въ то же время подъ вліяніемъ модной тогда идеи о вѣротерпимости уничтоженъ былъ сборъ податей съ некрещеныхъ инородцевъ за крещеныхъ, дано самое широкое дозволеніе строить татарамъ мечети, а духовенству запрещено вмѣшиваться въ какія бы то ни было дѣла объ иновѣрцахъ и ихъ молитвенныхъ домахъ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерина устроила для магометанъ даже особыя средоточія ихъ религіознаго управленія въ лицѣ двухъ муфтіевъ, одного въ Уфѣ, другого въ Крыму. Кромѣ того, въ Петербургѣ отпечатанъ былъ Коранъ въ количествѣ 3,000 экземпляровъ для разсылки по губерніямъ, населеннымъ татарами. Христіанская миссія между инородцами была окончательно подорвана, а къ концу XVIII в. закрылись и новокрещенскія школы, — единственный источникъ для просвѣщенія новокрещеныхъ. Между тѣмъ магометанство оживилось и развило съ своей стороны сильную пропаганду среди обратившихся татаръ, снова привлекая ихъ на свою сторону, и кромѣ того среди другихъ инородцевъ, исповѣдовавшихъ шаманство, киргизовъ и башкиръ. Пошли толки, что само правительство стоитъ за татарскую вѣру, скоро будетъ само на свой счетъ строить татарамъ мечети и что вышелъ указъ, дозволяющій новокрещенымъ снова возвращаться въ исламъ. Заведеніе татарской типографіи въ началѣ XIX столѣтія окончательно упрочило положеніе магометанства въ Россіи, усиливъ его школы и развивъ грамотность въ средѣ его исповѣдниковъ. Результаты всего этого не замедлили обнаружиться и обнаружились именно черезъ столько времени, сколько было нужно для того, чтобы подросло молодое поколѣніе, воспитавшееся въ новыхъ школахъ.

Съ 1827 г. началось первое массивное отпаденіе крещеныхъ татаръ въ магометанство. Поданы были на Высочайшее имя прошенія о возвращеніи въ исламъ отъ 138 деревень; въ прошеніяхъ этихъ татары объясняли, что ихъ предки всегда были мусульмане, что они попали въ христіанство неизвѣстно какъ и когда, но вовсе не обучены христіанской вѣрѣ и нисколько ея не знаютъ, въ подтвержденіе просьбы ссылались на указъ 1764 года о закрытіи новокрещенской конторы, крестившей ихъ насильно. Ссылка эта не оправдывается смысломъ самого указа 1764 г., но хорошо показываетъ, съ какого времени и по какому поводу магометанство начало поднимать голову послѣ ударовъ Елизаветинскаго царствованія. За этимъ отпаденіемъ крещеныхъ татаръ послѣдовалъ рядъ другихъ, изъ которыхъ наиболѣе массивное было въ 1866 г. Отпаденія эти не ограничивались одной Казанской губерніей, но обнимали собою и сосѣднія губерніи, гдѣ живутъ татары, Симбирскую, Уфимскую, Самарскую и Вятскую. При этомъ вездѣ повторялась одна и та же исторія: разносился слухъ о нѣкоемъ царскомъ указѣ, дозволявшемъ отступничество, подавались о возвращеніи къ старой вѣрѣ прошенія на Высочайшее имя, а въ ожиданіи ихъ результатовъ отступники выкидывали изъ домовъ своихъ образа,

сбрасывали съ себя пояса, надѣвали на головы тюбетейки и отправлялись вмѣсто церкви въ мечеть. Начальство принималось судить ихъ, таскало въ консисторію для увѣщанія, сѣкло, переселяло въ русскія селенія, даже ссылало въ Сибирь; но дальше этихъ чисто внѣшнихъ мѣръ наказаніе не простиралось да и не могло простираться. Мѣстное духовенство оказалось совершенно не подготовленнымъ къ просвѣщенію татарской паствы, потому что не знало ни ея языка, ни ея магометанскихъ старыхъ вѣрованій. Каждый разъ, какъ въ консисторіи требовались способные люди для увѣщанія отпавшихъ, въ епархіи не находилось ни одного священника, который бы зналъ татарскій языкъ и магометанское вѣроученіе. Духовная школа, погрузившись въ изученіе латыни и въ опроверженіе древнихъ еретиковъ Византійской имперіи, не сообщала

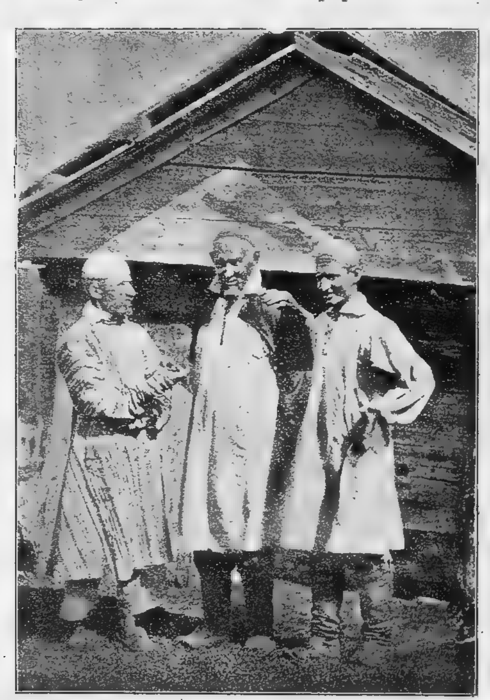
Татарская рыбачья лодка.

никакого понятія о томъ, что у нея было подъ носомъ, о мѣстныхъ инородческихъ языкахъ и вѣрованіяхъ.

Замѣчательно, что отпаденія обнаружились главнымъ образомъ между татарами новокрещеными, а не старокрещеными. Причина понятна: хотя и тѣ и другіе присоединены были къ церкви одинаково внѣшнимъ только образомъ, но отъ присоединенія послѣднихъ прошло уже три столѣтія, что не могло не укрѣпить въ нихъ по крайней мѣрѣ привычки числиться христіанами. На самомъ дѣлѣ христіанами и ихъ нельзя назвать вполнѣ; это какое-то особое межеумочное, но весьма интересное племя, представляющее въ своихъ убѣжденіяхъ и привычкахъ какую-то смѣсь христіанства съ магометанствомъ и язычествомъ и стоющее спеціальнаго изученія этнографовъ и историковъ. Это остатки татаръ древняго времени, когда татарскій народъ, принявъ магометанство, на разстался еще и съ старыми языческими вѣрованіями и переживалъ свой періодъ двоевѣрія. Христіанство, въ которое они были крещены казанскими

чудотворцами, составило между ними третью вѣру, надобно сказать, самую слабую. Эту смѣсь трехъ вѣръ они сохранили и доселѣ, какъ любопытный памятникъ старины, почти цѣликомъ дотянувшій до насъ свое существованіе еще отъ XVI в., и печальное свидѣтельство слабости на нихъ русскаго вліянія.

Христіанство привилось къ старокрещенымъ только въ слабой любой степени. Личность Спасителя извѣстна имъ изъ однихъ магометанскихъ источниковъ, какъ личность одного изъ пророковъ. Догматы о Его божествѣ, о Троицѣ, о воплощеніи, подъ вліяніемъ магометанскаго монотеизма, положительно ими отвергаются и служатъ постояннымъ соблазномъ относительно христіанства, равно какъ христіанское иконопочитаніе, отождествляемое ими съ языческимъ идолопоклонствомъ. Въ то же время они во всей силѣ исповѣдуютъ символъ ислама: ,,Нѣтъ Бога, кромѣ Бога; Магометъ пророкъ Его". Только нѣкоторые, болѣе близкіе къ христіанству, считаютъ Магомета просто святымъ. Почитаніе татарскихъ святыхъ между старокрещеными развито въ одинаковой степени, какъ и между коренными мусульманами. Вѣрованія касательно будущей жизни и загробнаго суда остались тоже чисто магометанскія. Множество кораническихъ легендъ о пророкахъ, Адамѣ, Авраамѣ, Іосифѣ, Моисеѣ и проч., и о самомъ Магометѣ, его нравственныхъ качествахъ, пророчествахъ и чудесахъ составляютъ такую же распространенную между старокрещеными массу религіозныхъ знаній, какую для русскаго простонародья составляютъ апокрифическія легенды, созданныя на библейской основѣ, что прямо показываетъ, что кореннымъ источникомъ религіознаго міросозерцанія для нихъ доселѣ служитъ еще не Библія, а именно Коранъ. Къ обрядамъ церкви старокрещеный совершенно равнодушенъ: въ церковь не ходитъ, а если когда и явится въ нее, то не молится; домашней молитвы тоже не совершаетъ, развѣ въ присутствіи русскихъ, а если и молится иногда, то по-татарски, поднимая руки кверху и читая татарскія молитвы, что называется у нихъ ,,творить аминь"; передъ началомъ дѣла или предъ пріемомъ пищи, вмѣсто ,,Господи помилуй", говоритъ ,,бисмилля"; постовъ не соблюдаетъ, ни татарскихъ, ни русскихъ; исповѣдь и причастіе принимаются только по необходимости, передъ свадьбой да передъ смертью. Результатомъ этого колебательнаго состоянія между разными вѣрами необходимо долженъ былъ явиться у старокрещеныхъ религіозный индефферентизмъ; между ними постоянно можно считать извѣстное разсужденіе, что и ту и эту вѣру Богъ далъ, что всякій по своей и спасается, и что даже еще неизвѣстно, которая вѣра лучше.

Зажиточные татары Симбирской губ.

Долгое пребываніе въ христіанствѣ и болѣе близкое отношеніе къ русскимъ не остались впрочемъ безъ вліянія на нравственную сторону старокрещенской жизни. Въ ней замѣтно значительное улучшеніе семейныхъ нравовъ, большая чистота ихъ, лучшій взглядъ и на бракъ, свобода женщины, по крайней мѣрѣ уже не закрывающейся отъ мужчинъ своимъ зиляномъ и участвующей во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, болѣе прочное ея положеніе въ семьѣ вслѣдствіе

нерасторжимости брака. Старокрещеный татаринъ болѣе своего некрещенаго единоплеменника усвоилъ хорошія черты земледѣльческаго быта, трудолюбіе, честность, привычку жить солиднымъ крестьянскимъ трудомъ, не гоняясь за легкой, но недобросовѣстной наживой мелкаго торгаша, болѣе правильное домашнее хозяйство и нѣсколько большую патріархальную простоту нрава, обусловливающую меньшее количество преступленій, чѣмъ въ коренномъ магометанскомъ населеніи.

Остатки старыхъ языческихъ вѣрованій составляютъ наиболѣе интересную особенность старокрещенаго татарства. Сюда относятся упомянутыя нами жертвы—курманы. Сохранилось множество довольно свѣжихъ преданій о разныхъ миѳическихъ существахъ стараго времени, о которыхъ татары-магометане большею частью уже позабыли. Самое Божество доселѣ представляется у старокрещеныхъ въ древнемъ языческомъ образѣ Бога неба и грома и называется Тянгере-бабай (небо-дѣдъ) въ отличіе отъ магометанскаго позднѣйшаго „Алла". Старецъ Тянгере ѣздитъ по небу въ колесницѣ, съ длиннымъ кнутомъ и привязанными сзади гирями, которыя при его поѣздѣ производятъ громъ. Осенью ему приносится жертва за урожай изъ родившихся въ томъ же году барановъ, утокъ и гусей. Совершаются въ честь его и другія жертвы или курманы, извѣстныя болѣе по имени животныхъ, которыя приносятся въ жертву, напримѣръ, таукъ-курманъ (изъ курицы) въ концѣ іюля объ урожаѣ, шейлыкъ-курманъ (изъ сборныхъ яицъ, творогу, меду и хлѣба) весной, сарыкъ-курманъ (изъ овцы), балыкъ-курманъ (изъ рыбы) и т. д. Жертвы всѣ совершаются одинаково: жертвенное животное рѣжутъ, оборотивъ головой къ Меккѣ, съ молитвой: бисмилля, затѣмъ готовятъ его въ пищу и съѣдаютъ.

Нищіе татары Симбирской губ. (Съ фотографіи).

Кромѣ Тянгере, чествуются многія низшія божества, больше всѣхъ Ой эйясе (хозяинъ), домовой, котораго культъ и миѳическій образъ во всемъ почти сходны съ таковыми же русскими. Обычная жертва ему — каша, какъ и у русскихъ крестьянъ. У татаръ въ честь его вѣшаютъ еще на чердакѣ кошельки съ деньгами, особый для каждаго члена семейства; во время домашнихъ несчастій, а также въ началѣ зимы, когда бываетъ главный обрядъ домовому, въ кошельки эти вкладывается по нѣсколько новыхъ монетъ, такъ что у домового современемъ скопляется порядочный капиталъ. По смерти одного изъ членовъ семьи, часть денегъ изъ его кошелька кладется съ нимъ въ могилу, а остальныя расходуются на поминки. Въ началѣ зимы въ честь домового совершается такъ-называемое моленіе усадьбы, при чемъ варится полбенная каша, на чердакъ относятъ въ кошелекъ домовому денегъ, а въ подпольи подъ уголъ дома зачѣмъ-то вкладываютъ кусокъ стали, напримѣръ, обломокъ косы. Года черезъ два или три въ честь домового принято заколоть какое-нибудь животное, какое можно по состоянію хозяевъ, лучше всего рыжей шерсти. Кромѣ домового, чествуется еще сарай-

никъ (Обзаръ эйясе), покровитель скота. За нимъ, по усердію чествованія, слѣдуетъ Сыу эйясе, водяной, каждый годъ уносящій къ себѣ въ воду по человѣку; для умилостивленія его каждая хозяйка должна отнести ему въ воду разъ въ лѣто лепешку и болтушку; особенно чтутъ его мельники. Жители прилѣсныхъ деревень, а также пчеловоды и разные лѣсные промышленники приносятъ разныя жертвы лѣшему (Урманъ эйясе), который, какъ и домовой, очень похожъ на русскаго. Въ лѣсу же живутъ шюряле, огромныя костлявыя существа, похожія на людей, съ длинными пальцами (извѣстные слитки песку или чортовы пальцы татары считаютъ пальцами шюряле), которыми они защекочиваютъ заблудившихся въ лѣсу; есть шюряле женскаго пола съ огромными грудями, которыя онѣ закидываютъ за спину. Шюряле очень опасны, но крайне трусливы и глупы; ихъ легко надуть или даже избить. Есть множество другихъ злыхъ духовъ—пярей, которые живутъ въ баняхъ и пустыхъ домахъ, занимаются порчею людей, дѣлая ихъ бѣшеными, являются парнямъ въ образѣ дѣвицъ, а дѣвицамъ въ образѣ парней для половой связи, заводятъ пьяныхъ въ овраги и омуты, воруютъ дѣтей, дѣлаютъ дома своими проказами необитаемыми и т. п. Къ роду пярей относятся еще албасты, являющіеся въ видѣ огромнаго стога или горы; они любятъ давить людей на дорогѣ, давятъ ихъ также во снѣ (кошмаръ). Какъ у другихъ инородцевъ Казанской губерніи, у старокрещеныхъ татаръ сохранилась еще доселѣ вѣра въ разныхъ кереметей и жертвы для ихъ умилостивленія.

Вслѣдствіе крайней слабости русскаго вліянія на татаръ, магометанство оказалось гораздо сильнѣе въ дѣлѣ истребленія этихъ остатковъ язычества, чѣмъ христіанство, отъ того они составляютъ теперь почти исключительную принадлежность однихъ старокрещеныхъ. Сильнѣе оно оказалось и вообще на образованіе татаръ. Въ то время, какъ оно заводило повсюду свои школы, всѣхъ почти своихъ исповѣдниковъ выучило читать книги, дало имъ чрезъ это сильную опору для національной религіи и истребляло старыя суевѣрія, крещеные татары оставались въ самомъ темномъ невѣжествѣ, не имѣя у себя ни школъ, ни учителей. Если которые изъ нихъ и принимались учиться, напримѣръ, для лучшаго веденія торговыхъ дѣлъ, то обращались за этимъ прямо въ татарскія школы, къ мулламъ, гдѣ и теряли послѣдніе проблески христіанства. Духовенство, съ своей стороны, никакъ не могло конкурировать съ муллами, потому что это были учителя чисто народные. Отъ русскаго населенія и подавно нельзя было ожидать какого-нибудь религіознаго вліянія; развѣ только иногда какой-нибудь раскольническій ревнитель вздумаетъ потолковать съ татариномъ о двуперстіи или седьми просфорахъ на литургіи, что, разумѣется, очень мало просвѣщало старокрещенаго человѣка, не имѣвшаго ровно никакого интереса къ непонятному для него христіанскому богослуженію. Къ тому же русскіе сами оттолкнули отъ себя своихъ татарскихъ единовѣрцевъ, относясь къ нимъ съ неменьшимъ національнымъ омерзеніемъ, какъ и къ некрещенымъ татарамъ. Замѣчательно, что браки между русскими и крещеными татарами доселѣ составляютъ большую рѣдкость и считаются унизительными для русскихъ, какъ для парней, такъ и для дѣвицъ. Очень естественно, что крещеные постоянно должны были тяготѣть не къ русскимъ, а къ своимъ некрещенымъ единоплеменникамъ, искать себѣ нравственной пищи не въ христіанствѣ, а въ незабытомъ ими исламѣ. Понятно, какъ сильно должна была всегда дѣйствовать на нихъ магометанская пропаганда, надобно сказать—очень энергичная и обладающая большими средствами во множествѣ муллъ, мечетей и школъ.

Раціональныя и систематическія мѣры по просвѣщенію татаръ христіанствомъ явились со стороны русскихъ только очень недавно. Серьезное изученіе ислама и татарской народности, можно сказать, въ первый разъ началось въ 1854 г., когда при казанской академіи открыто было противумусульманское миссіонерское отдѣленіе, во главѣ котораго явились профессора Саблуковъ и Ильминскій. Въ 1864 году профессоръ Ильминскій съ помощью старокрещенаго татарина В. Тимоѳеева, бывшаго практикантомъ студентомъ въ татарскомъ языкѣ, открылъ первую старокрещенскую школу въ Казани, сдѣлавшуюся потомъ могущественнымъ средствомъ

христіанскаго просвѣщенія для старокрещеныхъ. Изъ этой центральной школы — метрополіи, благодаря ревности ея учредителей и поддержкѣ казанскаго братства св. Гурія, потянулась цѣлая сѣть школъ-колоній по всей Казанской губерніи, открываемыхъ учениками В. Тимоѳеева. Всѣ эти школы устроены какъ нельзя лучше для достиженія своей цѣли. Учителя ихъ всѣ изъ инородческихъ воспитанниковъ казанской школы; преподаваніе съ небольшими курсами и съ преобладаніемъ религіознаго элемента идетъ сначала по-татарски, но съ помощью не

Симбирская татарка.

арабскаго, а русскаго алфавита, и потомъ постепенно переходитъ къ русскому языку. Обучившіеся въ этихъ школахъ мальчики и дѣвочки оказываютъ потомъ громадное вліяніе на христіанское просвѣщеніе своихъ семействъ и цѣлыхъ старокрещенскихъ селеній и своими слабыми силами сдерживаютъ иногда въ своихъ мѣстностяхъ самые сильные напоры магометанской пропаганды, вступая съ проповѣдниками въ споры и подрывая ихъ авторитетъ. На школахъ этихъ покоятся самыя лучшія и даже единственныя надежды христіанства среди

татаръ. Вмѣстѣ съ школами положено было начало переводческой дѣятельности, направленной къ переводу на татарскій и др. инородческіе языки св. Писанія, букваря и богослужебныхъ книгъ. Въ казанской школѣ послѣ посвященія В. Тимоѳеева въ священники открылось богослуженіе на татарскомъ языкѣ, дѣйствующее на татаръ чрезвычайно благотворно. Въ селеніяхъ ученики школъ нарочно устраиваютъ по улицамъ и въ школахъ пѣніе богослужебныхъ пѣсней на своемъ природномъ языкѣ и производятъ этимъ сильное впечатлѣніе не только на крещеныхъ, но и некрещеныхъ татаръ. Для ознакомленія же съ магометанствомъ какъ духовенства, такъ и публики, при казанской академіи съ 1873 г. предпринято изданіе миссіонерскаго сборника. На некрещеныхъ татаръ обратило вниманіе само правительство и предприняло относительно ихъ уже упомянутую нами мѣру, состоящую въ подчиненіи правительственному надзору ихъ медресе и введеніи въ нихъ обязательнаго изученія русскаго языка.

Дѣятельная поддержка подобныхъ мѣръ, отъ которыхъ можно ждать, если не полнаго обрусѣнія татаръ, то по крайней мѣрѣ водворенія между ними менѣе исключительной цивилизаціи и большаго сближенія ихъ съ русскою народностью, въ высшей степени желательно не въ однихъ просвѣтительныхъ, но и въ политическихъ видахъ. Среди татарскаго населенія доселѣ держится еще память о прежнемъ величіи татарскаго царства и вѣра въ его будущее возстановленіе. Возстановленія этого оно ждетъ отъ содѣйствія султана, который пользуется у него благоговѣйнымъ уваженіемъ, какъ единый царь правовѣрныхъ во всемъ мірѣ. Мусульманскія симпатіи тянутъ татаръ не къ Питеру или Москвѣ, а къ Бухарѣ, Меккѣ и Стамбулу,—этимъ священнымъ городамъ ислама. Объ нихъ ходятъ разныя чудесныя легенды, какъ у нашего простонародья о св. мѣстахъ. Со взятіемъ кяпирами Стамбула или Бухары повѣрія связываютъ кончину міра. Турки въ воображеніи татарскаго простонародья до личнаго его знакомства съ ними, когда ихъ проводили въ минувшую войну чрезъ Казанскую губернію плѣнниками, представлялись въ видѣ ангеловъ исполинскихъ размѣровъ, какъ рисуетъ ангеловъ Коранъ. Плѣнниковъ, несмотря на ихъ обыкновенной человѣческій образъ, по татарскимъ деревнямъ все-таки встрѣчали съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, какъ подобаетъ встрѣчать старшихъ братьевъ по исламу.

Въ крымскую войну татары, какъ извѣстно, проявили очень непріятную холодность къ своему отечеству. Рекруты ихъ, при содѣйствіи богачей, бѣгали отъ военной службы въ такомъ большомъ числѣ, что, напримѣръ, по одному Мамадышскому уѣзду насчитано было до 200 бѣглыхъ. Вообще татары говорили тогда, что сражаться противъ единовѣрныхъ турокъ имъ запрещаетъ совѣсть. По всему казанскому краю распространилась тогда увѣренность, что скоро явится султанъ и освободитъ ихъ отъ власти русскихъ. По заключеніи мира, когда крымскіе татары стали переселяться въ Турцію, нѣсколько семействъ изъ казанскихъ татаръ тоже изъявили желаніе послѣдовать ихъ примѣру. Черезъ 20 лѣтъ тѣ же явленія повторились и въ теченіе минувшей войны. Русскимъ крестьянамъ и священникамъ по мѣстамъ приходилось слышать весьма откровенныя похвальбы и предостереженія со стороны татаръ, что скоро-де „султанъ придетъ, русскихъ кунчать станетъ". Людей, пришедшихся имъ по душѣ, они успокаивали: „ты хорошъ человѣкъ,—мы тебя тихонько рѣзать будемъ". Слышно было и о случаяхъ измѣны татарскихъ солдатъ въ арміи. Въ татарскихъ домахъ вездѣ можно было встрѣтить портреты султана и его генераловъ. Въ продолженіе затянувшихся переговоровъ о мирѣ послѣ войны по татарскимъ деревнямъ распространялись упорные слухи, что султанъ заставилъ царя отдать ему всѣхъ мусульманъ-татаръ, а царь, чтобы уклониться отъ этого требованія, распорядился поскорѣе крестить всѣхъ татаръ: „потомъ молъ скажу султану, что это не ваши, а наши люди". Слухи эти имѣли не маловажное значеніе въ послѣдовавшемъ затѣмъ татарскомъ волненіи въ разныхъ мѣстахъ Казанской, Симбирской и Самарской губерній.

Какъ на грѣхъ, къ этому времени подоспѣли нѣкоторыя распоряженія мѣстной духовной и гражданской администраціи, которыя, помимо воли самихъ властей, подтверждали эти слухи

въ глазахъ подозрительныхъ и возбужденныхъ уже татаръ. Самарское епархіальное начальство распорядилось произвести болѣе правильную приписку крещеныхъ татаръ по приходамъ; это невинное распоряженіе некрещеные приняли на свой счетъ, такъ какъ многіе изъ нихъ живутъ вмѣстѣ съ крещеными, и заволновались, думая, что ихъ хотятъ насильно присоединять къ церкви. Въ то же время казанская администрація разослала по сельскимъ полицейскимъ властямъ циркуляры съ приказами о наблюденіи, между прочимъ, чистоты около церквей, о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, повѣшеніи на высокихъ зданіяхъ набатныхъ колоколовъ и т. д. Правила эти татары тоже растолковали въ смыслѣ своихъ упрямыхъ подозрѣній, такъ какъ русскія селенія въ циркулярѣ не были отдѣлены особой оговоркой отъ татарскихъ мусульманскихъ; заговорили о томъ, что ихъ хотятъ заставить вѣшать на мечетяхъ колокола и заботиться о церквахъ, иначе сказать, насильно крестить. Самое слово—циркуляръ переводили по своему: церкви (ляръ—окончаніе множественнаго числа), затѣмъ, и не слушая самой бумаги, по одному ея названію увѣрялись, что дѣло идетъ въ ней дѣйствительно о церквахъ. Волненіе было прекращено обычными мѣрами и очень скоро, но оно сильно и на долго повредило русскому дѣлу во всѣхъ взволнованныхъ мѣстностяхъ.

П. В. Знаменскій.

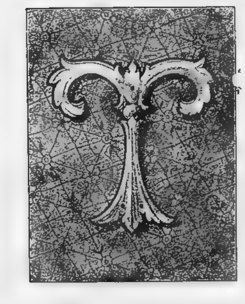
ОЧЕРКЪ V.

НЫНѢШНЯЯ КАЗАНЬ.

Мѣстоположеніе города.—Прошлое Казани.—Планъ старой татарской Казани. — Башня Сююмбеки. — Спасская башня. — Казанскіе монастыри.—Географическое положеніе нынѣшней Казани.—Народонаселеніе.—Городскія постройки.—Публичные сады.—Торгово-промышленное значеніе города.—Фабрики и заводы.—Оптовая и мелочная торговля.—Казань—какъ центръ просвѣщенія восточнаго края Россіи.—Учебныя заведенія. — Ученыя общества.

Казань—городъ на костяхъ стоитъ,
Казанка—рѣчка кровава течетъ,
Мелки ключики—горючи слезы,
По лугамъ—лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы
Молодецкія,—все стрѣлецкія...

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

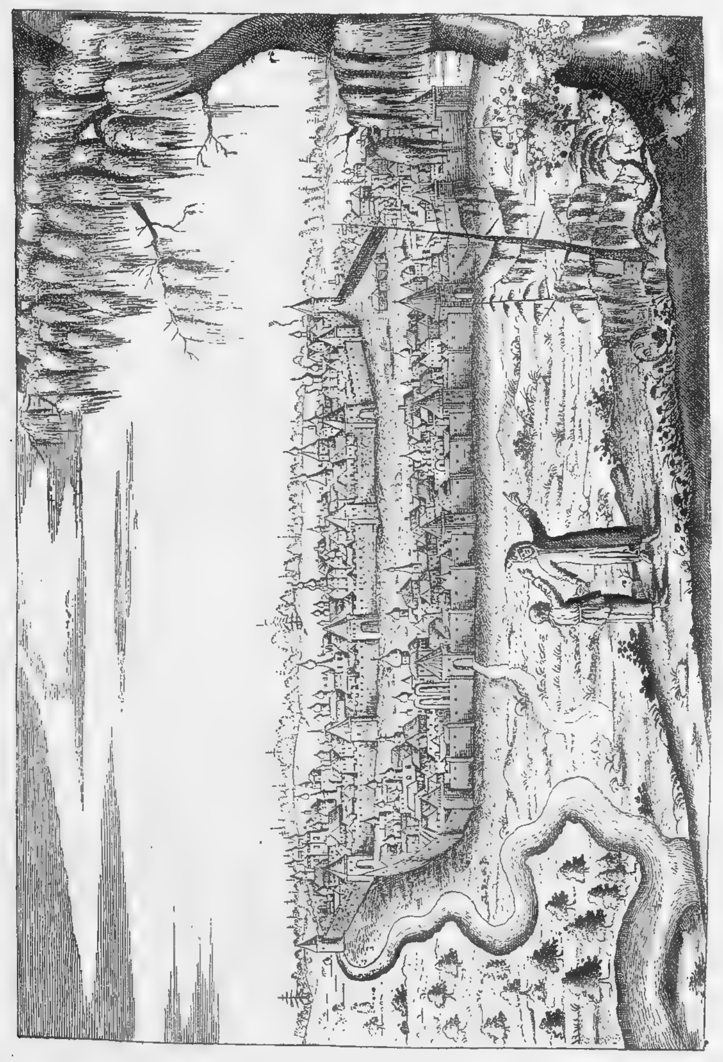

ОЛЬКО завернетъ пароходъ за первый же поворотъ рѣки, спускаясь внизъ по Волгѣ отъ Свіяжска, около известковыхъ горъ праваго берега, какъ глазамъ путешественника верстъ за 12 впереди представится длинная лента отдаленныхъ зданій, надъ которой возвышаются колокольни церквей и минареты мечетей; это и есть наслѣдница древняго Булгара, развѣнчанная столица бывшаго татарскаго царства, Казань, самый большой городъ восточной Россіи, важное средоточіе волжской торговли и центръ учебнаго, судебнаго и военнаго округовъ.

Издали она представляется раскинутой по самому берегу, но по мѣрѣ приближенія все болѣе и болѣе удаляется, скрываясь постепенно за невысокою береговою возвышенностью, и у самой пристани вы видите передъ собой только рядъ трактировъ, кабаковъ, балчуговъ съ съѣстными припасами и другихъ береговыхъ строеній, расположенныхъ на глубокомъ, смѣшанномъ съ пылью и вонью пескѣ, а Казань виднѣется изъ за-нихъ еще дальше, версты за 4, отдѣленная отъ Волги обширною луговой и болотной низменностью. Низменность эта во время волжскаго разлива вся затопляется водою, за исключеніемъ возвышенности на половинѣ пути отъ Волги до города, занятой обширной Адмиралтейской слободою. Вода подступаетъ къ самому городу и даже затопляетъ его крайнія улицы. Суда и пароходы въ это время грузятся около самаго казанскаго кремля и подъ нимъ устраивается довольно оживленная ярмарка, извѣстная подъ именемъ Биржи. Видъ Казани въ это время великолѣпенъ, но за то, по спадѣ водъ, въ теченіе всего лѣта, очень много теряетъ вслѣдствіе непривлекательнаго характера

лежащей впереди него низменности, ближе къ городу, притомъ же сплошь покрывающейся плотами строевого и дровяного лѣса, грудами навезеннаго по Волгѣ камня, бочками смолы и дегтя, бунтами рогожъ, лыкъ и мочалы, ящиками, коробами и осѣвшими на мели барками.

Обращаясь назадъ къ противоположному горному берегу Волги, по которому живописно раскинулось село Верхній-Услонъ съ его исторической могилой княгини Меншиковой, не-

Видъ Казани въ XVI вѣкѣ.—Съ гравюры Олеарія.

вольно жалѣешь, что бывшая столица Казанскаго царства не была основана тамъ. Но у татаръ насчетъ этого были свои соображенія. Для полукочевой военной орды нужны были эти болотные луга для корма ея табуновъ и для защиты отъ Волги, по которой спускались противъ нея московскія рати. Огородившись этими болотами, Казань, по самому природному положенію своему, составляла тогда неопреодолимую твердыню.

Отъ своей старой жизни Казань сохранила очень мало воспоминаній и памятниковъ. Прежде всего завоеваніе 1552 года, покончившее исторію татарской Казани, повело за собою истребленіе памятниковъ этой древнѣйшей половины старой казанской жизни. Затѣмъ частые пожары, истреблявшіе городъ, и нѣсколько его радикальныхъ перестроекъ сызнова постепенно уничтожили и памятники болѣе поздней христіанской старины. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани подвергались спору самыя элементарныя, можно сказать, археологическія указанія, касающіяся положеній старыхъ казанскихъ урочищъ.

Несомнѣнно извѣстно, что Казань находилась прежде выше по теченію р. Казанки, въ 45 верстахъ отъ настоящаго мѣста, при нынѣшней русской деревнѣ Князь-Камаевой, гдѣ на высокомъ и крутомъ берегу Казанки до сихъ поръ сохранились остатки городища (до 140 саж. длины и 120 ширины), называемаго Иски-Казань (Старая Казань). Городище это окружено глубокимъ рвомъ и валомъ (до 2 саж. вышины) съ остатками двухъ разрывовъ для воротъ. Городъ этотъ возникъ въ Булгарской землѣ уже послѣ ея завоеванія татарами въ самомъ концѣ XIII в. и былъ выстроенъ, по преданію, двумя булгарскими царевичами, спасшимися отъ нашествія на булгаръ полчищъ Менгу-Темира; названіе города преданіе осмысливаетъ тѣмъ, что одинъ княжой служитель, черпая на рѣкѣ воду, уронилъ въ нее котелъ (по-татарски казанъ). На своемъ старомъ мѣстѣ Казань стояла 104 года. Перенесеніе ея на нынѣшнее мѣсто связано съ разными легендами. Причиною его выставляются жалобы татарскихъ женщинъ, которымъ трудно было носить воду изъ рѣки на крутую гору. Ханъ долго не соглашался на перенесеніе, потому что на новомъ мѣстѣ было множество змѣй, а у истока Булакана, лѣсистыхъ берегахъ озера Кабана множество дикихъ свиней (такъ осмысливается названіе Кабана). Первое препятствіе было устранено тѣмъ, что колдуны своими чарами собрали всѣхъ змѣй въ одно мѣсто и сожгли, а дикія свиньи были прогнаны посредствомъ сожженія лѣса, гдѣ онѣ жили. Уцѣлѣлъ отъ сожженія одинъ только 12-ти головый (или двухголовый) змѣй Зилантъ, самый свирѣпый; онъ поселился въ горѣ Джилантау или Зилантовой и долго наводилъ на переселенцевъ ужасъ, но искусствомъ вѣдуновъ тоже былъ потомъ убитъ. Изображеніе его, съ одной впрочемъ головой, сохранилось доселѣ въ гербѣ города Казани. Легенда о котлѣ пріурочена была и къ новому мѣсту Казани: по одному преданію, въ немъ жгли змѣй, по другому, городъ было положено строить на томъ мѣстѣ, гдѣ закипитъ безъ огня врытый въ землю котелъ. При заложеніи казанскихъ стѣнъ слѣдовало будто бы зарыть подъ ними живого человѣка, и брошенный для этого жребій палъ на царскаго сына; но посланные исполнить это убійство пожалѣли царевича и зарыли вмѣсто него собаку. Когда царь узналъ о такомъ оборотѣ дѣла, то очень обрадовался спасенію сына, но въ то же время предсказалъ, что вслѣдствіе не исполненія велѣнія судьбы городомъ со временемъ должны будутъ завладѣть собаки, т.-е. христіане. Время основанія Казани по этимъ преданіямъ падаетъ на начало XV в.

Въ 1439 г. явился въ предѣлахъ Булгаріи изгнанникъ Золотой Орды ханъ Улу-Махмедъ и утвердился въ Казани, поставивъ въ ней сильную крѣпость. Около него охотно стали соединяться и потерявшіе уже свою самостоятельность булгаре и татары, постоянно тревожимые съ запада нашествіями русскихъ ратей, и на берегахъ Волги возникла такимъ образомъ новая татаро-булгарская орда, царство Казанское. На первыхъ же порахъ существованіе его отозвалось сильнымъ опустошеніемъ царства Московскаго и плѣномъ самого московскаго великаго князя Василія Темнаго. Послѣ этого кровавыя войны Москвы съ Казанью идутъ длинной, почти непрерывной чередой до самаго взятія Казани войсками Іоанна Грознаго.

Памятниковъ этой татарской Казани мы теперь уже не имѣемъ, кромѣ нѣсколькихъ, отысканныхъ въ разное время кладовъ, нѣсколькихъ надгробныхъ камней и одной башни, такъ-называемой Сююмбекиной. Самая мѣстность Казани такъ измѣнилась, что на ней съ трудомъ можно отыскивать тѣ урочища, какія, напримѣръ, описываются въ исторіи казанскаго взятія кн. Курбскаго, лично участвовавшаго въ осадѣ 1552 г. На основаніи его сказанія и изданной

при казанской академіи писцовой книги г. Казани 1566—1568 г.г. планъ старой, татарской Казани въ настоящее время можно возстановить въ такомъ видѣ:

Уцѣлѣвшіе овраги древняго города въ Казани.

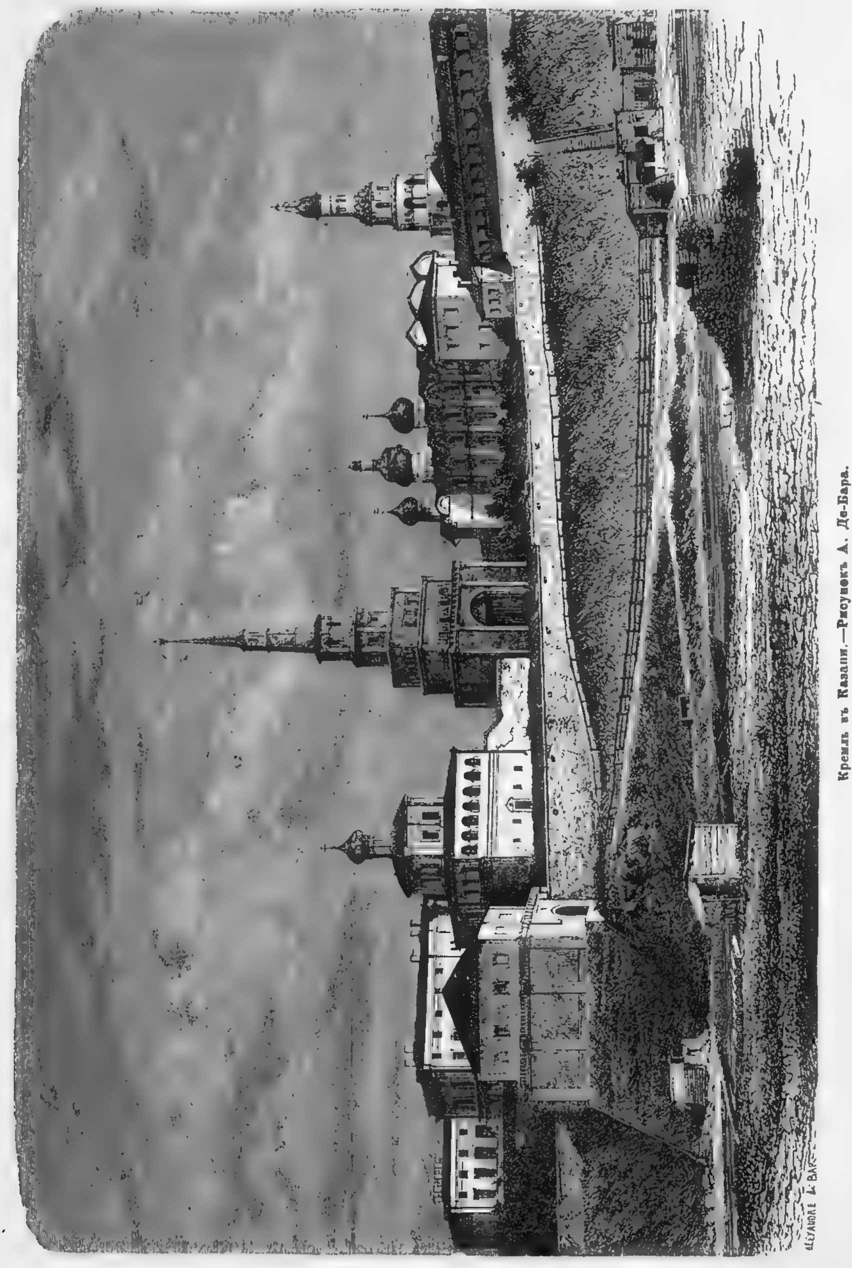
Она занимала мѣстность теперешняго верхняго города, оканчиваясь на востокъ къ Арскому полю глубокимъ оврагомъ, тянувшимся по направленію нынѣшней Рыбной улицы, далѣе чрезъ

Николаевскую площадь, гору почтамта, наконецъ, чрезъ уцѣлѣвшіе доселѣ овраги между Поповой горой и Касаткиной улицей до самой р. Казанки. „Того мѣста,—описываетъ Курбскій,—двѣ части, яко на равнинѣ, на горѣ стоятъ, третья часть зѣло удольна, аки въ пропасти, а поперекъ, аки въ половинѣ мѣста, отъ стѣны Булака ажъ до дольныя части мѣста ровъ немалый". Этотъ не малый ровъ, называемый у Курбскаго Тезицкимъ, шелъ вдоль восточной стѣны нынѣшняго кремля по Ивановскому съѣзду, между кремлемъ и зданіемъ Думы и затѣмъ вдоль по оврагу подъ кремлевской стѣной къ Казанкѣ. Удольная часть въ пропастѣхъ—это очевидно низменность (теперь уже значительно подвышенная) Николаевской площади и Чернаго озера, по которой къ крѣпости и затѣмъ направо къ Казанкѣ въ старину шла цѣлая система прудовъ или такъ-называемыхъ Поганыхъ озерковъ, теперь уже засыпаемыхъ; одинъ публичный садъ этой мѣстности доселѣ еще носитъ названіе Баннаго озера, хотя въ немъ нѣтъ уже никакого озера. Вся черта города была укрѣплена дубовыми стѣнами въ два ряда, между которыми промежутокъ засыпанъ былъ землею и щебнемъ. Сплошная и темная линія этихъ стѣнъ съ тяжелыми воротами, деревянными башнями и стрѣльницами начиналась у самаго угла, образуемаго впаденіемъ Булака въ Казанку; тутъ были первыя городскія ворота Муралеевы, на мѣстѣ нынѣшнихъ Тайницкихъ, названныхъ такъ отъ текущаго изъ-подъ нихъ ключа: это тотъ самый ключъ, изъ котораго осажденные татары брали себѣ воду до взрыва ведшаго къ нему тайника. Отъ воротъ Муралея, то поднимаясь на крутизны, то спускаясь въ овраги, стѣна шла сначала по направленію нынѣшней кремлевской стѣны, прерываясь здѣсь воротами Тюменскими (на мѣстѣ заложенныхъ Сергіевскихъ позади Спасскаго монастыря въ кремлѣ), потомъ, перейдя Тезицкій оврагъ, тянулись вдоль по Булаку низомъ, огибая городскую гору до нынѣшней Богоявленской церкви, близъ которой были ворота Проломныя; отъ этихъ воротъ она затѣмъ круто поднималась на университетскую гору, прерываясь на этомъ пути воротами Крымскими и Ногайскими; на восточномъ ея протяженін противъ Арскаго поля, на томъ мѣстѣ, гдѣ она спускалась съ горы на нынѣшнюю Николаевскую площадь, были у нея ворота Царскія, гдѣ по взятіи Казани Грозный заложилъ первую деревянную церковь Спасскую; перейдя удольную часть города и снова поднявшись на гору, около нынѣшняго почтамта стѣна имѣла ворота Арскія, противъ которыхъ шла главная аттака крѣпости съ

Казань: башня Сюююмбеки.

Арскаго поля; отъ Арскихъ воротъ она шла почти по прямой линіи сверху указанныхъ овраговъ Поповой горы до теперешняго казамата, гдѣ имѣла ворота Кайбатскія, потомъ, пройдя

Кремль въ Казани.—Рисунокъ А. Де-Бара.

по горѣ Казанскаго монастыря и перейдя Тезицкій оврагъ, соединялись съ линіей нынѣшней крѣпости около Дмитріевскихъ, въ татарское время Сбойливыхъ воротъ. Выше Муралеевыхъ

воротъ, на мѣстѣ нынѣшней угловой башни противъ мельницы на Казанкѣ, у татарской стѣны были еще ворота Эльбучины, гдѣ разыгрался послѣднiй эпизодъ казанской осады, когда послѣднiе татарскiе храбрецы, выдавъ русскимъ своего царя, вышли изъ крѣпости къ Казанкѣ „испить, какъ говорили они, съ русскими послѣднюю чашу".

Защищенная съ трехъ сторонъ обрывами къ Казанкѣ и Булаку и тинистымъ теченiемъ самого Булака, крѣпость очевидно была болѣе доступна только со стороны Арскаго поля, откуда и велась въ 1552 г. ея главная осада черезъ защищавшiй ее здѣсь глубокiй ровъ отъ Булака до Казанки. Расположенiе осаждавшихъ ее войскъ охватывало ее впрочемъ со всѣхъ сторонъ. У устья Булака стоялъ сторожевой полкъ; противъ Муралеевыхъ воротъ за Казанкой, близъ нынѣшняго моста расположена была правая рука; за нею далѣе, противъ Тезицкаго оврага и горы Казанскаго монастыря, за Казанкой же стоялъ эртоуль подъ командой историка осады Курбскаго; лѣвая рука дѣйствовала изъ-за Булака; большой и передовой полки встали на Арскомъ полѣ, сообщаясь черезъ Казанку съ эртоуломъ, а влѣво черезъ Булакъ съ лѣвой рукой. Недалеко отъ Кабана за Булакомъ было у Казани предмѣстье, прежде осады 1552 г. тоже сильно укрѣпленное, съ Отучеевой мечетью и царскимъ лугомъ, на которомъ татары праздновали свой сабанъ; здѣсь расположенъ былъ царскiй лагерь съ 20,000 отборнаго русскаго войска, которое въ рѣшительную минуту, перейдя черезъ Булакъ къ Царевымъ воротамъ, порѣшило исходъ осады. Самое крѣпкое мѣсто города было то, гдѣ теперь стоитъ казанскiй кремль; сюда-то за Тезицкiй оврагъ и удалились по взятiи стѣнъ съ Арскаго поля вытѣсненныя изъ города татарскiя войска; мѣсто это взято было послѣднимъ, когда татары уже видѣли своего хана. На мѣстѣ нынѣшней дворцовой площади стояли тутъ царскiя палаты и царевъ дворъ „зѣло крѣпокъ, какъ описываетъ его Курбскiй, оплотомъ великимъ обточенъ", и мечети „зѣло высокiя, мурованныя, идѣже ихъ умершiе цари клались, числомъ помнится мнѣ пять".

Отъ всѣхъ этихъ зданiй теперь уцѣлѣла только одна Сююмбекина башня, находящаяся въ кремлѣ, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ Курбскiй видѣлъ мечети зѣло высокiя и башню великую на горѣ и гдѣ писцовая книга Казани нѣсколько разъ указываетъ „мизчить, что была Муралеева, у Муралеевыхъ воротъ". Башня могла быть собственно минаретомъ этой мечети, а самою мечетью могла быть стоящая съ ней на одномъ основанiи нынѣшняя дворцовая церковь, получившая свое христiанское назначенiе по завоеванiи Казани. При Алексѣѣ Михайловичѣ церковь эта подвергалась перестройкѣ; отъ того въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтiя, когда ее снова перестроивали, въ основанiи ея, общемъ, какъ сказано, съ основанiемъ башни, найдены были монеты Алексѣя Михайловича, что и дало нѣкоторымъ поводъ относить къ этому времени постройку самой башни. Въ царствованiе импер. Анны Iоанновны башня была обращена въ ворота къ стоявшему за ней дому коменданта крѣпости, что дало поводъ къ новому предположенiю относить ея постройку даже къ 30-мъ годамъ XVIII столѣтiя. Татарскiя преданiя, напротивъ, упорно относятъ этотъ памятникъ къ татарскому времени и придаютъ ему даже священное значенiе; по пятницамъ нѣкоторые татары приходятъ сюда молиться въ той увѣренности, что подъ башней погребено тѣло какого-то святого, изъ черепа котораго и течетъ Тайницкiй ключъ. По всей вѣроятности здѣсь и хоронились татарскiе цари, о погребенiи которыхъ упоминаетъ Курбскiй. Сюда, можетъ-быть, передъ отсылкой своей въ Москву и приходила плакать надъ гробомъ своего прежняго любимаго мужа Сафа-Гирея несчастная татарская царица, невольная жена Шихалея, Сююмбека, имя которой усвоено башнѣ. Башня имѣетъ высоту 35 саженъ и состоитъ изъ семи ярусовъ, идущихъ кверху уступами, образующими небольшiя террасы съ низкими каменными парапетами. Три первыхъ нижнихъ этажа четвероугольные, несомнѣнно древней постройки; остальные осмиугольные и носятъ слѣды передѣлокъ. Въ срединѣ нижняго этажа сквозной проѣздъ, а по обоимъ бокамъ входы на лѣстницы, ведущiе въ слѣдующие этажи. Внутри этихъ этажей находятся три залы со сводами, одна въ

два четвероугольныхъ этажа, другая въ одинъ осмиугольный первый этажъ, третья въ три остальныхъ. Верхъ башни завершаетъ высокій шпицъ съ государственнымъ гербомъ на верху, водруженнымъ тамъ со времени импер. Анны Іоанновны.

Послѣ своего завоеванія Казань, окруженная волнующимися инородцами, долго должна была носить характеръ укрѣпленнаго лагеря. Старая полуразрушенная стѣна ея была отчасти возобновлена, отчасти замѣнена новой каменной, строеніе которой началось въ 1555 г. Построена была внутренняя каменная стѣна надъ самымъ Тезицкимъ оврагомъ съ большою входною башнею (Спасской) и такимъ образомъ пространство нынѣшней крѣпости было отдѣлено отъ остальнаго города, какъ это видимъ мы теперь; кромѣ того, каменныя стѣны устроены были тогда небольшими частями на сѣверо-восточной, сѣверо-западной и западной сторонахъ

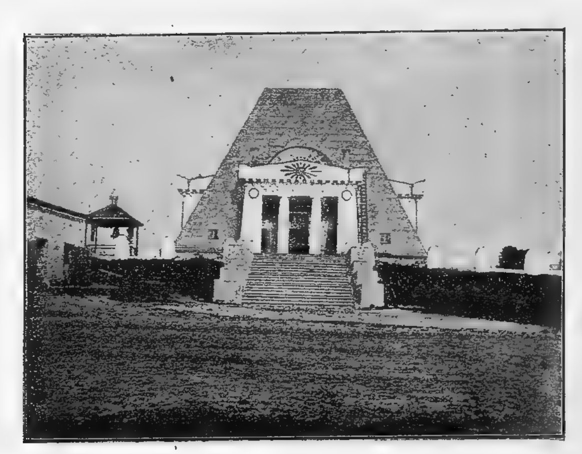

Казань. Спасская башня въ Кремлѣ.

нынѣшней крѣпости,—всего до 315 саж. Всѣ эти крѣпостныя постройки XVI в. сохранились и доселѣ, съ значительными впрочемъ измѣненіями и подновленіями въ верхнихъ частяхъ. Остальныя стѣны кремля въ XVI в. оставались деревянными и были замѣнены каменными уже въ XVII и даже въ XVIII в. Деревянная стѣна около остальной части города, обратившейся въ посадъ, подвергалась передѣлкамъ по мѣрѣ расширенія этого посада; такъ, съ теченіемъ времени она перешла за Булакъ, а въ сѣверо-восточной сторонѣ захватила собой улицы—Попову гору и Косаткину. Въ губернаторство А. Волынскаго, около 1730 г. она была наконецъ срыта со всѣми своими валами и рвами безъ слѣда, такъ что теперь о направленіи ея можно судить только по направленію крестныхъ ходовъ въ іюлѣ мѣсяцѣ съ приносимою въ Казань ежегодно чудотворной иконой Богородицы изъ Седміозерной пустыни, ходовъ, ко-

торые прежде совершались именно по чертѣ городскихъ стѣнъ съ остановками около воротъ для литій.

При входѣ въ кремль стоитъ высокая татарская башня, называемая Спасскою отъ помѣщающейся внутри нея церкви во имя Спаса Нерукотвореннаго. Башня эта, устроенная одновременно съ переднимъ фасомъ кремлевской стѣны, составляетъ едва ли не древнѣйшій памятникъ казанской старины XVI вѣка. Послѣ построенія ея въ нее переведена была первозданная въ Казани деревянная обыденная церковь Спаса отъ Царевыхъ воротъ, гдѣ при взятіи Казани стояло царское знамя. На наружной стѣнѣ башни тогда же была помѣщена огромная икона Спаса, точная копія съ этого царскаго знамени (подлинникъ находится въ московской Оружейной Палатѣ). Икона эта оставалась цѣлою во время всѣхъ казанскихъ пожаровъ и чтится обывателями, какъ чудотворная. Пожаръ 1815 г. оставилъ башню въ полуразрушенномъ состояніи, но въ 1830-хъ гг., по повелѣнію императора Николая I, она была обновлена вмѣстѣ съ церковью, поступившею тогда же въ военное вѣдомство. При обновленіи и потомъ въ 1863 г. къ ней сдѣланы были разныя пристройки, не мало измѣнившія ея первоначальный видъ.

Памятникъ по убитымъ при взятіи Казани.

Вмѣстѣ съ Спасскою церковью, въ день взятія Казани (2 октября) Іоаннъ Грозный выстроилъ еще другую обыденную церковь во имя дневныхъ святыхъ Кипріана и Іустины. Въ 1596 г. она перестроена изъ деревянной въ каменную, но съ сохраненіемъ прежней величины и вида. Въ 1801 г. казанское дворянство обновило ее въ память возвращенія дворянству его правъ императоромъ Александромъ I. Она находится подлѣ Спасскаго монастыря, къ которому и приписана въ 1764 г.

Третья церковь, основанная Грознымъ при взятіи Казани, была во имя Благовѣщенія, соборная, первоначально тоже деревянная. Черезъ 10 лѣтъ св. Гурій устроилъ на томъ же мѣстѣ каменный соборъ, сохранившійся доселѣ, хотя въ подновленномъ видѣ и съ большими пристройками; къ нему пристроены обширная, мало съ нимъ гармонирующая трапеза (въ 1841 г.) и паперть. Соборная колокольня, удачно поддѣланная подъ старый стиль, выстроена вмѣсто развалившейся старой въ 1832 г. Главная святыня собора—это почивающія въ немъ мощи его основателя, св. Гурія, перваго просвѣтителя Казанскаго края. Въ 1867 г., когда съ особеннымъ оживленіемъ возникъ вопросъ о просвѣщеніи казанскихъ инородцевъ, ревнители этого просвѣщенія, вспомнивъ подвиги древняго святителя, постарались связать свое дѣло съ его именемъ, провозгласили его своимъ патрономъ и при мощахъ его основали существующее теперь просвѣтительное братство св. Гурія. Въ соборѣ сохранилось отъ святителя еще нѣсколько предметовъ: его риза или фелонь, рукописное Евангеліе, келейные святцы, костыль, съ которымъ онъ ходилъ по своей немощи, сѣдло, на которомъ совершалъ извѣстный древній обрядъ шествія на осляти въ недѣлю Вайй, и нѣсколько иконъ.

При Грозномъ же основанъ былъ кремлевскій Спасскій монастырь въ 1556 г. Онъ былъ прежде тоже деревянный съ немногими каменными зданіями, между которыми сохранился подвалъ главнаго Спасскаго собора. Самый соборъ былъ прежде деревянный; каменный же, со-

хранившійся съ разными передѣлками доселѣ, основанъ въ 1596 г. Первымъ настоятелемъ монастыря былъ другой казанскій чудотворецъ и просвѣтитель, св. Варсонофій, мощи котораго почиваютъ въ главной монастырской церкви. Прежде, вмѣстѣ съ мощами св. Гурія, до пере-

Видъ города Казани. Богородицкій монастырь.

несенія ихъ въ 1650 г. на настоящія мѣста, онѣ почивали въ каменной часовнѣ, построенной другомъ св. Гурія, бояриномъ Застолбскимъ, и сохранившейся доселѣ подлѣ алтаря соборной церкви монастыря. Въ часовнѣ этой есть нѣсколько другихъ гробницъ, между прочимъ гробница митрополита казанскаго Ефрема, который первый подписался подъ актомъ избранія царя

Михаила Θеодоровича и руки котораго, какъ первенствующаго тогда святителя, за неимѣніемъ патріарха, вѣнчали на царство родоначальника царствующаго дома Романовыхъ.

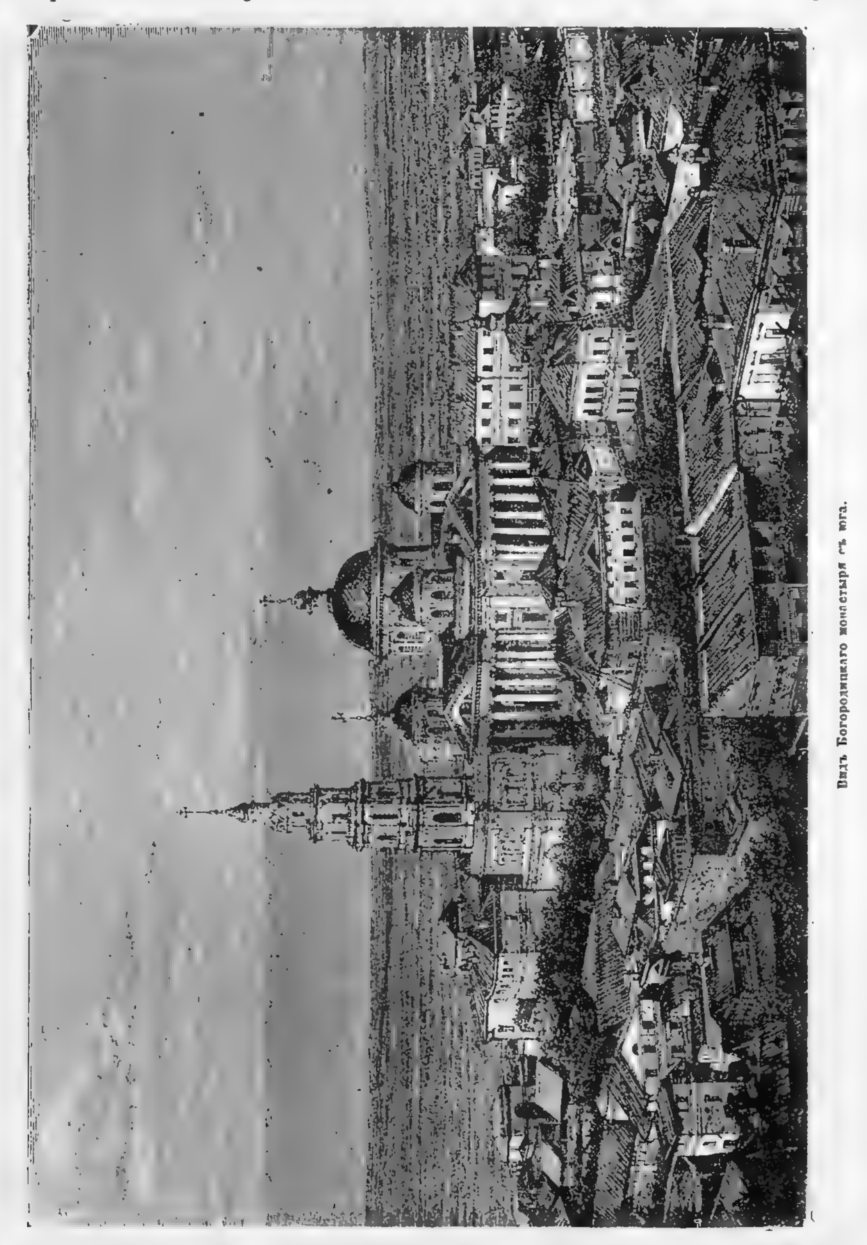
Къ древнѣйшимъ зданіямъ внѣ кремля относится Зилантовъ монастырь, заложенный Грознымъ первоначально на мѣстѣ погребенія павшихъ подъ Казанью русскихъ воиновъ, на равнинѣ, въ 2 верстахъ отъ кремля, потомъ, послѣ разлива 1559 г., потопившаго монастырскія зданія, перенесенный на Зилантову гору, на настоящее мѣсто. Преданіе говоритъ, что каменная стѣна монастыря съ бойницами была выстроена самимъ Грознымъ для защиты этого загороднаго монастыря отъ нападеній волновавшихся кругомъ инородцевъ. Внутри монастыря зданій древнѣе XVII в. не имѣется, за исключеніемъ развѣ, можетъ быть, главной церкви Успенія. Въ нижнемъ ярусѣ иконостаса этой церкви сохранились древнія иконы, пожертвованныя монастырю супругой Грознаго, царицей Анастасіей Романовой. На старомъ мѣстѣ монастыря, на могилѣ павшихъ подъ Казанью воиновъ, долгое время по перенесеніи монастыря оставалась поминовенная часовня, называвшаяся русскимъ кладбищемъ. Въ 1823 г., по желанію императора Александра I, на суммы, пожертвованныя отчасти императорской фамиліей, отчасти собранныя по подпискѣ со всей Россіи, надъ костями русскихъ воиновъ выстроенъ былъ нынѣшній памятникъ съ имѣющейся внутри его Спасскою церковью. Памятникъ имѣетъ видъ усѣченной пирамиды, съ порталами по всѣмъ четыремъ бокамъ, стоящей на квадратномъ основаніи величиной въ 10 саженъ по каждой сторонѣ; высота его тоже 10 саж. 2 октября сюда бываетъ крестный ходъ изъ Зилантова монастыря и совершается торжественная поминовенная служба по павшихъ воинахъ съ военнымъ парадомъ.

Наконецъ, ко времени Грознаго же относится основаніе самаго богатаго въ Казани, извѣстнаго въ народѣ монастыря Богородицкаго, въ которомъ находится знаменитая чудотворная икона Казанской Божіей Матери. Монастырь этотъ женскій, основанъ въ 1579 г., въ годъ страшнаго казанскаго пожара, по случаю обрѣтенія на пепелищѣ одного дома (стрѣльца Онучина) казанской иконы Грозный тогда же велѣлъ поставить на этомъ мѣстѣ деревянный женскій монастырь. Первый удостоился принять обрѣтенную святыню на свои руки знаменитый святитель русской церкви патріархъ Гермогенъ, тогда служившій еще въ санѣ простого священника при казанской церкви Николы Гостина. Впослѣдствіи въ санѣ патріарха онъ много способствовалъ приданію этой иконѣ всероссійскаго значенія. Въ смутное время, когда по мановенію его двигались земскія рати спасать Москву отъ поляковъ, казанское ополченіе по его мысли явилось къ Москвѣ со спискомъ съ казанской иконы, который и былъ главной войсковой святыней при освобожденіи Москвы. Царь Михаилъ, послѣ своего избранія на царство, выстроилъ въ Москвѣ Казанскій соборъ въ честь иконы, поставилъ въ немъ бывшій при войскѣ списокъ съ нея и установилъ ей двукратное празднованіе: 8 іюля—въ день ея обрѣтенія и 22 октября—въ день очищенія Москвы отъ враговъ. При Петрѣ Великомъ списокъ съ иконы былъ взять въ Петербургъ, гдѣ тоже былъ построенъ Казанскій соборъ. Каменная церковь казанскаго монастыря на мѣсто старой деревянной была построена при Θеодорѣ Іоанновичѣ, но въ концѣ XVIII в. за ветхостью была разобрана. Настоящій великолѣпный соборъ монастыря, одно изъ лучшихъ церковныхъ зданій, основанъ въ день посѣщенія Казани имвер. Павломъ I и освященъ въ слѣдующее царствованіе. Тогда же самый монастырь былъ причисленъ къ 1 классу.

Другіе казанскіе монастыри возникли позднѣе времени Грознаго: Ивановскій на мѣстѣ старой деревянной церкви Предтечи, основанной свят. Германомъ казанскимъ, построенъ въ 1595 г.; Θеодоровскій на мѣстѣ стараго городища надъ Казанкой явился около того же времени; Кизическій при Алексѣѣ Михаиловичѣ въ концѣ 1650-хъ годовъ. Казанскія церкви, кромѣ указанныхъ, всѣ уже поздней постройки XVIII и даже XIX вѣка, хотя многія и стоятъ на старыхъ мѣстахъ, на которыхъ значатся еще по писцовымъ книгамъ XVI столѣтія.

Изъ позднѣйшихъ историческихъ памятниковъ можно указать на памятники пребыванія

въ Казани нѣкоторыхъ царствовавшихъ особъ. Въ 1722 г. въ Казани, проѣздомъ въ Персію былъ Петръ Великій и осматривалъ основанныя здѣсь по его волѣ учрежденія: адмиралтей-

Видъ Богородицкаго монастыря съ юга.

ство (1718 г.), кожевенный заводъ, казенную суконную фабрику и другую частную купца Михляева, находящуюся теперь (съ 1760-хъ годовъ) во владѣніи гг. Осокиныхъ. Фабрикой

Михляева онъ остался такъ доволенъ, что передалъ въ его распоряженіе и казенную фабрику. Обласканный Петромъ, Михляевъ въ память царя-благодѣтеля выстроилъ подлѣ своего двора

Общій видъ города Казань.

и квартиры царя (на этомъ мѣстѣ теперь стоитъ духовная семинарія) богатый Петропавловскій храмъ, существующій доселѣ и по своей архитектурѣ обращающій на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей Казани. Воспоминаніемъ о Петрѣ служитъ также въ Казани оригинальная икона,

бывшая съ нимъ въ персидскомъ походѣ, изображающая двуглаваго орла съ помѣщеннымъ посреди него образомъ Неопалимой Купины; икона эта находится въ церкви тюремнаго замка. Памятникомъ посѣщенія Екатерины II во время извѣстнаго ея путешествія по Волгѣ служитъ ея галера „Тверь", на которой совершено все путешествіе, хранящаяся теперь въ особомъ зданіи въ Адмиралтейской слободѣ. Во время пребыванія въ Казани Павла I основана здѣсь первая единовѣрческая церковь, утверждена постройка гостинаго двора и разрѣшено открытіе публичнаго театра; улица, гдѣ въ домѣ генерала Лецкаго „на полѣ" жилъ государь, по его волѣ съ тѣхъ поръ доселѣ именуется Лецкою. Пребываніе императора Николая I, извѣстнаго любителя и возстановителя русскихъ древностей, ознаменовалось возстановленіемъ изъ разрушенія древней Спасской башни съ церковью.

Видъ нижней части города Казани.

На той самой возвышенности, на которой расположенъ былъ древній городъ, лежитъ и теперь главная верхняя часть Казани. Возвышенность эта, поднимающаяся на 90 фут. надъ уровнемъ Волги, представляетъ собою длинный мысъ, конецъ котораго, обращенный къ западу и увѣнчанный казанскимъ кремлемъ, врѣзался въ луговую низменность какъ разъ въ срединѣ береговой дуги, при поворотѣ Волги съ восточнаго направленія на южное, и сторожитъ рѣку какъ внизъ, такъ и вверхъ по теченію. Спереди Казань защищена была болотами, справа (съ сѣверной стороны) теченіемъ р. Казанки, слѣва грязной и илистой рѣчкой Булакомъ, текущей изъ озера Кабана и впадающей въ Казанку у самаго подножія казанскаго мыса, и только сзади отъ Арскаго поля (къ востоку) имѣли нужду въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ. Нужно взять при этомъ во вниманіе еще то, что бока описываемаго мыса и теперь еще носятъ замѣтные слѣды прежнихъ неприступныхъ обрывовъ, а окружающія его болота отъ

большого обилія въ окрестностяхъ лѣсовъ и водъ въ старину представляли собою, по всей вѣроятности, совсѣмъ непроходныя трясины.

Въ настоящее время Казань раскинулась вдоль этого мыса на $3^1/_2$ версты по восточному направленію, расширилась по низменности за Булакомъ и, кромѣ того, со всѣхъ сторонъ окружила себя рядомъ слободъ. Однѣ изъ этихъ слободъ совершенно сливаются съ городомъ, каковы: Подлужная по берегу Казанки, Академическая около зданій духовной академіи со стороны Арскаго поля, Суконная (названная по суконной фабрикѣ) между верхней частью города и озеромъ Кабаномъ, Архангельская на самомъ берегу Кабана, Плетеневская, Николаевская, Поповка, старая и новая Татарскія за Кабаномъ; другія отдѣлены отъ города довольно значительными болотными пустырями: Адмиралтейская на лѣвомъ берегу Казанки, получившая названіе отъ бывшаго здѣсь со временъ Петра Великаго адмиралтейства (1718 — 1836 гг.) съ верфью для строенія судовъ на Каспійское море, Игумнова, Ягодная, Порохозаводская, Гривка, Козья—всѣ пять на правомъ берегу Казанки.

Все пространство внутри городской черты исчисляется въ 1,993 десятины слишкомъ и заключаетъ въ себѣ до 175 улицъ (505,841 кв. саж.) и 24 площади (94,926 кв. саж). Двѣ главныя части города по обѣ стороны Булака соединены между собою шестью деревянными мостами, а слободы, отдѣленныя отъ него болотами, связаны съ нимъ земляными замощенными дамбами; черезъ р. Казанку тоже перекинуто нѣсколько деревянныхъ мостовъ.

Каѳедральный соборъ въ Казани.

Половина города расположена на низменности, граничащей болотами; болота же окружають городъ и съ другихъ сторонъ, кромѣ восточной. Отъ того гигіеническія условія мѣстности очень неблагопріятны для здоровья жителей. Нѣкоторыя улицы въ нижнихъ частяхъ города, особенно тѣ, которыя весною заливаются водой, представляютъ самую печальную цифру отношеній между родившимися и умершими: 1,92 умершихъ на одного родившагося. Въ верхнихъ, болѣе здоровыхъ частяхъ, на одного родившагося приходится 0,80 — 0,92 умершихъ, но среднее отношеніе между рожденіями и смертностью во всемъ городѣ, извлеченное изъ данныхъ 30-лѣтняго періода времени, все-таки представляетъ 0,31% ежегодной убыли. Господствующія болѣзни—это знаменитыя казанскія лихорадки, затѣмъ тифы и ревматизмы. Кромѣ своего низменнаго положенія, городская мѣстность имѣетъ довольно и другихъ гигіеническихъ неудобствъ. Вся она изрѣзана оврагами, большая часть которыхъ для уравненія улицъ и жилыхъ мѣстъ издавна засыпана фашинникомъ и навозомъ, легко пропускающими и задерживающими сырость и міазмы. Скопленіе углекислаго и болотнаго газовъ не рѣдкость не только въ погребахъ и подвалахъ, но и въ нижнихъ жилыхъ помѣщеніяхъ. Мощеніе улицъ, за недостаткомъ крѣпкаго булыжнаго камня, производится легко стирающимся мѣстнымъ известковымъ камнемъ, вслѣдствіе чего въ сухіе лѣтніе дни надъ городомъ стоитъ густой слой мелкой пыли, чрезвычайно вредной для глазъ и легкихъ.

Всѣ эти неудобства мѣстности, впрочемъ, съ лихвой вознаграждались для Казани выгодами ея удачнаго географическаго положенія въ средоточіи важнѣйшихъ торговыхъ и промышлен-

ныхъ путей внизъ и вверхъ по Волгѣ и на востокъ по Камѣ и доставшимся ей на долю важнымъ историческимъ значенiемъ для восточнаго края Россiи. Еще задолго до русскаго владычества, вскорѣ по паденiи славнаго Булгара, она была уже многолюднымъ и важнѣйшимъ центромъ торговли востока и юга съ западомъ и, кромѣ того, получила для востока важное значенiе крѣпкаго политическаго оплота, ключа-города, къ которому потомъ долго присматривалась Московская Русь, изыскивая способы завладѣть имъ. Владѣнiе этимъ ключомъ-городомъ сулило Москвѣ вожделѣнную свободу отъ татарскихъ нашествiй, обладанiе заманчивыми богатствами востока и самими ордами невѣрныхъ,—и дѣйствительно, какъ только она имъ овладѣла, передъ ней пали двѣ большiя волжскiя орды, Казанская и Астраханская, а по Камѣ открылась свободная и широкая дорога въ безконечную Сибирь съ ея драгоцѣнными мѣхами и рудами. Послѣ этого въ Казани утвердился главный базисъ для владычества Руси надъ востокомъ; здѣсь же образовался и главный центръ для просвѣщенiя востока свѣтомъ христiанской цивилизацiи. Торгово - промышленное значенiе города развилось еще болѣе прежняго. Всѣ эти обстоятельства были причиною постояннаго и усиленнаго наплыва народонаселенiя въ Казань, которое не прекращается и доселѣ.

Храмъ Св Петра и Павла.

Число всѣхъ жителей Казани насчитывается по переписи 1897 г. до 131,000 обоего пола, преимущественно русскаго населенiя, которое естественно сосредоточилось въ главномъ городѣ этого инородческаго края. Въ то время, какъ въ общей массѣ населенiя всей губернiи русскiе составляютъ не болѣе $^2/_5$ противъ инородцевъ, въ Казани самая большая инородческая группа, татары, составляетъ не болѣе $^1/_7$ всѣхъ обывателей и къ тому же издавна живетъ особо отъ русскихъ въ двухъ татарскихъ слободахъ, за исключенiемъ лишь очень небольшого числа частныхъ лицъ изъ татарскихъ богачей, имѣющихъ дома въ самомъ городѣ. Затѣмъ слѣдуютъ только мелкiя группы другихъ инородцевъ—чувашей, черемисовъ, башкиръ, калмыковъ, и иностранцевъ, живущихъ въ Казани, какъ во всѣхъ губернскихъ городахъ,—нѣмцевъ, французовъ и др.

Численныя отношенiя племенныхъ группъ, большею частью совпадающiя съ вѣроисповѣ-

даніями, можно отчасти видѣть изъ числа церквей и молитвенныхъ домовъ. Въ Казани находится 6 правосл. монастырей: Спасскій, Зилантовъ, Іоанновскій, Ѳедоровскій, Кизическій, Богородицкій (женскій) и седьмой загородный архіерейскій домъ—Воскресенскій или Новый Іерусалимъ, 34 соборныхъ и приходскихъ церкви, въ томъ числѣ 2 единовѣрческія, и 18 церквей домовыхъ, тогда какъ иновѣрныхъ храмовъ всего 15: 1 кирха, 1 костелъ и 13 мечетей. Евреи, число которыхъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе возрастаетъ въ Казани, особыхъ синагогъ не имѣютъ и совершаютъ свои моленія въ частныхъ домахъ, какъ и русскіе раскольники; послѣднихъ считается въ городѣ (оффиціально) до 4,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ до $^2/_3$ принадлежатъ къ безпоповщинскимъ сектамъ, остальные къ австрійскому согласію.

Общее число городскихъ зданій простирается свыше 7,300, въ томъ числѣ частныхъ жилыхъ домовъ, за исключеніемъ находящихся при нихъ жилыхъ флигелей и другихъ построекъ, состоитъ каменныхъ 823 и деревянныхъ или полукаменныхъ 4,080. Городскія постройки растутъ годъ отъ году такъ-же быстро, какъ и городское населеніе, несмотря на то, что и на нихъ изстари была своего рода постоянная и огромная смертность въ формѣ опустошительныхъ пожаровъ, истреблявшихъ большую часть города; такихъ пожаровъ въ исторіи Казани насчитывается 12: въ 1579, 1672, 1694, 1742, 1749, 1757, 1774 (въ нашествіе Пугачева), 1815, 1842, 1847, 1849 и 1859 гг. Благодаря этимъ пожарамъ, Казань теперь городъ совершенно новый, какъ по характеру построекъ, такъ и по планировкѣ улицъ.

Памятникъ Г. Р. Державину въ Казани.

Въ верхней части города улицы идутъ вѣеромъ, сходясь къ крѣпости и пересѣкаясь прямыми поперечными улицами, пролегающими и на забулачную сторону; на этой послѣдней, низменной части линіи улицъ идутъ параллельно къ Булаку. Всѣ улицы почти одинаковой ширины, около 10 саженъ, сплошь покрыты мостовой вмѣстѣ съ площадями, за исключеніемъ большей части слободскихъ улицъ, снабжены пожарными кранами и водопроводными павильонами съ бассейнами и освѣщаются газовыми фонарями, а по окраинамъ керосиновыми, оставшимися отъ прежняго времени до проведенія газа. Человѣкъ, привыкшій къ обычному характеру нашихъ губернскихъ городовъ, можетъ удивиться, не находя въ Казани ни извѣстной характерной площади съ соборомъ, губернаторскимъ и архіерейскимъ домами, дворянскимъ собраніемъ и присутственными мѣстами, ни неизбѣжной Дворянской улицы, ни даже общаго для всего города торговаго центра. Соборъ, губернаторскій и архіерейскій дома и нѣкоторыя присутственныя мѣста тѣсто скучены въ казанскомъ кремлѣ и составляютъ далеко не лучшую часть города. Другія казенныя и общественныя зданія, учебныя заведенія, городская дума, банкъ, биржа, дворянское собраніе, театръ, клубы и т. п. разбросаны по разнымъ улицамъ и не особенно отличаются отъ многихъ частныхъ зданій.

По манерѣ построекъ и общему характеру внѣшности, Казань во многомъ напоминаетъ

Москву,—тѣ же большею частью двухъэтажные приземистые дома, не совсѣмъ чистые дворы, разноцвѣтная покраска стѣнъ, всегда кажущаяся нѣсколько устарѣлой и полупленной, маленькія окна, узкія панели, прерываемыя въ воротахъ грязноватыми переходами, а передъ лавками загроможденныя выставленными наружу корзинами, коробами, горшками и др. мусоромъ; не видно только признаковъ господства въ мѣстной жизни религіознаго элемента въ формѣ безчисленныхъ московскихъ часовенъ, иконъ съ зажженными лампадками и, пожалуй, московскаго множества церквей. Чистотой своей Казань можетъ справедливо и погордиться передъ нашей бѣлокаменной столицей.

Городъ очень много выигрываетъ и оживляется отъ публичныхъ садовъ, которые содержатся въ образцовомъ порядкѣ и составляютъ очень живописныя и пріятныя въ лѣтнее время убѣжища отъ жара и городской пыли. Всѣхъ ихъ 7 на пространствѣ болѣе 30 десятинъ. Лю-

Казань. Городской театръ.

бимыми мѣстами прогулокъ для казанцевъ служатъ сады Черноозерскій и Державинскій,—оба недалеко другъ отъ друга, въ центрѣ верхней части города. Первый расположенъ по берегамъ Чернаго озера, второй, занимающій большую часть площади противъ театра, получилъ названіе отъ помѣщающагося въ немъ памятника поэта Державина, казанскаго уроженца и воспитанника первой казанской гимназіи. Памятникъ отлитъ изъ бронзы въ 1846 г. Статуя поэта, одѣтая въ классическую тогу, въ вдохновенной позѣ посажена на высокомъ гранитномъ постаментѣ, украшенномъ по бокамъ бронзовыми барельефами; поэтъ представленъ сочиняющимъ оду „Богъ". До 1871 года памятникъ этотъ стоялъ на дворѣ университета, потомъ, по просьбѣ казанскаго земства, перенесенъ на свое настоящее мѣсто, болѣе доступное взорамъ публики. Простонародье, впрочемъ, вовсе не понимаетъ значенія памятника, не имѣя никакого представленія ни о поэтѣ, ни о самой поэзіи вообще, и разсказываетъ про эту статую ка-

кую-то странную легенду, что-де въ ней залитъ начальствомъ страшный разбойникъ-великанъ, не дававшій въ старину около Казани ни проходу, ни проѣзду. Можно догадываться, что мирный служитель музъ смѣшивается въ этой легендѣ съ знаменитыми разбойниками казанскаго края, Быковымъ и Чайкинымъ, которые были казнены въ 1847 году, какъ разъ въ годъ открытія памятника.

На сѣверо-восточной окраинѣ города, на Арскомъ полѣ, гдѣ оно крутыми уступами спускается къ р. Казанкѣ, раскинутъ большой загородный садъ (29 десят. 1,725 кв. саж.), остатокъ стариннаго лѣса Арскаго поля, о которомъ упоминается въ исторіи казанскаго взятія 1552 г., называемый Русской Швейцаріей. Названіе это, какъ разсказывается въ Семейной Хроникѣ Аксакова, дано ему казанскими гимназистами въ началѣ текущаго столѣтія. До устройства городскихъ садовъ это было любимое лѣтнее гулянье казанской публики; въ настоящее время Швейцарія оставлена и запущена, служитъ только для лѣтняго помѣщенія купеческаго клуба и для одинокихъ прогулокъ людей, желающихъ питать свой духъ меланхоліей. Для этой послѣдней цѣли

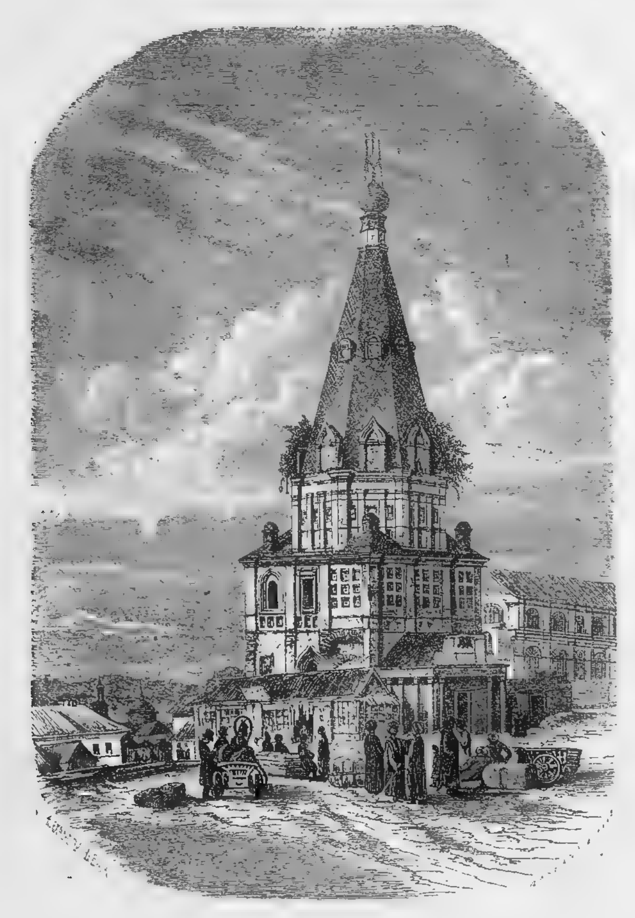

Единовѣрческая церковь и рынокъ на берегу оз. Кабана въ Казани.

гораздо, впрочемъ, удобнѣе лежащее по сосѣдству съ Швейцаріей живописное казанское кладбище (Куртино), все утонувшее въ зелени густыхъ и высокихъ деревъ. Далѣе отъ города, вверхъ по Казанкѣ, на высокомъ холмѣ находится другая Швейцарія—Нѣмецкая, тоже обширная роща, получившая свое названіе отъ дачъ казанскихъ нѣмцевъ, которые излюбили себѣ это мѣсто для лѣтняго проживанія съ легкой руки профессора университета Фогеля, лѣтъ 40 тому назадъ построившаго здѣсь для себя первую дачу. На юго-восточной окраинѣ города мѣстомъ подгородныхъ дачъ и прогулокъ служатъ берега озера Кабана. Здѣсь находятся: на городскомъ берегу (въ Архангельской слободѣ), открытый для публики ботаническій университетскій садъ, а на противоположномъ—небольшое кумысное заведеніе. Въ теченіе всего лѣта по озеру плаваетъ небольшой пароходъ, кромѣ того, оно постоянно покрыто множествомъ нарядныхъ лодокъ съ дачниками и гуляющими.

Въ городѣ находятся 3 клуба: дворянскій (въ дворянскомъ собраніи), купеческій и соединенный, и 2 театра: лѣтній, небольшой и деревянный, для легкихъ лѣтнихъ спектаклей, и

большой зимній, одно изъ лучшихъ зданій Казани, а по своей величинѣ (28 кв. саж., кромѣ обширныхъ антре, фойе и засценныхъ помѣщеній) и обстановкѣ одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ театровъ. Казанскій театръ относится къ числу старѣйшихъ въ Россіи. Какъ и вездѣ по русскимъ городамъ, театральнымъ представленіямъ въ Казани предшествовали представленія мистерій, религіозныхъ драмъ, интермедій и интерлюдій въ мѣстной семинарской бурсѣ; потомъ, въ 1760 г. былъ открытъ здѣсь временный театръ при гимназіи; постоянный театръ явился въ 1791 г. по инициативѣ губернатора Баратаева, подъ управленіемъ придвор-

Гостинодворская церковь въ прежнемъ видѣ.

наго актера Бобровскаго. Въ 1798 году за управленіе театромъ взялся помѣщикъ Есиповъ, страстный любитель сценическаго искусства, и образовалъ изъ своихъ дворовыхъ людей замѣчательную труппу, о которой Аксаковъ въ своей Семейной Хроникѣ отзывается, какъ о лучшей провинціальной. Настоящее зданіе театра, принадлежащее городскому обществу, существуетъ съ 1847 г., нѣсколько разъ горѣло и перестраивалось и въ теперешнемъ видѣ существуетъ съ 1876 года.

Въ числѣ казанскихъ общественныхъ увеселеній нельзя не упомянуть объ оригинальномъ

зимнемъ катаньи во время масленицы на татарахъ, сходномъ нѣсколько съ катаньемъ петербуржцевъ на чухонцахъ. Для этого катанья въ Казань ежегодно пріѣзжаетъ до 300—400 (а въ прежнее время съѣзжалось до 1,000) татаръ на саняхъ, покрытыхъ шерстяными коврами,— каждыя сани съ парой лошадей, разукрашенныхъ и въ хвостъ и въ гриву разноцвѣтными лентами. Катанье это заведено въ 1808—1809 гг. губернаторомъ Мансуровымъ съ цѣлью изъ вырученной за катанье суммы собирать съ татаръ запущенную ими большую недоимку въ податяхъ. Татары очень скоро сообразили, что новый увеселительный промыселъ для нихъ выгоденъ, и сами охотно стали являться въ городъ каждую масленицу. Катанье на нихъ въ теченіе масленицы въ среднемъ классѣ обратилось въ какую-то нравственную обязанность для всѣхъ, вслѣдствіе чего, несмотря на всѣ неудобства ѣзды на деревенскихъ саняхъ, татары берутъ за нее гораздо дороже легковыхъ извозчиковъ, особенно въ послѣдніе три дня празд-

Казань. Никольскій Гостиный дворъ.

ника. Общая чистая выручка ихъ за всю недѣлю простирается, впрочемъ, не далѣе 15—16 р. на каждую пару лошадей.

По своему торгово-промышленному значенію Казань одинъ изъ наиболѣе богатыхъ губернскихъ городовъ и продолжаетъ богатѣть довольно быстро. Въ 1870 г., по отчету Думы, общій городской доходъ простирался до 223,589 р., тогда какъ за 1897 г. онъ исчисленъ уже въ 849,441 р. 89 к. Кромѣ общ. Банка и отдѣленія Банка государственнаго, въ Казани существуетъ нѣсколько отдѣленій другихъ банковъ — Волжско-камскаго, Взаимнаго и поземельнаго кредита, Банкъ купеческій, двѣ частныя банковыя конторы и разныя страховыя и перевозочныя агентства. Съ 1866 г. въ Казани утверждена особая Биржа, зданіе которой находится на бойкой по торговлѣ Проломной улицѣ. Въ 1893 г. устроена желѣзная дорога, но безъ моста чрезъ Волгу, что конечно не благопріятно дѣйствуетъ на промышленность и торговлю Казани. Въ настоящее время городъ съ нетерпѣніемъ ждетъ рѣшенія вопроса о постройкѣ желѣзной дороги отъ Москвы до Кыштыма чрезъ Казань, съ мостомъ чрезъ Волгу.

Значеніе торгово-промышленной дѣятельности въ общемъ строѣ городской жизни видно изъ одного того, что въ числѣ 131,000 человѣкъ городского населенія находится свыше 45,000 человѣкъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ, кромѣ того, до 19,000 крестьянъ, живущихъ въ городѣ тоже съ ремесленными или торговыми цѣлями.

Изъ городскихъ фабрикъ и заводовъ болѣе крупные: стеариновый заводъ братьевъ Крестовниковыхъ, съ производствомъ до 6,000,000 р., около 5 мыловаренныхъ, съ производствомъ до 2,000,000 р., до 10 сальносвѣчныхъ и салотопенныхъ, съ производствомъ до 560,000 р., 11 козловыхъ, 22 кожевенныхъ, 8 овчинныхъ заводовъ и 8 скорняжныхъ заведеній—съ производствомъ по всему кожевенному и скорняжному дѣлу до 2,600,000 р., 30 водочныхъ заводовъ и оптовыхъ складовъ, съ производствомъ до 1,500,000 р., фабрика льнопрядильная—до

Казань. Памятникъ Императору Александру II.

345,000 р., 2 суконныхъ—до 66,000 р., 3 китаечныхъ—до 25,000 р., рогожная—до 459,000 р., чугунно-литейный и механическій заводъ—до 100,000 р., водяная и паровая мельницы—до $4^1/_2$ милліоновъ руб. Другіе заводы—кирпичные, клееваренные, войлочные, крупяные, солодовенные, пивоваренные, макаронные, минеральныхъ водъ и проч.—менѣе крупнаго производства. Все производство казанскихъ фабрикъ и заводовъ, по примѣрному минимальному исчисленію, простирается до 15,085,000 р. въ годъ. Нельзя не замѣтить, что вся эта фабрично-заводская промышленность обязана своимъ существованіемъ вовсе не тому, чтобы Казань находилась въ центрѣ сырыхъ произведеній,—послѣднія получаются на мѣстѣ только въ самомъ небольшомъ количествѣ,—а главнымъ образомъ удобству мѣстности, имѣющей хорошія сообщенія съ отдаленными пунктами, промышленному характеру населенія, дешевизнѣ рабочихъ рукъ вслѣдствіе небольшихъ земельныхъ надѣловъ въ крестьянскомъ населеніи губерніи и

малой производительности самой земли, наконецъ, скопленію въ Казани значительнаго числа капиталовъ.

Сырыя туземныя произведенія занимаютъ далеко не видное мѣсто и въ казанской торговлѣ. Кромѣ произведеній мѣстныхъ заводовъ и фабрикъ, главными предметами ея служатъ: хлѣбъ (рожь, овесъ и греча), лѣсъ, начиная съ корабельнаго, изобилующіе въ губерніи лѣсные продукты — мочала, деготь, поташъ, корье, шадрикъ, лѣсныя издѣлія домашняго крестьянскаго обихода, часть сырья для фабрикатовъ — кожи, сало, воскъ, шерсть, яйца и т. д. Къ привознымъ товарамъ, получающимся преимущественно чрезъ посредство ярмарокъ—бугульминской, мензелинской, ирбитской и нижегородской,—относятся: хлѣбъ и пшеница изъ Вятской, Симбирской и Самарской губерній, фрукты, соль, рыба, икра, рыбій жиръ изъ низо-

Казань. Ивановская площадь.

выхъ губерній, лѣсъ главнымъ образомъ вятскій, гурты скота и лошадей изъ Оренбургскаго края, металлы, пушной товаръ, кожи, сало, воскъ и медъ оттуда же и изъ Сибири, мануфактуры, колоніальныя произведенія, москательные и заграничные товары изъ столицъ и съ нижегородской ярмарки. Главный сбытъ казанскихъ товаровъ, кромѣ мѣстнаго, направляется на ближайшія ярмарки, особенно нижегородскую, въ столицы, внизъ и вверхъ по Волгѣ и по Камѣ. Нѣкоторые торговые дома имѣютъ заграничныя сношенія, особенно по кожевенному дѣлу (съ Германіей) и по чайной торговлѣ (съ Китаемъ). Татарскіе купцы ведутъ обширныя дѣла съ Бухарой, Хивой и Персіей.

Изъ предметовъ оптовой торговли, простирающейся до 54 милліоновъ ежегоднаго оборота, самые главные: разнаго рода хлѣбные товары (до 35 милл. р.), кяхтинскій и кантонскій чай и сахаръ (до 6,000,000 и до 150,000 р. кирпичный чай), товары москательные (до

2,000,000 р.), бакалейные (до 1,000,000), кожи (до 1,200,000 р.), лѣсъ строевой и дровяной (до 1,000,000 р.), соль (тоже), товары бумажные, шерстяные, суконные и шелковые (до 3,000,000 р.), затѣмъ товары мѣховые, чугунныя и желѣзныя издѣлія, рыба, овчины, шерсть и др. Главнымъ торговымъ центромъ Казани служитъ гостиный дворъ близъ крѣпости—каменное двухъярусное зданіе, 240 саж. окружностью, первоначальная постройка котораго относится къ 1797 г. Въ немъ находится 225 лавокъ, 7 палатокъ и 16 подваловъ; кромѣ того, своей замкнутой осмиугольной линіей съ проѣздами онъ образуетъ внутри себя обширную площадь, тоже наполненную торговыми шкапами, палатками, каменными и деревянными корпусами съ 220 лавками. Далѣе къ нему же принадлежатъ по сосѣдству 4 отдѣльныхъ корпуса съ 132 лавками, нѣсколькими кладовыми и подвалами. Мимо гостинаго двора отъ крѣпости тянется улица Воскресенская, почти сплошь занятая магазинами съ разнообразными товарами, главнымъ образомъ модными и галантерейными. Въ нижней части города торговою дѣятельностью отличаются улицы: Проломная и Рыбнорядская съ рыбною площадью и площади за Булакомъ—Сѣнная и Мочальная.

Мелочная торговля сосредоточивается главнымъ образомъ на сѣнномъ и рыбно-мясномъ базарахъ, на толчкѣ около гостинаго двора и на устьѣ Казанки или пристани, — на мѣстахъ, гдѣ постоянно бываетъ большое скопленіе народа. На площадяхъ Сѣнной, Рыбной, Николаевской и близъ оз. Кабана, кромѣ того, располагаются пріѣзжіе крестьяне для продажи своихъ сельскихъ продуктовъ. Количество общей суммы, на которую производится мелочной торгъ, опредѣлить, разумѣется, трудно. На указанныхъ главныхъ его пунктахъ годичную выручную сумму его высчитываютъ до 1,379,000 р. Но, кромѣ этихъ пунктовъ, мелочныя лавки, палатки, лари разбросаны почти по всѣмъ улицамъ и площадямъ. На перекресткахъ, мостахъ, дамбахъ и по улицамъ на каждомъ шагу встрѣчаются лотки, столики или лавчонки въ дырахъ заборовъ и воротъ, гдѣ продаютъ съѣстные припасы, лакомства и разныя бездѣлушки. Потребители,—обыватели преимущественно низшаго, бѣднаго класса—должны вслѣдствіе этого содержать на свой счетъ цѣлую толпу торговцевъ, кулаковъ и барышниковъ, какъ въ западнорусскихъ городахъ, кишащихъ еврейскимъ населеніемъ. Самую важную роль въ этого рода торговлѣ играютъ городскіе татары, торгаши съ малолѣтства, такъ сказать—по рожденію. Съ недавняго времени въ Казани начали размножаться евреи, тоже пустившіеся въ мелочную торговлю, перекупку и перепродажу разныхъ разностей. Интересно будетъ видѣть съ теченіемъ времени, кто кого перешибетъ на этомъ поприщѣ: жидъ татарина или татаринъ жида. Торговые пріемы ихъ весьма сходны между собою и основаны не столько на принципѣ величины прибыли, какъ у торговца русскаго, сколько на принципѣ быстроты оборотовъ съ небольшимъ процентомъ прибыли, даже изрѣдка въ убытокъ себѣ, если покупатель прижимистъ и ловокъ. Разумѣется, съ покупателя сплошавшаго ни татаринъ, ни жидъ не замедлятъ взять втрое и впятеро противъ настоящей цѣны. Отъ того торгъ ихъ всегда съ громаднымъ запросомъ,

Университетъ въ Казани.

похожъ на какую-то игру съ покупателемъ въ загадки и на состязаніе о томъ, кто кого оплететъ.

На Волгѣ у Казани двѣ торговыхъ пристани: на устьѣ Казанки и версты 2 ниже, на Бакалдѣ, гдѣ останавливаются тяжелые грузы. Весной открывается еще временная пристань подъ крѣпостью, на устьѣ Булака въ Казанку. Тутъ же происходитъ весенняя ярмарка (Биржа), на которой главными товарами, сбываемыми частью на мѣстѣ, частью въ сосѣднія губерніи, служатъ привозная изъ верховыхъ губерній и съ мѣстныхъ заводовъ фарфоровая и хрустальная посуда, апельсины и лимоны и разныя растенія, доставляемыя сюда изъ ближнихъ оранжерей и изъ приволжскихъ садовъ.

Бойкое торговое движеніе и постоянный наплывъ пріѣзжаго населенія послужили поводомъ къ умноженію въ городѣ разныхъ трактировъ, ресторановъ и нумеровъ для пріѣзжающихъ. Въ зимнее время множество постоялыхъ дворовъ, находящихся въ городѣ, сплошь бываютъ загромождены возами съ разными товарными кладями. Нельзя не отдать должной справедливости удобствамъ, чистотѣ и дешевизнѣ казанскихъ гостиницъ, которыми онѣ рѣзко отличаются, напримѣръ, отъ грязныхъ и дорогихъ клоповниковъ сосѣдняго Нижняго-Новгорода, несмотря на то, что по причинѣ громаднаго съѣзда народа на нижегородскую ярмарку статья эта въ Нижнемъ могла бы быть устроена гораздо болѣе удовлетворительнымъ образомъ, чѣмъ въ Казани.

Кромѣ торгово-промышленнаго значенія, Казань имѣетъ еще болѣе важное значеніе для всего восточнаго края Россіи, какъ главный центръ просвѣщенія. До настоящаго столѣтія это просвѣтительное значеніе ея выражалось исключительно въ религіозной сферѣ, въ обращеніи къ христіанству многочисленныхъ инородцевъ; въ текущемъ столѣтіи оно сдѣлалось многостороннѣе: Казань стала во главѣ восточнаго учебнаго округа, какъ городъ университетскій и академическій. Въ ней самой возникло значительное число разныхъ учебныхъ заведеній и многочисленный классъ ученаго люда, составляющій почти такую же замѣтную часть въ ея общемъ населеніи, какъ и классъ торгово-промышленный. Изъ учебныхъ заведеній Казань имѣетъ: университетъ, духовную академію, 3 мужскихъ гимназіи и 2 женскихъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ (съ 1841 г.), духовную семинарію, ветеринарный институтъ (съ 1874 г.), реальное училище, художественную школу (съ 1895 г.), находящуюся въ вѣдѣніи Императорской Академіи художествъ, промышленное училище (съ 1897 г.), юнкерскую школу, учительскій институтъ для образованія учителей въ городскія школы (съ 1877 г.), учительскую симинарію, земскую семинарію для образованія учительницъ, татарскую учительскую школу, центральное училище для татаръ крещеныхъ, тоже образующее учителей и учительницъ народныхъ крещено-татарскихъ школъ, училище дѣвицъ духовнаго званія (съ 1852 г.), училище слѣпыхъ (съ 1885 г.), глухонѣмыхъ (съ 1886 г.), уѣздное училище одно и другое духовное, 7 приходскихъ, одно лютеранское, начальное, при кирхѣ, 7 татарскихъ при мечетяхъ, 2 фельдшерскихъ школы—при земской больницѣ и военномъ госпиталѣ, училище при образцовой земледѣльческой фермѣ близъ Казани, другое при заведеніи общества земледѣльческихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, два пріюта для русскихъ и одинъ татарскій, кромѣ того, въ Казани существуетъ нѣсколько частныхъ пансіоновъ и школъ грамотности, также школы живописи, музыкальныя и танцовальныя.

Университетъ первоначально основанъ былъ въ 1804 г. при старѣйшей его по существованію первой казанской гимназіи, потомъ въ отдѣльномъ видѣ съ 4 факультетами образовался въ 1814 г. Первые годы его существованія прошли при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ для его развитія. Съ 1819 г. его постигли знаменитая ревизія, а за ней попечительство извѣстнаго Магницкаго, поставившаго себѣ цѣлью устроить изъ университета нѣчто въ родѣ монастырской обители, и юная университетская наука, поставленная въ душную атмосферу безнравственнаго ханжества и религіознаго тупоумія, едва было не замерла въ Казани въ са-

момъ своемъ младенчествѣ. Къ счастью для нея, въ началѣ царствованія императора Николая I Магницкій слетѣлъ съ своего мѣста и попечителемъ вмѣсто него сдѣлался (1827 г.) Мусинъ-Пушкинъ, изъ казанскихъ дворянъ и воспитанниковъ казанскаго университета, которому университетъ обязанъ, можно сказать, всей своей организацией. Въ теченіе 17 лѣтъ его попечительства выстроены всѣ университетскія зданія, занимающія теперь цѣлый кварталъ въ началѣ Воскресенской улицы, кромѣ главнаго корпуса, устроеннаго, вмѣстѣ съ церковью, еще при Магницкомъ. Дѣятельнымъ помощникомъ попечителя былъ незабвенный въ исторіи университета профессоръ математики и ректоръ Лобачевскій. Стараніями ихъ въ 1839—1841 г.г. на дворѣ университета возникли обсерваторія, библіотека, анатомическій театръ, физическій кабинетъ и химическая лабораторія, чрезъ улицу противъ главнаго корпуса построена университетская клиника; ботаническій садъ, существовавшій въ довольно жалкомъ видѣ назади университетскаго двора, переведенъ (еще въ 1834 г.) на настоящее свое мѣсто на берегу Кабана и разбитъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Мусину-Пушкину университетъ былъ обязанъ также развитіемъ своей главной прежде особенности, которая давала ему отличительную физіономію предъ другими университетами и которая была предназначена ему еще въ первоначальномъ планѣ при его основаніи,—именно развитіемъ изученія восточныхъ языковъ, съ помощью котораго онъ долженъ былъ сдѣлаться могущественымъ орудіемъ для изученія и просвѣщенія русскаго востока; образованъ былъ восточный факультетъ, наполнившійся замѣчательными профессорами-оріенталистами. Къ сожалѣнію, въ 1855 г. этотъ факультетъ зачѣмъ-то переведенъ былъ въ Петербургъ, послѣ чего изученіе восточныхъ языковъ при казанскомъ университетѣ быстро пришло въ упадокъ, и университетъ потерялъ свое спеціальное назначеніе для восточнаго края. Остаткомъ этого значенія осталось при немъ только азіатская типографія, но и она, разумѣется, должна была потерять свой прежній смыслъ и сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ коммерческой статьи при университетской экономіи. Въ 1897 г. годовой оборотъ простирался на сумму 51,722 р. Въ 1896 г. типографія отпечатала для Нижегородской выставки молитву „Отче нашъ“ на 50 языкахъ.

Казань. Памятникъ Лобачевскаго

Несмотря на свое непродолжительное и довольно несчастное существованіе, университетъ успѣлъ выставить изъ среды своихъ профессоровъ и воспитанниковъ не мало замѣчательныхъ именъ и значительное количество ученыхъ работъ и литературныхъ изданій. На первыхъ же порахъ своего существованія онъ имѣлъ такихъ извѣстныхъ въ наукѣ профессоровъ, какъ Бартельсъ, Браунъ, Броннеръ, Литровъ, Френъ, Эрдманъ, Фуксъ. Личность и труды Фукса особенно памятны въ Казани, какъ человѣка, обладавшаго высокими душевными качествами, живого общественнаго дѣятеля и перваго изслѣдователя по исторіи и особенно этнографіи казанскаго края. За ними особенную извѣстность получили профессора изъ воспитанниковъ самаго университета: Перевощиковъ, Лобачевскій, Симоновъ, извѣстный своимъ кругосвѣтнымъ путешествіемъ, изъ котораго онъ привезъ множество разнаго рода предметовъ для обогащенія университетскаго историко-этнографическаго музея, и другіе. Изъ профессоровъ-оріенталистовъ послѣ Френа извѣстны Казем-бекъ, Ковалевскій и Васильевъ; изъ славистовъ—Григоровичъ;

изъ преподавателей исторіи — Рыбушкинъ — историкъ Казани, Ивановъ, Гшевскій, Щаповъ. Число слушателей университетскихъ лекцій первоначально, вслѣдствіе повсюдной еще дикости университетскаго округа, было очень не велико, даже въ 1850-хъ годахъ не превышало 340 человѣкъ. Въ 1870 г. оно возросло уже до 586, а въ настоящее время простирается до 746 человѣкъ, кромѣ 72 вольныхъ слушателей.

Съ казанскимъ университетомъ тѣсно связана дѣятельность разныхъ мѣстныхъ учено-литературныхъ обществъ и изданій. Еще въ 1806 г. при немъ основалось Общество любителей русской словесности и съ 1811 г. стало издавать первый мѣстный журналъ „Казанскія Извѣстія", между прочимъ задававшіяся цѣлью, хотя и непосильною для тогдашнихъ ихъ сотрудниковъ, этнографическаго изученія края. Изданіе это было убито Магницкимъ и съ 1820 г. замѣнено религіозно-ханжескимъ изданіемъ подъ названіемъ „Казанскаго Вѣстника". Самое Общества любителей словесности перестало собираться, предоставивъ полный просторъ модному тогда Библейскому Обществу. Съ 1821 г. отдѣльно отъ „Казанскаго Вѣстника„ стали издаваться „Прибавленія" къ нему, прекратившіяся въ 1834 г., спустя два года по прекращеніи „Вѣстника". Въ періодъ 1832—1834 г.г. два адъюнкта университета, Полиновскій и Рыбушкинъ, издавали „Заволжскій Муравей", журналъ, имѣвшій преимущественно мѣстный характеръ и интересъ. Съ 1838 г. началось изданіе „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", которыя представили много интересныхъ статей по изученію казанскаго края, особенно при редакторствѣ извѣстнаго нашего археолога, магистра казанскаго университета Артемьева. Съ 1834 г. университетъ началъ издавать свой собственный ученый журналъ—„Ученыя Записки", продолжающіяся и доселѣ. Въ 1839 г. въ Казани возникло Императорское Экономическое Общество, нѣсколько лѣтъ издававшее свои „Записки" подъ редакціею профессора университета Киттары. Въ послѣднее время отчасти прямо при университетѣ, отчасти только при живомъ его содѣйствіи открыто нѣсколько новыхъ общества: въ 1869 г. общество естествоиспытателей, поставившее себѣ задачею изслѣдованіе съ естественно-исторической точки зрѣнія восточнаго края Россіи и Сибири, и общество врачей для изученія Казани въ санитарномъ отношеніи, въ 1877 г. послѣ IV археологическаго съѣзда въ Казани общество археологическое, въ 1879 г. общество юридическое, въ 1891 г. физико-математическое общество и др.

Духовная академія первоначально была образована въ царствованіе Павла I изъ мѣстной семинаріи, но существовала недолго и ничѣмъ не отличалась тогда отъ семинарій; съ преобразованія духовныхъ училищъ при императорѣ Александрѣ она снова переименована была въ семинарію. Настоящая академія открыта недавно, вмѣстѣ съ открытіемъ казанскаго духовно-учебнаго округа въ 1842 г. Зданія ея, построенныя въ 1848—1850 г.г., находятся на Арскомъ полѣ. Какъ и университетъ, академія эта назначена была между прочимъ для спеціальной цѣли просвѣщенія русскаго востока, отъ того въ курсъ ея введены были инородческіе языки, а съ 1854 г. при ней открыты спеціальныя миссіонерскія отдѣленія,—татарское, монгольское и черемисско-чувашское, къ которымъ, кромѣ того, во вниманіе къ мѣстнымъ религіознымъ нуждамъ, присоединено еще четвертое—противораскольническое. Къ сожалѣнію, въ 1871 г. и съ академіей случилось почти то же, что раньше съ университетомъ. По новому уставу, отдѣленія эти были закрыты и вмѣсто нихъ оставлены только три отдѣльныхъ каѳедры: раскола, татарскаго и арабскаго языковъ и языка монгольскаго; послѣднія двѣ даже въ качествѣ сверхштатныхъ. Въ свое кратковременное существованіе академія такъ-же, какъ университетъ, успѣла заявить себя нѣсколькими извѣстными въ наукѣ именами и учеными трудами. Въ числѣ ея профессоровъ были извѣстные наши богословы Іоаннъ (послѣ епископъ смоленскій) и Хрисанѳъ (епископъ нижегородскій), историки—священники Морошкинъ, Елисѣевъ и Щаповъ, оріенталисты—Саблуковъ, Бобровниковъ и Ильминскій. Послѣдніе двое и Щаповъ были ея собственные воспитанники. Съ 1855 г., послѣ предоставленія академіи рукописной библіотеки Соловецкаго монастыря, академія начала издавать свой ученый журналъ „Православный Собесѣдникъ".

Кромѣ того, къ ней примыкаютъ: переводческая комиссія для перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ и религіозныхъ сочиненій на инородческіе языки, редакція „Миссіонерскаго Сборника" и редакція мѣстной духовной газеты—„Казанскихъ Епархіальныхъ Извѣстій".

Старѣйшимъ изъ учебныхъ заведеній Казани служитъ духовная семинарія, основанная еще въ 1723 г. Прежде она помѣщалась въ разныхъ казанскихъ монастыряхъ; потомъ въ царствованіе Анны и Елизаветы, при архіереяхъ Илларіонѣ Рогалевскомъ и Лукѣ Конашевичѣ, устроено было нынѣшнее ея помѣщеніе въ обширномъ домѣ на Воскресенской улицѣ. Домъ этотъ нѣсколько разъ горѣлъ и перестраивался до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда приведенъ въ настоящій свой видъ. Епископу Лукѣ Конашевичу принадлежитъ также честь полной организаціи семинарскаго курса, подвергшагося послѣ него первому преобразованію не ранѣе начала XIX столѣтія. Замѣчательно, что, несмотря на нѣсколько разъ высказывавшуюся мысль сообщить семинаріи мѣстное миссіонерское значеніе, до 1830-хъ годовъ она не заводила у себя даже изученія мѣстныхъ инородческихъ языковъ; въ 30-хъ годахъ на этотъ предметъ, сколько извѣстно, въ первый разъ только обращено было вниманіе по случаю усилившихся тогда от-

1-я гимназія въ Казани.

паденій отъ церкви крещеныхъ татаръ, но, съ новымъ преобразованіемъ духовныхъ заведеній 1860-хъ годовъ, изученіе мѣстныхъ языковъ снова пришло въ ней въ упадокъ. Изъ воспитанниковъ семинаріи, за время ея полуторавѣковаго существованія, особенно извѣстны: знаменитый витія временъ Елизаветы Гедеонъ Криновскій, одинъ изъ первыхъ нашихъ синологовъ Іоакинѳъ Бичуринъ и филологъ Билярскій.

Второе мѣсто по старшинству послѣ семинаріи занимаетъ Императорская первая гимназія, основанная въ 1758 г., черезъ 3 года послѣ открытія старѣйшаго русскаго университета московскаго. Организаторами ея были первые ея директора Веревкинъ и Каницъ, съ самаго начала давшіе ей мѣстную физіономію восточной гимназіи чрезъ введеніе въ ея курсъ изученія восточныхъ языковъ. Въ 1788 г. она была закрыта и вновь открылась черезъ 10 лѣтъ по волѣ императора Павла I. При Александрѣ I при ней открыта азіатская типографія, перешедшая потомъ въ вѣдомство университета. Самый университетъ, какъ мы говорили, образовался при ней и 10 лѣтъ неразрывно былъ съ ней связанъ, помѣщаясь въ однихъ съ ней зданіяхъ и будучи управляемъ общею съ ней администраціей. Въ 1814 г. она была переведена въ настоящее свое помѣщеніе на Воздвиженской улицѣ и зажила отдѣльною отъ университета жизнью.

Въ 1835 г. она была преобразована по новому уставу, но ея прежняя особенность, какъ гимназіи восточной, не только при этомъ не была ослаблена, но еще усилена. Въ ней преподавались тѣ же языки, какъ и въ университетѣ: арабскій, турецкій, персидскій, китайскій, армянскій, монгольскій и татарскій. Прекращеніе ихъ преподаванія и обезличеніе гимназіи по общему гимназическому шаблону произошло одновременно послѣ перевода восточнаго факультета изъ казанскаго университета въ петербургскій, послѣ окончанія попечительства Мусина-Пуш-

Святой ключъ въ Семіозерной пустыни, въ 17 верстахъ отъ Казани.—Фотографія съ натуры.

кина. Въ числѣ первыхъ своихъ учениковъ гимназія считаетъ знаменитаго нашего поэта Державина. Кромѣ него, ея же воспитанниками были: братья Княжевичи (одинъ изъ нихъ былъ министромъ финансовъ), Панаевы, С. Т. Аксаковъ, двое Перевощиковыхъ (оба потомъ профессора), Лобачевскій, Симоновъ, историкъ Казани Рыбушкинъ и др. Вторая гимназія основана въ 1835 г.; третья, младшая, образовалась въ 1871 г. изъ прогимназіи.

Изъ другихъ учебныхъ заведеній особенно важное значеніе для казанскаго края имѣетъ крещено-татарская школа, открытая въ 1864 г. Мы уже говорили о ней въ предыдущей

статьѣ о татарахъ, какъ объ единственномъ учебномъ заведеніи, отъ котораго можно ожидать христіанскаго просвѣщенія для крещеныхъ татаръ, а отчасти и другихъ инородцевъ казанскаго края.

Не считаемъ особенно нужнымъ говорить о заведеніяхъ больничныхъ и филантропическихъ; въ этомъ отношеніи Казань похожа на всѣ другіе большіе города съ тѣмъ только развѣ различіемъ, что медицинская часть въ ней болѣе развита, чѣмъ въ другихъ губернскихъ городахъ, вслѣдствіе вліянія университета и значительнаго числа практикующихъ медиковъ-профессоровъ медицинскаго факультета. Единственную особенность Казани составляетъ находящаяся въ ней центральная лѣчебница умалишенныхъ, первое въ Россіи заведеніе этого рода, построенное въ видѣ опыта и организованное въ замѣчательно богатыхъ размѣрахъ. Огромныя зданія ея, снабженныя всѣми удобствами, нужными для цѣли заведенія, расположены вдали отъ города, на концѣ Арскаго поля. Больные дѣлятся на два разряда: лицъ образованныхъ и простого званія, и для излѣченія помѣщаются въ свойственную для каждаго обстановку; признанные по истеченіи года неизлѣчимыми вывозятся изъ заведенія на попеченіе родныхъ или въ домъ умалишенныхъ.

П. В. Знаменскій.

ОЧЕРКЪ VI.

ПОВОЛЖЬЕ ОТЪ СИМБИРСКА ДО ЦАРИЦЫНА.

Симбирскъ.—Его прошлое и настоящее.—Его достопримѣчательности.—Страшный для Симбирска день 19 августа 1864 года.—Разсказы очевидца.—Бывальщины и мивы Жегулевыхъ горъ.—Самара.—О томъ, что она видѣла на своемъ вѣку.—Выгоды положенія Самары и ея значеніе, какъ торговаго и промышленнаго пункта.—Ея внѣшній обликъ.—Сергіевскія воды; пчельникъ липоваго лѣса и Голубое озеро.

„Внизъ по матушкѣ—по Волгѣ,
По широкому раздолью“...

СИМБИРСКЪ—не изъ новыхъ городовъ. О немъ уже говорятъ въ XVIII столѣтіи Палласъ, Рычковъ и упоминаютъ даже путешественники XVII вѣка—Олеарій и Стрюйсъ. У Симбирска уже есть своя исторія, полная тревогъ и бурь,—исторія интересная, какъ всякая исторія, писанная человѣческими слезами и кровью, огнемъ и мечомъ. „Много грознаго видѣлъ симбирскій стрѣлецъ“, говорится въ одномъ старомъ стихотвореніи. И подлинно—такъ: Симбирскъ уже пережилъ не мало смутъ и бѣдъ на своемъ вѣку. А вѣку его ни болѣе ни менѣе, какъ 250 лѣтъ. Этотъ городъ, выдвинутый далеко на востокъ отъ великой, крещеной Руси, зародился и выросъ и окрѣпъ среди боевого шума, въ борьбѣ за существованіе. Въ силу хода историческихъ событій онъ явился стражемъ нашей восточной окраины и, какъ могъ и какъ умѣлъ, исполнялъ свое призваніе...

Когда царства Казанское и Астраханское были покорены, тогда вся Волга—отъ истоковъ до устья, по крайней мѣрѣ, de jure,—очутилась во владѣніи Московскаго государства. Въ ту пору по берегамъ Волги—въ южной части ея средняго теченія и въ низовьи—стали все чаще и чаще появляться русскія поселенія. Сначала эти поселенія, разумѣется, напоминали собой сказочныя избушки на курьихъ ножкахъ и состояли большею частью просто изъ военныхъ постовъ или—по-тогдашнему—„сторожъ“, устроенныхъ для наблюденія за кочевниками, еще долго безвозбранно рыскавшими на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ губерній Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской. Эти первые русскіе поселки составляли собою какъ бы звенья одной цѣпи, протянутой между Казанью и Астраханью. Подъ защитой „сторожъ“, мало-по-малу—на первыхъ порахъ по берегу Волги, а потомъ и далѣе, „на дикихъ поляхъ“—сталъ появляться мужикъ со своей сохой, съ косой и топоромъ... Впрочемъ, въ ту пору рус-

скихъ поселенiй здѣсь было очень мало и стояли они вразбросъ то въ глуши дремучихъ лѣсовъ, то окруженныя селеньями инородцевъ.

А, между тѣмъ, приволье здѣшняго края издавна манило къ себѣ голытьбу, людей храбрыхъ и удалыхъ, искавшихъ воли и лучшаго житья. Шайки этихъ „удалыхъ добрыхъ молодцевъ" особенно усилились къ концу XVI вѣка, когда „Юрьевъ день" уже отошелъ въ область народныхъ поговорокъ и крестьяне были закрѣпощены за помѣщиками. Неурядица, постигшая затѣмъ Московское государство, смуты эпохи самозванцевъ, волненія вѣчевыхъ городовъ, вспомнившихъ о своихъ вольностяхъ, довели государство до такого состоянія, что оно трещало въ основахъ своихъ и готово было распасться. „Пошла великая рознь", говоритъ лѣтописецъ... Вслѣдствіе народнаго броженія приливъ на Волгу такъ-называемыхъ „воровскихъ шаекъ" дошелъ въ это время до громадныхъ размѣровъ. Южная часть средняго теченія и низовье Волги въ дѣйствительности находились въ ту пору почти въ полномъ распоряженіи „добрыхъ молодцевъ". Всѣ эти обстоятельства, само собой, должны были сильно задерживать мирное заселеніе края. По народнымъ преданіямъ, напримѣръ, оказывается, что по берегу Волги, особенно въ горахъ и лѣсахъ Самарской Луки чуть ли не со временъ Ермака находились притоны многочисленныхъ „воровскихъ шаекъ". Въ 30 верстахъ выше Симбирска, при селеніи Ундорахъ, существовали до послѣдняго времени остатки земляныхъ окоповъ, служившихъ становищемъ какого-то атамана разбойниковъ Герасима. И это—не басни. Народныя сказанія въ этомъ случаѣ совершенно подтверждаются оффиціальными грамотами...

Съ восшествіемъ на престолъ Михаила Романова правительство обратило особенное вниманіе на усиленіе поволжской береговой стражи,—и были устроены „сторожи" по рѣкѣ Усѣ, гдѣ „воровскіе люди", обыкновенно, дѣлали переволъ съ южной стороны Самарской Луки на сѣверную и обратно. Но все-таки число „сторожъ" на Волгѣ оказывалось недостаточнымъ для наблюденія за кочевниками и за удалыми разбойничками: небольшіе отряды служилыхъ людей совершенно терялись въ необъятномъ степномъ просторѣ и не могли защищать край отъ набѣговъ поволжской вольницы. Чувствуя себя какъ бы отрѣзанными отъ всего крещенаго міра, эти люди уже считали себя счастливыми въ томъ случаѣ, если имъ самимъ удавалось спасаться отъ врага, налетавшаго на нихъ отовсюду—и изъ темной чащи лѣсовъ дремучихъ, и изъ зеленой степной дали. Въ тѣ отдаленныя времена, городовъ или, вѣрнѣе сказать, значительныхъ укрѣпленій по Волгѣ было очень мало. Въ XVI столѣтіи между Казанью и Астраханью существовали только Тетюшевъ (нынѣ—Тетюши), Самара, Саратовъ и Царицынъ, да и тѣ были далеко не сильны, а на юго-западъ отъ Алатыря самыми ближайшими городами были Верхній и Нижній Ломовъ (Тамбовъ и Козловъ явились уже позже, около 1636 г.). Между тѣмъ, осѣдлое населеніе въ краѣ увеличивалось, и представлялось прямо въ интересахъ государства упрочить положеніе переселенцевъ, гарантировавъ имъ спокойствіе и безопасность. Вслѣдствіе такихъ-то побужденій правительство и задумало основать новый городъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1648 г., бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово „съ товарищи" основалъ на берегахъ рѣкъ Волги и Свіяги Симбирскъ или, какъ тогда называли, *Синбирскъ*, при чемъ дуга, образуемая теченіемъ Волги отъ Симбирска до Васильсурска, была отрѣзана землянымъ валомъ, уцѣлѣвшимъ и до сего времени. Вновь основанный городъ, разумѣется, укрѣпили по всѣмъ правиламъ тогдашняго искусства: кремль расположенъ былъ по вѣнцу горы, а вокругъ него шелъ посадъ, обведенный стѣною, рвомъ и валомъ; позади стѣны находился острогъ. Кремль былъ четыреугольный, длиною во всѣ стороны въ 200 саж., а шириною въ 800 и находился въ прямой линіи отъ Волги въ 500 саж. (На мѣстѣ Симбирска, вѣроятно, стояло нѣкогда какое-нибудь болгарское или ордынское городище: самое названіе урочища, перешедшее къ городу, чисто татарское, и въ татарскихъ лѣтописяхъ „Синбиръ" встрѣчается еще задолго до утвержденія въ краѣ русскаго владычества).

Отъ Симбирска повели укрѣпленную черту по направленію къ юго-западу; это былъ не-

прерывный ровъ съ высокимъ землянымъ валомъ; по валу шелъ деревянный тынъ и мѣстами были устроены равелины, башни и остроги. Такихъ особенно укрѣпленныхъ пунктовъ насчитывалось 8: Юшинскъ, Тагай, Урень или Уреникъ, Карсусъ, Малый Корсунъ или Корсуновъ, Талыкъ, Аргашъ и Сурскъ. За Сурою черта шла на Саранскъ... Надъ устройствомъ этой черты съ 1648 до 1654 г. работало ежегодно отъ 3 до 5 тысячъ человѣкъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ подобныя укрѣпленія возводились не однажды въ видахъ охраны, ,,дабы всякіе воинскіе люди и шатущіе воры-казаки обманомъ въ Русь не прошли и дурна какого-бъ не учинили, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ и всякіе товары безпошлинно въ Русь и изъ Руси не приходили''. Охраненіе черты поручалось стрѣльцамъ и казакамъ, поселеннымъ при острогахъ или же особыми слободами и станицами. Остатки симбирской черты и теперь еще замѣтны, хотя самая линія, какъ ни къ чему не пригодная, уже около 200 лѣтъ остается безъ исправленія, являясь лишь смутнымъ памятникомъ былыхъ вѣковъ...

Черезъ 18 лѣтъ послѣ основанія, Симбирску суждено было сдѣлаться свидѣтелемъ и даже принять участіе въ кровавой драмѣ, разыгравшейся въ Поволжьи и извѣстной подъ названіемъ ,,бунта Стеньки Разина''. Съ 1666 г. въ средѣ донскихъ казаковъ началось сильное броженіе; однѣ шайки бродили по воронежскимъ и тульскимъ мѣстамъ, подговаривая крестьянъ и холопей возставать противъ помѣщиковъ; другія, по старой традиціи, тянулись на ,,Волгу-матушку'' и грабили торговыя суда. Въ это-то время донской казакъ Степанъ Разинъ явился на Волгу изъ-за Дона съ небольшою шайкой удальцовъ. Это былъ человѣкъ суровый, неустрашимый, энергичный, съ желѣзной силой воли, скоро сумѣвшій привлечь къ себѣ поволжскую голытьбу и вообще всѣхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ. Народъ назвалъ его ,,батюшкой Степаномъ Тимофеевичемъ''; такъ это прозвище и осталось за нимъ. Три года онъ счастливо дѣйствовалъ въ низовьяхъ Волги и на Каспійскомъ морѣ, взялъ яицкій городокъ Гурьевъ, захватилъ Царицынъ и Астрахань, а лѣтомъ 1670 г. пошелъ вверхъ по Волгѣ, вознамѣрившись забрать всѣ города до Москвы. Степанъ Разинъ шелъ на этотъ разъ не простымъ атаманомъ разбойниковъ, а предводителемъ цѣлой арміи; пѣхота плыла по рѣкѣ, а конные шли берегомъ. И съ каждымъ шагомъ ,,Степана Тимофеевича'' войско его увеличивалось: его приверженцы повсюду разсѣивали ,,прелестныя письма'', въ которыхъ народъ призывался къ возстанію—къ истребленію бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Скоро пламя охватило все пространство между Волгою и Окою и, клокоча страшно, разбрасываясь во всѣ стороны, разгоралось все пуще и пуще. Горючаго матеріала вездѣ много накопилось... Еще съ 1667 г., въ виду тревожныхъ слуховъ о настроеніи народа, воеводамъ и всѣмъ начальнымъ людямъ на симбирской чертѣ строго предписывалось жить ,,съ великимъ береженіемъ'', но лишь только явился Разинъ,—,,люди пошатались и начали приставать къ ворамъ''... Какъ видно, въ тѣ дни государство въ борьбѣ со ,,Степаномъ Тимофеевичемъ'' страшно напрягало свои силы. На Волгу посылались войска даже изъ такихъ далекихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, изъ Бѣлоозера.

31 августа 1670 г. прибыли къ Симбирску два полка подъ начальствомъ князя Юрія Барятинскаго, а 4 сентября сюда же приплылъ изъ Самары Разинъ. Высадившись за полверсты выше города, 5 числа утромъ, Разинъ пошелъ на приступъ. Барятинскій загородилъ ему дорогу и бился съ нимъ цѣлый день, но побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. День 6 сентября прошелъ безъ боя. Разинъ, воспользовавшись тѣмъ временемъ, завязалъ переговоры съ симбирцами и ,,злыми своими всякими воровскими прелестями'' склонилъ ихъ на свою сторону. Увѣрившись въ поддержкѣ симбирцевъ, Разинъ ночью ударилъ на Барятинскаго, оттѣснилъ его и съ разсвѣтомъ пошелъ къ острогу. Симбирцы тотчасъ же впустили его и принялись рубить тѣхъ, кто не былъ съ ними заодно, а потомъ оборотили на Барятинскаго пушки. Симбирскій воевода, окольничій Иванъ Милославскій, съ оставшимися ему вѣрными стрѣльцами заперся въ кремлѣ. Барятинскій не успѣлъ пробиться въ кремль и былъ

принужденъ отступить отъ Симбирска, при чемъ въ полкахъ его оказалась большая убыль отъ побѣговъ. Онъ остановился въ Тетюшахъ, ожидая себѣ на помощь князя Петра Урусова, а Разинъ, между тѣмъ, держалъ Милославскаго въ осадѣ. 1 октября Барятинскій снова подступилъ къ Симбирску. Въ 2 верстахъ отъ города Разинъ напалъ на него на берегу Свіяги и завязалъ жестокій бой. „Люди въ людяхъ мѣшались", доносилъ впослѣдствіи Барятинскій, „и стрѣльба на обѣ стороны ружейная и пушечная была въ притинъ". На этотъ разъ счастье измѣнило Разину: онъ отступилъ къ острогу и заперся въ башнѣ. 3 октября Барятинскій перешелъ Свіягу и подступилъ къ самому Симбирску. Въ это время Разинъ оставилъ городъ, сѣлъ со своими донцами на суда и уплылъ внизъ по Волгѣ. Узнавъ объ отступленіи Разина, Барятинскій ворвался въ острогъ, зажегъ его и отрѣзалъ отступленіе остаткамъ разинскихъ полчищъ. Въ то же время изъ кремля вышелъ Милославскій, и инсургенты, такимъ образомъ, попались между двухъ огней. До 6 тысячъ человѣкъ были взяты въ плѣнъ и казнены; весь берегъ Волги и дорога къ Симбирску были уставлены висѣлицами. Барятинскій оставался въ Симбирскѣ до конца октября, а потомъ двинулся вдоль черты для водворенія порядка. Съ другой же стороны отъ Арзамаса шелъ ему навстрѣчу воевода кн. Юрій Долгорукій...

Видъ съ Волги на Симбирскъ.

Въ память совершеннаго избавленія отъ Стеньки Разина, симбирское духовенство ежегодно 21 мая съ крестнымъ ходомъ отправляется навстрѣчу чудотворной иконѣ Казанской Божьей Матери, которую въ этотъ день приносятъ въ Симбирскъ изъ Жадовской Пустыни, находящейся въ Карсунскомъ уѣздѣ, въ 130 верстахъ отъ Симбирска. Жители встрѣчаютъ ее версты за 3, за 4 отъ города и провожаютъ въ соборъ; она обносится по всѣмъ церквамъ и домамъ и, пробывъ въ городѣ до 11 іюня, относится обратно въ Пустынь.

Соединенными усиліями царскихъ воеводъ въ симбирскомъ краѣ возстаніе было подавлено, но полное спокойствіе для Симбирска настало еще не скоро. Въ іюлѣ 1671 г. явился подъ Симбирскомъ со своими шайками Федька Шелудякъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотоварищей Разина, до той поры находившійся въ Астрахани. Воеводою въ Симбирскѣ былъ тогда бояринъ Петръ Шереметевъ. Приступы Шелудяка были отбиты, казаки ушли на Самарскую Луку въ Надѣинское Усолье, а потомъ въ Самару и завели оттуда переписку съ Шереметевымъ, будто бы намѣреваясь принести повинную, но въ то же время сами писали „многія затѣйныя дѣла" и называли измѣнниками князя Долгорукаго и другихъ бояръ. Шереметевъ отвѣчалъ казакамъ, что онъ пошлетъ къ государю ихъ повинную, и, дѣйствительно, отпра-

вилъ ихъ письма въ Москву и ожидалъ указа, какъ дѣйствовать. Царь въ отвѣтъ послалъ въ Симбирскъ стольника князя Волконскаго „спросить боярина и воеводу Петра Васильевича съ товарищи о здоровьѣ, а равно и всѣхъ симбирскихъ и симбирскія черты стрѣльцовъ и казаковъ, и солдатъ, и всѣхъ служилыхъ людей, и мурзъ, и татаръ, которые великому государю служили и въ Симбирскѣ въ осадѣ были, и осадную нужду терпѣли, спросить о здоровьѣ ихъ и службу ихъ похвалить". Но въ то же время было приказано заявить Шереметеву, что „учинилъ онъ не гораздо, вступивъ въ переписку съ ворами, и чтобы онъ впредь такъ не дѣлалъ, а о всякихъ великаго государя дѣлахъ радѣлъ и промышлялъ со всякимъ остерегательствомъ и разсмотрѣніемъ". Тогда же Шереметеву было повелѣно прислать съ Волконскимъ подробную опись Симбирска и черты. Къ сожалѣнію, этотъ документъ не дошелъ до насъ.

Шелудякъ, не дождавшись милостивой грамоты, отступилъ къ Астрахани. Въ 1672 г. Разинъ былъ казненъ въ Москвѣ послѣ жесточайшихъ пытокъ, вынесенныхъ имъ съ изумительной стойкостью. Какъ велико было число его единомышленниковъ, видно уже изъ того, что въ одномъ Арзамасѣ было казнено ихъ не менѣе 10 тысячъ человѣкъ. Разинъ умеръ, но память о немъ осталась надолго жить среди народа. Особенно помнятъ его горы Жегулевскія или, какъ ихъ называютъ, Жегули. Степанъ Тимофеевичъ живетъ до сего дня въ преданьяхъ и пѣсняхъ, сложенныхъ о немъ въ Поволжскомъ краѣ. Народныя повѣрья создали изъ него даже какого-то волшебника, будто бы живущаго и понынѣ. Въ народѣ приволжскомъ также ходитъ не мало разсказовъ о кладахъ, зарытыхъ имъ въ землѣ...

О состояніи г. Симбирска въ эпоху, послѣдовавшую за возстаніемъ, можно судить по тому, что въ 1681 г., при составленіи росписи денегъ на жалованье стрѣльцамъ, въ Симбирскѣ считалось 510 посадскихъ дворовъ и сбору съ нихъ полагалось 763 р., 16 алтынъ и 4 деньги. Изъ другихъ актовъ XVII столѣтія видно, что въ Симбирскѣ существовала таможня и къ Симбирску былъ приписанъ г. Сызрань, а также всѣ пригороды и остроги, находившіеся по симбирской чертѣ; воеводы въ немъ были не менѣе, какъ стольники.—Во времена Пугачевщины Симбирскъ остался вѣренъ правительству. Сюда въ 1775 г. былъ привезенъ въ желѣзной клѣткѣ Пугачевъ и отсюда отправленъ въ Москву. Въ 1780 г. императрица Екатерина II, въ знакъ своего благоволенія, пожаловала Симбирску новый гербъ, представлявшій бѣлый столбъ съ золотою короной, отъ чего коренные дворяне приволжскаго края долго писались въ своихъ актахъ „столбовыми".

Симбирскъ, въ теченіе своего двухсотпятидесятилѣтняго существованія, не однажды по административному усмотрѣнію приписывался то къ той, то къ другой провинціи. Такъ, въ 1708 г., 15 дек., при раздѣленіи Россіи на 8 губерній, Симбирскъ былъ приписанъ къ губерніи Казанской; въ 1717 г., 2 ноября, при отдѣленіи Астраханской губ. отъ Казанской—приписанъ къ первой изъ нихъ; въ 1719 г., 17 мая, перечисленіе это было подтверждено, и въ росписаніи губерній на провинціи, Симбирскъ показанъ въ Астраханской; въ 1772 г., 5 февр., въ росписаніи губерній и провинцій, съ показаніемъ числа дворовъ для военнаго постоя, Симбирскъ опять показанъ провинціальнымъ городомъ Казанской губ.; въ 1780 г., 15 сент., было повелѣно образовать Симбирское намѣстничество; 17 сент. того же года, при изданіи штата Симбирскаго намѣстничества, Симбирскъ назначенъ губернскимъ городомъ Симбирской губ.; въ 1781 г., 23 янв., открыты присутственныя мѣста въ намѣстничествѣ, и въ 1796 г., дек. 12 и 31, при раздѣленіи государства на губерніи, Симбирскъ оставленъ губернскимъ городомъ. Не однажды также послѣ того уѣзды то приписывались къ Симбирску, то отписывались отъ него. Такова въ общихъ чертахъ исторія административныхъ судебъ г. Симбирска...

Уже давно Симбирскъ утратилъ значеніе сторожевого города, выдвинутаго на восточную окраину. Уже давно онъ ни отъ кого ничего не защищаетъ, ни съ кѣмъ не воюетъ. „Смолкли бои!"... Симбирская крѣпость исчезла, валы обрушились. Только остатки древняго вала отъ „Симбирской черты", находящіеся за городомъ, на протяженіи около 5 верстъ, напоминаютъ

о быломъ... „Симбирскій стрѣлецъ“ можетъ смотрѣть нынѣ, сколько ему угодно, въ степную зеленую даль: кромѣ мирно пасущихся стадъ, онъ тамъ ничего не увидитъ. И со стороны Волги

Видъ на Волгу близъ Симбирска.

ему не представится ничего ужаснаго: тамъ пароходы, тяжело пыхтя, ведутъ на буксирѣ баржи, тамъ плывутъ расшивы, бѣляны, тянутся плоты лѣсу... Нынѣ существованію Симбирска при-

даетъ смыслъ все она же, все та же Волга-Матушка широкая, которая даетъ жизнь, силу и значенiе и другимъ городамъ, раскинувшимся по берегамъ ея.

Волга вступаетъ въ Симбирскую губернiю съ сѣвера и на протяженiи 450 верстахъ служитъ ея границей съ губернiями Казанской и Самарской. Собственно ей принадлежитъ только правый берегъ Волги, отъ лѣваго же причисляются къ ней лишь нѣсколько небольшихъ участковъ,—изъ нихъ самый значительный лежитъ противъ Симбирска. Характеръ Волги является здѣсь въ полномъ блескѣ своего развитiя, потому что она входитъ сюда, уже принявши всѣ свои главные притоки. Въ Симбирской губернiи въ Волгу вливаются съ праваго берега только ручьи, да двѣ небольшiя рѣчки—Уса и Сызрань. Ширина Волги здѣсь нигдѣ не встрѣчается менѣе 1 версты, а ниже Симбирска, противъ г. Ставрополя—именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга, встрѣтившись съ Самарской Лукой, дѣлаетъ крутой поворотъ на востокъ,—ширина ея доходитъ до 4 верстъ. Въ весеннее половодье, обыкновенно, начинающееся въ концѣ апрѣля, разливъ увеличивается въ иные годы верстъ на 5, а въ болѣе низменныхъ мѣстахъ доходитъ и до 15 верстъ. Во время разлива здѣсь, какъ и вездѣ на Волгѣ, воды, главнымъ образомъ, напираютъ на лѣвый берегъ, такъ какъ правый—покрытъ горами, которыя очень рѣдко отступаютъ отъ рѣки, да и то на незначительное разстоянiе; большею же частью горы спускаются къ Волгѣ обрывисто, и только при подошвѣ ихъ находятся не широкiе уступы, промытые разливами въ теченiе вѣковъ.

Рыхлыя глинистыя и известковыя породы береговъ Волги, легко поддающiяся влiянiю атмосферы и воды, способствуютъ образованiю пещеръ; кромѣ того, вслѣдствiе тѣхъ же причинъ, нерѣдко происходятъ и обвалы береговъ. Небольшiе обвалы происходятъ ежегодно въ различныхъ мѣстахъ, но симбирскiя хроники сообщаютъ объ одномъ чрезвычайно сильномъ осѣданiи волжскаго берега въ самомъ г. Симбирскѣ и его окрестностяхъ, продолжавшееся въ 1785 г. съ конца августа по ноябрь. Тогда цѣлыя площади земли спустились уступами, по берегу—вдоль теченiя—образовались длинныя и глубокiя трещины, въ городѣ разрушилось нѣсколько домовъ, исчезли сады, также не мало пострадала Преображенская церковь, а въ 7 верстахъ выше города свалилось въ Волгу много лѣсу. Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Сенгилеѣ часть волжскаго берега съ находившимися на ней постройками рухнула въ воду. Въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣкогда цѣлый монастырь сползъ до половины горы. Вообще сползанiе и пониженiе горы—явленiе далеко не рѣдкое. Подобное явленiе замѣчается и нынѣ въ Симбирскѣ. Здѣсь шоссе спуска къ Волги до послѣдняго времени постепенно приближалось къ рѣкѣ. Затрачивались не малыя суммы на то, чтобы остановить это паденiе, но ежегодное рытье канавъ, вбиванье свай для укрѣпленiя грунта и т. под., несмотря на значительныя затраты, не вело ни къ чему и не устраняло радикальнаго зла. Такъ, напримѣръ, сваи, вбитыя вертикально (по отвѣсу), на слѣдующiй же годъ наклонялись вслѣдствiе того, что верхнiй слой грунта горы постоянно, систематически скользитъ. Понятно, что физически невозможно нѣсколькими рядами свай противодѣйствовать движенiю слоя въ нѣсколько миллiоновъ пудовъ. (Вѣсъ одной кубич. саж. земли, какъ извѣстно, смотря по грунту, бываетъ отъ 800 до 1,000 пуд. и болѣе). По всей симбирской горѣ къ Волгѣ съ извѣстной высоты и до низу находится громадное количество источниковъ, дѣлающихъ свое дѣло, т.-е. размывающихъ внутреннiй слой. Эти источники, помогающiе Волгѣ въ ея разрушительной дѣятельности, можетъ быть, при этомъ питаются еще не одною атмосферной водой, но и водой свiяжской, легко просачивающейся сквозь мергелисто-известковые слои горъ (русло Свiяги, повидимому, выше волжскаго).

Обвалы береговъ, разумѣется, не мало влiяютъ на измѣненiе фарватера Волги, образуя въ ней наносы и отмели. Впрочемъ, судоходство по Волгѣ въ симбирскомъ районѣ не встрѣчаетъ особенныхъ препятствiй. Самое опасное мѣсто для прохода судовъ находится здѣсь въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Симбирска, гдѣ скопляются постоянно „коряги",—обрушившiяся въ воду деревья. Опаснѣе корягъ и мелей—бури, иногда внезапно налетающiя на суда при

ихъ проходѣ мимо горныхъ ущелей. Отъ бурь каждый годъ происходитъ нѣсколько крушеній. Высота горъ надъ уровнемъ Волги постепенно увеличивается къ югу и, наконецъ, въ кряжѣ Самарской Луки доходитъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ до 800 фут. и болѣе. Горы, какъ водится, носятъ названія по близъ-лежащимъ селеніямъ и урочищамъ: такъ, отъ границы Казанской губ. онѣ называются Городищенскими—по остаткамъ Городища, то-есть древняго укрѣпленія, окруженнаго землянымъ валомъ; затѣмъ идутъ горы Ундорскія, и самая высокая часть ихъ подъ именемъ „Вѣнца" поднимается надъ Волгой почти на 70 саженъ. Вотъ здѣсь-то и расположился Симбирскъ на правомъ берегу Волги или—точнѣе сказать—между Волгой и Свіягой, разстояніе между которыми здѣсь не болѣе 3 верстъ. На лѣвомъ берегу Волги лежатъ три слободы: Часовня, Канавка и Корольчиха или Королевка, а за Свіягой находится слобода Конная.

Большая Саратовская улица. (Фотографія съ натуры)

Особенность Симбирска состоитъ въ томъ, что съ берега его почти вовсе не видно. Если вы въ первый разъ подходите къ нему со стороны Волги, то никакъ не подумаете, что вы приближаетесь къ большому приволжскому городу, что вы уже отъ этого города, какъ говорится, рукой подать. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что Волжская гора, на которой лежитъ городъ, возвышаясь на сѣверо-восточной своей оконечности почти на 80 саженъ надъ поверхностью Волги, постепенно понижается къ юго-западу и къ рѣкѣ Свіягѣ. Симбирскъ какъ бы заслоняется горой и поэтому съ Волги почти не виденъ. Иллюзія поддерживается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что подгорная часть Симбирска представляетъ собой безпорядочную кучу жалкихъ домишекъ, лѣпящихся по берегу и напоминающихъ скорѣе деревню, чѣмъ городское предмѣстье.

Черезъ весь городъ проходитъ большой и глубокій оврагъ, называемый Маришкинымъ, а по дну его протекаетъ небольшая рѣчка или ручей,—назовите, какъ хотите,—впадающій въ Свіягу; часть этого ручья въ срединѣ города называютъ Симбирской. Самая возвышенная часть города, какъ уже сказано, называется „Вѣнцомъ" и достигаетъ 68 саж. высоты, причемъ западный склонъ ея упирается въ Свіягу. Съ Вѣнца далеко-далеко видна степная гладь,

разстилающаяся во всѣ стороны. Отсюда передъ зрителемъ развертывается широкая картина, монотонному характеру которой возвышенности праваго берега придаютъ нѣкоторое разнообразіе. Благодаря прекраснымъ видамъ, открывающимся отсюда на Волгу и на Заволжье, это мѣсто издавна служитъ любимымъ весеннимъ гуляньемъ для симбирскаго общества. Отъ древней симбирской крѣпости теперь не осталось и слѣдовъ, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что стѣны ея нѣкогда окружали Вѣнецъ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

До 1864 г. Симбирскъ былъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ нынѣ,—и представлялся въ такомъ видѣ:

Городскія улицы были широки и правильны, главныя изъ нихъ шоссированы, но тѣмъ не менѣе въ лѣтнюю, сухую пору городъ наполнялся страшною пылью, а въ дождливое время улицы были грязны. Главная и самая длинная улица была Большая; она тянулась отъ театра черезъ весь городъ; посрединѣ ея проложенъ былъ бульваръ, обсаженный деревьями. Эта улица шла въ параллель береговому яру. Отъ этой — Большой — улицы на юго-западъ шли поперечныя улицы: Лисиная, оканчивавшаяся пригородной слободой „Туть", за которою въ 2 верстахъ устроенъ бѣгъ для испытанія рысистыхъ лошадей; затѣмъ, шли улицы Покровская и Московская, по которымъ выѣзжали на московскій трактъ, Чебоксарская, Польская и, наконецъ, Дворцовая, упиравшаяся однимъ своимъ концомъ въ городскую тюрьму, а другимъ—въ Карамзинскую площадь. На Вѣнцѣ изстари располагалась лучшая часть города: здѣсь находились дома: городского общества, губернатора, гимназіи, присутственныхъ мѣстъ. Здѣсь же стоялъ Спасскій дѣвичій монастырь, однимъ фасадомъ выходившій на Карамзинскую площадь. Этотъ монастырь, обнесенный каменною стѣною съ нѣсколькими башнями, очень оригинальной древней архитектуры, представлялъ собой остатки глубокой старины, такъ какъ былъ основанъ въ одно время съ Симбирскомъ, то-есть въ 1648 г. Здѣсь же на Вѣнцѣ возвышается Троицкій соборъ.

Памятникъ Н. М. Карамзину.

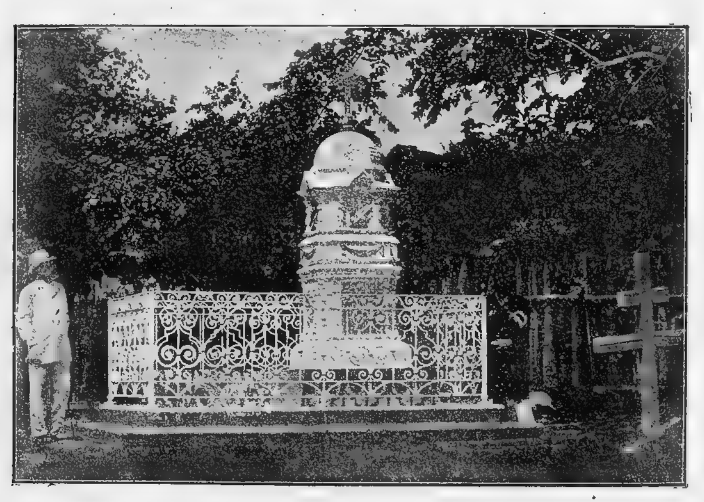
На площади, называемой Дворцовой или Карамзинской, находится памятникъ, воздвигнутый знаменитому симбирскому уроженцу, нашему знаменитому исторіографу Н. М. Карамзину. На гранитномъ пьедесталѣ возвышается бронзовая статуя: муза исторіи, Кліо, стоитъ, опершись на скрижаль и держа въ рукѣ трубку. На одной сторонѣ пьедестала подъ бюстомъ Карамзина, помѣщеннымъ въ углубленіи, значится надпись: „Н. М. Карамзину, исторіографу Россійскаго государства повелѣніемъ императора Николая I"... По бокамъ находятся два бронзовые барельефа. Одинъ изъ нихъ изображаетъ чтеніе Карамзинымъ исторіи императору Александру I, а на другомъ

барельефѣ представляется та сцена, какъ умирающему Карамзину вручаютъ благодарственный рескриптъ Николая I. Исполненіе монумента принадлежитъ П. А. Ставасеру. Весь памятникъ въ 5 саж. вышины и обнесенъ бронзовою рѣшеткой, которую поставила вдова сына покойнаго исторіографа. При изображеніи Карамзина художникъ не могъ отрѣшиться отъ академической рутины и на обоихъ барельефахъ представилъ Карамзина не въ современной одеждѣ, но нагимъ по поясъ, что, разумѣется, вовсе не вяжется ни съ климатомъ, ни съ обычаями нашей страны и является какимъ-то дикимъ неправдоподобіемъ. Здѣсь кстати упомянуть, что въ 1866 г., 1 декабря, въ Симбирскѣ торжественно праздновалась столѣтняя годовщина дня рожденія Карамзина. Въ честь своего знаменитаго земляка симбирцы устроили еще другой общеполезный памятникъ, а именно: въ 1830 г. было положено начало Публичной Карамзинской Библіотекѣ.

Д. Д. Минаевъ. (Съ фотографіи Левицкаго).

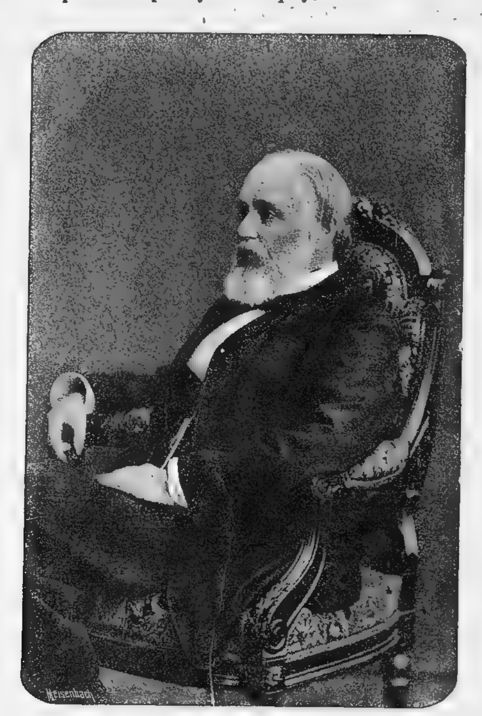
Изъ числа симбирскихъ уроженцевъ должно также упомянуть извѣстнаго поэта сатирика и переводчика Д. Д. Минаева, которому въ 1899 году симбирцами, по подпискѣ, сооруженъ красивый намогильный памятникъ.

Кромѣ площадей Соборной и Дворцовой или Карамзинской еще существуютъ: площадь ярмарочная -близъ городской тюрьмы, дровяная—у городской больницы и боярская— у такъ-

Надгробный памятникъ Д. Д. Минаеву въ Симбирскѣ.

называемаго Сухого коста. (Сухимъ мостомъ въ народѣ зовутъ дамбу, перекинутую черезъ Маришкинъ оврагъ). Къ Вѣнцу примыкала торговая часть города, именно отъ Гостинаго

двора и за рѣчку Симбирку, гдѣ помѣщались толкучій рынокъ, Гостиный дворъ, лавки, гостиницы, базаръ, ярмарочная площадь. На берегу Волги, на Нагорной улицѣ, находится пристань и на ней расположены складочные амбары, гостиницы, трактиры; сюда пристаютъ пароходы, барки и другія различныя суда для нагрузки и разгрузки. Къ бѣдной части города принадлежали улицы, расположенныя по скату горы къ рѣкѣ Свіягѣ, волжское подгорье, отдѣляемое отъ нагорья полосою садовъ, и заволжскія слободы. Съ подгорной своей частью и съ Волгою городъ соединяется шоссейнымъ спускомъ Петропавловскимъ. Это—огромное сооруженіе, стоившее большихъ денегъ, занимаетъ протяженіе до 4 верстъ и требуетъ значительныхъ издержекъ на свой ремонтъ. А между тѣмъ до послѣдняго времени онъ не вполнѣ удовлетворялъ своему назначенію, потому что не подходилъ къ самому берегу. Пространство же между имъ и пароходными пристанями, наполненное ямами и рытвинами, представлялось неудобнымъ для ѣзды даже въ сухую погоду, а послѣ дождя проѣздъ здѣсь становился, положительно, опаснымъ. Этотъ спускъ велъ отъ театра къ пристанямъ.

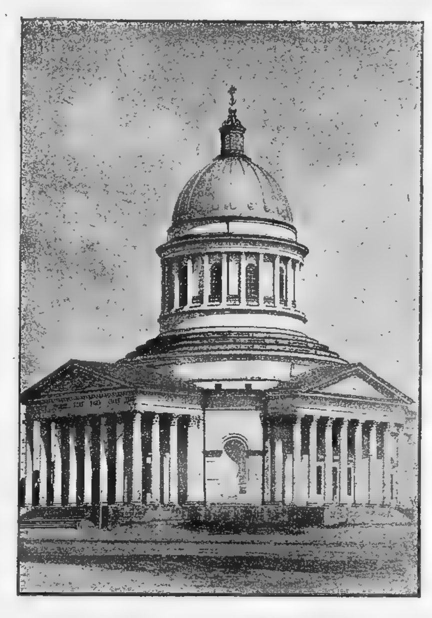

И. А. Гончаровъ. (Съ фотографіи Левицкаго).

Помимо этого искусственнаго спуска существуетъ еще природный, естественный спускъ черезъ Смоленскую гору. По этому направленію разстояніе отъ волжскаго берега до Гостинаго двора было не болѣе версты, но за то—другая бѣда — онъ крутъ и въ сырое время очень неудобенъ для проѣзда. Кромѣ того есть еще Тихвинскій спускъ. На площадкѣ, соединяющей Тихвинскій и Петропавловскій спуски, былъ устроенъ фонтанъ, выбрасывающій воду до высоты двухъ саженъ. Жители чаще берутъ воду на Свіягѣ, а волжскою водою пользуются, главнымъ образомъ, лишь жители подгорья. Впрочемъ, въ нагорныхъ улицахъ есть колодцы и ключи, годные для питья, и изъ нихъ извѣстностью особенно пользовались до послѣдняго времени Исаакіевскій колодезь на горѣ

Памятникъ-бесѣдка въ Киндяковской рощѣ близъ «Гончаровскаго обрыва».

и колодезь на Старой Тути, что на саратовскомъ выѣздѣ. Съ зарѣчною стороною городъ сообщается посредствомъ парохода.

Версты 3 — 4 отъ Симбирска находится деревушка Киндяковка съ опустѣвшей барской усадьбой, расположенной у обрыва, нависшаго надъ самой Волгой. Говорятъ, что это тотъ самый обрывъ, который послужилъ для Гончарова (симбирскаго уроженца, жившаго долгое время въ Киндяковкѣ) темой для его романа „Обрывъ".

Г. Симбирскъ. Каѳедральный соборъ Св. Троицы.

Симбирскъ изстари считался городомъ по преимуществу дворянскимъ и, вообще говоря, развивался довольно медленно, несмотря на свое выгодное положеніе при „великой русской рѣкѣ". Напримѣръ, въ 1850 г. въ немъ насчитывалось жителей 20 тысячъ съ небольшимъ и до 2 тысячъ домовъ, одинъ монастырь, два собора, 12 приходскихъ церквей и 4 домовыя церкви. Одинъ соборъ—во имя св. Троицы—былъ построенъ въ 1712 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь стариннаго деревяннаго собора, существовавшаго съ самаго основанія г. Симбирска, и впослѣдствіи былъ переименованъ въ храмъ св. Чудотворца Николая. Въ этомъ соборѣ хранились замѣчательныя древности: Евангеліе 1677 г., древній иконостасъ и серебряный напрестольный крестъ, даръ царя Алексѣя Михаиловича, прострѣленный во время нападенія на Симбирскъ Стеньки Разина. Дру-

Г. Симбирскъ. Вознесенскій городской соборъ. (Фотографія съ натуры).

гой соборъ—во имя св. Троицы—построенъ симбирскимъ дворянствомъ въ память освобожденія Россіи отъ нашествія непріятелей въ 1812 г., въ немъ хранятся и знамена ополченій 1812 и 1856 гг. Кромѣ Троицкаго собора и красиваго храма св. Николая Чудотворца, была еще замѣчательная церковь Вознесенія, погибшая во время пожаровъ 1864 года.

Въ пятидесятыхъ годахъ Симбирскъ сталъ оживляться мало-по-малу. Въ 1852 г. въ немъ основалось Общество охотниковъ рысистаго бѣга, а въ 1859 г. явилось Общество сельскаго хозяйства, заведшее около города свою ферму. Кромѣ Отдѣленія государственнаго Банка, въ 1863 г. былъ учрежденъ Общественный Банкъ... Однимъ словомъ, Симбирскъ сталъ было по своему культивироваться и развиваться, сталъ отстраиваться, улучшаться, какъ вдругъ наступили ужасные для него августовскіе дни...

Въ 1864 г. въ Симбирскѣ съ 12 августа начался цѣлый рядъ пожаровъ, продолжавшихся до 22 числа. Самый страшный, опустошительный пожаръ разразился надъ городомъ 19 числа. Можно съ увѣренностью сказать, что такого погрома Симбирскъ не видѣлъ со временъ нападенія на него Стеньки Разина.

19 августа, разсказываютъ очевидцы, съ утра погода была довольно тихая, но къ полудню поднялся вѣтеръ, и въ это время вспыхнулъ пожаръ на Чебоксарской улицѣ. Вѣтеръ съ каждой минутой крѣпчалъ все болѣе и болѣе. Загорѣлось на Большой улицѣ, а затѣмъ огонь перекинуло въ переулокъ Лосевой улицы. Вѣтеръ при этомъ съ такой быстротой переносилъ пламя съ одного зданія на другое, что даже невозможно было ломать дома для прекращенія огня. Передъ этимъ, должно замѣтить, въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца не выпало ни капли дождя; жары стояли страшные, какихъ не запомнятъ симбирскіе старожилы. Дома накалялись и, при первомъ прикосновеніи пламени, обхватывались въ одно мгновеніе огнемъ. При сильномъ южномъ вѣтрѣ огонь быстро распространялся и истребилъ значительную часть Большой улицы. Гостиный дворъ, часть Чебоксарской и Лосевой улицъ, Казанская, Кирпичная, такъ-называемый Курмышекъ, ярмарочныя лавки, словомъ,—все пространство, начиная отъ Панской улицы до кирпичныхъ сараевъ на казанскомъ выѣздѣ, представляло собой огненное море. Во второмъ часу вѣтеръ усилился еще болѣе и превратился въ бурю, измѣнивъ направленіе на юго-востокъ. Огонь обратился назадъ, на Большую улицу и на Вѣнецъ. Не прошло 10 — 15 минутъ,—загорѣлся Спасскій монастырь, почтамтъ, типографія; вслѣдъ затѣмъ съ быстротой невообразимой огонь охватилъ соборъ, гимназію, губернаторскій домъ, зданія присутственныхъ мѣстъ, домъ дворянскаго собранія. Весь Вѣнецъ, казалось, въ одно мгновеніе былъ уже въ пламени; груды песку, пепла и горящихъ углей неслись по Большой улицѣ къ собору и по Вѣнцу, зажигая все, встрѣчавшееся на пути. Надъ городомъ стояло какое-то черное облако, недозволявшее ничего видѣть въ 10 шагахъ; пыль и дымъ мгновенно застилали глаза. Буря была такъ сильна и огонь такъ стремительно охватывалъ зданія, что, напримѣръ, изъ присутственныхъ мѣстъ рѣшительно не успѣли ничего спасти. Архивы всѣхъ вѣдомствъ, всѣхъ канцелярій, помѣщавшихся на Вѣнцѣ, сгорѣли до-тла... Пожаръ дошелъ до самой Волги. Теперь уже огонь разливался на нѣсколько верстъ отъ казанскаго въѣзда до Тихвинской улицы и далѣе по подгорью къ Волгѣ, при грохотѣ и гулѣ разрушающихся зданій, при потрясающихъ взрывахъ пороха, отъ одного изъ которыхъ погибъ и соборъ, заложенный руками императора Александра I, въ память войны 1812 г. По сознанію военныхъ людей, уже видавшихъ виды на своемъ вѣку, ничего болѣе ужаснаго не было и въ Севастополѣ, въ самую жестокую бомбардировку, ибо тамъ при каменныхъ постройкахъ не могло быть такого пламени. Достаточно сказать, что въ мѣстностяхъ, отстоящихъ отъ Симбирска въ 50-ти верстахъ, по показаніямъ свидѣтелей-очевидцевъ, ночью отъ зарева было совсѣмъ свѣтло... Къ 5 часамъ буря стала стихать, но вѣтеръ, еще довольно сильный, гналъ огонь внизъ по Комиссаріатской улицѣ къ Тихвинской церкви. Въ то же время сгорѣла остальная часть Большой улицы, часть Московской и Покровской.

22 августа Симбирска не существовало. Отъ города не уцѣлѣло и десятой части. Оставались почти лишь однѣ дымящіяся развалины... Не стало собора, построеннаго въ память войны 1812 г., въ которомъ хранились знамена ополченій, не стало дома дворянскаго собранія, гдѣ помѣщалась, между прочимъ, Карамзинская библіотека, Спасскій монастырь, 12 церквей, большой корпусъ присутственныхъ мѣстъ съ казначействомъ, городская дума, полиція, гимназія, дворянскій пансіонъ, почтамтъ, Елисаветинское училище, архіерейскій домъ, каменный гостиный дворъ, комиссаріатъ со всѣмъ казеннымъ имуществомъ, ярмарочные ряды, всѣ лучшія частныя строенія, служившія укрѣпленіемъ городу, всѣ строенія на базарной площади—сдѣлались жертвой пламени и представляли груду развалинъ. Сгорѣло до 30 казенныхъ и городскихъ общественныхъ зданій и до 1,500 обывательскихъ домовъ. Убытки отъ пожара приблизительно могли быть исчислены свыше 4 милліоновъ руб. На берегу Волги и по горѣ,

Дворцовая улица въ Симбирскѣ.

въ садахъ, найдено было болѣе 10 труповъ; 20 человѣкъ погибло на Курмышкѣ и въ Казанской улицѣ. Легче было указать на то, что не сгорѣло. А именно уцѣлѣли: острогъ, Александровская больница, старый соборъ, Покровскій монастырь, арестантскія роты, строенія, находящіяся на краю города и примыкающія къ нимъ Солдатская и Лѣсина улицы—съ ихъ ветхими, бѣдными домишками, да еще часть Покровской и Московской улицъ. Уцѣлѣлъ также памятникъ Карамзина... Въ ту пору въ виду приближающейся зимы многія семейства покинули городъ.

Съ весны 1865 г. началось возникновеніе Симбирска изъ пепла, подобно сказочному фениксу. Черезъ 15 лѣтъ послѣ пожара Симбирскъ не только оправился, но еще явился въ лучшемъ видѣ, чѣмъ былъ прежде, такъ какъ строился по новому плану. Симбирску, какъ и Москвѣ, выражаясь словами грибоѣдовскаго героя, „пожаръ способствовалъ не мало къ украшенью“. Въ настоящее время въ Симбирскѣ уже до 43 тысячъ жителей, болѣе 3 тысячъ зданій, 17 церквей, 2 монастыря — Покровскій (мужской) и Спасо-Преображенскій (женскій); кромѣ того, находятся единовѣрческая, католическая, протестантская церкви, еврейская си-

нагога, магометанская мечеть. Опять заново отстроились каменный гостиный дворъ, ярмарочные ряды, театръ и множество лавокъ. На площадяхъ Соборной и Карамзинской раскинулись скверы; на Вѣнцѣ—общественный Николаевскій садъ и другой садъ, Александровскій, на окраинѣ города—не мало также скрашиваютъ Симбирскъ. По Большой улицѣ, какъ уже сказано, отъ гостинаго двора до театра тянется бульваръ. Публичная Карамзинская библіотека, сгорѣвшая въ 1864 г., уже достаточно пополнена.

Въ Симбирскѣ изъ благотворительныхъ заведеній находятся: городская больница, больница Александровская, мужская и женская богадѣльня и домъ умалишенныхъ; кромѣ того, подъ рубрикою тѣхъ же заведеній иногда числятся—смирительный и рабочій дома. Богаче Симбирскъ учебными заведеніями; здѣсь, кромѣ уѣзднаго и приходскаго училища, сиротскаго пріюта, кромѣ гимназій—мужской и женской Маріинской, и духовной семинаріи,—еще находятся 4 народныя мужскія училища и 13 смѣшанныхъ и военная гимназія, въ которую, за

Губернаторскій домъ въ Симбирскѣ.

неимѣніемъ свободныхъ вакансій въ столичныхъ гимназіяхъ, поступаютъ мальчики, пріѣзжающіе иногда очень издалека, какъ, напримѣръ, изъ Вологодской губерніи. Военная гимназія открыта здѣсь въ 1873 г.

Изъ промысловъ между жителями Симбирска распространены садоводство, огородничество и рыболовство, а въ слободахъ, кромѣ того, еще земледѣліе. Здѣсь до 300 садовъ, и нѣкоторые изъ нихъ оцѣниваются въ 15 тыс. руб.; разводятся преимущественно яблони и вишни. Рыболовствомъ занимаются жители подгородной части и заволжскихъ слободъ; въ хорошій годъ ловится рыбы до 5 тыс. пуд. Ремесленная потребность удовлетворяетъ лишь мѣстнымъ нуждамъ. Заводская дѣятельность также довольно ограничена: около 30 заводовъ—салотопенныхъ, сальносвѣчныхъ, водочныхъ, кирпичныхъ и т. под.—производятъ продуктовъ на сумму до 100 тыс. руб.

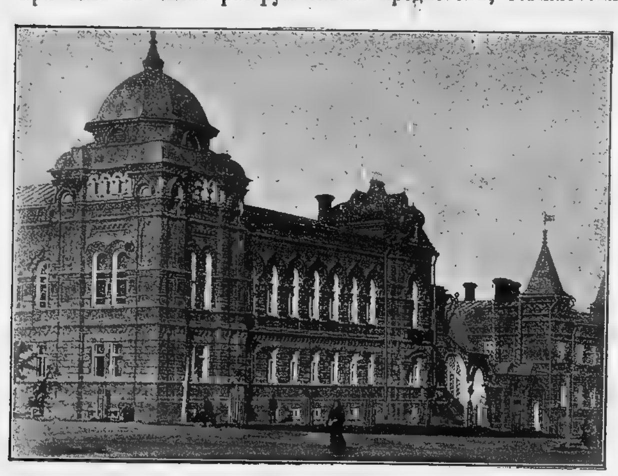
Торговая же дѣятельность г. Симбирска обусловливается положеніемъ его на Волгѣ. Преимущественно идетъ торговля хлѣбомъ: ея развитію особенно способствуютъ пристань и прекрасныя мельницы на рѣкѣ Свіягѣ, находящіяся въ окрестностяхъ города. Двѣ сплавныя рѣки:

Волга и Сура, съ пристанями, даютъ возможность жителямъ Симбирскаго края безъ затрудненія сбывать свой хлѣбъ. Кромѣ поставки хлѣба на мельницы и заводы, хлѣбъ выставляется и на значительныя разстоянія (до 70 верстъ). На Симбирскую пристань, напримѣръ, доставляютъ хлѣбъ изъ мѣстностей, удаленныхъ отъ города на 60 верстъ. Впрочемъ, Сура, вскрываясь отъ льда ранѣе Волги, даетъ возможность сбывать хлѣбъ прежде и, слѣдовательно, удовлетворять первымъ требованіямъ и срочнымъ поставкамъ, что въ торговомъ дѣлѣ крайне важно. Поэтому-то цѣнность хлѣба, сплавляемаго по Сурѣ, до послѣдняго времени была выше цѣнъ, существующихъ на волжскихъ пристаняхъ.

Симбирскъ. Зданіе казенной палаты.

Въ числѣ предметовъ торговли, послѣ хлѣба, должно еще упомянуть — поташъ и шерсть; поташъ производится въ Симбирской губерніи, а шерсть закупается въ сосѣднихъ провинціяхъ и перепродается суконнымъ фабрикантамъ... Вообще, въ навигацію среднимъ числомъ на здѣшней пристани грузится $1^1/_2$ милліона пуд. товара на сумму до 500 тыс. руб. Разгружается до 300 пуд.—на 150 тыс. р., при чемъ въ числѣ разгружаемыхъ предметовъ, обыкновенно, находятся: пшеница, соль, металлы, мануфактурные товары и т под. Кромѣ того, сюда пригоняется до 100 плотовъ съ лѣсомъ ежегодно на 10 тыс. руб. и болѣе. У пристани останавливаются пароходы компаній: „Дружина", „Кавказъ и Меркурій", „Камско-Волжскаго пароходства", „Самолетъ", „Польза" и др. Всѣ общества завели здѣсь свои дебаркадеры, устроенные на судахъ. Биржевой комитетъ завѣдываетъ сборомъ судовой пошлины въ пользу города.

Симбирскъ. Зданіе уѣзднаго земскаго собранія.

Для удовлетворенія чисто мѣстныхъ потребностей въ Симбирскѣ бываютъ три ярмарки: Сборная, продолжающаяся первую и вторую недѣлю великаго поста, Казанская—8 іюля и на Ивана Постнаго—29 августа. Двѣ послѣднія ярмарки носятъ сельскій характеръ. Тутъ можно найти: колеса, дуги, лыко, кадушки, лапти, деготь, кожи, деревянную посуду, а 29 августа, сверхъ того, еще воскъ, медъ, орѣхи. Особенное оживленіе вноситъ Сборная ярмарка. Она охватываетъ собой: мытный дворъ, прилегающую къ нему площадь, Большую Конную улицу,

торговую и хлѣбную площади, гостиные и ярмарочные ряды, часть Дворцовой улицы, Щепную и Конную площадь. До 600 лавокъ занимается всякимъ товаромъ. Для наблюденія за порядкомъ на ярмаркѣ—нанимается отъ города особое помѣщеніе для „комендантской", гдѣ во все продолженіе ярмарки постоянно находится полиціймейстеръ и нѣсколько чиновъ полиціи. На случай пожара устроенъ городомъ на Мытномъ дворѣ пожарный лабазъ съ извѣстнымъ количествомъ пожарныхъ инструментовъ и прислуги. На эту ярмарку являются и Манухины со своими книжками, привозятся бухарскіе и татарскіе товары, и товары колоніальные (чай, сахаръ, кофе, пряности и. проч.), шелковыя, шерстяныя, бумажныя и полотняныя издѣлія, бакалейные товары (копченая и соленая рыба, икра, сыръ и всякія сласти) и различное сырье (кожи, овчины, шерсть, сало, щетина, волосъ, воскъ, мѣха и проч.) и, наконецъ, всякіе съѣстные припасы (мука, крупа, масло, грибы и т. д.). Крестьяне являются изъ деревень

Симбирскъ. Здавіе дворянскаго собранія.

со своими сельскими произведеніями и торгуютъ съ возовъ, не уплачивая сбора въ пользу города.

На эту ярмарку также приводятъ лошадей; заводскихъ—приводятъ до 100 и болѣе, цѣною отъ 200 до 600 руб.; эти лошади, впрочемъ, на Конную площадь не выводятся, а стоятъ, обыкновенно, на дворахъ; башкирскія лошади пригоняются въ числѣ 700 головъ, въ косякахъ отъ 20 до 60 лошадей, по цѣнѣ отъ 40 до 90 руб. Башкирскія лошади преимущественно приводятся крестьянами Симбирскаго уѣзда. Крестьянскихъ выкормленныхъ жеребцовъ бываетъ на ярмаркѣ до 600 головъ, цѣною отъ 80 до 300 руб.; рабочихъ лошадей—до 2,500 головъ, по 20—150 руб.; жеребятъ—до 700 штукъ, отъ 15 до 100 руб., разумѣется, смотря по достоинству и по возрасту. Всего же лошадей пригоняется на сумму (приблизительно) до 500 т. руб. Привозится всѣхъ товаровъ на ярмарку на сумму до 7 — 8 милл. руб. и изъ нихъ продается на 5—7 милл. руб. Такова въ общихъ чертахъ Сборная ярмарка въ Симбирскѣ.

Кромѣ того, здѣсь еще собираются базары три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ; торговля происходитъ на Базарной и частью на Александровской пло-

щади. На базаръ свозится посуда, сѣно, дрова, всякіе жизненные припасы, также пригоняется скотъ...

Вообще же Симбирскъ ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніи не представляетъ большого значенія и не можетъ быть сравниваемъ съ такими городами, какъ, напримѣръ, Самара или Саратовъ.

Теперь мы оставляемъ Симбирскъ и плывемъ далѣе „внизъ по матушкѣ—по Волгѣ". И опять плывемъ мы „по широкому раздолью". По правому берегу насъ сопровождаютъ сначала горы Кременскія, затѣмъ поднимается Шиловская Вышка, отдѣльно стоящій холмъ у села Шиловки; за Шиловкою идутъ горы Сенгилеевскія или Сенгилеевы уши, еще далѣе—горы Новодѣвичьи и, наконецъ, начинается хребетъ Самарской Луки. Эта часть волжскаго берега, какъ извѣстно, уже изстари прославлена народными пѣснями и преданьями. И, дѣйствительно, эта мѣстность въ высшей степени живописная... Петръ I, плывши въ 1722 г. по Волгѣ, такъ залюбовался Жегулевскими горами, что останавливался въ 36 верстахъ отъ Самары на курганѣ, гдѣ, по преданію, поставилъ сдѣланный своими руками деревянный крестъ,—отчего

Домъ призрѣнія бѣдныхъ памяти Александра I въ Симбирскѣ.

этотъ курганъ и назвали „Царевымъ Курганомъ". Самарская Лука, въ сущности, не что иное, какъ кряжъ горъ, ставшій на пути теченія Волги и заставившій ее далеко уклониться на востокъ отъ главнаго своего направленія. Въ 130 верстахъ ниже Симбирска, близъ устья рѣчки Усы, Волга вдругъ круто поворачиваетъ влѣво и у подошвы скалистыхъ горъ Жегулевыхъ течетъ на востокъ на протяженіи 70 верстъ, затѣмъ противъ устья р. Сока снова и также круто, почти подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ на югъ и, пройдя верстъ 25 (противъ г. Самары), обращается на западъ, а отъ Сызрани снова течетъ на юго-востокъ. Вся длина береговъ Самарской Луки простирается почти до 200 верстъ, а самая меньшая ширина ея, около 20 верстъ, находится между селеніями Переволокою и Жегулями. Первое изъ нихъ и названіе свое получило отъ того, что здѣсь, во избѣжаніе обхода всей Луки, мелкія лодки, поднимавшіяся вверхъ по Волгѣ, *переволакивались* въ рѣчку Усу и спускались по ней въ Волгу подъ с. Усольемъ.

Сѣверный бокъ Луки, встрѣчающій напоръ громадной массы водъ, представляется дикою, утесистою стѣною, кое-гдѣ разорванною трещинами и узкими, глубокими ущельями. Подножія скалъ почти вездѣ отъ прибоя волнъ прорыты пещерами, гдѣ гнѣздятся орлы-бѣлохвосты, встрѣчаются черные медвѣди и другіе хищные звѣри и птицы. Вершины скалъ тѳ идутъ ров-

ными плоскостями, то заканчиваются рядами конусообразныхъ холмовъ. Эти конусы большею частью обнажены, самыя же горы покрыты лѣсомъ, и даже на обрывахъ растутъ большія деревья и лѣпится кустарникъ, что и придаетъ этимъ скаламъ какой-то дикій, дивно-живописный характеръ. Сѣверная сторона Луки и часть восточной называется „Жегулями" или „Жегулевскими горами". Въ этихъ горахъ находятся самыя высокія и самыя живописныя мѣстности, какъ, напр., гора Караульная и гора Молодецъ. Первая еще называется иногда „Усольскою Свѣтелкою" отъ того, что, на мѣстѣ старинной сторожевой башни, владѣлецъ Усолья построилъ бельведеръ, изъ оконъ котораго открывается очень далекій видъ на всю окрестную страну. Здѣсь же находятся высокія и очень живописныя горы „Дѣвичій Курганъ", скала „Два Брата", а у с. Морквашъ — гора Лысая, на одномъ изъ камней которой, говорятъ, Петръ I вырѣзалъ собственноручно надпись, нынѣ уже исчезнувшую.

Кромѣ соляныхъ источниковъ близъ с. Усолья, гдѣ выварка соли была оставлена вслѣдствіе оскудѣнія источниковъ,—еще находится у сельца Ширяева Буерака самородная сѣра,

Отходъ парохода отъ Симбирской пристани.

разработка которой производилась еще въ прошломъ столѣтіи. Ширяевъ Буеракъ и нынѣ иногда еще называется „Сѣрнымъ Городкомъ", хотя разработка сѣры тамъ уже давнымъ-давно оставлена. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Жегулевыхъ горъ также встрѣчаются признаки существованія горной смолы, самородной селитры. Мѣстные жители даже вѣрятъ, что въ здѣшнихъ горахъ есть и драгоцѣнные металлы, но ихъ, впрочемъ, до сего дня еще никто не находилъ...

Первые здѣшніе поселенцы были „всякій сбродъ да наволока". Шайки вольницы и голытьбы особенно усилились на Волгѣ въ концѣ XVI вѣка. Дикія ущелья приволжскихъ горъ, особенно на Самарской Лукѣ, покрытыя густымъ, дремучимъ лѣсомъ, давали этимъ скопищамъ надежный пріютъ. Съ вершины Молодецкаго-Шихана или съ кургана Дѣвичьяго, разбойники издали слѣдили за плывущими по рѣкѣ судами, бросались въ свои „струги" и налетали на пловцовъ съ грознымъ окликомъ „сарынь на кичку" Если судно успѣвало скрыться, то разбойники на своихъ легкихъ лодкахъ живо поднимались вверхъ по рѣчкѣ Усѣ, протекающей поперекъ Луки, потомъ переволакивались въ Волгу и снова встрѣчали тамъ суда. Такія переправы, обыкновенно, дѣлались съ южной стороны Луки на сѣверную. Мѣстные жители и теперь указываютъ здѣсь много становищъ разныхъ шаекъ. Въ XVII вѣкѣ эта мѣстность была еще покрыта дремучими лѣсами, о которыхъ современныя сказанія гласятъ, что „ихъ измѣ-

рять не можно для того, что по горамъ—лѣсъ частникъ". Съ Жегулями связаны также преданія и о Стенькѣ Разинѣ. О Жегуляхъ поется и въ пѣсняхъ:

„Астрахань-то, славну мати, пройдемъ съ вечера,
Царицынъ городокъ во глуху полночь,
Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
А Самарѣ-городишкѣ не поклонимся,
Въ Жегулевскихъ горахъ остановимся;
Колышки вколотимъ кленовые,
А причалами причалимся шелковыми"...

Но тѣ времена уже давно прошли-миновали. Въ 1768 г. почти вся Самарская Лука была пожалована въ вѣчное и потомственное владѣніе графамъ Орловымъ... Впрочемъ, еще не особенно давно, лѣтъ 40—50 тому назадъ, въ здѣшней сторонѣ нерѣдко происходили разбои. Разсказываютъ, напримѣръ, что на казенныхъ судахъ, чтобы обезопасить ихъ отъ нападеній „добрыхъ молодцовъ", принуждены были ставить особаго рода значки: маленькій красный флагъ на мачтѣ, а на носу судна—государственный гербъ, который вырѣзывали изъ лубка и пачкали какою-нибудь черною краской. До чего доходила паника, производимая волжскими разбойниками, видно изъ того, что самарскіе старожилы разсказываютъ, какъ „на теперешней Алексѣевской площади наказывали кнутомъ крестьянина за то, что онъ ограбилъ судно. На томъ суднѣ было до 60 бурлаковъ, а крестьянинъ напалъ на него одинъ, безъ всякаго оружія, кромѣ двухъ бывшихъ у него въ рукахъ лошадиныхъ уздъ и желѣзныхъ конскихъ путъ, по звуку принятыхъ ночью за оружіе". У страха не только бываютъ глаза велики, но и слухъ бываетъ иногда слишкомъ тонокъ... Съ введеніемъ пароходства на Волгѣ разбойники стали исчезать.

Въ Самарскомъ краѣ и понынѣ встрѣчаются мѣстами остатки татарскихъ становищъ и мечетей, какъ наглядныя воспоминанія о Золотой ордѣ. Въ половинѣ XVI вѣка этотъ край—болѣе номинально, чѣмъ въ дѣйствительности—вошелъ въ составъ русскаго государства. Но уже издавна существуетъ преданіе, что на мѣстѣ г. Самары еще въ половинѣ XIV столѣтія жили-были русскіе люди. По преданію, митрополитъ Алексѣй, проѣзжая въ орду, нашелъ здѣсь въ чащѣ дремучаго лѣса нѣкоего благочестиваго отшельника и, благословивъ его подвигъ, предрекъ, что современемъ здѣсь „станетъ городъ, въ коемъ просіяетъ благочестіе и оный никакому разоренію подверженъ быть не можетъ". Въ воспоминаніе этого посѣщенія была построена на берегу Волги деревянная часовня, впослѣдствіи превращенная въ каменную. Есть еще и другія легенды о давнемъ водвореніи русскихъ на Самарѣ и о вынесенныхъ ими страданіяхъ отъ мусульманъ. Настоящая же колонизація края началась гораздо позднѣе—во времена уже далеко не миѳическія.

Въ первое время по присоединеніи здѣшняго Поволжья къ Московскому государству, правительство старалось лишь о томъ, чтобы хоть кое-какъ упрочить свою власть въ новопокоренномъ краѣ и обезопасить внутреннія области отъ буйныхъ набѣговъ. Съ этою цѣлью на устьѣ рѣки Самары была устроена „сторожа", то-есть—одинъ изъ тѣхъ наблюдательныхъ постовъ, которые съ теченіемъ времени разрастались въ города, если этому благопріятствовало мѣстоположеніе. Эти „города" приходились не по сердцу кочевникамъ инородцамъ, и однажды (въ 1586 г.) ногайскій мирза Урусъ даже требовалъ, чтобы „государевымъ городамъ на Уфѣ и на Самарѣ впередъ не быти". Города стѣсняли кочевниковъ, но все-таки не спасали страну отъ ихъ хищническихъ набѣговъ. Самарская крѣпость на первыхъ порахъ была обнесена деревянною стѣною и вокругъ обведена валомъ и глубокимъ рвомъ. Крѣпость и валъ начинались близъ церкви Преображенія и оканчивались тамъ, гдѣ теперь находится театральный скверъ. На юго-восточной сторонѣ крѣпости возвышалась деревянная башня, и съ вершины ея стражѣ

видна была дорога, идущая на Яикъ, по которой тянулись обозы съ товарами и проѣзжали торговые люди. Около крѣпости начиналось первое населеніе города, а далѣе—вверхъ по Волгѣ—шелъ густой, темный лѣсъ, изрѣзанный оврагами.

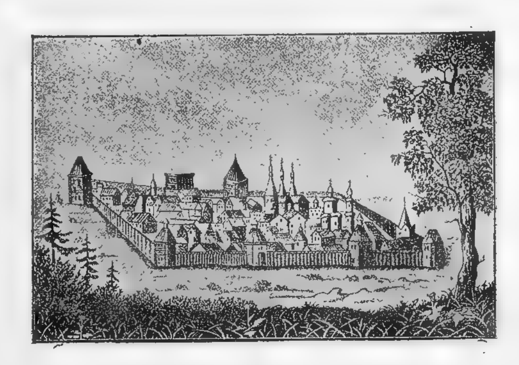
Въ лѣтописяхъ подъ 1591 г. уже упоминается, что въ Самарѣ была пристань царевыхъ судовъ, ходившихъ въ Астрахань за солью. Очевидно, что уже и въ ту пору городъ считался довольно значительнымъ поселеньемъ, такъ какъ въ описаніи Московскаго государства, составленномъ въ 1610 г. для королевича Владислава, Самара была включена въ число городовъ, заслуживающихъ вниманія. Самара, подобно Симбирску, также пережила не мало тревогъ и бурь—въ теченіе своего 300-лѣтняго существованія. Все XVII столѣтіе и начало XVIII Самарѣ безпрестанно угрожали со всѣхъ сторонъ опасности. Въ восточной части края происходили возстанія башкиръ, а съ юга дѣлали жестокіе набѣги киргизы и калмыки. Такъ, особенно сильно было нападеніе калмыковъ въ 1639 г. Въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ окружили они Самару, но такъ какъ они были вооружены только стрѣлами, то успѣшно дѣйствовать на штурмахъ не могли и держали городъ въ крѣпкой осадѣ, пока изъ Казани не подошла помощь. Можетъ-быть, эти-то боевые подвиги и также сторожевое положеніе крѣпостцы въ степномъ заволжьи обратили на себя вниманіе царя Михаила Θеодоровича, приславшаго Самарѣ „вѣстовой" (набатный) колоколъ, сначала повѣшенный на крѣпостной башнѣ, а по упраздненіи крѣпости перенесенный на колокольню. Этотъ колоколъ сохранился и понынѣ и находится на колокольнѣ Казанской церкви, такъ-называемаго стараго собора. На колоколѣ значится надпись: „Лѣта 7151 (1643), августа въ 20 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всея Россіи указу, сей вѣстовой колоколъ посланъ съ Москвы на Самару и вѣсу въ немъ 14 пудъ и 25 гривенокъ".

Такъ какъ г. Самара не могъ охранять всего обширнаго края и даже съ трудомъ иногда держался самъ, то въ царствованіе Алексѣя Михайловича была устроена „Закамская Черта", то-есть ровъ и валъ съ сторожевыми городками, въ которыхъ были „посажены стрѣльцы". Эта „Черта" защищала нѣсколько русскія владѣнія отъ набѣговъ башкиръ и киргизовъ, но оказывалась не дѣйствительною противъ „гулящихъ, шатущихъ людей", находившихъ для себя здѣсь пріютъ и широкое приволье. „Воровскіе шайки" держались даже вблизи Самары. На Иргизѣ, напримѣръ, долго хозяйничали шайки атамановъ Трени Уса, Ворзиги и Максима Дутой-ноги, а Стенька Разинъ совершенно было завладѣлъ этимъ краемъ. Передъ приходомъ Стеньки Разина окрестности Самары уже были наводнены „шатущими людьми", и городъ безъ особеннаго труда взятъ былъ Разинымъ. Онъ утопилъ воеводу Ивана Алфимова, перебилъ всѣхъ приказныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, отдалъ на раздѣлъ ихъ имущество и отправился далѣе къ Симбирску. Въ своихъ письмахъ и рѣчахъ, Разинъ заявилъ, что онъ идетъ истреблять бояръ и дворянъ, приказныхъ людей, искоренять чиноначаліе и власть и учинить такъ, чтобы „всякъ всякому былъ равенъ"... „Я не хочу быть царемъ,—говорилъ онъ,—хочу жить съ вами, какъ братъ!" Разбитый подъ Симбирскомъ, Разинъ опять возвратился въ Самару, и Самара постоянно оказывалась на его сторонѣ. Въ ней же находили впослѣдствіи пригонъ и сообщники Разина—Θедька Шелудякъ и Ивашко Константиновъ.

Въ книгѣ Олеарія находится рисунокъ, изображающій Самару въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ 1634 г. Самара, по этому рисунку, представляетъ собой безпорядочную группу домовъ, изъ-за которыхъ поднимаются двѣ-три церкви, и все это поселенье обнесено четвероугольною бревенчатою стѣною. Въ стѣнѣ, обращенной къ степи, т.-е. къ востоку,—три башни; въ стѣнѣ-же, обращенной къ Волгѣ, четыре башни. „Самара,—пишетъ Олеарій,—лежитъ на лѣвой сторонѣ Волги, въ 2 верстахъ отъ берега; построена четыреугольникомъ, имѣетъ очень мало каменныхъ церквей и монастырей; получила имя отъ р. Самары, которая въ 3 верстахъ ниже города имѣетъ рукавъ, называемый русскими Синъ-Самаръ (Sin-Samar); главное же устье—30 верстъ ниже впадаетъ въ Волгу". Оказывается, что въ старину городъ лежалъ въ

30 верстахъ отъ устья р. Самары, между тѣмъ какъ нынѣ онъ находится у самаго устья. Извѣстно также, что и въ древности городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь театръ и хлѣбная площадь. Значитъ, р. Самара перемѣнила свое устье: прежде, очевидно, она впадала въ Волгу тѣмъ русломъ, которое нынѣ называется „Сухой Самаркой". Это русло и теперь еще въ полую воду дѣлается судоходнымъ, хотя лѣтомъ совершенно высыхаетъ. Измѣненіе русла р. Самары подтверждается и позднѣйшими показаніями, изъ которыхъ видно, что Самарскій городокъ или Кремль былъ построенъ на высокомъ берегу залива р. Самары и, дѣйствительно, выше ея устья въ 30 верстахъ. По этому описанію оказывается, что городъ былъ окруженъ съ сѣвера лѣсомъ, съ востока—лѣсомъ и степями; съ юга протекала р. Самара, съ запада—Волга.

Въ 1732 г. здѣсь была проведена новая укрѣпленная линія (Самарская) и вдоль ея построены крѣпости. Въ 1736 г. линія крѣпостей была перенесена еще южнѣе. Съ тѣхъ поръ въ Самарскій край стали переселять отставныхъ, пахатныхъ солдатъ изъ великорусскихъ провинцій, малоруссовъ и всякихъ выходцевъ, не помнящихъ родства. Все это была колонизація подневольная, пассивная, носившая военный характеръ. Манифестъ Екатерины II отъ 4 дек. 1762 г. положилъ начало болѣе прочному заселенію края. Этимъ манифестомъ приглашались селиться въ Самарскомъ краѣ и иностранцы и русскіе, бѣжавшіе за границу, и особенно раскольники. И, дѣйствительно, раскольники, проживавшіе въ польскихъ владѣніяхъ, явились на зовъ; явились и иностранцы—преимущественно нѣмцы и швейцарцы. Лучшими изъ нѣмецкихъ колоній считаются: Привольная или Варенбургъ и Екатериноштадтъ, у русскихъ болѣе извѣстный подъ именемъ „Баронска", такъ какъ былъ основанъ барономъ Борегардомъ, выходцемъ изъ Голландіи. Здѣсь въ 1852 г. колонисты открыли въ честь Екатерины II памятникъ, представляющій бронзовую фигуру императрицы, сидящей на тронѣ и держащей въ правой рукѣ свитокъ со словами: Manifest, den 25. Juni 1765,—а на пьедесталѣ памятника вырѣзана надпись: Der Kaiserin Katharina II. aus Dankbarkeit von den Saratowschen Ansiedlern d. 24. November 1848 (то-же повторено и по-русски).

Видъ Самары въ XVII столѣтіи (по книгѣ Олеарія).

Мирному ходу дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ воспрепятствовало сильное народное движеніе, выразившееся въ Пугачевщинѣ. Здѣсь возстаніе вспыхнуло, здѣсь же и было погашено. Въ Иргизскихъ скитахъ отъ людей, спасавшихъ свою „древле-отеческую вѣру", Пугачевъ получилъ первое напутствіе, здѣсь между слобожанами онъ нашелъ себѣ первыхъ надежныхъ сподвижниковъ; на Большомъ Узенѣ, вблизи нынѣшняго селенія Александровъ-Гай, укрывался онъ въ послѣднее время и здѣсь схваченъ измѣнившими ему товарищами. Во время Пугачевщины Самара опять была на сторонѣ инсургентовъ. Въ 1773 г., въ ночь на 25 декабря, пугачевцы подступили къ Самарѣ и были приняты съ честью. Но уже 29 декабря, послѣ упорнаго, ожесточеннаго боя, правительственныя войска заняли городъ. Возстаніе было подавлено, но за это время населеніе успѣло разбрестись: одни пристали къ пугачевцамъ, другіе бѣжали отъ нихъ. Мало-по-малу край опять сталъ заселяться, благодаря приволью и плодородію почвы. При этомъ населеніе Самарскаго края представило удивительную смѣсь „племенъ, нарѣчій, состояній"; русскіе, малороссіяне, бѣлоруссы, татары (преимущественно ногайскаго рода), немного черемисовъ, мордва, чуваши, вотяки, нѣмцы—составили собою крайне пестрыйongло-

мератъ. Кромѣ того, еще ежегодно лѣтомъ и осенью прикочевываютъ сюда въ числѣ 200 и болѣе кибитокъ киргизы, на зиму удаляющіеся къ Камышъ-Самарскимъ озерамъ или на Рынъ-Пески. Въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, когда особенно усилился сюда приливъ переселенцевъ, явились изъ окрестностей Данцига менониты.

Въ административномъ отношеніи Самарскій край испыталъ также не мало превращеній. Главное управленіе имъ прежде всего и очень долго сосредоточивалось въ Казани, при чемъ сѣверо-восточная часть его связывалась административно съ Уфой, а волжское побережье находилось подъ наблюденіемъ Симбирска, Самары, Саратова и Астрахани. Такъ все и осталось при первомъ учрежденіи Казанской губ. въ 1708 г. Позднѣе, при второмъ раздѣленіи Россіи на губерніи, въ 1719 г., сѣверная половина нынѣшней Самарской губ., при прежнихъ своихъ отношеніяхъ къ Уфѣ, осталась въ составѣ Казанской губ., а южная половина, съ г. Самарою, причислена къ Астраханской губ. Съ основанія губернскаго г. Оренбурга, г. Ставрополь съ крѣпостями Закамской линіи—составилъ особую провинцію Оренбургской губ.; впослѣдствіи туда же была передана и Самара, принадлежавшая до той поры къ Симбирской провинціи Казанской губ. При учрежденіи намѣстничествъ, Самара въ качествѣ уѣзднаго города была причислена въ 1780 г. къ Симбирскому намѣстничеству. Затѣмъ, въ теченіе 70 лѣтъ не происходило никакой перетасовки—до тѣхъ поръ, пока 6 декабря 1859 г. было повелѣно образовать новую губернію Самарскую и уѣздный городъ Самару — переименовать въ губернскій.

Волга нынѣ составляетъ естественную границу губерніи съ запада. Здѣсь она принимаетъ въ себя нѣсколько рѣкъ и рѣчекъ, но—къ сожалѣнію—плотины и мельницы препятствуютъ судоходству на нихъ. Такъ, напр., р. Самара, вслѣдствіе множества устроенныхъ на ней мельницъ, доступна для судоходства лишь въ низовьяхъ, хотя на ней иногда и сплавляется не много хлѣба и илецкой соли, а также отправляются досчаники съ известью и другимъ грузомъ. Половодье держится здѣсь два мѣсяца—май и іюнь. Самара принимаетъ въ себя множество рѣчекъ, про одну изъ которыхъ даже въ старинной пѣснѣ поется, что она—„Кинель-рѣка не быстра, глубока, только тиниста". Вообще, мельницы и плотины вредятъ всѣмъ рѣкамъ Самарскаго края, ибо, преграждая путь свободному теченію рѣки, онѣ въ то же время способствуютъ образованію отмелей... Волжскій берегъ въ сѣверной части губерніи довольно высокъ: здѣсь проходятъ два горные кряжа, почти не уступающіе по высотѣ Жегулевскимъ горамъ—гряда Сокскихъ горъ, замыкающаяся вышеупомянутымъ Царевымъ Курганомъ, и Сокольи горы, оканчивающіяся около самого г. Самары Вислымъ Камнемъ, издавна пользующимся большою извѣстностью въ средѣ волжскихъ бурлаковъ и представляющимъ собой скалу изъ известняка и сѣраго песчаника, почти висящую надъ Волгой, такъ какъ подошва ея сильно подмыта водой...

Черноземная почва, родящая пшеницу, прекрасный климатъ, обширныя степи, удобныя для скотоводства, Волга съ ея судоходными притоками дѣлали до послѣдняго времени Самарскій край „житницею Имперіи". Но, несмотря на всѣ эти выгодныя естественныя условія, вслѣдствіе сказанныхъ выше историческихъ обстоятельствъ—край заселялся очень туго, и Самара росла медленно. Изъ росписи денежнаго сбора на жалованье стрѣльцамъ извѣстно, что въ 1681 г. въ Самарѣ было посадскихъ дворовъ 41, и съ нихъ собиралось 36 р. 30 алтынъ. И долго оставалась Самара въ такомъ положеніи. Даже наканунѣ своего превращенія въ губернскій городъ, Самара представляла очень жалкій видъ, чему не мало способствовали и пожары, опустошившіе ее. Самара сильно погорѣла въ прошломъ столѣтіи—въ 1700 и 1765 гг.; въ текущемъ столѣтіи были особенно сильны пожары въ 1853, 1856 и—послѣдній—въ 1877 г. 24 іюля... Въ 50-хъ годахъ окраины Самары представляли чисто деревенскій характеръ, съ домиками, не рѣдко крытыми соломой, въ два окна, а третье волоковое,—и съ плетнями, вмѣсто заборовъ. Широкія, немощенныя улицы были до того песчаны, что по нимъ безъ при-

вычки трудно было ходить; кое-гдѣ, вмѣсто троттуаровъ, тянулись деревянные мостки. Посреди города, гдѣ теперь Александровскій садъ, существовала безобразная земляная насыпь, только затруднявшая проѣздъ. Выѣздъ изъ города по Московскому тракту весной и осенью былъ

Пристань на Волгѣ въ Самарѣ.—Съ фотографіи Васильева.

почти невозможенъ; къ устройству же спуска приступили лишь въ 1854 г. Съ того мѣста, гдѣ теперь Троицкая площадь, уже раскидывалась степь. Гдѣ нынѣ часовня на Троицкой площади, тамъ шелъ оврагъ до праваго берега Самары. Площадь, на которой нынѣ находится Воскресенская церковь, и окрестности ея были покрыты лѣсомъ, назывались „дубравой".

Нынѣ городъ владѣетъ 6 тыс. дес. земли и занимаетъ въ культурномъ отношеніи, по своей торговлѣ и промышленности, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ числѣ поволжскихъ городовъ. Самара обязана своимъ вліятельнымъ положеніемъ Самарской Лукѣ, благодаря которой мѣстности, лежащія на востокъ отъ Самары, дѣлаются на 100 верстъ ближе къ Волгѣ, а слѣдовательно—къ мѣсту сбыта всѣхъ своихъ естественныхъ произведеній. Самара, по своему замѣчательно выгодному положенію, какъ бы протягиваетъ одну руку на востокъ—къ пріуральскимъ и азіатскимъ степямъ, а другую—къ внутреннимъ провинціямъ Россіи и за границу. Волга и желѣзныя дороги гарантируютъ Самарѣ прочное положеніе—въ настоящемъ и открываютъ блестящую перспективу—въ будущемъ...

Въ послѣднія 25 лѣтъ Самара росла быстро. Пароходство, желѣзныя дороги, телеграфъ, появленіе кредитныхъ учрежденій, возникновеніе множества учебныхъ заведеній, развитіе мѣстной прессы, какъ выразительницы нуждъ и потребностей края,—словомъ, все способствовало къ тому, чтобы сдѣлать Самару однимъ изъ дѣятельныхъ центровъ умственной жизни Поволжскаго края. Въ 25 лѣтъ изъ ничтожнаго захолустья, не обозначавшагося даже иногда „кружкомъ на картѣ генеральной", Самара превратилась въ городъ, не уступающій древнѣйшимъ, большимъ русскимъ городамъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о быстротѣ ея роста, мы приведемъ двѣ—три цифры. Въ 1852 г., напримѣръ, каменныхъ зданій въ городѣ было 253, а черезъ 20 лѣтъ—въ 1872 г., ихъ было уже 1,240; въ 1850 г. жителей (обоего пола) было 16,644, а черезъ 25 лѣтъ, въ 1875 г., жителей было уже 54,722 чел. Мы не продолжаемъ далѣе въ этомъ родѣ, не желая загромождать нашъ очеркъ рядомъ цифръ.

Самара стоитъ на мысу, образуемомъ впаденіемъ р. Самары въ Волгу. Съ Волги городъ является громаднымъ амфитеатромъ, а съ прочихъ сторонъ онъ кажется раскинувшимся на равнинѣ, такъ какъ мѣстность понижается къ югу постепенно, почти незамѣтно. Если смотрѣть на городъ изъ-за рѣки Самары, то видны лишь ряды бревенчатыхъ сѣрыхъ хлѣбныхъ амбаровъ, расположенныхъ на крутомъ берегу, а за ними виднѣется нѣсколько городскихъ зданій, словомъ—не представляется ничего живописнаго. Если посмотрѣть на городъ съ востока, то зрителю прежде всего бросаются въ глаза ряды вѣтряныхъ мельницъ, а за ними видны домики, нѣсколько церквей, группы деревьевъ,—и ничего поразительнаго. Но съ Волги—вотъ откуда должно смотрѣть на Самару. Тутъ можно залюбоваться на нее. Городъ, разсыпанный по холму, виденъ отсюда весь, какъ на ладони, со своими правильными, широкими улицами, съ бѣлыми зданіями, увѣнчанный куполами церквей и блестящими шпилями колоколенъ. А пароходы, лодки и суда съ высокими мачтами придаютъ всей картинѣ какую-то особенную прелесть.

Виды съ нѣкоторыхъ пунктовъ города очень живописны. Весною съ берега рѣки Самары открывается необозримое водное пространство, сливающееся съ горизонтомъ, и лишь тамъ и сямъ выступаютъ возвышенности, покрытыя вѣтвистыми ивами. Лѣтомъ, вмѣсто голубыхъ водъ, здѣсь раскидываются роскошные луга, отливающіе изумрудомъ и разукрашенные цвѣтами. Волга во время разлива здѣсь очень широка, и въ эту пору за нею почти на самомъ горизонтѣ виднѣется село Рожествено, утопающее въ зелени лѣсовъ, а за нимъ въ синевато-туманной дали возстаютъ покрытыя лѣсомъ горы, смутно мерещится очертаніе Царева Кургана, а еще далѣе выступаютъ Сокольи горы, то скалистыя, то поросшія лѣсомъ. Прекрасныя, величественныя картины рисуются на Волгѣ. Не даромъ же Петръ I обратилъ такое вниманіе на эти картины. Художникъ-пейзажистъ здѣсь на каждомъ шагу можетъ черпать матеріалъ для своихъ произведеній...

Самый городъ расположенъ довольно правильно вдоль берега Волги. Улицы—прямыя, мощеныя, съ троттуарами; однѣ изъ нихъ идутъ параллельно Волгѣ, другія пересѣкаютъ ихъ подъ прямыми углами, начиная отъ берега Волги. Продольныя улицы идутъ въ такомъ порядкѣ: ближайшая къ берегу—Преображенская, за ней Казанская (это—улицы старинныя),

Общій видъ г. Самары съ Волги.

затѣмъ слѣдуютъ: Вознесенская, Дворянская и Саратовская. Изъ поперечныхъ улицъ, идущихъ къ Волгѣ, обращаетъ на себя вниманіе Заводская, соединяющая берегъ съ Алексѣевскою площадью. Изъ семи площадей, разбросанныхъ по городу и по окраинамъ его, особенно выда-

ются четыре: Алексѣевская, считающаяся центромъ города,—на ней находятся гостиницы, разныя лавки, магазины; Троицкая, гдѣ собирается базаръ,—Пшеничная и Сѣнная. Дворянская улица представляетъ своего рода Невскій проспектъ, то-есть зимою служитъ мѣстомъ гулянья самарскаго общества. Здѣсь и троттуары лучше, и улица содержится чище прочихъ, здѣсь и магазины съ колоніальными, красными и галантерейными товарами, здѣсь и зеркальныя окна и изящныя заманчивыя витрины... Бѣдный, рабочій людъ ютится на окраинахъ города, гдѣ образовалъ даже цѣлое предмѣстье подъ названіемъ Солдатской Слободки. Вообще наружный видъ Самары, при бѣгломъ осмотрѣ его, показываетъ, что это—городъ молодой, новый, создавшійся вовсе не на тѣхъ началахъ, на какихъ созидались наши старинные большіе города.

Св. Алексѣй митрополитъ, предрекшій Самарѣ блестящее будущее, почитается какъ бы патрономъ города; здѣсь существуетъ и площадь Алексѣевская, и Алексѣевская улица, и церковь св. Алексѣя митрополита и часовня на берегу Волги, близъ такъ-называемаго Бурлацкаго базара, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, высаживался на берегъ митрополитъ Алексѣй. Деревянная часовня, въ которой издревле горѣла передъ иконою св. Алексѣя неугасимая лампада, въ началѣ настоящаго столѣтія пришла въ совершенную ветхость, и въ 1832 г. вмѣсто нея была воздвигнута каменная, но не на мѣстѣ прежней часовни. Хотя эта часовня не отличается никакимъ великолѣпіемъ, каждый годъ портится весенними разливами, но, несмотря на то, самарскіе жители питаютъ къ ней особенное уваженіе.

Въ Самарѣ 11 церквей, изъ которыхъ 2 собора, одна церковь единовѣрческая и одна лютеранско-евангелическая кирка; кромѣ того, 7 домовыхъ церквей, двѣ часовни и два монастыря—мужской и женскій. Самая старинная изъ самарскихъ церквей—Спасопреображенская, называемая иногда по ея придѣлу Благовѣщенскою. Она построена въ 1685 г. Снизу эта церковь четыреугольная, а кверху осмигранная, съ такою же колокольней на паперти. Отъ этого храма вѣетъ стариной. Цоколь храма, въ которомъ замѣтны цѣльныя каменныя глыбы, какія въ позднѣйшія времена не употреблялись на постройку, и наружный видъ зданія, сохранившійся почти безъ всякихъ перемѣнъ—напоминаютъ о временахъ очень отдаленныхъ отъ настоящей эпохи. Къ сожалѣнію, въ 1850 г. при реставраціи храма, когда ставился новый иконостасъ, не были пощажены царскія двери очень старинной работы съ рѣзными изображеніями. Въ церкви сохранились двѣ древнія иконы: Спаса нерукотвореннаго, писанная въ 1688 г. въ Симбирскѣ Иваномъ Семіоновымъ—и образъ Смоленской Божіей Матери, по преданію, вынесенный изъ Персіи,—и во имя его въ 1873 г. у Преображенской церкви воздвигнутъ особый каменный храмъ, по образцу греческой церкви въ Петербургѣ. Спасо-Вознесенскій соборъ, первоначально построенный въ 1765 г., стоитъ на небольшой площадкѣ, близъ берега Волги, очень заурядной архитектуры, объ одной главѣ и съ колокольнею въ связи съ церковью. Казанская церковь, называемая Старымъ соборомъ, построена въ 1744 г. Еще должно упомянуть о церкви Успенія Божіей Матери (часто называемой по придѣлу церковью Алексѣя митрополита); первоначально она построена въ 1768 г. и въ ней-то хранится старинный образъ патрона города.

На самарскомъ кладбищѣ, должно замѣтить, нашелъ себѣ послѣдній пріютъ скиталецъ во все продолженіе своей жизни, извѣстный этнографъ-литераторъ 60-хъ годовъ и одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей, Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, умершій въ 1872 г. 8 янв. на 52 году жизни. Въ концѣ 70-хъ годовъ могила его была отмѣчена лишь полусгнившимъ деревяннымъ крестомъ и едва можно отыскать ее въ толпѣ обступившихъ ее могилъ...

Самарскій Николаевскій (мужской) монастырь построенъ неизвѣстно въ которомъ году, только древность его несомнѣнна. Въ 1738 г. онъ былъ упраздненъ, а въ 1861 г. возобновленъ вновь, и въ это время ему дарованы изъ казеннаго владѣнія рыбная ловля и мельница

при селеніи Мелекесѣ. До 1860 г. монастырскія строенія были все деревянныя, а затѣмъ стали замѣняться каменными. Нынѣ въ монастырѣ находятся: довольно большой, двухъэтажный страннопріимный домъ; большое, двухъэтажное каменное зданіе, гдѣ помѣщается настоятель, монастырская библіотека и братія; другой полукаменный домъ также для помѣщенія братіи; зданіе для помѣщенія трапезы; свѣчной заводъ; баня, службы и скотный дворъ. Монастырь обнесенъ каменною оградой съ четырьмя башнями по угламъ ея. Изъ монастыря великолѣпный видъ на городъ, на Волгу и на Жегули. Монастырь, если смотрѣть на него съ Волги,

Видъ г. Самары съ пристани.

дополняетъ собой картину ея лѣваго берега, какъ бы вѣнчая его гребень; со стороны же степи монастырь не производитъ никакого сильнаго впечатлѣнія.

Основаніе Спасскаго женскаго монастыря относится къ XVII столѣтію. Въ 1764 г. онъ былъ упраздненъ, а въ слѣдующемъ—1765 году сильно пострадалъ отъ пожара. Въ церкви на деревянной доскѣ въ память этого событія было записано: „Лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1765, апрѣля 20 числа въ часъ 4 нощи восхотѣ Господь Богъ грѣхъ ради нашихъ градъ Самару наказать пожарнымъ разореніемъ и тоя нощи и настоящая святая церковь Преображенія Господня преизряднаго ея украшенія отъ сильнаго огня увы бѣднѣ лишилась“... Въ 1860 г. монастырь былъ возобновленъ, и теперь представляетъ собою какъ бы цѣлый городокъ; въ немъ — до десяти жилыхъ строеній, погреба, амбары, флигеля, прекрасные цвѣтники и большой колодезь съ отличною водой, которою пользуются и горожане, особенно весною и осенью, когда волжская вода дѣлается негодною къ употребленію.

Къ остаткамъ древности относятся здѣсь также слѣды вала отъ бывшей здѣсь крѣпости, близъ р. Самары. Крѣпость была построена на горѣ съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ

и называлась Кремлемъ; въ концѣ крѣпости стояла большая и очень высокая башня, обведенная рубленою стѣною, съ бойницами, а позади ея находились рогатки; здѣсь жили служилые люди.

Сады частныхъ владѣльцевъ и сады общественные—Александровскій на Театральной площади, садъ на такъ-называемомъ Старомъ Кладбищѣ и знаменитый Струковскій садъ на окраинѣ города—придаютъ Самарѣ нѣкоторое разнообразіе и въ лѣтнюю пору служатъ мѣстомъ гуляній. Особенно хорошъ Струковскій садъ, садъ обширный и довольно старый, который стали приспособлять къ общественнымъ гуляньямъ съ 1851 г. Тогда впервые въ этомъ саду была выстроена деревянная палатка съ поломъ, затѣмъ она превращена въ вокзалъ. Въ 1855 г. вокзалъ былъ перенесенъ изъ глубины сада на другое мѣсто. Въ саду насадили цвѣтовъ, устроили фонтанъ, большіе резервуары для воды, теплицу, сдѣлали большую каменную лѣстницу по всей горѣ отъ входа въ садъ до его главной площади и, наконецъ, ветхій вокзалъ, безобразившій собою картину сада, былъ снесенъ и уступилъ мѣсто очень изящному зданію. Съ вокзала открывается видъ на Волгу и на берега ея.

Г. Самара. Каѳедральный соборъ

Въ лѣтніе вечера въ саду играетъ музыка, въ вокзалѣ устраиваются танцы, даются спектакли—и вообще самарское общество сходится сюда отдыхать отъ дневного зноя и пыли.

По числу учебныхъ заведеній, Самара имѣетъ полное право считаться однимъ изъ выдающихся умственныхъ центровъ южнаго Поволжья. Вотъ бѣглый перечень этихъ заведеній: Духовная семинарія, духовное училище, епархіальное женское училище, гимназія мужская, гимназія женская, учительская семинарія, уѣздное училище, пять мужскихъ приходскихъ училищъ, четыре женскія, земская школа для образованія сельскихъ учительницъ, земская школа для образованія фельдшеровъ и фельдшерицъ, земская школа повивальныхъ бабокъ и родильный домъ, Александровское ремесленное училище, школа для дѣвочекъ Николаевскаго сиротскаго дома, школа Алексѣевскаго дѣтскаго пріюта, школа при тюремномъ замкѣ, нѣсколько частныхъ школъ и пансіоновъ, дѣтскій садъ и при немъ элементарная 2-хъ классная школа. Для губернскаго города, считающаго себѣ лишь 25, этотъ перечень довольно внушителенъ. Вспомогательными средствами умственнаго развитія служатъ: Общественная библіотека, библіотека благороднаго собранія, библіотека сельско-хозяйственнаго собранія, коммерческаго собранія, нѣсколько частныхъ библіотекъ и книжныхъ магазиновъ. Къ тому же циклу учрежденій должны быть отнесены: филармоническое общество, основанное въ 1858 г., Общество поощренія высшаго образованія, существующее съ 1873 г.

Изъ учрежденій филантропическихъ укажемъ на Общество попеченія о бѣдныхъ, на три богадѣльни—Земскую, Александровскую и Константиновскую, на Алексѣевскій дѣтскій пріютъ для мальчиковъ и Николаевскій сиротскій домъ для дѣвочекъ; сюда же должно отнести и Отдѣленіе общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, съ Дамскимъ Комитетомъ, Больницъ въ Самарѣ двѣ: городская и земская, съ отдѣленіемъ для умалишенныхъ. При

послѣдней больницѣ существуютъ фельдшерско-акушерская школа и также родильный домъ.

Не древнія достопримѣчательности, не живописные виды, но чрезвычайно выгодное положеніе—въ торгово-промышленномъ смыслѣ—даетъ Самарѣ большой смыслъ и значеніе. Центръ тяжести ея вліянія находится въ торгово-промышленной дѣятельности. Это-то обстоятельство и придаетъ Самарѣ какой-то особенный отпечатокъ и способствуетъ ея быстрому росту...

Торговое значеніе Самары обусловливается: во-первыхъ, хлѣбородіемъ края; во-вторыхъ, положеніемъ Самары—на краю Самарской Луки—и въ-третьихъ, ея прекрасною, во всѣхъ отношеніяхъ удобною пристанью. Хлѣбородіе черноземной почвы Самарскаго края уже давно вошло въ поговорку, и не даромъ этотъ край—до неурожаевъ 70-хъ годовъ—считался житницей Россіи и даже посылалъ свою пшеницу на заграничные рынки. О роли Самарской Луки по отношеніи къ Самарѣ мы уже говорили ранѣе и теперь повторяемъ, что Самара, вслѣдствіе своего положенія на Лукѣ, является отодвинутою на востокъ на 100 верстъ далѣе прочихъ волжскихъ городовъ, а поэтому хлѣброднымъ мѣстностямъ, лежащимъ къ востоку отъ Волги, выгоднѣе сноситься съ Самарой, какъ съ ближайшимъ передаточнымъ пунктомъ, нежели, напримѣръ, съ Саратовымъ или съ Симбирскомъ. По удобству же пристани не можетъ сравниться съ Самарой ни одинъ изъ приволжскихъ городовъ.

Г. Самара. Часовня на берегу Волги.

Волга здѣсь протекаетъ близъ самаго города и даже лѣтомъ, когда вода спадетъ, глубина ея здѣсь постоянно весьма значительна, значительна настолько, что не представляетъ никакого затрудненія для подхода судовъ самыхъ большихъ размѣровъ, а во время половодья она достигаетъ хлѣбныхъ амбаровъ, выстроившихся по берегу,—и въ эту-то пору происходитъ самая дѣятельная нагрузка. Городъ лежитъ въ углу, образуемомъ двумя рѣками, Самарою и Волгой, которыя, какъ нарочно, сошлись здѣсь для того, чтобы образовать двѣ отличныя пристани, при чемъ каждая изъ нихъ исполняетъ свое собственное назначеніе. На р. Самарѣ—хлѣбная пристань: теченіе этой рѣки не такъ быстро, какъ теченіе Волги, съѣзды къ ней положе, что облегчаетъ подвозъ къ ней грузовъ, и, наконецъ, она вскрывается ранѣе Волги. Особенно важно послѣднее обстоятельство .. Пока Волга еще покрыта льдомъ, пока волжскія пристани выше и ниже Самары еще бездѣйствуютъ, рѣка Самара уже вскрывается, на пристани ея кипитъ работа, къ амбарамъ причаливаютъ суда, нагруженныя хлѣбомъ. Какъ только ледъ по Волгѣ прошелъ, самарскія баржи, тяжело нагруженныя, уже готовы въ путь, и въ то время, какъ на другихъ приволжскихъ пристаняхъ выше Самары еще только начинаютъ грузиться, самарскія суда уже идутъ вверхъ съ пшеницей, мимо своихъ соперниковъ—симбирскихъ и казанскихъ, направляясь прямо въ Рыбинскъ. Вслѣдствіе этого суда самарской пристани могутъ сдѣлать нѣсколько рейсовъ до наступленія мелководія въ верховьяхъ Волги, а главное—важенъ первый ранній рейсъ, согласно поговоркѣ: дорого яичко къ Христову дню.

Такимъ образомъ, для самарской хлѣбной торговли пристань на р. Самарѣ со своимъ раннимъ вскрытіемъ имѣетъ громадное значеніе. Здѣсь свозится, продается, грузится и отправляется товара на сумму отъ 15 до 20 милліоновъ руб. Естественными условіями самой природы здѣсь сосредоточивается главный процессъ хлѣбной торговли нашего юго-восточнаго края... Понятно, что прямая выгода большихъ торговыхъ домовъ, ведущихъ дѣла съ европейскими рынками, заставляетъ ихъ дѣлать заготовки именно въ Самарѣ, въ надеждѣ получить желаемое на извѣстныхъ пунктахъ скорѣе, чѣмъ съ какой-либо другой пристани.

Волжская пристань тянется вдоль всего берега Волги: ближе къ устью становятся суда, приходящія съ верховья, далѣе идутъ пароходныя пристани различныхъ компаній, за ними тянется лѣсная пристань, центромъ которой считается Вислый Камень; отъ него вправо и влѣво берега загромождены бревнами, досками и готовыми срубами. Противъ такъ-называемаго Бурлацкаго базара, наполненнаго лавченками и навѣсами съ жизненными припасами, группируются суда преимущественно съ различной посудой и со всякими житейскими припасами, которыя распродаются безъ разгрузки. Такимъ образомъ, эти суда представляютъ собою какъ бы пловучія лавки. Бурлацкій базаръ въ лѣтнее время представляетъ самое оживленное мѣсто... Наконецъ, въ старомъ руслѣ Самары, во время половодія, грузится сало изъ салотопенъ, расположенныхъ тутъ же на берегу.

Главную торговлю Самара ведетъ хлѣбомъ разнаго рода, особенно пшеницею и льнянымъ сѣменемъ, а также саломъ и лѣсомъ. Пшеница бѣлотурка въ первый разъ вывезена отсюда въ 1806 г. купцомъ Мошковымъ и впервые оцѣнена по достоинству не дома, а на европейскихъ рынкахъ. Привозъ хлѣба въ Самару продолжается весь годъ, но главнымъ образомъ осенью и зимой: передъ праздниками, передъ масленой, къ ярмаркѣ или во время взысканія податей подвозъ усиливается; передъ наступленіемъ распутицы или во время полевыхъ работъ, онъ ослабѣваетъ. Въ урожайный годъ въ Самарѣ бываетъ въ привозѣ болѣе 10 тысячъ возовъ хлѣба въ сутки; привозъ въ 3 тыс. въ сутки считается здѣсь уже слабымъ, до 5 тысячъ—среднимъ. Во время привоза хлѣба Засамарская слободка и сѣверная часть города наполняются крестьянами и уральскими казаками; поэтому-то здѣсь и устроено много постоялыхъ дворовъ. Это время—время дѣятельности *мартышекъ*. *Мартышка*—особенный типъ, выработанный мѣстною жизнью; это—ловкій, расторопный приказчикъ хлѣбнаго торговца, нѣчто въ родѣ коммиссіонера, спеціалистъ по части пшеницы, отлично знающій качества всѣхъ ея сортовъ и ихъ цѣнность. Онъ находитъ продавца, торгуется съ нимъ и, наконецъ, даетъ ему *квитокъ* (записку о томъ: сколько и почемъ куплено хлѣба); съ этимъ квиткомъ крестьянинъ отводитъ обозъ къ хозяину, а *мартышка*, между тѣмъ, продолжаетъ бѣгать, суетится и дѣлаетъ свое дѣло. Закупщикъ хлѣба, обыкновенно, нанимаетъ нѣсколько такихъ *мартышекъ*, иногда болѣе десяти человѣкъ.

Для ссыпки хлѣба у многихъ торговцевъ есть свои амбары на берегу р. Самары и Волги, иногда амбары нанимаются у ихъ владѣльцевъ или у города. По берегу Самары амбары стоятъ сплошною стѣной. Подъ кручью берега они большею частью вытянуты въ одну линію, а ближе къ устью, на такъ-называемой *стрѣлкѣ*—они выстроены въ нѣсколько рядовъ. Амбары жмутся другъ къ другу, такъ какъ здѣсь всякій дорожитъ мѣстомъ, самымъ удобнымъ для нагрузки. Къ берегу они прислоняются для того, чтобы можно было прямо съ возовъ ссыпать въ нихъ хлѣбъ,—при чемъ воза подъѣзжаютъ къ верхнимъ дверямъ амбара по помосту, перекинутому съ крутизны берега. Амбары—деревянные, нѣкоторые покрыты желѣзомъ, чаще крыты тесомъ, многіе построены изъ лѣса съ разломанныхъ барокъ. Эти амбары приносятъ своимъ владѣльцамъ дохода до 80,000 р. въ годъ.

Въ половодье суда подходятъ вплоть къ прибрежнымъ амбарамъ, отъ судовъ кладутъ къ нимъ досчатые мостики и по нимъ изъ нижнихъ дверецъ амбара носильщики переносятъ хлѣбъ въ мѣшкахъ. Изъ амбаровъ, удаленныхъ отъ берега, нагрузка уже, само собой, нѣсколько

затрудняется. Грузка хлѣба чрезвычайно оживляетъ самарскій берегъ, который въ эту пору своею кипучею дѣятельностью напоминаетъ важнѣйшіе приморскіе порты. Съ ранней весны на берегу, гдѣ стоятъ хлѣбные амбары, толпится народъ. Въ это время тысячи рабочаго люда, пришлаго и мѣстнаго, занимаются грузкой пшеницы. Иногда на пристани работаютъ до 8 тысячъ человѣкъ, и рабочая плата иногда увеличивается вчетверо противъ обыкновенной. Такъ, въ 1876 г. на страстной недѣлѣ поденная плата доходила до 1 р. 75 к. Рабочіе при этомъ большею частью собираются въ артели. Въ нагрузкѣ принимаютъ участіе и мѣщане, и крестьяне окрестныхъ и дальнихъ деревень, и домашняя прислуга и даже служащіе по вольному найму въ различныхъ канцеляріяхъ „соблазняются" порой хорошимъ заработкомъ. Погода въ это время, обыкновенно, стоитъ прекрасная: ни холодно, ни жарко, нѣтъ ни комаровъ, ни мошекъ... А торговцы, между тѣмъ, спѣшатъ, горячатся, надбавляютъ гривну за гривной. Вѣдь нужно нагрузить хлѣбъ прежде, чѣмъ Волга очистится отъ льда—для того,

Г. Самара. Биржа.

чтобы при первой возможности пуститься въ путь и успѣть поскорѣе сдѣлать къ Рыбинску первый рейсъ, самый выгодный для торговцевъ. Чтобы воспользоваться этимъ рейсомъ, надо выйти на Волгу не позже половины апрѣля: тогда только караванъ поспѣетъ во-время къ Рыбинску и, когда слѣдуетъ, попадетъ въ Петербургъ или вообще въ мѣсто его назначенія. Въ этомъ отношеніи желѣзныя дороги оказали Самарѣ большія услуги...

Въ прежнее время хлѣбъ изъ Самары шелъ внизъ по Волгѣ до Саратова и Астрахани и вверхъ—до Казани и Нижняго. Впослѣдствіи, самарскій хлѣбъ сталъ направляться въ Москву (по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ), а также въ Казань, Нижній и Рыбинскъ. Нынѣ внизъ хлѣбъ уже не отправляется отсюда, до Москвы тоже не идетъ, а расходится въ Казань, Нижній, Кострому, Ярославль и—главнымъ образомъ, до Рыбинска, гдѣ движеніе хлѣба на судахъ большого размѣра вверхъ по Волгѣ кончается и для дальнѣйшаго слѣдованія нагружается на суда меньшихъ размѣровъ или отправляется далѣе по желѣзной дорогѣ.

Самарскій край издавна славится скотоводствомъ, благодаря своимъ роскошнымъ, травянистымъ степямъ. Въ 1891 г. въ губерніи однѣхъ овецъ считалось около 2 милліоновъ го-

ловъ. Также богаты скотомъ земли уральскихъ казаковъ и оренбургскихъ кочевниковъ-башкиръ и киргизъ. Вслѣдствіе этого въ отпускной торговлѣ Самары уже съ давняго времени видное мѣсто занимаютъ животные продукты и изъ нихъ въ особенности—сало. Въ 90-хъ годахъ сала отправлялось отсюда иной годъ болѣе 1 милліона пудовъ. Нынѣ эта торговля стала ослабѣвать, какъ вообще вся наша отпускная торговля этого рода. Самарское сало болѣе всего идетъ въ Петербургъ, гдѣ до послѣдняго времени была сосредоточена почти вся торговля этимъ продуктомъ, и только частью идетъ въ Казань, гдѣ на заводѣ братьевъ Крестовниковыхъ оно перерабатывается въ стеаринъ. Сало получается изъ крупнаго рогатаго скота и овецъ. Рогатый скотъ, обыкновенно, русской породы, а овцы, большею частью, породы киргизской—курдючныя. Промышленники скупаютъ скотъ на ярмаркахъ и базарахъ, или въ степи у кочевниковъ весною и лѣтомъ, „нагуливаютъ" его и затѣмъ медленно гонятъ къ Самарѣ. При-

Г. Самара. Отдѣленіе Госуд. Банка

гнавъ скотъ къ городу, оставляютъ его на пастбищахъ и затѣмъ партіями отправляютъ его въ Самару для убоя.

Въ Самарѣ скотъ убиваютъ на салганахъ, устроенныхъ по обоимъ берегамъ р. Самары. Убой производится съ начала сентября и длится иногда до половины ноября; среднимъ числомъ убивается въ день до 50 штукъ крупнаго скота и болѣе 5,000 овецъ. Добытое сало на тѣхъ же салганахъ перетапливается и сливается въ бочки для отправки на продажу. При отпускѣ сала за границу оно, смотря по своимъ свойствамъ, сортируется на Петербургскомъ сальномъ буянѣ. Кожи и овчины частью продаются для мѣстной выдѣлки, а частью отправляются въ губерніи Нижегородскую, Казанскую и въ Москву. Кожъ отправляется ежегодно до 10 тыс. пуд., овчинъ — до 20 тыс. пуд. и кромѣ того шерсти до 16 тыс. пуд. Торговля животными продуктами развиваетъ въ свою очередь разные побочные промыслы, въ родѣ тулупнаго, бондарнаго и др.

Въ числѣ предметовъ привозной торговли лѣсной матеріалъ занимаетъ видное мѣсто. Въ

урожайный годъ лѣсная торговля оживляется, потому что жителямъ безлѣсной степи негдѣ, кромѣ Самары, брать лѣсу на постройку или на ремонтъ своихъ избъ. И, дѣйствительно, въ урожайный годъ лѣсной матеріалъ закупается въ значительномъ количествѣ. Въ годъ неурожайный лѣсная торговля затихаетъ.

Строевой и подѣлочный лѣсъ приходитъ въ Самару въ плотахъ или на судахъ исключительно по Волгѣ, на которую онъ попадаетъ изъ ея притоковъ. Въ Самарѣ лѣсъ выгружается изъ воды на лѣсную пристань, устроенную на берегу Волги и доходящую до „Вислаго Камня". Все это пространство раздѣлено на участки, которые сдаются городомъ съ торговъ. Въ старые годы пристань давала городу очень ничтожный доходъ, а нынѣ она приноситъ доходу до 10,000 р. Выгрузка плотовъ здѣсь производится особеннымъ способомъ: отъ воды до мѣста склада бревенъ въ бунты настилаютъ бревенчатые рельсы, и по нимъ тащатъ бревно ло-

Г. Самара. Городской театръ.

шадьми, захвативъ его съ каждаго конца цѣпью, привязанною къ канату; къ каждому изъ этихъ канатовъ, смотря по величинѣ бревна, припрягаютъ до трехъ паръ лошадей, съ мальчикомъ на каждой парѣ—въ родѣ форейтора. Много бываетъ тутъ шуму и крику... Дровъ выгружается въ Самарѣ около 15,000 пятериковъ; сюда сплавляютъ также на дрова сухоподстойный лѣсъ съ Ветлуги.

Лѣсными издѣліями или щепнымъ товаромъ Самара торгуетъ уже давно и довольно бойко. Среднимъ числомъ (приблизительно) привозится сюда ежегодно: смолы и дегтя—свыше 20 т. пуд.; разныхъ деревянныхъ издѣлій—до 500 тыс. пуд.; досокъ бочечныхъ—слишкомъ до 35 т. пуд.,—затѣмъ, въ меньшемъ количествѣ идутъ: ободья, рогожи, кули, лубки, уголь и т. д.

Мѣстная торговля производится на базарахъ и на ярмаркахъ. Базары собираются по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ на площадяхъ Троицкой и Воскресенской. Троицкая—главная городская площадь; на ней торгуютъ не только въ базарные дни, но круглый годъ.

Сюда крестьяне привозятъ всякую живность, сюда сходятся горожане. Вся площадь изрѣзана обжорными рядами, навѣсами для торговцевъ, лавками, вытянутыми въ нѣсколько рядовъ, рыбными и мясными рядами. Въ домахъ, окружающихъ эту площадь, также помѣщаются лавки, лабазы, склады, трактиры, гостиницы, харчевни. На Воскресенской площади торгуютъ сѣномъ, соломой, дровами и т. под. Кромѣ этихъ двухъ площадей, существуютъ еще: Покровская или Острожная площадь, значащаяся на городскомъ планѣ, но остающаяся безъ торговли, и затѣмъ еще Бурлацкій баз-ръ на берегу Волги, близъ лѣсной пристани. Это — старѣйшій торговый пунктъ города. Здѣсь производится постоянная мелочная торговля, происходитъ наемка пришлаго народа на работы въ степь, продажа съѣстного—варенаго и печенаго, а также продажа дегтя, смолы, соли, желѣзныхъ издѣлій, веревокъ, простой обуви и т. д. Этотъ базаръ и нынѣ представляетъ довольно оживленную, характерную картину, но во дни оны, до появленія парохода, онъ бывалъ особенно шуменъ, и полиція въ лицѣ ка-

Г. Самара. Мужская гимназія.

кого-нибудь несчастнаго инвалида совершенно терялась посреди хаоса криковъ, божбы и проклятій расходившихся бурлаковъ.

Здѣсь кстати должно указать, какъ на особенность Самары, отличающую ее отъ старинныхъ русскихъ городовъ—на отсутствіе Гостинаго двора. Торговля мануфактурными, галантерейными и колоніальными товарами производится въ магазинахъ, группирующихся на Троицкой и Алексѣевской площадяхъ и въ улицахъ, выходящихъ на нее, особенно на Дворянской улицѣ.

Укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ еще на нѣкоторые прибыльные предметы самарской торговли. Съ Урала сюда привозятъ довольно много рыбы—осетрину, севрюгу, сомовину, бѣлугу и др.; изъ Астрахани привозятъ сухой лещъ, сазанъ, сельдь, бѣшенку и знаменитую *воблу*. Эта рыба, какъ извѣстно, въ громадномъ количествѣ расходится въ Поволжьи въ средѣ рабочаго народа; весною и лѣтомъ цѣлыя горы этой *воблы* лежатъ для распродажи на берегу Волги. Свѣжую рыбу привозятъ съ Урала и ловятъ на Волгѣ и ея притокахъ. Лѣтомъ живую рыбу продаютъ изъ садковъ, называемыхъ здѣсь „прорѣзями"... Желѣзо получается въ Самарѣ прямо съ Уральскихъ заводовъ. Желѣзныя и мѣдныя издѣлія идутъ сюда изъ Тулы и

съ Нижегородской ярмарки. Соль прежде получалась здѣсь изъ Илецкой защиты, а въ последнее время пошла здѣсь въ ходъ каменная Чепчинская соль (изъ Астр. губ.). Илецкой соли продается нынѣ не болѣе 30 тыс. пуд., а Чепчинской расходится до 200 тыс. п. Въ старину самарскіе жители разводили въ большомъ количествѣ красный стручковый перецъ, превращали его въ порошокъ и въ такомъ видѣ продавали его подъ названіемъ „красной горчицы", за что и получили прозвище „горчичниковъ", сдѣлавшееся нынѣ бранною кличкой.

Видную роль въ развитіи самарскаго благосостоянія играетъ также и транзитная торговля. Черезъ Самару проходятъ товары изъ степи и въ степь, и понятно, что при этомъ прохожденіи товаровъ не малая толика денегъ остается на самарской пристани и вообще пристаетъ къ рукамъ здѣшняго люда.

Теперь еще остается сказать о ярмарочной торговлѣ Самары. Во внутренней торговлѣ государства самарскія ярмарки не имѣютъ особеннаго значенія и интересуютъ лишь жителей

Г. Самара. Памятникъ Императору Александру II.

самарскаго края. Здѣсь три ярмарки: Сборная—съ понедѣльника третьей недѣли Великаго поста, продолжается 15 дней; Казанская—съ 8 іюля и въ теченіе 12 дней и Воздвиженская—съ 14 сентября и длится 14 дней.

Эти ярмарки существуютъ для удобства степныхъ жителей и вообще самарскаго заволжья. Степной людъ привозитъ сюда свои земледѣльческія произведенія, сбываетъ ихъ здѣсь и въ свою очередь запасается всѣмъ необходимымъ на ярмаркѣ. Никакой спеціальности у самарскихъ ярмарокъ—нѣтъ. На нихъ продаютъ и покупаютъ все то-же, что и въ обыкновенное время.

Большею частью на эти ярмарки мѣстные купцы вывозятъ товаръ, залежавшійся въ ихъ лавкахъ. Пріѣзжими торговцами бываютъ только нѣмецкіе колонисты съ серпянками своего издѣлія, татары съ казанскимъ мыломъ, какой-нибудь торговецъ съ картинами и фотографіями, гипсовыми издѣліями. Въ послѣднее время даже перестали пріѣзжать книгопродавцы, почти постоянно посѣщавшіе которую-нибудь изъ самарскихъ ярмарокъ. Въ прежніе годы, между тѣмъ, сюда пріѣзжало не мало иногородныхъ торговцевъ. А нынѣ пріѣдутъ два—три

человѣка, да и обчелся. Явится какой-нибудь оптикъ изъ Пензы, магазинъ галантерейныхъ вещей и магазинъ эстамповъ изъ Казани или магазинъ часовъ изъ Симбирска—вотъ и все.

Впрочемъ, на эти ярмарки киргизы и башкиры пригоняютъ на продажу табуны своихъ лошадей. Желая продать товаръ лицомъ, они по своему лихо гарцуютъ на своихъ лошадкахъ. Благодаря ихъ нашествію, картина получается довольно пестрая и очень оживленная. Эти вольные „сыны степей" своимъ азіатскимъ костюмомъ и своими характерными азіатскими лицами рѣзко отдѣляются отъ сѣрой крестьянской массы и отъ городскихъ мѣщанъ.

Вообще ярмарки идутъ не блестяще; на нихъ сбывается только нѣкоторая доля привозимыхъ товаровъ,—рѣдко, очень рѣдко болѣе половины. Самарская ярмарочная торговля не развивается вслѣдствіе того, что очень сильна лавочная городская торговля и торговля на деревенскихъ ярмаркахъ и базарахъ. На трехъ городскихъ ярмаркахъ фигурируютъ слѣдующіе товары: сукна (въ томъ числѣ желтое верблюжье сукно), шелковыя и шерстяныя матеріи, сарпинки, мѣха, кожевенный товаръ, готовое платье, посуда, бакалейные и колоніальные товары, желѣзныя издѣлія, шорный товаръ, холстъ, ленъ, лѣсныя издѣлія, лапти, лыка, мочала и т. д. Лошадей приводилось въ послѣдніе года отъ 3 до 5 тыс. штукъ на 50,000 р. и болѣе.

Всѣ самарскія ярмарки располагаются на особой площади, близъ берега Волги. На этой площади находятся постоянныя лавки, принадлежащія городу и частнымъ лицамъ; кромѣ того, строятся еще нѣкоторыми торговцами и временныя помѣщенія. При этомъ главное неудобство самарскихъ ярмарокъ, кромѣ легкости построекъ, заключается въ томъ, что торговцы выкладываютъ запасные товары прямо передъ лавками, на дорогѣ—такъ, что иной разъ невозможно пройти.

Переходя затѣмъ къ заводской промышленности, мы видимъ, что въ Самарѣ всего успѣшнѣе работаютъ заводы салотопенные (салганы), которые вырабатываютъ слишкомъ на 700 т. рублей въ годъ; за ними слѣдуютъ овчинные, вырабатывающіе на 140 тыс. руб. слишкомъ, и кожевенные, производящіе продуктовъ на такую же сумму; кирпичные зарабатываютъ болѣе 70 тыс. руб.; крахмальные вырабатываютъ 60 тыс. руб. и столько же водочные, мыловаренные—на 40 тыс. руб. и на столько же пивоваренные и, наконецъ, идутъ уже не имѣющіе большого значенія—свѣчные, канатно-прядильные, поташные, солодовенные и др.

Въ помощь торговлѣ и промышленности въ Самарѣ существуетъ биржа и различныя кредитныя учрежденія: отдѣленіе государственнаго банка, городской общественный банкъ, общество взаимнаго поземельнаго кредита и два земельныхъ банка. Послѣднія три учрежденія основаны спеціально для пріема въ залогъ поземельной собственности, а городской банкъ выдаетъ ссуды подъ земли только въ случаѣ накопленія свободныхъ суммъ въ банкѣ. Кромѣ того, еще организованы были: сберегательная касса, ссудо-сберегательная касса при губернскомъ правленіи и самарское ссудо-сберегательное товарищество.

Таковъ обликъ Самары въ культурномъ и торгово-промышленномъ отношеніи.

Для полноты очерка еще должно упомянуть о кумысо-лѣчебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ окрестности Самары. Кумысо-лѣчебное заведеніе д-ра Постникова—первое по времени появленія—существуетъ съ 1858 г. и расположено въ 6 верстахъ отъ города, вверхъ по Волгѣ, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ берега ея, на горѣ, поросшей мелкимъ кустарникомъ. Нынѣ, впрочемъ, этотъ кустарникъ, тщательно огороженный и охраняемый отъ потравъ, разросся въ прекрасный тѣнистый паркъ, во всѣхъ направленіяхъ перерѣзанный дорожками. Здѣсь красуются широко раскинувшіеся дубы, вязы, клены, липы, березы—и тамъ и сямъ пестрѣютъ цвѣтники. Дачи совсѣмъ тонутъ въ зелени парка. Центромъ заведенія является обширный и довольно изящной архитектуры курзалъ, куда, обыкновенно, собирается все населеніе Постниковскихъ дачъ пить кумысъ, читать, слушать музыку, играть на биллыярдѣ и т. д. Въ 1 верстѣ отъ заведенія д-ра Постникова устроено купцомъ Аннѣевымъ другое кумысо-лѣчебное заведеніе. Оно находится на высокомъ берегу, надъ самою Волгой. Большой, красивый домъ по-

строенъ на обрывѣ волжскаго берега — и отсюда открывается прекрасный видъ на Волгу, на Жегулевскія горы и на Самару. На дачѣ имѣется изящный курзалъ съ библіотекою и роялемъ и отлично содержимый цвѣтникъ. Помѣщенія свѣтлыя и чистыя, всѣ въ зелени и цвѣтахъ. Оба эти кумысо-лѣчебныя заведенія привлекаютъ къ себѣ не мало больныхъ, страдающихъ разстройствомъ дыхательныхъ органовъ и истощеніемъ силъ...

Въ числѣ рѣкъ, впадающихъ на пространствѣ Самарской губерніи, есть одна очень характерная рѣка—Сокъ. Она замѣчательна по обилію сѣрныхъ и нефтяныхъ ключей, находящихся въ ея долинѣ. Сѣрное вещество сосредоточивается въ огромныхъ массахъ при впаденіи въ Сокъ рѣчки Сургута и также въ окрестностяхъ рѣчекъ Шунгута и Молочной. Здѣсь вода до того пропитывается сѣрою, что даже скотъ не пьетъ ее. Въ рѣкѣ Сокѣ даже рыба отзывается сѣрою и представляется какою-то блѣдною. Воды Сока, по впаденіи въ Волгу, не смѣ-

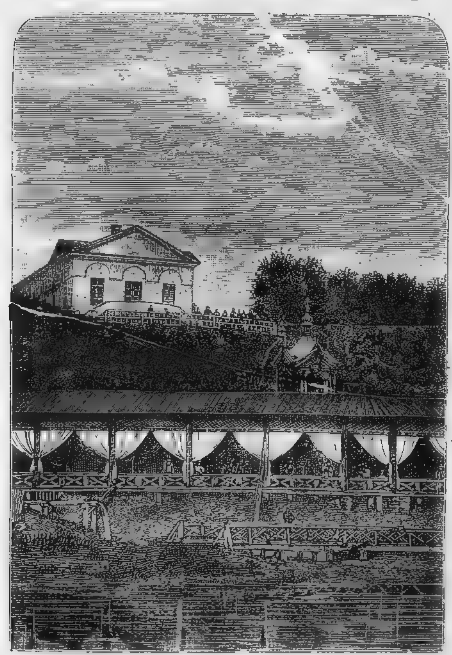

Желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу около Самары.

шиваются съ ея водами, но текутъ вдоль лѣваго берега на довольно значительномъ пространствѣ; эти воды легко отличить и по вкусу и по ихъ молочно-зеленоватому цвѣту. Близъ устья Сургута изъ горы бьютъ цѣлебные источники; то—знаменитые Сергіевскіе источники или, какъ чаще ихъ зовутъ, Сергіевскія воды.

Въ 30 верстахъ отъ волжской пристани Балаково и на 7-й верстѣ отъ г. Сергіевска возвышается гора, извѣстная подъ именемъ „Сѣрной Луки“. Ея вершина покрыта липовымъ лѣсомъ, а у подошвы красуется сѣрное озеро, окаймленное прелестною березовою рощицей. Сѣрное озеро занимаетъ около 4 тыс. квадр. аршинъ и, принявъ воду источниковъ, выпускаетъ изъ себя ручей, „сѣрную рѣчку“, которая, змѣйкою пробѣжавъ по зеленому лугу, впадаетъ въ мимо протекающую р. Сургутъ. Говорятъ, Петръ I впервые обратилъ вниманіе на эти сѣрные источники и велѣлъ устроить на берегу „Сѣрнаго озера“ заводъ для выработки сѣры; впрочемъ, черезъ нѣсколько лѣтъ заводъ былъ закрытъ, такъ какъ стоилъ громадныхъ денегъ, а давалъ, между тѣмъ, не болѣе 75 пуд. сѣры въ годъ. Послѣ того мѣстность снова

опустѣла, лишь волки зимою, да лѣтомъ черемисы и чуваши ютились около заброшеннаго заводскаго зданія. Въ хорошую погоду они жили въ березовой рощѣ, окружавшей „Сѣрное озеро“, а въ непогодь скрывались въ развалинахъ. Воздухъ, питье минеральной воды и купанье оказывали на пришельцевъ свое дѣйствіе. Больные, едва владѣвшіе ногами отъ ревматизма и золотухи, къ зимѣ возвращались домой бодрыми и почти здоровыми. Окрестное населеніе сначала только удивлялось этимъ перемѣнамъ, а потомъ стало посылать къ „Сѣрному озеру“ всевозможныхъ больныхъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу вырабатывался первобытный способъ самолѣченія: больные купались прямо въ „Сѣрномъ озерѣ“. Скоро разнеслась молва объ этихъ водахъ. Въ 1809 г. помѣщикъ Глазковъ, страдавшій завалами и цынгою, въ 1½ мѣсяца вылѣчился этими водами, хотя передъ тѣмъ онъ крайне недовѣрчиво отнесся къ цѣлебной силѣ ихъ. Съ этого времени берега озера начали оживляться, выстроились на нихъ лачужки, все чаще и чаще стали появляться сюда больные изъ различныхъ слоевъ общества и, наконецъ, на берегахъ „Сѣрнаго озера“ создался свой особенный мірокъ. Тогда правительство обратило вниманіе на эти съѣзды людей болящихъ и—чтобы облегчить нуждающимся способъ лѣченія—была ассигнована нѣкоторая сумма денегъ на устройство зданій. Этими зданіями и лѣченіемъ вообще сначала завѣдывало гражданское вѣдомство, и лишь въ 1820 году камеръ-юнкеръ Шалашниковъ съ надлежащаго разрѣшенія построилъ на „Сѣрной Лукѣ“ на свой счетъ „изъ дикаго камня гошпиталь и два флигеля, со всѣми необходимыми къ нимъ вещами для 20 нижнихъ чиновъ“. Съ 1824 г., когда бугурусланская администрація, по распоряженію оренбургскаго генералъ-губернатора, приняла отъ Шалашникова „изъ дикаго камня гошпиталь и два флигеля“, лѣченіе раздѣлилось на двѣ части: одною завѣдывала гражданская власть, а другою—военная, и сюда стали командироваться два врача: гражданскій и военный. Въ 1832 г. было устроено большое зданіе для правильнаго лѣченія, курзалъ, галлерея, а также очищены и обдѣланы камнемъ источники, введено болѣе раціональное управленіе водами и была ассигнована ежегодная сумма для поддержанія водъ. Въ 1838 г. д-ръ Клаусъ изслѣдовалъ химически воду сергіевскихъ источниковъ и нашелъ, что эти воды по своему составу подходятъ къ пятигорскимъ, а по дѣйствію на организмъ схожи съ ахенскими, крейцнахскими и нейдорфскими водами. Онѣ излѣчиваютъ: ревматизмъ во всѣхъ его видахъ, параличъ, золотуху, костоѣдъ, геморрой, нервныя болѣзни, завалы, катарры, глухоту, меркуріализмъ, разнаго рода хроническія сыпи и нѣкоторыя другія болѣзни.

Сергіевскія минеральныя воды въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, устроенныя какъ лѣчебное заведеніе въ 1869 г.

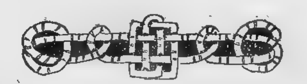
На одномъ изъ обрывистыхъ уступовъ горы, надъ самымъ „Сѣрнымъ озеромъ“, выстроено одноэтажное каменное зданіе, гдѣ живетъ „начальство водъ“ и помѣщается клубъ. Параллельно этому зданію, немного повыше его, тянется рядъ такихъ же, но меньшаго размѣра—домиковъ, предназначенныхъ для посѣтителей водъ. За ними еще повыше, по террасамъ горы разбросаны вокругъ маленькой деревянной церкви обывательскіе домики. Ниже главнаго корпуса на крутомъ уступѣ стоитъ часовня, выстроенная въ память 4 апрѣля 1866 г., а за ча-

совней, параллельно главному зданію, на сѣверо-западномъ берегу „Сѣрнаго озера“ идетъ крытая деревянная галлерея. Здѣсь находятся два обдѣланные известковымъ камнемъ источника, изъ которыхъ вода бьетъ свѣтлою струей и, падая на каменную обшивку, уходитъ подъ галлерею, а оттуда въ озеро. Перпендикулярно къ этой галлереѣ, по двумъ другимъ берегамъ озера выстроены деревянныя зданія, раздѣленныя внутри на номера съ ванными, обдѣланными цинкомъ; при этихъ зданіяхъ находится наружная печь съ большимъ котломъ, кипящимъ по цѣлымъ днямъ. Это—котелъ для приготовленія ваннъ изъ ила, добываемаго со дна озера. По правой сторонѣ озера, параллельно ваннамъ, тянется вторая галлерея, совершенно похожая на первую; въ ней также—два источника. Это—галлерея „солдатская“, предназначенная исключительно для лѣченія воинскихъ чиновъ. Эта галлерея однимъ концомъ упирается въ деревянныя зданія—ванны военнаго вѣдомства. Какъ разъ подъ этой галлереей и подъ ваннами военнаго вѣдомства—построены деревянные бараки для офицеровъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ. Одинъ изъ этихъ бараковъ—крайній—подходитъ своимъ сѣвернымъ концомъ къ краю главнаго корпуса, передъ которымъ разбитъ небольшой садъ, служащій для публики мѣстомъ гулянья. Посреди сада устроена открытая бесѣдка для оркестра, играющаго здѣсь утромъ и по вечерамъ, а при входѣ въ садъ—будка „съ продажею минеральныхъ и фруктовыхъ водъ“.

Лѣченіе заключается въ питьѣ минеральной воды, въ принятіи ваннъ изъ той же минеральной воды и иловыхъ ваннъ, а кромѣ того еще въ различныхъ душахъ, смотря по надобности. Больной, напившись воды и взявъ ванну, уходитъ домой, пьетъ горячій чай, чтобы согрѣться и вызвать испарину; послѣ того онъ остается цѣлый часъ безвыходно въ своей комнатѣ. Въ 4 часа пополудни звонокъ колокола приглашаетъ больныхъ въ ванники—и затѣмъ происходитъ та же процедура. Вечеромъ играетъ музыка въ саду или въ залѣ клуба, при чемъ залъ убирается зеленью и цвѣтами. Стѣны, окна, двери, люстры и канделябры—все тонетъ въ зелени; балконъ и терраса также превращаются въ зеленый цвѣтникъ. Въ библіотекѣ къ услугамъ посѣтителей имѣются книги и газеты. Впрочемъ, любимымъ развлеченіемъ здѣсь считаются пикники. Пчельникъ въ липовомъ лѣсу, растущемъ на вершинѣ „Сѣрной Луки“,—ближайшій пунктъ пикниковъ, затѣмъ—пещеры и, наконецъ, всѣми излюбленное „Голубое озеро“. Это озеро размѣрами меньше Сѣрнаго, прозрачное, какъ слеза, съ обрывистыми крутыми берегами, довольно глубокое, но съ видимымъ дномъ. Пчельникъ въ лѣсу представляетъ очень красивую мѣстность; здѣсь же кстати можно полакомиться и прекраснымъ липовымъ медомъ. Пещеры находятся въ 5 верстахъ отъ „Сѣрной Луки“ и представляютъ собою рядъ углубленій или коридоровъ въ горѣ. О происхожденіи этихъ пещеръ ходятъ различные толки: одни, напр., говорятъ, что во времена татарскаго владычества въ нихъ укрывались христіане, другіе утверждаютъ, что эти пещеры вырыты разбойниками, сохранявшими въ нихъ свои сокровища, третьи, наконецъ, считаютъ эти пещеры провалами, впослѣдствіи времени лишь немного пообдѣланными людьми. Какъ бы то ни было, но общество, собирающееся на Сергіевскихъ водахъ, благодаря пикникамъ и всѣмъ этимъ озерамъ и пещерамъ, проводитъ время не скучно.

Курсъ лѣченія здѣсь начинается съ 20 мая и продолжается до 1 сентября. Въ это время лѣтніе гости отсюда разлетаются и берега „Сѣрнаго озера“ пустѣютъ и погружаются въ безмолвіе до слѣдующей весны.

П. Засодимскій.

ОЧЕРКЪ VII.

ПОВОЛЖЬЕ ОТЪ СИМБИРСКА ДО ЦАРИЦЫНА

(Продолженіе)

Мостъ-гигантъ.—Исторія построенія его.—Г. Сызрань и его асфальтовый заводъ.—Хвалынскъ.—Вольскъ и связанныя съ нимъ воспоминанія о Василіи Злобинѣ.—Саратовъ.—Обмелѣніе Волги подъ Саратовомъ.—Бури на Волгѣ.—Значеніе Саратова; его древности и его дѣятельность въ настоящее время.—Его слабыя стороны.—Камышинъ.—Чудесныя сказанія объ его прошломъ.—Его знаменитые арбузы.—Дубовка, какъ предмѣстье Царицына.—Царицынъ и причины его быстраго роста.—Перспектива будущаго для приволжскихъ городовъ.

Волгою-матушкой, быстрою, длинною,
Пароходъ нашъ стрѣлою летитъ,
И картина идетъ за картиною,
И за видомъ смѣняется видъ.

НИЖЕ Самары по волжскому берегу идутъ холмы, незамѣтно сливаясь со степью; все далѣе уходятъ они отъ рѣки, и, наконецъ, берегъ становится низкимъ и во время весеннихъ разливовъ понимается водою вплоть до невысокаго яра, поросшаго кустарникомъ и лѣсомъ. На лѣвомъ берегу, подверженномъ наводненіямъ, поселенія встрѣчаются рѣдко, только на мѣстахъ высокихъ, но за то эти поселенья очень многолюдны и пользуются большимъ благосостояніемъ, благодаря плодородной почвѣ и Волгѣ, доставляющей легкій и удобный сбытъ богатствамъ края. Здѣсь почти каждое изъ прибрежныхъ селеній служитъ пристанью и цѣнность отправляемыхъ отсюда грузовъ ежегодно простирается свыше 4 мил. руб. Важнѣйшія изъ этихъ пристаней — въ Екатериновкѣ, Балаковѣ и Покровскомъ городкѣ. Но эти пристани не удобны въ томъ отношеніи, что нагрузка на нихъ можетъ происходить лишь въ половодье, а въ обыкновенную пору суда вынуждены—по мелководью—стоять иногда отъ нихъ верстахъ въ двухъ; въ такихъ случаяхъ хлѣбъ подвозится къ нимъ сухимъ путемъ, а подобная доставка, разумѣется, требуетъ и лишняго времени и лишнихъ расходовъ. На южной сторонѣ Самарской Луки горная цѣпь опускается къ Волгѣ уступами или террасами и хотя не всегда подходитъ

близко къ ней, но все-таки отличается скалистымъ характеромъ. Здѣсь горы еще болѣе прорѣзаны ущельями и изрыты пещерами, чѣмъ на сѣверной сторонѣ Луки. Самыя высокія горы здѣсь находятся у с. Старыхъ Костычей и называются Костычевскими. На этихъ горахъ лѣсу менѣе, нежели въ Жегуляхъ. А ниже Сызрани идетъ уже почти совершенно безлѣсный кряжъ горъ Каширскихъ...

Верстъ за 20 до Сызрани, черезъ Волгу перекинутъ мостъ для Оренбургской желѣзной дороги. Этотъ мостъ—чудо современнаго строительнаго искусства. Въ Европѣ еще не возводились такіе громадные мостовые быки и не сооружались мосты съ такими широкими пролетами, какіе существуютъ на этомъ Волжскомъ мосту. Въ наше время это—самый длинный мостъ въ Европѣ. Всего ближе подходитъ къ нему Мердикскій мостъ въ Голландіи, но и тотъ короче его на двѣ сажени. Волжкій мостъ длиной—1 верста 195 саженъ (ширина 16 фут.). Слѣдовательно, Александровскій (Литейный) мостъ въ Петербургѣ (190 саж. длины.) короче Волжскаго на 1 вер. съ небольшимъ. Желѣзнодорожный мостъ черезъ Вислу въ Варшавѣ 237 саж.; мостъ черезъ Миссисипи, въ Штатѣ Иллинойсъ, длиной менѣе версты, короче на 43 саж. нашего Кіевскаго моста на Днѣпрѣ (имѣющаго 507 саж. длины); Кременчугскій мостъ черезъ Днѣпръ — еще короче—457 саж.; Бомельскій мостъ въ Голландіи—430 саж.; мостъ черезъ Миссисипи въ Санъ-Луи — 362 саж.; мостъ черезъ проливъ Меней въ Англіи—261 саж. длины и т. д. Всѣ эти длинные мосты уступаютъ далеко нашему Волжскому мосту. Не даромъ въ одномъ англійскомъ журналѣ (Engineering) по поводу этого моста въ 1880 г. писали: „нынѣ оконченный мостъ является подавляющимъ образцомъ русскаго строительнаго дѣла", — The bridge now completed is un imposing specimen of Russian engineering. По остроумному замѣчанію одного корреспондента, Зимній дворецъ могъ бы свободно пройти подъ пролетомъ Волжскаго моста, если бы онъ двинулся въ этотъ пролетъ той стороной, котораго онъ обращенъ къ старому Адмиралтейству...

Александровскій мостъ через Волгу, близъ Сызрани.

Мостъ находится въ 22 верс. выше Сызрани и на 3 верс. выше селенія Старыхъ Костычей. Однимъ концомъ онъ опирается на берегъ Симбирской губерніи, а другимъ—на берегъ Самарской и по Волгѣ отстоитъ отъ Самары въ 100 верс. и въ 12 отъ пароходной пристани въ с. Батраки. Ближайшія къ нему села: на правомъ берегу—с. Костычи, раскинувшееся на 3 версты по берегу Волги; на лѣвомъ—с. Обшировка, ушедшее на 6 верс. отъ берега, такъ какъ весной эта мѣстность сильно затопляется. Съ обоихъ береговъ окрестность видна верстъ на 30 и болѣе. „Понятно, что впечатлѣніе, оставляемое размѣрами моста,—говоритъ тотъ же корреспондентъ, значительно ослабляется при взглядѣ на необозримый горизонтъ. Но стоитъ

только посмотрѣть на большой, трехъэтажный американскій пароходъ, когда онъ стрѣлой скользитъ подъ пролетами моста, чтобы получить опять правильное понятіе о громадности сооруженія. Я не скажу, чтобы такой пароходъ казался сверху щепкой, но могу увѣрить, что большой американецъ кажется крошкой въ сравненіи съ высотой, на которой поставленъ пролетъ, и разстояніемъ между быками".

Постройка моста была начата въ 1875 г., а въ августѣ 1880 г. онъ былъ уже готовъ къ открытію. Но за это время былъ большой перерывъ въ работахъ. Весною 1876 г. работы пришлось пріостановить по причинѣ сильнаго и высокого ледохода, какого даже здѣшніе старожилы не запомнятъ. Этотъ ледоходъ показалъ, что ледорѣзы должны быть увеличины и возвышены противъ первоначальнаго плана, а это повлекло за собой и удлиненіе кессоновъ.

Общій видъ г. Сызрани.

Работы вновь были начаты въ августѣ 1877 г., и такимъ образомъ вообще можно считать, что этотъ въ своемъ родѣ единственный гигантъ въ мірѣ былъ выстроенъ въ три года.

Волга здѣсь болѣе 1 версты шириной въ осеннюю пору; во время же весенняго разлива вода рѣки охватываетъ лѣвый низменный берегъ на 6 верстъ. Поэтому на Оренбургской желѣзной дорогѣ по направленію ея отъ Самары къ берегу Волги была устроена 6-ти-верстная искусственная дамба. Самое высокое мѣсто дамбы у лѣваго берега Волги—$12^1/_2$ саж. У окончанья этой дамбы и на берегу противъ нея возведены изъ крѣпкаго известняка устои, служащіе оконечностями моста, и каждый изъ нихъ шириною у подошвы около 6 саж., а въ вершинѣ—4 саж. Постройка этихъ устоевъ поглотила 1,500 куб. саж. камня. Подпорою моста на всемъ его протяженіи, т.-е. на пространствѣ $1^1/_2$ версты—служатъ 12 быковъ съ ледорѣзами, расположенные въ 52 саж. разстоянія одинъ отъ другого; слѣдовательно, каждый пролетъ гораздо шире петербургской Фонтанки, имѣющей, какъ извѣстно, въ ширину 27 саж. Быки моста—на желѣзныхъ кессонахъ; дно Волги на мѣстѣ ихъ установки имѣетъ 7 саж.

глубины при осеннемъ горизонтѣ воды. Ледорѣзы быковъ—5 саж. высоты слишкомъ надъ осеннею водою, остальная же верхняя часть быковъ имѣетъ высоту почти 7 саж. Такимъ образомъ, пролеты моста находятся подъ водою: весною на 6-т-исаженной высотѣ слишкомъ, а осенью на 12-ти саженной (длина основанія быковъ-кессоновъ равняется $11^{1}/_{2}$ саж., а ширина $3^{1}/_{2}$). Волжскія суда подъ мостомъ могутъ проходить совершенно свободно. Вѣсъ каждаго пролета=32,000 пуд.

Такимъ образомъ, мостъ состоитъ изъ 13 пролетовъ и покоится на 12 быкахъ и на 2 береговыхъ устояхъ. Стоимость же моста первоначально была исчислена въ 2,600,000 р., а затѣмъ увеличена до 4,630,000 р. Бутовый камень для быковъ, устоевъ и ихъ облицовки брался изъ Жегулевыхъ горъ и съ Самарской Луки въ 135 вер. выше моста; ле-

Г. Сызрань. Старый соборъ и рѣка Сызрань во время разлива.

дорѣзы же облицованы частью финляндскимъ гранитомъ, частью камнемъ, добытымъ изъ валуновъ р. Шексны. На постройку лѣсовъ пошло 8, 7, 6 и 5-ти вершковаго лѣса 60 тыс. деревъ, не включая сюда досокъ на половыя настилки. Вѣдь это—цѣлый лѣсъ!.. Сюда привезено было за 135 верс. камня известковой породы до 10 милл. пудовъ, гранита изъ Финляндіи и камня съ р. Шексны (изъ-за 1,500 верстъ) 350 тыс. пуд.; изъ Костромской губ. пригнано съ р. Ветлуги разнаго рода бревенъ 120 тыс. деревъ; изъ Риги привезено по желѣзной дороги 1 милліонъ пуд. цемента; желѣза для кессоновъ доставлено 150 тыс. пуд. Изъ Бельгіи было доставлено 12 мостовыхъ пролетовъ, вѣсомъ въ 378 тыс. пуд. Вообще всѣ желѣзныя принадлежности для моста были заказаны въ Бельгіи на Склессенскихъ заводахъ и привезены сюда частью водой по Маріинской системѣ, частью черезъ Кенигсбергъ по желѣзной дорогѣ до Батраковъ.

Во время постройки моста здѣсь образовалась цѣлая колонія: явились зданія для служащихъ, для рабочихъ, больницы, конторы, мастерскія, склады и проч. до 60 зданій, застрахо-

ванныхъ въ суммѣ 100 тыс. р. Весь же инвентарь мостового имущества былъ застрахованъ въ 600 тыс. р. Рабочаго люда здѣсь бывало отъ 700 до 2,500 человѣкъ, даже было 85 каменщиковъ изъ Италіи. Рабочіе жили въ нѣсколькихъ десяткахъ домиковъ, по 10—15 человѣкъ и болѣе въ каждомъ. Въ мѣсяцъ на нихъ приблизительно выходило около 30 тыс. руб. При работахъ моста находилось 3 парохода,—одинъ колесный въ 70 силъ, и два небольшихъ винтовыхъ. Кромѣ того для лѣсовъ и перевозки матеріаловъ служили 73 барки.

Постройка этого моста-гиганта представляетъ собой цѣлую эпопею—труда, терпѣнья, силы и ловкости. И этотъ чудесный мостъ выстроенъ руками русскаго мужика...

Верстахъ въ 20 отъ этого знаменитаго моста, на правомъ берегу Волги, стоитъ городъ Сызрань. Онъ—не изъ новыхъ городовъ. Мѣстность Сызранскаго уѣзда была уже заселена съ древности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные остатки городищъ, кургановъ и др. сооруженій, о которыхъ даже не сохранилось никакихъ сказаній. Такъ, у пригорода Кашадея (бывшаго до 1798 г. уѣзднымъ городомъ) еще недавно существовали поросшія кустарникомъ развалины какого-то зданія, сложеннаго изъ дикаго камня; подобныя же развалины находились близъ с. Старыхъ Костычей. У с. Валовъ есть большое городище, окруженное тремя рядами валовъ и рвовъ, внутри котораго еще и въ наши дни иногда выпахиваютъ крестьяне различныя вещи. И никакихъ преданій не уцѣлѣло объ этихъ памятникахъ прошлаго. Кто строилъ эти зданія, кто воздвигалъ эти обширныя городища — неизвѣстно. Можетъ быть, древніе Булгары или Буртасы, или, наконецъ, татары Золотой Орды? На Самарской Лукѣ также сохранилось не мало памятниковъ былой жизни, но эти памятники уже позднѣйшаго происхожденія. Мѣстные жители и теперь указываютъ много становищъ разбойничьихъ шаекъ и, между прочимъ, въ сел. Ермаковѣ и Кольцовѣ признаютъ жилища Ермака Тимофеевича и его сотоварища Ивана Кольца. Какъ уже сказано, Самарская Лука со своими утесистыми горами, со своими лѣсистыми вершинами и съ пещерами у подножія ихъ—изстари служила пріютомъ для шаекъ голытьбы: съ этихъ горъ „воровскіе люди" могли подстерегать проходившія по Волгѣ купеческія суда, въ этихъ горахъ они могли скрываться отъ преслѣдованій. Но не одни бездомники держались на Самарской Лукѣ: естественныя богатства края, удобства рыбной ловли, то мѣстонахожденіе горючей сѣры, то соляные ключи привлекали сюда издавна и мирныхъ русскихъ промышленниковъ. Правительство предпринимало всякія мѣры для того, чтобы гарантировать безопасность этимъ піонерамъ...

Г. Сызрань. Мужской монастырь.

Въ началѣ царствованія Михаила Федоровича велѣно было въ 1614 г. отправленному изъ Казани стрѣлецкому головѣ, Гордѣю Пальчикову, поставить острогъ на устьѣ Усы, на сѣверномъ склонѣ Самарской Луки, и оттуда „Волгою на низъ до Самары и Усою вверхъ посылати въ легкихъ стругѣхъ по часту" и наблюдать, чтобы не появились тамъ Ногаи или воровскіе казаки. Тогда же другому стрѣлецкому головѣ Сунгуру Соковнину поручено ѣхать „до переволоки, гдѣ переволочится съ Волги на Усу рѣку, и разсмотря крѣпкаго мѣста, поставити острожекъ и въ острожкѣ укрѣпиться, а укрѣпясь стояти съ великимъ береженіемъ, чтобы воровскіе люди не погромили". Подъ защитою этихъ острожковъ поселеніе мало-по-малу стало увеличиваться. Такъ, торговый человѣкъ, Надѣй Свѣтешниковъ съ сыномъ Семеномъ близъ Усинскаго острожка завели соляныя варницы, получившія названіе „Надѣинскаго Усолья" и впослѣдствіи отданныя въ вотчину Саввино-Сторожевскому монастырю. Около этого времени

нѣкій соборный старецъ, Леонтій Моренцовъ, захвативъ земель верстъ на 200, началъ селить здѣсь мордву, чувашей и бѣглыхъ крестьянъ. Подобный порядокъ заселенія повелъ къ тому, что здѣшніе жители не скоро сдѣлались осѣдлыми; то, бывало, они разбѣгутся отъ разбойниковъ, то отъ царскихъ сыщиковъ. Еще въ концѣ XVII вѣка жители дворцовой Рождественской волости, желая отстоять островъ, захваченный у нихъ самарцами, въ просьбѣ своей прямо угрожали, что они всѣ до единаго разбѣгутся, если не уважатъ ихъ ходатайства...

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ г. Сызрань, въ концѣ XVII столѣтія были „Мордовскія бортныя ухожья", то есть — пчельники, заведенные въ лѣсу, а вблизи отъ нихъ пролегала довольно бойкая дорога на Уралъ. Въ 1683 г. по повелѣнію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, симбирскій воевода, князь Григорій Козловскій, построилъ здѣсь городъ, укрѣпленный семиугольною деревянною стѣною съ башнями. Сюда сначала были переведены сержанты и урядники съ солдатами изъ Чебоксаръ, Казани, Тетюшъ и Симбирска, а потомъ разрѣшено селиться и симбирскимъ казакамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Назначеніе города состояло въ томъ, чтобы охранять этотъ край отъ набѣговъ крымцевъ и другихъ непріятелей, а поэтому вмѣстѣ съ городомъ, по обычаю того времени, устроена была новая „Черта", то есть—ровъ и валъ, шедшіе на востокъ къ Усѣ и на западѣ за Суру. Въ 1771 г. здѣсь еще находилась крѣпость съ землянымъ валомъ, длиною около 300 саж. и остроги изъ стоячихъ бревенъ. Слѣды крѣпости видны и понынѣ на самомъ высокомъ берегу р. Сызрани. Въ то же время, повидимому, былъ построенъ и Кашпирскій острогъ (нынѣ пригородъ Кашпиръ), нѣкоторые время считавшійся важнѣе Сызрани, такъ какъ былъ воздвигнутъ далѣе ея къ югу. Управленіе городомъ въ первые годы его существованія поручалось особымъ воеводамъ, состоявшимъ въ зависимости отъ воеводъ симбирскихъ.

Г. Сызрань. Церковь Св. Троицы.

Сызрань стоитъ при рѣкахъ Сызрани, Крымзѣ и при проливѣ Волги, называемомъ Воложкой или иначе Сызранской Воложкой. Благодаря своему выгодному положенію при трехъ рѣкахъ, городъ сталъ быстро заселяться. Онъ — неподалеку отъ Волги, которая, по словамъ старожиловъ, нѣкогда протекала подъ самымъ городомъ. Нынѣ въ лѣтнюю пору, въ мелководье, пароходу трудно подойти къ Сызрани... Отъ временъ древности здѣсь сохранилось до сего дня нѣсколько зданій. Такъ, можно указать на мужской монастырь во имя Вознесенія, построенный въ концѣ XVII вѣка на мѣстѣ, называемомъ „стрѣлкой". Церковь въ монастырѣ сначала была деревянная, а затѣмъ построена каменная. Это—самая древняя церковь въ городѣ. Послѣ монастыря древнѣйшимъ храмомъ въ городѣ является Христорождественскій соборъ, въ которомъ хранятся два замѣчательныя евангелія: одно изъ нихъ замѣчательно своею древностью (1677 г.), а другое—богатствомъ украшеній, такъ какъ все оно обложено серебряными досками съ позолотой, вѣсомъ болѣе 24 фун. Другая соборная церковь, основанная въ 1753 г., называется *башенной*, потому что устроена въ башнѣ, имѣющей видъ пирамиды. Кромѣ упомянутаго Вознесенскаго монастыря, есть еще здѣсь женскій Срѣтенскій монастырь. Всѣхъ же церквей въ городѣ—семь.

Предметомъ внѣшней торговли главнымъ образомъ служитъ хлѣбъ—въ зернѣ, мукѣ и крупѣ. Особенно славится сызранское пшено. Хлѣбъ, закупаемый въ уѣздахъ, идетъ въ Рыбинскъ, въ Петербургъ, а также и внизъ по Волгѣ. Для ссыпки хлѣба на сызранской при-

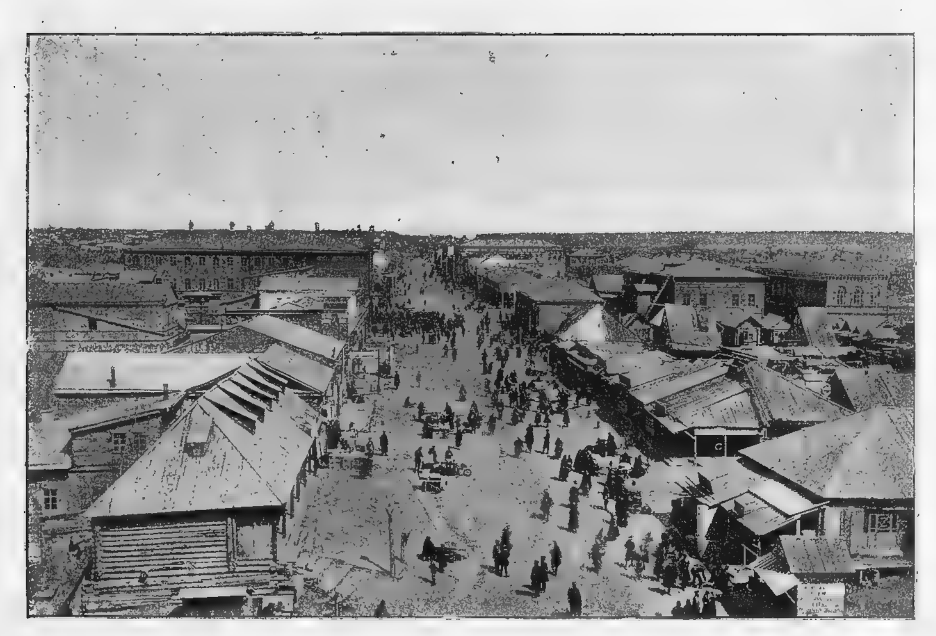
стани находится до 250 амбаровъ. На сызранской пристани среднимъ числомъ ежегодно грузится на 700 тыс. р., разгружается приблизительно на 40 тыс. р. Грузится—преимущественно—хлѣбъ; разгружается—лѣсъ, соль, рыба, бакалейные и др. товары. Лѣсныхъ плотовъ приходитъ до 20 и болѣе. Жители находятъ заработокъ въ ремеслахъ и на мѣстной пристани. Кожевенное производство еще въ XVIII столѣтіи составляло главное занятіе жителей; съ каждымъ годомъ оно развивается и улучшается, что обусловливается значительнымъ числомъ кожевенныхъ заводовъ. Сапожныя и желѣзныя издѣлія сбываются на мѣстѣ и идутъ, кромѣ того, въ Астрахань, Оренбургъ и Уральскъ; сапожныхъ издѣлій сбывается въ годъ на сумму до 70 тыс. р. Жители заволжскихъ слободъ занимаются земледѣліемъ, рыболовствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ. Фабрикъ и заводовъ въ Сызрани 18: въ томъ числѣ 2 салотопенныхъ, 1 мыловарный, 9 кожевенныхъ, 2 солодовенныхъ и 3 чугунно-литейныхъ. Базары собираются три раза въ недѣлю и особенно дѣлаются оживленными зимой; кромѣ того, бываютъ 4 ярмарки, и наиболѣе значительная изъ нихъ съ 7 по 14 января, на которой оборотъ простирается до 300 тыс. руб. и болѣе. Въ городѣ свыше 32 тысячъ жителей и болѣе 4 тысячъ домовъ. Городу принадлежитъ до 14 тыс. дес. земли. Въ 1863 г. здѣсь открытъ общественный банкъ. Вообще, можно сказать, Сызрань—довольно бойкій торговый городъ.

Въ полуверстѣ отъ него находится асфальтовый заводъ. Мѣстоположеніе этого завода чрезвычайно выгодное: находясь у самого берега Волги и около станціи Моршанско-Сызранской и Оренбургской желѣзной дороги, онъ можетъ отпускать асфальтъ непосредственно съ завода прямо на суда по Волгѣ или на желѣзную дорогу. Должно замѣтить, что на протяженіи 18 верстъ между с.с. Старыми Костычами и Печерскимъ существуютъ богатѣйшія залежи асфальтоваго или чернаго известняка въ видѣ громадныхъ горизонтальныхъ и параллельныхъ пластовъ, пересланвающихся нѣсколько разъ пластами бѣлаго известняка. Добываніе асфальта значительно облегчается самою Волгою, обнажающей въ половодье его пласты. По изслѣдованіямъ, оказывается, что на пространствѣ крестьянскихъ надѣловъ с. Старыхъ Костычей количество асфальта—приблизительно—должно равняться 22 милліардамъ пуд.

Заводъ, помимо помѣщеній для рабочихъ и служащихъ, состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) для паровой машины съ кузнечно-слесарной мастерской, 2) отдѣленіе для измельченія и варки асфальта—и 3) сараи для помѣщенія формъ, въ которыя выливается мастика. Асфальтовый известнякъ добывается въ 17 вер. отъ завода близъ с. Костычей. Изъ земли берется онъ на небольшой глубинѣ простымъ выкапываніемъ; работаютъ окрестные жители артелями. Изъ мѣста добыванія асфальтовый известнякъ перевозится водою на досчаникахъ въ сызранскій заводъ. На заводѣ известнякъ разбивается на куски, куски измельчаются въ порошокъ, и порошокъ на носилкахъ сносится въ котлы, гдѣ уже вывариваается мастика, — вязкая масса чернаго цвѣта, которая на воздухѣ застываетъ до твердости камня. Для приготовленія мастики, порошокъ асфальтоваго известняка смѣшиваютъ съ небольшимъ количествомъ гудрона (черная смола, добываемая изъ песчаника, пропитаннаго ею). Гудронъ доставляется изъ завода въ бочкахъ изъ с. Бахилова (за 120 вер. по Волгѣ, въ Жегулевскихъ горахъ). Гудронъ—тягучая черная масса, при 20° приходящая въ жидкое состояніе, а при низкихъ температурахъ застывающая въ нѣсколько хрупкую массу. Сначала въ котелъ вливаютъ этотъ гудронъ и затѣмъ уже постепенно подсыпаютъ асфальтовый порошокъ. Котелъ нагрѣвается печкой, причемъ масса размѣшивается лопатами и механической мѣшалкой. Послѣ 4—5 часоваго нагрѣванія мастику накладываютъ въ ведра и выливаютъ въ формы, гдѣ она равняется прессомъ, клеймится и быстро застываетъ въ массу, подобную камню. Если пустить въ ходъ всѣ 8 котловъ, то заводъ можетъ приготовить въ сутки до 2,400 пуд. асфальта. При этомъ нужно замѣтить, что известковая пыль, въ большомъ количествѣ отдѣляющаяся при перемалываніи и измельченіи асфальтоваго известняка, сильно вредитъ здоровью рабочихъ... Здѣшній асфальтъ продается въ Москву, въ Нижній-Новгородъ, Саратовъ, Астрахань, Кіевъ. До постройки сыз-

ранскаго завода на мѣстѣ добыванія асфальта былъ устроенъ ручной заводъ, приготовлявшій асфальтъ плохого качества, почти негодный для употребленія; приготовляемый же въ настоящее время заводомъ—по словамъ людей знающихъ—лучшій асфальтъ въ Европѣ.

Отъ границъ Симбирской губерніи до г. Хвалынска идутъ по правому берегу Волги Чернозатонскія горы. Воды, во время разливовъ, не находя себѣ простора на правомъ берегу, подмываютъ его, заставляя обрушиваться огромныя глыбы, вслѣдствіе чего происходятъ обвалы береговъ. Особенно замѣчателенъ обвалъ, случившійся въ 1839 г. въ деревнѣ Федоровкѣ (Хвалынск. у.), расположенной въ одной изъ долинъ Чернозатонскихъ горъ. Въ ночь съ 16 на 17 іюня жители деревни были разбужены внезапно сильнымъ трескомъ домовъ и подземнымъ гуломъ, сопровождавшимся замѣтнымъ колебаніемъ земли. Въ страшномъ испугѣ выбѣжавъ на улицу, они увидали, что долина, на которой стояла большая часть ихъ селенія, оторвалась

Г. Сызрань. Большая улица.

отъ подошвы горы, осѣла и двинулась къ Волгѣ, волнуясь по всему протяженію. И по всей осѣвшей площади быстро образовались очень значительныя выпуклости, углубленія и обширныя, глубокія трещины. Вмѣстѣ съ тѣмъ болота и небольшія озера, бывшія на этомъ мѣстѣ, исчезли и замѣнились холмами, и многія трещины наполнились водою, въ самой рѣкѣ явились острова, какъ бы выдавленные со дна рѣки. Видъ мѣстности совершенно измѣнился. Площадь осѣвшей земли составляла пространство въ $1^1/_2$ вер. въ длину и до $^1/_2$ вер. въ ширину. Замѣтное движеніе земли продолжалось трое сутокъ, стихая мало-по-малу, но частные обвалы и разрушенья происходили до 6 іюля. Долина осѣла нѣсколькими уступами... При этой катастрофѣ изъ людей никто не погибъ, дворовъ разрушено 70, погибло много садовъ и гуменъ, при чемъ многія строенья были разорваны на пути.

Подобный же обвалъ произошелъ въ Царицынѣ въ 1849 г. Такимъ же образомъ, только въ меньшихъ размѣрахъ, обрушивалась или—по мѣстному выраженію—„спалзывала“ гора Соколова подъ Саратовомъ. Самые большіе обвалы здѣсь происходили въ 1783, 1818 и 1846 г.г.,—

и слѣды этихъ катастрофъ можно видѣть и теперь въ скалистыхъ глыбахъ, лежащихъ у подошвы горы—на подобіе башенъ и стѣнъ.

Ниже Сызрани на правомъ же берегу Волги пріютился Хвалынскъ. Городъ построенъ на мѣстности низменной, противъ южнаго мыса Сосноваго острова. Съ сѣвера городъ окруженъ известковыми и мѣловыми горами, отчасти поросшими кустарниками, отчасти покрытыми травой или же совсѣмъ обнаженными. Въ старые годы здѣсь стояло село Сосново или Сосновка и при учрежденіи Саратовскаго намѣстничества, указомъ 11 янв. 1780 г., обращено въ городъ Хвалынскъ. Но ни указъ, ни переименованіе въ городъ не придали этому поселенью особеннаго значенія. Населеніе уѣзда его все болѣе тянетъ къ Симбирску, и Хвалынскъ является какъ бы до нѣкоторой степени изолированнымъ. Заволжье отвлекаетъ торговую дѣятельность на востокъ и тѣмъ мѣшаетъ развитію Хвалынска. Отпускная торговля его ограничивается хлѣбомъ (наиболѣе пшеницей). На хвалынской пристани нагружается до 20 баржъ, при чемъ общая цѣнность груза не превышаетъ 1 милліона руб., а судорабочихъ бываетъ не болѣе 200 человѣкъ; разгружается штукъ 5 различныхъ судовъ, да 10 или болѣе плотовъ—всего же на сумму до 10 тыс. р. и при этомъ бываетъ занято до 150 рабочихъ. Кромѣ пшеницы и другого рода хлѣба, скупаемаго по уѣзду и за Волгой, въ здѣшней торговлѣ еще играютъ нѣкоторую роль: сало, фрукты и соль, подвозимая изъ Самарской губерніи; всѣ эти продукты грузятся для отправки вверхъ по Волгѣ. Пристань здѣсь довольно обширна, но не устроена, сильно заносится пескомъ, и потому суда грузятся нѣсколько ниже города, при Александровскихъ хуторахъ.

Волжскій пароходъ.

Въ Хвалынскѣ бываютъ двѣ ярмарки: въ девятую пятницу (трехдневная) и Воздвиженская (съ 14 по 22 сентября). Базары—еженедѣльно; зимою, съ подвозомъ пшеницы, они оживляются, и обороты на нихъ каждый разъ достигаютъ до 15 и 20 тыс. р. На второй недѣлѣ великаго поста базаръ получаетъ характеръ совершенно хлѣбной ярмарки. Заводская и ремесленная промышленность мало развиты. Жители занимаются рыбной ловлей, хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и находятъ работу на пристани. Всѣхъ садовъ въ городѣ и окрестностяхъ его до 600. Городъ владѣетъ рыбными ловлями на Волгѣ и лѣсомъ — до 16 тыс. дес. Здѣсь есть 5 церквей, одна мечеть, библіотека, 2—3 книжныхъ магазина, больница, аптека, уѣздное 3-хъ-класное училище, богадѣльня, городской общественный банкъ. Однимъ словомъ, цивилизація отпустила Хвалынску своихъ даровъ не въ большихъ дозахъ. Жителей въ немъ—около 16 тыс. чел.

Ниже Хвалынска лежитъ большое село Балаково—не менѣе иного уѣзднаго города, „гдѣ лай судейской шавки слышенъ вдоль и поперекъ". Балаково основано около 1762 г. раскольниками, вызванными изъ Польши. Въ немъ теперь около 3 тыс. жителей и довольно большая пристань, болѣе 400 хлѣбныхъ амбаровъ и около 300 лавокъ. Торговля производится пшеницей, саломъ и лѣсомъ. Въ теченіе года отсюда вывозится пшеницы на 700 тыс. р., да сала на 100 тыс. р., да муки—такъ-что отсюда грузовъ отправляется на сумму до 2 милл. р.

Черный кряжъ, окружающій Хвалынскъ, идетъ до Вольска и называется Дѣвичьими горами, а ниже Вольска — Змѣевыми. На этихъ горахъ, по преданію, во дни оны жилъ-былъ огромный змѣй, собиравшій съ жителей дань молодыми дѣвушками, которыхъ поѣдалъ безъ милосердія, но нашелся, наконецъ, могучій богатырь, сотникъ Василій Куликъ, и убилъ змѣя... Окрестности Вольска, вѣроятно, были еще издавна населены. Ниже города, по Волгѣ, встрѣ-

чаются остатки татарскихъ городищъ. Здѣсь въ XVI вѣкѣ (на 37-й вер. повыше Вольска) стояли сторожевые караулы, наблюдавшіе за мѣстностями, лежащими между теченіемъ рр. Чардыма и Терешки, гдѣ въ ту пору держался со своей шайкой атаманъ Андрюшка Голощапъ. С. Воскресенское въ Змѣевыхъ горахъ и ближайшія къ городу селенья — Рыбное, Терса и др. существовали уже въ XVII столѣтіи. Вѣроятно, и слобода Малыковка (нынѣшній Вольскъ) выросла одновременно съ ними. Сначала Малыковка принадлежала „полудержавному властелину"—Меньшикову, а потомъ поступила въ дворцовое вѣдомство и считалась рыбною слободой. Въ концѣ 1772 г. здѣсь былъ арестованъ подозрительный человѣкъ, оказавшійся бѣглымъ донскимъ казакомъ Емельяномъ Ивановымъ Пугачевымъ и былъ отправленъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань, гдѣ и освобожденъ яицкими казаками. Когда Пугачевщина охватила весь край отъ Яика до Волги, малыковцы также присоединились къ возставшимъ. Усо-

Г. Вольскъ. Пристань на Волгѣ.

вѣщевать малыковцевъ являлся сюда, по порученію Бибикова, поэтъ Державинъ. Въ 1780 г., при образованіи саратовскаго намѣстничества, слобода Малыковка была переименована въ г. Вольскъ.

Въ Вольскѣ сохраняется и понынѣ память объ одномъ замѣчательномъ его гражданинѣ, взысканномъ милостями фортуны. Незадолго до переименованія Малыковки въ городъ, въ волостной избѣ этой слободы служилъ крестьянинъ, Василій Алексѣевъ Злобинъ, заика, бѣднякъ, имѣвшій только холщевый халатъ на плечахъ, но человѣкъ оборотливый, „искательный". Случилось такъ, что пріѣхалъ въ Малыковку генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, и Злобинъ уговорилъ волостное начальство поднести князю живого осетра. Князь пригласилъ Злобина съ товарищами обѣдать и за обѣдомъ сталъ разспрашивать: не знаютъ ли они за Волгой хорошаго участка земли (императрица Екатерина II въ ту пору предоставила ему самому выбрать себѣ участокъ). Злобинъ указалъ ему на урочище Маянъ, въ 30 верс. отъ слободы. Земля понравилась князю, и онъ поручилъ Злобину устроить на ней винокурню. Злобинъ по-

строилъ ее скоро и дешево. Съ того времени онъ сдѣлался въ большой милости у князя. Когда въ 1780 г. Малыковка была назначена уѣзднымъ городомъ и названа Вольскомъ или Волыномъ, Злобинъ—на ту пору уже сколотившій капиталъ—былъ избранъ городскимъ головой, но затѣмъ скоро вызванъ въ Петербургъ и попалъ въ откупа. Онъ держалъ откупъ на вино, на Элтонскую соль и на игральныя карты во всей Имперіи, причемъ въ особенности распространилъ свою дѣятельность на восточную Россію и Сибирь. Деньги и почести сыпались на малыковца... Онъ нажилъ милліоны, получилъ золотую медаль и даже удостоился отъ царя подарка—въ видѣ серебряной кружки со своимъ именемъ и украшенной императорскимъ гербомъ. Но богатство Злобина разлетѣлось прахомъ. „Собравъ съ міру—пошло на міръ". Произошла очень обыкновенная исторія: приказчики наживались, довѣрчивый хозяинъ разорялся. Къ тому же въ озерахъ оказался недостатокъ соли. Въ войну 1812—1815 г.г. винные откупа оказались въ убытокъ. Въ то же время у Злобина умеръ его единственный сынъ, старикъ

Г. Вольскъ. Базарная площадь.

впалъ въ меланхолію, бросилъ дѣла, переѣхалъ въ Саратовъ и тамъ умеръ въ 1818 г. Все его имущество было продано съ публичнаго торга за долги. Но имя Злобина тѣсно связано съ исторіей города Вольска и съ его развитіемъ; многія изъ зданій, существующихъ въ Вольскѣ, построены Злобинымъ во дни его величія и могущества.

Вольскъ слыветъ однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ на Волгѣ.

За нѣсколько верстъ до города начинаются высокія мѣловыя горы и бугры ослѣпительной бѣлизны; ближе къ городу они разступаются въ видѣ громаднаго полукружія, облѣпленные деревянными домиками. Затѣмъ, тянутся сады и выступаетъ Вольскъ, живописно раскинувшійся между высокими горами. Самая высокая гора къ сѣверу отъ Вольска называется Маякомъ; по старинному преданію, на ней былъ нѣкогда устроенъ сторожевой пикетъ. Въ Вольскѣ подъ защитою горъ климатъ мягче, умѣреннѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ его, и потому здѣсь на привольи растутъ груши, яблоки, персики, абрикосы и разныя ягоды, а ручьи и источники, стекающіе съ горъ, доставляютъ садамъ обильную поливку. Въ чертѣ города сады занимаютъ пространство до 350 дес., да за городомъ около 300 дес. Иные сады приносятъ до

6 т. р. годового дохода. Такъ какъ пароходы пристаютъ къ центру города, то путникъ, поднявшись на гору, разомъ же попадаетъ на лучшую площадь—на соборную, гдѣ находятся лучшія зданія и гдѣ производится городская торговля. Предметы внѣшней торговли—пшеница и сало; рыбный промыселъ незначителенъ. На пристани нагружается одна или двѣ баржи, да до 10 другихъ судовъ различныхъ названій—цѣнностью до 50 тыс. р. съ 50 судорабочими; разгружается до 5 баржъ, да штукъ 20 другихъ судовъ—на 100 тыс. р. съ сотней или болѣе рабочихъ. Обрабатывающая промышленность не особенно развита и ограничивается лишь нѣсколькими салотопенными, стеариновыми и кожевенными заводами,—если не считать кирпичныхъ, пивоваренныхъ и т. п., предназначенныхъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія. Кромѣ работъ на пристаняхъ и судахъ, доставляющихъ нѣкоторый заработокъ, жители, какъ

Г. Вольскъ. Старый соборъ.

Г Вольскъ. Единовѣрческая церковь.

уже сказано, занимаются разведеніемъ бахчей, огородовъ и садовъ, при чемъ фрукты отправляются вверхъ по Волгѣ и преимущественно въ Нижній.

Жителей въ Вольскѣ около 30,000. На нихъ приходятся слѣдующія учебныя заведенія: военная прогимназія, гражданская классическая прогимназія и женская прогимназія, учительская семинарія и при ней начальное училище, духовное и реальное училища и дѣтскій пріютъ, устроенный въ 1860 г., гдѣ воспитываются и получаютъ первоначальное образованіе до 70 бѣдныхъ дѣвочекъ. Есть библіотека, нѣсколько книжныхъ магазиновъ, типографія и литографія, даже три фотографіи, городской общественный банкъ, больница, 2 аптеки и заведеніе минеральныхъ водъ. Изъ четырехъ вольскихъ церквей замѣчательны: соборъ — громадный и прекрасный храмъ и Покровская церковь, отличающаяся богатствомъ и великолѣпіемъ. Послѣдняя церковь построена здѣшнимъ богачемъ Сапожниковымъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ повѣшенъ дѣдъ Сапожникова, принимавшій дѣятельное участіе въ Пугачевскомъ возстаніи.

Вольскъ по внѣшности представляется болѣе значительнымъ и богатымъ городомъ, чѣмъ

онъ есть на самомъ дѣлѣ. Почти половина изъ его большихъ и красивыхъ домовъ до послѣдняго времени стоятъ пустыми, съ заколоченными окнами и наглухо запертыми дверями. Улицы — пусты, даже на пристани незамѣтно особеннаго оживленія. Село Балаково убиваетъ городъ Вольскъ. Вольскъ торгуетъ хлѣбомъ, но, между тѣмъ, вся торговая дѣятельность фактически сосредоточивается въ Балаковѣ: здѣсь скупается хлѣбъ, здѣсь же онъ и складывается, здѣсь же и продается партіями, здѣсь же грузится и отправляется по назначенію. Вольскіе капиталы дѣйствуютъ въ Балаковѣ. Говоря аллегорически, можно сказать, что Балаково представляетъ изъ себя торговца, а Вольскъ—мѣшокъ, откуда вынимаются деньги для оборотовъ и куда опять ссыпаются въ свое время. Если же за Вольскомъ оставить лишь то, что ему въ сущности принадлежитъ по справедливости, то окажется, что кромѣ ничтожной тор-

Г. Вольскъ. Новый соборъ.

говли мукой, идущей съ его мельницъ, да кромѣ садоводства — за Вольскомъ ничего не останется...

Саратовскій край съ половины XVI вѣка только номинально вошелъ въ составъ Московскаго государства. Годъ основанія Саратова въ точности неизвѣстенъ; только одно вѣрно, что онъ появился при Федорѣ Іоанновичѣ, когда по Волгѣ были учреждены разъѣзды и сторожи и стали строиться укрѣпленные городки. Однимъ изъ такихъ городковъ и былъ Саратовъ. Саратовъ находился на лѣвомъ берегу Волги, близъ впаденія въ нее небольшой рѣчки Саратовки, верстахъ въ 10 выше нынѣшняго Саратова, гдѣ до послѣдняго времени были еще замѣтны слѣды прежняго городища, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подрываемаго разливами Волги. Изъ старинныхъ грамотъ видно, что „новый городъ Саратовъ" уже въ 1589 г. стоялъ на правомъ берегу и въ эпоху самозванческихъ смутъ, потрясавшихъ Московское государство, прежнее мѣсто Саратова уже называется въ актахъ „Саратовскимъ пепелищемъ" и „Саратовскимъ городищемъ", гдѣ тогда добрые люди „копали ямы и искали поклажеевъ"

Духовное Училище. | Городской домъ.
Московская улица. | Маріинская Женская Гимназія.
Городской садъ. | Вокзалъ

ВИДЫ ГОРОДА ВОЛЬСКА.

(кладовъ). Судя по нѣкоторымъ татарскимъ источникамъ, можно думать, что на мѣстѣ нынѣшняго Саратова находилось какое-то поселеніе Сары-Тау (Желтая гора); нѣкоторые ученые даже полагаютъ, что здѣсь-то именно и былъ главный городъ Буртасовъ, описанный арабскимъ путешественникомъ. Какъ бы то ни было, вѣрно только то, что окрестности нынѣшняго Саратова были издавна заселены, въ чемъ можно удостовѣриться по различнымъ древнимъ находкамъ и по монетѣ съ указаніемъ города Увска. И нынѣ въ 10 верс. отъ Саратова есть деревня Увскъ съ городищемъ, еще извѣстнымъ съ XVI столѣтія.

Саратовъ въ ту пору имѣлъ значеніе сторожевого поста, затерявшагося въ степяхъ, по которымъ рыскали всякіе хищники. Надо было наблюдать и за безпокойными кочевниками-инородцами, и преслѣдовать „воровскія" шайки православной голытьбы и охранять царскія

Г. Вольскъ. Видъ цементнаго Глухоозерскаго завода.

суда, шедшія съ солью изъ Астрахани и иногда зимовавшія здѣсь. Въ актахъ XVII вѣка здѣшнимъ воеводамъ пространно и убѣдительно рекомендуется быть крайне осторожными на каждомъ шагу, ибо каждый шагъ могъ увлечь въ погибель... „И съ Царицына, смотря по вѣстямъ, идти на Саратовъ съ великимъ береженіемъ", гласитъ наказъ. „И идти степью и на станѣхъ ставиться съ великимъ береженіемъ; и около конскихъ табуновъ для береженья, посылати въ разъѣзды по часту и самимъ разъѣзжати въ день и въ ночь, и на станѣхъ на караулѣхъ велѣти стояти бережно и усторожливо и во всемъ береженье держати великое, чтобы въ дорогѣ и на станѣхъ, Казневскіе или Крымскіе и Едисанскіе и Енбулацкіе и Калмыцкіе люди, и воры-казаки или иные какіе воинскіе люди безвѣстно не пришли и никакого дурна не учинили". И въ архивныхъ бумагахъ и въ памяти народной здѣсь сохранилось много преданій и пѣсенъ о похожденіяхъ и славныхъ подвигахъ разныхъ атамановъ, объ ихъ притонахъ посреди горъ или въ чащѣ лѣсной, о кладахъ, зарытыхъ ими. Такъ, долго хозяйничалъ здѣсь знаменитый Ермакъ, пока не отправился въ Сибирь, а послѣ него въ 1590-хъ годахъ

особенно прославились шайки Андрюшки Голощапа и Трени Щеголева; послѣдняя главнымъ образомъ держалась на Медвѣдицѣ, а первая—на Волгѣ. Близъ с. Лоха и Рѣпнаго указываютъ на становище разбойника Кудеяра, у деревни Кувыки—на становище Кувыкана, а на мѣстѣ приволжской деревни Дѣвичьи Горки былъ, говорятъ, притонъ страшной шайки, надъ которою атаманствовала „Дѣвушка-Пелагеюшка".

Саратовъ, какъ городъ въ ту пору мало укрѣпленный, не могъ съ успѣхомъ выдерживать натискъ кочевниковъ и вольной волжской голытьбы. Въ августѣ 1670 г. Саратовъ безъ сопротивленія сдался Разину и большая часть населенія пристала къ его войску. Разинъ господствовалъ здѣсь въ теченіе 5 лѣтъ. Имя его также сохранилось здѣсь въ памяти народа...

«Приволжскій народъ
Ему пѣсни поетъ —
И съ почетомъ его вспоминаетъ».

Видъ на г. Саратовъ съ Волги.

И по сіе время на берегу Волги, между селомъ Меловымъ и колоніей Водяной Буеракъ, близъ деревни Лапоть, находится гора, называемая Бугромъ Стеньки Разина. Въ этомъ бугрѣ, говорятъ, и теперь еще видна яма, въ которой содержались плѣнные. По преданію, Разинъ жилъ въ пещерѣ, обитой бархатомъ. Кромѣ того, здѣсь есть множество урочищъ, съ которыми преданія и легенды связываютъ имя этого человѣка.

Отъ скопищъ Разина край былъ очищенъ только въ 1671 г. Въ 1677 г. подъ Саратовомъ казаки разграбили царскую казну; въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія Саратовъ не однажды разоряли калмыки, въ 1778 г. онъ сильно пострадалъ отъ донскихъ казаковъ, взбунтовавшихся подъ начальствомъ Булавина и Некрасова. При всей этой неурядицѣ, существовавшей „внизу", еще и воеводы „государеву дѣлу чинили поруху". Напримѣръ, какъ-то однажды по сыскнымъ дѣламъ вѣдомо учинилось, что воевода Астраханскій, князь Хованскій съ дьякомъ Поздѣевымъ не только захватывали казенное имущество, „многія дѣла дѣлали не по указамъ, медвѣдями людей травили и т. д., но иногда еще сами подговаривали Ногайцевъ

нападать на казаковъ и наоборотъ. Все это, разумѣется, мѣшало мирному развитію края: только кое-гдѣ возникали одинокіе хутора. Около 1692 г. была начата „Царицынская линія“—земляной валъ между Царицынымъ и Дономъ, укрѣпленный палисадомъ,—и по этой линіи была расположена цѣпь войска. Подобныя сторожевыя линіи проходили и къ Сурѣ и Хопру. Наконецъ, между Камышинымъ и Царицынымъ поселено было 1057 семействъ донскихъ казаковъ, получившихъ названіе „Волжскаго“ казачьяго войска. Въ царствованіе Екатерины II началась было усиленная систематическая колонизація края, но тутъ разразилась Пугачевщина, и Саратовскій край надолго погрузился во всѣ ужасы кровопролитной междоусобной борьбы... 5 августа 1774 г. Пугачевъ подступилъ къ Саратову. Первый приступъ его былъ отраженъ. Тогда Пугачевъ взошелъ на Соколову гору и сталъ палить изъ пушекъ холостыми зарядами. Городъ сдался, комендантъ Бошнякъ удалился въ Царицынскую крѣ-

Общій видъ г. Саратова съ соборной площади.

пость,—и Саратовъ съ почетомъ встрѣтилъ Пугачева. Подлѣ Ильинской церкви вѣшали дворянъ... Вотъ какъ старожилъ-очевидецъ описываетъ появленіе Пугачева передъ Саратовомъ: „На самый Второй Спасъ (6 августа) утромъ пришелъ на Соколову гору Пугачъ, съ нимъ ѣхало народу видимо-невидимо. Пугачъ ѣхалъ верхомъ на бѣлой лошади; на немъ была высокая пушистая шапка, чапанъ синій, шаровары и бекешка съ золотомъ; вокругъ него были верховые съ саблями и ружьями; позади везли пушки. Передъ обѣднями поставили палатки и висѣлицы. Изъ тюрьмы колодниковъ выпустили“... Въ теченіе нѣсколькихъ дней Пугачевъ хозяйничалъ въ городѣ.

Вслѣдъ за Пугачевщиной Саратовъ сильно пострадалъ отъ голода. Край былъ разоренъ, народъ тысячами погибалъ съ голоду. Цѣна хлѣба въ городѣ доходила до 12 р. сер. четверть, и въ одномъ Саратовѣ тогда умерло до 1,000 человѣкъ. Чиновники долго не могли „замирить“ Саратовскій край; броженіе умовъ не прекращалось, народъ продолжалъ волноваться. Особенно нагоняла страхъ шайка Игната Метелкина, а въ 1780 г. въ Дубовкѣ казакъ Максимъ Ханинъ

опять было объявилъ себя Петромъ III. Въ это время волжскіе казаки, какъ искони буйные, были переселены на Терекъ. Съ 1780 г., т.-е. съ учрежденія намѣстничества—въ теченіе 50 лѣтъ—непрерывно шло заселеніе Саратовскаго края.. Судя по изображенію Саратова, приложенному къ книгѣ Олеарія, можно предполагать, что въ 1635 г. Саратовъ былъ уже значительнымъ для того времени городомъ, и въ немъ было уже до 10 церквей. Въ XVII вѣкѣ онъ уже владѣлъ обширными землями и рыбными ловлями—и въ немъ производилась довольно большая торговля. Въ 1810 г. въ немъ было 15 тыс. жителей; въ 1830 г. ихъ было уже 50 тыс., а нынѣ—свыше 100 тыс. человѣкъ. Такимъ образомъ, въ 60 лѣтъ населеніе Саратова увеличилось болѣе, чѣмъ въ 6 разъ.

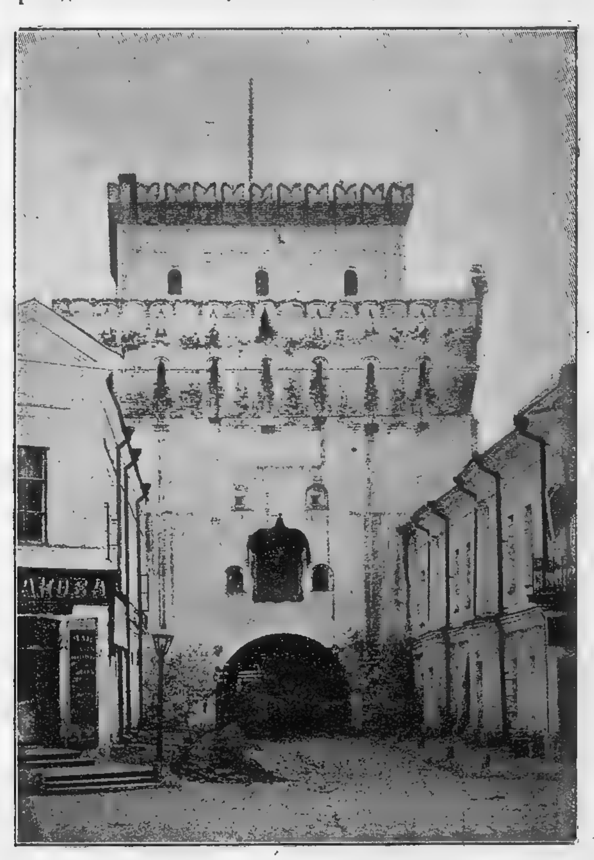
Городъ расположенъ на возвышенной мѣстности, опускающейся къ Волгѣ уступами и

Берегъ Волги около Саратова.

окруженной высотами въ видѣ амфитеатра. Онъ кажется сжатымъ со всѣхъ сторонъ высокими горами и поражаетъ зрителя своею громадностью, растянувшись на 7 верстъ по берегу Волги. Надъ самымъ городомъ съ сѣвера поднимается Соколова гора, далѣе на западъ гора Лысая, а еще далѣе на юго-западъ гора Алтынная. Къ сѣверу отъ города эти возвышенности обнажены, а къ западу поросли мелкимъ лѣсомъ и разрѣзаны довольно глубокими буераками, въ которыхъ мѣстами разведены фруктовые сады. Два оврага дѣлятъ городъ на три неравныя части; изъ нихъ средняя—самая большая и заключаетъ собственно „городъ", а крайнія части—хотя довольно велики и населенны—все-таки считаются только предмѣстьями. Вокругъ города раскинуто множество садовъ съ устроенными при нихъ различными промышленными заведеніями. Одинъ изъ загородныхъ садовъ—садъ Шехтель служитъ мѣстомъ гулянья; въ немъ же лѣтнею порой устраиваются спектакли. Пристань тянется вдоль всей набережной, начиная отъ Глѣбова оврага. Подъ Соколовой горой находятся амбары соляные, а ниже оврага

настроено болѣе 300 хлѣбныхъ амбаровъ. Видъ набережной до послѣдняго времени былъ не особенно привлекателенъ; берегъ большую часть лѣта бываетъ грязенъ и тинистъ, наполненъ рытвинами, а ближе къ рѣкѣ покрытъ сыпучимъ пескомъ и вообще весной и осенью представляетъ неудобства для ѣзды и для ходьбы по немъ. Спуски вымощены дурно и притомъ очень круты. На пристани стоятъ трактиры, лавки, кабачки. Здѣсь же на столахъ торгуютъ хлѣбомъ и всякими съѣстными припасами. Передъ приходомъ и отходомъ пассажирскихъ пароходовъ появляются, обыкновенно, еще всевозможные торговцы и торговки. Пассажирскіе пароходы пристаютъ почти въ центрѣ города. Грузящіяся суда болѣе сосредоточиваются противъ хлѣбныхъ амбаровъ. Здѣсь же помѣщаются пароходные дебаркадеры. Близъ пароходныхъ пристаней есть нѣсколько общественныхъ купаленъ.

Г. Саратовъ. Знаменская башня.

Къ замѣчательнымъ городскимъ сооруженіямъ должно отнести водопроводы, устроенные въ 1856—57 г.г. вслѣдствіе неудобства добыванія воды изъ Волги. Вода проведена изъ двухъ источниковъ, лежащихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города; съ помощью закрытыхъ канавъ они соединены въ резервуары, вмѣстимостью въ 50 тыс. ведеръ. Изъ нихъ вода идетъ подземными деревянными трубами на площади: Сѣнную, Соборную, Театральную и Архангельскую, гдѣ устроены бассейны, каждый болѣе 5 тыс. ведеръ. Избытокъ воды изъ этихъ хранилищъ по трубамъ спускается въ Глѣбовъ оврагъ, гдѣ устроена портомойня.

Обыкновенный горизонтъ Волги, какъ извѣстно, остается почти неизмѣннымъ, но фарватеръ ея (стрежень) подвергается очень частымъ перемѣщеніямъ, вслѣдствіе слабаго, песчано-глинистаго грунта всего ложа рѣки. Быстротою теченія въ одномъ мѣстѣ часть береговъ и дна разноситъ, а въ другомъ пунктѣ — насыпаетъ отмели, косы, перекаты и даже цѣлые острова, которые, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ свою очередь подвергаются разрушенію. Подобную же злую шутку шутитъ въ настоящее время Волга и съ Саратовомъ: она уходитъ отъ него съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе. Плачутся саратовцы, но сами не могутъ помочь своему горю. А горе, дѣйствительно, большое... Торговые интересы города сильно страдаютъ отъ мелководья пристани.

Кромѣ того, бури причиняютъ на Волгѣ подъ Саратовомъ страшныя опустошенія. Напр., 26 апрѣля 1860 г. вѣтеръ, бывшій съ утра низовымъ, вдругъ часу въ первомъ перешелъ въ бурю, и разыгравшаяся буря продолжалась до солнечнаго заката. Въ городѣ со многихъ зда-

ній и церквей были сорваны крыши, повалено много заборовъ. Буря разбивала окна, отрывала ставни, сломала кресты на двухъ церквахъ. На саратовской пристани въ тотъ день погибло большихъ и малыхъ судовъ различныхъ наименованій (баржъ, барокъ, расшивъ, бѣлянъ, дощаниковъ, кладнушекъ, асланокъ и пр.)—51 штука. Убытковъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, понесено на саратовской пристани свыше 200 тыс. руб.

Въ 1879 г. въ первыхъ числахъ іюня также страшная буря разразилась по Волгѣ, разбила много бѣлянъ, плотовъ и вообще натворила на Волгѣ не мало бѣдъ. Очевидецъ такъ описываетъ бурю: началось съ того, что 24 мая грянула гроза. Вечеромъ этого дня съ юга, почти безъ вѣтра, медленно надвигалась большая туча, которая и пронеслась надъ городомъ съ молніями и съ неумолкаемыми раскатами грома. Послѣ этой грозы температура стала понижаться. 30 мая съ утра поднялся довольно сильный вѣтеръ, къ вечеру онъ сталъ крѣпчать,

Г. Саратовъ. Старый соборъ.

но затѣмъ вдругъ стихъ. Все небо въ этотъ день было покрыто тучами, бродившими въ разныхъ направленіяхъ, но преимущественно на сѣверо-западѣ. Въ слѣдующіе дни дулъ умѣренный верховой вѣтеръ, а на горахъ, окружающихъ городъ, въ то же время свирѣпствовалъ сильный, порывистый вѣтеръ. 2 іюня начался сильный сѣверо-западный вѣтеръ, нещадно гнавшій тучи за тучами; ночью онъ повернулъ съ запада и въ этомъ направленіи дулъ усиленно въ продолженіе всего слѣдующаго дня. Особенно сильны были его порывы послѣ полудня. Онъ дулъ какъ-то сплошною массой съ непрерывающейся силой; въ воздухѣ носился гулъ и стонъ. По временамъ это сплошное движеніе воздушныхъ массъ какъ бы встрѣчало внезапно какое-то препятствіе и беззвучно замирало въ пространствѣ, но тотчасъ же съ воплемъ и стономъ обрушивалось на землю, на строенья, на деревья. Тучи сгущались на небѣ. Такіе порывы повторялись нѣсколько разъ и неожиданно разрѣшались дождемъ. До этого дождя надъ городомъ носились огромные сплошные столбы пыли. 4 іюня буря прекратилась, оставивъ по себѣ много разрушеній на пристани и въ городѣ.

На лѣвомъ берегу Волги, противъ Саратова, раскинулось большое село—Покровская слобода. Это—одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ краѣ. Въ немъ болѣе 10 тыс. жителей и одна изъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней на Волгѣ; берегъ здѣсь застроенъ амбарами. Хотя въ административномъ отношеніи эта слобода и принадлежитъ къ Самарской губерніи, но тѣмъ не менѣе считается предмѣстьемъ Саратова, потому что находится съ нимъ въ безпрерывныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ.

Благодаря своему положенію въ хлѣбородномъ краѣ и на берегу Волги, Саратовъ является однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ и самыхъ видныхъ городовъ Поволжья. Выстроенъ онъ довольно правильно и красиво; его улицы—прямы и широки, площади просторны и хорошо обстроены. Главныя улицы (до 14), а также и площади вымощены камнемъ и освѣщаются.

Г. Саратовъ. Александро-Невскій каѳедральный соборъ.

Къ лучшимъ улицамъ города относятся: Московская, Сергіевская и Покровская. Первая идетъ отъ берега Волги до выѣзда на московскую дорогу; почти на половинѣ этой улицы — въ самомъ центрѣ города—лежитъ Театральная площадь. Отъ этой площади идетъ улица Сергіевская, проходящая черезъ весь городъ вдоль берега, а параллельно ей тянется улицы Покровская. Въ Нѣмецкой улицѣ ютится ремесленный людъ. Изъ площадей, кромѣ Театральной, еще замѣчательны: Соборная, Сѣнная, Архангельская и Ильинская, составляющая центръ стараго города.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ саратовской старины относится Старый соборъ, построенный въ 1697 г., т.-е.—современный основанію города. Онъ находится неподалеку отъ Волги на Московской улицѣ. Онъ очень простой, не хитрой архитектуры; въ немъ хранится особенно чтимая мѣстными жителями икона Спасителя.

Новый соборъ во имя Александра Невскаго выстроенъ въ 1825 г. въ память убитыхъ

въ отечественную войну—съ пологимъ куполомъ и съ прекрасной колокольней, выстроенной отдѣльно. Въ немъ хранятся знамена ополченій 1812 и 1815 г.г. Стоитъ онъ на Соборной площади, гдѣ находится и архіерейскій домъ, обнесенный каменною оградой, внутри которой возвышаются пирамидальные тополи. Здѣсь же находится и городской садъ, любимое мѣсто прогулки саратовскаго общества въ лѣтніе вечера. Здѣсь устроенъ бассейнъ и построены красивыя бесѣдки. Православныхъ церквей въ Саратовѣ 24, два монастыря — мужской и женскій, 3 единовѣрческія церкви, 2 католическія, 1 протестантская и 1 мечеть. Какъ на лучшія городскія зданія должно указать на зданіе присутственныхъ мѣстъ, домъ соляного правленія, театръ...

Къ числу же лучшихъ зданій города должно отнести и Маріинскій институтъ. Здѣсь кстати замѣтить, что 46 лѣтъ тому назадъ женскихъ училищъ въ Саратовѣ совсѣмъ не существовало. Въ 20-хъ годахъ былъ только одинъ „Зубриловскій пансіонъ", устроенный въ селѣ Зубри-

Г. Саратовъ. Театральная площадь съ Радищевскимъ музеемъ.

ловкѣ княземъ Ѳ. С. Голицынымъ. Заведеніе было открытое и предназначалось для дѣтей дворянъ. Оно занимало два двухъэтажныхъ зданія; въ одномъ изъ нихъ помѣщалась 36 мальчиковъ, въ другомъ—46 дѣвочекъ. Женское отдѣленіе находилось подъ надзоромъ иностранки—madame Монсардъ. Впрочемъ, въ 1825 г. „Зубриловскій пансіонъ" уже не существовалъ. 1854 г. 10 октября былъ открытъ Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ; на первыхъ порахъ онъ помѣщался въ домѣ частнаго лица (г-жи Челюсткиной). Наконецъ, зданіе для института было готово, и 23 сентября 1857 г. учащіяся были переведены въ него. Зданія, занимаемыя институтомъ, состоятъ изъ главнаго трехъэтажнаго корпуса, соединеннаго галлереей съ кухней, двухъ отдѣльныхъ двухъэтажныхъ флигелей, надворнаго строенія и службъ. Мѣсто, отведенное подъ институтъ, лежало за городомъ, за Бѣлоглинскимъ оврагомъ и занимало большое пространство (около 50 дес.) по кладбищенскому и дегтярному оврагу; въ ту пору по фасаду его тянулись пустыри, а за кладбищенскимъ оврагомъ — шелъ лѣсъ и за нимъ—пустоши; возлѣ были дачи и фруктовые сады; между институтскимъ мѣстомъ и Волгою — церковь Іоанна Предтечи и кладбище — „Красный Крестъ". Еще въ концѣ 50-хъ го-

довъ между институтомъ и Ильинскимъ мостомъ лежала около версты незаселенная пустошь, и только подлѣ моста и оврага были постройки. За зданіями по оврагу, въ которомъ устроенъ прудъ съ проточной водой, раскинулся садъ и лѣсъ на пространствѣ почти 13 дес. Нынѣ институтъ—уже въ чертѣ города и фасадомъ выходитъ на Садовую улицу.

Въ настоящее время Саратовъ уже богатъ учебными заведеніями. Кромѣ Маріинскаго института, для саратовскаго юношества открыты: мужскія и женскія гимназіи, двѣ духовныя семинаріи (православная и католическая), уѣздное училище, 12 мужскихъ приходскихъ и 7 женскихъ училищъ, 1 единовѣрческое (для об. пола), начальное народное училище Общества саратовскихъ старообрядцевъ, реальное, ремесленное, земледѣльческое училище (послѣднее близъ Саратова); кромѣ того, нѣсколько частныхъ мужскихъ прогимназій, одна гимназія, нѣсколько различныхъ школъ—такъ, что всѣхъ учебныхъ заведеній въ Саратовѣ оказывается до 46 Въ 1857 г. здѣсь открыта Публичная библіотека. Также не мало здѣсь и воспитательныхъ, такъ-называемыхъ богоугодныхъ, заведеній. Въ 1843 г. основанъ Маріинскій дѣтскій пріютъ (на Пріютской улицѣ), гдѣ дѣти получаютъ элементарное образованіе, учатся рукодѣльямъ, и т. д. Въ 1873 г. открытъ „пріютъ Галкина-Врасскаго (на горахъ близъ Крестовоздвиженской церкви), въ которомъ дѣти получаютъ первоначальное образованіе, учатся рукодѣльямъ и, кромѣ того, переплетному и башмачному ремеслу. „Ясли“ — отдѣленіе пріюта Галкина-Врасскаго—задались цѣлью воспитывать сиротъ-подкидышей и призрѣвать малолѣтнихъ, не достигшихъ трехлѣтняго возраста,—на время отлучекъ матерей на работы. Въ убѣжищѣ Св. Хрисанфа („Хрисанфовская женская рукодѣльня“ — въ Тихомъ пер. близъ Митрофановской площади) учатся дѣвушки кройкѣ, шитью и бѣлошвейнымъ работамъ. Епархіальный дѣтскій пріютъ—для дѣтей обоего пола. Учебно-заработный дѣтскій домъ Братства Св. Креста, основанный преосвященнымъ Іоанникіемъ, находится близъ церкви Киновіи; въ этомъ домѣ дѣти получаютъ первоначальное образованіе и учатся рукодѣлью и ремесламъ.

Саратовъ. Городской театръ.

Учебно-исправительный пріютъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (на рѣчкѣ Гуселкѣ, въ 7 верс. отъ города) — основано въ 1873 г. Въ распоряженіи пріюта 20 дес. земли

съ фруктовымъ садомъ. Помимо первоначальнаго образованія, дѣти учатся здѣсь рукодѣлью, ремесламъ, домашнему и сельскому хозяйству. Наконецъ, есть „Прибѣжище для престарѣлыхъ и убогихъ".

При Александровской земской больницѣ находится богадѣльня и домъ умалишенныхъ, — и имѣются 7 деревянныхъ бараковъ для лѣтняго помѣщенія. Еще существуетъ городская лѣчебница для приходящихъ и при ней родильный домъ. Въ пріемномъ покоѣ, устроенномъ Обществомъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, также подается пособіе приходящимъ больнымъ. Есть частныя лѣчебницы: глазная и нервныхъ болѣзней—и пневматическая и гидропатическая. Въ городѣ—до 8 аптекъ и 3 заведенія минеральныхъ водъ.

Мѣстная внутренная торговля, вслѣдствіе многолюдства города, очень оживленная. Лучшіе магазины находятся на Театральной площади. Новый гостиный дворъ — довольно изящной

Г. Саратовъ Духовный женскій пріютъ на набережной р. Волги.

постройки, въ видѣ неправильнаго четыреугольника; старый гостиный дворъ — въ началѣ Московской улицы. Всѣхъ лавокъ въ городѣ болѣе 2,000, да кромѣ того болѣе 200 магазиновъ, расположенныхъ большею частью на пристани — для склада различныхъ товаровъ. Базарная торговля происходитъ ежедневно—по утрамъ на такъ-называемомъ верхнемъ базарѣ и на старой сѣнной площади, а вечеромъ—на нижнемъ или пѣшемъ базарѣ. На утренній базаръ съѣзжаются крестьяне, колонисты и малороссіяне изъ Покровской слободы, привозящіе сюда всякіе жизненные припасы. Кромѣ того, помимо этихъ базаровъ, въ городѣ существуютъ еще рынки: хлѣбный, рыбный, зеленной, сѣнной и дровяной. Бываютъ еще три ярмарки въ году: съ 9 мая и до первыхъ чиселъ іюня, 6—9 іюля и 22—24 ноября. Ярмарочная торговля годъ отъ году падаетъ. Первая изъ ярмарокъ, 9 мая, собирается на берегу и ограничивается лишь продажей различной посуды и бакалей; оборотъ ея въ прежніе годы доходилъ до 50 тыс. р. Вторая ярмарка уступаетъ даже простымъ базарамъ. Въ третью привозится товаровъ на сумму до 100 тыс. р.

Фабричная и заводская промышленность мало развита. Изъ числа фабрикъ и заводовъ первое мѣсто занимаютъ: маслобойни, табачныя фабрики, заводы салотопенные, мыловаренные, водочные, свѣчные — и затѣмъ уже идутъ менѣе выдающіеся. На крупчатныхъ мельницахъ размалывается до 3 милл. пуд. хлѣба. Вообще же здѣсь всего болѣе развито производство подсолнечнаго масла и табаку. Кромѣ ремесла и работъ на заводахъ, жители занимаются еще извозомъ, работами на пристани, скотоводствомъ, садоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Собственно земледѣліемъ занимаются казаки и большая часть мѣщанъ, живущихъ „на горахъ", то есть— въ сѣверной части города, расположенной по скату Соколовой горы. Болѣе 3,000 дес. земли засѣвается подсолнечниками, сѣмена которыхъ идутъ на маслобойни, а также служатъ лакомствомъ для народа. Подъ садами считается до 2,500 дес., а всѣхъ садовъ до 800, изъ кото-

Г. Саратовъ. Никольская улица.

рыхъ иные занимаютъ до 20 и болѣе десятинъ пространства. Есть сады, приносящіе дохода 15,000 руб. въ годъ.

Саратовъ, по своему положенію на Волгѣ и въ центрѣ края, богатаго сырыми продуктами, естественно долженъ былъ получить важное торговое значеніе. Уже въ прошломъ столѣтіи онъ являлся главнымъ складочнымъ пунктомъ для соли и рыбы; въ то время зимою въ него въѣзжало до 1,500 подводъ для перевозки рыбы и соли во внутреннія провинціи. Въ настоящемъ же столѣтіи съ развитіемъ просвѣщенія въ Саратовѣ сосредоточилась торговля почти всего средняго Поволожья. Саратовъ пересталъ быть „деревней, глушью", но въ послѣднее время, какъ мы уже говорили, у него явилось чрезвычайно опасная соперница—Самара, очевидно, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе перетягивающая на свою сторону центръ тяжести поволжской торговой дѣятельности. Оба города — на Волгѣ, оба они — въ мѣстности хлѣбородной: въ томъ ихъ сходство. Но Самара значительно выдвинулась къ востоку и протянула руку къ Уральскимъ и Оренбургскимъ степямъ — и въ томъ преимущество Самары. Самара—съ прекрасною пристанью, а отъ Саратова Волга уходитъ прочь, саратовская пристань мелѣетъ, приноситъ убытокъ городу, торговлѣ. Даже желѣзныя дороги, соединившія

Саратовъ и Самару съ внутренними губерніями, оказали имъ услуги далеко не равныя. Отъ Волги внутрь Россіи ведутъ три желѣзнодорожные пути: отъ Самары, отъ Саратова и изъ Царицына. Самарскую дорогу питаетъ и будетъ питать восточная окраина; Грязе-Царицынскую дорогу будутъ питать Астрахань и Донъ. А что же остается Саратовской желѣзной дорогѣ, такъ не кстати протянувшейся между двумя вышеупомянутыми питательными вѣтвями? Факты послѣднихъ лѣтъ уже доказали краснорѣчиво рядомъ убѣдительныхъ цифръ, что Саратовская дорога не можетъ соперничать со своими сосѣдками... Въ то время, какъ движеніе на Самарской и Царицынской желѣзныхъ дорогахъ съ каждымъ годомъ усиливается, отправленіе товаровъ на Саратовъ уменьшается.

Впрочемъ, въ Саратовѣ, кромѣ русскихъ купцовъ, еще до послѣдняго времени жили комиссіонеры и агенты иностранныхъ торговыхъ домовъ для закупки хлѣба, сѣмени льняного, сала и другихъ продуктовъ, отправляемыхъ за границу. Еще не очень давно на саратовской пристани среднимъ числомъ въ навигацію грузилось отъ 3 до 4 милл. пуд. на сумму отъ 2 до 3 милл. руб., а разгружалось до 5 милл. пуд. на 2 милл. руб. и болѣе. Нынѣ же на Саратовской пристани нагружаются около 100 пароходовъ, столько же баржей, буксируемыхъ пароходами, да до 70 судовъ различныхъ наименованій, а общая цѣнность груза простирается до 2 милл. руб.; при нагрузкѣ бываютъ заняты 2,000 судорабочихъ. Разгружается болѣе 100 пароходовъ, 200 барокъ, да около 200 судовъ различныхъ названій, 25 и болѣе плотовъ — всего на сумму $2^1/_2$ милл. руб., а число судорабочихъ доходитъ до 5,000 чел. Нагружается: разнаго рода хлѣбъ, сѣмя льняное, поташъ, спиртъ, масло постное, табакъ, шерсть, сало, бакалейные, рыбные, москательные и др. товары, а выгружается: строевой и дровяной лѣсъ, соль, металлическія издѣлія, фрукты, вино, икра, рыба, рыбій жиръ, смола, деготь и т. под. Въ рукахъ саратовскаго купечества до послѣдняго времени сосредоточивалась почти вся обширная торговля солью; черезъ руки здѣшняго купечества среднимъ числомъ переходило до 4 милл. пуд. одной элтонской соли, не считая соли астраханской, закупаемой или перепродаваемой большими партіями. Изъ Саратова соль отправлялась во внутреннія губерніи, отчасти въ Малороссію. Торговля хлѣбомъ довольно значительна; хлѣбъ закупается не только на саратовскихъ базарахъ, но и въ другихъ торговыхъ пунктахъ, при чемъ онъ отправляется и въ верховыя губерніи по Волгѣ и на югъ къ портамъ Каспійскаго моря для снабженія провіантомъ войскъ, расположенныхъ на Кавказѣ и въ Туркестанскомъ краѣ.

Тріумфальныя ворота. Биржа.

ВИДЫ ГОРОДА САРАТОВА.

Сѣмя льняное закупается главнымъ образомъ для иностранныхъ фирмъ; подсолнечное сѣмя

перерабатывается на мѣстныхъ маслобойняхъ и затѣмъ уже масло идетъ въ верхне-волжскія губерніи. Обороты табачной торговли доходятъ до 500 тыс. р. въ годъ. Фруктовъ продается на сумму до 300 тыс. руб. Желѣзо сюда получается изъ Нижняго и съ Пермскихъ заводовъ. Рыба и икра получаются преимущественно изъ Астрахани, съ уральскихъ ловель — и отправляются сухимъ путемъ въ Москву и въ подмосковныя губерніи, а Волгою—въ Нижній. Рыбы изъ Саратова вывозится до $1^1/_2$ милл. пудовъ. Строевой лѣсъ, дрова, деготь, смола и вообще всѣ лѣсные матеріалы идутъ сюда изъ верхне-волжскихъ губерній: Нижегородской, Казанской, Костромской, а также съ рѣки Камы,—изъ губерній: Уфимской, Вятской и Пермской. Въ прежнее время торговля лѣснымъ матеріаломъ въ Саратовѣ была вовсе незначительна. Но по мѣрѣ того, какъ уменьшались лѣса въ краѣ и увеличивалось населеніе Саратова, росла и лѣсная торговля. На развитіе ея также оказало большое вліяніе проведеніе желѣзной дороги, потребляющей громадное количество лѣса для своихъ сооруженій и топлива для своихъ машинъ и зданій. Нынѣ же лѣсныхъ матеріаловъ въ городѣ и на желѣзной дорогѣ расходуется не менѣе, какъ на 3 милл. руб., при чемъ однихъ дровъ получается по Волгѣ слишкомъ на

Зимовка судовъ на Волгѣ. Гостиный дворъ.

ВИДЫ ГОРОДА САРАТОВА.

1,500,000 руб. Но, какъ мы уже говорили, обмелѣніе саратовской пристани приноситъ между прочимъ большой вредъ и лѣсной торговлѣ.

Слабая сторона Саратова именно заключается въ обмѣленіи Волги передъ городомъ, въ чрезвычайной измѣнчивости ея фарватера. Но если смотрѣть на это обмелѣніе, какъ на бѣду поправимую, то безспорно Саратовъ явится намъ однимъ изъ лучшихъ волжскихъ городовъ.

У Саратова горы отступаютъ отъ берега, а затѣмъ, обойдя городъ, снова приближаются къ Волгѣ, пока, наконецъ, за Царицынымъ не превращаются въ невысокіе холмы. Въ сѣверной части губерніи горы покрыты лѣсомъ, но чѣмъ южнѣе, тѣмъ растительность скуднѣе, — и отъ прежнихъ дремучихъ лѣсовъ торчатъ лишь пни. Лѣвый берегъ Волги — низменный — поросъ кустами тальника и осокорями. Съ высокихъ горъ праваго берега здѣсь открывается прекрасный видъ на Заволжье. За темно-зеленою каймой береговыхъ кустарниковъ и деревьевъ—во всѣ стороны, какъ только можетъ глазъ охватить, разметывается равнина; по ней кое-гдѣ вьется узкая, проселочная дорожка, тамъ и сямъ видны рощи и сѣрыми пятнами темнѣютъ деревни. Въ жаркій лѣтній день въ нагрѣтомъ воздухѣ создаются надъ степью чудесныя марева. А осенью по темнымъ вечерамъ степь озаряется красными огнями костровъ, зажигаемыхъ пастухами или пахарями,—и тамъ—

«Въ ночи, вокругъ огней,
Льются пѣсни заунывныя»...

Первый городъ, встрѣчаемый послѣ Саратова, Камышинъ — стоитъ на правомъ берегу рѣки Камышинки, близъ впаденія ея въ Волгу, на песчаномъ уступѣ волжскихъ горъ, окружающихъ городъ съ трехъ сторонъ. Въ половинѣ XVII столѣтія онъ стоялъ на лѣвомъ берегу Камышинки, и назывался Камышинскимъ острогомъ. Потомъ его переименовали въ г. Дмитріевскъ. Въ 1700 г., вслѣдствіе повелѣнія брить бороды и носить нѣмецкое платье, въ городѣ произошли волненія. Особенно возставали противъ нововведеній донскіе казаки. Они подговаривали жителей идти къ нимъ на Кубань, но горожане отказались. Изъ Астрахани былъ посланъ сюда для усмиренія волжскій князь Хованскій... Около этого времени городъ былъ перенесенъ съ лѣваго берега рѣчки на правый и впослѣдствіи — въ 1780 г. — названъ Камышинымъ. Полагаютъ, что городу было дано названіе отъ высокаго и горнаго камыша, которымъ была покрыта та мѣстность. Вообще, историческое прошлое г. Камышина полно чудесныхъ сказаній. Такъ, напримѣръ, однажды икона Димитрія Солунскаго исчезла изъ храма и вдругъ явилась за рѣкой, посреди непроходимой топи и камыша. Въ другой разъ Кубанцы, напавшіе на городъ, были внезапно объяты паническимъ ужасомъ, ослѣпли и разсѣялись...

Въ XVIII вѣкѣ здѣсь находилась небольшая крѣпостца, состоявшая изъ земляного вала и окруженная рвами и палисадомъ. Рѣчка Камышинка, впадающая у города въ Волгу, коротка и не судоходна; по преданію, ,,изъ-за ея крутыхъ красныхъ бережковъ" съ Дона на Волгу выплывало удалое казачество. Народная пѣсня сохранила воспоминанія объ этихъ казацкихъ набѣгахъ:

«Промежъ было Казанью, промежъ Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше города было Царицына,
Изъ той ли было нагорной сторонушки,
Какъ бы прошла, протекла Камышинка-рѣка,
Своимъ устьемъ она пала въ матушку Волгу-рѣку,
А по славной было матушкѣ, Камышинкѣ-рѣкѣ,
Выгребали, выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ —
Воровскихъ казаковъ;
А на всякомъ стружку по пятидесяти гребцовъ,
По пятидесяти гребцовъ—воровскихъ казаковъ»...

Петръ I намѣревался черезъ эту рѣчку соединить Донъ съ Волгою, но дѣло не удалось. По берегамъ Камышинки до послѣдняго времени были видны насыпи и рвы, а въ руслѣ еще не совсѣмъ сгнили сваи, вбитыя для устройства предположенныхъ здѣсь шлюзовъ. Петръ I, во время пребыванія своего въ Камышинѣ, велѣлъ поставить на магистратѣ мѣстный арбузъ— въ знакъ изобилія здѣсь арбузовъ. Въ 1774 г. здѣсь побывалъ Пугачевъ. Онъ разбилъ царскія войска, а коменданта крѣпости Меллина и всѣхъ гарнизонныхъ офицеровъ велѣлъ повѣсить близъ того буерака, который и теперь еще извѣстенъ подъ названіемъ ,,висѣльнаго"... Такова вкратцѣ исторія Камышина.

Рѣчка Камышинка лѣтомъ сильно мелѣетъ, но весной, при разливѣ Волги, долина ея наполняется водою. Въ это время на ней появляются для нагрузки и выгрузки различнаго рода суда и баржи буксирныхъ пароходовъ съ полнымъ грузомъ. Для сообщенія съ городомъ весною черезъ Камышинку устраивается переправа на паромѣ и лодкахъ отъ 100 до 400 саж. Впрочемъ, весенніе разливы Волги и Камышинки удерживаются высокими и крутыми берегами, а потому городъ не страдаетъ отъ наводненій. Ближайшая къ городу мѣстность разнообразится возвышенностями окрестныхъ горъ, мельницами по рѣчкѣ Камышинкѣ и фруктовыми садами, разведенными въ долинѣ. Лѣсу нѣтъ совершенно; долины покрыты скудною травою даже въ первыхъ числахъ мая, когда солнце еще не успѣло ее высушить. Лѣвый берегъ Волги здѣсь

представляетъ песчаную степь. Самый же городъ поражаетъ какимъ-то запустѣніемъ, несмотря на то, что въ немъ считается около 14,000 жителей. Зной, быстро смѣняющій зимній холодъ, не даетъ камышинцамъ понятія о веснѣ; въ концѣ мая, на вершинахъ горъ и ихъ покатостяхъ, трава желтѣетъ и придаетъ имъ какой-то печальный, безжизненный видъ. Порывистый степной вѣтеръ дуетъ большую часть дня, лѣтомъ поднимая на улицахъ страшную пыль и засыпая глаза пескомъ.

Въ Камышинѣ до послѣдняго времени сохранились развалины того дома, гдѣ нѣкогда помѣщалась городская дума; еще ранѣе того домъ принадлежалъ какому-то купцу, и въ немъ—по преданію—останавливался Петръ I. По расположенію комнатъ, уцѣлѣвшихъ въ развалинахъ, по маленькимъ дверямъ, узкимъ лѣстницамъ, неправильно расположеннымъ окнамъ и сводообразнымъ кладовымъ, занимавшимъ нижній этажъ или подклѣть, видно, что этотъ домъ построенъ въ XVII столѣтіи. На востокъ отъ этихъ развалинъ идетъ мостъ черезъ ровъ, отдѣлявшій нѣкогда городъ отъ посада. На лѣвомъ берегу Камышинки еще сохранился земляной валъ—остатокъ бывшаго здѣсь укрѣпленія. Къ числу остатковъ старины должно отнести и одну изъ четырехъ городскихъ церквей—именно Троицкій соборъ, построенный въ 1751 г.

Жители занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и разведеніемъ бахчей. Изъ здѣшнихъ арбузовъ гонятъ патоку, и они расходятся по внутреннимъ губерніямъ. Здѣшніе арбузы, какъ извѣстно, славятся своимъ вкусомъ и величиной. Главные предметы торговли: соль, хлѣбъ, строевой лѣсъ и лѣсной товаръ, приплавляемый изъ верховыхъ губерній: Костромской, Вятской и Пермской. Пшеница привозится съ луговой стороны и изъ нѣмецкихъ колоній, а именно—съ праваго берега Волги. Для сбыта существуютъ три пути: на Рыбинскъ, въ Дубовку, а оттуда по Дону до Ростова—и, наконецъ, внизъ по Волгѣ до Астрахани. Первые два пути служатъ для сбыта пшена и пшеницы, а въ Астрахань преимущественно отправляется ржаная мука. Съ Камышинской пристани отправляется вверхъ по Волгѣ много бахчевныхъ произведеній — особенно арбузовъ. Вообще на здѣшней пристани нагружается до 10 баржъ цѣнностью на 200 тыс. р., а разгружается 2—3 баржи и столько же плотовъ на сумму 25 т. р. На пристани находятъ себѣ заработокъ отъ 100 до 200 человѣкъ. Въ Хвалынскѣ есть городской общественный банкъ, мѣстное правленіе Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, двѣ библіотеки, пять книжныхъ магазиновъ, городское трехклассное училище, женское двухклассное, мужское приходское, духовное и реальное училище, аптека и больница. По воскресеньямъ и четвергамъ въ городѣ собираются базары, которые оживляются только осенью и зимой. Ярмарки—Никольская (съ 9 по 15 мая) и Воздвиженская (съ 14 по 22 сентября)—очень незначительныя.

Идя отъ Камышина внизъ и недоходя немного до Царицына, мы встрѣчаемъ по пути Дубовскій посадъ, составляющій ближайшій къ Дону приволжскій пунктъ и сдѣлавшійся издавна — вслѣдствіе того — складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, перевозимыхъ съ Волги на Донъ и обратно.

Дубовка основалась около 1734 г. Въ 1785 г. нѣсколько казачьихъ поселеній были названы Дубовскимъ посадомъ. Предполагаютъ, что это названіе произошло отъ дубоваго лѣса, который росъ въ тѣхъ мѣстахъ еще около 100 лѣтъ тому назадъ. Одна изъ станицъ, вошедшихъ въ составъ Дубовскаго посада и извѣстная подъ именемъ Волжскаго городка, особенно славилась своею торговлею и хорошею пристанью на правомъ берегу Волги. На мѣстѣ посада находили слѣды зданій Кипчакской орды, находили также не мало домашней посуды, украшеній и татарскихъ монетъ. Говорятъ, что атаманъ Волжскаго войска, Макаръ Персидскій, жившій въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, каждый годъ посылалъ по нѣсколько сотъ казаковъ раскапывать „Сарай“ и искать кладовъ. Разсказываютъ, что тамъ находили много драгоцѣнныхъ вещей: золотые браслеты, чаши, посуду золотую и серебряную, кольца, перстни, ятаганы, обложенные камнями и т. д. Атаманъ также вывозилъ оттуда

кирпичъ для построенья церкви. Весь иконостасъ онъ, будто бы, озолотилъ вырытымъ изъ Сарая золотомъ. Въ верхнемъ ярусѣ церкви находились изразцы въ сводѣ, съ изображеніемъ человѣческихъ лицъ, которыя, впрочемъ, были старательно заштукатурены, такъ какъ добрые люди приняли ихъ за изображеніе „нечестиваго Мамая". Церковь, заложенная Макаромъ Персидскимъ, въ 1761 г., была соборною церковью во имя Успенія и отличалась своею оригинальностью. она была выстроена съ десятью широкими главами, съ готическими изображеніями и узкими окнами. Мѣстами внутри — лѣпная работа, а самый иконостасъ окруженъ колоннами въ іоническо-коринѳскомъ стилѣ, затѣйливо и украшенными фантазіей художника. Вообще архитектура этого храма представляла удивительную смѣсь всевозможныхъ стилей и самыхъ разнохарактерныхъ украшеній. Колокольня съ церковью соединена небольшимъ переходомъ. Въ церкви до послѣдняго времени хранились два серебряные золоченые ковша, подаренные императрицею Елизаветой Петровной атаманамъ Волжскаго войска въ 1760 г. 13 сентября „за военныя дѣйствія". На этихъ ковшахъ находятся изображенія государыни и императорскій гербъ. Въ здѣшнемъ гостиномъ дворѣ, построенномъ изъ дикаго камня, сводъ былъ сдѣланъ изъ чрезвычайной толщины кирпича, также взятаго изъ татарскихъ развалинъ.

Сначала посадъ управлялся выборными людьми отъ общества, но когда Дубовская пристань стала привлекать къ себѣ купцовъ, промышленниковъ и массу рабочаго люда, тогда въ 1797 г. въ Дубовкѣ была открыта ратуша, имѣвшая власть судебную и полицейскую. Собственно же полиція была заведена лишь въ 1815 г. Явились тюрьмы, больницы, почтовыя конторы. Въ 1825 г. открыто приходское училище. Въ 50-хъ годахъ была устроена желѣзноконная дорога изъ Дубовки къ Качалинской станицѣ на Дону, но это предпріятіе не удалось, и грузы попрежнему перевозились на волахъ.

Въ настоящее время Дубовскій посадъ лучше многихъ и очень многихъ изъ нашихъ захолустныхъ уѣздныхъ городковъ. Жителей въ немъ 13 тысячъ, т.-е. почти столько же, какъ въ Хвалынскѣ. Въ Дубовкѣ есть и общественный банкъ, и фотографія, двухклассное мужское училище, начальныя училища—мужское, женское и смѣшанное.

Центръ посада расположенъ на ровномъ мѣстѣ и вообще выглядитъ довольно красиво. Домики съ садами раскинуты по косогору. Съ высоты косогора открывается прекрасный видъ на Волгу, которая вьется здѣсь широкою, голубою лентой, унося на своихъ волнахъ сотни судовъ. Неподалеку отъ пристани находятся трактиры, гостиницы. Въ посадѣ до 70 садовъ, и въ нихъ растутъ: виноградъ, яблоки, сливы, бергамоты, дули, груши, вишни; на бахчахъ—арбузы, дыни, огурцы. Особенно славятся здѣшнія дыни — „дубовки". На берегу во время навигаціи кипитъ дѣятельность. Тысячи рабочихъ толпятся на пристани и придаютъ всему мѣстечку очень оживленный видъ. Иные переваливаютъ на пристань тяжести, другіе тянутъ съ пристани. Ревъ быковъ, шумъ рабочаго народа, крики и пѣсни несутся отовсюду... Изъ Вятской и прочихъ верховыхъ губерній сплавляются сюда строевой лѣсъ, деготь, смола и др. предметы потребленія. Отсюда эти товары прежде сильно расходились по землѣ Войска Донского, на Кавказскую линію и въ Крымъ. Сюда же доставлялось много желѣза и чугуна съ гороблагодатскихъ заводовъ для Луганскаго литейнаго завода. Изъ промысловъ въ средѣ жителей посада развито рыболовство. На ярмарку, собирающуюся въ Дубовкѣ (съ 10 мая по 10 іюня) привозится товаровъ на 1.200,000 руб. среднимъ числомъ, а продается на 1 милл. р. Нѣкоторые полагаютъ, что вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги на Царицынъ значеніе Дубовки должно пасть. Такъ ли это: укажетъ будущее...

За Дубовкой слѣдуетъ Царицынъ, какъ городъ—за предмѣстьемъ.

Царицынъ основанъ около 1600 г., и въ древности былъ обнесенъ деревянною стѣною, а затѣмъ окруженъ валомъ, который замѣтенъ былъ до послѣдняго времени. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ основался Царицынъ, находились становища татаръ; отъ этихъ становищъ уцѣлѣли и понынѣ груды камней. Царицынъ, какъ и вообще всѣ приволжскіе низовые города, много

пережилъ бурь и невзгодъ на своемъ вѣку. На него нападали татары, кубанцы, шайки разбойниковъ—волжскихъ и донскихъ. Въ 1670 г. Царицынъ былъ взятъ Стенькой Разинымъ. Иванъ Лопатинъ, прибывшій со стрѣльцами изъ Москвы для усмиренія возстанія, былъ на голову разбитъ Разинымъ. Взбунтовавшіеся астраханскіе стрѣльцы въ 1705 г. напали на Царицынъ, но были отражены подоспѣвшими на помощь царскими войсками. Въ 1708 г. съ Дону появились Василій Булавинъ и Игнатій Некрасовъ, осадили Царицынъ, были отражены, но затѣмъ вторично напали на городъ и взяли его. Для защиты Царицына отъ набѣговъ проведена была до р. Дона—на 60 верстъ — земляная линія или валъ. На валу были возведены земляныя крѣпости, а въ крѣпостяхъ засѣли сторожевые люди. Петръ I на возвратномъ пути изъ Персидскаго похода посѣтилъ Царицынъ.

При проѣздѣ черезъ мостъ, устроенный на р. Царицѣ, Петръ будто бы обратился къ сопровождавшимъ его и молвилъ: „Какъ эта рѣчка есть Царица, то я жалую ее съ Царицынской крѣпостью моей царицѣ!" Въ другой разъ, окруженный народомъ, просившимъ его объ утвержденіи правъ города на землю, Петръ отдалъ царицынцамъ свою трость и сказалъ: „Вотъ вамъ моя трость! Какъ я управлялся ею съ друзьями, такъ вы обороняйтесь ею противъ враговъ!" Потомъ снялъ съ головы шапку и, отдавая народу, сказалъ: „Какъ никто не смѣетъ этотъ картузъ съ головы моей снять, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить!" Эти вещи, завѣщанныя Петромъ I Царицыну, до 1809 г. хранились у коменданта города, а затѣмъ перенесены въ Думу. Палка вырѣзана изъ черешни и довольно почтенныхъ размѣровъ (2 арш. слишкомъ длиною), съ большимъ сучкомъ, съ неочищенною корою и почернѣвшая отъ времени. А шапка—въ видѣ круглаго картуза изъ толстаго сѣраго сукна, съ откиднымъ козырькомъ, съ шелковой подкладкой сѣраго цвѣта—сильно поѣдена молью.

При Аннѣ Іоанновнѣ деревянная крѣпость была срыта, а вмѣсто нея городъ обведенъ землянымъ валомъ. Въ 1771 г. калмыки, уходя изъ русскихъ предѣловъ, какъ бы на прощанье разграбили часть Царицына и сожгли торговый рядъ съ товарами. Въ началѣ 1770-хъ годовъ Царицынъ принималъ сторону самозванца Богомолова. Особенно былъ памятенъ Царицыну 1774 г.—годъ Пугачевскаго разгрома. 21 августа Пугачевъ напалъ на Царицынъ, но былъ отбитъ гарнизономъ; вторичное нападеніе оказалось также безуспѣшно. При приближеніи Михельсона Пугачевъ скрылся въ степи. Черезъ годъ послѣ того здѣсь былъ пойманъ предводитель шайки, Заметневъ. Затѣмъ, вскорѣ два сильные пожара—16 октября 1791 г. и 3 іюля 1793 г.—истребили почти весь городъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ пожаровъ посѣтила Царицынъ еще болѣе ужасная гостья—моровая язва. Въ 1830 г. здѣсь свирѣпствовала холера, а въ наши дни (въ 1878 г.) въ здѣшней сторонѣ появилась какая-то ужасная эпидемія — въ родѣ чумы, названная „ветлянскою эпидеміей"—по имени того селенья, гдѣ она впервые появилась. Во время борьбы съ этой эпидеміей графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ сдѣлалъ Царицынъ своею резиденціей.

Царицынъ стоитъ на правой нагорной сторонѣ Волги, при устьи р. Царицы, и именно въ томъ пунктѣ Волги, гдѣ она круто поворачиваетъ на юго-востокъ къ Каспію. Городъ расположенъ по косогору, нѣсколько наклоненному къ югу; поэтому, грязь на городскихъ улицахъ не застаивается и онѣ почти всегда сухи. Прежде городъ раздѣлялся на три пути: на крѣпость, обведенную землянымъ валомъ, Преображенскую, отдѣлявшуюся отъ города большою площадью, и Зацарицынскую, отдѣлявшейся рѣчкой Царицей. Съ нагорной стороны природа бѣдная, обнаженныя горы и степи,—ни рощи, ни кустарника вокругъ. Лишь по берегу Царицы зеленѣютъ садики и разнообразятъ пейзажи. Вообще, чѣмъ ближе къ Царицыну, тѣмъ Волга становится шире, тѣмъ ниже и ниже становится и правый берегъ и тѣмъ пустыннѣе ея окрестности, занятыя кочующими инородцами съ ихъ стадами. Но Волга-матушка широкая здѣсь, безспорно, хороша... Рѣчка Царица или—вѣрнѣе сказать—оврагъ, по дну котораго протекаетъ Царица, дѣлитъ городъ пополамъ. Первая половина, вокругъ кото-

рой виднѣются остатки вала, когда-то окружавшаго городъ, отжила свое время, одряхлѣла; все тамъ вѣетъ стариной, на всемъ лежитъ ея неизгладимый отпечатокъ. Старыя церкви, старые, заброшенные корпуса лавокъ, ветхіе дома... Новая же часть города, съ пароходными пристанями, со станціей желѣзной дороги—растетъ и развивается. Здѣсь кипитъ жизнь, строятся новые дома, на каждомъ шагу попадаются лавки и лавочки, гостиницы, харчевни — и всюду развѣваются пестрые флаги кабачковъ. Пароходы пристаютъ у самаго того мѣста, гдѣ находится станція желѣзной дороги. Близъ вокзала виденъ рядъ вычурно разукрашенныхъ домовъ, построенныхъ для служащихъ при желѣзной дорогѣ. Въ Царицынѣ двѣ большія площади: одна въ центрѣ города, а другая между бывшею крѣпостью и преображенскою частью. Первая была застроена уже издавна. Тутъ находятся: соборъ, гостиный дворъ, лавки; тутъ продаются съѣстные припасы, а по воскресеньямъ бываютъ базары. На другой площади — тюремный замокъ, запасные магазины, мясной рядъ, хлѣбные магазины, цейхгаузы и проч.

Видъ на г. Царицынъ съ Волги.

Тутъ продается сѣно, овесъ, деготь, строевой лѣсъ и т. под. Въ городѣ 6 каменныхъ церквей. Въ Успенскомъ соборѣ есть старинное Евангеліе, напечатанное въ 1685 г.; печать и бумага очень хорошія; Евангеліе принесено въ даръ церкви думнымъ дворяниномъ Глѣбовымъ, при чемъ по листамъ его собственною рукою, между прочимъ, написано: „Изъ оныя церкви никуда не отдавать, чтобъ въ той соборной церкви было ни кѣмъ не отъемлено, донде же святая восточная церковь постоитъ". Въ Царицынѣ находятся: мужская и женская прогимназія, уѣздное училище, два мужскихъ приходскихъ и одно женское, общественная библіотека, два книжные магазина, двѣ типографіи и двѣ фотографіи, городской банкъ, больница и три аптеки. Жителей въ настоящее время въ Царицынѣ около 30 тыс.

Изъ мѣстныхъ промысловъ особенно распространены были съ давнихъ временъ: разведеніе садовъ, сѣяніе арбузовъ и дынь и рыболовство. Во время оно арбузы отсюда доставлялись ко двору Екатерины II, и при этомъ поставщикомъ ихъ былъ купецъ Ершовъ. Главные предметы торговли: рыба, соль, лѣсъ, скотъ, шкуры, шерсть — верблюжья и овечья. Лѣсъ пригоняется съ верховья и отправляется на Донъ. Рыба посылается на ярмарки: на Коренную, Урюпинскую и Крещенскую, а также въ Саратовъ, Москву и др. мѣста. Скотъ,

шкуры и шерсть продаютъ пріѣзжимъ торговцамъ изъ верховыхъ губерній. Красные товары и сукна доставляются сюда изъ Москвы и съ Макарьевской ярмарки. Вина вывозятся изъ Кизляра, Таганрога и съ Дона. Прежде еще происходила довольно выгодная торговля съ калмыками, но нынѣ она уже упала. Богатыя, многочисленныя стада исчезли, калмыки впали въ бѣдность. Лѣтъ 30 тому назадъ торговый оборотъ съ Калмыцкой ордой простирался до 250 тыс. руб.

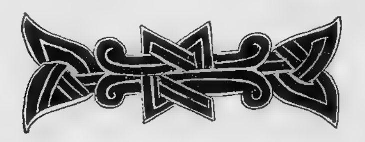
Въ Царицынѣ собираются двѣ ярмарки: Сплавная, съ 16 по 30 мая, и Покровская, съ 27 сентября по 3 октября; на нихъ привозится товаровъ на 1 милл. руб. и продается тысячъ на 500 рублей и болѣе. На Царицынской пристани въ періодъ навигаціи нагружается до 50 пароходовъ, до 25 баржъ, да нѣсколько другихъ судовъ, стоимостью до $1/2$ милл. руб. Разгружается здѣсь до 60 пароходовъ, около 300 баржъ, до 150 судовъ различныхъ названій и до 50 и болѣе плотовъ, а общая цѣнность груза доходитъ до 5 милл. руб. При разгрузкѣ находятъ себѣ занятіе до 6,000 судорабочихъ.

Въ торговомъ отношеніи Царицынъ имѣетъ громадное значеніе. Во-первыхъ, въ его распоряженіи вся Волга вверхъ и внизъ, и на Волгѣ—хорошая пристань. Во-вторыхъ, желѣзная дорога, идущая отсюда до Калача, связываетъ Царицынъ съ Дономъ, а слѣдовательно — съ Крымомъ и съ Чернымъ моремъ. Въ-третьихъ, желѣзная дорога изъ Грязи связываетъ его съ самой сердцевиной русскаго государства. Вслѣдствіе такого выгоднаго положенія, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, стали расти быстро, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ. Во время навигаціи Царицынъ совершенно принимаетъ характеръ международнаго города. Въ это время на улицахъ и площадяхъ его сходятся и рабочіе изъ великоруссовъ, и малороссы, и степные обитатели — татары, калмыки, киргизы. Калмыки и киргизы являются на верблюдахъ для закупки хлѣба, курительнаго табаку, пестряди, выбойки, папки и тому подобныхъ вещей, необходимыхъ для домашняго быта кочевниковъ. Тогда шумъ стоитъ на улицахъ царицынскихъ: слышно лошадиное ржанье, ревъ быковъ, скрипъ арбъ, крики... и при этомъ полная и пестрая смѣсь „одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“!.. Таковъ Царицынъ.

Хороши волжскіе города. Но они могли бы быть лучше, и мы надѣемся для нихъ на лучшее будущее. Вмѣстѣ съ поэтомъ мы уже „провидимъ начало иныхъ временъ“, когда „народъ, освобожденный отъ оковъ, густо заселитъ прибрежныя пустыни, наука воды углубитъ“ и по Волгѣ „несчетною толпой побѣгутъ суда-гиганты“,—

«И будетъ вѣченъ бодрый трудъ
Надъ вѣчною рѣкою»...

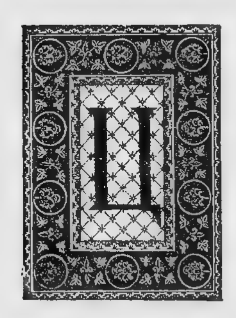
П. Засодимскій.

ОЧЕРКЪ VIII.

ВАЖНѢЙШІЕ ГОРОДА И ТОРГОВЫЯ СЕЛЕНІЯ ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ВОЛГИ.

Пенза, Саранскъ, Нижній-Ломовъ, Бузулукъ, Алатырь, Аткарскъ, Петровскъ, Кузнецкъ, Сердобскъ. — Сухопутная торговля края и желѣзные пути, ведущіе къ Волгѣ.

ѢЛЬЮ правительства завести колонію у стеченія рѣкъ Пензы и Суры основывалось на томъ, чтобы краю сему дать надежный пунктъ къ оборонѣ противъ враждебныхъ и хищныхъ народовъ, составившихся изъ различныхъ татарскихъ племенъ, остатковъ тѣхъ завоевателей, кои подъ знаменами Чингиса, Аттилы и Батыя переходили отъ востока къ западу и столько достопамятныхъ перемѣнъ произвели въ событіяхъ свѣта" — вотъ что говорится въ исторической запискѣ, найденной въ архивѣ Пензенскаго губернскаго правленія въ дѣлѣ о пребываніи въ этой губерніи Великаго князя Михаила Павловича въ 1817 году. Цѣль, значитъ, была чисто стратегическая, и въ этомъ отношеніи Пенза походитъ на многіе другіе города, возникшіе въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Когда собственно былъ основанъ городъ, въ точности еще не установлено.

Въ книгѣ Большого Чертежа, писанной около 1627 года, упоминаются рѣки Сура и Пенза, но не говорится ни о какомъ на нихъ поселеніи. Съ другой стороны извѣстно, что по указу царя Алексѣя Михайловича воевода Логиновъ въ 1666 году уже построилъ около города Пензы посадъ и слободы, а потому должно полагать, что Пенза построена въ промежутокъ этого времени, т.-е. не ранѣе первой половины XVII столѣтія. Обыкновенно основаніе этого города относятъ къ 1666 году. Городъ состоялъ первоначально изъ деревянной крѣпости, находившейся на мѣстѣ главной площади, гдѣ нынѣ стоитъ соборъ; въ то время въ крѣпости стояла дубовая церковь Спаса, сохранявшаяся до 1700 года.

Пензѣ неоднократно приходилось терпѣть отъ всевозможныхъ нашествій. Въ 1670 году городъ былъ взятъ толпами Стеньки Разина, а десять лѣтъ спустя жестоко пострадалъ отъ нападенія башкировъ. Въ 1717 году на Пензу напали кубанцы. Объ этомъ послѣднемъ нашествіи упомянутая уже нами историческая записка сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности: „на городъ Пензу и на подчиненные ему пригороды Рамзай и Мокшанъ было многочисленное кубанское нападеніе, называемое тогда погромомъ. Хищные народы, почитая занятыя поселенными вновь слободами земли принадлежащими себѣ, производили всѣ свойственныя варварамъ лютости и насилія. Войско ихъ 4-го августа того же года осадило го-

родъ Пензу, но храбростью жителей, разставленныхъ по валу и съ деревянныхъ башенъ, называемыхъ Саратовскою, Пензенскою, Красною и Глухою, и поспѣшившимъ на помощь къ нимъ съ вооруженными людьми уѣзднымъ дворянствомъ четыре дня было отбиваемо. Послѣ жаркихъ приступовъ и упорныхъ сопротивленій, непріятель замыслилъ рѣшительное на всѣ городскія укрѣпленія нападеніе, — разрушить башни и городъ съ защитниками огнемъ и мечомъ истребить до основанія. Уныніе овладѣло осажденными вѣроятно потому, что силы непріятеля были многочисленны: ибо, по словамъ преданія, страхъ и отчаяніе ихъ происходили болѣе отъ того, что ожидаемый въ городъ полкъ, на который они полагали всю надежду, въ столь нужное время не прибылъ.

Начальники, воинство и народъ въ жестокой сей крайности обратились со всѣмъ ихъ упованіемъ къ единому подателю побѣдъ—Богу. Всѣ проливали теплыя моленія передъ святою иконою Божіей Матери, прося ея заступленія въ предстоящемъ бѣдствіи и Богъ услышалъ вопль погибающаго своего народа. Какъ въ незабвенную эпоху нашихъ временъ ознаменовалъ Онъ особенную благодать свою къ Россіи сокрушеніемъ исполинскихъ силъ, собранныхъ противъ нея властелиномъ Франціи изъ всѣхъ царствъ Европы и покореніемъ самой столицы сего къ повсемѣстнымъ тріумфамъ привыкшаго завоевателя, такъ и тогда явилъ чудесную помощь прибѣгнувшимъ подъ защиту Его рабамъ своимъ. Внезапная перемѣна послѣдовала въ станѣ кубанцевъ. Покрытыя оружіемъ тысячи ихъ готовились къ начатію грознаго приступа, вдругъ осажденные увидѣли съ высоты укрѣпленій, что все кубанское войско поспѣшно удаляется отъ города, какъ будто оно бѣжало предъ побѣдоноснымъ непріятелемъ. Возвратившіеся изъ плѣна россіяне слышали отъ бывшихъ подъ Пензою кубанцевъ, что они, положивъ непремѣнное намѣреніе взять и истребить городъ, въ самый день приступа поражены были необыкновеннымъ ужасомъ. Робость и замѣшательство разстроили отважнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ. Никто не смѣлъ говорить о нападеніи. Всѣ находили спасеніе въ быстромъ отступленіи *).

Пенза не избѣгнула также и той участи, которую пришлось въ свое время испытать многимъ городамъ Поволжскаго края. Мы имѣемъ здѣсь въ виду знаменитый походъ Пугачева: въ 1774 году казаки Пугачева вторглись въ Пензу и взяли ее.

Въ 1708 году Пенза была приписана къ Казанской губерніи, а въ 1719 ее преобразовали въ отдѣльный провинціальный городъ. Въ 1780 году Пенза становится главнымъ городомъ Пензенскаго намѣстничества. Когда же послѣднее было уничтожено, Пенза превратилась въ уѣздный городъ Саратовской губерніи. Такъ длилось вплоть до 1801 года: въ этомъ году Пенза была назначена губернскимъ городомъ Пензенской губерніи. Въ числѣ многочисленныхъ губернаторовъ этого города былъ и знаменитый графъ Сперанскій, который управлялъ Пензой съ 1816 по 1819 годъ.

Достопримѣчательностями, на которыхъ стоило бы остановиться подробнѣе, Пенза не можетъ похвастаться. Въ ней имѣется два монастыря: Спасопреображенскій и Троицкій. Первый мужской и находится въ одной верстѣ отъ города. Второй женскій. Онъ основанъ еще въ 1691—93 гг. и имѣетъ 2 церкви: во имя Св. Троицы, основанную въ 1747 году, и Св. Александра Свирскаго, построенную въ 1782 году. И тотъ другой монастырь принадлежатъ къ разряду третьеклассныхъ. Православныхъ церквей въ Пензѣ имѣется 29 и 5 часовенъ. Къ числу главнѣйшихъ принадлежитъ Спасо-Преображенскій соборъ, заложенный въ 1800 году и освященный въ 1821. Спасо-Преображенская церковь—самая древняя. Какъ полагаютъ, она основана въ началѣ XVIII или даже въ концѣ XVII столѣтія. Въ прежнее время при ней находился монастырь. Какъ извѣстно изъ исторіи, черезъ Пензу прошелъ въ свое время Пугачевъ. Воспоминаніемъ о немъ служитъ подземный ходъ подъ рѣкой Пензой, выходящій въ

---

*) Изъ описанія чудесъ иконы Казанской Божіей Матери, хранящейся въ Пензенскомъ соборѣ.

Общій видъ г. Пензы съ восточной стороны. (Фотографія Вакуленко).

Городищенскій лѣсъ. Вплоть до недавняго сравнительно времени въ Пензѣ существовалъ также домъ, въ которомъ жилъ когда-то самозванецъ. Этотъ сгорѣвшій теперь домъ помѣщался по Никольской улицѣ, противъ зданія епархіальнаго училища. Но чѣмъ Пенза особенно отличается, такъ это обиліемъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній и въ данномъ отношеніи ей позавидовали бы многіе русскіе города съ одинаковымъ - и даже большимъ по численности населеніемъ. Въ ней имѣются: 2 мужскія гимназіи (свыше 700 учащихся), одна женская (свыше 500 ученицъ), реальное училище, духовная семинарія, при которой существуетъ образцово поставленная начальная школа (въ той и другой число учащихся превышаетъ 400), епархіальное женское училище, женская прогимназія, 2 духовныхъ училища, учительская семинарія, землемѣрное училище, садоводства, техническое-желѣзнодорожное, фельдшерское, школа сельскихъ повитухъ, уѣздное училище, 11 начальныхъ училищъ (6 мужскихъ и 5 женскихъ), 2 училища для обоего пола, 3 частныхъ учебныхъ заведенія, монастырская школа, 2-хъ-классная церковно-приходская школа, женская ремесленная школа и ремесленная школа для мальчиковъ. Помимо того, Пенза обладаетъ хорошей рисовальной школой, открытой въ 1897 г., съ прекрасной картинной галлереей и библіотекой, пожертвованными Н. Д. Селиверстовымъ. Этотъ, довольно длинный перечень наглядно свидѣтельствуетъ о томъ серьезномъ значеніи, какое придаетъ Пенза учебному дѣлу. Городъ не останавливается при томъ на достигнутыхъ уже успѣхахъ, а постоянно прилагаетъ самыя усиленныя заботы къ дальнѣйшему развитію существующихъ учебныхъ заведеній. Это можно ему поставить въ особенную заслугу. Въ Пензѣ существуетъ въ настоящее время 5 библіотекъ. Самая лучшая среди нихъ Лермонтовская, основанная въ 1892 году, при которой находится народная читальня.

Въ торговомъ отношеніи Пенза много теряетъ какъ отъ неудобства путей сообщенія, такъ и отъ сосѣдства торговыхъ городовъ: Нижняго, Саратова, Симбирска и Моршанска. Почти единственнымъ, дѣйствительно удобнымъ путемъ служитъ рѣка Сура, на которой имѣется при городѣ пристань. Кромѣ удовлетворенія мѣстныхъ жителей всѣми нужными предметами, получаемыми изъ Нижняго и Москвы, мѣстное купечество торгуетъ преимущественно спиртомъ, хлѣбомъ, скотомъ, лѣсомъ и разными продуктами сельскаго хозяйства губерніи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ приведены нѣкоторыя цифры о вывозѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній изъ Пензы. Фабрикъ и заводовъ въ Пензѣ насчитывается 162 съ общимъ производствомъ въ 817 тысячъ рублей: писчебумажная фабрика, 5 паровыхъ мельницъ, 2 солодовни, 3 восковосвѣчныхъ завода, 132 кирпичныхъ завода, пиво-медоваренный заводъ, водочный, маслобойня, канатный заводъ, 2 дрожжевыхъ, 3 лѣсопильныхъ, 2 чугунно-литейныхъ, спичечный, 2 кожевенныхъ, мыловаренный, 3 заведенія для производства сельско-хозяйственныхъ машинъ.

Что касается Пензенскаго уѣзда, то главное занятіе жителей составляютъ сельскіе промыслы, особенно хлѣбопашество. Преимущественно здѣсь сѣютъ рожь и овесъ. Подъ посѣвомъ первой здѣсь находится ежегодно около 68 тысячъ десятинъ, а подъ второй отводится $27^1/_2$ тысячъ. Хлѣбъ производится въ избыткѣ и излишекъ его идетъ на винокуреніе. Кромѣ того, сѣется много конопли, сѣмя которой идетъ на маслобойни. Въ селеніяхъ, расположенныхъ около города, развито затѣмъ огородничество. Особенно имъ славится с. Безсоновка, гдѣ подъ посѣвы лука и другихъ овощей крестьяне употребляютъ всю свою землю. Садоводство мало процвѣтаетъ, хотя у нѣкоторыхъ владѣльцевъ сады приносятъ довольно порядочный доходъ; скотоводство довольно развито, и среди помѣщиковъ нѣкоторые занимаются развитіемъ тонкорунныхъ овецъ; изъ другихъ промысловъ наиболѣе извѣстны мелочная торговля хлѣбомъ, скотомъ и другими произведеніями, извозъ товаровъ въ Нижній и прочіе города, шерстобитство, битье постнаго масла, плотничество, а также работы во время навигаціи по рѣкѣ Сурѣ.

По даннымъ переписи 1897 года въ Пензѣ насчитывается 55,680 жителей: 28,207 мужчинъ и 27,473 женщинъ.

Саранскъ, уѣздный городъ Пензенской губерніи, находится при рѣчкахъ Инсарѣ и Са-

ранкѣ и основанъ въ 1680 году. Въ 1682 году о немъ упоминается въ нѣкоторыхъ актахъ, гдѣ онъ названъ низовымъ. Въ 1708 году Саранскъ былъ приписанъ къ Азовской губерніи, а съ 1719 года находился въ предѣлахъ Пензенской провинціи, Казанской губерніи. Въ 1780 году Саранскъ былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Пензенскаго намѣстничества, а восемнадцать лѣтъ спустя онъ вошелъ въ составъ Симбирской губерніи. Такъ продолжалось до 1801 года, когда Саранскъ снова присоединился къ Пензенской губерніи. Въ половинѣ текущаго столѣтія городъ былъ сильно истребленъ случившемся тогда пожаромъ, при чемъ отъ него погибли лучшія постройки города: 6 церквей, 480 домовъ и множество лавокъ. Но съ тѣхъ поръ Саранскъ успѣлъ уже обстроиться и принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ въ Пензенской губерніи.

Главную достопримѣчательность Саранска составляетъ Петропавловскій мужской монастырь

Общій видъ сѣверной части г. Пензы съ высоты соборной колокольни. (Фотографія Вакуленко).

(третьяго класса). Онъ основанъ въ 1684 году на основаніи грамоты, полученной отъ патріарха Адріана. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ этотъ монастырь перевели упраздненный тогда Ильинскій монастырь. Поэтому онъ тоже получилъ названіе Ильинскаго, которое сохранилось вплоть до 1775 года. Въ настоящее время въ монастырѣ имѣется 2 церкви, одна изъ нихъ соборная во имя апостоловъ Петра и Павла. Она основана въ 1787 году. Другая церковь — храмъ Воздвиженія Креста — извѣстна тѣмъ, что въ ней хранится древняя икона Богородицы въ богатой ризѣ. Съ 1797 года управленіемъ Петропавловскаго монастыря завѣдуютъ архимандриты. Въ уѣздѣ Саранска, близъ села Большого Вьясса, находится Вьясская-Владимірская мужская пустынь, съ 4 церквами и иконою Владимірской Божьей Матери, къ которой народъ питаетъ особенное уваженіе. Съ 1713 по 1764 годъ пустынь была монастыремъ, а въ 1764 году монастырь былъ упраздненъ и приписанъ къ селу Большому Вьяссу. Въ 1800 году пустынь вошла въ составъ Саранскаго Владимірскаго монастыря. Въ 1853 году ее снова возстановили подъ названіемъ Вьясско-Владимірской пустыни.

Торговля Саранска весьма значительна. Главными ея предметами служатъ: хлѣбъ, пенька, сало, спиртъ, кожи, конопляное масло, сукно и въ незначительномъ количествѣ воскъ, медъ и сахарный песокъ. Всѣ эти товары сбываются въ уѣздѣ, частью же выдѣлываются въ самомъ городѣ. Рожь направляется на сурскія пристани, а также на ближайшіе винокуренные заводы; овесъ и гречневая крупа идутъ въ г. Починки; горохъ вывозится въ незначительномъ количествѣ; пенька отправляется на Нижегородскія и Горбатовскія канатныя фабрики. Конопляное масло и свиныя туши идутъ въ Москву; сало идетъ въ обѣ столицы; кожевенный товаръ сбывается въ земли Войска Донского и въ другія мѣста.

Нижній-Ломовъ или Нижеломовъ, уѣздный городъ Пензенской губерніи, расположенный въ 103 верстахъ отъ Пензы, былъ первоначально укрѣпленнымъ пунктомъ, построеннымъ по указу царя Михаила Ѳедоровича. Онъ находился въ то время въ тогдашнемъ Темниковскомъ уѣздѣ и составлялъ часть укрѣпленій, отъ которыхъ сохранился нынѣ только валъ, идущій по рѣкѣ Мокшѣ отъ Верхняго до Нижняго Ломова. Возлѣ этого укрѣпленія появилась впослѣдствіи Ломовская слобода. Въ 1708 году Нижній-Ломовъ приписали къ Азовской губерніи, а одиннадцать лѣтъ спустя онъ вошелъ въ составъ Тамбовской провинціи той же губерніи. Въ 1780 году Нижній-Ломовъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Пензенскаго намѣстничества. Когда это намѣстничество было упразднено—въ 1798 г. — и городъ и уѣздъ его отошли къ Тамбовской губерніи. Такъ продолжалось до 1801 года: въ этомъ году Нижній-Ломовъ опять былъ причисленъ къ вновь учрежденной Пензенской губерніи.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія населеніе Нижняго-Ломова было весьма немногочисленное и бѣдное: по описи 1763 года, въ немъ насчитывалось 1,390 бѣдныхъ крестьянъ, жившихъ въ убогихъ хижинахъ. Съ тѣхъ поръ численность населенія выросла и матеріальное его положеніе успѣло нѣсколько упрочиться, хотя, правда, въ слабой степени.

Среди немногихъ достопримѣчательностей слѣдуетъ упомянуть только о Богородицкомъ Казанскомъ мужскомъ монастырѣ, находящемся неподалеку отъ города, и объ Успенской женской общинѣ, основанной въ 1849 году при кладбищенской Успенской церкви купцомъ Волковымъ.

Упомянутый монастырь принадлежитъ къ числу монастырей второго класса и основанъ въ 1645 году по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича вслѣдствіе явленія здѣсь чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Здѣсь 4 каменныхъ церкви. Обитель находится подъ управленіемъ архимандритовъ. Въ посадѣ Нижняго-Ломова, при церкви Покрова, существовалъ еще раньше Покровскій женскій монастырь, исторія котораго неизвѣстна.

Жители занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, а также и садоводствомъ. Немалое число жителей уходитъ сверхъ того въ другія мѣстности и находятъ себѣ тамъ заработокъ въ тѣхъ или иныхъ занятіяхъ. Находящееся здѣсь купечество ведетъ торговлю хлѣбомъ, шерстью и нѣкоторыми другими предметами. Въ фабрично-заводскомъ отношеніи Нижній-Ломовъ не играетъ большой роли.

Въ уѣздѣ этого города сельское хозяйство тоже составляетъ главное занятіе жителей. Сѣютъ преимущественно рожь, овесъ и гречу, но кромѣ того разводятъ горохъ, ячмень и пшеницу. Хлѣбъ получается въ избыткѣ и излишекъ его идетъ на продажу и на винокуреніе. Въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ сѣютъ затѣмъ много конопли, изъ сѣмянъ которой бьютъ постное масло, служащее предметомъ вывоза. Среди землевладѣльцевъ нѣкоторые усердно занимаются разведеніемъ улучшенныхъ породъ лошадей и скота. Въ тѣхъ мѣстностяхъ уѣзда, которыя изобилуютъ лѣсомъ, развито пчеловодство, бондарное ремесло, изготовленіе телѣгъ, колесъ и пр. Наконецъ, жители занимаются еще выдѣлкой шерсти, валяніемъ канатовъ, а также рыбной ловлей.

Бузулукъ, уѣздный городъ Самарской губерніи, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Самары и по рѣкѣ Домашкѣ, близъ впаденія рѣки Бузулука въ Самару, представлялъ собою

первоначально крѣпость, которая была основана въ 1736 году при самомъ устьѣ рѣки Бузулука. Для данной цѣли мѣстность оказалась, однако, далеко непригодной, такъ какъ она черезчуръ низменная. Вотъ почему Бузулукскую крѣпость оставили лишь недолго и перенесли ее къ рѣкѣ Домашкѣ и селу Банному. Въ 1775 году на городъ произвелъ нападеніе Пугачевъ, но это нападеніе было удачно отбито генераломъ Мансуровымъ. Шесть лѣтъ спустя Бузулукъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Уфимскаго намѣстничества. Черезъ четыре года городъ потерпѣлъ ужасное бѣдствіе: онъ былъ истребленъ пожаромъ. Въ 1804 году Бузулукъ былъ назначенъ штатнымъ городомъ Оренбургской губерніи, а въ 1851 году его приписали къ Самарской губерніи, въ предѣлахъ которой онъ находится и понынѣ.

Изъ достопримѣчательностей Бузулука слѣдуетъ упомянуть только о Тихвинскомъ Богоро-

Г Пенза. Каѳедральный соборъ.

дицкомъ женскомъ монастырѣ, находящемся въ самомъ городѣ, и о Спасо-Преображенскомъ мужскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1853 году и расположенномъ въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Бузулука.

Жителей насчитывается здѣсь въ настоящее время 13,289 душъ обоего пола: православныхъ—12,680, раскольниковъ—161, магометанъ—425, прочихъ исповѣданій 23.

Среди существующихъ въ городѣ промышленныхъ заведеній особенно замѣчателенъ колокольный заводъ. Производимыя имъ издѣлія пользуются большой извѣстностью не только въ мѣстномъ краѣ, но и въ другихъ губерніяхъ.

Въ Бузулукскомъ уѣздѣ главнымъ занятіемъ жителей является хлѣбопашество. Въ прежнее время процвѣтало сильно и скотоводство, но теперь оно успѣло значительно упасть. Земля даетъ въ общемъ прекрасные урожаи, но за послѣдніе годы эти урожаи получаются довольно плохіе. Данное явленіе слѣдуетъ, однако, назвать преходящимъ. Оно находится въ связи съ постигающими Россію неурожаями.

Алатырь, уѣздный городъ Симбирской губерніи, расположенный на лѣвомъ берегу Суры, при впаденіи въ нее рѣки Алатыря, основанъ въ 1552 году, по указу Іоанна Грознаго, въ то время, когда онъ совершалъ походъ на Казань. По сохранившемуся преданію, городъ заложенъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находился станъ царя. Самъ Грозный принималъ въ основаніи и въ обстройкѣ Алатыря очень близкое участіе. Такъ, напримѣръ, уже при немъ здѣсь была сооружена соборная церковь съ придѣломъ во имя Іоанна Предтечи. Среди прочихъ сокровищъ, въ этомъ соборѣ и до сихъ поръ хранится образъ усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, поставленный царемъ Іоанномъ IV. Помимо того, въ соборѣ имѣются и другія вещи, которыя были пожалованы основателемъ Алатыря. Изъ исторіи извѣстно, что цѣлый рядъ городовъ этого края былъ основанъ изъ соображеній чисто стратегическаго характера. Та же самая цѣль преслѣдовалась и при основаніи Алатыря: онъ долженъ былъ служить для нашихъ восточныхъ окраинъ оплотомъ отъ набѣговъ казанскихъ татаръ. Объ Алатырѣ говорится затѣмъ неоднократно. Между прочимъ, о немъ упоминаютъ подъ 1607 годомъ, когда многіе русскіе города, не признавая царя Василія Шуйскаго, отложились отъ него и вступили съ нимъ въ упорную борьбу. Къ числу такихъ городовъ принадлежалъ и Алатырь. По этому поводу лѣтописецъ передаетъ слѣдующее: „Орзамасъ и Олатарь и съ уѣздами были въ измѣнѣ, отъ царя Василія отложилися... и на Олатарѣ воеводу Ждана Сабурова алатырскіе воры въ воду посадили". Во время происходившихъ потомъ мятежей Алатырь подвергся не только сильнымъ опустошеніямъ, но и полнѣйшему разоренію. Русскіе цари не оставили его, однако, безъ вниманія. По указу Алексѣя Михайловича, на старой чертѣ города, въ 30 верстахъ отъ Суры, былъ основанъ новый. Самую дѣятельную роль при постройкѣ этого новаго города игралъ алатырскій воевода Иванъ Еверлаковъ. Городъ представлялъ собою небольшую крѣпость и находился къ сѣверу отъ современнаго Алатыря. Въ первое время населеніе его составляли казаки, стрѣльцы, пушкари и посадскіе. Въ 1708 году Алатырь присоединили къ Казани, въ видѣ пригородка. Когда въ 1780 году было учреждено симбирское намѣстничество, то Алатырь преобразовали въ уѣздный городъ этого намѣстничества. По упраздненіи намѣстничества онъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Симбирской губерніи.

Что касается достопримѣчательностей Алатыря, то здѣсь главнымъ образомъ слѣдуетъ упомянуть о тамошнихъ монастыряхъ. Древнѣйшій изъ нихъ это Троицкій, основаніе котораго въ точности неизвѣстно. Онъ существовалъ уже въ 1612 году, т.-е. въ эпоху смуты. Въ эту тяжелую для Россіи эпоху монастырь перенесъ жестокое разореніе и, чтобы спасти его, монахи стали просить, чтобы Троицко-Сергіева лавра приняла его подъ свое покровительство. Такая просьба была, конечно, уважена. Въ настоящее время Троицкій Алатырскій монастырь принадлежитъ къ разряду монастырей третьяго класса и насчитываетъ лишь немного монаховъ: въ 1887 году всей братіи было всего 51 человѣкъ. Кромѣ этого мужского монастыря, въ Алатырѣ существуетъ также и женскій, основанный въ 1639 году, Кіево-Николаевскій или Николаевскій-Новый. Названіе Кіевскій объясняется тѣмъ, что монастырь былъ основанъ игуменьей прилуцкаго покровскаго Лиденскаго монастыря Елизаветой, которая бѣжала изъ Кіева отъ гоненія католиковъ. Николаевскій монастырь она основала на основаніи грамоты, полученной отъ царя Михаила Ѳеодоровича. Монастырь находился сперва внѣ Алатыря и уже черезъ 29 лѣтъ послѣ основанія пришелъ въ очень ветхое состояніе. Такому обветшанію сильно способствовала также и болотистая почва. Это обратило на себя вниманіе Алексѣя Михайловича, который въ 1668 году приказалъ перенести монастырь на другое мѣсто. Вмѣстѣ съ этимъ переносомъ онъ получилъ и новое названіе: вмѣсто николаевскаго монастырь сталъ называться съ тѣхъ поръ Ново-Никольскимъ. Но и тутъ монастырь существовалъ не долго: черезъ 22 года онъ сгорѣлъ до-тла. Игуменья Паисія обратилась тогда къ воеводѣ князю Барятинскому съ просьбой похлопотать за монастырь передъ царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами. Послѣдніе снизошли на эту просьбу и оказали монастырю соотвѣтственную матеріальную помощь

Съ тѣхъ поръ монастырь успѣлъ довольно порядочно обстроиться и въ настоящее время въ немъ существуютъ три каменныя церкви: Вознесенія Господня, Покрова Богородицы и Николая Чудотворца. Ново-Никольскій монастырь тоже относится къ числу третьеклассныхъ и насчитываетъ около 250 инокинь. Вплоть до 1764 года въ Алатырѣ имѣлся еще мужской Духовъ монастырь. Нынѣ онъ упраздненъ и превратился въ церковь, расположенную въ 2 верстахъ къ югу отъ Алтыря, близъ праваго берега Суры.

Помимо монастырей, въ Алатырѣ существуетъ еще 9 каменныхъ церквей—въ томъ числѣ 2 собора—и деревянныя. Если принять во вниманіе малонаселенность Алатыря, то число существующихъ тамъ учебныхъ заведеній оказывается вполнѣ достаточнымъ. Въ этомъ городѣ имѣются: мужская и женская прогимназіи, городское 3-хъ-классное училище, мужское приходское

Г. Пенза. Губернскія присутственныя мѣста.

училище и волостное. Что касается торговли, то жители Алатыря занимаются главнымъ образомъ мелочной торговлей. Лѣтъ 50 тому назадъ, они вели, правда, значительный торгъ хлѣбомъ, направляя его въ Рыбинскъ, и рыбою — преимущественно сушеными и мерзлыми стерледями, но въ настоящее время эта отрасль торговли успѣла упасть очень сильно и не играетъ видной роли въ хозяйственной жизни Алатыря. Въ промышленномъ отношеніи городъ тоже не можетъ похвастаться, такъ какъ общій оборотъ всѣхъ существующихъ въ немъ промышленныхъ заведеній не превышаетъ одного милліона рублей въ годъ. Среди этихъ промышленныхъ заведеній главную роль играетъ мукомольная мельница съ производствомъ около 400.000 рублей въ годъ и водочный заводъ, оборотъ котораго равенъ приблизительно той же суммѣ. Кромѣ того, Алатырь занимается варкой пива и меда и выдѣлкой кирпича.

Въ Алатырскомъ уѣздѣ развито хлѣбопашество, при чемъ главное вниманіе обращаютъ на рожь, яровую пшеницу, овесъ, картофель и гречиху. Помимо хлѣбопашества, немаловажную роль играетъ и скотоводство: въ 1887 году въ уѣздѣ было около 160 тысячъ головъ всевозмож-

наго скота, лошадей, рогатаго скота, овецъ простыхъ и тонкорунныхъ, свиней и козъ. Такъ какъ въ данной мѣстности сохранилось довольно много лѣсовъ, то вполнѣ естественно, что разные лѣсные промыслы нашли себѣ въ Алатырскомъ уѣздѣ благодарную почву и развиваются весьма успѣшно. Здѣсь изготовляютъ, напримѣръ, деготь, гонятъ смолу, добываютъ поташъ, занимаются выдѣлкой колесъ, дугъ и проч. Въ смыслѣ промышленныхъ заведеній уѣздъ вполнѣ сходенъ съ самимъ Алатыремъ. Ихъ очень немного—винокуренный заводъ, мукомольныя мельницы, крупообдирки, маслобойни и нѣкоторыя другія — и ежегодное ихъ производство не превышаетъ полумилліона рублей.

На мѣстѣ нынѣшняго Аткарска въ XIV столѣтіи существовало село Иткара или Еткара. Это названіе оно получило отъ татарскаго хана Иткара, о которомъ упоминается въ исторіи подъ 1358 годомъ. Въ окрестностяхъ города до сихъ поръ сохранились курганы, въ которыхъ находили разныя древности. Когда въ 1781 году было учреждено Саратовское намѣстничество, село Иткара стало называться Аткарскомъ и сдѣлалось уѣзднымъ городомъ этого намѣстничества.

Жители Аткарска торгуютъ преимущественно хлѣбомъ, особенно рожью, привозимой изъ сѣверной части Аткарскаго уѣзда. Что-же касается существующихъ въ городѣ промысловъ, то они очень незначительны и развиваются крайне слабо.

Населеніе уѣзда занимается почти только земледѣліемъ и скотоводствомъ и первое занятіе приноситъ жителямъ большой барышъ, такъ какъ почва уѣзда повсюду черноземная и плодородная, за исключеніемъ лишь береговъ Медвѣдицы, гдѣ встрѣчаются пески. На десятину средній урожай хлѣбовъ слѣдующій: ржи 49 пудовъ, овса—43 пуда и яровой пшеницы 35 пудовъ. Въ прежнее время немалое количество хлѣба сплавлялось по рѣкѣ Медвѣдицѣ, а нынѣ этотъ сплавъ успѣлъ сильно сократиться и хлѣбъ идетъ по желѣзнымъ дорогамъ, Тамбово-Саратовской и Грязе-Царицынской. Средоточіемъ торговли рожью является городъ Аткарскъ и нѣкоторыя другія мѣстности, расположенныя по желѣзной дорогѣ. Центромъ средней части уѣзда служитъ слобода Баланда, которая стягиваетъ къ себѣ запасы пшеницы. Главнымъ пшеничнымъ рынкомъ для южной части Аткарскаго уѣзда можно считать слободу Елань. Пшеница эта скупается мѣстными торговцами и направляется затѣмъ къ Царицынской желѣзной дорогѣ. Въ двухъ названныхъ селахъ, т.-е. въ Елани и Баландѣ, бываютъ большіе базары. Изъ южной части уѣзда помимо хлѣба идетъ въ значительномъ количествѣ и льняное сѣмя. На ярмаркахъ торгуютъ, наконецъ, саломъ, кожами и шерстью. Въ фабрично-заводскомъ отношеніи Аткарскій уѣздъ нельзя считать выдающимся. Болѣе или менѣе развиты лишь мельницы и винокуренные заводы, что весьма естественно вслѣдствіе преобладающаго земледѣльческаго характера этого края.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ Аткарскъ насчитывалъ 6,324 жителя обоего пола, а нынѣ населеніе этого города доходитъ до 7,900. Во всемъ уѣздѣ имѣется около 206 тысячъ жителей. Главную массу ихъ составляютъ великороссы Кромѣ того, здѣсь проживаетъ довольно много колонистовъ изъ нѣмцевъ.

Городъ Петровскъ, бывшее нѣкогда большое село, окруженное лѣсомъ, основанъ императоромъ Петромъ Великимъ 29 іюня 1698 года. При основаніи этого города преслѣдовались чисто военныя цѣли: охранять край отъ набѣговъ крымскихъ и кубанскихъ татаръ. Вслѣдствіе этого Петровскъ представлялъ собою первоначально крѣпость, построенную на лѣвомъ берегу Медвѣдицы, изъ дубоваго лѣса, четыреугольной формы съ крѣпкими воротами, съ выдвигающейся впередъ рогаткой. Вокругъ крѣпости тянулся глубокій ровъ: на немъ стояло восемь высокихъ башенъ, вооруженныхъ пушками. Объ оборонѣ г. Петровска отъ набѣговъ непріятеля сохранился слѣдующій любопытный разсказъ петровскаго жителя-старика: ,,Бывало,—говоритъ

онъ, поѣдемъ въ поле на работу: вдругъ сторожевые на башняхъ выставляютъ знакъ на длинныхъ шестахъ, или бьютъ въ набатъ, извѣщая, что ѣдутъ кубанцы. Мы съ поля, опрометью домой: запираемъ ворота крѣпости, засыпаемъ ихъ землей, стрѣляемъ съ башенъ изъ пушекъ, ружей и луковъ. Враги не отваживались на штурмъ; поѣздятъ вокругъ крѣпости и удалятся. Такъ мы часто отсиживались въ крѣпости отъ этого поганаго народа".

Въ 1774 г. Петровскъ былъ взятъ Пугачевымъ, которому онъ сдался безъ всякаго сопротивленія. Самозванецъ удостоился, наоборотъ, со стороны жителей весьма торжественной встрѣчи съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ.

Въ 1797 г. крѣпость въ Петровскѣ была уничтожена.

Еще сравнительно недавно городъ Петровскъ имѣлъ крайне неказистый видъ и напоми-

Г. Пенза. Губернаторскій домъ и городской общественный банкъ. (Фотографія Вакуленко).

налъ скорѣе деревню; за исключеніемъ немногихъ каменныхъ домовъ и церквей, большинство строеній были деревянныя, крытыя тесовыми, соломенными крышами. Вплоть до 1877 года городъ не имѣлъ даже освѣщенія, только за последнее время городъ начинаетъ мало-по-малу обстраиваться получше и принимать болѣе благообразный видъ.

Главную достопримѣчательность этого города составляютъ находящіеся тамъ храмы. Прежде всего заслуживаетъ упоминанія Петровскій соборный храмъ, построенный уже въ 1696 году, т. е. тогда, когда и самаго города еще не было, а существовало лишь простое селеніе. Основанъ храмъ императоромъ Петромъ Великимъ и имъ же названъ Петропавловскимъ. Здѣсь хранятся слѣдующія старинныя вещи, оставленныя, по преданію, Петромъ I, когда онъ посѣтилъ этотъ городъ: семь знаменъ, алебарда изъ длиннаго обоюдоостраго ножа, къ которому придѣланы съ одной стороны желѣзный острый рогъ, а съ другой полукруглое лезвіе; все это насажено на деревянную окрашенную рукоятку, толщиной въ руку и длиной въ $4^1/_2$ арш., бердышъ. Кромѣ того тутъ же хранится евангеліе въ мѣдномъ окладѣ, съ вы-

литыми изъ серебра по угламъ верхней доски евангелистами, а въ серединѣ съ изображеніемъ Спасителя. Книга эта тоже подарена Петромъ Великимъ.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ храмъ существовалъ до 1825 года, а затѣмъ подвергся коренному переустройству и расширенію.

Самымъ древнимъ храмомъ Петровска является Троицкій, выстроенный неизвѣстно кѣмъ и когда. По преданію, онъ принадлежалъ когда-то какому-то женскому монастырю, существованіе котораго уже изгладилось изъ памяти. Троицкій храмъ съ теченіемъ времени успѣлъ до такой степени обветшать, что нынѣ онъ замѣненъ новымъ, весьма красивымъ на видъ.

Затѣмъ въ Петровскѣ имѣются еще храмы: Николаевскій, Богоявленскій и Казанскій. Въ послѣднемъ хранятся между прочимъ двѣ иконы, высланныя съ Аѳона и очень чтимыя жителями Петровска: икона Божьей Матери, такъ называемая „Скоропослушница" и великомученика Пантелеймона.

Достопримѣчательностью города служитъ также Николаевскій мужской монастырь, основанный во второй половинѣ XVII столѣтія инокомъ Макаріемъ. Церковь въ монастырѣ была сперва деревянная съ престоломъ во имя святителя Николая, а впослѣдствіи взамѣнъ ея выстроили каменную. Монастырь этотъ пользовался въ свое время большимъ вниманіемъ со стороны супруги царя Θеодора Алексѣевича, Марѳы Матвѣевны. Видно это изъ старинной надписи на двухъ старинныхъ церковныхъ книгахъ, пожертвованныхъ въ монастырь въ вѣчное поминовеніе по „Государѣ, царѣ и Великомъ князѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ". Обѣ эти книги хранятся въ монастырской библіотекѣ.

По числу жителей Петровскъ не выдается: ихъ всего 15,344. Въ этомъ городѣ имѣются духовное училище, городское 4-хъ-классное училище, 4 начальныхъ школы, земская библіотека и земская больница, городской общественный банкъ и двѣ богадѣльни. Торгово-промышленная дѣятельность г. Петровска тоже не очень значительна: фабрикъ и заводовъ всего 23 съ производствомъ въ 147 тыс р., 2 паровыя мельницы съ оборотомъ въ 105 тысячъ рублей, паровая маслобойня—30 тыс. р. Два раза въ недѣлю происходятъ базары; 3 ярмарки.

Петровскъ соединенъ желѣзною дорогою съ Пензою и со станціей Ртищево Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

Мѣстность, гдѣ находится въ настоящее время Кузнецкъ, была населена еще въ глубокой древности. Это доказываютъ предпринятыя здѣсь археологическія раскопки, которыя свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что человѣкъ обиталъ въ кузнецкомъ краѣ уже въ эпоху каменныхъ орудій. Этотъ край все развивался вплоть до того времени, когда появились татары. Послѣдніе наложили печать разоренія и на округъ Кузнецка, такъ что послѣ татарскихъ нашествій онъ сдѣлался совсѣмъ неузнаваемымъ и во второй половинѣ XV столѣтія представлялъ собою лишь обширную пустыню, безъ жилья и дорогъ. Мало-по-малу край успѣлъ, однако, оправиться. Въ немъ стали селиться татары, чуваши, мордва, а также и русскіе поселенцы, напримѣръ, крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, раскольники и прочіе. Правительство охотно предоставляло нужныя земли, заселеніе происходило столь сильно, что къ концу XVIII столѣтія сталъ уже ощущаться серьезный недостатокъ въ свободной землѣ и чуваши и татары сочли себя вынужденными перебраться отсюда въ другія мѣстности. Самый городъ возникъ въ концѣ XVIII вѣка, а именно въ 1780 году. Вмѣсто него существовало раньше село Труево-Нарышкино. Переименовавъ это село въ городъ Кузнецкъ, послѣдній назначили въ то-же время уѣзднымъ городомъ Саратовской губерніи, какимъ онъ и остается до сихъ поръ. Въ исторіи Кузнецку не пришлось играть видной роли.

Нынѣ въ городѣ насчитывается около 24 тысячъ жителей, при чемъ главную массу ихъ составляютъ мѣщане—21,460. Населеніе Кузнецка по преимуществу православное, но кромѣ того имѣются еще раскольники (около 3,400 человѣкъ), католики, протестанты, магометане и евреи.

Въ сравненіи съ численностью населенія Кузнецкъ не можетъ похвастать обиліемъ учебныхъ заведеній. Въ немъ имѣются всего городское 2-хъ-классное училище, 4 начальныхъ мужскихъ школы, 2 женскихъ училища, 4 церковно-приходскихъ школы.

Кузнецкъ ведетъ весьма обширную торговлю: по желѣзнымъ дорогамъ отсюда отправляется ежегодно свыше 900 тысячъ пудовъ всевозможныхъ товаровъ, а прибываетъ около 2,200 тысячъ пудовъ. Среди этихъ товаровъ наиболѣе выдающуюся роль играетъ хлѣбъ. Сверхъ того, Кузнецкъ ведетъ немаловажную торговлю скотомъ. Она сосредоточена на тамошней ярмаркѣ. Существующія въ городѣ фабрично-заводскія учрежденія даютъ ежегодный оборотъ въ 130 тысячъ рублей. Преобладающее значеніе имѣютъ производства: кожевенныя, канатопрядильныя, овчинныя, маслобойное, салотопенное, воскобойное и воскобѣлильное,

Г. Пенза. Городская дума. (Фотографія Вакуленко).

клееваренное, сыромятное, кирпичное и горшечное. Что же касается ремесленной промышленности, то большая часть кузнецкихъ ремесленниковъ занимается кузнечествомъ, ихъ насчитывается около 300 человѣкъ. Второе мѣсто послѣ нихъ занимаютъ сапожники и башмачники.

Въ уѣздѣ Кузнецка занимаются очень усердно земледѣліемъ, при чемъ сѣютъ всего больше рожь, овесъ и просо, а также гречиху и картофель. Довольно значительные участки земли отводятся наконецъ подъ культуру конопли. Мало обращая вниманіе на садоводство и огородничество, населеніе Кузнецкаго уѣзда, помимо земледѣлія, занимается еще рубкою лѣса, сплавомъ его, гонкою дегтя и смолы, а также производствомъ разныхъ деревянныхъ издѣлій, кожевеннымъ и гончарными промыслами. Извѣстная часть населенія работаетъ помимо того на существующихъ въ уѣздѣ фабрикахъ и заводахъ (ежегодный оборотъ ихъ равенъ приблизительно 1,300,000 рублей) или же уходитъ на отхожіе промыслы.

Къ числу древнѣйшихъ поселеніе Саратовскаго края принадлежитъ городъ Сердобскъ,

который существовалъ, вѣроятно, еще въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ то время онъ находился на окраинѣ государства и имѣлъ характеръ укрѣпленія, обнесеннаго валомъ. Наряду съ другими городами этого края и Сердобску нѣсколько разъ приходилось терпѣть отъ непріятельскихъ нашествій. Одно изъ самыхъ значительныхъ имѣло мѣсто въ 1717 году, когда на Сердобскъ напала орда крымскихъ и кубанскихъ татаръ. Въ 1780 году поселеніе это, называвшееся дотолѣ селомъ Большой Сердобой, получило названіе Сердобска и сдѣлалось уѣзднымъ городомъ Саратовскаго намѣстничества. По уничтоженіи послѣдняго Сердобскъ, превратился въ уѣздный городъ Саратовской губерніи.

Мѣстность, на которой находится Сердобскъ, неровная и холмистая, перерѣзанная во многихъ мѣстахъ оврагами. Вслѣдствіе этого городъ расположенъ очень неправильно и кажется очень большимъ въ сравненіи съ дѣйствительностью.

Такъ какъ Сердобскъ откинутъ далеко въ сторону отъ значительныхъ центровъ промышленности, то нельзя сказать, чтобы торговля его была очень обширна. Въ этомъ отношеніи онъ много уступаетъ селу Бекову. Но, помимо мелочной торговли, Сердобскъ ведетъ все-же и оптовую, торгуя главнымъ образомъ хлѣбомъ, саломъ, мясомъ, домашней птицей и издѣліями изъ дерева.

Сердобскій уѣздъ весьма плодородный и производитъ поэтому много хлѣба, избытокъ котораго, за удовлетвореніемъ собственныхъ нуждъ, направляется преимущественно въ уѣздный городъ и въ село Беково для дальнѣйшей перепродажи. Особенное вниманіе обращаютъ на рожь, овесъ и пшеницу. Помимо сельскаго хозяйства, въ уѣздѣ развито еще бахчеводство: разведеніе арбузовъ, дынь и тыквъ; жители занимаются этимъ весьма охотно и съ каждымъ годомъ данная отрасль садоводства принимаетъ все болѣе обширные размѣры. Въ торговлѣ уѣзда серьезную роль играютъ ярмарки, при томъ главнымъ образомъ Бековская. Товары на послѣднюю привозятся слѣдующіе: хлѣбъ, красные товары, крестьянскія произведенія, мясо, скотъ и лошади.

Въ городѣ насчитывается около 8,000 жителей, а въ уѣздѣ свыше 200,000.

Нижнее Поволжье, за исключеніемъ самой южной его части, губерніи Астраханской и Новоузенскаго уѣзда Самарской, принадлежитъ къ черноземной области. Земледѣліе и скотоводство составляютъ здѣсь исключительныя занятія населенія, снабжающаго избытками получаемыхъ отъ сельскаго хозяйства продуктовъ другія мѣстности страны и даже заграничные рынки.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ выводить, что губерніи нижняго Поволжья никогда не испытываютъ недостатка въ хлѣбѣ сами. Послѣднія десятилѣтія показали, напротивъ, что неурожаи этой мѣстности Россіи становятся явленіемъ довольно зауряднымъ, и, если при всемъ томъ въ годины неурожаевъ, хлѣбъ идетъ за предѣлы Поволжья, то въ ущербъ продовольствію мѣстнаго населенія. Торгово-промышленная жизнь края находится, значитъ, въ довольно ненормальномъ положеніи. Для лучшаго уясненія условій, въ какія поставлена его торговля, намъ необходимо остановиться на положеніи его сельско-хозяйственной производительности.

Причины частыхъ неурожаевъ въ Поволжьѣ коренятся въ неблагопріятныхъ климатическихъ вліяніяхъ, а также въ условіяхъ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ. Многочисленныя свидѣтельства лицъ, весьма близко знакомыхъ съ природою этого края, сходятся между собою въ томъ, что нынѣ климатъ его значительно ухудшился, засухи, ливни, страшныя жары и холода сдѣлались явленіемъ болѣе частымъ, подъ вліяніемъ сильнаго лѣсоистребленія въ среднихъ и восточныхъ губерніяхъ Россіи. Развитіе фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ средняго Поволжья, пароходства на Волгѣ, наконецъ, проведеніе рельсовыхъ путей,—все это отразилось на лѣсномъ хозяйствѣ весьма невыгоднымъ образомъ. Тамъ, гдѣ были огромныя лѣсныя пространства, теперь остались только пни да кочки. А такъ какъ лѣса регулируютъ климатъ, способствуя болѣе правильному распредѣленію атмосферныхъ осад-

ковъ, сохраненію влажности въ почвѣ и вообще смягчая климатическія рѣзкости, то естественнымъ послѣдствіемъ лѣсоистребленія было неправильное выпаденіе атмосферныхъ осадковъ—засухи въ одно время, сильные ливни въ другое.

Дожди, случающіеся въ Поволжьѣ, не приносятъ должной пользы земледѣлію, потому что принимаютъ видъ ливней, при чемъ выпадающая вода или испаряется или стремительно стекаетъ по наклонамъ овраговъ. Къ этому нужно прибавить еще неблагопріятное вліяніе на растительность морозовъ, случающихся даже въ исходѣ мая.

Въ климатическомъ отношеніи въ наиболѣе невыгодномъ положеніи находится Самарская губернія. Здѣсь очень обыкновенное явленіе—сухіе, изсушающіе растительность вѣтры,— „суховѣй"—бывающіе обыкновенно въ іюнѣ и іюлѣ. Подъ вліяніемъ этихъ вѣтровъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней незрѣлый вовсе хлѣбъ превращается въ желтый и какъ бы

Г. Пенза Духовная семинарія.

спѣлый. Такое ненормальное окончаніе растительнаго процесса приноситъ очень большой вредъ хлѣбамъ. Если разсмотрѣть зерно такого скороспѣлаго хлѣба, то оно окажется мельче и покрытымъ на поверхности морщинами.

Въ экономическомъ отношеніи различныя мѣстности нижняго Поволжья представляютъ большое разнообразіе. Крестьянское землевладѣніе болѣе всего развито въ Самарской губерніи и затѣмъ въ Пензенской; въ Саратовской, а особенно въ Симбирской оно развито гораздо менѣе. Поэтому въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ сильно распространено арендованіе земель. Крупныя имѣнія очень часто снимаются въ аренду особыми промышленниками, которые потомъ сдаютъ ихъ по частямъ крестьянамъ. На такихъ арендованныхъ земляхъ хозяйство ведется самымъ первобытнымъ образомъ.

Что касается распредѣленія землевладѣнія среди самаго крестьянскаго населенія, то у заволжцевъ, самарскихъ крестьянъ, надѣлы больше, чѣмъ у крестьянъ по эту сторону Волги; у государственныхъ крестьянъ они значительнѣе, нежели у крестьянъ другихъ категорій (удѣль-

ныхъ и помѣщичьихъ). Изъ всего крестьянскаго населенія только бывшіе помѣщичьи крестьяне и ощущаютъ недостатокъ въ землѣ. Они-то и прибѣгаютъ преимущественно къ арендованію земель. Масса рабочаго люда этой стороны Волги, гдѣ малоземелье между крестьянами помѣщичьими такъ ощутительно, занимается отхожими промыслами. Уходятъ обыкновенно на работы за Волгу, въ Самарскую губернію. Уходъ рабочихъ въ Заволжье усиливается, когда оттуда приходятъ слухи объ ожиданіи большого урожая. При очень обильномъ урожаѣ эти пришлые рабочіе не могутъ удовлетворить потребностямъ въ рабочихъ рукахъ въ Заволжьѣ, а отъ отхода ихъ сильно страдаетъ правая, нагорная сторона Поволжья. Несмотря на то, что у государственныхъ крестьянъ надѣлы значительнѣе, чѣмъ у другихъ, крестьяне эти являются наиболѣе обремененными недоимками. Причина этого явленія заключается въ томъ, что размѣръ оброчной подати зависитъ отъ размѣровъ землевладѣнія, а такъ какъ надѣлы государственныхъ крестьянъ, особенно въ Самарской губерніи, весьма значительны, то и платить имъ приходится сравнительно много.

Между тѣмъ хозяйство этихъ крестьянъ подвергается все сильнѣе и сильнѣе дѣйствію разныхъ неблагопріятныхъ вліяній, такъ какъ веденіе его на прежнихъ основаніяхъ оказывается нынѣ уже невозможнымъ. Дѣло въ томъ, что при первоначальномъ заселеніи Самарской губерніи государственными крестьянами поселенцамъ указывался лишь участокъ, безъ точнаго опредѣленія пространства, что сразу пріучило ихъ къ привольному пользованію землею. Послѣ того, когда населеніе стало сгущаться чрезъ естественный приростъ и приливъ извнѣ и когда каждому крестьянскому обществу отведены были опредѣленныя границы владѣнія,—крестьяне этимъ не удовольствовались и устремились на казенныя и удѣльныя оброчныя статьи, которыя и были предоставлены въ ихъ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ. При этомъ плата была весьма низкая, напр., въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ казну платилось за десятину 10—15 коп., въ Николаевскомъ—8. Значительное количество земель снималось у казны также капиталистами съ цѣлью передачи ихъ крестьянамъ. Введенная съ 1860 г. система сдачи казенныхъ земель съ торговъ, рядомъ съ раздачею большихъ участковъ вызвала быстрое и ненормальное возвышеніе арендной платы. Въ силу этого въ Бузулукскомъ уѣздѣ уже въ 1870 г. количество земли въ непосредственномъ пользованіи обществъ уменьшилось вчетверо, а плата за эти земли возрасла вдвое, въ Николаевскомъ уѣздѣ количество земель сократилось втрое, а цѣна увеличилась почти впятеро и т. д. Если земельные участки у крестьянъ Самарской губерніи и теперь еще занимаютъ довольно значительныя пространства, то все-таки не соотвѣтствуютъ потребностямъ того широкого, размашистаго хозяйства, какой они переняли отъ отцовъ и дѣдовъ. Привыкнувъ къ широкому простору, крестьяне „прихватываютъ“ земли у частныхъ владѣльцевъ. Это арендованіе очень часто становится только источникомъ новыхъ затрудненій для крестьянина: оно заставляетъ его отплачивать за землю работою и тратить на это много времени, которое могло бы быть употреблено имъ на воздѣлываніе своего участка. При неурожаѣ же оно ставитъ съемщика въ положеніе неоплатнаго должника передъ владѣльцемъ арендуемаго участка.

Сельско-хозяйственныя знанія оказываютъ, какъ извѣстно, громадное вліяніе на успѣхъ земледѣлія, и теперь можетъ быть недостатокъ ихъ въ средѣ крестьянскаго населенія не сказывается такъ сильно, какъ именно въ Поволжьѣ. Очень часто при обширныхъ пространствахъ земельныхъ участковъ крестьянинъ бываетъ здѣсь поставленъ въ невозможность извлечь ту долю пользы, какую могла бы принести ему земля при болѣе умѣломъ ею пользованіи. Хлѣбопашество ведется въ Поволжьѣ на основаніи привычки и рутины, объ усовершенствованіяхъ нѣтъ и помину. Господствующая система хозяйства здѣсь трехпольная и переложная, но и обѣ эти системы въ томъ видѣ, какъ ведутся онѣ въ Поволжьѣ, вовсе не соотвѣтствуютъ тѣмъ понятіямъ, какія связываются съ ними въ наукѣ сельскаго хозяйства. При трехпольномъ сѣвооборотѣ, не говоря уже объ удобреніи, необходимо $1/3$ земли оставлять подъ паромъ, $1/3$ за-

сѣвать озимыми и $^1/_3$ яровыми хлѣбами. Такого строгаго порядка въ Поволжьѣ не существуетъ. Объ удобреніи почвы и не думаютъ, навозъ вываливаютъ на задворки, въ овраги, даже въ рѣки. Правильнаго чередованія посѣвовъ также нѣтъ. Въ Самарской губерніи, напр., особенно по направленію къ югу, часть озимаго поля, а иногда и все оно засѣвается яровыми хлѣбами.

Переложная система ведется въ степныхъ пространствахъ Саратовской и Самарской губерній, а именно въ Камышинскомъ и Царицынскомъ уѣздахъ, первой—въ южной части Николаевскаго (за рѣкою Б. Иргизомъ) и во всемъ Новоузенскомъ уѣздѣ второй. Для правильнаго веденія этой системы требуется большое количество земли: при немъ немыслимъ надѣлъ менѣе 30 десятинъ. Ясно, что крестьяне, привыкшіе къ этой системѣ, но не располагающіе

Г. Пенза Зданіе земледѣльческаго училища.

такимъ громаднымъ количествомъ земли, не могутъ правильнымъ образомъ измѣнять ее въ своемъ хозяйствѣ. Хозяева, безъ различія качества почвы и ради воздѣлываемыхъ хлѣбовъ, производятъ по два, по три посѣва одинъ за другимъ и затѣмъ оставляютъ землю въ залежи на весьма различные сроки—на 4, 5, 10 лѣтъ и болѣе. Многіе хозяева въ опредѣленіе сроковъ залежей руководствуются появленіемъ на нихъ ковыля, считаемаго признакомъ поправленія почвы.

При такомъ способѣ хозяйничанья, который точнѣе всего можетъ быть названъ хищническимъ, вполнѣ естественно, что земля отказывается производить хлѣбъ какъ слѣдуетъ.

Замѣчательно, что этотъ способъ въ одинаковомъ ходу и у крестьянъ, и у нѣмецкихъ колонистовъ, и даже у нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, казалось бы, могли бы относиться къ дѣлу болѣе разумнымъ образомъ, располагая капиталами. Колонисты, какъ извѣстно, были вызваны въ Поволжье при Екатеринѣ II для того, чтобъ служить образцами хозяйства для нашихъ крестьянъ, чтобы знакомить ихъ съ улучшенными пріемами земледѣлія.

Но эта цѣль оказалась вовсе не достигнутою. Колонисты не только оказались плохими наставниками, но и неумѣлыми хозяевами.

Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ всего этого, что нашу поволжскую житницу, несмотря на всѣ ея почвенныя богатства, начинаютъ все чаще и чаще постигать неурожаи. Тѣсную связь съ земледѣліемъ имѣетъ другая отрасль сельскаго хозяйства—скотоводство. Правда, въ Нижнемъ Поволжьѣ почва не удобряется и навозъ вываливается гдѣ нибудь на задворкахъ, почему значеніе скотоводства здѣсь нѣсколько иное, чѣмъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ навозъ играетъ важную роль въ хозяйствѣ. Въ Поволжьѣ скотъ служитъ для работы и полученія отъ него мяса, шерсти, сала. Такъ какъ всѣ эти продукты скотоводства находятъ себѣ постоянный спросъ, то торговля какъ этими продуктами, такъ и самимъ скотомъ съ давнихъ поръ велась въ Поволжьѣ въ весьма солидныхъ размѣрахъ.

Численность скота возрастаетъ, но возрастаніе это абсолютное. Если же принять во вниманіе приростъ мѣстнаго населенія, то увеличеніе въ отношеніи нѣкоторыхъ мѣстностей превратится въ уменьшеніе.

Причинъ сокращенія численности скота весьма много. Онѣ сводятся къ уменьшенію во многихъ мѣстностяхъ Россіи луговъ, выгоновъ, доставляющихъ скоту кормъ, къ неурожаямъ травъ, продажѣ скота за недоимки, конокрадству, и разнаго рода эпизоотіямъ. Причины эти общаго значенія, онѣ дѣйствовали почти повсемѣстно, но въ Поволжьѣ вліяніе ихъ было всегда инстенсивнѣе. Прежде приволжскія степи лежали впустѣ и служили роскошными естественными пастбищами для скота. Потомъ онѣ постепенно стали заселяться и районъ естественныхъ пастбищъ началъ сужаться. Для „нагула“ скота теперь уже нѣтъ тѣхъ благопріятныхъ условій, какія существовали въ прежнюю пору. Между эпизоотіями главное мѣсто занимаетъ чума рогатаго скота. Эта страшная болѣзнь въ большинствѣ случаевъ оканчивается смертью животныхъ. Прежде разсадникомъ ея считались почему-то киргизскія степи, но изслѣдованія Кравцова и Кадомцева обнаружили, что всякій разъ, когда чума посѣщала киргизскій скотъ, она была заносима изъ русскихъ владѣній. Такъ какъ въ сосѣдствѣ съ ними находятся поволжскія губерніи, то можно думать, что онѣ, страдая жестокимъ образомъ отъ чумы сами, передаютъ эту болѣзнь и киргизскому скоту.

Скотоводство въ Нижнемъ Поволжьѣ находится въ довольно неудовлетворительномъ состояніи.

Мы сочли необходимымъ остановиться на выясненіи условій этихъ двухъ важныхъ отраслей поволжскаго хозяйства потому, что, не зная условій сельско-хозяйственной производительности края, невозможно должнымъ образомъ понять и условій самой торговли. Нѣтъ надобности доказывать, что торговля можетъ имѣть прочное основаніе и вестись правильнымъ образомъ только въ томъ случаѣ, когда производство продуктовъ, служащихъ для сбыта внутри и внѣ страны, болѣе или менѣе обезпечено. Если же производство поставлено въ такое положеніе, что край посѣщаютъ чаще неурожаи, если скотоводство несетъ постоянные ущербы отъ падежей, то торговля должна подвергаться всѣмъ случайностямъ. Всякая торговля обусловливается спросомъ и предложеніемъ, и наиболѣе выгодное отношеніе между первымъ и вторымъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда и то и другое уравновѣшиваются. Такіе благопріятные моменты въ Нижнемъ Поволжьѣ представляютъ явленія довольно рѣдкія. Значительная часть сельско-хозяйственныхъ продуктовъ этого края идетъ на удовлетвореніе потребностей другихъ губерній, главнымъ образомъ, городовъ и заграничнаго спроса. Слѣдовательно, сбытъ мѣстныхъ произведеній зависитъ отъ размѣровъ спроса какъ внутри страны, такъ и на заграничныхъ рынкахъ. Нерѣдки случаи, что при усиленіи этого спроса въ Поволжьѣ оказывается недостача продуктовъ, и наоборотъ, при уменьшеніи,—обильное ихъ предложеніе На первый взглядъ, конечно, можетъ показаться непостижимымъ, какимъ образомъ даже при недостаткѣ въ хлѣбѣ крестьянинъ сбываетъ его на сторону. Это непонятное явленіе объясняется тѣмъ,

что продажа хлѣба является необходимымъ и единственнымъ средствомъ для уплаты податей и налоговъ и для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ, такъ какъ иныхъ доходовъ, кромѣ какъ отъ хлѣбопашества, поволжскій крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ. Въ прежнюю пору, когда платежи крестьянскіе были ограниченнѣе, а способы для сбыта хлѣба гораздо труднѣе, у многихъ крестьянъ оставались большіе запасы хлѣба.

Хлѣбная торговля въ Поволжьѣ часто оживляется въ періоды оскудѣнія въ хлѣбѣ. Бываютъ годы, когда хлѣбъ чуть не на треть всего посѣва истребляется на корню земляною мышью. Много хлѣбныхъ колосьевъ пропадаетъ затѣмъ отъ жучковъ, сусликовъ и земляныхъ червей. Цѣлыя тысячи десятинъ страдаютъ также и отъ града. Въ столь печальные годы цѣны на хлѣбъ поднимаются, конечно, весьма сильно. Хлѣбные торговцы прилагаютъ всѣ усилія, чтобы скупить хлѣбъ у производителей. Въ то время поднимаются цѣны и на другіе

Г. Пенза. Зданіе Дворянскаго собранія. (Фотографія Вакуленко).

продукты. Чтобы поскорѣе добыть денегъ, производители въ свою очередь спѣшатъ продажею вздорожавшаго хлѣба; хлѣбъ требуется въ огромномъ количествѣ, производители его охотно сбываютъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что они сбываютъ „избытки“.

Совсѣмъ иное дѣло бываетъ, когда хлѣба родится много, когда предложеніе его свыше спроса. Тогда цѣна падаетъ и производители выручаютъ за хлѣбъ очень мало. Крестьянинъ принужденъ продавать свои продукты, терпя значительные убытки. Скупщикамъ это, разумѣется, на руку и они всѣми силами понижаютъ и безъ того уже понизившіяся цѣны.

Если мы отъ торговли хлѣбомъ обратимся къ торговлѣ скотомъ и его продуктами, то встрѣтимся здѣсь съ такими же ненормальными явленіями, какъ и въ первой. Скотоводство у нижневолжскихъ крестьянъ все сокращается подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, падежей и недостатка кормовъ. Въ виду этого было бы наиболѣе нормальнымъ и желательнымъ, чтобы крестьяне сохранили то небольшое количество скота, какое у нихъ остается, такъ какъ скотъ, за исключеніемъ мелкаго, составляетъ для крестьянина необходимую рабочую силу, которою

обусловливается размѣръ посѣва и качество обработки земли. Недаромъ г. Анучинъ, изслѣдуя причины постигшихъ Самарскую губернію бѣдствій, масштабомъ для сравненія положенія крестьянскаго хозяйства за разное время взялъ количество скота. Между тѣмъ факты показываютъ, что сбытъ скота производится крестьянами постоянно и во время нужды еще усиливается.

Такъ было, напр., въ 1893 году. При безкормицѣ, постигшей Аткарскій уѣздъ, Саратовской губерніи, „тарханы", по большей части изъ татаръ, десятками покупали по деревнямъ совершенно здоровыхъ, но изморившихся лошадей, платя всего по 3—4 рубля за голову, а за жеребятъ по 30—40 коп. Такія же „цѣны" стояли на лошадей и въ Самарской губерніи; только жеребята продавались здѣсь еще дешевле—по 15—20 коп. Вслѣдствіе этого бываетъ обыкновенно то, что когда наступаетъ весна и приходится приниматься за полевыя работы, многіе должны воздѣлывать землю на себѣ.

Наоборотъ, при обильномъ сборѣ травъ и потребности въ скотѣ въ виду ожидаемаго урожая хлѣбовъ цѣны на него сильно поднимаются.

Главное мѣсто между предметами торговли Поволжья принадлежитъ хлѣбу, который десятками милліоновъ пудовъ идетъ и по естественному водному пути, Волгѣ, и по желѣзнымъ дорогамъ, связывающимъ Поволжье съ внутренними и заграничными рынками. Такой громадный сбытъ хлѣба не могъ не создать въ краѣ цѣлой массы крупныхъ и мелкихъ посредниковъ между его производителями и потребителями. Но между этими посредниками встрѣчаются представители не одной русской національности. Еще въ прошломъ столѣтіи, при императрицѣ Екатеринѣ II въ Поволжье были вызваны, какъ извѣстно, нѣмецкіе колонисты съ цѣлью обученія лучшимъ пріемамъ веденія сельскаго хозяйства нашихъ крестьянъ. Но цѣль эта не была достигнута, такъ какъ сами колонисты остановились въ обработкѣ земли на точкѣ замерзанія, оставшись при той суммѣ сельско-хозяйственныхъ знаній, какая была передана имъ предками. Колонисты ударились тогда въ торговлю. Этому благопріятствовала большая ихъ зажиточность и выгодность мѣстоположенія колоній по теченію Волги.

Рядомъ съ нѣмцами, операціями по хлѣбной торговлѣ занимается множество русскихъ. Между ними встрѣчаются представители всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ самыхъ крупныхъ, ворочающихъ милліонами, и кончая самою мелкою тлею. Безъ послѣдней, однако, едва-ли можетъ обойтись и крупный капиталистъ, потому что эта-то именно тля и имѣетъ дѣло съ производителемъ продукта, занимаясь скупкою хлѣба по мелочамъ. Но существуютъ еще скупщики на городскихъ базарахъ. Обиліе этихъ мелкихъ скупщиковъ создаетъ между ними сильную конкуренцію, которая усиливается или ослабѣваетъ въ зависимости отъ урожая. При обильномъ урожаѣ мелкіе скупщики, или „мартышки", какъ ихъ окрестилъ народъ, благодушествуютъ, зная очень хорошо, что предложеніе будетъ не менѣе спроса. Иное дѣло, если край постигнетъ урожай плохой: тогда приходится просто класть зубы на полку. Въ такомъ случаѣ, на одинъ хлѣбный обозъ налетаетъ разомъ нѣсколько скупщиковъ. Можно было бы думать, что хлѣбъ при этомъ попадаетъ въ руки того, кто даетъ больше. Но это случается далеко не всегда по той причинѣ, что возвышеніе цѣны кѣмъ-нибудь изъ скупщиковъ отразилось бы весьма невыгодно на интересахъ остальныхъ. Поэтому скупщики, чтобъ никому изъ нихъ не было обидно, купивъ хлѣбъ по ранѣе опредѣленной ими цѣнѣ, кидаютъ жребій, въ чью пользу долженъ онъ достаться.

Крупные хлѣботорговцы жалуютъ въ хлѣбные центры Поволжья обыкновенно въ концѣ декабря или началѣ января. Въ это время, благодаря установленію саннаго пути, усиливается подвозъ хлѣба на сельскіе и городскіе базары. Хлѣбъ купцы покупаютъ какъ партіонный, такъ и розничный, при помощи скупщиковъ, которые приносятъ имъ „пробы". 15—20 коп. съ четверти идетъ въ пользу такихъ „комиссіонеровъ". Вознагражденіе имъ увеличивается, если они приносятъ большія пробы и устраиваютъ пріемку хлѣба отъ крестьянъ не на вѣсъ, а на мѣру. Количество зерна, приносимаго купцамъ на пробу, имѣетъ большое значеніе: пробъ

этихъ въ теченіе торговаго времени набирается такое количество, что одинъ хлѣботорговецъ, обороты котораго достигаютъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, по собственному признанію, весь обширный штатъ своихъ приказчиковъ, артельщиковъ и т. п., содержитъ на деньги, получаемыя отъ „пробъ". Точно также большое значеніе и пріемъ хлѣба отъ продавцевъ не на вѣсъ, а на мѣру, потому что обвѣшивать, какъ показалъ опытъ, значительно труднѣе, чѣмъ обмѣривать.

Торговля скотомъ имѣетъ своихъ спеціалистовъ, нагрѣвающихъ руки около мужицкаго добра. Въ Поволжьѣ въ обширныхъ размѣрахъ ведется торговля овцами, чему благопріятствуетъ обиліе овецъ, въ особенности въ Самарской губерніи и огромный спросъ на продукты овцеводства—шерсть, мясо, кожи и сало. Послѣднее идетъ въ большомъ количествѣ на ка-

Г. Пенза. Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ городскомъ саду.

занскіе свѣчные и мыловаренные заводы. Торговлею овецъ промышляютъ особые промышленники, близко знакомые съ условіями овцеводства той мѣстности, гдѣ они занимаются ихъ покупкою. Скупка овецъ начинается въ февралѣ и мартѣ. Для этого промышленники наѣзжаютъ въ деревни сами. Купивъ овецъ, они отдаютъ деньги крестьянамъ по большей части впередъ, но съ условіемъ, чтобы крестьянинъ кормилъ проданную овцу до начала мая, т.-е. до того срока, когда скупщикъ возьметъ ее для составленія гурта. Изъ опасенія, что въ случаѣ плохого прокормленія овцы скупщикъ будетъ обѣгать его послѣ, крестьянинъ старается исправно содержать овцу. Объѣхавъ нѣсколько деревень, скупщикъ успѣетъ закупить 3—4 тысячи головъ „овцы". Откормивъ овецъ лѣтомъ въ степяхъ, онъ въ сентябрѣ или октябрѣ гонитъ ихъ на бойню въ городъ. Мясо солится, сало топится или въ своей салотопнѣ, или отдается въ чужую; овчина продается сырьемъ. Торговля „овцою" является операціей очень выгодной, потому что на каждой штукѣ скупщикъ можетъ получить весьма значительный барышъ.

Подобно тому, какъ каждая изъ двухъ главныхъ отраслей торговли—хлѣбная и скотная—

имѣютъ своихъ особыхъ посредниковъ, существуютъ для той и другой и особые, специальные центры. Такъ хлѣбная торговля сосредоточивается главнымъ образомъ на базарахъ въ городахъ, главнѣйшихъ селахъ и станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, а скотная и конская на ярмаркахъ. Въ отношеніи хлѣбной торговли значеніе представляетъ лишь извѣстная *Сборная ярмарка* въ Симбирскѣ. Но хлѣбъ сюда не привозится въ зернѣ, а доставляются только „пробы", почему и въ ежегодныя статистическія свѣдѣнія объ оборотахъ Сборной ярмарки данныя по хлѣбной торговлѣ не включаются. Но заключаемыя здѣсь сдѣлки по хлѣбной торговлѣ весьма значительны, составляя нѣсколько милліоновъ пудовъ разнаго хлѣба. Другія ярмарки Поволжья не играютъ роли въ хлѣбной торговлѣ, да и вообще онѣ не представляютъ большого значенія, за исключеніемъ спеціальныхъ—скотныхъ и конскихъ. Здѣсь, правда, такихъ крупныхъ скотныхъ ярмарокъ, какія существуютъ въ Донской области или Воронежской губерніи, нѣтъ, но тѣмъ не менѣе мѣстныя ярмарки этого рода играютъ извѣстную роль въ торговлѣ скотомъ и въ образованіи гуртовъ, направляющихся потомъ къ Москвѣ и Петербургу. Извѣстно, что въ Поволжьѣ начинается, такъ называемый, муромскій скотопрогонный трактъ. Конскихъ ярмарокъ бываетъ болѣе всего въ Саратовской губерніи. Значительнѣйшія изъ нихъ въ с. Баландѣ, Аткарскаго уѣзда, въ Бековѣ, Сердобскаго у., въ г. Царицынѣ и въ с. Руднѣ, Камышинскаго у. Въ Пензенской губерніи заслуживаетъ вниманія изъ конскихъ ярмарокъ Саранская.

Сбытъ предметовъ хлѣбопашества и скотоводства представляетъ главную, характерную черту торговли Нижняго Поволжья. Фабрично-заводская промышленность (за исключеніемъ винокуренія и частію сукнодѣлія) здѣсь не развита, и потому продуктовъ этой промышленности отпускается за предѣлы края немного. Зато Поволжье имѣетъ немалое значеніе въ отношеніи транзита товаровъ, идущихъ съ Каспійскаго моря и Кавказа. Между этими товарами главное мѣсто занимаютъ нефтяные продукты и рыба, красная и частиковая, вязига, икра, наконецъ, персидскія и среднеазіатскія издѣлія.

Огромная часть какъ мѣстныхъ продуктовъ, такъ и транзитныхъ товаровъ слѣдуетъ съ Поволжья водянымъ путемъ, Волгою. Такъ, напр., перевозка зерна и муки производится большею частью пароходами, потому что плата за провозъ грузовъ этимъ путемъ обходится грузоотправителямъ дешевле противъ платы, взимаемой желѣзными дорогами. Но отправка грузовъ водянымъ путемъ все-таки имѣетъ свои невыгоды. Во 1-хъ, имъ можно пользоваться только во время навигаціи, слѣдовательно, зимою, когда, благодаря санному пути, доставка хлѣба и другихъ грузовъ гужомъ къ главнымъ центрамъ торговли Поволжья облегчается, всѣ эти грузы могутъ быть отправлены только по рельсовымъ путямъ. Во 2-хъ, отправка грузовъ на пароходахъ во многихъ случаяхъ не избавляетъ отъ необходимости передачи ихъ для дальнѣйшаго слѣдованія на желѣзныя дороги, напримѣръ, когда мѣстомъ ихъ назначенія являются Либава, Рига и проч. Конкурренцію желѣзнымъ дорогамъ пароходы могутъ представлять поэтому только въ періодъ навигаціи. Вообще эти два способа передвиженія товаровъ могутъ существовать рядомъ, нимало не подрывая другъ друга. Желѣзныя дороги послѣ развитія пароходства на Волгѣ только облегчили передвиженіе товаровъ. Поэтому отпускъ хлѣба за предѣлы Поволжья обязанъ своимъ усиленіемъ одинаково и пароходству и рельсовымъ путямъ. Когда желѣзныхъ дорогъ къ Волгѣ не существовало и пароходство еще не получило должнаго развитія, подвозъ хлѣба къ Саратову и району его торговаго тяготѣнія, слободѣ Покровской, сс. Ровному и Привольному Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, къ селу Балакову и колоніи Екатериненштадтъ (Баронскъ) Николаевскаго уѣзда той же губерніи, былъ незначителенъ, составляя всего не болѣе полумилліона четвертей, а теперь онъ болѣе чѣмъ удесятерился. Намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на водяномъ движеніи грузовъ, такъ какъ вопросъ объ этомъ на столько обширенъ, что можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія. Наша задача заключается въ выясненіи передвиженія грузовъ сухопутнаго-гужевого и рельсоваго.

Гужевая доставка хлѣба до сихъ поръ еще очень развита въ Поволжьѣ, а въ особенности въ Заволжскомъ краѣ, чему способствуетъ обширность территоріи послѣдняго. Какъ рѣчныя пристани, такъ и станціи пересѣкающей Самарскую губернію Оренбургской желѣзной дороги расположены довольно далеко отъ производительныхъ мѣстностей обширнаго Самарскаго края. Хлѣбу приходится, чтобы попасть на пристани или станціи, слѣдовать часто не одну сотню верстъ гужомъ. Но такъ какъ теченіе р. Волги захватываетъ болѣе значительную часть пространства Самарскаго края, то естественно, что гужевая доставка хлѣба и другихъ грузовъ направляется болѣе къ волжскимъ пристанямъ, чѣмъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Этими пристанями наиболѣе видное значеніе, по количеству подвозимаго хлѣба, имѣютъ для Новоузенскаго уѣзда пристани: колонія Баронскъ, слобода Покровская, Ровное и Балаково. На послѣднюю пристань направляется также часть грузовъ изъ Николаевскаго уѣзда. Для Ставро-

Г. Пенза. Художественная школа имени Селиверстова. (Фотографія Вакуленко).

польскаго уѣзда главныя пристани: Ставропольская, Хрящевская, Старомайнская и Часовенская. Изъ Бугульминскаго уѣзда хлѣбъ идетъ гужомъ въ Чистополь и нѣкоторыя другія пристани по р. Камѣ, въ Казанской губерніи. Только въ мѣстностяхъ болѣе удаленныхъ отъ Волги сбытъ хлѣба производится въ уѣздныхъ городахъ, на станціяхъ Оренбургской желѣзной дороги и въ нѣкоторыхъ торговыхъ селахъ, каковы, напр., Борскъ и Черкасы Бугурусланскаго уѣзда, Мелекесъ Ставропольскаго и др. О значеніи гужевого движенія хлѣбныхъ грузовъ можно судить уже потому, что въ Самару, несмотря на проведеніе Оренбургской жел. дороги, громадное количество хлѣба до сихъ поръ подвозится на лошадяхъ. Бываютъ дни, когда приходитъ свыше 5,000 возовъ съ хлѣбомъ.

Гужевая доставка хлѣба играетъ большую роль и въ другихъ мѣстахъ Поволжья, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ иного способа подвоза хлѣбныхъ грузовъ къ желѣзнымъ путямъ, кромѣ гужевого, не существуетъ. Только на Волгѣ хлѣбъ можетъ поступать на желѣзныя дороги съ судовъ.

Обратимся теперь къ дѣятельности соотвѣтственныхъ рельсовыхъ путей. Нижнее Поволжье соединяется съ средней Россіей главнымъ образомъ слѣдующими четырьмя желѣзными дорогами: Оренбургскою, идущею отъ Оренбурга черезъ Самару до ст. Батраки на Волгѣ, оттуда продолженіемъ ея является линія Моршанско-Сызранская, далѣе Тамбовско-Саратовскою, наконецъ Грязе-Царицынскою.

Первая изъ этихъ линій, захватывая частицу Оренбургской территоріи, проходитъ и по Самарской губерніи. Поэтому она служитъ главнымъ образомъ для сбыта грузовъ Самарскаго края. Грузы эти состоятъ почти исключительно изъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Самарская губернія славится своей пшеницей, посѣвами которой занята, главнымъ образомъ, южная ея половина, уѣзды Николаевскій и Новоузенскій. Рожь, а также овесъ разводятся въ сѣверной половинѣ.

Значительная часть пшеницы притягивается гужевою доставкою на волжскія пристани противъ Саратова (Покровское, Балаково, Баронскъ и др.), т.-е. минуетъ Оренбургскую дорогу. Но огромное количество этого хлѣба отпускается и со станціи послѣдней. Такъ, въ 1892 году съ нихъ отправлено было пшеницы 3356,3 пудовъ, да, кромѣ того, пшеничной муки 2243,8 тыс. пудовъ. Отпускъ пшеницы въ зернѣ и мукѣ составлялъ такимъ образомъ весьма почтенную цифру. Ржи и ржаной муки отправлено было гораздо менѣе, а именно 1738,2 тыс. пудовъ первой и 2929 второй. Кромѣ этихъ хлѣбовъ, Самарская губернія отпускаетъ еще просо, пшено, овесъ и отруби.

Главное участіе въ отпускѣ хлѣбныхъ грузовъ принимаютъ: станція *Сорочинская*, *г.г. Бузулукъ и Самара.* Степень этого участія опредѣляется размѣрами нагрузки главныхъ хлѣбовъ въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ. Въ 1892 году нагрузка составляла:

Станціи отправленія.	Пшеница.	Мука пшен.	Рожь.	Просо.	Ячмень.	Хлѣба въ зернѣ.	Хлѣбныхъ грузовъ всего.
	въ тысячахъ пудовъ.						
Сорочинская	574,7	230	507,5	11,6	2,9	1099,6	1827,2
Бузулукъ	333,3	258,5	241,1	2,1	34,7	623,2	921,5
Самара	536,8	505,8	270,7	32,0	292,5	1248,8	2012,1
Самара-Пристань	58,2	362,1	74,3	2,1	56,0	227,5	647,1

Хотя, кромѣ указанныхъ продуктовъ, Самарская губернія производитъ и другія, напримѣръ изрядное количество табаку, хорошаго качества арбузы, но эти „произрастенія" получаются далеко отъ Оренбургской дороги—въ Новоузенскомъ Поволжьѣ—и поступаютъ преимущественно на Тамбовско-Саратовскую линію.

Продуктовъ скотоводства идетъ изъ Самарскаго края по Оренбургской дорогѣ не особенно много: кожъ невыдѣланныхъ около 55 тысячъ пудовъ, шерсти 25, невыдѣланныхъ овчинъ и сала 100. Этихъ предметовъ проходитъ черезъ Самарскую губернію гораздо болѣе транзитомъ, изъ Оренбурга, стягивающаго указанные продукты изъ степей. Кромѣ того, транзитомъ идетъ еще и весьма много илецкой соли и среднеазіатскаго хлопка (около полумилліона пудовъ того и другого товара).

Дойдя до Волги, грузы, слѣдующіе по Оренбургской жел. дорогѣ, раздѣляются: часть ихъ направляется далѣе воднымъ путемъ, часть передается Моршанско-Сызранской линіи. Но количество такихъ переданныхъ грузовъ очень незначительное въ сравненіи съ количествомъ грузовъ, отправленныхъ по Оренбургскому пути и прибывшихъ въ Самару.

Съ Заволжья перейдемъ теперь на лѣвую, нагорною сторону. Сѣверную половину этой стороны образуютъ губерніи Симбирская и Пензенская. Прорѣзывающая эти губерніи *Моршанско-Сызранская жел. дор.* служитъ продолженіемъ Оренбургской. Поэтому по ней слѣдуютъ товары, получаемые съ послѣдней съ присоединеніемъ грузовъ губерній Симбирской, Пензенской и частью Саратовской. Но направленіе этой линіи таково, что она, по крайней мѣрѣ,

для Симбирской и Саратовской губерній не можетъ имѣть большого значенія въ передвиженіи грузовъ. Дѣло въ томъ, что она захватываетъ только самую южную оконечность Симбирской, клочокъ Саратовской и лишь въ Пензенской проходитъ на болѣе значительномъ протяженіи. Потому-то значительная часть территоріи какъ Симбирскаго, такъ и Саратовскаго Поволжья не можетъ пользоваться услугами Моршанско-Сызранской жел. дороги. Для Симбирской губерніи несравненно важнѣе р. Сура, которая, какъ водный путь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ удобствъ больше, чѣмъ сама „матушка-Волга". Сура вскрывается раньше Волги, и въ то время, какъ сурскіе караваны входятъ въ Волгу у г. Василя, Нижегородской губерніи, въ Самарѣ только оканчивается весенняя погрузка. Затѣмъ, Сура даетъ возможность доставлять грузы къ Нижнему въ болѣе короткій промежутокъ времени, потому что они идутъ по этой рѣкѣ *внизъ по теченію*, тогда какъ, слѣдуя по Волгѣ къ тому же городу, они должны подниматься *вверхъ*. Такъ товары, отправляемые съ главной сурской пристани, Промзина-Го-

Городъ Саранскъ.

родища, проходятъ 400 верстъ до Нижняго, при благопріятной погодѣ, даже съ ночными остановками, въ 8—10 дней. На Волгѣ же движеніе совершается несравненно медленнѣе. Вотъ почему тамъ, гдѣ Сура судоходна, она имѣетъ громадное значеніе въ торговомъ движеніи. Уже изъ Пензенской губерніи нѣкоторая часть грузовъ притягивается сурскими пристанями, расположенными по теченію рѣки въ Симбирской губерніи. Пристани эти—Большіе Березники, г. Алатырь, Промзино. Еще болѣе притягивается Сурою грузовъ изъ самаго Симбирскаго Поволжья.

Отсюда видно, что желѣзная дорога, проходящая по самой южной части Симбирской губерніи, не можетъ представлять такого значенія для отправки мѣстныхъ грузовъ, какъ р. Сура, за исключеніемъ времени, когда навигація на послѣдней останавливается. Только въ Пензенской, гдѣ она захватываетъ болѣе значительное пространство, а отправка грузовъ не представляетъ уже того удобства, какъ въ Симбирской, рельсовый путь получаетъ большее значеніе.

Характеръ грузовъ, отправляемыхъ по Моршанско-Сызранской дорогѣ изъ предѣловъ Пензенско-Симбирскаго края, отличается отъ того, какой слѣдуетъ по этому пути изъ Заволожья Самарской губ. Оттуда, какъ мы видѣли, идетъ болѣе всего пшеница въ мукѣ и зернѣ. Отсюда

же отправляется главнымъ образомъ рожь, ржаная и пеклеванная мука, гречневая крупа, затѣмъ овесъ и горохъ. Объясняется это какъ тѣмъ, что рожь изъ Самарскаго края оттягивается Волгою, такъ и тѣмъ, что Симбирская и Пензенская губерніи (послѣдняя въ особенности) производятъ пшеницы несравненно менѣе, чѣмъ ржи.

Симбирская губернія издавна славится обработкою высшихъ сортовъ ржаной муки. По способу обработки „сурскій хлѣбъ" дѣлится на четыре сорта: 1) *сѣяльный* или *пеклеванная мука*, для которой лучшая рожь обивается на обойнѣ, затѣмъ обдирается и мелется, причемъ мука просѣивается чрезъ 1—3 сита; 2) *обдирная мука*, для которой рожь мелется послѣ обивки; 3) *обыкновенная мука* изъ обыкновеннаго крестьянскаго хлѣба и 4) *мука шашарная*—изъ отрубей и просѣвокъ, оставшихся отъ обработки сѣяльной муки и смѣшанныхъ съ обыкновенной мукой. Такъ какъ сурскій хлѣбъ по отдѣлкѣ высшихъ сортовъ считается лучшимъ, то идетъ въ большомъ количествѣ въ Петербургъ, но для сбыта его служитъ главнымъ образомъ р. Сура, а не желѣзная дорога. Изъ другихъ хлѣбовъ въ значительномъ количествѣ производится Симбирскою губерніею гречневая крупа и овесъ, отпускаемые преимущественно также водянымъ путемъ. Тѣже виды хлѣбовъ и въ Пензенской губерніи, но они стали идти въ болѣе значительномъ количествѣ за ея предѣлы только послѣ устройства желѣзной дороги, которая вообще принесла пользы болѣе всего именно этой губерніи, если судить по движенію судовъ изъ губерній Симбирской, Саратовской и Пензенской по линіи Моршанско-Сызранской.

Въ Симбирской губ. нельзя указать, за исключеніемъ только г. Сызрани, ни одной станціи, выходящей изъ ряду вонъ по отправкѣ хлѣбныхъ грузовъ. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и о Саратовской. За то въ Пензенской находятся на линіи желѣзной дороги такіе пункты, отправка хлѣбныхъ грузовъ съ которыхъ достигаетъ сотенъ тысячъ пудовъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ губернскій городъ Пенза.

Пенза, какъ и множество другихъ городовъ Россіи, которые захватила желѣзнодорожная сѣть, до проведенія рельсоваго пути не имѣла большого значенія ни въ фабрично-промышленномъ, ни въ торговомъ отношеніи. Развитію города ставило преграды неудобство путей сообщенія. Хотя городъ и лежитъ при рѣкѣ, впадающей въ важную въ торговомъ отношеніи Суру, но послѣдняя становится вполнѣ удобною для судоходства лишь въ предѣлахъ сосѣдней Симбирской губерніи. Поэтому пензенская пристань никогда не играла важной роли въ торговомъ движеніи. Гужевой способъ перевоза и подавно не могъ служить къ развитію послѣдняго. Оттого до проведенія Моршанско-Сызранской дороги Пенза ничѣмъ не выдѣлялась изъ многаго множества другихъ подобныхъ градовъ Россіи. Она въ торгово-промышленномъ отношеніи далеко уступала прочимъ городамъ нижняго Поволжья, каковы Самара, Саратовъ, Симбирскъ. Проложеніе черезъ Пензу рельсового пути сразу подняло значеніе этого города: онъ сдѣлался важнымъ центромъ хлѣбной торговли. Отсюда отправляется теперь однихъ хлѣбныхъ грузовъ не менѣе 2 милл. пуд. Такъ въ 1892 году изъ Пензы отправлено было 455,4 тыс. пуд. ржаной муки, 103, 4 тыс. пуд. ржи, 420 тыс. пуд. гречневой крупы, 636 тыс. пуд. овса и 74,4 тыс. пуд. гороха. Весьма крупное значеніе въ отправкѣ этихъ грузовъ имѣютъ еще станціи Симанщина, Студенецъ, Воейкова, Башмаково и Сосѣдка.

Кромѣ произведеній хлѣбопашества, по Моршанско-Сызранской дорогѣ отсылается изрядное количество огородныхъ овощей. Ихъ отправлено было изъ Симбирской губерніи 97,5 т. пуд., изъ Саратовской—1,2, изъ Пензенской 122,2 тыс. пуд. Что же касается продуктовъ скотоводства, то отправка ихъ составляла относительно очень небольшое количество.

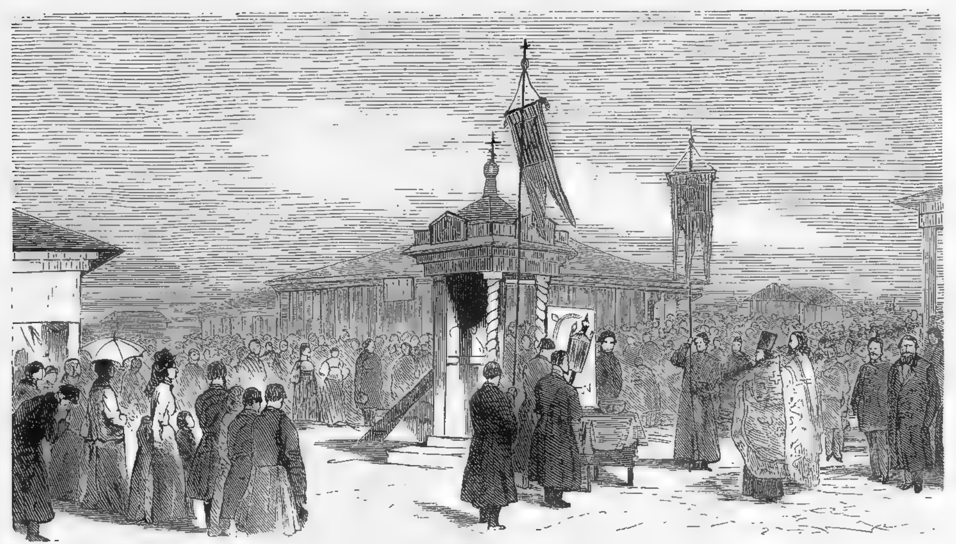
Губерніи Симбирская, Саратовская и Пензенская не могутъ похвалиться обиліемъ лѣсовъ; а между тѣмъ торговля лѣсными продуктами нельзя сказать, чтобы была ничтожна. Отсюда отсылается кулье, мочала, рогожи, деготь, смола и разныя деревянныя издѣлія.

Отпускъ произведеній фабрично-заводской промышленности, при неразвитости ея, очень ограниченъ. Можно указать только на вывозъ спирта и сахара (изъ Пензы).

Моршанско-Сызранская дорога, служа главнымъ образомъ для передвиженія мѣстныхъ продуктовъ и произведеній Заволжья, принимаетъ очень слабое участіе въ перевозкѣ товаровъ, идущихъ съ устьевъ Волги и Каспія. На это, конечно, обнаруживаетъ сильное вліяніе существованіе Тамбовско-Саратовской и Грязе-Царицынской дорогъ, находящихся ближе къ мѣстамъ добычи и производства этихъ продуктовъ.

Такъ соль, керосинъ, рыба идутъ по Моршанско-Сызранской дорогѣ въ очень ограниченномъ количествѣ. Соль, перевозимая по этой дорогѣ, принадлежитъ, главнымъ образомъ, илецкимъ мѣсторожденіямъ Оренбургской губерніи. Изъ другихъ товаровъ, приходящихъ транзитомъ, слѣдуетъ упомянуть хлопокъ, частью поступающій на дорогу, частью съ оренбургской линіи, частью съ Волги.

Тамбово-Саратовская дорога, соединяющая съ центромъ Россіи средину нижняго Поволжья, самое горячее, кипущее жизнью его мѣсто, является несравненно болѣе важнымъ путемъ тор-

Открытіе ярмарки въ Саранскѣ.

говопромышленнаго движенія. Дорога эта прорѣзываетъ самую средину Саратовской губерніи отъ востока къ западу и ея районъ притяженія грузовъ весьма значителенъ. Имѣя главнымъ образомъ значеніе какъ путь сбыта мѣстныхъ продуктовъ, Тамбовско-Саратовская дорога играетъ роль и въ транзитѣ товаровъ, приходящихъ изъ Заволжья, Астраханской губерніи и съ Каспійскаго моря. Такъ по этой дорогѣ идутъ рыбные товары и соль изъ Астраханской губерніи, хлѣбъ и табакъ изъ Самарской и т. д.

Сельскохозяйственная производительность Саратовской губерніи весьма обширна. Главные виды получаемыхъ здѣсь хлѣбовъ: пшеница, рожь, овесъ, греча, затѣмъ просо, горохъ. Обширная торговля хлѣбомъ вызвала развитіе мельничнаго дѣла. Мельницы расположены вокругъ Саратова по рр. Медвѣдицѣ, Латрыку, Курдюму, Чардыму и по самой Волгѣ, въ разстояніи 30—70 верстъ отъ города. Въ самомъ Саратовѣ находится 13 паровыхъ мельницъ съ годовымъ производствомъ въ 5 милліоновъ рублей. Хлѣбъ на помолъ идетъ какъ отъ самихъ производителей, такъ и отъ торговцевъ. Изъ другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства Саратовской губерніи слѣдуетъ упомянуть подсолнечное и конопляное сѣмя, арбузы и разные фрукты. Подсол-

нечники разводятся въ губерніи сплошными посѣвами, на поляхъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ разведенія служитъ мѣстность около Саратова. Довольно распространено и разведеніе для полученія сѣмени льна и конопли. Изъ подсолнечниковъ добывается масло на маслобойняхъ Саратова, гдѣ ихъ считается около 30 съ производствомъ въ 600,000 рублей. Масла производится свыше 200,000 пудовъ. Около 10,000 пуд. масла подвозится въ Саратовъ сверхъ того крестьянами. Производство другихъ растительныхъ маслъ гораздо ограниченнѣе. Сѣмянныя выжимки, употребляемыя прежде на кормъ скоту, требуются теперь за границу и являются немаловажной статьей въ нашей внѣшней торговлѣ. Арбузы и дыни воздѣлываются на бахчахъ, главнымъ образомъ въ Камышинскомъ и Царицынскомъ уѣздахъ, гдѣ бахчи встрѣчаются, можно сказать, въ каждомъ селеніи. Наибольшею извѣстностью пользуются арбузы камышинскіе, но лучшими качествами отличаются арбузы, разводимые на луговой, самарской сторонѣ Волги, въ приволжскихъ хуторахъ; что касается производства табаку, то оно въ Саратовской губерніи очень ограничено. Табаководство распространено преимущественно въ Самарской губерніи.

Всѣ указанные продукты сельскохозяйственной производительности Саратовской губерніи идутъ за ея предѣлы частью водянымъ путемъ, частью же по Тамбовско-Саратовской желѣзной дорогѣ. Наибольшее количество товаровъ отправляется, конечно, изъ самаго Саратова. По размѣрамъ отправки заслуживаютъ затѣмъ вниманія г. Аткарскъ, станціи Екатериновка, Салтыковка, Ртищево, Сосновка, Беково и Томала.

Кромѣ того, Саратовская губернія отправляетъ по Тамбовско-Саратовской линіи большое количество арбузовъ и садовыхъ фруктовъ. Вывозъ изъ губерніи арбузовъ усилился съ устройствомъ желѣзной дороги въ громадныхъ размѣрахъ. Этотъ товаръ принадлежитъ къ разряду подвергающихся очень быстрой порчѣ. Поэтому доставка его до проведенія желѣзной дороги была очень затруднительна. Тогда обыкновенно около Ильина дня, т.-е. недѣли за двѣ до достиженія арбузами полной зрѣлости, пріѣзжали за ними „москвичи", извозчики, занимавшіеся доставкою арбузовъ въ Москву, на одноконныхъ, пароконныхъ и троечныхъ подводахъ. На одноконный возъ накладывалось 95 — 100 штукъ, пароконный 150 — 160, троечный — 200. Троечники подряжались обыкновенно доставлять арбузы на срокъ, а потому они ѣхали день и ночь, перемѣняли лошадей и поспѣвали изъ с. Антиповки (Камышинскаго уѣзда) въ Москву на 14-й день. Другіе возчики ѣхали съ роздыхами. Въ г. Козловѣ (Тамбовской губерніи) они разбирали возы, осматривали нѣтъ-ли между арбузами потертыхъ, снова перекладывали ихъ, и пускались далѣе. Иногда и сами саратовскіе крестьяне занимались доставкою арбузовъ на волахъ, но не далѣе Козлова. Въ Москву отправлялся товаръ лучшаго качества. Болѣе низкіе сорта грузились на суда (досчаники и кладушки) и шли водянымъ путемъ. Они распродавались въ приволжскихъ городахъ, но не далѣе Казани. Устройство желѣзной дороги дало возможность болѣе быстрой и спокойной доставки арбузовъ. Теперь этотъ товаръ можетъ поспѣвать въ Петербургъ скорѣе, чѣмъ доходилъ онъ раньше до Москвы. Спросъ на него возросъ въ весьма сильной степени.

Собственно табаку Саратовская губернія отправляетъ мало по неразвитости въ ней табаководства. Большая часть табаку, отправляемаго Тамбовско-Саратовскою губерніею, поступаетъ изъ-за Волги.

Переходимъ къ товарамъ, слѣдующимъ по Тамбовско-Саратовской дорогѣ транзитомъ. Сюда относится главнымъ образомъ соль. Послѣдняя отправляется, однако, въ сравнительно незначительномъ количествѣ и это объясняется тѣмъ, что огромную массу соли привлекаетъ къ себѣ дорога Грязе-Царицынская, благодаря большей ея близости къ солянымъ мѣсторожденіямъ Астраханской губерніи. Тоже самое слѣдуетъ сказать о другомъ транзитномъ товарѣ — рыбѣ.

Третья рельсовая линія, связывающая нижнее Поволжье съ центромъ Россіи, дорога Грязе-Царицынская проходитъ по территоріи Саратовской губерніи на очень ограниченномъ протяженіи, а потому и не имѣетъ большого значенія въ перевозкѣ мѣстныхъ грузовъ. Эта дорога

пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе, только вступивъ въ предѣлы Донской области и Тамбовской губерніи, въ Саратовской же она играетъ роль главнымъ образомъ транзитнаго пути. Хлѣбныхъ грузовъ отсылается со станцій этой дороги въ предѣлахъ Саратовской губерніи весьма малое количество.

Главный торговый центръ этой мѣстности, г. Царицынъ, самъ очень нуждается въ рыбѣ и потому получаетъ ее гораздо болѣе, чѣмъ отправляетъ. Вслѣдствіе этого Грязе-Царицынская дорога и имѣетъ значеніе для Поволжья только какъ путь, которымъ слѣдуютъ транзитомъ рыба, соль и нефтяные продукты. Рыба проходитъ здѣсь въ количествѣ около 6 милліоновъ пудовъ. Соль и нефть слѣдуютъ тоже въ огромномъ количествѣ (нефти и нефтяныхъ продуктовъ транзитомъ приблизительно 35 милліоновъ пудовъ). Изъ продуктовъ сельскаго хозяйства значительна только отправка арбузовъ (свыше 510 тыс. пуд.), но часть ихъ идетъ и изъ Астраханской губерніи. Слабое участіе Грязе-Царицынской дороги въ отпускѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ Поволжья объясняется непроизводительностью той мѣстности, по которой она проходитъ въ Саратовской губерніи. Почва здѣсь неплодородна, горы безлѣсны; лишь

Конная ярмарка въ Саранскѣ.

кое-гдѣ, въ расщелинахъ, держатся одинокіе кусты боярышника или крушинника, а на скатахъ произрастаютъ полынь и другія солонцоватыя травы; здѣсь вся мѣстность имѣетъ пепельный и безжизненный видъ, который она сохраняетъ даже весною и осенью... Большаго вниманія заслуживаютъ устроенныя въ Царицынѣ и принадлежащія нашему извѣстному нефтепромышленнику, г. Нобелю, приспособленія для пріема, содержанія и отправки по желѣзной дорогѣ нефти и керосина, доставляемыхъ сюда по Волгѣ въ особыхъ наливныхъ баржахъ. Для нефти построены колоссальныхъ размѣровъ резервуары, куда нефть накачивается съ баржъ при помощи особыхъ трубъ. Затѣмъ, когда нефть необходимо отправить по желѣзной дорогѣ, ее перекачиваютъ въ наливные вагоны.

Въ заключеніе этого очерка скажемъ нѣсколько словъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ движеніемъ товаровъ съ низовьевъ Поволжья. Мы уже выше замѣтили, что масса грузовъ во время навигаціи притягивается водяными путями, вслѣдствіе сравнительной дешевизны перевозки водою передъ доставкою по рельсовымъ путямъ. Поэтому передвиженіе грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ должно усиливаться въ зимнее время, когда, вдобавокъ, облегчается гужевой подвозъ товаровъ къ станціямъ, благодаря установленію саннаго пути. Между тѣмъ такое передвиженіе встрѣчаетъ немало препятствій въ снѣжныхъ заносахъ, представляющихъ у насъ, особенно въ степяхъ, весьма обыкновенное явленіе. Нужно быть жителемъ нашихъ саратовскихъ степей или хорошо знать ихъ, чтобы судить о бывающихъ здѣсь буранахъ! Снѣжныя мятели засыпаютъ экипажи съ лошадьми и отъ цѣлыхъ деревень иногда остаются только

крыши болѣе высокихъ избъ, глубокіе овраги засыпаетъ снѣгомъ съ краями наравнѣ, и овраги эти служатъ часто могилою для заблудившихся путниковъ. Такіе-то заносы, задерживая поѣзда по нѣскольку дней въ степи, служатъ препятствіемъ своевременной, срочной доставки товаровъ. Къ этимъ стихійнымъ вліяніямъ, отражающимся такъ невыгодно на торговыхъ интересахъ, слѣдуетъ присоединить еще разныя злоупотребленія желѣзныхъ дорогъ.

Гужевое передвиженіе товаровъ и подвозка ихъ къ желѣзнымъ дорогамъ встрѣчаютъ болѣе препятствій въ другія времена года—особенно осенью и весною. Въ лѣтнее время и гужевыя дороги представляли болѣе удобствъ для товарнаго движенія, вывозъ продуктовъ Поволжскаго края возросъ бы еще сильнѣе. Но не повело ли бы это къ еще большему истощенію производительныхъ его силъ — вотъ вопросъ, который невольно приходится себѣ задавать.

Евг. Черновъ.

ОЧЕРКЪ IX.

ПРИВОЛЖСКІЯ ИНОСТРАННЫЯ КОЛОНІИ

Историческій обзоръ иностранной колонизаціи.—Исторія образованія Сарепты.—Колонія Гаффенталь.—Жизнь, хозяйство и бытъ колонистовъ. Отношенія колонистовъ къ русскому населенію.

От одного берега отстали, да къ другому не пристали.
(русская поговорка).

СТЕПНОЕ пространство нашего юго, юго-востока и юго-запада, которое образовывало какъ бы посредствующій поясъ между осѣдлымъ населеніемъ Россіи и постоянно кочевавшими ордами Башкиръ, Киргизъ-кайсаковъ и Калмыковъ, въ современныхъ Оренбургской, Уфимской, Саратовской, Самарской и Астраханской губерніяхъ, ногаевъ, и вообще Татаръ, въ Кубанской области, по прибрежью Чернаго и Азовскаго морей и въ Крыму, требовало постоянной охраны отъ набѣговъ полудикихъ ордъ, которыя нерѣдко усиливались подъ вліяніемъ Турецкой и Польской политики. Этотъ поясъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія въ немъ русскаго, осѣдлаго населенія, требовалъ, для защиты границъ и для пользованія естественными, богатыми дарами природы, которые пропадали даромъ, заселенія. Въ опредѣленномъ нами поясѣ, мы и наблюдаемъ первый примѣръ земледѣльческаго водворенія у насъ иностранцевъ, которое относится къ царствованію императрицы Екатерины II; заселеніе степей, между прочимъ, находилось въ прямой связи съ нашей политикой того времени, по отношенію къ Польшѣ и Турціи.

Расширеніе территоріи нашего отечества, пріобрѣтеніе громадныхъ, не заселенныхъ пространствъ, вызвало сначала военное заселеніе степей, какъ средство для защиты вновь пріобрѣтенной территоріи; такъ въ 1751 году императрица Елизавета поручила полковнику Австрійской службы, Хорвату, привести и поселить въ пустынной степи военные полки. Хорватъ привелъ два полка, гусарскій и пандурскій, состоявшіе изъ сербовъ, грековъ, молдаванъ, черногорцевъ, болгаръ и валаховъ. Первые полки были поселены въ Украйнѣ за Днѣпромъ, въ современныхъ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, почему и самая мѣстность была названа Новой Сербіею. Впослѣдствіи было сформировано еще четыре полка; всѣ чины которыхъ, отъ офицера до рядового, получили земельные надѣлы отъ 200 до 20 четвертей,

т.-е. отъ 100 до 10 десятинъ земли на человѣка. Полки были поселены по-ротно; поселенія носили названіе „шанцевъ". Въ 1764 г. Новая Сербія переименована въ Новороссійскую губернію, изъ нѣсколькихъ полковыхъ мѣстечекъ образованы города, а шанцы названы военными поселеніями, но съ этого времени военныя поселенія уступаютъ мѣстной колонизаціи.

4 декабря 1762 года императрица Екатерина II издала манифестъ, которымъ призывались всѣ желающіе, за исключеніемъ евреевъ, свободно поселяться въ новопріобрѣтенныхъ, громадно-обширныхъ степныхъ нашихъ владѣніяхъ. Однако, первый манифестъ не произвелъ ожидаемаго отъ него дѣйствія, такъ какъ, кромѣ призыва къ переселеніямъ, не заключалъ въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій въ пользу будущаго гражданскаго положенія новыхъ поселенцевъ; послѣднюю задачу выполнилъ манифестъ 23 іюля 1763 года, въ которомъ иностраннымъ поселенцамъ были предоставлены очень важныя льготы.

Иностранцы, не имѣвшіе средствъ на проѣздъ, доставлялись въ Россію на казенный счетъ. Всѣмъ переселенцамъ предоставлено было право исполнять то исповѣданіе, въ которомъ они состоятъ, съ однимъ только условіемъ, что они не должны были, подъ строгою отвѣтственностію по законамъ, совращать въ свою вѣру православное русское населеніе, за исключеніемъ тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые исповѣдуютъ магометанство; послѣднихъ не только дозволялось совращать, но даже и закрѣпощать иностраннымъ переселенцамъ. Иностранцы, поселенные цѣлыми селеніями на пустопорожнихъ степныхъ мѣстахъ, были освобождены отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ податей и сборовъ въ теченіе тридцати лѣтъ; всѣмъ переселенцамъ помимо земельнаго надѣла выдавались изъ казны еще безпроцентныя денежныя ссуды на постройку домовъ, обзаведеніе скотомъ, покупку инструментовъ и т. п. Ссуды переселенцы должны были возвращать по прошествіи десяти лѣтъ послѣ ихъ населенія, по равнымъ частямъ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ второго десятилѣтія. Для иностранцевъ, поселившихся особыми колоніями и мѣстечками, внутренняя ихъ юрисдикція оставалось на ихъ благоусмотрѣніе; наше начальство совсѣмъ не должно было касаться до внутреннихъ распорядковъ переселенцевъ въ ихъ селеніяхъ. Кромѣ безпошлиннаго ввоза движимаго имущества всякаго рода, иностранцы имѣли право ввозить товары и на продажу, тоже безпошлинно, до трехсотъ рублей на каждое семейство. Переселенцы навсегда были совершенно освобождены отъ рекрутской повинности, поступать же на военную или гражданскую службу они могли только по собственному добровольному желанію; по истеченіи десятилѣтняго льготнаго срока, они обязаны были нести только земскую службу. Иностранцамъ, которые желали поселиться внутри Россіи, выдавались изъ казны кормовыя деньги и подводы до мѣста назначенія. Переселенцамъ, поселившимся колоніями и мѣстечками, разрѣшено было устраивать базары и ярмарки безъ платежа какихъ бы то ни было пошлинъ въ казну. Всѣми перечисленными льготами должны были пользоваться не только сами переселенцы, но дѣти и потомки ихъ, хотя бы послѣдніе и были рождены въ Россіи; по прошествіи льготныхъ 30 лѣтъ всѣ переселенцы должны были платить обыкновенныя безъ всякой тягости подати и нести земскую службы, какъ и всѣ остальные русскіе поданные. Переселенцы, пожелавшіе оставить наше отечество, могли исполнить свое желаніе во всякое время, но съ тѣмъ, что они должны были изъ имѣнія, нажитого въ Россіи, проживши отъ 1 до 5 лѣтъ, возвратить въ казну пятую часть, а поселенцы, прожившіе десять лѣтъ и болѣе, возвращали въ казну только десятую часть своего имущества, пріобрѣтеннаго у насъ.

Кромѣ общихъ, изложенныхъ нами льготъ, манифестъ предоставлялъ переселенцамъ право ходатайствовать еще и о другихъ, если бы въ послѣднихъ встрѣтилась какая-нибудь надобность.

Манифестъ, содержаніе котораго мы передали вкратцѣ, былъ сообщенъ всѣмъ нашимъ президентамъ и посланникамъ за границей, и онъ не замедлилъ оказать желаемое дѣйствіе, особенно въ Германіи, куда наше правительство отправило даже особыхъ комиссаровъ для

пріема переселенцевъ. Переселенцы являлись цѣлыми партіями и разселялись въ низовомъ Поволжьи, частію въ Слободско-Украинской, нынѣ Воронежской, Черниговской, Лифляндской и С.-Петербургской губерніяхъ.

Для того, чтобы показать, какой громадный наплывъ переселенцевъ вызвалъ манифестъ, мы приведемъ нѣсколько цифръ: въ современныхъ Саратовской и Самарской губерніяхъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1764 по 1768 годъ, образовалось уже 107 колоній; половина колоній, несмотря на близость кочевниковъ, отъ которыхъ не разъ страшно страдали новые поселенцы, была расположена на лѣвомъ побережьи Волги, въ нынѣшней Самарской губерніи, на протяженіи около ста верстъ вверхъ и столько же внизъ отъ слободы Покровской, находящейся на лѣвомъ берегу Волги, противъ г. Саратова; другая часть переселенцевъ образовала колоніи въ предѣлахъ современной Саратовской губерніи. Мы не знаемъ ни числа семей, ни числа душъ первыхъ иностранныхъ переселенцевъ, но, судя по пространству, которое имъ было отведено, 472,222 дес., 278,141 десятина въ Самарской и 194,081 дес. въ Саратовской губерніи, всѣхъ переселенцевъ было отъ 13,000 до 15,000 семей. Но такой семейный наплывъ переселенцевъ имѣлъ и свои дурныя стороны; многіе иностранцы совсѣмъ не удовлетворяли тѣмъ требованіемъ, которыя можно было предъявлять переселенцамъ; переселиться въ Россію устремились и старики и дѣти, такъ какъ послѣ зачисленія иностранцевъ въ списки, каждый изъ нихъ получалъ по 8 шиллинговъ въ день на продовольствіе; многіе и записывались для того только, чтобы даромъ получать суточныя деньги.

Быстрый приливъ переселенцевъ не могъ не озабочивать правительства въ регулированіи своихъ отношеніи къ этой сравнительно значительной массѣ новыхъ подданныхъ. Въ виду ,,той пользы, которая умноженіемъ выхода въ Россію иностранныхъ народовъ государству пріобрѣтена будетъ", признано было необходимымъ дать болѣе обстоятельное развитіе манифесту 23 іюля 1763 года, ,,установивъ для иностранныхъ переселенцевъ такія узаконенія, которыя, будучи вездѣ извѣстны, могли бы служить возбужденіемъ и въ другихъ лучшей охоты къ выходу въ Россію и къ поселенію въ оной". Послѣдняя потребность была удовлетворена правилами, которыя были утверждены 19 марта 1764 года; правила содержали основанія, на которыхъ допускалось переселеніе иностранныхъ выходцевъ въ Россію. Прежде всего для переселенія были точне опредѣлены и отведены громадныя степныя пространства въ Самарской и Саратовской губерніяхъ. Границы территоріи, назначенной для переселенцевъ, шли по теченіи рѣки Безимянной, впадающей въ Донъ, до р. р. Медвѣдицы и Хопра, вверхъ Дономъ до р. Битюга и кромѣ того въ другихъ мѣстностяхъ.

Переселенцевъ положено было водворять по округамъ; прежде—подлѣ обитаемыхъ мѣстъ, простирая потомъ къ центрамъ; округа должны были заключать въ себѣ пространство земли, достаточное для надѣла землею 1,000 семействъ. Каждый семьѣ особо отводилось по 30 десятинъ земли; 15 десятинъ пашни, по 5 десятинъ сѣнокоса, лѣсныхъ угодій и усадебной земли. Часть земли, отведенной подъ поселенія колонистовъ, оставлялась впустѣ для будущихъ дѣтей, для того, что-бы и послѣднія, когда подрастутъ и женятся, могли-бы сдѣлаться хозяевами. Шестая часть дворовыхъ мѣстъ колоніи, вмѣстѣ съ огородами, должна быть оставлена для ремесленниковъ; такая же часть дворовыхъ мѣстъ вмѣстѣ съ пахатной землей и другими угодьями должна быть оставлена въ запасъ для подростающаго поколѣнія. Относительно наслѣдованія былъ узаконенъ минoратъ (земельный участокъ по-наслѣдству переходилъ къ меньшему сыну), ,,въ такомъ разсужденіи, что каждый отецъ, зная сіе узаконеніе, принужденъ будетъ стараться дѣтей своихъ, съ самаго ихъ малолѣтства, учить разнымъ рукодѣліямъ". Если же меньшій сынъ вслѣдствіе малолѣтства, или по другимъ причинамъ, самъ не могъ владѣть участкомъ, то представлялось на волю отца избирать въ наслѣдники, или опекуны наслѣднику одного изъ старшихъ сыновей, или другихъ ближайшихъ родственниковъ.

Если же законный наслѣдникъ будетъ почему либо не способенъ получить земельный на-

дѣлъ, то послѣдній переходитъ къ ближайшему родственнику, но такому, который не имѣетъ своего земельнаго надѣла; при равенствѣ правъ на наслѣдство нѣсколькихъ лицъ, бросается жребій. Братья или родственники, по ихъ взаимному согласію, могли жить въ одномъ домѣ, только хозяиномъ долженъ считаться непремѣнно кто-нибудь одинъ изъ нихъ, а не всѣ. Движимымъ имуществомъ распоряжается самъ хозяинъ, но если онъ не оставитъ завѣщанія, то четвертая доля идетъ женѣ и такую же долю получаютъ дочери на приданое, остальное дѣлится между сыновьями поровну. Если послѣ смерти колониста не остается наслѣдника мужеского пола, то земельнымъ участкомъ владѣютъ жена и дочери колониста, до тѣхъ поръ, пока жена или которая-нибудь изъ дочерей не выйдетъ замужъ, и первый мужчина, вошедшій въ такой домъ, посредствомъ брака, признается навсегда владѣльцемъ земельнаго участка. Ни самъ хозяинъ участка, колонистъ, ни наслѣдники не имѣютъ права ни продавать, ни закладывать, ни дѣлить на части своего участка, а всѣ земельные надѣлы остаются нераздѣльно во владѣніи жителей той деревни, для которой они отведены. Во владѣніе цѣлаго селенія отводится земли подъ церкви, фабрики, заводы, виноградники и т. п., а также болота, рѣки, озера, глинистыя и песчаныя площади, каменоломни, и т. п.

Всѣ перечисленныя нами узаконенія, за исключеніемъ только наслѣдованія какъ несогласнаго съ обычаями переселенцевъ, дѣйствуютъ и по сіе время.

Однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій при предпринятой колонизаціи являлось совершенное отсутствіе вѣрныхъ плановъ на пустующія земли и полнѣйшее незнаніе хозяйственныхъ условій такихъ земель. Само правительство сознавало, что успѣхъ требуетъ распространенія иностранныхъ поселеній съ извѣстнымъ намѣреніемъ, а не наудачу; что для полнаго успѣха дѣла необходима опредѣленная система, основанная на полномъ знаніи условій колонизуемой мѣстности, для чего, не жалѣя издержекъ, были приняты рѣшительныя мѣры къ изслѣдованію и снятію на планы территоріи низового Поволжья. Правительство видѣло въ послѣдней мѣрѣ, какъ и вообще въ успѣхѣ колонизаціи, вѣрнѣйшее средство къ тому, что „Россія столь страною дикою, какъ донынѣ иностранцамъ, казаться не будетъ и затвердѣлое объ ней предубѣжденіе нечувствительно исчезнетъ".

Благодаря выгодности тѣхъ условій для переселенцевъ, которыя мы выше изложили, стали переселяться въ Россія и такіе иностранцы, которые были для насъ далеко нежелаемыми гостями; только рѣдкій изъ переселенцевъ, отдаваясь въ распоряженіе комиссара, не имѣлъ въ виду обезпечить себѣ лишь однодневное пропитаніе. Сначала колонисты селились на основаніи положеній манифеста 1863 года, но очень скоро новыя партіи переселенцевъ начали требовать для водворенія въ Россіи уже спеціальныхъ договоровъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Подобная система колонизаціи, конечно, не могла дать тѣхъ результатовъ, какихъ ожидало отъ нее правительство, такъ что, частію по этой причинѣ, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ турецкихъ и польскихъ войнъ, съ 1770 года вызовъ и пріемъ переселенцевъ изъ за границы былъ временно пріостановленъ.

Только 12 лѣтъ спустя, подъ вліяніемъ успѣховъ нашего оружія противъ Турціи, мы видимъ новыя колонизаціонныя попытки, которыя въ то время были направлены почти исключительно для заселенія вновь пріобрѣтеннаго Новороссійскаго края, Крыма и Бессарабіи; второй опытъ колонизаціи производился тоже на основаніяхъ, выработанныхъ въ 1764 году.

На основаніи манифеста 1763 года, для высшаго управленія дѣлами переселенія, водворенія иностранцевъ и устроенными ими колоніями, въ томъ же году была учреждена въ Петербургѣ канцелярія опекунства иностранныхъ. „Канцелярія должна была: удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ иностранцевъ и пещись, дабы они при самомъ началѣ ихъ прихода въ Россію не были подвергаемы никакому изнуренію и дабы на первый случай отведены имъ были покои для жительства, до тѣхъ поръ, пока каждый, по желанію своему, опре-

дѣленъ будетъ". Для доставленія иностранцамъ квартиръ, а также на вспомоществованіе при поселеніи, на покупку сѣмяннаго хлѣба, скота, лошадей, земледѣльческихъ орудій и т. п. канцеляріей отпускалось изъ „Камеры Коллегіи" ежегодно по 200,000 руб., пока впослѣдствіи не понадобится больше. Кромѣ того, на обязанности канцеляріи лежало давать наставленія пограничнымъ губернаторамъ и начальникамъ, чтобы послѣдніе оказывали иностранцамъ, являвшимся для поселенія, всевозможную помощь; канцелярія должна была имѣть вѣрныя записи о томъ, на какую сумму каждымъ иностранцемъ привезено было собственнаго имущества и товаровъ, для того чтобы можно было впослѣдствіи опредѣлить, сколько кѣмъ пріобрѣтено будетъ въ Россіи имущества, въ случаѣ выѣзда кого-либо обратно за-границу, для того, чтобы можно было взимать въ казну опредѣленную часть благопріобрѣтеннаго имѣнія и планы съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ порожнихъ земель, удобныхъ къ населенію, затѣмъ, подъ руководствомъ канцеляріи, чрезъ особыхъ комиссаровъ, на которыхъ лежали обязанности главнаго мѣстнаго управленія, производилось первоначальное водвореніе колонистовъ.

Въ 1782 году, послѣ образованіи губерній, канцелярія опекунства была упразднена и колонисты, вмѣстѣ съ казенными крестьянами, отошли въ завѣдываніе бывшихъ „директоровъ домоводства"; подъ послѣднимъ управленіемъ они оставались до 1797 года, когда при правительствующемъ сенатѣ была учреждена особая экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. Съ учрежденіемъ министерствъ, эта экспедиція вошла въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ и оставалась при немъ до 1837 года, т.-е. до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, въ завѣдываніе котораго, вмѣстѣ съ государственными крестьянами, отошли и поселенные на казенныхъ земляхъ колонисты.

Но уже въ 1797 г., въ виду крайняго упадка колоній и всеобщихъ жалобъ переселенцевъ на злоупотребленіе и всякаго рода стѣсненія различнаго мѣстнаго начальства, вполнѣ подтвердившихся произведенными чрезвычайными ревизіями, правительство признало необходимымъ возвратиться къ прежнему порядку управленія колонистами и приступить къ устройству „внутренней ихъ юрисдикціи" съ изъятіемъ изъ вѣденія послѣднихъ общихъ полицейскихъ, судебныхъ и правительственныхъ учрежденій. Начиная съ 1797 года, были постепенно организованы три главныя мѣстныя управленія: для колоній приволжскихъ, для колоній сѣверныхъ и для колоній южнаго края Россіи.

Во все предшествовавшее время, въ такъ-называемый Екатерининскій періодъ, колонисты состояли на льготѣ, но тѣмъ не менѣе однако они дошли, или выражаясь точнѣе, были доведены до полнаго несостоянія и изнеможенія. Что же привело нашихъ колонистовъ къ подобному экономическому положенію? Очевидно, ихъ опутывало и втягивало въ свой кругъ всеобщее, господствовавшее крѣпостничество, если не по праву и закону, то фактически на дѣлѣ. Только страстная энергія императора Павла I и принятыя, по его неуклоннымъ настояніямъ, органическія мѣры въ пользу колоніи могли вызвать забытыя права колонистовъ и дать жизненную силу тѣмъ законодательнымъ актамъ, которыми гарантировались эти права. Только на рубежѣ послѣднихъ столѣтій колонизаціонные законы 1763 и 1764 г.г., дополненные инструкціями о внутреннемъ самоуправленіи колоній, получили ту полноту и стройное развитіе, которыми обусловливается цѣлостность и сущность всякой системы.

Непродолжительное царствованіе Павла I прошло въ подробномъ изслѣдованіи мѣстныхъ условій существовавшихъ водвореній переселенцевъ и въ изысканіи мѣръ къ лучшему устройству послѣднихъ.

Въ началѣ царствованія императора Александра I было обращено вниманіе на тѣ недостатки переселенцевъ, которые были замѣчены и ранѣе, т.-е. что въ числѣ приведенныхъ переселенцевъ было много такихъ, которые совсѣмъ не были годны къ удовлетворенію потребностей переселенія, съ одной стороны, потому, что были стары, слабы, одиноки, больны, съ другой, потому, что большая часть изъ нихъ были крайне бѣдны; послѣдніе недостатки

привели къ окончательному рѣшенію принимать только такихъ колонистовъ, которые бы „въ крестьянскихъ упражненіяхъ, или рукодѣліяхъ, примѣромъ служить могли“. Затѣмъ, рѣшено было никого не подговаривать и не склонять къ переселенію въ Россію, назначеніе комиссаровъ для привлеченія переселенцевъ было уничтожено.

Иностранцамъ было предоставлено право являться въ наши миссіи и агенства съ надлежащими свидѣтельствами и вѣрными ручательствами въ томъ, что они хорошіе хозяева и могутъ каждый изъ нихъ вывести въ наличномъ капиталѣ или товарахъ сумму не менѣе 300 гульденовъ. Миссіямъ было дозволено выдавать паспорта ежегодно не болѣе 200 семействамъ; ссуды переселенцамъ были прекращены и оплачивались только расходы по перевозкѣ ихъ въ Россію.

Рѣшено было принимать для переселенія однихъ только семейныхъ. Всѣмъ переселенцамъ была дарована льгота во всѣхъ податяхъ и повинностяхъ на 10 лѣтъ; на слѣдующія 10 лѣтъ земли колонистовъ должны облагаться налогомъ въ 16 до 20 коп. съ десятины, по истеченіи же двадцати лѣтъ подати уравнивались съ тѣми, какія платили остальные поселяне казенныхъ земель тѣхъ мѣстностей, гдѣ поселены колонисты, исключая рекрутской и постойной повинности, отъ которой колонисты навсегда освобождены еще манифестомъ 1763 года.

По прибытіи на русскую границу, переселенцамъ выдавались кормовыя деньги по 10 коп. на взрослаго и по 6 коп. на малолѣтняго; со дня же прибытія на мѣсто, до перваго собственнаго урожая, выдавалось на каждую душу отъ 5 до 10 коп. въ день, смотря по цѣнѣ жизненныхъ продуктовъ; на постройку домовъ, покупку скота и вообще хозяйственное обзаведеніе выдавалось до 300 руб. на семью; ссуда должна быть уплачена по прошествіи льготныхъ 10 лѣтъ, распредѣленная на слѣдующія 10 лѣтъ. Во всемъ же остальномъ оставались въ полной силѣ манифестъ и аграрный законъ императрицы Екатерины II.

На изложенныхъ основаніяхъ былъ заселяемъ, однако, не приволжскій, а новороссійскій край. Съ 1810 г. прекращены со стороны миссій пособія на переселенія, а съ 1819 г. и самый вызовъ иностранцевъ, съ воспрещеніемъ миссіямъ выдавать паспорты лицамъ, желавшимъ поселиться въ Россіи. Тѣмъ не менѣе однако колонизація свободныхъ казенныхъ и частно владѣльческихъ земель безостановочно подвигалась впередъ; она продолжается и въ настоящее время, но уже собственными силами колоній.

Изъ личныхъ правъ колонистамъ въ царствованіе Александра I даровано: права гражданства не только въ колоніяхъ, но и повсемѣстно; дозволено было: пользоваться правомъ по своему произволу, распоряжаться благопріобрѣтеннымъ въ личную собственность имуществомъ, производить торговлю, вступать въ гильдіи и цехи, заводить въ селеніяхъ торги и ярмарки. Для улучшенія и распространенія своего хозяйства колонистамъ дозволялось покупать и пріобрѣтать въ личную собственность частныя земли, при чемъ они пользовались всѣми правами, присвоенными прочимъ сельскимъ обывателямъ, въ отношеніи частной собственности.

Личное свое имущество колонисты могли завѣщать кому имъ угодно. Колонисты могли заключать письменныя обязательства, контракты, договоры, выдавать векселя, но не иначе какъ съ согласія колоніальнаго начальства; колонисты могли увольняться въ другое званіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ могли оставаться и въ званіи колонистовъ, съ исполненіемъ повинностей по обоимъ состояніямъ; на послѣднемъ условіи разрѣшалась колонистамъ записка въ другія состоянія и цѣлыми селеніями, во всякомъ числѣ, безъ всякаго ограниченія.

Права гражданскаго состоянія колонистовъ прекращались при окончательномъ переходѣ въ другія сословія, отъѣздѣ за границу, преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или удаленіи изъ общества, по мірскому приговору, за дурное поведеніе.

Мы не могли не разсказать, хотя въ самыхъ краткихъ словахъ, исторію колонизаціи нашихъ окраинъ иностранными переселенцами, потому что это есть одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій среди русскаго общества того времени, развращеннаго крѣпостничествомъ; конечно,

только самые лучшіе, выдающіеся представители этого общества пытались создать у насъ такія условія, при которыхъ новые пришлецы были бы защищены отъ закрѣпощенія и могли бы жить болѣе или менѣе обезпечено среди крѣпостного населенія. Довольно значительная часть переселенцевъ не избѣгла, однако, общей участи и была закрѣпощена; особенно много попало въ крѣпость русскимъ помѣщикамъ переселенцевъ молдаванъ. Тѣмъ не менѣе, однако, аграрные законы 1764 года сохранили громадную массу пришельцевъ отъ закрѣпощенія, и хотя въ теченіе столѣтней жизни послѣднихъ въ новомъ отечествѣ они претерпѣвали иногда страшную нужду, переносили тяжелыя страданія, но все-таки во все это время оставались свободными и, въ концѣ концовъ, достигли болѣе или менѣе значительнаго благосостоянія. Современное состояніе колонистовъ есть прямой результатъ законовъ о переселеніи, изданныхъ въ царствованіе Екатерины II, которые являли собой краснорѣчивый протестъ права, гуманности и политико-экономической разумности противъ режима крѣпостного права и хотя они впослѣдствіи были заброшены и почти забыты въ административныхъ сферахъ, но они всегда имѣли за собою юридическую и реальную дѣйствительность; вотъ почему, когда колонисты, измученные различными мелкими чиновниками, начали повторять ихъ на всѣ лады, то они довольно скоро находили себѣ поддержку въ лучшей части высшей администраціи къ выбивавшемуся изъ-подъ тяжелаго гнета сознанію о необходимости улучшить и упрочить гражданскій бытъ и общественно-экономическое положеніе нашего единственно въ то время свободнаго сельскаго населенія.

Слѣдя за перепитіями иностраннаго переселенія, нельзя невольно не задаться вопросомъ, откуда же были взяты тѣ основанія, которыя указаны закономъ, вызвавшіе такой быстрый и сильный приливъ къ намъ иностранныхъ подданныхъ. Если руководители нашихъ первыхъ иностранныхъ переселеній могли позаимствовать у Европы необходимость, изложенныхъ въ законахъ того времени, гражданскихъ правъ колонистовъ, лично и по состоянію, если другія льготы и пособія вызывались необходимостью, силою обстоятельствъ, то въ установленіи поземельныхъ порядковъ, относительно права владѣнія и пользованія землею являются начала уже совершенно неизвѣстныя не только Европѣ, но и Россіи того времени и эти основанія если и можно было гдѣ найти, такъ только въ древней Руси во времена ея до-крѣпостного періода въ псковской судебной грамотѣ XV вѣка. Такъ что наша колонизація, къ сожалѣнію, примѣненная не къ отечественнымъ обитателямъ, остается хранительницею тѣхъ общинно-поземельныхъ распорядковъ, которые развивала древняя Русь, но не могла ни сохранить, ни привести въ систему.

Мало было создать подворное, участковое землевладѣніе, которое было извѣстно и у насъ, напр., у одного разряда сельскихъ обывателей, бывшихъ однодворцевъ, нынѣ бывшихъ государственныхъ крѣстьянъ, но надо было еще сохранить подворные участки отъ того дробленія, какое мы наблюдаемъ у послѣдняго разряды земельныхъ собственниковъ, у которыхъ въ настоящее время приходится нерѣдко на цѣлый дворъ не болѣе $1^1/_2$ десят. земли, для достиженія послѣдней цѣли и былъ узаконенъ миноратъ. Миноратъ способствовалъ дальнѣйшей колонинизаціи, покупкѣ, нерѣдко на общественный счетъ, громадныхъ пространствъ земли, принадлежавшей частнымъ владѣльцамъ, для выселенія старшихъ сыновей въ отдѣльныя хозяйства. Нужно было сохранить равноправность всѣхъ членовъ одной общины, одной колоніи и это предусмотрѣлъ законъ, дававшій право каждому домохозяину имѣть только одинъ дворовый участокъ въ колоніи, хотя бы онъ былъ такъ богатъ, что могъ скупить въ личную собственность всю колонію, или имѣлъ бы на сторонѣ хоть бы десятки тысячъ десятинъ земли. Наконецъ, общинное владѣніе землей сохранилось въ колоніяхъ и до сихъ поръ, такъ какъ каждый владѣлецъ только пользуется наслѣдственно своимъ дворовымъ участкомъ, а земля принадлежитъ не ему лично, а цѣлой колоніи. Такова сила и мощь государственнаго почина, что она, проводя надлежащія разумныя мѣры, всегда можетъ создать благосостояніе того населенія, которымъ

управляетъ, а позабывая или упуская послѣднія изъ виду, она разрушаетъ благосостояніе того населенія, которымъ призвана управлять.

Выше мы видѣли, что съ 1819 года совершенно прекратился къ намъ вызовъ иностранцевъ, хотя колонизація казенныхъ земель все продолжалась выходцами изъ прежде образованныхъ колоній. Особенно много возникло новыхъ колоній послѣ девятой ревизіи, съ 1850 по 55 гг. и послѣ освобожденія крестьянъ съ 1862 по 1864 годъ. Въ настоящее время насчитывается въ Саратовской губерніи 58 колоній, въ которыхъ живутъ 11,113 семей колонистовъ въ 10,789 дворахъ; все населеніе колоній опредѣляется въ 113,524 души обоего пола, изъ числа которыхъ 54,295 душъ мужского и 59,229 душъ женскаго пола; колонистамъ принадлежитъ 214,765 десят. земли, что составляетъ 2,85% всей площади губерніи, которая опредѣляется въ 7.495,000 десят.; почти всѣ колонисты Саратовской губерніи лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданія. Наибольшее число колоній, 51, находится въ Камышинскомъ уѣздѣ, по три въ Саратовскомъ и Аткарскомъ и одна—Сарепта въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

Въ Самарской губерніи въ настоящее время насчитывается 131 колонія, изъ числа которыхъ 26 колоній менонитовъ, получившихъ земельный надѣлъ въ размѣръ 65 десят. на душу, а 105 колоній принадлежатъ лютеранамъ. Наибольшее число колоній сосредоточено въ Новоузенскомъ уѣздѣ, который лежитъ на правомъ берегу Волги, противъ города Саратова и къ которому принадлежитъ Покровская слобода, находящаяся противъ самого г. Саратова. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ насчитывается 88 колоній, въ томъ числѣ 6 колоній менонитовъ, въ Николаевскомъ уѣздѣ 25 лютеранскихъ колоній и въ Самарскомъ уѣздѣ 20 менонитскихъ колоній. Менониты основали свои колоніи въ началѣ переселеній, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, а большая часть ихъ переселилась въ Самарскую губернію изъ менонитскихъ молочанскихъ колоній Таврической губерніи. Населеніе иностранныхъ поселенцевъ Самарской губерніи опредѣляется въ 135,229 душъ обоего пола, изъ числа которыхъ 68,932 мужчинъ и 66,367 женщинъ; по вѣроисповѣданію иностранцы-колонисты могутъ быть распредѣлены такъ: католиковъ 37,789 душъ обоего пола, лютеранъ 89,765, реформатовъ 6,227, менонитовъ 1,307 и кальвинистовъ 531 душа обоего пола. Всѣмъ колонистамъ Самарской губерніи принадлежитъ 656,655 дес. земли, что составляетъ 4,5% всего пространства губерніи, которое опредѣляется въ 1.458,000 десятинъ.

Всего въ Поволжьи въ настоящее время иностраннымъ колонистамъ принадлежитъ 873,420 десят. земли; выше мы видѣли, что заселеніе Поволжья иностранцами закончилось въ первыя семь лѣтъ (съ 1763 по 1770 годъ) начала колонизаціи, затѣмъ заселеніе послѣдняго было совершенно прекращено, такъ какъ всѣ иностранцы были почти исключительно направляемы въ Новороссію, и если случались переселенія въ Поволжье колонистовъ, то крайне незначительныя, такъ что колонизація послѣдняго во все истекшее столѣтіе продолжалась только тѣми силами, которыя давали уже существовавшія колоніи. Выше мы видѣли, что при началѣ своего заселенія колонисты заняли 472,222 десятины; сравнивая это пространство съ тѣмъ, которымъ они владѣютъ въ настоящее время, мы увидимъ, что земельное пространство, принадлежащее колонистамъ, увеличилось почти въ (1,9) два раза, а число колоній съ 106 до 189, т.-е. въ 1,8 раза.

Изложивъ исторію колонизаціи и распространеніе иностранныхъ колонистовъ въ Поволжьи, мы остановимся теперь на судьбахъ одной колоніи, которая достигла замѣчательнаго процвѣтанія; колонія эта Сарепта, находится въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, расположена на правомъ берегу р. Волги. Сарепта, основанная въ 1765 году, есть ни что иное, какъ крайній восточный форпостъ религіозно-экономической ассоціаціи, извѣстной подъ наименованіемъ общества Евангелическихъ и Моравскихъ братьевъ или Гернгутеровъ.

Въ іюлѣ 1765 года прибылъ въ С.-Петербургъ, а затѣмъ въ августѣ въ Саратовскую

губернію первый транспортъ братьевъ, подъ руководствомъ брата Вестмана, которому было дано порученіе окончательно избрать мѣсто для поселенія и исполнить первоначальныя работы по устройству колоніи. Ни женщинъ, ни дѣтей въ составѣ перваго транспорта не было. Изъ Саратова братья были направлены въ г. Царицынъ, на югъ отъ котораго слѣдовало избрать пожалованную обществу землю. Осмотръ мѣстности привелъ братьевъ въ сильное уныніе; особенно смутило ихъ безлѣсіе и маловодіе. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, мѣсто поселенія было выбрано въ 28 верстахъ ниже Царицына, при впаденіи въ р. Волгу р. Сарпы или Сарефы; эта мѣстность напомнила набожнымъ Гернгутерамъ странствованіе пророка Иліи чрезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту и слова, сказанныя имъ вдовѣ сарептянкѣ, „что мука въ ея водоносѣ не оскудѣетъ, сосудъ елея ея не умалится“. Мысль эта оказала немаловажное вліяніе на рѣшимость братьевъ, при избраніи мѣста поселенія; она выразилась и на печати сарептскаго общества, въ полѣ которой изображены сосудъ и колосья съ одной стороны, а съ другой масличное дерево и елейная кружка. При впаденіи р. Сарпы въ р. Волгу была нарѣзана земельная дача колоніи Сарепты, въ размѣрѣ 4,443 дес. удобной и 11,378 дес. неудобной земли; въ дачу колоніи вошелъ и островъ при устьѣ р. Сарпы, въ 1,000 дес. съ сѣнными покосами и лѣсомъ. Земельная дача, отведенная колоніи, въ отношеніи климата, почвы и вообще культурныхъ условій вполнѣ напоминала калмыцкую степь, которая ее окружала со всѣхъ сторонъ.

Въ концѣ августа 1765 года прибылъ плотъ казеннаго лѣса, отпущенный на первоначальное устройство колоніи, и, не теряя времени, братья приступили къ постройкѣ временныхъ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, распланировали усадьбу колоніи, устроили запруду на р. Сарпѣ и въѣздъ съ Волги, развели огородъ, успѣли еще сдѣлать посѣвъ озимой ржи и подняли плугами часть цѣлинной степи для яровыхъ посѣвовъ. Дальнѣйшія работы были пріостановлены наступившей зимой, которую въ колоніи провели на мѣстѣ только 6 братьевъ, подъ охраною 6 солдатъ и 2 казаковъ.

Въ сентябрѣ 1766 года прибылъ въ Сарепту второй транспортъ братьевъ и сестеръ въ составѣ 51 человѣка; осенью 1768 года, въ январѣ и ноябрѣ 1769 года прибыли еще транспорты, такъ что все населеніе колоніи достигло уже до 200 душъ обоего пола.

Всѣ члены поселенія считались какъ бы въ услуженіи братства, получали за исполняемыя ими работы плату, и за плату же, по таксѣ, пользовались всѣми жизненными припасами изъ общественныхъ заготовокъ. Въ 1768 г. уже были построены всѣ общежительные и частные дома, все населеніе, по правиламъ общины, размѣстилось въ нихъ корпоративно, каждая корпорація получила свое особое хозяйство и опредѣленныя занятія. Вслѣдствіе подобныхъ условій уже въ первое время устроились въ корпораціяхъ различныя мастерства: портняжное, сапожное, башмачное, столярное, плотничье, кузнечное, горшечное и пекарное. За счетъ общинной экономіи былъ открытъ магазинъ, гостиница, постоялый дворъ, кондитерская и пряничное заведеніе. Съ 1769 года, по окончаніи всѣхъ построекъ, община видимо начала устраиваться и процвѣтать. Къ мастерствамъ, о которыхъ мы сказали выше, прибавились свѣчной и кожевенный заводъ, бойня, вполнѣ устроилась табачная фабрика, всѣ издѣлія и произведенія колоніи находили отличный сбытъ, который изъ года-въ-годъ все возрасталъ, особенно на мѣстѣ, среди калмыцкихъ ордъ. Затѣмъ, подъ фирмою и за счетъ общинной экономіи, постепенно были учреждены торговые склады и магазины въ главныхъ городахъ и мѣстечкахъ Поволжья, а также въ Москвѣ и Петербургѣ.

Если промышленная дѣятельность братьевъ постоянно развивалась и усиливалась, то земледѣльческое хозяйство и скотоводство въ большихъ размѣрахъ оказались убыточными; первое по случаю частыхъ засухъ и неособеннаго плодородія почвы, второе потому, что колонисты никакъ не могли соперничать съ калмыками, вслѣдствіе чего земледѣльческое хозяйство было сокращено до размѣровъ одного фольварковаго хозяйства. Болѣе удовлетвори-

тельные результаты дало табаководство, плодовое садоводство и разведеніе винограда, чѣмъ колонисты и занялись особенно усердно.

По мѣрѣ улучшенія общиннаго хозяйства, прежнія деревянныя строенія замѣнились каменными, изъ жженнаго кирпича. Первыя каменныя зданія, для гостиницы съ номерами, были возведены уже въ 1709 году. А въ 1771 году построенъ каменный винокуренный заводъ, съ конюшнями для откармливаемаго скота и женскіе корпораціонные корпуса. Общество выстроило деревянный молитвенный домъ, провело изъ-за нѣсколькихъ верстъ въ колонію родниковую воду и устроило на церковной площади фонтанъ. Вездѣ, гдѣ было можно: около домовъ, на площади и особенно на кладбищѣ разводились во множествѣ деревья, кустарники и цвѣты.

Сношенія Сарепты съ калмыками сначала были самыя оживленныя; кочевниковъ можно было встрѣтить въ колоніи ежедневно, особенно лѣтомъ, когда орда прикочевывала и становилась въ сосѣднихъ степяхъ. Въ самой колоніи, въ собственныхъ становищахъ калмыки вели себя дружески, только постоянно выпрашивали подарки, но въ степи съ ними нельзя былъ встрѣтиться безнаказанно. Кочевники совсѣмъ не признавали правъ земельной собственности, почему, нисколько не стѣсняясь, травили сарептскіе посѣвы хлѣбовъ, сѣнные покосы, истребляли лѣсъ и мн. т. п. Хотя колонисты вслѣдствіе жалобъ и настояній нашего правительства получили отъ хана охранную грамоту, но послѣдняя мало помогала. Въ январѣ 1771 года одинъ изъ хановъ, Тохмутъ, предупредилъ братьевъ, что большая орда рѣшилась бѣжать въ Азію, приглашала съ собой и дербентскую или малую орду, на территоріи которой была расположена Сарепта, и ждетъ только замерзанія Волги, чтобы разорить и разграбить города и селенія по обѣ стороны рѣки. Братья сообщили о намѣреніи калмыковъ въ Царицынъ и Астрахань; но едва-ли бы осталось неразореннымъ въ этотъ годъ правое побережье, еслибы Волга очень долго не замерзала. Орда, провѣдавъ о мѣрахъ и распоряженіяхъ къ пріостановленіи ея, поднялась ранѣе, разорила селеніе одного лѣваго берега и въ томъ же январѣ бѣжала за Яикъ. Помимо того, что бѣгство большой орды, населеніе которой было однимъ изъ главныхъ потребителей произведенія колонистовъ, значительно сократило промышленные обороты Сарепты, къ этому еще присоединилось нападеніе кавказскихъ племенъ, доходившихъ громадными отрядами до окрестностей Сарепты во время нашихъ войнъ съ Турціей; въ то же время на Волгѣ образовались вооруженныя шайки разбойниковъ въ 100 и болѣе человѣкъ, а по лѣвому берегу Волги начали дѣлать набѣги киргизъ-кайсацкіе барантовщики.

Въ виду устраненія нападенія внѣшнихъ враговъ, сарептское общество еще съ осени 1768 года приступило на свой счетъ къ укрѣпленію мѣстечка. Подъ руководствомъ инженера, назначеннаго правительствомъ, Сарепта была окопана съ трехъ сторонъ глубокими рвами и обнесена валомъ съ полисадами и шестью батареями. Изъ Царицына подъ начальство мѣстнаго старшины прибыли 12 орудій съ прислугою и бывшій здѣсь гарнизонъ былъ усиленъ еще 20 строевыми чинами. Такимъ образомъ, Сарепта обратилась въ маленькую крѣпость, расходы на устройство которой легли, однако, не малымъ бременемъ на общинную экономію.

Община, заботясь о защитѣ себя отъ внѣшнихъ враговъ, не забывала о своемъ экономическомъ благоустройствѣ; кромѣ перечисленныхъ нами промышленныхъ заведеній, устроили свѣчной и кирпичный заводы, лѣсопильню и мукомольную мельницу на р. Сарпѣ.

Сарепта, какъ мы видѣли, была довольно хорошо защищена отъ набѣговъ мелкихъ хищническихъ шаекъ, но съ 1771 г. начались бунты между яицкими казаками и вскорѣ во всей своей разрушающей силѣ разразилась пугачевщина. 17 августа 1773 г. прибыли въ Сарепту первые бѣглецы изъ Царицына, а съ ними и наказъ царицынскаго коменданта о томъ, чтобы община позаботилась укрыться и защищать себя отъ приближающихся шаекъ Пугачева; оставался одинъ исходъ — бѣжать въ Астрахань; женщины и дѣти, подъ защитою нѣкотораго числа братьевъ, были посажены на дощанники и поплыли внизъ по Волгѣ, другихъ судовъ болѣе не было и негдѣ ихъ было достать.

Другой транспортъ братьевъ, вооружившись и собравъ болѣе цѣнную движимость, отправился по тому же направленію сухимъ путемъ. Въ колоніи остались старшина и другіе братья, чтобы скрыть въ подвалахъ и землѣ имущество и до послѣдней возможности оградить колонію отъ грабежа и насилія. Гарнизонные солдаты и русскіе работники, оставшіеся въ колоніи, вскорѣ отказались повиноваться старшинѣ; гарнизонъ по требованію коменданта ушелъ въ Царицынъ, предварительно зарывъ 12 казенныхъ пушекъ въ землю. Сосѣдніе калмыки захватили было весь скотъ колоніи и только часть послѣдняго удалось отбить силою. Мѣсто гарнизона заняли сами братья съ десятью орудіями малаго калибра, пріобрѣтенными на средства общины; фольваркъ и его имущество охраняли работники, изъ колонистовъ лютеранъ сѣверныхъ приволжскихъ колоній, которые 20 августа, при помощи крѣпостныхъ орудій, отбили нападеніе калмыцкой шайки въ 100 всадниковъ; на другой день шайка возвратилась, но встрѣтила казачій патруль, съ которымъ перестрѣливалась до поздней ночи. Вечеромъ того же дня одинъ изъ братьевъ, ѣздившій для развѣдокъ къ Царицыну, доставилъ извѣстіе, что Пугачевъ обстрѣливалъ этотъ городъ, но, не успѣвъ взять его, двинулся по направленію къ Сарептѣ. Наступило время окончательно бросить колонію и 65 братьевъ, съ работниками и уцѣлѣвшимъ скотомъ, двинулись наудачу въ степь; въ Сарептѣ оставались только старшина и двое братьевъ, но и они, увидавъ бивачные огни пугачевцевъ въ четырехверстномъ разстояніи отъ колоніи, въ ту же ночь послѣдовали за остальными братьями. Но въ это время судьба уже настигла Пугачева; въ 40 верстахъ ниже Сарепты шайки его были окончательно разбиты нашими войсками.

Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ оставленія своихъ жилищъ, 14 сентября того же года, все сарептское общество снова собралось обратно въ колонію, которая хотя и была совершенно разграблена, но, къ счастію, не была подожжена. Всѣ двери, мебель, печи, полы и окна въ домахъ были разрушены и поломаны; подполья разрыты, а комнаты наполнены кучами земли и обломковъ. Вся посуда побита, съѣстные припасы исчезли, фабричныя и заводскія машины и инструменты поломаны, погреба взломаны; запасы гостиницы и свѣчного завода расхищены и перепорчены, отъ аптеки остались одни черепки разбитыхъ стклянокъ; хлѣбъ въ зернѣ, мука и пухъ изъ перинъ и подушекъ устлали землю всей колоніи; въ церкви сорваны канделябры, органъ и фортепіано поломаны и церковная утварь, такъ же какъ и довольно значительная библіотека, растаскана.

Изъ Царицына были присланы два офицера для освидѣтельствованія убытковъ колоніи, но еще до прибытія послѣднихъ колонисты принялись за возстановленіе разрушеній, тѣмъ энергичнѣе, что наступала уже осень. Убытокъ общества былъ оцѣненъ въ 70,000 руб. Какъ не былъ значителенъ убытокъ, онъ все-таки неособенно страшилъ общество, которое скоро бы смогло поправиться, тѣмъ болѣе, что въ это время уже было получено 12,000 руб. добровольныхъ пожертвованій отъ заграничныхъ обществъ Моравскихъ братьевъ, съ которыми сарептяне постоянно находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и отъ которыхъ до нѣкоторой степени зависѣли. Но въ это же время приближался срокъ уплаты казеннаго долга, что особенно озабочивало общинную экономію, такъ какъ, при существующихъ обстоятельствахъ, общество совершенно лишено было возможности исполнить свое обязательство; но послѣднее затрудненіе устранило само правительство, отсрочивъ уплату долга еще на 10 лѣтъ, обязавъ общинниковъ до конца срока вносить только одни проценты по 6 на сто, а по истеченіи новаго льготнаго срока проценты и части капитала, всего по 3,000 руб. въ годъ.

Впослѣдствіи при императорѣ Павлѣ I всѣ льготы Сарепты сверхъ 30 лѣтъ были продолжены еще на 9 лѣтъ, т.-е. до 1806 года. Въ началѣ переселенія общины братьевъ во главѣ ея стоялъ епископъ, соединявшій въ своемъ лицѣ высшую власть по всѣмъ дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ, духовное попечительство о семейныхъ, т.-е. „приватныхъ" членахъ колоніи и старшина, являвшійся представителемъ общины по внѣшнимъ дѣламъ въ сношеніяхъ

съ властями и правительствомъ; старшина завѣдывалъ внутреннею юрисдикціею общины и полиціей; два помощника старшины вѣдали общинную экономію, каждый отдѣльную часть; кромѣ того, было организовано и корпоративное управленіе; засѣданіе перечисленныхъ должностныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ епископа, составляло совѣтъ старшинъ. При обсужденіи болѣе важныхъ экономическихъ вопросовъ въ совѣтъ приглашалось до 25 выборныхъ отъ общины, а по вопросамъ церковнаго и нравственнаго благочинія корпораціонные духовные. Для завѣдыванія дѣлами по надзору за частною жизнью братьевъ и для контроля корпоративныхъ экономій существовала особая коллегія надзирателей, приговоры которыхъ приводились въ исполненіе, съ разрѣшенія общиннаго совѣта; послѣдній объявлялъ новые законы, указы и предписанія правительства. Члены коллегій не получали никакого вознагражденія или жалованья.

Юрисдикціею въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, особенно по спорамъ и искамъ между братьями и посторонними лицами вѣдало и вѣдаетъ до настоящаго времени правленіе общества, состоящее изъ старшины, юстиціаріуса и двухъ, впослѣдствіи трехъ засѣдателей. Въ теченіе болѣе вѣкового существованія общины всѣ дѣла рѣшались въ общинномъ судѣ, и не разу не было случая, чтобы члены общины переносили свои споры въ общія судебныя учрежденія. Черезъ десять лѣтъ послѣ основанія колоніи произошли довольно важныя измѣненія въ порядкѣ внутренняго управленія. Высшая гражданская власть, которая находилась до того времени въ рукахъ епископа, была передана правленію и старшинѣ. Личный составъ правленія увеличенъ еще однимъ членомъ; въ кассу правленія стали поступать всѣ казенныя подати, оброкъ съ усадебъ, судебныя пошлины и взносы на уплату казеннаго долга. На обязанности правленія лежало: выдача паспортовъ, дѣла опекунскія и наслѣдственныя, разбирательства споровъ и исковъ между братьями, если они не оканчивались въ колоніи надзирателей, какъ первой инстанціи, и всѣ дѣла съ посторонними лицами.

Общинная экономія получила особаго старшину, въ завѣдываніе котораго поступили: табачная фабрика, гостиница, винокуренный, пивоваренный, свѣчной и мыловаренный заводы, три водяныя, одна вѣтряная мельница, рыболовныя мѣста, мучной складъ, фольваркъ, виноградники, фруктовый садъ, лѣсное хозяйство и аптека. Всѣ ремесла и остальныя производства остались въ рукахъ корпорацій и приватныхъ.

Въ средѣ ,,приватныхъ", т.-е. семейныхъ членовъ общины, къ прежнимъ ремесламъ и промысламъ, постоянно распространявшимъ свою дѣятельность, присоединились и новые. Въ Сарептѣ возникло производство бумажной матеріи сарпинки, чулокъ и колпаковъ, достигшее очень скоро весьма солидныхъ размѣровъ, были устроены красильни, мастерскія золотыхъ вещей, суконное про.зводство и выдѣлка горчицы и горчичнаго масла. Соотвѣтственно развитію частной и общинной дѣятельности, постоянно воздвигались каменныя зданія, изъ которыхъ многія были выстроены въ два этажа.

Уходъ въ Азію большой калмыцкой орды и пугачевскій разгромъ хотя и поставили Сарепту въ большое затрудненіе, но послѣднее было временное и само по себѣ не могло воспрепятствовать постепенному развитію и успѣхамъ колоніи. Уже черезъ 15 лѣтъ послѣ пугачевскаго бунта, около 1788 года было замѣчено, что всѣ отрасли торгово-промышленной и ремесленной дѣятельности братства достигли полнаго развитія; все, что ни производила колонія, находило постоянный сбытъ на мѣстѣ, или при посредствѣ внѣшнихъ комиссіонерствъ. Къ этому времени и степи начали уже мало-по-малу заселяться осѣдлымъ населеніемъ.

Въ самой колоніи въ садахъ, плантаціяхъ и на кладбищѣ всѣ лѣсныя насажденія развились самымъ роскошнымъ образомъ. Въ началѣ текущаго столѣтія Сарепта, залитая зеленью и цвѣтами, представляла своего рода оазисъ среди пустыни, приводившій въ невольный восторгъ всякаго посѣтителя. Контрастъ чистенькой, уютной, свѣжей Сарепты съ безотрадными, до тла выжженными, въ лѣтнее время, степями, между Царицынымъ и Астраханью былъ до того

поразительный, что не могъ не оставлять по себѣ самаго отраднаго впечатлѣнія. Слава колоніи росла и многимъ приходилось дѣлать крюкъ въ нѣсколько сотъ верстъ, для того только, чтобы посѣтить Сарепту.

Образованіе подростающаго населенія съ самаго основанія колоніи обращало на себя самое серьезное вниманіе братьевъ. Черезъ 8 лѣтъ послѣ основанія въ Сарептѣ уже были устроены два училища, одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ; въ 1780 году школа для мальчиковъ была раздѣлена на два класса; во второмъ классѣ преподавались между прочимъ латинскій и русскій языки, исторія и географія. Съ 1793 года открытъ и третій классъ, въ которомъ было введено преподаваніе физики, механики, химіи, естественныхъ наукъ и т. п. Около того-же времени были учреждены на счетъ общинной экономіи колоніи еще двѣ школы— одна для взрослыхъ работниковъ, изъ приволжскихъ колоній, другая для дѣтей тѣхъ изъ нихъ, которые проживали въ Сарептѣ съ дѣтьми. Послѣднихъ работниковъ ежегодно проживало въ колоніи отъ 300 до 400 человѣкъ. Многія семьи жили въ колоніи по нѣскольку лѣтъ, находя себѣ хорошій заработокъ и обучаясь ремесламъ и другимъ промысламъ. Долгое время приволжское колонистское населеніе только изъ Сарепты и могло получать учителей, ремесленно-промысловыя знанія и снабжалось, при посредствѣ иногороднихъ сарептскихъ магазиновъ, различными товарами, предметами домашняго обихода и прихоти. Особенною извѣстностью пользовались врачи и аптека въ Сарептѣ Ко всему этому присоединялся родникъ минеральной воды, открытый въ 1875 году въ 8 верстахъ отъ Сарепты, на землѣ, не принадлежавшей колоніи; вода родника содержала глауберовую и поваренную соли; изъ этой воды колонисты добывали глауберовую соль, послѣдняя составляла даже одинъ изъ предметовъ торговли колоніи. Вскорѣ родникъ сталъ извѣстенъ своими цѣлебными свойствами, его водою начали пользоваться многіе; иногда пріѣзжали въ колонію для пользованія минеральною водою до 300 человѣкъ, такъ что не хватало помѣщеній въ Сарептѣ и пріѣзжимъ больнымъ приходилось жить въ сосѣднемъ русскомъ селѣ Отрадѣ. Наконецъ, и этотъ родникъ съ участкомъ земли, на которомъ онъ находился, по ходатайству общества, былъ уступленъ послѣднему; общество предполагало поддержать новое водолѣчебное заведеніе, построить необходимыя постройки, развести паркъ съ фонтаномъ, прудами и павильонами, вплоть до р. Волги, но это намѣреніе, вслѣдствіе значительнаго сокращенія пріѣзда больныхъ, не было приведено въ исполненіе.

Конецъ прошлаго столѣтія былъ самымъ цвѣтущимъ періодомъ для колоніи братьевъ. Послѣ ухода большой калмыцкой орды въ Азію, сбытъ всѣхъ произведеній Сарепты долженъ былъ направиться на сѣверъ, гдѣ онъ встрѣтилъ однако весьма сильную конкурренцію со стороны сѣверо-приволжскихъ колонистовъ, среди которыхъ само сарептское братство создало настолько опасныхъ соперниковъ, что, въ концѣ концовъ, само должно было прекратить многія изъ производствъ, которыя до того времени составляли монополію сарептской общины. Сколько братья ни боролись съ подобнымъ положеніемъ вещей, но все-таки они ничего не могли подѣлать, послѣдняя неудача зависѣла частью и отъ самой организаціи хозяйства братьевъ. Большинство ремеслъ и промысловъ были пріобрѣтены приватными членами въ видѣ монополіи. Открытіе же рядомъ съ существующимъ новаго такого-же ремесленнаго или промышленнаго заведенія по основному положенію колоніи совсѣмъ не допускалось. Монополія же вредно дѣйствовала и на самое производство, потому, что колонисты, увѣренные, благодаря отличному первоначальному сбыту, въ достоинства своихъ издѣлій, не обращали никакого вниманія на усовершенствованіе послѣднихъ и нисколько не старались ихъ удешевить. Въ той же степени, въ какой падали производства Сарепты, они все шире и шире развивались въ приволжскихъ лютеранскихъ колоніяхъ, на нагорной сторонѣ Волги, въ которыхъ на производства сарпинки, чулокъ, колпаковъ и т. п. были затрачиваемы весьма значительные капиталы и производство которыхъ вскорѣ достигло весьма обширныхъ размѣровъ. Сарептское общество въ видахъ поддержки ткацкаго производства пыталось устраивать ткацкія заведенія

въ центрахъ саратовскихъ колоній, т.-е. среди главныхъ своихъ конкурентовъ, но и послѣдніе не имѣли успѣха.

Исключеніе изъ всѣхъ промысловъ представляетъ горчичное производство, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ. Лощины калмыцкой степи и Царицынскаго уѣзда весьма благопріятствовали воздѣлыванію горчицы. Послѣднее обстоятельство еще въ 1801 году обратило на себя вниманіе Конрада Нейтца, который сначала завелъ ручную, а въ 1810 году и конную топчаковую мельницу для перемола горчицы; ежегодно онъ переработывалъ отъ 800 до 1000 пуд. горчицы. Съ 1815 года заводъ достался по наслѣдству Гличу, который значительно улучшилъ и разсширилъ производство и сталъ вырабатывать съ 1840 года до 6000 пуд., а съ 1850 г. и до 15,000 пуд. горчицы въ годъ; въ пятидесятыхъ годахъ заводъ былъ обращенъ въ паровой, снова была улучшена техника производства и заводъ началъ производить до 30,000 пуд. горчицы. Въ настоящее время, кромѣ двухъ паровыхъ заводовъ Глича и Кноблоха, въ Сарептѣ работаютъ еще нѣсколько другихъ горчичныхъ заводовъ. Посѣвами горчицы занимаются крестьяне Черноярскаго, Царевскаго уѣзда, а частью и калмыки; сѣмена, по 20 ф. на десятину, они получаютъ отъ заводчиковъ, которымъ и поставляютъ горчицу по цѣнѣ отъ 70 до 1 р. 50 коп. за пудъ горчичнаго сѣмени. Очень хорошій урожай даетъ до 80 пуд., а средній отъ 10 до 15 пудовъ горчицы съ десятины.

Къ упомянутымъ экономическимъ затрудненіямъ сарептской общины присоединились и другія несчастія: пожары, содержаніе карантина противъ чумы, появившейся въ Астрахани и падежи скота. Особенно опустошительный пожаръ посѣтилъ колонію въ 1812 году; онъ совпалъ съ московскимъ пожаромъ, отъ котораго общество потерпѣло до 400,000 руб. убытку. Вслѣдствіе послѣднихъ несчастій, общество къ 1815 г. накопило болѣе 600,000 руб. долгу, погашеніе котораго, несмотря на ежегодныя пособія центральной дирекціи Моравскихъ братьевъ, было бы невозможно для Сарепты, если бы она не получила отъ той же дирекціи 120,000 руб. безвозвратнаго пособія и 100,000 руб. въ видѣ ссуды. Торговые обороты въ Петербургѣ, Москвѣ и самой Сарептѣ снова начали давать значительные доходы, такъ что обществу къ 1820 году, хотя и не надолго, удалось возстановить равновѣсіе въ своемъ бюджетѣ. Новыя неудачи и несчастія—несостоятельность саратовскаго комиссіонерскаго общества, разомъ поглотили всѣ денежныя средства общества, полученныя изъ-за-границы. Громадный пожаръ 1823 г., который истребилъ почти всю Сарепту и принесъ убытковъ на 600,000 р., довершилъ разстройство общиннаго хозяйства. Общинѣ братьевъ приходилось совсѣмъ погибнуть и этотъ крайній, восточный піэтическій оазисъ долженъ бы былъ уничтожиться, если бы опять не пришла на помощь центральная дирекція Моравскихъ братьевъ, находившаяся за-границей въ Гернгутѣ. Дирекція прежде всего озаботилась войти въ соглашеніе съ заграничными должниками Сарепты, прислала 163,000 руб. безвозвратнаго пособія, собраннаго частными пожертвованіями и наше правительство выдало ссуду обществу въ 100,000 руб., которая по истеченіи 6 лѣтъ должна быть уплачена, въ послѣдующія десять лѣтъ, по равнымъ частямъ.

Но одни пособія, сами по себѣ, еще не могли обезпечить существованіе Сарепты; наступила неотложная необходимость и въ преобразованіи всѣхъ частей ея внутренняго управленія, о чемъ тоже позаботилось центральное управленіе, указавъ на необходимость принять въ руководство нѣкоторыя правила, которыя заключались, главнымъ образомъ, въ возможной экономіи расходовъ общества. Всѣ полученныя указанія общество въ точности выполнило и ужъ очень скоро получились прекрасные результаты практичности ихъ примѣненія. Долги общества, мало-по-малу, уплачивались, а къ 1862 г. общинная экономія успѣла не только окончательно очиститься отъ долговъ, но сверхъ того и сберечь запасные фонды, обезпечивающіе общину на будущее время отъ разныхъ случайностей.

По виду построекъ, условіямъ жизни и дѣятельности населенія Сарепта носитъ скорѣе

характеръ города, нежели селенія. Дома выстроены на разстояніи 5—10 саженъ одинъ отъ другого; средину колоніи занимаетъ площадь, обсаженная высокими тополями съ церковью и резервуаромъ прекрасной воды въ центрѣ; кругомъ, по краямъ площади, за тополями, возвышаются дома правленія, пастора, врача, аптека, гостиница, торговые магазины, корпораціонные дома братьевъ, сестеръ и вдовъ и дома наиболѣе зажиточныхъ семейныхъ членовъ. Всѣ строенія каменныя и большинство ихъ въ два этажа. Главная часть колоніи, девять кварталовъ, въ которыхъ не дозволяется производить никакихъ иныхъ построекъ, кромѣ каменныхъ, окружена прежнимъ крѣпостнымъ валомъ, за которымъ образовались новые кварталы, въ видѣ предмѣстій. Всѣ улицы обсажены тополями и другими тѣнистыми деревьями, предъ каждымъ домомъ и въ промежуткахъ разведены сады и цвѣтники. Всего въ колоніи 85 каменныхъ и 221 деревянный домъ со службами. Въ Сарептѣ насчитывается 231 мужчина и 239 женщинъ. Кромѣ того, въ предмѣстьяхъ постоянно проживаютъ отъ 500 до 600 душъ рабочихъ, почти исключительно лютеранъ изъ приволжскихъ колоній.

Рѣка Сарта запружена плотиною съ большимъ шлюзомъ; плотина находится на большомъ Астраханско-саратовскомъ трактѣ. Вверхъ по берегамъ рѣчки тянутся сады, огороды и табачныя плантаціи, для поливки которыхъ устроены водоподъемныя машины. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ колоніи расположены фруктовые сады, виноградники и др. плантаціи; на берегу Волги находится пароходная пристань. Главное занятіе населенія составляютъ, какъ и въ началѣ основанія колоніи, ремесла, промыслы, фабричное дѣло и торговля. Въ Сарептѣ въ настоящее время существуютъ два паровые горчичные завода и нѣсколько мелкихъ, свѣчной, мыловаренный, кожевенный и кирпичный заводы. Паровая химическая лабораторія, въ которой производится извѣстный сарептскій бальзамъ, эфирное горчичное масло и т. п. Пекарня съ пряничнымъ и кондитерскимъ производствами и аптека. Далѣе, двѣ часовыхъ мастерскихъ, два столярныхъ, телѣжныхъ, мѣдно-жестяныхъ, башмачно-сапожныхъ и по одному слесарному, кузнечному, портняжному, ткацкому, чулочному заведенію и бойня. Въ колоніи имѣются три магазина, торговля которыхъ поддерживается проѣзжими жителями ближайшихъ селеній и особенно ордынцами. Бывшая табачная фабрика и винокуренный заводъ, вслѣдствіе невыгодныхъ условій производства, закрыты. Всѣ перечисленныя промышленныя заведенія принадлежатъ семейнымъ членамъ общины, которымъ также принадлежатъ торговыя заведенія въ г.г. Самарѣ, Саратовѣ, Дубовкѣ, Царицынѣ и Астрахани.

Въ вѣденіи общинной экономіи осталась только гостиница съ постоялымъ дворомъ, мельница на р. Сартѣ, фольварковое хозяйства и магазины въ Москвѣ и Петербургѣ, но и въ послѣднихъ, подъ фирмою и гарантіею общества, поступаютъ въ продажу произведенія сарептскихъ семействъ и издѣлія иностранныхъ братьевъ, такъ что и въ нихъ общинная экономія является только отвѣтственнымъ комисіонеромъ, солидный кредитъ котораго поддерживаетъ частную дѣятельность, личную производительность и предпріимчивость.

Ежегодный бюджетъ расходовъ сарептской общины на содержаніе общественнаго управленія и различныхъ учрежденій простирается отъ 8 до 10,000 р., т.-е. до 40 р. на каждую мужскую душу; изъ сравнительно громаднаго расхода общества въ пользу казны поступаетъ всего только 325 р., т.-е. по $7^1/_4$ коп. съ десятины удобной земли, или около 1 р. 40 к. съ наличной души мужского пола. Другихъ издержекъ ни въ пользу казны, ни въ пользу земства обыватели Сарепты не несутъ, а между тѣмъ удобной земли, пожалованной казной, на каждую душу приходится болѣе 19 дес., а удобной и неудобной земли вмѣстѣ болѣе 68 дес. на каждую наличную душу.

Мы прослѣдили довольно подробно экономическое и промышленное развитіе Сарепты, но главная цѣль, съ которою переселилось въ Россію братство, была не преслѣдованіе этого развитія, а миссіонерство, хотя въ договорѣ, заключенномъ братьями съ нашимъ правительствомъ, и не заключалось ни дозволенія, ни запрещенія миссіонерской дѣятельности среди кочующихъ маго-

метанъ, но тѣмъ не менѣе однако, при составленіи договора, послѣдняго права весьма сильно добивались уполномоченные братьевъ и отказъ включить его въ договоръ чуть было совсѣмъ не повелъ къ прекращенію переговоровъ. Сами братья признавали, несмотря на отсутствіе запрещенія, свое право на миссіонерство крайне сомнительнымъ, хотя они и получили словесное разрѣшеніе проповѣдывать свое ученіе среди магометанъ. Нельзя сказать, чтобы и тѣ гражданскія и политическія права, которыми пользовалось у насъ общество Сарепты, были настолько малоцѣнны, чтобы ими можно было рисковать, если бы братья начали дѣйствовать вопреки русскимъ духовнымъ законамъ, и только изъ видовъ благоразумія и исключительно по политическимъ соображеніямъ главная цѣль и задача братства—проповѣдничество—очень скоро отошла на второй планъ, а затѣмъ и совершенно исчезла. Но въ средѣ братьевъ всегда почти находились личности, посвящавшія себя миссіонерству, хотя дѣятельность послѣднихъ среди сравнительно образованнаго духовенства кочевниковъ никогда не была особенно плодотворна и совсѣмъ прекратилась, когда было получено предписаніе нашего правительства обращать калмыковъ въ христіанство по догматамъ православной церкви. Кромѣ проповѣди среди степняковъ, представители сарептскаго братства проповѣдывали еще и среди лютеранъ, колонистовъ другихъ колоній; нерѣдко завѣдывавшія коммисіонерствами братства, устроенными въ лютеранскихъ колоніяхъ, соединяли въ себѣ и обязанности проповѣдниковъ, но и послѣдняя проповѣдь, привившаяся было въ началѣ настоящаго столѣтія, впослѣдствіи встрѣтила противодѣйствіе не только въ пасторахъ, но и въ самомъ населеніи колоній, а съ упадкомъ экономическаго значенія Сарепты должна была совершенно прекратиться. Вѣковая дѣятельность протекла со дня поселенія у насъ общества Моравскихъ братьевъ или Гернгутеровъ; ее мы прослѣдили довольно подробно и не могли не увидѣть тѣхъ результатовъ, которые принесло это поселеніе цѣлому краю нижняго Поволожья и если она не развила, какъ было предназначено, земледѣльческую дѣятельность, все же создала въ совершенно пустынномъ краѣ такую широкую обработывающую промышленность, какая едва ли бы въ немъ возникла, если бы не существовало этого цвѣтущаго оазиса. Помимо того, что сарептяне вводили у себя различные многочисленные промыслы, они оказали громадное промышленное вліяніе и на все иностранное поселеніе приволжскаго края. Сарептская колонія, основанная на строгомъ уставѣ братскаго религіозно-соціальнаго общества, подъ вліяніемъ окружающей ее обстановки, постепенно убѣждалась въ несостоятельности этого устройства и нашла необходимымъ, рядомъ внутреннихъ преобразованій, приблизиться, по своему внутреннему устройству, къ нашимъ городамъ и мѣстечкамъ. Въ началѣ своего существованія Сарептская община явилась безусловнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ всего недвижимаго имущества, ремеслъ и промысловъ и если пользовалась и распоряжалась услугами своихъ членовъ, то не иначе какъ за плату; за плату же снабжались отъ общества члены всѣми необходимыми имъ потребностями изъ запасовъ общинной экономіи. Отдѣльные члены общины могли распоряжаться только своимъ движимымъ имуществомъ и только постепенно, и въ тѣхъ случаяхъ, когда инымъ путемъ невозможно было спасти самостоятельность общины, происходила постепенная уступка и запродажа въ личную собственность членовъ общины права на занятіе ремесломъ, промысломъ или торговлею, что составляло уже весьма важное уклоненіе отъ основного принципа братскаго общества. Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ подобнымъ путемъ отдѣльными членами общества иногда весьма значительнаго благосостоянія и даже богатства, естественно возникла и самостоятельность послѣднихъ отъ подавляющаго общиннаго вліянія, которое для менѣе состоятельныхъ членовъ все еще было очень и очень велико; только вліяніемъ общины и можетъ быть объясненъ, напримѣръ, крайне незначительный приростъ населенія колоніи Сарепты, такъ какъ послѣднее, несмотря на постоянный приливъ и отливъ изъ за границы новыхъ братьевъ, въ теченіе 118 лѣтъ едва только удвоилось, тогда какъ населеніе колонистовъ лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданій за тотъ же періодъ увеличилось въ

десять разъ. Послѣднее явленіе объясняется тенденціей общины охватить всего человѣка не только какъ общественнаго, но и какъ частнаго дѣятеля. Было время, когда браки въ Сарептѣ зависѣли безусловно отъ усмотрѣнія общиннаго начальства, которое выбирало даже и невѣстъ своимъ братьямъ. Однако, подобное вліяніе общины не разъ приводило къ самымъ печальнымъ, трагическимъ результатамъ и многихъ изъ братьевъ и сестеръ доводило до полнаго развращенія и изгнанія изъ общины. Послѣ того какъ освобожденіе личности отъ общественнаго гнета происходило въ средѣ экономической, за нимъ постепенно, но крайне медленно, слѣдовало освобожденіе и отъ нравственнаго давленія; послѣднее, однако, еще не отошло въ исторію и въ настоящее время только подготовляется окончательное, полное освобожденіе члена общины, какъ человѣка, отъ тяжелаго общиннаго давленія, т.-е. наступаетъ религіозно-соціальный кризисъ сарептскаго братства. Съ другой стороны, давно прошло то время, когда Сарепту можно было признавать за свѣточъ среди мрака мѣстной жизни, но она и до сихъ поръ еще пользуется такими льготами, права на которыя она имѣла только тогда, когда боролась съ дикимъ населеніемъ и дикою мѣстностью; въ настоящее время, однако, настала пора, чтобы и въ своихъ исключительныхъ льготахъ эта община была сравнена со всѣми другими классами населенія, которые живутъ рядомъ съ Сарептою. Мы такъ долго останавливались на исторіи Сарепты, потому что она въ Россіи есть единственный представитель религіозно-нравственнаго братства, за исключеніемъ колоніи Радичевъ, находящейся въ Кролевецкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, а теперь перейдемъ къ обзору экономической жизни и остальныхъ приволжскихъ колонистовъ.

Въ началѣ нашего очерка мы говорили о томъ распредѣленіи земли на подворные участки, которое было узаконено манифестомъ 1763 года и аграрными законами 1764 г. для иностранныхъ поселенцевъ. Только одно поволжское водвореніе колонистовъ нѣмцевъ, лютеранъ и католиковъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія уклонилось отъ этого закона и замѣнило у себя подворно-наслѣдственное пользованіе землею, отведенною цѣлому обществу колоніи, срочными передѣлами общинной земли, по числу наличныхъ душъ мужского пола, составляющихъ колонію; передѣлы общинной земли практикуются во всѣхъ колоніяхъ, за исключеніемъ небольшого числа менонитскихъ колоній, и до настоящаго времени. Подобный способъ пользованія общинной землей, само собой разумѣется, долженъ былъ уничтожить и тѣ законы о наслѣдствѣ, которые были выработаны при водвореніи у насъ иностранцевъ, и приблизить общественное устройство колонистовъ къ повсемѣстно господствующимъ у насъ порядкамъ земельнаго устройства нашихъ великорусскихъ крестьянъ, пріурочивая земельный надѣлъ не ко двору и его наслѣдникамъ, а къ ревизской душѣ. Все остальное же движимое имущество распредѣлялось между наслѣдниками семьи колониста. Подобное распредѣленіе земельныхъ колоніальныхъ надѣловъ между членами одной и той же колоніи, конечно, имѣетъ свои достоинства, въ смыслѣ безусловной полноправности сообщниковъ и общіе громадные недостатки въ отношеніи хозяйственнаго и интелигентнаго преуспѣянія личности общины въ цѣломъ. Практика же примѣненія въ теченіе столѣтія подобнаго общиннаго устройства ясно освѣщаетъ всѣ достоинства и недостатки послѣдней формы землевладѣнія. При заселеніи колонистовъ въ приволжскомъ краѣ, границы ихъ владѣній точно не были опредѣляемы и каждая колонія захватывала столько земли, сколько она могла обрабатывать; только послѣ 8 ревизіи, состоявшейся въ 1834 г., были весьма точно опредѣлены границы земельнаго владѣнія каждой колоніи, при чемъ на каждую ревизскую душу было нарѣзано по 15 десятинъ земли. Тѣ ко-коніи, которыя были образованы въ пятидесятыхъ годахъ, тоже получили по 15 десятинъ на ревизскую душу, но число послѣднихъ душъ было принято то, которое оказалось уже по девятой ревизіи, произведенной въ 1850 г.; въ настоящее время только у членовъ послѣднихъ колоній приходится на наличную душу по 10 и болѣе десятинъ земли, тогда какъ въ старыхъ колоніяхъ, вслѣдствіе громаднаго увеличенія населенія, надѣлы крайне значительны—отъ 1,3 десят.—колонія Поповка, Камышинскаго уѣзда, Саратовской губерніи, до 8 десятинъ на

каждую наличную душу колонія Казицкая (Брабендеръ), Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.

Въ Самарскихъ и Саратовскихъ колоніяхъ земельные передѣлы бываютъ довольно часто, черезъ 4, 5, 8 лѣтъ, смотря потому, чрезъ какіе сроки издавна принято передѣлять землю въ той или другой колоніи. До сихъ поръ еще колонисты Самарской и Саратовской губерній практикуютъ трехпольный сѣвооборотъ; очень часто у нихъ при трехпольномъ сѣвооборотѣ наблюдается такое чередованіе посѣвовъ: одно поле засѣвается рожью и другими хлѣбами, въ томъ числѣ и картофелемъ, второе—пшеницею, а третье запускается въ паръ. Какъ исключеніе, у нѣкоторыхъ колонистовъ наблюдается и четырехпольный сѣвооборотъ, въ которомъ обыкновенно посѣвы чередуются такъ: первое поле засѣвается рожью, часть его идетъ подъ посѣвы картофеля, второе поле засѣвается пшеницею, третье—овсомъ или ячменемъ, четвертое запускается въ паръ. Каждое поле колонистовъ, смотря по его размѣрамъ, раздѣлено на мелкіе участки отъ 5 до 20 участковъ въ каждомъ; каждый колонистъ имѣетъ свой надѣлъ во всѣхъ поляхъ и участкахъ, такъ что на одинъ земельный надѣлъ приходится отъ 15 до 80 дѣлянокъ, или отдѣльныхъ участковъ земли, т.-е. то-же самое, что наблюдается въ хозяйствахъ и нашихъ крестьянъ великорусскихъ губерній. Земля обрабатывается при помощи деревяннаго колонистскаго плуга съ желѣзнымъ отваломъ и ножомъ. Обыкновенно плугъ работаетъ, парою лошадей; рѣже, если земля очень плотна, впрягаютъ въ плугъ и три лошади. Только лучшіе изъ хозяевъ-колонистовъ начинаютъ обрабатывать свою землю съ осени и въ теченіе лѣта пашутъ паровое поле 4—5 разъ, отчего качество земли значительно улучшается и земля безъ удобренія, которое почти совсѣмъ не употребляется, даетъ болѣе или менѣе удовлетворительные урожаи. Для бороньбы употребляются деревянныя, рѣже желѣзныя бороны. Большинство же колонистовъ обрабатываютъ принадлежащую имъ землю далеко не такъ тщательно, какъ мы только-что сказали, а исключительно гонится за возможно большимъ пространствомъ посѣвовъ, для чего нанимаютъ громадныя площади у киргизовъ по очень еще дешевой цѣнѣ отъ 25 коп. до 1 рубля за десятину. У колонистовъ, арендующихъ для посѣвовъ большія пространства, земля всегда обрабатывается крайне плохо, пашется всего одинъ разъ, засѣвается хлѣбомъ, а сѣмена заволакиваются нѣсколько разъ бороною. Послѣ посѣва, за исключеніемъ картофеля, который нѣсколько разъ перепахивается, всѣ остальные хлѣба не требуютъ уже никакой обработки: созрѣвшій хлѣбъ убирается косою и рѣдко свозится въ усадьбы. Въ большинствѣ случаевъ скошенный хлѣбъ ставится въ степи въ стоги, которые большинство колонистовъ старается обмолотить, какъ можно скорѣе, при помощи тяжелыхъ, каменныхъ катковъ, которые, помимо того, что обмолачиваютъ зерно и солому, переминаютъ и перетираютъ такъ мелко, что послѣ этой операціи скотъ ѣстъ ее болѣе охотно Несмотря на то, что при молотьбѣ катками въ степи много теряется зерна и хлѣбъ нерѣдко сильно пачкается изверженіями лошадей, которыхъ запрягаютъ не менѣе трехъ въ одинъ катокъ и гоняютъ по слою сноповъ, настланному прямо на землѣ въ видѣ круга, молотьба катками, по быстротѣ работы, до сихъ поръ еще предпочитается повсемѣстно колонистами Поволжья. Однако, въ послѣднее время эта примитивная молотьба все болѣе и болѣе стала замѣняться молотильными машинами, которыя прежде доставлялись колонистамъ изъ Москвы. Особенно усиленное примѣненіе конныхъ молотилокъ началось съ того времени, когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Покровской слободѣ, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, возникъ крупный заводъ для производства земледѣльческихъ машинъ, тоже колониста, Д. Ив. Бартеля. Этотъ первый заводъ Поволжья возникъ изъ небольшой мастерской, основанной еще въ 1865 г. въ колоніи Шафгаузенъ, того же уѣзда, которая была перенесена въ Покровскую слободу. Помимо того, что на заводѣ изготовляются прекрасныя конныя молотилки на силу четырехъ, шести и восьми лошадей, устроенныя соотвѣтственно мѣстнымъ требованіямъ, для ежедневной переработки

громадной массы хлѣба, этотъ же заводъ способствовалъ еще и введенію паровой молотьбы хлѣба, такъ какъ одною изъ первыхъ солидныхъ работъ завода г. Бартеля было устройство локомобиля, по заказу одного мѣстнаго крестьянина, для замѣны конской силы при молотьбѣ хлѣба. Въ послѣдующее десятилѣтіе многіе изъ большихъ посѣвщиковъ, увидя превосходные результаты паровой молотьбы хлѣба, стали обращаться къ г. Бартелю за содѣйствіемъ для выбора и пріобрѣтенія паровыхъ молотилокъ.

Подводя итогъ технической сторонѣ земледѣльческой дѣятельности поволжскихъ колонистовъ, мы должны признать, что ихъ хозяйства далеко не могутъ быть названы образцовыми, хотя такими, напримѣръ, на которыя мы указали, когда говорили о земледѣльческой дѣятельности новороссійскихъ колонистовъ-менонитовъ. При существующихъ первобытныхъ способахъ воздѣлыванія зерновыхъ хлѣбовъ, само собою разумѣется, что колонисты весь свой успѣхъ должны возлагать на климатическія условія: выпадутъ два, три дождя въ надлежащее время и глубокій тучный черноземъ даетъ необычайно громадные урожаи въ родѣ 30 и болѣе четвертей съ десятины, т.-е. до самъ пятидесяти, нѣтъ дождей, стоитъ все лѣто засуха, пропадаютъ всѣ труды колониста и онъ ничего не получаетъ отъ своихъ посѣвовъ, даже сѣмянъ для обсѣмяненія полей, и цѣлый годъ принужденъ нуждаться и пріискивать себѣ занятіе въ какомъ либо другомъ промыслѣ или ремеслѣ, если онъ обладаетъ знаніями послѣднихъ. Довольно частое чередованіе изобильныхъ и крайне низкихъ урожаевъ даетъ въ концѣ-концовъ все-таки далеко неутѣшительные результаты. Поволжскій колонистъ для обсѣмяненія своихъ полей тратитъ очень немного посѣвныхъ сѣмянъ озимой ржи и пшеницы, онъ высѣваетъ на десятину только по 6 пудовъ, средній урожай первой опредѣляется въ 6 или въ 36 пудовъ, т.-е. только въ четыре четверти, а пшеницы самъ въ пять, или въ 30 пудовъ, т.-е. въ три четверти, яровая пшеница-бѣлотурка даетъ въ среднемъ до 40 пудовъ, т.-е. до четырехъ четвертей съ десятины. Овса и ячменя высѣвается по $6^1/_2$ пудовъ, а средній урожай послѣднихъ хлѣбовъ опредѣляется въ самъ четыре, или только въ $4^1/_2$ четверти съ десятины.

Единственный корнеплодъ—картофель, вывезенный колонистами со своей родины и воздѣлываемый ими въ довольно большихъ размѣрахъ, не разъ спасалъ ихъ если не отъ голодной смерти, то все-таки отъ большой нужды, въ годы, когда всѣ зерновые хлѣба давали полный неурожай. Средніе урожаи картофеля тоже не велики: они колеблются отъ самъ $1^3/_4$ до самъ $7^1/_2$. Изъ другихъ растеній колонисты издавна усвоили воздѣлываніе табаку. Табакъ, воздѣлываніе котораго до сихъ поръ почти исключительно поддерживается колонистами, въ нѣкоторыхъ колоніяхъ высѣвается въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Табакъ разводится изъ американскихъ и турецкихъ сѣмянъ и мѣстный, такъ-называемый кнастеръ. Помимо того, что табакъ идетъ на мѣстныя табачныя фабрики, въ послѣднее время его начали отправлять и за границу. Значительное количество мѣстнаго листового табаку сбывается въ степи киргизамъ. Въ колоніи Сарептѣ ежегодно добывается до 3,000 пудовъ табаку, который продается отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за пудъ, а въ среднемъ его производится на сумму до 6,000 руб. На пристань колоніи Екатеринештадтъ, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, ежегодно привозятъ до 70,000 пуд. нѣмецкаго и до 150,000 пуд. русскаго табаку, на сумму до 600,000 руб. Послѣдняя цифра свидѣтельствуетъ вообще о немаловажномъ значеніи табаководства для колонистскихъ хозяйствъ.

Сначала своего поселенія всѣ колонисты обращали особенное вниманіе на разведеніе садовъ и устройство огорода, но, несмотря на то, что почти предъ каждымъ домомъ колониста, особенно тѣхъ колоній, которыя были основаны въ началѣ поселенія, имѣются весьма обширные сады, все-таки послѣднихъ, какъ и огородовъ, настолько мало, что садоводство и огородничество, точно такъ же какъ и разведеніе бакчей, не могутъ быть названы самостоятельными отраслями хозяйства. Всѣ эти мелкія отрасли хозяйства только удовлетворяютъ собственному

потребленію колонистовъ и почти не служатъ предметомъ торговли; недостатокъ овощей, наприм. въ Саратовѣ, настолько великъ, что послѣдніе въ этотъ городъ привозятся даже изъ Казани.

Изъ всего того, что мы сказали о земледѣльческомъ хозяйствѣ приволжскихъ колонистовъ, мы видимъ, что послѣднее далеко не стоитъ на той степени совершенства, котораго оно могло бы достигнуть, если бы всѣ интересы иностраннаго населенія исключительно были направлены на занятія различными отраслями сельскаго хозяйства. Въ плачевномъ состояніи сельскаго хозяйства мы убѣдились изъ разсказа объ исторіи одной изъ самыхъ знаменитыхъ приволжскихъ колоній Сарепты, и чтобы подтвердить нашъ выводъ, остановимся еще на современномъ положеніи двухъ нѣмецкихъ колоній, находящихся въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи; одна изъ нихъ Гафенталь принадлежитъ къ числу тѣхъ колоній, которыя были основаны въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Колонія Гафенталь образована выходцами изъ Камышинскаго уѣзда, Саратовской губерніи и поселенцами Покровской слободы, переселившимися въ колонію значительно позднѣе въ 1875 году. Въ новомъ своемъ водвореніи колонисты получили по 18 десят. земли на ревизскую душу; въ настоящее время въ колоніи насчитывается 303 ревизскихъ души, наличное населеніе состоитъ изъ 403 душъ мужескаго и 379 душъ женскаго пола; колонія владѣетъ 4,508 десятинами земли, такъ что на каждую наличную мужскую душу приходится уже только по 11 десятинъ земли. Колонія расположена въ ровной и плоской степи, лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ. Только нѣкоторыя болѣе самостоятельныя семьи начинаютъ разводить сады. Колонія лежитъ по теченію очень маленькой рѣки Еруслана; на рѣкѣ, для того, чтобы задержать воду для водопоя скота, колонисты устраиваютъ запруды, для питья жителей служитъ колодезная вода, имѣющая, какъ вода большинства степныхъ колодцевъ, соленовато-горькій вкусъ и притомъ очень мутная. Для топлива служитъ исключительно кизякъ, т.-е. кирпичи, сдѣланные изъ навоза и высушенные на открытомъ воздухѣ; тѣ хозяева, у которыхъ мало или совсѣмъ нѣтъ скота, отапливаютъ свои помѣщенія сухой степной травой—колючкой. Всѣхъ дворовъ въ селеніи насчитывается 80, но въ настоящее время осталось только 63 домохозяина, остальные въ послѣдніе два, три года вслѣдствіе неурожаевъ переселились на Кавказъ. Самый наружный видъ колоніи представляетъ громадную разницу со старыми колоніями, существующими со временъ императрицы Екатерины II; каменныхъ домовъ совсѣмъ нѣтъ, деревянныхъ 23, остальныя постройки—глиняныя мазанки, низенькія, четырехугольной формы, съ плоскою земляною крышею, служащею вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ; многіе изъ поселенцевъ Новороссіи, особенно болгаре и молдаване очень охотно живутъ въ подобныхъ мазанкахъ, но нѣмцы всегда стремятся жить въ хорошемъ, свѣтломъ, хотя бы и деревянномъ домѣ; присутствіе же въ колоніи мазанокъ указываетъ на далеко неудовлетворительное экономическое положеніе ея обитателей, которое особенно ухудшилось въ послѣднія нѣсколько лѣтъ.

Исключительное занятіе населенія колоніи составляетъ земледѣліе; особенно много высѣвается пшеницы-бѣлотурки, воздѣлыванію которой особенно благопріятствуетъ глубокая, черноземно-суглинистая почва, на которой расположена колонія. Въ послѣдніе два, три года отчасти отъ истощенія почвы постоянными посѣвами зерновыхъ хлѣбовъ, а главнымъ образомъ отъ недостатка дождей и бывшихъ засухъ, посѣтившихъ колонію, наступили неурожаи, которые окончательно подорвали благосостояніе колоніи. Мѣръ для борьбы съ засухами никто изъ колонистовъ, конечно, не принимаетъ, обработка почвы осталась попрежнему первобытною и тяжелые результаты такого положенія вещей, при первой неудачѣ, не заставили себя ожидать. Подсобныхъ занятій у колонистовъ нѣтъ никакихъ, табаководство, такъ сильно развитое въ другихъ колоніяхъ, здѣсь неизвѣстно, ни ремесленниковъ, ни фабричныхъ заведеній въ колоніи нѣтъ, а при такихъ условіяхъ экономическое положеніе населенія нисколько не отличается отъ такого же положенія сосѣднихъ русскихъ крестьянъ. Но тѣмъ не менѣе, од-

нако, нельзя не отмѣтить въ колоніи хотя одного, но все-таки отраднаго явленія, что, несмотря на крайне стѣсненное экономическое поселеніе населенія, школа посѣщается весьма усердно и въ ней учатся 120 мальчиковъ и дѣвочекъ.

Для того, чтобы покончить съ земледѣльческимъ хозяйствомъ колонистовъ, остановимся еще на характеристикѣ его въ одной изъ старыхъ колоній, колоніи Тарлыкъ, основанной въ 1765 году въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, на берегу рѣки Волги и населенной исключительно нѣмцами-колонистами, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Обывателямъ колоніи Тарлыкъ было отведено по 15 десятинъ земли на ревизскую душу, показанную по 8 ревизіи 1834 года, когда мужскихъ ревизскихъ душъ насчитывалось только 290, а женскихъ 295 душъ; считая по 15 десятинъ удобной земли на ревизскую душу, всего приходилось отвести колоніи 4,350 десят., а вмѣстѣ съ неудобной землей во владѣніе колоніи было отрѣзано 5,130 десят., но уже по десятой ревизіи, т.-е. черезъ 33 года, въ колоніи насчитывалось 904 ревизскихъ души мужескаго пола и 867 женскаго и тогда надѣльной удобной земли на каждую душу приходилось всего только по 6,2 дес. Въ настоящее время въ колоніи насчитывается 175 дворовъ съ 1,150 жителями мужского пола и 1,280 женскаго, такъ что населеніе колоніи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ увеличилось на 659 душъ обоего пола, или на 37,2%, а на каждую наличную душу мужескаго пола удобной надѣльной земли приходится только по 3,8 десятины. Въ селеніи находятся двѣ школы—одна первоначальная нѣмецкая, въ которой обучаются 320 мальчиковъ и дѣвочекъ, другая земская, въ послѣдней учится 40 мальчиковъ. Тарлыкъ, какъ и большинство нѣмецкихъ старыхъ колоній, на первый взглядъ даетъ представленіе о большой зажиточности и довольствѣ; улицы селенія правильныя, широкія и прямыя, обсажены деревьями, дома всѣ деревянные и большею частію новые, построены прочно и солидно; хозяйственныя постройки, помѣщенія для скота, конюшни, амбары и другія строенія тоже деревянныя, мазанокъ, изъ которыхъ почти исключительно состоитъ большинство помѣщеній въ степныхъ селеніяхъ русскихъ, въ колоніи совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ пяти, или шести на окраинахъ селенія, въ которыхъ обитаютъ бѣдныя или раззорившіяся семьи. Питейныхъ домовъ въ селеніи совсѣмъ нѣтъ. Около селенія протекаетъ р. Тарлыкъ, притокъ Волги; рѣка довольно глубока и не пересыхаетъ лѣтомъ; по теченію ея построены двѣ общественныя мельницы, а по берегамъ ея и по направленію къ р. Волгѣ растетъ лѣсъ, состоящій изъ большихъ липъ и вязовъ, часть которыхъ весьма недавно была срублена на отопленіе, за недостаткомъ кизяка. Это селеніе весьма недавно, какъ и большинство приволжскихъ нѣмецкихъ колоній, было много зажиточнѣе русскихъ степныхъ селеній, благодаря близости Волги, доходнымъ статьямъ, получаемымъ обществомъ за право рыбной ловли, за водяныя общественныя мельницы, и другимъ; кромѣ того, въ этой колоніи населеніе имѣетъ въ изобиліи чистую и здоровую воду, что довольно рѣдко встрѣчается въ приволжскихъ степяхъ. Обиліе пастбищъ и хорошихъ луговъ даетъ колонистамъ возможность держать значительное число скота. Наконецъ, прекрасные пути сообщенія, близость Саратова и пристани даютъ возможность поселянамъ заняться извозомъ и работой на пристаняхъ.

Всѣ перечисленныя нами условія крайне благопріятствуютъ развитію единственнаго занятія поселянъ сельскаго хозяйства, но на самомъ дѣлѣ слѣдующіе другъ за другомъ въ продолженіе болѣе или менѣе значительнаго времени урожайные годы, а съ ними и изобиліе доходовъ, при весьма незначительныхъ усиліяхъ колонистовъ, совсѣмъ избаловали послѣднихъ. Послѣдовавшіе же затѣмъ неурожайные годы, которые были результатомъ не только неблагопріятныхъ климатическихъ условій, но главнымъ образомъ крайне плохой обработки почвы и даже частью и истощенія земли, произвели значительное обѣднѣніе населенія этой колоніи.

Въ ожиданіи лучшихъ урожаевъ, сравнительно богатое тарлыкское колонистское общество начало занимать деньги за громадные проценты, отъ 30 до 35 %, у кого только было возможно—у саратовскихъ купцовъ и у различныхъ кулаковъ; занятыя деньги общество раздавало

поселянамъ на покупку корма для скота, сѣмянъ для посѣвовъ и хлѣба на продовольствіе самихъ колонистовъ. Вслѣдствіе такого веденія внутренняго хозяйства, при продолжавшихся подрядъ нѣсколько лѣтъ весьма сильныхъ неурожаяхъ, общество обременило себя громадными долгами; въ настоящее время на уплату однихъ процентовъ, причитающихся за долги, уже не хватаетъ общественныхъ доходовъ и сами поселяне окончательно обѣднѣли. Число скота, несмотря на полученную ссуду на прокормъ послѣдняго, уменьшилось въ два раза, что не могло не отразиться крайне вредно на всемъ хозяйствѣ колонистовъ, такъ какъ за недостаткомъ скота поселяне были вынуждены сокращать посѣвы или обрабатывать послѣдніе уже крайне плохо. Отсутствіе въ уѣздѣ фабрикъ и заводовъ лишило колонистовъ возможности въ неурожайные годы найти себѣ пособные заработки.

Въ колоніи есть очень большія семьи—въ 30—40 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; такія семьи, обладая массой рабочей силы, арендовали значительные участки земли по контрактамъ на 6—12 лѣтъ; при урожаѣ дѣла ихъ шли отлично, но при наступленіи неурожайныхъ годовъ они все-таки должны были вносить аренду, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ не возвращали себѣ даже посѣвныхъ сѣмянъ. Къ довершенію несчастія, часть скота отъ недостатка корма пала, а другую часть они принуждены были продавать за безцѣнокъ, для прокормленія семьи.

Впрочемъ, урожаи картофеля и огородныхъ овощей все-таки позволяютъ колонистамъ переносить неурожайные годы много легче, нежели русскимъ крестьянамъ, у которыхъ воздѣлываніе послѣднихъ растеній совсѣмъ не развито.

Вотъ каково современное земледѣльческое хозяйство иностранныхъ поселенцевъ, которые когда-то, благодаря тому обстоятельству, что были поселены въ пустынныхъ степяхъ, гдѣ могли обрабатывать дѣвственную почву въ такихъ размѣрахъ, какіе они могли захватить, совершенно не помышляли объ улучшеніяхъ культуры, которыя, съ ограниченіемъ ихъ землевладѣнія истощеніемъ почвы, должны бы быть необходимо введены. Послѣ точнаго опредѣленія земельныхъ границъ колонистскихъ обществъ, иностранные поселенцы всю свою надежду возлагали на дешевыя арендныя цѣны на земли, полагая, что они могутъ безконечно продолжать свое хищническое хозяйство, если не на общественныхъ истощенныхъ земляхъ, то на тѣхъ, которыя они въ состояніи будутъ нанять у казны или у частныхъ землевладѣльцевъ.

Если обитатели самарскихъ колоній для своего существованія должны были посвящать свое время и труды исключительно сельскому хозяйству, то населеніе колоній Саратовской губерніи, особенно находящихся въ сѣверной части губерніи, должно было на-ряду съ земледѣльческими занятіями развивать и ремесленную, промышленную, фабричную и заводскую дѣятельность, которую они въ большинствѣ случаевъ позаимствовали у главнаго центральнаго промышленнаго пункта всего Поволжья, колоніи Сарепты. Такъ, напримѣръ, въ центрѣ саратовскихъ колоній, въ сосновскомъ округѣ Камышинскаго уѣзда, состоящемъ изъ 3234 семей съ 15054 ревизскими душами мужского пола, помимо земледѣльческаго хозяйства, скотоводства, огородничества и т. п., какъ главныхъ занятій, постоянно были сильно развиты и иныя различныя промышленныя занятія.

Въ 1866 коммерческомъ году, т.-е. отъ Макарья до Макарья, въ числѣ другихъ промысловъ и ремеслъ существовали 69 бумаго-ткацкихъ, т.-е. сарпиночныхъ фабрикъ, на которыхъ работало 6000 станковъ; переработано до 8000 пуд. красной пряжи на 472000 руб., до 20300 пуд. бѣлой пряжи на 62000 руб. и $13^1/_2$ пуд. шелку на 7560 руб. Всего изготовлено различнаго рода матерій, платковъ и т. п. на 1.156,000 р. На 42 красильныхъ фабрикахъ въ тотъ же годъ окрашено одной бумажной пряжи на сумму до 486,000 руб. На 52 кожевенныхъ заводахъ выдѣлано кожъ на 120,000 руб. и т. д. Въ настоящее время заводская и фабричная промышленность въ Камышинскомъ уѣздѣ тоже достигаетъ весьма солидныхъ оборотовъ. Когда

обстоятельства благопріятствовали развитію промышленной дѣятельности, колонисты затрачивали значительные капиталы и превлекали массы рабочихъ на свои фабрики и заводы. Если мы прибавимъ ко всему этому торговлю, которую они отвоевали даже во многихъ мѣстностяхъ Поволжья у русскихъ купцовъ, что не разъ навлекало на нихъ сильное негодованіе отечественнаго населенія, живущаго по теченію оживляющей всю приволжскую мѣстность водной артеріи Волги. Въ отношеніи платежей и повинностей еще съ 1809 года населеніе всѣхъ колоній, за исключеніемъ Сарепты, было вполнѣ уравнено въ податяхъ и повинностяхъ съ мѣстными крестьянами, за исключеніемъ рекрутской и постойной повинностей, отъ которыхъ они были навсегда освобождены закономъ 1764 года. Распространеніе рекрутской повинности и на колонистское населеніе при введеніи отбыванія всесословной воинской повинности со стороны колонистовъ лютеранскаго и католическаго Поволжья не вызвало такого сильнаго протеста, какой мы видѣли со стороны менонитовъ, выразившимся въ громадномъ переселеніи послѣднихъ въ Америку и, наконецъ, возвращеніи значительной части ихъ обратно въ Россію. И у приволжскихъ колонистовъ, пользовавшихся громадною льготою освобожденія отъ рекрутской повинности въ теченіе 109 лѣтъ, введеніе этой тяжелой повинности, конечно, не могло не вызывать протестовъ, но такъ какъ послѣдняя мѣра охватила всѣ сословія государства, то жалобы на рекрутскую повинность у нихъ скоро улеглись и въ настоящее время они отбываютъ ее также, какъ и всѣ остальныя сословія государства.

Саратовско-самарскіе колонисты въ настоящее время уплачиваютъ подушную подать, оброчныя подати, земскія и мірскія подати, всего, въ среднемъ, съ каждой ревизской души приходится платить по 15 руб., изъ числа которыхъ однихъ государственныхъ податей: подушныхъ и оброчныхъ платежей приходится по 4 р. $50^1/_4$ к. съ души, т.-е. въ 3,2 раза больше того, что еще въ настоящее время платятъ члены сарептской колоніи. Несмотря на довольно высокіе платежи, колонисты Поволжья всегда были самыми исправными плательщиками. Никогда и ни въ какія, даже самыя затруднительныя времена колонисты не обращались къ правительству ни за пособіемъ, ни за разсрочкою платежей, или иными льготами, а всегда обходилось своими средствами. А и всѣ остальные колонисты, подобно братству колоніи Сарепты, перенесли и борьбу съ дикими кочевниками, сначала съ калмыками, а потомъ съ башкирами и киргизами, съ которыми и имъ приходилось нерѣдко выдерживать кровавыя и тяжелыя битвы, и пугачевскій погромъ, и нападеніе волжскихъ разбойниковъ, и у нихъ случались тѣ же несчастія: чума на скотъ, пожары и др., которыя всегда почти со стороны сарептянъ вызывали просьбы о помощи: ссудахъ, разсрочкѣ прежнихъ долговъ и т. п. Кромѣ того, поволжскіе колонисты, лютеране и католики, образовали еще нѣсколько колоній на Кавказѣ, тогда какъ сарептскіе братья едва удвоили населеніе своей колоніи.

Колонисты, проживъ болѣе ста лѣтъ въ Россіи, мало что сохранили отъ быта и общественныхъ порядковъ своего стараго отечества; если къ нимъ привилась форма землевладѣнія, искони присущая обитателямъ нашего отечества, то гдѣ же было удержаться обычаямъ, подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды; если послѣдніе и удержались до сихъ поръ, то только въ тѣхъ колоніяхъ, населеніе которыхъ пришло изъ одной какой-нибудь мѣстности; послѣднія колоніи до сихъ поръ еще сохранили нѣкоторые остатки нравовъ и обычаевъ своего прежняго далекаго отечества. Устройство поселеній, т.-е. колоній, значительно напоминаетъ устройство нѣмецкихъ поселеній: дома расположены правильными рядами, а не разбросаны тамъ и сямъ, какъ въ большинствѣ нашихъ деревень. Улицы широкія, посреди селенія всегда находится площадь, передъ каждымъ домомъ посажены деревья и имѣется хорошо содержанный огородъ и нерѣдко даже садъ, всегда окруженный плетнемъ. Архитектура домовъ почти русская, съ маленькими балконами, колонками и навѣсами. Расположеніе дома внутри чисто русское, т.-е. двѣ комнаты или избы раздѣлены посрединѣ коридоромъ, черезъ который входятъ въ самый домъ; въ болѣе старыхъ колоніяхъ расположеніе домовъ представляетъ смѣсь нѣ-

мецкаго съ русскимъ. Нерѣдко въ домѣ колониста можно найти русскій образъ, хотя хозяинъ дома лютеранинъ. Все движимое имущество—постели, домашняя и кухонная утварь, одежда—нѣмецкое. Господствующая пища нѣмецкая. Утромъ почти всѣ колонисты пьютъ кофе, большею частью пшеничный или ячменный, мучной супъ, картофельный супъ, овощи составляютъ ежедневную пищу, мясо употребляется только по воскресеньямъ и то больше свиное, такъ какъ свиней держитъ почти каждый домохозяинъ. Свиней обыкновенно рѣжутъ осенью и тогда мясо въ видѣ копченой, провѣсной и соленой свинины заготовляется на весь годъ. Женщины колонистовъ очень сильно заняты домашнимъ хозяйствомъ: зимой отопленіе печей домовъ соломой и кизякомъ требуетъ отъ нихъ особеннаго продолжительнаго вниманія, вязаніе чулокъ, починка бѣлья и шитье одежды настолько все это отнимаетъ время, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ колонисты воздѣлываютъ табакъ, требующій опять усиленной женской работы, послѣднимъ нѣтъ совершенно времени думать ни о пряжѣ, ни о тканьѣ, почему колонистамъ приходится покупать холстину и сукно.

Семейное устройство осталось у колонистовъ до сихъ поръ нѣмецкое. Отецъ обыкновенно самъ назначаетъ своимъ преемникомъ кого-нибудь изъ сыновей, а за неимѣніемъ ихъ, одну изъ дочерей. Въ приволжскихъ колоніяхъ совсѣмъ не признаются права и преимущества старшаго или младшаго члена семьи. Отецъ же самъ назначаетъ приданое и части, которыя онъ желаетъ оставить въ наслѣдство каждому изъ своихъ дѣтей. Въ случаѣ, если послѣ смерти родителей остаются малолѣтнія дѣти, то все имущество ихъ отца продается, подъ наблюденіемъ опредѣляемаго общиннаго опекуна и вырученныя деньги дѣлятся между дѣтьми. Если остается вдова, способная къ работѣ женщина, то она можетъ или сама продолжать вести хозяйство, или выйти замужъ. Подобныя отношенія семейнаго устройства колонистовъ составляютъ объектъ обычнаго права, такъ какъ они хотя и не вошли въ формальное узаконеніе, но соблюдаются повсемѣстно.

Сельское населеніе колонистовъ тоже напоминаетъ собою нѣмецкій образецъ. Во главѣ общиннаго управленія колоніей стоитъ староста, который вмѣстѣ съ двумя выборными стариками, двумя засѣдателями и писаремъ составляетъ общинный судъ; каждыя 4—6 колоній образуютъ округъ, подъ управленіемъ окружного начальника и двухъ окружныхъ засѣдателей, избираемыхъ на три года.

Господствующимъ языкомъ у колонистовъ остался нѣмецкій, но всѣ они какъ мужчины, такъ и женщины говорятъ по-русски; въ многочисленныхъ школахъ, устроенныхъ на счетъ колонистскихъ общественныхъ суммъ, преподаются нѣмецкій и русскій языки; въ земскихъ школахъ, устроенныхъ въ самое послѣднее время, преподается только русскій языкъ, но и послѣднія охотно посѣщаются дѣтьми колонистовъ. Среди поволжскихъ колонистовъ совсѣмъ не замѣчается того отчужденія отъ сосѣдняго русскаго населенія, которое замѣчается, напр., среди менонитовъ Таврической губерніи, а потому и среди русскихъ крестьянъ-работниковъ, живущихъ по нѣсколько лѣтъ у колонистовъ, совсѣмъ нерѣдкость встрѣтить такихъ, которые свободно и хорошо говорятъ по-нѣмецки.

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ разсказъ о заселеніи приволжской степи иностранными поселенцами, но предварительно находимъ необходимымъ бросить ретроспективный взглядъ на всю исторію этого поселенія.

Главная основная цѣль, для которой были приглашены въ Россію колонисты Нижняго Поволжья—служить для этого края образцовыми сельскими хозяевами. Послѣ того, какъ мы разсказали жизнь колонистовъ въ поволжской степи, мы можемъ отвѣтить на вопросъ—достигнута ли была иностранными поселенцами ихъ главная задача, или нѣтъ? По нашему разумѣнію, она никогда не была достигнута и не достигнута въ настоящее время. Того, кто проѣзжаетъ въ настоящее время по самарскимъ и саратовскимъ колоніямъ, могутъ поразить очень хорошія каменныя церкви, прекрасные дома, роскошныя общественныя зданія, но кому

приходилось поближе познакомиться съ этими нѣмецкими колоніями, того не можетъ поразить малочисленность садовъ и лѣсныхъ плантацій, почти полное отсутствіе хорошихъ породъ рогатаго скота и овецъ, недостатокъ въ чисто-сельскохозяйственныхъ постройкахъ. Однимъ словомъ, у поволжскихъ колонистовъ чувствуется полное отсутствіе всего того, что должно характеризовать богатыя нѣмецкія земледѣльческія колоніи. Только одна хорошая принадлежность лучшихъ нѣмецкихъ хозяевъ бросается въ глаза — это хорошо устроенные фургоны, прочная упряжь, отличныя лошади, исправныя земледѣльческія орудія, хотя послѣднія по своей конструкціи ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя повсемѣстно встрѣчаются въ этихъ мѣстностяхъ. Присутствіе хорошихъ фургоновъ и лошадей объясняется тѣмъ, что подсобное занятіе многихъ небогатыхъ колонистовъ составляетъ извозничество. Но при всемъ томъ нельзя не признать, что у колонистовъ до сихъ поръ существуетъ только хищническая система хозяйства, разграбленіе богатства почвы, подобно тому, какъ у крестьянъ и другихъ землевладѣльцевъ той же мѣстности.

Совершенно неудовлетворительное состояніе земледѣльческаго хозяйства колонистовъ сводится къ тремъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, къ тому, что нигдѣ у колонистовъ не встрѣчается главнаго необходимаго условія раціональнаго хозяйства—самостоятельныхъ семейныхъ участковъ, во-вторыхъ, у колонистовъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ смѣшивается съ чисто промысловою, спекулятивною и торговою дѣятельностью, почти нигдѣ, по крайней мѣрѣ, по близости р. Волги, незамѣтно, чтобы колонисты отдавались вполнѣ или преимущественно своему хозяйству и, наконецъ, у колонистовъ уже изстари привилась система душевого надѣла, общиннаго владѣнія землей съ частыми передѣлами полей, а вслѣдствіе этого и система общей круговой поруки.

Перечисленныя три причины, какъ и вездѣ, вызывали среди приволжскихъ колонистовъ полный сельско хозяйственный застой и возродили различныя вредныя и заразительныя сельскохозяйственныя воззрѣнія, въ родѣ того, напр., что въ степяхъ всякая затрата капитала и труда на дѣло сельскаго хозяйства никогда не вознаграждается, или, что единственно вѣрное средство получить хорошій урожай заключается въ томъ, чтобы не имѣть постоянныхъ полей, а засѣвать лишь одни цѣлинныя, дѣвственныя, или по крайней мѣрѣ старыя, переложныя земли, и что постоянно воздѣлываемыя поля современемъ непремѣнно, чтобы ни дѣлали, перестаютъ давать удовлетворительные урожаи, въ доказательство чего всегда ссылаются на свои душевые надѣлы. Не ищите у поволжскихъ колонистовъ никакой установившейся системы раціональнаго полеводства, примѣненной къ особенностямъ данной мѣстности и климата — ее нѣтъ. Отъ колонистовъ Новороссіи вы не услышите жалобъ на прогрессивное, изъ-года-въ-годъ, пониженіе урожаевъ, а поволжскіе колонисты усиленно жалуются, что на ихъ поляхъ съ каждымъ годомъ хлѣбъ родится все хуже и хуже. У поволжскихъ колонистовъ вкоренилось убѣжденіе, рѣшительно ни на чемъ не основанное, что незачѣмъ улучшать черноземъ, такъ какъ съ нимъ ничего не подѣлаешь, а потому они и не могутъ чувствовать всю недостаточность своихъ агрономическихъ пріемовъ. Мало того, колонисты относятся, какъ кажется, даже презрительно къ попыткамъ введенія раціональнаго хозяйства, такъ какъ у нихъ передъ глазами тысячи примѣровъ, что промысловая или торговая дѣятельность лучше вознаграждаетъ всѣ труды и затраты капитала, нежели сельское хозяйство. Богатые колонисты большею частію ведутъ хлѣбную торговлю; если же они вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются и хлѣбопашествомъ, на нанимаемыхъ для того на короткій срокъ свободныхъ земляхъ, то въ способѣ веденія дѣла придерживаются всѣмъ извѣстныхъ купеческихъ пріемовъ хозяйствованія, — стремленія засѣять возможно большее пространство земли, при возможно меньшей затратѣ рабочей силы, т.-е. стремятся какъ можно больше выжать дохода изъ арендованной земли. При урожаѣ такой хозяинъ кладетъ себѣ въ карманъ громадные барыши, а при неурожаѣ онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что сельско-хозяйственная дѣятельность — лотерея, и какъ всякая лотерея — не безъ

проигрыша; безъ риска обойтись нельзя, а послѣ неурожая мелко, чуть что не поверхностно обработанныя поля обращаются подъ пастбище гуртовщиковъ.

Изъ всего, что мы сказали, нельзя не вывести того заключенія, что современное земледѣльческое хозяйство колонистовъ, по своимъ основнымъ принципамъ, нисколько не отличается отъ общепринятаго въ тѣхъ мѣстахъ способа веденія хозяйства, ни для кого образцомъ служить не можетъ, хотя всѣ средства для организаціи раціональнаго хозяйства у колонистовъ на-лицо: общее благосостояніе у нихъ развито и они издавна пользовались большими привилегіями.

При всемъ томъ надо не забывать, что приволжскіе колонисты хозяйничаютъ почти исключительно на суглинистомъ или супесчаномъ черноземѣ, который значительно быстрѣе истощается хищническою системою хозяйства, нежели глинистый черноземъ Новороссіи, почему и долженъ требовать болѣе тщательной культуры. Страшные неурожаи, которые посѣщали этотъ край, помимо климатическихъ вліяній, главнымъ образомъ зависѣлъ отъ обычной плохой, небрежной и несвоевременной обработки полей. Переселенцы изъ Остзейскаго края, гдѣ земледѣльческое хозяйство стоитъ на высокой степени совершенства, поселившіеся въ Поволжьи лѣтъ двадцать тому назадъ, поражаются небрежнымъ отношеніемъ колонистовъ къ своей землѣ.

Главнѣйшая причина, почему приволжскіе колонисты отстали въ хозяйствѣ, заключается въ томъ, что у нихъ изстари водворилась система душевыхъ надѣловъ. Почему же, является теперь вопросъ, колонистамъ не былъ воспрещенъ подобный способъ владѣнія землею, когда онъ прямо противорѣчилъ аграрнымъ законамъ 1764 г., отчего имъ, согласно указанію закона, не былъ данъ надѣлъ подворными участками? Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: саратовская контора нѣмецкихъ колоній оставила колонистовъ безъ надлежащаго опекунства, она не заботилась о введеніи лучшей системы полеводства, не умѣла внушить колонистамъ любви къ дѣлу улучшенія хозяйства, не побуждала богатыхъ и вліятельныхъ колонистовъ обращать свою дѣятельность преимущественно на сельское хозяйство, т.-е. вообще упустила изъ виду ту цѣль, для которой колонисты были приглашены въ Россію и надѣлены привилегіями. Въ этомъ отношеніи между дѣятельностью конторы и дѣятельностью попечительнаго комитета надъ переселенцами новороссійскаго края было мало общаго и результаты получились совершенно различные: обѣднѣніе въ массѣ приволжскихъ колонистовъ, плохое состояніе хозяйства и созданіе великолѣпныхъ хозяйствъ колонистовъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ, доходы съ которыхъ постоянно удовлетворяютъ всѣ нужды послѣднихъ колонистовъ.

Но говоря о земледѣльческой дѣятельности приволжскихъ колонистовъ было бы не справедливо остановиться только на ней одной и ничего не сказать о промышленной и торговой дѣятельности послѣднихъ. Волга развила у колонистовъ, какъ и у большинства остальныхъ приволжскихъ жителей, до болѣзненности страсть къ спекуляціямъ и торговымъ оборотамъ. Богатый колонистъ обращаетъ свои капиталы преимущественно на торговлю, на устройство заводовъ, но никогда не на улучшеніе своего земельнаго хозяйства. Видя передъ собою заразительные примѣры того, какъ многіе быстро богатѣютъ отъ промысловъ и торговли, колонисты естественно заразились страстью къ этого рода дѣятельности, чему, кромѣ выгоднаго положенія колоній вблизи Волги, немало способствовали и значительныя привиллегіи, которыми они были прежде надѣлены и даже прямое поощреніе со стороны саратовской конторы; послѣдняя всего ближе принимала къ сердцу именно успѣхи колонистовъ на поприщѣ заводской и торговой дѣятельности, а никакъ не на сельско-хозяйственной. Многіе изъ колонистовъ до тонкости изучили хлѣбную торговлю, особенно мелкую, и являются опытными скупщиками, купеческими агентами и амбарщиками. Мелкіе торговцы-колонисты не упускаютъ случая пользоваться нуждою своихъ сосѣдей по хозяйству. Наконецъ, многіе изъ колонистовъ промышляютъ ростовщичествомъ и берутъ громадные проценты за краткосрочныя ссуды; развитію послѣдняго особенно способствуетъ спекулятивное направленіе всего населенія края. Пра-

вильнаго земледѣльческаго, краткосрочнаго кредита не существуетъ, потому что крупные негоціанты и капиталисты неохотно даютъ сельскимъ хозяевамъ деньги въ кредитъ до б дущаго урожая, изъ боязни, что ссуды могутъ быть употреблены на рискованныя коммерческія спекуляціи, вслѣдствіе чего и открывается обширное поприще для ростовщической дѣятельности.

Но время шло, выгодныя условія промышленной дѣятельности измѣнились, многія отрасли послѣдней были убиты громадной фабричной и заводской дѣятельностью подмосковнаго промышленнаго раіона, наступили періоды неурожайныхъ лѣтъ, торговать стало нечѣмъ и тамъ, гдѣ мы должны бы видѣть громадную, цвѣтущую площадь сельскаго колонистскаго населенія, въ настоящее время мы наблюдаемъ съ одной стороны громадные капиталы, скопленные въ рукахъ болѣе осмотрительныхъ, менѣе рисковавшихъ спекуляціями отдѣльныхъ лицъ и громадную массу обѣднѣвшаго земледѣльческаго населенія иностранныхъ колонистовъ, которыхъ при томъ еще и въ настоящее время надо учить какъ должно выгодно вести свое степное хозяйство и чуть снова не снабжать для этой цѣли многоразличными льготами. Многолѣтняя спекулятивная, торговая и промышленная дѣятельность колонистовъ, какъ мы видимъ, очень мало способствовала благосостоянію иностраннаго населенія поволжскаго края, деньги, быстро наживаемыя, также быстро и проживались, прочнаго же и хорошо устроеннаго сельскаго хозяйства у колонистовъ нѣтъ, а только при помощи послѣдняго они и могли вліять на экономическое благосостояніе и отечественнаго приволжскаго населенія, такъ что вліяніе колонистовъ на русское населеніе Поволжья сводится къ нулю.

Но тѣмъ не менѣе однако, исторія населенія поволжскихъ степей иностранными колонистами, правда отрицательными своими сторонами, но все-таки даетъ весьма цѣнныя указанія для будущаго аграрнаго устройства преобладающаго у насъ сельскаго населенія. Рано или поздно у многочисленнаго разряда нашихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, выкупающихъ въ настоящее время свои надѣлы, послѣ ихъ выкупа, общинное владѣніе неминуемо должно превратиться въ участково-подворное. Но одного наслѣдственнаго подворнаго участковаго владѣнія землей еще далеко недостаточно, чтобы наши будущіе поселяне—полные собственники—не пришли къ тѣмъ результатамъ, которые мы только-что видѣли въ разсказѣ о колонистахъ Поволжья. Какъ общинное, такъ и подворное землевладѣніе само-собою нисколько не спасаетъ населеніе отъ обѣднѣнія, но и при той и другой формѣ владѣнія землей важно и крайне необходимо создать благосостояніе послѣдняго, а какъ достигнуть его, на это указываютъ между прочимъ наши аграрные законы 1764 года и колонизація Новороссійскаго края. Правда, первые руководители новороссійской колонизаціи иногда сильно стѣсняли и заставляли работать, повидимому безцѣльно, отдѣльныхъ личностей, свободныхъ землевладѣльцевъ, но они знали къ чему идутъ и достигли своей цѣли созданіемъ въ степяхъ Екатеринославской и Таврической губерній прочно обезпеченнаго сельскаго населенія богатыхъ землевладѣльцевъ. Для того чтобы улучшить современное экономическое состояніе нашего сельскаго населенія, отечественная исторія даетъ богатыя указанія, и если бы мы захотѣли послѣдовать имъ, провести ихъ въ жизнь, то для исполненія этой задачи у насъ всегда найдутся и знанія и люди.

В. Борисовъ.

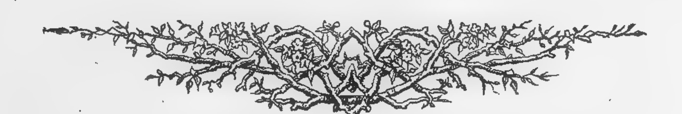

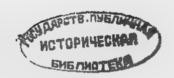

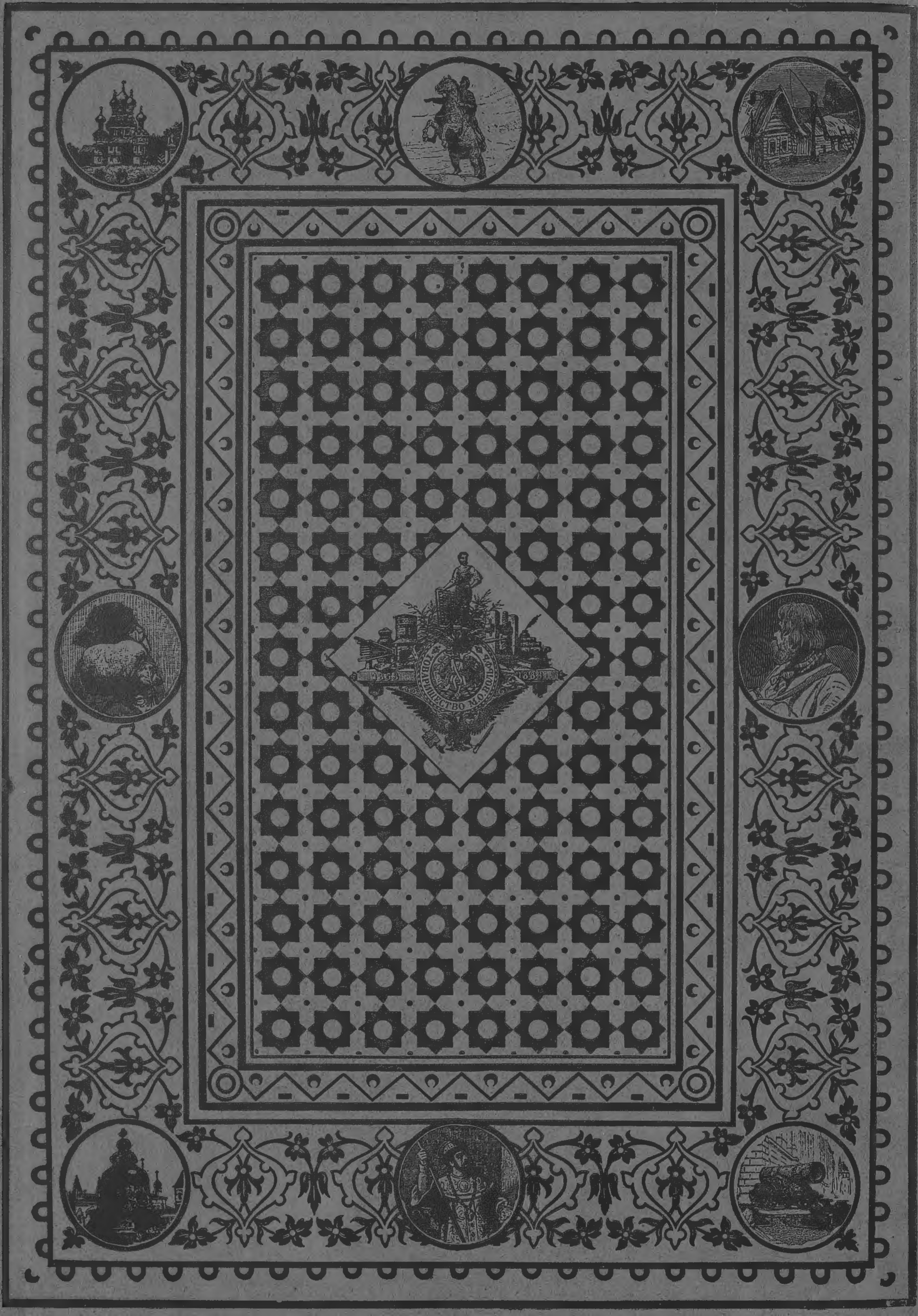
ТОМЪ VIII-й.

ЧАСТЬ I.

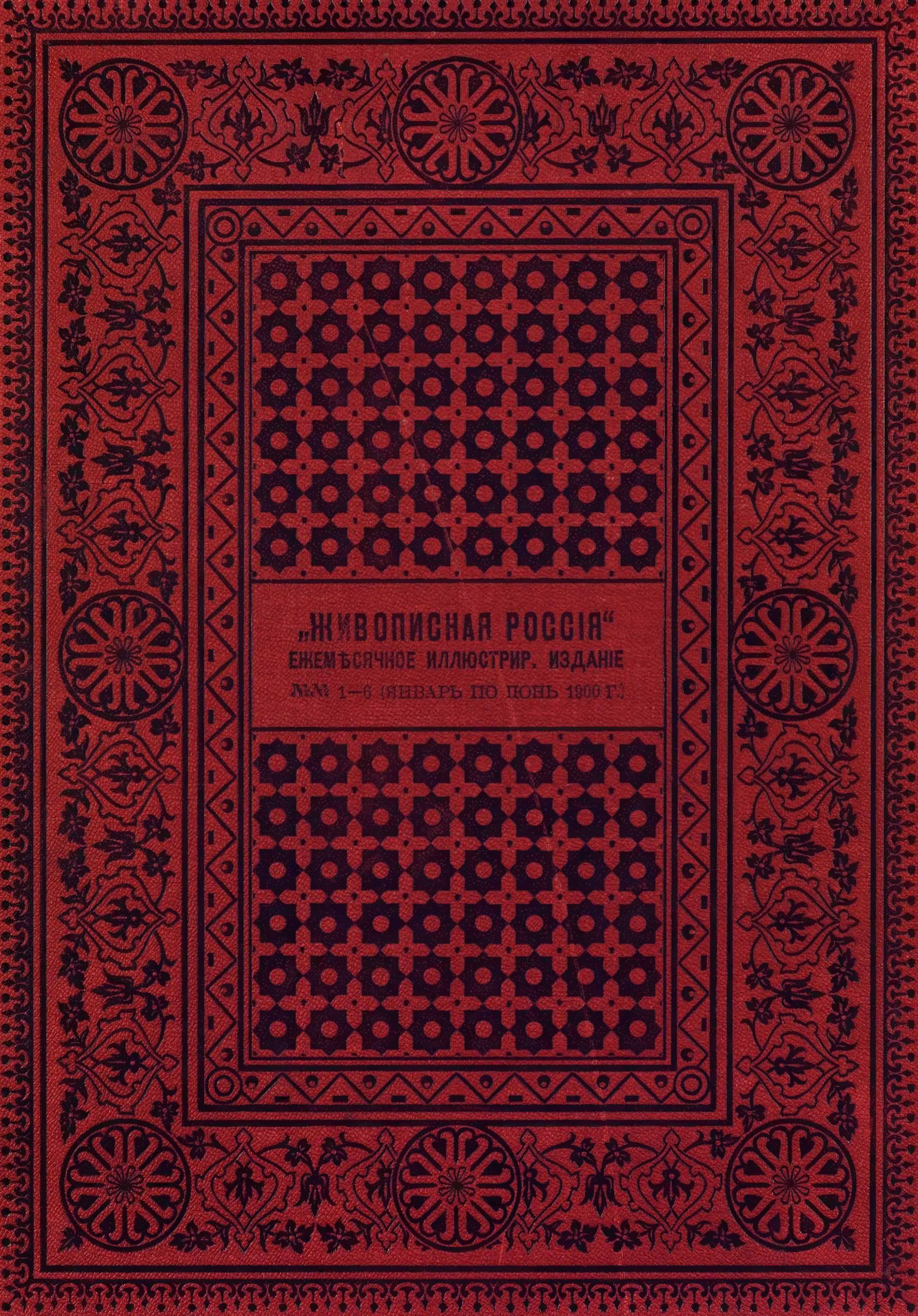
СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФЪ
1853
1883

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРИР. ИЗДАНІЕ
№№ 1—6 (ЯНВАРЬ ПО ІЮНЬ 1900 Г.)